

М. КЛОЧКОВЪ.

НАСЕЛЕНІЕ РОССІИ

при

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

ПО ПЕРЕПИСЯМЪ ТОГО ВРЕМЕНИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРЕПИСИ ДВОРОВЪ и НАСЕЛЕНІЯ

(1678—1721).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

30 Марта 1911 года. Деканъ *Э. Гриммъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

История населенія Россіи является однимъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ нашей древности. Этому вопросу посвященъ цѣлый рядъ превосходныхъ изслѣдованій, въ которыхъ были прослѣжены зарожденіе и судьба отдѣльныхъ группъ населенія и представлена общая исторія всей массы его. Особенно посчастливилось крестьянамъ, исторія которыхъ обслѣдована тщательно и разносторонне преимущественно за XV—XVII вѣка. Изучено обстоятельно положеніе крестьянъ и за вторую половину XVIII вѣка и начало XIX. Лишь Петровское время представляетъ собой какъ бы исключеніе. Несмотря на то, что въ это время происходятъ значительныя измѣненія въ положеніи отдѣльныхъ группъ населенія, а для крестьянъ какъ бы завершается вѣковой процессъ сліянія ихъ съ холопами, эпоха Петра Великаго съ этой стороны еще не была предметомъ спеціальнаго изученія.

Правда, такіе видные изслѣдователи, какъ П. Н. Милюковъ и М. М. Богословскій, касались въ своихъ работахъ и населенія при Петрѣ Великомъ, но этотъ вопросъ въ ихъ трудахъ былъ побочнымъ, а потому и не былъ ими разобранъ съ надлежащей обстоятельностью и полнотой.

Въ виду указаннаго состоянія исторической литературы я, приступая къ своей работѣ, предполагалъ изучить первую ревизію и прослѣдить ея вліяніе на судьбу тяглаго населенія. Но ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ убѣдило меня, что раньше ревизіи должны быть изучены переписи дворовъ и населенія за конецъ XVII и начало XVIII вѣковъ, которыя существеннымъ образомъ опредѣлили ре-

форму податного обложенія, произведенную Петромъ I, самый ходъ подушной переписи и тѣ послѣдствія, которыя она имѣла. Этой первой задачѣ, т. е. изученію переписей до ревизіи и характеристикѣ населенія по нимъ, и посвященъ настоящій первый томъ.

Матеріаломъ для него послужили документы и бумаги какъ печатные, такъ главнымъ образомъ архивные, взятые изъ архивовъ; государственнаго, министерства юстиціи (московскаго), сенатскаго, министерствъ двора и морского [1]). Я совсѣмъ не могу сказать, что мной исчерпанъ матеріалъ до конца, я даже не использовалъ всего того матеріала, который мной собранъ, изъ боязни перегрузить книгу чисто фактическимъ и цыфровымъ матеріаломъ.

Долженъ оговориться также, что при изложеніи предмета я не пытался приводить мнѣнія другихъ изслѣдователей и не входилъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, въ полемику при разногласіяхъ, полагая, что приведенный въ книгѣ матеріалъ будетъ говорить самъ за себя и дастъ возможность читателю, знающему историческую литературу, опредѣлить, въ чемъ я расхожусь съ предшествующими изслѣдователями и насколько правъ въ своихъ выводахъ.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность Историко-филологическому Факультету И. С.-Петербургскаго Университета, оказывавшему мнѣ неизмѣнное содѣйствіе при работѣ и принявшему мое изслѣдованіе къ печатанію въ своихъ „Запискахъ". Также приношу сердечную признательность за помощь и совѣты при работѣ М. А. Дьяконову, А. С. Лаппо-Данилевскому и С. Ѳ. Платонову.

М. К.

29 марта 1911 г.
Спб.

---

[1]) Принятыя сокращенія при ссылкахъ: Г. А. Каб. П. = Государственный Архивъ, дѣла Кабинета Петра В.; А. М. Ю. = Архивъ Министерства Юстиціи (Московскій), дѣла сената; А. М. Двора, Москов. Отд. = Архивъ Министерства Двора, Московское Отдѣленіе; Сен. Арх. = Сенатскій Архивъ; А. Мор. М. = Архивъ Морского Министерства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очеркъ переписей отъ 1678 года до 1710.

Послѣдней переписью XVII вѣка, имѣвшей общее значеніе для податного обложенія, была перепись дворовъ 1678 года [1]). Для производства этой переписи, согласно установившейся практикѣ, были командированы особыя лица; имъ въ руководство были даны наказы, опять таки выработанные предшествующей практикой.

Перепищики должны были вносить въ свои книги дворы крестьянскіе и бобыльскіе, а также дворы людей задворныхъ и дѣловыхъ, сидѣвшихъ на пашнѣ. Основнымъ правиломъ для внесенія въ перепись, очевидно, было принято слѣдующее: кто имѣетъ свой особый дворъ и свое хозяйство, въ какомъ бы объемѣ оно ни было, долженъ вноситься въ переписныя книги, при чемъ не обращалось вниманія на то, былъ ли то человѣкъ свободнаго происхожденія или холопскаго.

Эта перепись продолжалась сравнительно недолго. Начавшись въ 1676 году, она заканчивалась къ концу 1678. По сообщенію (отъ 2-го ноября) корреспондента кн. Хованскаго, въ виду того, что „переписчики съ городовъ и изъ уѣздовъ къ Москвѣ не бывали“, а число дворовъ нужно было для разверстки сбора конныхъ даточныхъ, „посылаютъ

---

[1]) Объ этой переписи см. у П. И. Кеппена, О народныхъ переписяхъ въ Россіи, СПБ., 1889, стр. 7 и сл.; А. С. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямого обложенія, СПБ., 1890, 183 и сл.; П. Н. Милюкова, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра В., 2-ое изд., СПБ., 1905, стр. 61—63, и въ книгѣ Ю. Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ, М., 1906 г., 29, 82, 105 и др.

по нихъ", переписщикахъ [1]), а затѣмъ вскорѣ издается и указъ, чтобы даточныхъ собирать съ 25 дворовъ по человѣку „съ нынѣшнихъ переписныхъ книгъ" [2]).

Начиная съ 1679 г. и до самой первой „ревизіи", книги переписныя 1678 г. служили главнымъ основаніемъ для податного обложенія: по нимъ сбирались ратники, мастеровые люди и работники, провіантъ и подводы, по нимъ взимались денежные сборы и т. д. Число дворовъ переписи 1678 г. фигурировало почти во всѣхъ правительственныхъ актахъ, гдѣ нужно было указать количество дворовъ или населенія; тѣ же цифры принимались въ расчетъ при административныхъ дѣленіяхъ; при послѣдующихъ переписяхъ итоги переписи 1678 г. были отправной точкой, итоги ея были мѣриломъ для остальныхъ, такъ какъ обычно цифры послѣдующихъ переписей сравнивались съ итогами книгъ 186 г.

Послѣ переписи 1678 года свыше 30 лѣтъ не предпринималось общей переписи дворовъ тяглаго населенія, хотя, согласно установившейся практикѣ, переписное дѣло въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время продолжалось. До насъ дошли рядъ указовъ и значительное количество переписныхъ книгъ, относящихся къ промежуточному періоду отъ 1679 до 1710 года, новой общей переписи [3]).

---

[1]) Частная переписка кн. П. И. Хованскаго, М., 1906 г., стр. 107.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

[3]) Въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю." въ книгахъ I, II и V помѣщена „Опись книгамъ писцовымъ, переписнымъ, дозорнымъ, перечневымъ, платежнымъ и межевымъ", имѣющимся въ томъ архивѣ, всего 3505 номеровъ (въ I книгѣ съ 1 номера до 2975, во II-ой съ 2976 по 3481, въ V-ой съ 3481 по 3505); въ ней кратко сообщается, въ какомъ городѣ, въ какихъ волостяхъ и станахъ и когда происходила перепись, письмо, межеваніе или дозоръ и кто ихъ производилъ. Въ этой „Описи" указаны слѣдующія переписныя книги, относящіяся къ періоду между переписями 186 года и 1710 (привожу переписныя книги въ хронологическомъ порядкѣ):

1680 г. (Тула)—№ 2688 (номерація „Описанія"); 1681 г. (Смоленскъ)—№ 2500; 1682 г. по Ярославлю—№ 2957; 1683 г. по Елатому—№ 728; 1684 г. по Ефремову—№ 790; 1689 г. по Новгороду—№ 1853; 1691—1693 г. и 1694 дозорныя книги пустыхъ дворовъ по Устюгу Великому—№ 3417 и 3418; 1700 г. по Пошехонью—№ 2053; 1704 г. по Москвѣ—№ 1606—1611; 1705 г. по Боровску—№ 84; Владиміру—№ 244; Дмитрову—№ 674; по Клину—№ 973; Коломнѣ—№ 1067; Можайску—№ 1283; Орлову (на р. Вяткѣ)—№ 3232; Переяславлю-Залѣсскому—№ 2036; Серпухову—№ 2488; 1706 г. по Орлову (на р. Вяткѣ)—№ 3233; Слободскому (пригороду Вятки)—№ 3342; Хлынову—№ 3424 и 3425; Шестакову—№ 3438 и 3439;

Въ это время перепись происходила чаще всего по отдѣльнымъ городамъ и мѣстностямъ, захватывая собой то одинъ какой-нибудь разрядъ населенія, то два или нѣсколько, приближаясь такимъ путемъ къ общей переписи всего податного населенія данной мѣстности, волости, города съ уѣздомъ и даже цѣлой области. Такъ въ 1680 г. (28 января) была закончена стольникомъ и воеводой кн. М. Т. Звенигородскимъ перепись дворовъ тульскихъ засѣчныхъ сторожей [1]. Въ 1682 г. стольникомъ и воеводой В. Ф. Резановымъ переписаны села, деревни, дворы и люди въ дворцовой Самеровской волости Ярославскаго уѣзда [2]. Въ 1683 г. переписаны помѣстные дворы касимовскихъ царевичей Ивана и Семена Васильевичей въ с. Бѣляковѣ съ деревнями Елатомскаго уѣзда (переписывалъ Изотъ Мерлинъ) [3]. Въ 1700 г. происходила перепись, произведенная кн. Дмитріемъ Ураковымъ, ясашныхъ людей въ Казанскомъ уѣздѣ по Ногайской дорогѣ; въ составленныхъ переписныхъ книгахъ отмѣчались „пришлые" и указывалось количество ясака, падавшаго на населеніе [4]. Въ 1705 году „ясашный перепищикъ" Василій Кузьминъ „описалъ мордву" въ Пензенскомъ уѣздѣ [5].

Иногда перепись захватывала собой два или нѣсколько разрядовъ населенія. Такъ въ 1684 г. были переписаны воеводой Г. И. Шишкинымъ дворы посадскихъ людей г. Ефремова и дворы ефремовскихъ дѣтей боярскихъ полковыхъ

1707 г. по Пошехонью—№ 2054; Сѣвску—№ 3382 и 3383; Торопцу—№ 2656—2658; Холму—№ 2777 и 2778; 1709 г. по Кашину—№ 909; Москвѣ—№ 1613, 1614, 1616, 1618; по Сѣвску—№ 3384 и 3385.

Сверхъ того во II-ой книгѣ „Описанія" напечатана „Опись дозорнымъ, переписнымъ... книгамъ, составленнымъ по указамъ патріаршимъ 1620—1703 годовъ", въ которой указаны переписныя (или „описныя") книги дворовъ подъ № 4, 7—11, 44, 46, 71, 76, 87, 91, 92, 119, 124, 165, 186, 196.

[1]) Описаніе Москов. Арх. М. Ю., I, № 2688.

[2]) Тамъ же, I, № 2957. Въ 1708 году были переписаны дворы крестьянъ дворцовыхъ же въ Тамбовскомъ уѣздѣ (Докл. и приг., III, кн. II, 1125).

[3]) Тамъ же, I, № 728.

[4]) Доклады и пригов. сената, V, кн. I, 380; въ другомъ мѣстѣ (II, кн. II, 155) сообщается: „Казанской губерніи въ 20-ти городахъ по переписнымъ книгамъ 704 года ясашныхъ русскихъ и иноязычниковъ 5.509 дв. полъ-2 чети".

[5]) Докл. и приг., V, кн. II, 872.

службъ, копейщиковы, рейтарскіе и солдатскіе въ станахъ: Городскомъ и Кадномъ [1]). Въ 1689 г. были занесены въ переписную книгу по Новгороду Шелонской пятины Зарусской половины новопоселенные дворцовые крестьяне и зарубежные выходцы, жившіе въ погостахъ: Михайловскомъ, Вышегородскомъ, Корочуницкомъ, Смолинскомъ, Бѣльскомъ, Ясенскомъ, Жедрицкомъ, Пожеревецкомъ и Дегажскомъ; переписывали ихъ Клементій Диринъ и Иванъ Татищевъ [2]). Въ 1700 г. были переписаны комендантомъ И. А. Веригинымъ въ Пошехоньи посадскіе дворы города, села, деревни и дворы въ 9 дворцовыхъ волостяхъ и въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, расположенныхъ въ 2 станахъ и 20 волостяхъ [3]). Въ 1700-мъ же году была переписана Починковская волость, а въ ней дворы духовенства, крестьянъ и бобылей [4]).

Въ 1703 г. были посланы изъ разряда два стольника Михаилъ Пушкинъ и Максимъ Кологривовъ въ казачьи городки, лежащіе на Дону и по мелкимъ рѣчкамъ до Паншина для разбора и переписи „казаковъ-старожильцевъ“ и „новоприхожихъ людей“, которые въ тѣхъ мѣстахъ по наѣзду явятся [5]).

Въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстностяхъ перепись еще шире захватываетъ населеніе, приближаясь къ переписи всего тяглаго населенія. Такова, напр., перепись Астрахани.

---

[1]) Описаніе, I, № 790.

[2]) Тамъ же, I, № 1853.

[3]) Названія волостей и становъ указаны въ Описаніи А. М. Ю., I, № 2053.

[4]) Переписная книга Починковской волости хранится въ *Архивѣ* Морского Министерства *(дѣла приказа воин. мор. флота*, № 9, на 279 *л.*); начало ея таково: „Лѣта 1700 г. окт. въ 28 д. по именному В. Г... указу и по наказу изъ приказу большой казны думный дворянинъ Иванъ Остафьевичъ Власовъ велѣлъ переписать Починковскую волость, которая вѣдома въ приказѣ большой казны, а въ ней села и деревни и въ селѣхъ церкви Божіи и поповскіе и причетниковъ церковныхъ и крестьянскіе и бобыльскіе дворы и во дворѣхъ людей и ихъ дѣтей и братей и свойственниковъ и захребетниковъ по именомъ съ отцы и съ прозвищи, и которыя села и деревни которыхъ городовъ въ уѣздѣхъ и на какихъ рѣкахъ, и что по переписи въ той волости селъ и деревень и въ нихъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и во дворѣхъ людей по именомъ явилось, и то писано въ сихъ переписныхъ книгахъ имянно“ (л. 1).

Какія деревни и села вошли въ перепись, см. Описаніе дѣлъ Архива Мор. М., т. I, СПБ., 1877 г., 134.

[5]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 24, *л.* 1104 *и сл.*

По наказу 30 мая 1700 г. астраханскому воеводѣ Мусину-Пушкину было велѣно: „съ товарищи велѣть переписать на закладномъ дворѣ закладныхъ мурзъ и татаръ и ихъ женъ и дѣтей, и на гилянскомъ и на сухарскомъ дворѣхъ тезиковъ, которые служатъ Великому Государю, и живутъ въ Астрахани, поименно съ прозвищи, и которыя кто области, и которыхъ городовъ, и сколько давно въ Астрахани живутъ, и въ свою землю ѣздятъ ли или живутъ въ Астрахани безъ съѣзду, и какими товары торгуютъ, и что съ нихъ идетъ В. Государя въ казну какихъ доходовъ, и сколько нынѣ въ юртахъ юртовскихъ татаръ и едисановъ и чѣмъ промышляютъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же съ товарищами было поручено переписать, „сколько въ Астрахани въ городѣхъ, въ каменномъ и въ деревянномъ, и за городомъ на посадѣхъ посадскихъ дворовъ и во дворѣхъ людей и ихъ дѣтей и племянниковъ и братьи и захребетниковъ и подсосѣдниковъ и всякихъ людей, на дворѣхъ дворниковъ, и какія они Государю службу служатъ ли, и о томъ къ В. Государю писать и книги переписныя прислать“. Должны были быть переписаны „въ городѣхъ и за городомъ и въ слободѣхъ и на загородныхъ дворѣхъ и на огородахъ“ „патріаршіе и митрополичьи всякіе люди и во дворѣхъ ихъ дѣти и братья и племянники и захребетники и подсосѣдники“ [1]).

Въ 1706 г. въ Слободскомъ, пригородѣ Вятки, переписаны въ городѣ посадскіе дворы и люди въ нихъ и въ 5 станахъ тяглые и оброчные деревни и дворы; перепись была произведена бурмистрами Иваномъ Олинымъ, Степаномъ Дмитріевымъ съ товарищи [2]).

---

[1]) П. С. З., IV, № 1792, п. 4 и 5. Ср. указъ кн. Черкасскому 1-го сент. 1697 г., которымъ велѣно ему имѣть списки всѣхъ жителей г. Тобольска (II, № 1594). Въ наказѣ 31 марта 1697 же года кн. Львову, отправленному въ Казань воеводой, въ пунктѣ 24 говорится: „закладчикамъ всѣмъ, кому велятъ быть въ посадскихъ людѣхъ или въ службахъ“, „именную роспись“ прислать къ В. Государю; „да изъ старыхъ казанскихъ и казанскихъ пригородовъ посадскихъ людей и бобылей и захребетниковъ, которые живутъ на посадѣхъ и въ слободѣхъ, и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ, которые доведутся написать въ тягло, велѣть переписать по именомъ съ отцы и съ прозвища порознь“ (№ 1579).

[2]) Описаніе А. М. Ю., II, № 3342.

На ряду съ переписями отдѣльнаго города, города съ частью уѣзда, съ нѣсколькими станами и волостями, а также и цѣлаго уѣзда, предпринимались переписи, захватывавшія уже громадный районъ, въ родѣ, напр., Сибири или большого уѣзда, Московскаго.

Такъ по указу 5 декабря 1697 г. изъ Москвы посылается дворянинъ Иванъ Кочановъ въ Тобольскъ и другіе сибирскіе города „для переписи и межеванія земель и дворовъ и въ нихъ людей и всякихъ угодій“, на посадахъ и въ уѣздахъ, въ слободахъ и волостяхъ Великаго Государя, въ селахъ и деревняхъ митрополичьихъ, монастырскихъ и церковныхъ, а также въ селахъ и деревняхъ, и въ починкахъ „дѣтей боярскихъ, и всякихъ чиновъ служилыхъ людей, и драгунъ, и ямскихъ охотниковъ и пашенныхъ крестьянъ“ [1]).

По указу 17 августа 1704 г. велѣно было „въ Московскомъ уѣздѣ во всѣхъ станѣхъ и волостѣхъ“, „опричь дворцовыхъ волостей“, „переписать поповы и дьяконовы и церковныхъ причетниковъ и монастырскіе и служни и служебниковы и помѣщиковы и вотчинниковы и прикащиковы и дворовыхъ и задворныхъ и дѣловыхъ людей, и кабальные и крестьянскіе и бобыльскіе дворы, и въ нихъ людей по именомъ, съ лѣты, съ отцы и съ прозвищи“. Для производства переписи посылались изъ помѣстнаго приказа дьяки Татариновъ, Жуковъ, Мануковъ и Румянцевъ [2]).

Перепись отдѣльныхъ городовъ и уѣздовъ не могла устранить необходимости общей переписи населенія всего государства. Въ періодъ отъ 1678 до 1710 г. происходятъ переписи и такого рода, что онѣ распространяются на всю Россію, съ тѣмъ только существеннымъ отличіемъ отъ общихъ переписей, что онѣ затрагиваютъ одинъ какой-нибудь общественный слой или два, при томъ незначительные. Къ числу подобныхъ переписей относятся переписи посадскаго населенія, неоднократно предпринимаемыя, начиная съ 1693 года.

---

[1]) П. С. З., III, № 1605.
[2]) П. С. З., III, № 1990.

По указу 24 іюня 1693 г. велѣно было во всѣхъ Московскихъ слободахъ, а въ городахъ на посадахъ „тутошнымъ и пришлымъ людямъ“ „учинить переписныя именныя книги“, съ показаніемъ (относительно лицъ, пришедшихъ въ слободы и посады за время съ 1684 по 1693 г.), „чей кто и откуда пришелъ и почему, и кто у кого живетъ, и въ тягло записались-ли, или живутъ по наемнымъ жилымъ записямъ въ работѣ въ наймахъ, а не въ тяглѣ“. „Да и впредь, сообщается въ указѣ, съ сего Великихъ Государей указу, съ нынѣшняго 201 года по вся годы на Москвѣ всѣхъ слободъ и въ городахъ на посадахъ посадскимъ людемъ переписныя книги по именомъ по тому-жъ дѣлать и въ приказы, гдѣ вѣдомы, подавать и крѣпить дьячими руками, опричь пришлыхъ людей, которые живутъ по жилымъ записямъ въ наймахъ въ работѣ“. Перепись поручалось производить старостамъ и сотскимъ тѣхъ слободъ и посадовъ [1]).

По этому указу предписывалось производить регистрацію посадскихъ людей какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ, значитъ посадскихъ людей всего государства, переписывать „по вся годы“, ежегодно.

Надо полагать, на основаніи именно этого общаго указа, позднѣе въ „наказахъ“ и „памятяхъ“ должностнымъ лицамъ всякій разъ предписывалось производить переписи посадскаго населенія. Такъ въ наказѣ отъ 31 марта 1697 г. казанскому воеводѣ кн. Львову читаемъ: „Изъ старыхъ казанскихъ и казанскихъ пригородовъ посадскихъ людей и бобылей и захребетниковъ, которые живутъ на посадѣхъ и въ слободахъ, и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ, которые доведутся, написать въ тягло, велѣть переписать по именомъ съ отцы и съ прозвища порознь, сколько ихъ нынѣ всѣхъ въ Казани и въ казанскихъ пригородѣхъ, и какія государевы службы они служатъ и издѣлья дѣлаютъ, сколько кто Великаго Государя податей всякихъ платитъ и тягла тянетъ“. Также должна быть составлена особая „именная роспись“ „закладчикамъ всѣмъ“, съ показаніемъ, „кому велятъ быть въ посадскихъ

---

[1]) П. С. З., III, № 1471.

людѣхъ или въ службахъ въ какихъ чинѣхъ"; и должны быть сдѣланы въ „именныхъ книгахъ" отмѣтки, „сколько (изъ посадскихъ людей) вышло въ гостинную и въ иныя сотни, съ котораго году и какими указы" [1]).

Въ наказѣ брянскимъ бурмистрамъ, данномъ изъ московской бурмистерской палаты отъ 30 сент. 1700 г., дается подобное же предписаніе: „Что въ Брянску есть какихъ чиновъ торговыхъ людей порознь по чинамъ и по именамъ въ слободахъ и которые живутъ за слободами, и какими промыслы промышляютъ, и какія подати въ земской избѣ платятъ, прислать росписи за руками, также кто и бѣломѣсцы какими торги торгуютъ и какіе за кѣмъ торговые промыслы есть, и напредь сего за кѣмъ тѣ промыслы бывали, и нѣтъ ли отъ нихъ, бѣломѣсцовъ, торговымъ людемъ въ торгахъ какихъ обидъ и утѣсненія, прислать росписи тому за руками имъ, земскимъ бурмистрамъ, за своими и посадскихъ лучшихъ людей" [2]). Въ выраженіяхъ, очень близкихъ къ вышеприведенному, говорится о переписи торговыхъ людей въ „Памяти курскимъ земскимъ бурмистрамъ", данной изъ ратуши отъ 1 января 1703 года [3]).

Къ тому же посадскому населенію относится указъ отъ 20 октября 1705 г.: „Въ Москвѣ и въ городахъ и въ слободахъ и селахъ, вѣдомыхъ въ ратушѣ" у старостъ, сотскихъ и бурмистровъ взять „переписныя книги" купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей, съ показаніемъ ихъ лѣтъ, дѣтей и родственниковъ, ихъ занятій, имущественнаго положенія и съ отмѣтками о тѣхъ службахъ и поборахъ, которые они отправляютъ въ казну; въ указѣ опредѣленъ былъ и срокъ подачи переписныхъ книгъ въ ратушу, а именно, изъ Москвы и московскихъ селъ и слободъ—къ 20 сентября, изъ другихъ

---

[1]) Изъ воеводскаго наказа кн. Львову — П. С. З., III, № 1579, ст. 24. По наказу отъ 21 февраля 1701 г. воеводѣ владимірскому Михаилу Свѣчину велѣно было составлять роспись жителямъ, „со всякимъ подлиннымъ очищеніемъ" „противъ прошлыхъ лѣтъ" и „присылать (ее) въ разрядъ погодно, сентября въ первыхъ числахъ, неоплошно" (№ 1836, ст. 12).

[2]) П. С. З., IV, № 1813.

[3]) П. С. З., IV, № 1922.

городовъ и слободъ—къ 1 октября, а изъ дальныхъ городовъ—къ 1 ноября слѣдующаго 1706 года [1]).

Подобной же переписью, распространявшейся на все государство, была перепись людей приказнаго чина, монастырскихъ слугъ и служебниковъ, а также лицъ духовнаго вѣдомства, происходившая въ 1705, 1706 и 1707 годахъ.

Для того, чтобы набрать средства на содержаніе новыхъ драгунскихъ полковъ, въ 1705 г. по государеву указу, велѣно было полковнику кн. Григорью Волконскому „всего Московскаго государства въ городахъ, приказныхъ палатъ дьяковъ, также приказныхъ же палатъ и ратушскихъ и площадныхъ подьячихъ и архіерейскихъ домовъ судей и дьяковъ же и подьячихъ и монастырскихъ слугъ и служебниковъ и поповичей и дьячковъ и пономарей и прочихъ церковныхъ причетниковъ и ихъ дѣтей и свойственниковъ въ возрастѣ и малолѣтнихъ переписать и разобрать, которые годны, отмѣчать въ солдаты, и вмѣсто службы оныхъ, также и негодныхъ, старыхъ и малолѣтнихъ положить въ годовой денежный платежъ, по своему разсмотрѣнію“ [2]).

---

[1]) П. С. З., IV, № 2076. По этому указу слѣдовало переписывать не только московскихъ жителей, имѣющихъ дворы, но и „бездворныхъ“, отмѣчая всякій разъ подлинно, „такой ли онъ бездворный, что живетъ, нанимаючи въ чужомъ углу, или того ради зовется бездворный, что въ той слободѣ двора у него нѣтъ, а живетъ, имѣя дворъ въ иной слободѣ или у кого нанимая землю“.

[2]) П. С. З., IV, № 2130 (наказъ 30 декабря 1706 г. копорскому коменданту Римскому-Корсакову).

Указъ о посылкѣ кн. Волконскаго гласитъ слѣдующее: „Въ нынѣшнемъ 705 г. іюля въ 25 д. В. Государь... указалъ по именному своему В. Г. указу и по письму, каково прислано въ разрядъ изъ Полоцка за рукою губернатора А. Д. Меншикова: послать въ Тамбовъ и въ Нижній и Верхній Ломовы стольника кн. Григорья княжъ Иванова сына Волконскаго и въ тѣхъ городѣхъ ратныхъ людей москвичъ и городовыхъ всякихъ чиновъ и подьячихъ, разобравъ, переписать, и которые будутъ въ службу годны, и тѣхъ росписать на три статьи, а росписавъ, учинить имъ именныя трои разборные и смотренные списки по чинамъ за своею рукою и одни послать ему, кн. Григорью, въ Азовъ, а другіе оставить у себя, а третьи въ вышеписанныхъ городѣхъ у воеводъ и у приказныхъ людей. А которые негодны, и тѣхъ, также и старыхъ и увѣчныхъ и недорослей и дѣвокъ и вдовъ съ помѣстій ихъ и вотчинъ положить въ денежный годовой окладъ.

И для того ему тѣхъ городовъ у воеводъ и у приказныхъ людей вышеписанныхъ чиновъ людемъ взять именные наличные списки за ихъ руками со всякою подлинною вѣдомостью, а что съ нихъ городовыхъ стараго и новаго окладу было и нынѣ есть, съ подлиннымъ того всего описаніемъ и что на нихъ съ 700 году доимки, росписавъ погодно порознь, списки-жъ отпустить изъ канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ и

По этому указу въ заоцкихъ и украинныхъ городахъ приказные, монастырскіе люди и церковники къ концу 1706 г. уже были „переписаны и обложены", а именно, дьяки по 40, 30 и 20 рублей, подьячіе обложены окладомъ отъ 25 до одного рубля и даже меньше, смотря по своему состоянію и имущественному положенію, поповичи, дьячки и вообще церковники, годные къ службѣ и отмѣченные въ солдаты, по рублю, старые и увѣчные, къ службѣ негодные, но еще не потерявшіе окончательно работоспособности, а также недоросли, отъ 10 до 20 лѣтъ, обложены по 8 гривенъ съ человѣка и, наконецъ, малолѣтніе отъ 10 лѣтъ и ниже — „по полуполтинѣ съ человѣка"; къ этому окладному сбору было прибавлено по гривнѣ съ рубля „на жалованье посланнымъ для того дѣла".

Такую же перепись предписано (30 декабря 1706 г.) про-

В. Г. указъ о томъ изъ разряда въ тотъ приказъ посланъ. А что съ тѣхъ людей по старому окладу довелось окладныхъ денегъ собрать и съ подьячихъ по выбору положено будетъ, и тѣ деньги сбирая присылать въ канцелярію дворцовыхъ же дѣлъ" (*А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 56, л. 470).

Къ тому же дѣлу относятся 2 письма Меншикова, адресованныя кн. Волконскому; въ одномъ изъ нихъ (отъ 23 дек. 1705 г.) Меншиковъ писалъ: „Дьяковъ, подьячихъ и дьячковъ, всѣхъ переписавъ, напиши которые въ службу негодны, къ дѣламъ и въ посылки, а другихъ въ солдаты, для такого вида, чтобы охотнѣе денежнымъ окладомъ они обложились, и какъ они себя обложатъ, тогда, собравъ съ нихъ по окладу деньги, употребляй на надлежащіе расходы, а имъ скажи, чтобъ впредь въ службахъ не быть, а платили бы всегда съ себя деньги. Также которые по разбору Юрьи Нелединскаго написаны въ солдаты, и тѣхъ положи въ денежный окладъ, а въ солдаты ихъ не писать. Крестьянскіе дворы переписывай немедленно, а на которыхъ земляхъ поселены черкасы, и тѣ дворы переписавъ, на помѣщиковъ положи окладъ воловой, чтобъ со всякаго двора сошлось на годъ по ефимку".

Въ другомъ письмѣ (отъ 23 февр. 1706 г.): „Поповичевъ и дьячковъ, которые не обложены, переписывай и окладывай по тому-жъ во всѣхъ городѣхъ, и деньги по окладу сбирай немедленно... Также и Рязанской епархіи переписывай, а о посылкѣ къ нимъ послушнаго указу, къ рязанскому архіерею письмо отъ меня послано" (Чтенія М. О. И., 1847 г., кн. № 1, смѣсь, 22).

Изъ указа Ѳ. М. Апраксину (марта 1706 г.) узнаемъ, что Волконскому по государеву указу велѣно „на Москвѣ и въ низовыхъ и въ украинныхъ во всѣхъ городѣхъ и которые вѣдомы въ адмиралтейскомъ и въ иныхъ приказѣхъ дьячковъ и всякихъ причетниковъ, которые не переписаны и не разобраны, также приказныя избы и площадныхъ подьячихъ переписать и, разобравъ, обложить въ годовой денежный платежъ по усмотрѣнію; и тѣ деньги по окладамъ сбирать съ нихъ въ В. Г. казну немедленно, а для тѣхъ дѣлъ въ тѣ городы послать ему, кн. Григорью, отъ себя изъ московскихъ чиновъ по его росписи" (*А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 87, ч. I, л. 70).

извести въ городахъ [1]) Ингерманландской губ. копорскому коменданту Якову Римскому-Корсакову. Ему былъ данъ отъ губернатора той губерніи кн. Меншикова специальный наказъ, по которому онъ долженъ былъ предпринять разборъ и перепись людей приказнаго чина и духовнаго вѣдомства, а затѣмъ и обложить ихъ, „примѣняясь къ вышеписаннымъ окладамъ, какъ обложены у полковника кн. Григорья Волконскаго“; „однакожъ, прибавляется въ наказѣ, къ тому имѣть свое разсмотрѣніе, усматривая каждаго прибытки, чѣмъ бы мочно имъ было тѣ оклады снесть“. При разборѣ и переписи должны составляться „именные списки по статьямъ“, „именные и окладные списки“ какъ они называются въ другомъ мѣстѣ наказа (п. 3), иначе говоря, „переписныя и окладныя книги“ (п. 6) [2]).

Надо полагать, что перепись лицъ приказнаго и духовнаго вѣдомства произошла не „въ заоцкихъ и украинныхъ городахъ“ и не въ городахъ Ингерманландской губерніи только, но и по всему государству. Даже въ краткомъ пересказѣ указа кн. Волконскому говорится, что ему велѣно перепись чинить „всего Московскаго государства въ городахъ“. Изъ указа 1-го марта 1711 года узнаемъ, что „подьячіе московскіе и городовые были переписаны“ кн. Григорьемъ Волконскимъ да кн. Лукой Долгоруковымъ [3]). Косвеннымъ подтвержденіемъ общей переписи приказныхъ можетъ служить то обстоятельство, что, по свѣдѣніямъ канцеляріи гр. Апраксина, въ 1708 г. въ силу „именного В. Г. указа, который состоялся въ военномъ походѣ въ Смоленску, велѣно съ

---

[1]) По указу требовалось послать перепищиковъ „въ Новгородъ Великій съ пригородами, въ Старую Руссу, на Великія Луки, въ Торопецъ, на Олонецъ, на Бѣло Озеро, въ Каргополь, въ Пошехонье“.

[2]) П. С. З., IV, № 2130—наказъ 30 декабря 1706 г. состоитъ изъ 8 статей. Послѣ переписки дьяки по указу 1707 г. должны составить конный полкъ, а попы и дьяконы съ прихода въ 150—200 дв. поставить по драгунской лошади (№ 2151, 2154).

[3]) Тамъ-же, IV, № 2326; Докл. и приг., I, кн. I, 1; см. сообщеніе о томъ, что въ Старомъ Осколѣ по перепискѣ и по окладу Григорья Волконскаго въ 1706 г. подьячихъ было 46 человѣкъ (Докл. и приг., IV, кн. II, 1212); ср. въ 1712 г. стольникъ Козьма Титовъ былъ посланъ сенатомъ въ Сибирскую губернію для разбора подьячихъ (II, кн. II, 168 и сл.).

дьяковъ и съ московскихъ и съ городовыхъ подъячихъ, которые городы за окладомъ кн. Григорья Волконскаго въ остаткѣ, съ 89 городовъ окладныя деньги сбирать въ казенный приказъ по 8.000 руб. на годъ, а изъ казеннаго приказу тѣ деньги отсылать въ военный приказъ на дачу Е. В. Г. жалованья ратнымъ людямъ“ [1]).

Такого же общаго характера была перепись ямщиковъ, предпринятая въ 1704 году по указу 28 октября, которымъ велѣно „переписать нынѣ“ ямскія слободы, московскія и городовыя, которыя вѣдомы въ разрядѣ и въ ямскомъ приказѣ, и взять съ нихъ въ солдаты съ двухъ жилыхъ дворовъ по человѣку [2]).

Переписывался ли отдѣльный городъ съ уѣздомъ или даже волость, происходилъ ли по всему государству разборъ и перепись какого нибудь одного разряда населенія, правительство при регистраціи имѣло двоякую цѣль: съ одной стороны, слѣдить за наличнымъ количествомъ дворовъ и людей, уже занесенныхъ въ переписныя книги, съ другой—привлекать къ тяглу новыхъ плательщиковъ.

Желаніе правительства знать прибыль и убыль дворовъ крестьянскихъ и быть въ курсѣ тѣхъ измѣненій, которыя постоянно происходятъ во владѣніяхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, сказалось очень скоро послѣ составленія перепис-

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 22, л. 38.

[2]) П. С. З., IV, № 1996; ср. указъ 28 февр. 1705 г., въ которомъ приводится челобитная Иверскаго монастыря архимандрита Аарона, сообщающая, что „въ нынѣшнемъ 705 году, по именному В. Г. указу изъ ямского приказа посланъ на Клинской ямъ дьякъ Ефимъ Кощеевъ, велѣно ему въ томъ яму всѣ дворы переписать, а переписавъ, взять въ солдаты съ 8 (?) дворовъ человѣка“ (№ 2037).

О той же переписи ямщиковъ узнаемъ изъ указа 5 ноября 1704 года адмиралтейцу Ѳ. М. Апраксину „съ товарищи“. Въ немъ послѣ указанія, что велѣно съ ямскихъ слободъ, „переписавъ нынѣ, вновь взять въ солдаты съ жилыхъ дворовъ, съ двухъ дворовъ человѣка безъ замедленія“ сообщается слѣдующее: „И по тому Е. В. Г. указу посланъ изъ ямского приказа на Елецъ, на Воронежъ и въ иные городы для переписки въ ямскія слободы и для взятья изъ ямщиковъ въ солдаты дьякъ Семенъ Черной, а велѣно ему тѣхъ солдатъ изъ тѣхъ городовъ изъ ямскихъ слободъ выслать къ Москвѣ въ ямской приказъ напередъ себя, а за тѣми указное число солдатами въ тѣхъ городѣхъ у воеводъ имать ему, Семену, провожатыхъ отставныхъ дворянъ и служилыхъ людей, по скольку человѣкъ пристойно, и къ перепискѣ для письма подьячихъ и чернилъ и бумаги и свѣчь“ (*А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 42, ч. I, 846).

ныхъ книгъ 1678 года. Уже 7 мая 1680 г. въ указѣ, обращенномъ къ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ, говорилось, что они должны подать въ разрядъ сказки за своими руками съ указаніемъ въ нихъ, „въ которыхъ городѣхъ и сколько за кѣмъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ и послѣ того прибыло и нынѣ на лицо крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ порознь; также дѣловыхъ и задворныхъ людей, которые построены у нихъ на пашнѣ"; сказки нужны были въ виду того, что прежнія сказки уже не давали точныхъ свѣдѣній, такъ какъ у многихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ „крестьянскіе дворы прибыли многіе, а у иныхъ убыли" [1]).

---

[1]) П. С. З., II, № 821 (ср. № 635). А. С. Лаппо-Данилевскій видитъ въ подобномъ обращеніи къ замлевладѣльцамъ особый способъ, при помощи котораго правительство, помимо приказнаго порядка, „пыталось слѣдить за колебаніями въ численности населенія", „опредѣлять убыль или возрастаніе" его со времени происшедшей переписи (Организація прям. облож., 217, 218).

Впрочемъ указъ 7 мая 1680 г. можно было понять въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ отмѣчать измѣненіе числа дворовъ „по дачамъ", считая количество дворовъ по тѣмъ-же переписнымъ книгамъ (ср. П. С. З., II, № 841); такого именно счета требуетъ указъ 1-го янв. 1681 г., въ которомъ по пункту 2-му требовалось занести въ сказки слѣдующее: „въ которыхъ городѣхъ и сколько за кѣмъ порознь по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ и сверхъ переписныхъ книгъ по новымъ дачамъ нынѣ налицо, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые живутъ у нихъ на пашнѣ" (II, № 853).

Указъ же 1-го дек. 1682 года еще болѣе расширяетъ рамки того, какіе именно крестьянскіе и бобыльскіе дворы нужно отмѣчать въ сказкахъ въ разрядѣ прибылыхъ дворовъ; въ указѣ читаемъ: „а которые крестьянскіе и бобыльскіе дворы въ тѣхъ сказкахъ объявятся у кого сверхъ переписныхъ книгъ, и то въ сказкахъ велѣть описывать имянно, откуда тѣ крестьяне и бобыли переведены изъ котораго его помѣстья или изъ вотчины и котораго уѣзду изъ села и изъ деревни и сколь давно, или тѣ прибылые крестьяне достались кому отъ кого по сдѣлочнымъ крѣпостямъ; а взявъ сказки, тѣхъ крестьянъ писать за ними-жъ въ писцовыя книги особь статьею". Значитъ кромѣ дворовъ, прибавившихся по новымъ дачамъ, нужно заносить въ сказки дворы переведенные и дворы, доставшіеся „по сдѣлочнымъ крѣпостямъ", а среди послѣднихъ могли оказаться и такіе, которые не занесены въ переписныя книги и „прибыли" послѣ составленія ихъ.

Отсюда можно придти къ выводу, что въ сказкахъ служилыхъ людей слѣдовало отмѣчать, сколько за кѣмъ дворовъ на лицо по переписнымъ книгамъ, считая въ томъ числѣ прибыль или убыль по дачамъ, переводу и по сдѣлочнымъ крѣпостямъ, при этомъ не исключается возможность и допустимость того, чтобы въ сказкахъ отмѣчали и фактическую прибыль или убыль помимо исчисленія по переписнымъ книгамъ. Но, вѣроятно, на фактическое положеніе мало обращалось вниманія, такъ какъ даже позднѣе въ 10-хъ годахъ XVIII в. въ подобныхъ сказкахъ обычно приводилось число дворовъ по переписнымъ книгамъ; въ зависимости отъ этого находились и обязанности владѣльцевъ.

Когда же происходила отъ какихъ либо причинъ явная прибыль или убыль населенія, то, неудивительно, что предпринимались спеціальныя переписи, въ которыхъ закрѣплялись эти измѣненія. Такъ въ 1691—1693 годахъ по Устюгу Великому происходилъ дозоръ пустыхъ крестьянскихъ, бобыльскихъ и нищенскихъ дворовъ на посадѣ, въ разныхъ станахъ и волостяхъ; письмо и дозоръ были произведены стольникомъ и воеводой Петромъ Андреевичемъ Толстымъ [1]).

Въ 1705 году, послѣ того какъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ по отпискамъ посланныхъ туда „явились многіе дворы пусты", съ Олонецкой верфи въ Пошехонье посланъ былъ по наказу перепищикъ, подъячій Агафонъ Мѣшковъ, которому велѣно было „въ селахъ и деревняхъ жилые и пустые крестьянскіе и бобыльскіе и задворныхъ и дѣловыхъ людей дворы досмотрѣть противъ переписныхъ книгъ, гдѣ что дворовъ прибыло или убыло и про то допрашивать стороннихъ людей и досмотря и допрося въ правду, учинить тому книги въ правду-жъ" [2]).

---

[1]) Описаніе М. Арх. М. Ю., II, № 3417 и 3418; въ Описаніи указаны волости и станы, въ которыхъ происходилъ дозоръ.

[2]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 84, л. 1. Мѣшковъ, будучи у переписного дѣла, чинилъ населенью „налоги, обиды и разоренье" и „awималъ многіе взятки", о чемъ пошехонскіе помѣщики и дворцовые и монастырскіе крестьяне подали на имя Государя челобитье, въ которомъ писали (въ декабрѣ 1705 г.):

„Онъ, Агафонъ, забывъ страхъ Божій и твой государевъ указъ, пріѣхавъ, въ Пошехонскомъ у. въ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ волостяхъ и въ монастырскихъ вотчинахъ и въ помѣщиковыхъ вотчинахъ же и въ помѣстьяхъ, въ селахъ и въ деревняхъ, досмотря и видя всеконечную пустоту, гдѣ дворы и жеребьи пусты, которые крестьяне и бобыли померли или выбѣжали, изъ иного двора пошли иди отданы въ солдаты или въ работники и вѣсти про нихъ нѣту, живы ли или померли и въ домѣхъ ихъ никого не осталось и которыя деревни пусты и дворы травою поросли, пишетъ всѣ жилыми дворами, а жилые пустыми, а гдѣ вдовецъ или вдова престарѣлые или дѣвка въ одной избѣ безъ двора и безъ жеребья и безъ скотины по келейному, и тѣ пишетъ дворами-жъ, или которой крестьянинъ поставилъ себѣ избу вновь, потому что старая престарѣла и, хотя въ новую избу перейти, ее топитъ, и тотъ старой дворъ дворомъ и новую избу другимъ дворомъ, или гдѣ который крестьянинъ изъ деревни въ деревню перевезенъ, и того крестьянина дворъ, въ коемъ онъ живетъ дворомъ, а другой дворъ пустой въ другой деревнѣ, въ коемъ дворѣ онъ жилъ другимъ же дворомъ, или на которой пустой дворъ скотина взойдетъ или изъ двора долой сойдетъ, да не токмо, Государь, скотина большая, хотя курица воиной вылетитъ, и тѣ всѣ пишетъ жилыми дворами; и гдѣ одинъ дворъ, а на немъ двѣ избы у отца съ сыномъ или у брата съ братомъ, пишетъ двумя дворами, старостъ и людей и крестьянъ про то не допрашивая, и сказокъ не взялъ, а дворовыхъ людей, которые живутъ во дворѣхъ бояр-

Въ 1706 году 12 марта при назначеніи въ Копорье комендантомъ Я. Римскаго-Корсакова велѣно ему у прежняго коменданта принять „переписныя и окладныя и сбор-

---

скихъ и тебѣ, В. Государю, съ помѣщики своими служатъ и помѣщикомъ своимъ работаютъ, безъ земли, и безъ жеребьевъ-жъ, и живутъ не дворами, въ избахъ на помѣщичьихъ дворѣхъ, пишетъ дѣловыми людьми дворами-жъ, и написавъ противъ письма своего, велитъ и въ сказкахъ писать такъ же и велитъ къ такимъ сказкамъ руки прикладывать въ неволю, а кто въ томъ поспоритъ и учнетъ сказывать правду, гдѣ кто перевезенъ или отчего запустѣло, и того ничего не пишетъ, и за то многихъ бьетъ и мучитъ. Да не токмо, Государь, за то кто мало въ чемъ промолвится, бьетъ на смерть батоги и плетью, и беретъ многія денежныя и желѣзныя взятки, и полотна и медъ.

И видя тотъ его ко всѣмъ страхъ, и спорить ни въ чемъ не смѣемъ, п. ч. ѣздитъ многолюдствомъ, подячихъ съ нимъ 4 человѣка, посыльщиковъ 12 человѣкъ, а беретъ съ собою бурмистровъ и прикащиковъ и старостъ и соцкихъ и цѣловальниковъ и крестьянъ многихъ людей и подъ нихъ подводы, а иныхъ съ ихъ подводами всего съ собою возитъ человѣкъ по 40 и по 50 и больше; да взялъ колодниковъ человѣкъ по десяти, водитъ за карауломъ и помираютъ голодомъ. А въ кое село или въ деревню пріѣдетъ и накормить, Государь, такое многолюдство не чѣмъ и отъ тѣхъ подводъ и остатки становимся безъ лошадей, а съ иной волости захватя бурмистра и крестьянъ многихъ и возя многое число, твои государевы иныя дѣла и подати денежныя и хлѣбныя и смолу и подводы и работниковъ, у кого за скудостью чего не управлено, остановилъ и захватя подводъ съ 20, не отдавалъ многія числа и просилъ денегъ 50 рублевъ. А мы отъ податей и отъ солдатскаго взятья и работниковъ и подводъ, платя за пустые дворы, итакъ въ конецъ разорились, потому, Государь, что въ нынѣшнихъ годѣхъ передъ прежними годами податей и работниковъ и въ подводы и въ солдаты въ наемъ и въ складку стало быть многое число, и оттого разорились, многіе розбрелись врознь.

Да онъ же, Агафонъ, сверхъ того, что мы его и подячихъ и посыльщиковъ поимъ и кормимъ довольно, беретъ со всякаго помѣстья хотя съ трехъ дворовъ кормовыхъ денегъ себѣ по 2 гривны, да подъячимъ по гривнѣ и посыльщикамъ всего по 10 алтынъ, окромѣ того, что за письмо и отъ рукъ прикладыванья, а сказываетъ, по твоему В. Г. указу и по наказу, а указу намъ никакого не покажетъ; и то, Государь, многое его, Агафоново, неистовое и не противъ указу дѣло написано у сей челобитной и въ рукахъ нашихъ“ (л. 1 и сл.).

Челобитчики просили А. Мѣшкова смѣнить и на немъ ихъ убытки доправить. Противъ челобитья велѣно было произвести розыскъ поручику Сергѣю Чихачеву, который допросилъ 439 человѣкъ помѣщиковъ, бурмистровъ, старостъ и крестьянъ, и представилъ списокъ того, что взялъ перепищикъ съ населенія, „со всѣхъ вопше“; а взято было Мѣшковымъ слѣдующее: „денегъ—545 руб. 25 алт.; вина 42 ведра безъ четверти, меду 37 пуд. 30 ф.; 7 лисицъ, 3 котла поличныхъ, 1 таганъ, 7 сѣчекъ, 4 шандана, 2 свѣтца, 5 сковородъ желѣзныхъ, юфть свиного мяса, масла коровьяго крынка, 8 гусей, 4 барана, стягъ говяжій, курпѣкъ цѣною 1 руб., портища сукна лазореваго цѣною въ 3 р. 16 алт. 4 д., винтовка цѣною 3 руб., 6 шубъ бараньихъ, 5 сани пошовни, 3 хомута, кафтанъ однорядочной, кушакъ верблюжій, медвѣдя живого“.

Указомъ 1706 г. (15 іюля) велѣно было Мѣшкова за то „воровство“, насиліе и взятки „бить на козлѣ кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри, сослать на каторгу въ вѣчную работу“ (л. 289—292).

ныя книги“, а вмѣстѣ съ тѣмъ „въ Ямбургскомъ уѣздѣ и Самерской волости вновь переписать крестьянскіе и бобыльскіе жилые и пустые дворы подлинно, порознь, и сдѣлавъ переписныя книги съ подлинной очисткой, прислать въ ингерманландскую канцелярію“ [1]). Указомъ 7-го іюня 1707 года „противъ челобитья разныхъ чиновъ людей“ велѣно было „на Москвѣ погорѣлые и запустѣлые дворы осмотрѣть и переписать подлинно и обыскать окольными людьми въ правду, а пока съ тѣхъ дворовъ денегъ до указа не брать“ [2]).

Если убыль населенія регистрировалась, то, разумѣется, прибыль его служила предметомъ особеннаго вниманія правительства, такъ какъ новой переписью можно было увеличить число плательщиковъ, и тѣмъ самымъ усилить притокъ государственныхъ доходовъ. Съ такой цѣлью, напр., въ 1689 году были переписаны въ Шелонской пятинѣ новопоселенные дворцовые крестьяне и зарубежные выходцы [3]). Другимъ примѣромъ можетъ послужить такой фактъ. Около 1700 г. въ присудѣ Троицкаго острога (вошедшаго позднѣе въ Азовскую губернію) „на покидной, пустовой мордовской землѣ поселились въ Залѣскомъ стану русскіе пришлые люди“; образовалось село Никольское, Микулово тожъ; „въ 705 г., какъ сообщается въ челобитной ясашной мордвы, по государеву указу, оныхъ пришлыхъ людей перепищикъ Андреянъ Закревской переписалъ и обложилъ съ ними вопче въ ясакъ“ [4]).

Въ 1701 году, по государеву указу, перепищикъ Иванъ Кочетовъ былъ посланъ къ бухарцамъ, поселившимся въ Сибири въ Тобольскомъ краѣ, для описи земель и угодій и наложенія на бухарцевъ оброка [5]). Къ такого же рода переписямъ относится указанная выше перепись людей приказнаго чина и людей духовнаго вѣдомства. Кромѣ того кн. Волконскому, по письму Меншикова, было велѣно переписывать земли, на которыхъ поселены черкасы, а потомъ положить

---

[1]) П. С. З., IV, № 2097.
[2]) Тамъ же, № 2150.
[3]) Описаніе, I, № 1853.
[4]) Докл. и приг., V, кн. II, 748.
[5]) П. С. З., IV, № 1857.

на нихъ „окладъ воловой, чтобъ со всякаго двора сошлось на годъ по ефимку“ [1]).

Что касается способовъ, при помощи которыхъ правительство переписывало дворы, земли и людей, то слѣдуетъ отмѣтить, что основныхъ, выработанныхъ предшествующей практикой, было два: 1 — перепись поручалась мѣстнымъ властямъ, воеводамъ, напр., комендантамъ, старостамъ, сотскимъ, бурмистрамъ; 2 — перепись производили лица, спеціально командированныя для этой цѣли.

Какъ на примѣръ перваго рода, можно указать на перепись 1680 г. дворовъ тульскихъ засѣчныхъ сторожей, совершенную кн. Михаиломъ Звенигородскимъ, который въ то время былъ воеводою на Тулѣ [2]). Въ 1706 г. въ Хлыновѣ, въ Филипповѣ слободкѣ и въ Ошланской волости перепись дворовъ и людей была сдѣлана „бурмистромъ Иваномъ Новиковымъ съ товарищи“ [3]). Подобные случаи весьма часты. Укажу еще одинъ примѣръ. Въ 1706 г. на Ельцѣ требовалось увеличить число ямщиковъ. По этому случаю елецкому воеводѣ Лукьяну Сытину посылается указъ (мая 27), чтобы онъ, воевода, на Ельцѣ „во всѣхъ слободахъ велѣлъ переписать всякихъ чиновъ жителей дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ“, и „сколько въ тѣхъ слободахъ по перепискѣ будетъ всякихъ чиновъ людей и изъ которыхъ чиновъ въ ямщики выбрать будетъ пристойно“, „о томъ къ намъ, В. Государю, къ Москвѣ писать отписку и переписнымъ людемъ подлинную вѣдомость подать въ приказѣ адмиралтейскихъ дѣлъ“ [4]).

Какъ на примѣръ второго рода, можно сослаться на посылку дворянина Ивана Кочанова, отправленнаго въ 1697 г., какъ на это указывалось выше, въ Тобольскъ и другіе сибирскіе города для переписи земель, дворовъ и людей. Кн. Григорій Волконскій въ 1705 г. командируется въ заоцкіе и

---

[1]) Чтенія, 1847, кн. № 1, смѣсь, 22.

[2]) Описаніе, I, № 2688.

[3]) Описаніе, II, № 3425.

[4]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 87, ч. II, л. 670—671. Ср. указаніе на „переписку воеводы Лукьяна Сытина 705 года“ (Докл. и приг., II, кн. II, 353).

украинные города для переписи и разбора дьяковъ, подьячихъ и людей церковнаго вѣдомства.

Въ первомъ случаѣ давалось лишь общее указаніе относительно того, кого именно слѣдуетъ заносить въ перепись и какъ вести дѣло; во второмъ — командируемымъ лицамъ давался „наказъ“ или „инструкція“, въ которыхъ обычно очень подробно и обстоятельно излагались правила переписи; ими посланныя лица должны руководиться неуклонно при производствѣ дѣла, возложеннаго на нихъ.

Къ этимъ основнымъ двумъ способамъ сталъ присоединяться третій, представлявшій собой комбинацію перваго со вторымъ. Перепись поручалась мѣстнымъ властямъ, напр. коменданту, но ему предоставлялось право брать для помощи дворянъ или другихъ лицъ, которыхъ онъ могъ бы спеціально отправлять для переписи того или другого города, уѣзда и даже волости. Значитъ въ этомъ случаѣ центральное правительство само не разсылало перепищиковъ, оно поручало это дѣло мѣстному начальнику, подъ руководствомъ и отвѣтственностью котораго должна была производиться перепись.

Предшествующая практика переписнаго дѣла знаетъ всѣ указанные способы организаціи переписей; только въ XVII вѣкѣ преобладалъ такой порядокъ, что „письмо и перепись“ чаще поручались лицамъ, спеціально для того назначеннымъ, и рѣже вѣдались мѣстными властями [1]). Въ Петровское же время, какъ будетъ показано ниже, наоборотъ, послѣдніе два способа получаютъ первенствующее значеніе.

---

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій объ этомъ говоритъ такъ: „Въ случаѣ подробнаго описанія, результатомъ котораго являлись писцовыя или переписныя книги, писецъ, по государеву указу и приговору боярскому, обыкновенно присылался изъ Москвы; впрочемъ иногда писцовое дѣло вѣдали воеводы“; въ другомъ мѣстѣ: „письмо и перепись... поручались по возможности привычнымъ людямъ, спеціалистамъ дѣла“ (Организація прям. облож., 193, 125). Въ изслѣдованіи Ю. Готье читаемъ: „Благодаря тому, что хозяйственныя описанія, переписи и, наконецъ, отдѣльныя межеванія производились часто, очень рано, еще въ XVI столѣтіи, выработался особый типъ спеціалиста — писца, удержавшійся до конца XVII вѣка“ (Замосковный край, 77). Цѣлый рядъ случаевъ, когда приказъ посылалъ по городамъ писцовъ, приведенъ въ ст. С. Б. Веселовскаго, Посадская соха въ первой половинѣ XVII вѣка, (Ж. М. Н. П., 1910, № 5 и 7).

Кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ выше о переписяхъ за время съ 1679 года до 1700, имѣются еще слѣдующія свѣдѣнія о переписномъ дѣлѣ за то же время.

Обозрѣвая переписи за періодъ съ 1678 года до 1710 и подводя итогъ тому, что сказано выше, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что изъ переписей послѣ 1678 года каждая въ отдѣльности, сравнительно съ переписью 186 года, не была ни повсемѣстной, ни всеобщей, да и въ своей совокупности эти переписи не могли замѣнить послѣдней; онѣ могли имѣть лишь частное значеніе при сборѣ государственныхъ податей и отправленіи повинностей для той мѣстности и для тѣхъ разрядовъ населенія, которые были захвачены этими переписями, общегосударственный же окладъ неизмѣнно опирался на цифры основной переписи, переписи 186 года. А такъ какъ населеніе за 30 истекшихъ лѣтъ значительно измѣнилось въ своемъ составѣ и группировка его по мѣсту жительства была иная, то отсюда выяснилась необходимость новой общей переписи, которая и была произведена въ 1710 году.

Въ П. С. З. дополнительныя статьи къ наказу писцамъ 1680 г. (II, № 830, 832, 835); ср. писцовый наказъ 1684 (II, № 1074); наказъ писцамъ и межевщикамъ 1686 г. (II, № 1471); жалоба церковныхъ крестьянъ Сольвычегодскаго у. на то, что писцы Григорій Овцынъ да подьячій Василій Крюковъ въ своихъ книгахъ (188—191 гг.) ихъ церковныя деревни писали „въ свальный перечень съ усольцы, съ мірскими тяглыми людьми" (Докл. и приг., III, кн. II, 809.).

Въ доношеніи 1715 г. короченскаго дьякона Лазаря упоминаются переписныя книги 1700 (?) года казаковъ и жителей на Корочи (Азовской губ.).—Докл. и приг., V, кн. II, 689. Указомъ 7 февр. 1705 г. велѣно, „россійскихъ городовъ пяти полкамъ" „за ихъ службы" „быть во всемъ по прежнему въ прежней вольности впредь до указу, а перепищиковъ и сборщиковъ изъ тѣхъ полковъ выслать" (П. С. З., IV, № 2027).

Въ челобитной 1712 г. отъ крестьянъ Борисоглѣбскаго монастыря Ростовскаго уѣзда сообщается „о перепискѣ 706 года", произведенной „въ вотчинѣ того Борисоглѣбскаго монастыря" „дома святѣйшаго патріарха стряпчимъ Лукой Владыкинымъ" (Докл. и приг., II, кн. I, 200).

Въ наказныхъ статьяхъ нерчинскому воеводѣ отъ 5 янв. 1701 г. велѣно „пересмотрѣть и переписать" всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, составить росписи ясачнымъ людямъ, переписывая и вновь прибылыхъ, съ 18 лѣтъ (п. 10), а также вносить въ книги и новоприбылыхъ пашенныхъ крестьянъ (п. 42); вообще велѣно было (п. 9) „именныя книги ясашнымъ и служилымъ людямъ и ружникамъ и оброчникамъ съ денежными и хлѣбными оклады и посадскимъ людямъ и пашеннымъ крестьянамъ съ оброки и съ десятинною пашнею дѣлать на вся годы неотложно, всякою статью порознь" (П. С. З., IV, № 1822; ср. № 1835, п. 13; № 1836, п. 2).

Указомъ 31 янв. того же 1701 г. велѣно переписать вотчины церковнаго вѣдомства во всемъ Московскомъ государствѣ (Тамъ же, № 1834). Въ 1713 г. упоминаются переписныя (описныя) книги 1705 года Ивана Сорокина по Смоленской губерніи (Докл. и приг., III, кн. II, 501—2).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Перепись 1710 года, ея итоги.

Со времени общей переписи дворовъ прошло около 30 лѣтъ. Правительство всецѣло было занято военными дѣйствіями противъ Швеціи и предпртіятіями, непосредственно связанными съ ними. Въ годы до Полтавской баталіи оно лишь урывками на спѣхъ принимало разныя мѣры къ устройству областного управленія, къ организаціи губерній; съ начала же 1710 года, по словамъ „Исторіи свейской войны", Петръ начинаетъ усиленно „трудиться въ управленіи гражданскихъ дѣлъ": имъ окончательно вводится губернское управленіе, назначаются новыя должностныя лица, вырабатываются инструкціи, организуется губернское хозяйство, упорядочиваются доходы и расходы, связанные съ росписаніемъ арміи по губерніямъ. Наиболѣе сильнымъ мотивъ къ введенію новаго управленія была нужда въ деньгахъ для текущихъ потребностей; путемъ измѣненій въ организаціи сборовъ, путемъ новыхъ налоговъ предполагалось получить достаточно средствъ на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ и тѣмъ устранить хроническій дефицитъ въ бюджетѣ [1]).

Новая перепись была тѣсно связана съ введеніемъ губерній, и порядокъ устройства послѣднихъ отразился на ея исторіи.

Начало учрежденія губерній относится по существу къ 1706 году, когда въ качествѣ образца вводится Ингерманландская губернія въ составѣ новозавоеванныхъ городовъ, мѣстности, приписанной къ Олонецкой верфи, и городовъ „Новгород-

---

[1]) Объ учрежденіи губерній см Мрочекъ-Дроздовскаго, Областное управленіе Россіи XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ, М., 1876 г., 18—27; П. Н. Милюкова, Госуд. хозяйство, глава VI, 272-303; въ книгѣ послѣдняго превосходно разъяснены отрывочныя мѣропріятія по учрежденію губерній, и вся реформа приведена во внутреннюю связь съ военно-финансовыми округами XVII вѣка.

скаго разряда". 17-го января слѣдующаго 1707 года именнымъ указомъ, объявленнымъ губернаторомъ вновь образованной губерніи А. Д. Меншиковымъ, былъ назначенъ въ ту губернію ландрихтеромъ Яковъ Римскій-Корсаковъ, который становился ближайшимъ помощникомъ губернатора и начальникомъ надъ комендантами, вице-комендатами, комисарами и прочими лицами, кто какую надъ чѣмъ команду имѣетъ [1]).

Опредѣленному Ингерманландской губерніи ландрихтеру прежде всего статьей первой наказа было велѣно: „Во всѣхъ Ингерманландской губ. городахъ всякихъ чиновъ людей, а особливо царедворцевъ, дворянъ и приказныхъ людей и посадскихъ и захребетниковъ, также и посадскіе и въ уѣздахъ дворцовые и патріаршіе и архіерейскіе и помѣщиковы и вотчинниковы, крестьянскіе и бобыльскіе дворы имянно переписать и сдѣлать подлинные и перечневые по городамъ списки". „А буде, добавляется въ той же статьѣ, которыхъ городовъ коменданты, до сего указа, по присланнымъ къ нимъ въ прошломъ 1706 году статьямъ тоя переписку окончали, у тѣхъ съ тѣхъ переписныхъ книгъ взять за ихъ руками списки и тоя ихъ переписку посвидѣтельствовать" [2]).

Этимъ пунктомъ наказа на Римскаго-Корсакова возложена была обязанность вѣдать всѣмъ переписнымъ дѣломъ Ингерманландской губерніи. Новая перепись связывалась съ распоряженіемъ предшествующаго года, даннымъ комендантамъ, но связь устанавливается факультативно: „а буде которыхъ городовъ коменданты", „тоя переписку окончили", то переписныя книги принять и освидѣтельствовать. Что еще въ 1706 году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ингерманландской губерніи должна начаться перепись дворовъ, это видно изъ указа 12 марта 1706 года тому же Римскому-Корса-

---

[1]) Въ указѣ названіе новой должности было пояснено такъ: „Велѣно Я. Римскому-Корсакову быть во всей Ингерманландской губерніи ландрихтеромъ (земскимъ судьей) и писаться ему комендантомъ надъ Копорьемъ и Ингерманландской губерніи ландрихтеромъ" (П. С. З., IV, № 2135); изъ статей, ниже помѣщенныхъ, видно однако, что ландрихтеръ не былъ въ строгомъ смыслѣ слова „земскимъ судьей", онъ былъ администраторомъ по преимуществу.

[2]) П. С. З., IV, № 2135.

кову въ бытность его копорскимъ комендантомъ; ему было велѣно въ Ямбургскомъ уѣздѣ и Самерской волости „вновь переписать“ крестьянскiе и бобыльскiе дворы [1]). Каковы были результаты этого указа и распространялась ли перепись на всѣ города той губернiи, неизвѣстно.

Но что дѣло, порученное ландрихтеру Римскому-Корсакову по указу 17 января 1707 года, непосредственно примыкаетъ къ общей переписи 1710 года, это видно изъ слѣдующаго: итоги этой переписи всякiй разъ для Ингерманландской (или С.-Петербургской) губернiи высчитываются по переписнымъ книгамъ 1707, 1709, 1710 годовъ и перепись 1710 года именуется въ доношенiи изъ с.-петербургской губернской канцелярiи „новой переписной 707, 709 и 710 годовъ“ [2]). Въ челобитной 1715 г. Петра Аврамова сообщается, что „въ 1707 году“ въ Шелонской пятинѣ С.-Петербургской губ. „по указу Царскаго Величества были перепищики“ [3]).

Вслѣдъ за Ингерманландской въ 1708 и 1709 годахъ устраиваются другiя 7 губернiй „для всенародной пользы“: между губернiями расписываются города, назначаются губернаторы, а затѣмъ и другiя власти. Но губернское управленiе вводится постепенно: по указу объ учрежденiи губернiй отъ 18 декабря 1708 года [4]) „начальствующимъ тѣхъ губернiй, которые приличилися быть въ армiи“, велѣно только

---

[1]) П. С. З., IV, № 2097.

[2]) Тамъ же, № 2390.

[3]) Докл. и приг., V, кн. I, 305.

[4]) П. С. З., IV, № 2218, П. Н. Милюковъ датировку считаетъ произвольной (Госуд. хоз., 273, прим. 2). Голиковъ раздѣленiе Россiи на губернiи относитъ къ 1708 году (Дѣянiя, IV, 323). Объ учрежденiи губернiй въ выпискѣ изъ дѣлъ ближней канцелярiи говорится слѣдующее: „Въ Россiйскомъ государствѣ учинить велѣно 8 губернiй и къ нимъ расписатъ городы въ 708 году дек. 18 дня; а расписаны въ ближней канцелярiи въ 709 г. въ февралѣ мѣсяцѣ“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, I, № 34, л. 2). Въ согласiи съ этимъ находится разсылка указовъ о губернiяхъ въ февралѣ и мартѣ того же 1709 г.

Ср. П. С. З., IV, № 2176 (указъ 18 дек. 1707 г. о расписанiи городовъ по губернiямъ; ср. тотъ же указъ въ изданiи, Письма и бумаги Петра, подъ редакцiей И. А. Бычкова, VI, 191). Роспись городовъ Казанской губ. отъ 18 мая 1708 г. за подписью Петра—въ Собранiи писемъ Петра В. къ Апраксинымъ, М., 1811 г., I, 43 и сл. Ср. письмо Петра изъ Сумъ отъ 10 янв. 1709 г., гдѣ читаемъ: „губернiи еще ко окончанiю не опредѣлены“ (Тамъ же, 63).

„присматриваться“ „въ тѣхъ губерніяхъ о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ“, „и для доношенія ему, Великому Государю, о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть“.

Въ концѣ февраля 1709 г. Петръ изъ Воронежа въ письмѣ къ Стрешневу снова разъяснялъ о губернаторахъ, что они должны только собирать свѣдѣнія о городахъ, а въ управленіе вступятъ съ будущаго 1710 года [1]).

Та же мысль проводится и въ указѣ 14 марта 1709 года объ изготовленіи воеводамъ и бурмистрамъ книгъ окладнымъ денежнымъ и инымъ всякимъ сборамъ и объ отдачѣ ихъ и другихъ свѣдѣній губернаторамъ и воеводамъ, „дабы они противъ посланныхъ къ нимъ росписей городъ со всякими дѣлами и сборами конечно могли принять съ будущаго 710 года, а до будущаго года всякимъ дѣламъ, также и сборамъ быть по прежнему и вѣдать тутъ, гдѣ были прежде вѣдомы“ [2]).

Такимъ образомъ, губернатору по назначеніи предстояло много хлопотъ предварительныхъ, требовалось изъ разныхъ учрежденій собрать „всякое вѣдѣніе“ о городахъ, имъ порученныхъ, и слѣдить за общимъ ходомъ дѣла, чтобы „быть готовымъ“ къ докладу Государю о той губерніи. Губернаторами же были назначены высокія персоны, которымъ и безъ того много было дѣла, сверхъ того нѣкоторые изъ нихъ „приличились быть въ арміи“, а потому и не могли ни собирать свѣдѣній, ни „присматриваться“ къ дѣламъ, а тѣмъ менѣе „быть готовымъ“ для доношенія о тѣхъ губерніяхъ.

Выходомъ изъ затрудненія было назначеніе губернаторамъ помощниковъ, получившихъ по образцу Ингерманландской губ. „ландрихтера“ Римскаго-Корсакова такое же названіе. Такъ, напр., 16 февраля 1709 года ландрихтеромъ Азовской губерніи былъ назначенъ Петръ Кикинъ [3]); позд-

---

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 10, л. 334 и сл.

[2]) П. С. З., IV, № 2227.

[3]) Объ этомъ узнаемъ изъ слѣдующаго письма Государя съ Воронежа отъ 16 февр. 1709 г.: „Господинъ Стрешневъ! Петръ Кикинъ отпущенъ отъ насъ въ Азовскую губернію ландрихтеромъ, котораго отправьте туда, не мѣшкавъ, давъ ему о состояніи приписныхъ городовъ къ Азову подлинное извѣстіе“ (*А. Мор. М., дѣла адм. канц.*, № 54, л. 475).

Въ статьяхъ, посланныхъ изъ разряда въ Азовскую губернію отъ 24 марта того же года, сообщается: „И по тому Е. В. Г. указу дано ему о состояніи приписныхъ городовъ къ Азову подлинное извѣстіе, а вѣдомости, сколько въ тѣхъ приписк-

нѣе вторымъ ландрихтеромъ той же губерніи былъ назначенъ Клокачевъ.

Повидимому, къ августу мѣсяцу во всѣхъ губерніяхъ, за исключеніемъ одной, были ландрихтеры. Голицынъ, архангелогородскій губернаторъ, прося о томъ, чтобы къ нему въ помощники назначили Петра Баскакова, писалъ: „Во всѣ губерніи для управленія дѣлъ посланы съ Москвы ландрихтеры, а къ нему не посланы“ [1]). Просьба его была уважена: объ отправкѣ Баскакова была послана изъ разряда въ Казанскій приказъ память, благодаря чему должность ландрихтера, надо полагать, стала общей для всѣхъ губерній.

По назначеніи ландрихтеровъ имъ также, какъ и Римскому-Корсакову, поручается завѣдываніе переписнымъ дѣломъ. Указъ о производствѣ переписи въ губерніяхъ былъ изданъ въ 1709 году. Объ этомъ узнаемъ изъ доношенія Государю (10-го іюля 1709 г.) ландрихтера П. Кикина, въ

ныхъ городахъ какихъ денежныхъ и хлѣбныхъ и иныхъ всякихъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ въ сборѣ и что въ доимкѣ и на которые годы и на комъ сколько доведется взять и всякое вѣдѣніе, чего онъ будетъ требовать на Москвѣ о Азовѣ и о иныхъ городѣхъ, которые вѣдомы въ разрядѣ, изъ разряда, а которые города вѣдомы въ иныхъ приказѣхъ, о тѣхъ изъ тѣхъ приказовъ и изъ ратуши, а въ городѣхъ у воеводъ и у бурмистровъ, и о томъ въ приказы памяти, а въ приписные къ Азовской губ. городы къ воеводамъ и бурмистрамъ В. Г. послушныя грамоты посланы, дабы на Москвѣ въ приказѣхъ судьи, а въ городѣхъ воеводы о посылкѣ къ нему предпомянутаго всякаго вѣдѣнія чинили по Е. В. Г. именному указу, чего онъ будетъ требовать, безъ всякаго замедленія, чтобъ за неприсылкою ихъ въ дѣлахъ у него мотчанія не было“ (*Тамъ же*, л. 23).

[1]) *Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 10, л. 334—337. Здѣсь впрочемъ не совсѣмъ ясно сообщается о затрудненіяхъ Голицына, въ началѣ письма читаемъ: „Сего августа 22 числа въ письмѣ А. Макарова писано, возвратясь курьеръ Коверинъ отъ города, сказалъ, что г. Голицынъ о губерніяхъ никакого извѣстія не имѣетъ и которые городы приписаны къ Городской губерніи, того не знаетъ“; а въ концѣ того же документа сообщается: „Марта 29 въ письмѣ къ боярину Тихону Никитичу съ Воронежа отъ г. Головкина писано, что писалъ къ нему отъ города г. Голицынъ, что по письму Царскаго Величества и по присланной его губерніи именной росписи надлежитъ ему повелѣніе высокомонаршеское еще сей весны управить, но опасенъ де онъ, будутъ ли въ нѣкоторыхъ городѣхъ повелѣнія его безъ послушныхъ указовъ принимать и по нихъ исполнять, и чтобъ въ тѣ городы послать послушные указы“ (л. 336).

Изъ первой выдержки выходитъ, будто до августа мѣсяца Голицынъ „никакого извѣстія“ о своей губерніи не имѣетъ, по второй же оказывается, что онъ именную роспись уже получилъ и проситъ лишь о посылкѣ послушныхъ указовъ, на что отвѣчаетъ слѣдующая приписка въ томъ же документѣ: „а въ городы грамоты послушныя посланы“.

которомъ онъ писалъ: „Доношу Вашему Величеству, въ прочихъ губерніяхъ указано переписывать въ уѣздѣхъ дворы крестьянскіе, а мнѣ того указу не опредѣлено, а безъ указу того чинить не смѣю, понеже мнѣ твоимъ государевымъ именнымъ указомъ кромѣ взятья вѣдомостей приходамъ и расходамъ въ иныя ни въ какія дѣла до предбудущаго 710 году вступать не повелѣно; и о томъ Ваше Царское Величество что укажетъ?“ спрашивалъ Кикинъ [1]).

Изъ болѣе поздняго письма (отъ начала 1710 года) того же Кикина къ Ѳ. М. Апраксину узнаемъ, что незадолго передъ тѣмъ „въ городахъ и уѣздахъ Московской губ. были перепищики“, видимо, перепищики 1709 года, но они въ виду злоупотребленій, допущенныхъ ими при переписи, были отозваны; въ Азовской же губ., по сообщенію Кикина, „многіе городы, по прибытіи его къ Москвѣ, переписывали по указу коменданты“ [2]).

Кромѣ этихъ немногихъ строкъ имѣется рядъ указаній на то, что перепись производилась въ губерніяхъ Московской, С.-Петербургской и Азовской. Такъ, напр., въ доношеніи 1713 года сообщается, что въ вотчинахъ, Новоспасскаго монастыря въ уѣздахъ: Московскомъ, Переяславскомъ-Залѣсскаго Владимірскомъ, Переяславскомъ-Рязанскаго, Коломенскомъ, Можайскомъ и Костромскомъ въ 1709 году была произведена

---

[1]) Письмо было послано изъ Москвы; начало его таково: „По указу Вашего Величества велѣно мнѣ, взявъ на Москвѣ о состояніи приписныхъ городовъ къ Азовской губ. подлинное вѣдѣніе, ѣхать въ Азовскую губернію и тѣми, Государь, вѣдомостьми на Москвѣ іюля по 10-ое число за множествомъ во многихъ приказѣхъ непрестанно трудяся исправиться не могли, и затѣмъ я, нижайшій рабъ твой, и по се число по неволѣ мѣшкалъ на Москвѣ. А безъ вѣдомостей московскихъ въ Азовской губ. ничего чинить неможно, однако-жъ, Государь, для поспѣшенія о готовности вѣдомостей поборамъ и расходамъ и доимкамъ по городамъ въ Азовскую губ. твои государевы указы посланы еще въ мартѣ мѣсяцѣ, а нынѣ я, нижайшій рабъ твой, изо всѣхъ приказовъ вѣдомости собравъ, поволокся на спѣхъ и буду трудиться днемъ и ночью съ прилежаніемъ, елико мнѣ Богъ поможетъ“.

Видимо, 10 или 11 числа Кикинъ и выѣхалъ изъ Москвы къ мѣсту своего назначенія, такъ какъ второе такое же письмо имъ послано 13-го іюля изъ Зарайска (*Г. А.*, *Каб. П.*, Ц. № 9, л. 318, 319).

[2]) *А. Мор. М.*, *дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 108. Въ другомъ письмѣ Кикинъ сообщаетъ: „Въ прошломъ 709 году многіе коменданты у переписки явились неисправны“ (л. 124).

перепись дворовъ и людей [1]). Въ челобитной стольника Изъѣдинова, помѣщика Старицкаго уѣзда Московской губ., говорится о „переписныхъ книгахъ 709 и 710 года“, въ которыхъ, по его сообщенію, вновь поселившіеся бѣглые, воры и разбойники „нигдѣ не написаны“, а живутъ въ тѣхъ деревняхъ утайкой и податей не платятъ, о такихъ людяхъ, по мнѣнію Изъѣдинова, слѣдовало розыскать, „кто ихъ отъ переписныхъ книгъ укрылъ“ [2]).

О переписке въ С.-Петербургской губерніи извѣстно, напр., изъ челобитной архимандрита Симонова монастыря, вотчины котораго въ Бѣжецкомъ и Кашинскомъ уѣздахъ были переписаны, по его сообщенію, въ 1709 году; имъ и приводятся итоги дворовъ по „переписи 709 году“ [3]). Крестьяне Самеровскихъ (Чамеровскихъ) волостей въ 1715 году въ челобитьи жаловались на перепищика Ѳедора Дурнова, который „переписывалъ ихъ въ 1709 году“, и по словамъ крестьянъ, „писалъ ихъ дворами, а не тяглами, потому что они жили на одномъ дворѣ и за одними воротами, а для скотины построены были избы по двѣ, и тѣ избы писалъ (онъ) разными дворами“, „они же зарубежные выходцы русской обыкности не знаютъ, и дворы ихъ не были свожены“ [4]). О той же „переписи 709 года“ въ дворцовыхъ волостяхъ „Самерскаго присудства“ и вобще въ „Ярославской провинціи“ писалъ урядникъ Сноксаревъ въ 1716 году, когда доносилъ о „великой утайкѣ“ при переписи [5]). Въ письмѣ Меньшикова сенату (1711 г.) количество населенія С.-Петербургской губерніи исчисляется „по новой перепискѣ 707, 709 и 710 годовъ“ [6]).

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 985.

[2]) Тамъ же, I, 382. Въ *А. М. Ю.* среди „ландратскихъ“ книгъ хранится значительное число книгъ переписныхъ 1709 года (Ивановъ, Описаніе государ. архива ст. дѣлъ, М., 1850, стр. 359 и сл.). Изъ нихъ къ Московской губ. относятся книги, напр., по Алексину (№ 121), Владиміру (безъ номера), Костромѣ (№ 18106), Лухову (№ 18466) и др.

[3]) Докл. и приг., II, кн. II, 142.

[4]) Тамъ же, V, кн. I, 438—439. Въ 1709 году для переписи дворовъ въ село Ульяновское Тверского уѣзда пріѣзжалъ стольникъ Ив. Ив. Дурновъ (Тамъ же, IV, кн. I, 465).

[5]) Тамъ же, VI, кн. I, 302.

[6]) П. С. З., IV, № 2390; Докл. и приг., II, кн. II, 188.

Объ Азовской губерніи извѣстно, что въ 1709 году въ Сѣвскомъ уѣздѣ слободы, села и деревни были переписаны комендантомъ Григоріемъ Колтовскимъ [1]). Въ 1712 году ряшане, сапожковцы и шатчане въ своей челобитной писали сенату: „Въ прошломъ 709 г. присланъ былъ въ городъ Ряжской ландрихтеръ Степанъ Клокачевъ для сбора и переписи изъ ряшанъ, дворянъ и солдатъ, и онъ, Степанъ, переписавъ и разобравъ ихъ пополамъ", „сталъ высылать ихъ на работу и собирать деньги на провіантъ и фуражъ" [2]).

Имѣются отрывочныя и не совсѣмъ ясныя свѣдѣнія и о томъ, что перепись въ 1709 году происходила въ Кіевской и Архангелогородской губерніи [3]).

Хотя перепись и началась во многихъ мѣстахъ въ 1709 г., но переходный порядокъ, когда старыя учрежденія энергично принялись за ликвидацію своего управленія, а новыя власти еще собирали свѣдѣнія, „присматривались" и лишь частично принимались за дѣла, сказался и на переписи. Въ ея организаціи не было замѣтно какого-либо опредѣленнаго порядка и правильности. Съ одной стороны, она поручается, какъ напр., въ С.-Петербургской губерніи всецѣло вѣдѣнію ландрихтера, при чемъ ему разрѣшается для вспоможенія въ томъ дѣлѣ брать дворянъ, подъячихъ и служилыхъ людей [4]); или же, какъ въ Азовской губерніи, ландрихтеръ Клокачевъ самъ ѣдетъ въ Ряжскъ, гдѣ и производитъ перепись; съ другой, въ этомъ же дѣлѣ принимаетъ участіе разрядный приказъ: онъ, по сообщенію П. Кикина, даетъ „наказы" переписщикамъ Московской губерніи [5]). Въ однѣхъ мѣстностяхъ пере-

---

[1]) Описаніе М. А. М. Ю., V, № 3384, 3385.

[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 358.

[3]) Свѣдѣнія эти таковы. Въ 1709 году, по увѣдомленію изъ Кіевской губ. (отъ 1715 г.), тамъ въ Комарницкой волости была перепись „тягловыхъ дворовъ", но въ слѣдующемъ году въ той же волости производилась новая перепись, „подворно" (Докл. и приг., V, кн. II, 996—997).

Въ челобитной (1714 г.) архимандрита Архангельскаго монастыря Устюга Великаго сообщается, что за монастыремъ въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ числится 328 дворовъ „по переписнымъ 709 года книгамъ"; впрочемъ въ справкѣ, полученной изъ Архангелогородской губерніи, эти книги именуются „переписными 710 года книгами" (Тамъ же, V, кн. I, 263, 265).

[4]) П. С. З., IV, № 2130, ст. 5.

[5]) Изъ письма къ Апраксину, см. выше стр. 25, примѣчаніе 2.

пись производилась лицами, спеціально для этой цѣли назначенными, въ другихъ—комендантами.

Нѣкоторый непорядокъ въ организаціи переписи сопровождался значительнымъ непорядкомъ въ самомъ производствѣ переписи: тогда же стало извѣстно, что перепищики злоупотребляютъ при переписи, два или три двора соединяютъ въ одинъ и за то берутъ взятки [1]).

При такомъ положеніи правительство въ концѣ 1709 и началѣ 1710 г. усиленно занимается упорядоченіемъ дѣлъ въ областномъ управленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе правильнымъ устройствомъ переписного дѣла.

Въ это время самъ Петръ усиленно занимается вопросами губернской реформы, а также и боярская „консилія", въ которой дѣятельное участіе принимаютъ губернаторы. Относительно переписи 12 февраля 1710 года издается новый указъ, которымъ перепись поручена была губернаторамъ. „Указъ губернатору", какъ стояло въ заголовкѣ подлиннаго текста, гласилъ слѣдующее:

„Въ сей настоящій 1710 годъ къ будущему 1711 году переписать всякому въ своей губерніи дворы крестьянскіе и дѣловыхъ [2]) людей и во дворѣхъ по головамъ людей обоего пола порознь и оныя росписки привезть къ будущему 1711 г., закрѣпя своими руками" [3]). Вскорѣ къ этому было прибав-

---

[1]) Въ цитированномъ выше висьмѣ Кикина къ Апраксину по этому поводу сообщается слѣдующее:

„А въ наказѣхъ, каковы даны на Москвѣ изъ разряду въ Московскую губернію, написано: перепищикамъ велѣно имать во всѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ сказки: прежніе перепищики отъ переписки своей не имали ли съ кого какихъ взятковъ и дву и трехъ дворовъ въ одинъ дворъ не писали-ль, что всѣ сплошь то дѣлали, о чемъ и вамъ, моему государю, чаю, отъ многихъ было слышно.

А въ Азовской губерніи многіе городы по прибытіи моемъ къ Москвѣ переписывали по указу коменданты, и чаю, что и въ нихъ не безъ того-жъ" (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, *л.* 108).

[2]) Въ текстѣ указа, напечатаннаго въ П. С. З., сказано: „дворовыхъ" людей, но ни въ подлинномъ текстѣ, писанномъ рукою Петра (*Сен. Арх., кн. именныхъ указовъ*, I, 46), ни въ современныхъ копіяхъ, которыя мнѣ приходилось встрѣчать среди документовъ, этого слова нѣтъ, тамъ написано: „дѣловыхъ".

[3]) П. С. З., IV, 2253. Внизу текста подлиннаго указа слѣдующая помѣта: „Таково письмо думному дворянину и печатнику Никитѣ Моисеевичу Зотову отдалъ въ Преображенскомъ въ хоромѣхъ Алексѣй Макарьевъ февр. 12-го 1710 г.".

лено: „въ Кіевской и прочихъ губерніяхъ черкасъ, гдѣ оные явятся, не переписывать“ [1]).

Согласно этому указу были розосланы по губерніямъ распоряженія о немедленномъ производствѣ переписи. Такъ въ Азовскую губернію уже отъ 18 февраля на имя губернатора И. А. Толстого отъ Ѳ. М. Апраксина были посланы пункты, въ одномъ изъ которыхъ было сказано: „Во всей Азовской губерніи извольте переписать всѣ наличные дворы и въ нихъ людей подушно, посемейно, какъ и въ прочихъ губерніяхъ учинено, и чтобъ у васъ сіе конечно къ предбудущему году было исправлено, дабы вамъ въ томъ неисправленіи не отвѣтствовать“ [2]).

Этимъ общимъ распоряженіемъ дѣло не ограничилось. Во второй половинѣ февраля происходило въ „консиліи министровъ“ обсужденіе инструкціи, данной въ 1707 году ландрихтеру Римскому-Корсакову, съ цѣлью выработки изъ нея „образцовыхъ пунктовъ“, которыми должны были руководствоваться ландрихтеры другихъ губерній. Въ первомъ пунктѣ этой инструкціи [3]), какъ извѣстно, сообщалось, что ландрихтеру поручается „дворы имянно переписать и сдѣлать подлинные и перечневые по городамъ списки“; къ этому „при канциліи прибавлены“: 1) указъ 17-го февраля 1710 года Ѳ. М. Апраксину о производствѣ въ Азовской губерніи переписи, 2) новый пунктъ 13-ый о порядкѣ производства переписи и о составленіи разныхъ вѣдомостей [4]). Благодаря этимъ

---

[1]) Этотъ указъ въ П. С. З. помѣщенъ въ видѣ приговора, состоявшагося 6 марта въ ближней канцеляріи (IV, № 2256). Голиковъ слилъ его съ предшествующимъ указомъ о переписи 12 февраля (Дѣянія, 2-е изд., IV, 427), помѣтивъ его въ самомъ концѣ указа.

Въ „Описи“ Баранова онъ помѣщенъ подъ 17 февр., но соединенъ, какъ и въ П. С. З., съ другимъ, говорящимъ о винокуреніи и продажѣ питій. Въ дѣйствительности же это особый „словесный указъ“ Петра отъ 17 февр.; его „закрѣпилъ Никита Зотовъ“ (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, I, 46 об.). Затѣмъ уже въ указѣ, посланномъ въ Азовскую губ. изъ ближней канцеляріи 17 февр. за подписью Н. Зотова, онъ включенъ въ указъ 12 февр. и составилъ съ послѣднимъ одинъ указъ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 4, л. 42).

[2]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 248, л. 18.

[3]) П. С. З., IV, № 2130.

[4]) Инструкція, подвергшаяся измѣненіямъ при консиліи, хранится (въ копіи) въ *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 1, л. 119 — 124 (см. о ней у Милюкова, Государств. хозяйство, стр. 281—282).

добавленіямъ Апраксинъ уже 8 марта посылаетъ „образцовые пункты“ азовскому губернатору Толстому и оберъ-коменданту Колычеву.

Въ инструкціи пунктъ 1-ый гласилъ: „Ежели господину ландрихтеру за многодѣльствомъ во всѣ городы самому ѣздить невозможно, тогда изволь къ комендантамъ послать указы съ подкрѣпленіемъ, чтобы они переписывали крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ нихъ людей мужеска и женска полу имянно числомъ и въ лѣта вѣрно, а ежели послѣ сыщется какая ихъ, комендантовъ, неправда, и за то имъ будетъ учинено жестокое наказаніе и сосланы будутъ на каторгу въ вѣчную работу“ [1]).

Посылка „образцовыхъ пунктовъ“ въ Азовскую губернію не была единичной. Извѣстно о такой же посылкѣ и въ Казанскую губернію. 10-го сент. 1710 года Ѳ. М. Апраксинъ писалъ своему брату Петру Матвѣевичу, казанскому губернатору: „Не могу и сего оставить безъ доношенія: которые образцовые пункты и указы о состояніи Ингерманландской губерніи для вѣдѣнія послалъ я до вашей братской милости, и противъ оныхъ изволишь приказать, дабы исправляли въ вашей губерніи съ немалой опасностью, зѣло смотрять того, чтобъ вездѣ противъ того было исполнено“ [2]).

Вновь приписанный пунктъ 13-ый этой инструкціи гласитъ слѣдующее: „Когда всѣ городы переписаны будутъ, тогда сдѣлать вѣдомость, что въ которомъ городѣ какого чина людей и захребетниковъ, также чиновныхъ и посадскихъ людей, и въ уѣздѣ дворовыхъ и патріаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ и вотчиниковыхъ дворовъ порознь по переписнымъ книгамъ и что по нынѣшней пирепискѣ явится сверхъ переписныхъ книгъ лишку, также что какихъ съ тѣхъ городовъ окладныхъ и неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ всякихъ сборовъ на годъ сбирается, и тому всему подлинныя и перечневыя вѣдомости за рукою прислать въ ингерманландскую въ главную канцелярію, да особливо справиться, что съ начала нынѣшней войны съ тѣхъ городовъ чрезвычайныхъ какихъ поборовъ, а имянно, сколько куда работныхъ людей и подводъ въ высылкѣ было, такъ же и о рекрутныхъ, что оныхъ куда взято и что нынѣ на лицо и взять доведется, и тому вѣдомость прислать же; когда перепишутъ ландрихтеры, съ тѣхъ переписныхъ книгъ послать вѣдомость въ адмиралтейскій приказъ, а таковы-жъ оставить въ главныхъ городѣхъ, въ Азовѣ и на Воронежѣ; а за многодѣльствомъ ландрихтерамъ той переписки вскорѣ учинить невозможно, и надлежитъ послать добрыхъ людей изъ комендантовъ за крестнымъ цѣлованьемъ и написать имъ страхъ въ наказѣхъ подъ жестокою казнью“ (*л.* 122).

[1]) А. *Мор, М., дѣла гр. Апраксина,* № 248, *л.* 29 и 34.

[2]) А. *Мор. М., дѣла гр. Апраксина,* № 248, *л.* 174.

Надо думать, что и въ другія губерніи были посланы въ качествѣ руководства тѣ же „образцовые пункты и указы“.

Итакъ, въ началѣ 1710 года переписное дѣло значительно было упорядочено, оно возложено было на губернаторовъ, изъ которыхъ „всякому въ своей губерніи“ велѣно было переписывать дворы и людей, непосредственное же завѣдываніе переписью было поручено ландрихтерамъ съ тѣмъ, чтобы они, если бы „за многодѣльствомъ во всѣ городы“ ѣздить сами не могли, передали переписку тѣхъ городовъ комендантамъ [1]).

О ходѣ переписи въ 1710 году наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются относительно Азовской губерніи. Какъ только въ ней полученъ былъ указъ о производствѣ переписи, то ландрихтеръ Тамбовской провинціи въ отвѣтъ на „наказъ“ 8-го марта, пунктомъ первымъ котораго предписывалось о той перепискѣ „послать указы къ комендантамъ“, если самому ландрихтеру невозможно будетъ ѣхать во всѣ города, особымъ письмомъ увѣдомлялъ Апраксина, что ему самому произвести перепись невозможно, поручить комендантамъ тоже нельзя въ виду злоупотребленій, допущенныхъ ими во время прошлогодней переписи, остается послать „нарошныхъ перепищиковъ“ изъ дворянъ, которые могли бы управиться съ этимъ дѣломъ къ назначенному сроку. Кикинъ и просилъ Апраксина распорядиться, чтобы ему на Москвѣ дали такихъ дворянъ [2]).

---

[1]) Впрочемъ изъ такого порядка Московская губернія представляла изъятіе: въ ней и въ 1710 году переписью завѣдывалъ разрядъ (Докл. и приг., I, 424—426).

[2]) Мотивы просьбы Кикина ясно видны изъ самаго текста письма: „Если и нынѣ, сообщалъ онъ, для переписки ихъ же (комендантовъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ злоупотребленіяхъ при перепискѣ предшествующаго времени—см. выше) послать, и они и за крайнюю неволю укрывая прежнее свое дѣло, станутъ чинить то-жъ, чего и разобрать будетъ нельзя, изъ чего опасаюсь, чтобъ не причтено было мнѣ къ винѣ.

А если посылать нарошныхъ перепищиковъ, и у меня нынѣ изъ царедворцевъ только три человѣка, а четвертой Леонтій Ладыженской, которой посланъ нынѣ въ Петербургъ изъ помѣстнаго приказу съ работниками, о которомъ у тебя милости прошу, чтобъ онъ черезъ милость твою присланъ былъ ко мнѣ по прежнему, понеже онъ истинно человѣкъ доброй и умной и къ дѣлу прилежной, и если явится отъ него въ государевыхъ дѣлахъ какое неисправленіе, изволь то взыскивать на мнѣ.

На это письмо Ө. М. Апраксинъ на другой же день послѣ получки отвѣчалъ (25 апрѣля изъ Выборга) Кикину: „О дворянахъ до Тихона Никитича писано, и впредь буду писать и нынѣ писалъ. Переписку (же) двороваго числа прикажи переписать, кому ты вѣришь, имянно, что мужска и женска полу и въ каковы лѣта, а двороваго числа хотя кто и утаитъ, а о имянной перепискѣ утаить немочно, и объявить указъ, ежели кто имянно у переписки не объявитъ, а послѣ кто обличитъ, то отдано будетъ тѣмъ безповоротно, а у помѣщиковъ и послѣднее будетъ взято на Великаго Государя“ [1]).

Этимъ разрѣшеніемъ Кикинъ, по полученіи письма, и воспользовался. „Для переписки дворовъ, писалъ (20 іюля 1710 г.) Кикинъ изъ Тамбова Апраксину, и въ нихъ людей по головамъ обоихъ половъ перепищиковъ“ онъ, по пріѣздѣ своемъ въ Шацкъ, „во всѣ городы отправилъ“, имъ далъ „пункты“ и сообщилъ „о томъ о всемъ“ въ адмиралтейскій приказъ и надѣется, что „переписка дворовая“ (также, какъ и сборы государевы) „во исправленіи къ декабрю будетъ“ [2]). Изъ болѣе поздняго сообщенія Кикина Апраксину (отъ 18 октября 1710 г.) узнаемъ, что для переписи были посланы: „въ Шацкой да въ Саранской уѣзды по 2 человѣка, въ Инсарской и въ Троицкой уѣзды—одинъ, въ Наровчатовской и въ Краснослободской уѣзды—одинъ же, въ Борисоглѣбской

Только, государь, если для переписки изволишь посылать мимо комендантовъ нарошныхъ, и въ тѣ посылки тѣхъ дворянъ будетъ мало и управить той переписки тѣми людьми будетъ невозможно, а самому мнѣ одному врядъ управить переписскою и одинъ Тамбовъ, для того что я нынѣ и на Москвѣ отъ тамошнихъ жителей зѣло отягощенъ многими дѣлами; прикажи, государь, для переписки буде изволишь нарочныхъ посылать, дворянъ по своему разсмотрѣнію мнѣ прибавить, для того что въ тѣхъ городѣхъ, которые повелѣно мнѣ вѣдать, есть городы и такіе, что иного и одного въ цѣлый годъ врядъ описать, а нынѣшняя переписка и поготову предъ прежними многотрудная, надобно всякого человѣка самому осмотрѣть и описать, въ каковы кто лѣта и если гдѣ явится сверхъ переписныхъ книгъ какіе прибылые, о всякомъ надобно взять подлинное извѣстіе, откуда кто прибылъ; да и для иныхъ дѣлъ въ посылки безъ дворянъ мнѣ быть невозможно, а на Москвѣ безъ повелѣнія твоего дворянъ въ прибавку къ тѣмъ мнѣ не дано“ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 108, 109).

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 248, л. 60.

[2]) *Тамъ же*, № 10, л. 93—94.

и въ Петровской—одинъ же, а въ прочіе [1]) по человѣку". „А комендантамъ, сообщаетъ Кикинъ, у переписки быть я не велѣлъ, за тѣмъ, снова онъ повторяетъ прежній доводъ, что въ прошломъ 709 году многіе коменданты у переписки явились неиспровны, и если-бъ нынѣ опять быть имъ-же, и имъ бы укрывая себя отъ неисправленія и по нуждѣ чинятъ то-жъ" [2]).

Въ послѣдующее время Ѳ. М. Апраксинъ продолжалъ заботиться о переписи и давалъ указанія о ней. Такъ когда Григорій Племянниковъ запрашивалъ объ отписныхъ вотчинахъ, то Апраксинъ 9 августа отвѣчалъ неопредѣленно: „О перепискѣ волостей, какимъ манеромъ переписывать, указу никакого изъ адмиралтейскаго приказа не дано", а позднѣе (31 авг. и 3 окт.) сообщилъ, что „Василью Лутовинову переписывать велѣть"; въ послѣднемъ письмѣ, подтверждая это распоряженіе, писалъ: „Исполняйте по оному указу, а безъ того, чтобъ не переписывать, ни которыми дѣлы немочно пробыть, а на работу отписныхъ крестьянъ никуда отнюдь кромѣ заводовъ не давать, понеже они опредѣлены для работъ къ заводамъ" [3]).

Въ сильной степени озабочивало Апраксина то обстоятельство, чтобы при переписи не было злоупотребленій, не происходила утайка и прописка не столько дворовъ, сколько людей. 10-го сентября, правда нѣсколько поздно, онъ разсылаетъ всѣмъ главнымъ управителямъ Азовской губерніи: губернатору Толстому, ландрихтеру Кикину и оберъ-коменданту Колычеву письма однороднаго содержанія.

Такъ на имя Колычева онъ писалъ: „Хотя я до васъ о перепискѣ въ городѣхъ Воронежскаго присудствія и о другихъ дѣлахъ неоднократно писалъ и пункты и копіи съ указовъ, каковы о томъ состоялись въ Ингерманландской губ., для вѣдѣнія послалъ и надѣюсь, что по оному исправляете,

---

[1]) Изъ прочихъ уѣздовъ, подвѣдомственныхъ П. Кикину, объ одномъ, именно о Керенскомъ извѣстно, что онъ былъ переписанъ въ 1710 г. Лаврентьемъ Богдановымъ (Докл. и приг., III, кн. I, 53).

[2]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, *л.* 124.

[3]) *Тамъ же*, № 248, *л.* 126, 156, 182—183.

однако жъ о перепискѣ паки подтверждаю г. ландрихтеру, такъ же и всѣмъ, которые для переписки посланы въ городы Воронежскаго присудствія, извольте объявить, чтобъ они переписывали вѣрно и того смотрѣли накрѣпко, чтобъ не только мужска полу и женска, но ни единъ младенецъ въ перепискѣ пропущенъ не былъ, о чемъ имянно Царское Величество изволилъ упоминать и впредь обѣщается сыскивать; ежели хотя малое число сыщется не противъ указу, то перепищикамъ учинена будетъ смертная казнь. Повторяя, подтверждаю, дабы сего смотрѣли накрѣпко".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Апраксинъ торопилъ и съ окончаніемъ переписи. „Ежели, продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ, по прежнимъ моимъ письмамъ со всякими принадлежащими вѣдомостьми и перепискою въ декабрѣ мѣсяцѣ управиться не можете, то извольте пріѣзжать сюда конечно генваря къ 1 числу предбудущаго 1711 года, а что у васъ понынѣ сдѣлано, о всемъ состояніи извольте прислать ко мнѣ вѣдѣніе" [1]).

Любопытно отмѣтить, что въ то же время (10-го сент.) Ѳ. М. Апраксинъ посылаетъ письмо подробного же содержанія и своему брату П. М. Апраксину, казанскому губернатору, въ которомъ просилъ его „накрѣпко подтвердить въ своей губерніи ландрихтерамъ и всѣмъ, которые переписываютъ посады и уѣзды, чтобы переписывали вѣрно", и буквально повторялъ прежнее письмо вплоть до угрозы смертной казнью [2]).

Видимо, вопросъ о переписи сильно безпокоилъ заботливаго брата, такъ какъ нѣсколько спустя (4-го окт.) Ѳедоръ Матвѣевичъ, пользуясь возможностью отправить брату письмо „съ знакомцемъ его Белеутовымъ", снова писалъ: „При настоящемъ случаѣ вашей братской милости ко извѣстію

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 248, *л.* 169, 171 (Толстому), 173 (Кикину).

[2]) *Тамъ же*, *л.* 173—174. Въ письмѣ Ѳ. М., сообщивъ о томъ, чтобы братъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ „конечно генваря къ 1 числу предбудущаго 1711 года", добавляетъ: „когда изволишь сюда путь воспріять, не изволь брать съ собою великаго людства, также и лошадей, понеже здѣсь конского корму и деньгами сыскать ничего неможно, развѣ кто съ собою что привезетъ, тѣмъ будутъ и довольствоваться".

иного не имѣю, точію о перепискѣ въ вашей губерніи уѣздовъ и о всемъ поведеніи противъ здѣшней губерніи; хотя я неоднократно вашей братской милости доносилъ, однакожъ и нынѣ безъ доношенія не могъ оставить. Для Бога изволь накрѣпко подтвердить въ своей губерніи", „чтобы переписывали вѣрно". Въ концѣ письма снова повторяетъ: „Для Бога, государь братецъ, изволь о семъ себя остеречь" [1]).

Эти письма говорятъ о тревогѣ по поводу переписи: уже тогда во время самого производства ея возникло опасеніе, не происходитъ ли утайка, вѣрно ли ведется регистрація. Но серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобы предотвратить злоупотребленія, никакихъ не предпринимается. Остаются старыя угрозы: помѣщикамъ за утайку—отписка имѣній на Государя, перепищикамъ—„казнь", „жестокое наказаніе", „ссылка на каторгу въ вѣчную работу", а позднѣе даже „смертная казнь". Нѣкоторой новостью было бы намѣреніе царя, по которому онъ „впредь обѣщается сыскивать", если въ этихъ словахъ видѣть желаніе его произвести общее разслѣдованіе о переписи. Но эта фраза лишь промелькнула въ письмѣ Апраксина и по ней судить объ истинномъ намѣреніи Петра трудно.

Что касается посылки писемъ Апраксинымъ, то она существеннаго значенія имѣть не могла, хотя бы потому, что письма были разосланы слишкомъ поздно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ это время перепись уже была закончена.

Благодаря тому обстоятельству, что перепись въ Азовской губерніи была поручена особо командированнымъ лицамъ, она подвигалась здѣсь довольно быстро. 18-го октября 1710 г. тамбовскій ландрихтеръ писалъ Апраксину, какъ бы извиняясь за медлительность въ переписи, чего на самомъ дѣлѣ не было: „А переписка, государь, во окончаніе еще по се число не пришла, истинно не за оплошкою и не за лѣнью, токмо за многотрудностью, потому что нынѣшняя переписка предъ прежними переписками зѣло многотрудная: надобно всякаго человѣка на лицо осмотрѣть самому, а паче же, государь, смотру мѣшкота въ перепискѣ чинится за сказ-

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 248, л. 185—186.

ками, что многіе уѣздные незнающіе люди сказки, не знаючи, подаютъ не противъ государева указу и образцовыхъ сказокъ, и за тѣмъ въ иномъ мѣстѣ одну сказку переписываютъ дважды и трижды, оттого, государь, и пущая мѣшкота, только чаю, что къ ноябрю, а кончая къ половинѣ ноября и переписка совсѣмъ окончится“ [1]).

Впрочемъ перепись въ Тамбовской провинціи затянулась нѣсколько дольше, чѣмъ предполагалъ Кикинъ. Такъ отъ 3 ноября онъ писалъ Апраксину: „Перепищики за выправкою перечней съ новыми переписными книгами въ Тамбовъ еще не бывали; а въ Шацку и по се число еще не всѣ переписаны, для того что уѣздъ всѣхъ больше и на дальнемъ разстояніи“. Чтобы ускорить дѣло въ Шацкѣ и привести перепись къ концу, Кикинъ принялъ энергичныя мѣры: „для поспѣшенія, сообщаетъ онъ, послалъ нынѣ въ Шацкой уѣздъ въ помощь къ перепищику еще два человѣка, и чаю, ноября къ 10 или къ 20 кончая во всѣхъ городѣхъ переписка и съ перечнями окончится“ [2]).

Можно думать, что въ Тамбовской провинціи перепись закончилась въ концѣ 1710 года. Но далеко не вездѣ такъ обстояло дѣло, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перепись продолжалась и въ 1711 году. Такъ, напр., изъ табеля дворовъ Кіевской губ. видно, что дворы по той губерніи „въ 710 году были не дописаны, а переписаны въ 711 году“ [3]). Въ Казанской губ. по Нагайской дорогѣ ясашныя села переписывалъ ландрихтеръ Аѳанасій Кузьминъ-Короваевъ тоже въ 1711 году [4]).

Изъ организаціи хода переписи не видно, чтобы она вносила какія либо существенныя новшества въ переписное дѣло. Перепищики получали наказы съ разъясненіемъ, какъ производить перепись. Такъ какъ при учрежденіи губерній всюды были разосланы копіи съ прежнихъ наказовъ, то, вѣроятнѣе всего, наказы перепищикамъ представляли собой

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина,* № 10, л. 124.

[2]) *Тамъ же,* л. 164.

[3]) *А. М. Ю.*, № 111, л. 360.

[4]) Докл. и приг., V, кн. I, 380.

копіи съ прежнихъ наказовъ съ небольшими измѣненіями, соотвѣтствующими обстоятельствамъ и государевымъ указамъ о новой переписи.

Въ перепись должны были заноситься по прежнему дворы посадскіе, крестьянскіе, бобыльскіе, людей задворныхъ и дѣловыхъ; словомъ тѣ же разряды населенія, какіе были захвачены старой переписью 186 года. Но въ нѣкоторомъ отношеніи перепись 1710 года существенно отличается отъ прежней: она захватила собой низшіе группы служилаго класса, числа дворовъ которыхъ не знаетъ перепись 186 года. По Кіевской, Азовской и Сибирской губерніямъ въ нее вошли городовые дворяне и дѣти боярскіе, однодворцы, пушкари, затинщики, воротники и другіе, словомъ весь низшій разрядъ служилыхъ людей окраинъ. Частныя переписи предшествующаго времени, не разъ регистрируя, напр., „тульскихъ засѣчныхъ сторожей", „ряшанъ и сапожковцевъ", подготовили путь къ внесенію и этого разряда въ переписныя книги наряду съ тяглыми людьми.

Затѣмъ нельзя не указать на то обстоятельство, что при переписи 1710 обращалось вниманіе не только на число дворовъ, но и на количество населенія. Интересъ къ числу людей былъ на столько великъ, что требовалось вносить въ переписныя книги всѣхъ безъ изъятія, при томъ такъ, чтобы, по словамъ Ѳ. М. Апраксина, „ни единъ младенецъ въ перепискѣ пропущенъ не былъ".

Существенной новостью также было то, что въ перепись, по указу 12 февраля 1710 года, слѣдовало вносить не только людей мужскаго пола, но и женскаго [1]).

Какъ было указано раньше, основной порядокъ былъ тотъ, что перепись должны производить мѣстныя власти подъ

---

[1]) За предшествующее время извѣстенъ одинъ исключительный случай, когда по указу 14 февр. 1671 года должны были вноситься въ перепись женщины и дѣти; по этому указу велѣно было „въ Тамбовѣ и Тамбовскомъ уѣздѣ въ Верхоцейской волости переписать служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей и пашенныхъ крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи по селамъ и по деревнямъ порознь, которые въ измѣнѣ не были и которые были, и кто на какомъ тяглѣ напередъ сего былъ и по чему чего кто платилъ" (П. С. З. I, № 488).

руководствомъ губернатора и ландрихтера. Что они ее и производили, на это имѣется цѣлый рядъ точныхъ указаній. Такъ въ Азовской губ. кромѣ ландрихтера Кикина, переписывавшаго Тамбовъ, другой ландрихтеръ Степанъ Клокачевъ переписалъ Елецъ [1]). Городъ Лебедянь съ уѣздомъ переписывалъ лебедянскій комендантъ Иванъ Домогацкій [2]). Трубчевскъ съ селами и деревнями былъ переписанъ брянскимъ комендантомъ Иваномъ Ржевскимъ [3]). Сѣвскъ былъ переписанъ комендантомъ Григорьемъ Колтовскимъ [4]).

Въ С.-Петербургской губерніи г. Торопецъ съ волостями, а также и Холмскій уѣздъ переписывалъ въ 1710 году торопецкій „вице-комендантъ" Филиппъ Мусоринъ [5]). На Бѣлоозерѣ городъ и посадъ были переписаны комендантомъ Василіемъ Римскимъ-Корсаковымъ [6]).

Въ Казанской губ. Нижегородскій уѣздъ переписывалъ нижегородскій же оберъ-комендантъ Иванъ Леонтьевъ [7]). Въ Московской губ. городъ Суздаль переписывалъ Владимірской провинціи оберъ-комендантъ Андрей Барковъ и комендантъ Данила Татищевъ [8]).

Но наряду съ такимъ порядкомъ широко практиковался пріемъ, по которому для переписи посылали особыхъ лицъ изъ дворянъ и приказныхъ. Такъ, напр., изъ доношенія (1715 г.) вице-губернатора Архангелогородской губерніи Лодыженскаго узнаемъ, что въ одномъ Вологодскомъ уѣздѣ въ 1710 г. было 7 человѣкъ перепищиковъ [9]).

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 358.
[2]) Описаніе, II, № 3489; V, № 3162, 3169.
[3]) Тамъ же, II, № 3392.
[4]) Тамъ же V, № 3391. Имѣются еще свѣдѣнія объ Азовской губ., что въ слободахъ, селахъ и деревняхъ Тамбовскаго уѣзда перепись производилъ, судя по скрѣпѣ, стольникъ и воевода Өедоръ Дурновъ (Тамъ же, V, № 3510); г. Сокольскъ съ уѣздомъ переписывалъ Лукьянъ Сытинъ (Докл. и приг., V, кн. I, 399).
[5]) Описаніе, I, № 2659, 2779.
[6]) Описаніе, I, № 136.
[7]) Докл. и приг., III, кн. II, 723; V, кн. I, 480.
[8]) Описаніе, I, № 2578.
[9]) Петръ Слѣпушкинъ, Стефанъ Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Большой Леонтьевъ, Алексѣй Уваровъ, Григорій Золотиловъ, Алексѣй Даниловъ-Домнинъ и Димитрій Лызловъ (Докл. и приг., V, кн. II, 705).

Въ С.-Петербургской губ. на Бѣлоозерѣ, судя по сохранившимся переписнымъ книгамъ, только городъ съ посадомъ были переписаны комендантомъ Римскимъ-Корсаковымъ, въ перепискѣ же волостей еще участвовали слѣдующія 8 лицъ: стольникъ Максимъ Коротневъ, Иванъ Сназинъ, Василій Моложениновъ, стольникъ Иванъ Коротневъ, Иванъ Панфиловъ, Алексѣй Епанчинъ, Иванъ Валутинъ и Афанасій Худошинъ [1]).

Въ Московскую губернію тоже посланы были многія лица, спеціально назначенныя для переписи дворовъ [2]). Въ Муромскомъ уѣздѣ Казанской губ. дворы переписывалъ стольникъ Матвѣй Саловъ, посланный туда изъ казанской губернской канцеляріи [3]). Объ Азовской выше было указано, что ландрихтеръ Кикинъ особымъ письмомъ просилъ Апраксина назначить ему въ помощь „нарошныхъ дворянъ“, которые помогли бы ему въ переписи „мимо комендантовъ“, заподозрѣнныхъ имъ въ злоупотребленіи при переписи. О Сибири сообщается, что туда для переписки дворовъ въ 1710 году былъ посланъ стольникъ Мещерскій [4]).

Естественно ожидать, что среди лицъ, нарочно посланныхъ для переписки дворовъ, могли оказаться люди совершенно неопытные. Въ какомъ безпомощномъ положеніи были такіе перепищики, сообщаетъ намъ случай, происшедшій со стольникомъ В. Вердеревскимъ. Въ 1710 году Вердеревскій, служившій до того у набора рекрутъ и въ арміи, былъ командированъ на Рязань въ Пронскъ для переписи, гдѣ и переписалъ дворы въ Каменномъ стану съ помощью пронскихъ подьячихъ. Но когда пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ мѣсяцѣ, по словамъ подьячаго Топильскаго, „послѣ другихъ пере-

---

[1]) Описаніе, I, № 130—139. Точно также и городъ Ярославль съ уѣздомъ былъ переписанъ въ 1710 году слѣдующими 7 лицами: Петромъ Векентьевымъ, Васильемъ Алябьевымъ и Ѳедоромъ Костюринымъ, комендантомъ Степаномъ Коровинымъ, стольникомъ Афанасьемъ Винцигоринымъ, стольникомъ Ѳедоромъ Мустафинымъ и дьякомъ Жуковымъ (Тамъ же, I, № 2968—2973). Сверхъ того упоминаются „переписныя книги 710 года“ Ярославскаго уѣзда переписи стольника Якова Мусина-Пушкина (Докл. и приг., VI, кн. I, 405).

[2]) Докл. и приг., I, 424.

[3]) Тамъ же, V, кн. I, 440.

[4]) Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе, 57.

пищиковъ", то былъ задержанъ здѣсь „въ неисправленіи книгъ": къ его переписнымъ книгамъ не было перечня и табеля. Отъ него потребовали, чтобы все это онъ сдѣлалъ и представилъ въ разрядъ, но онъ „за недознаніемъ" сдѣлать того не могъ. Тогда обратился Вердеревскій къ подъячему разряднаго приказа, завѣдывавшему пріемомъ переписныхъ книгъ, Ивану Топильскому, который за большую плату договорился докончить его работу вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ подъячимъ Симоновскимъ, но работы всей не сдѣлалъ, а Вердеревскаго задержалъ и посадилъ подъ караулъ. Тогда Вердеревскій, разгнѣванный, набросился на подъячаго и на солдатъ караульщиковъ съ шашкой, крича имъ, что онъ ихъ заколетъ. И тотъ и другой по приговору сената (31 дек. 1711 г.) были наказаны.

Затрудненіе Вердеревскаго не было единичнымъ. По словамъ подъячаго Топильскаго, „какъ пріѣхали въ 1710 г. перепищики съ переписными книгами къ Москвѣ", „и по указу съ переписныхъ книгъ велѣно перепищикамъ самимъ сдѣлать перечни и табели, и тѣ перепищики за недознаніемъ въ дѣлѣ тѣхъ табелей, многіе нанимали дѣлать табели разныхъ приказовъ подъячихъ изъ найму" [1]).

Не смотря на неопытность многихъ перепищиковъ, перепись въ общемъ продолжалось недолго: она закончилась повсемѣстно въ 1711 году [2]).

---

[1]) Ниже Топильскій снова повторяетъ: „Многіе перепищики переписныя и перечневыя книги и табели дѣлали наймомъ-жъ" (Докл. и приг., I, 424—427).

[2]) Въ Описаніи М. А. М. Ю. въ книгахъ I, II, V, сохранились слѣдующія переписныя книги 1710 и 1711 годовъ (въ I-ой книгѣ съ 1 номера до 2975, во II-ой съ 2976—3481, во V-ой съ 3481 по 3505): по Бѣлоозеру—№ 130—139; по Клину—№ 3488; по Котельничу—№ 3148; по Кромамъ—№ 3155—3161; по Лебедяни—№ 3162—3164, 3489; по Орлову (на р. Вяткѣ)—№ 3234, по Романову—№ 2107; по Слободскому (пригороду Вятки)—№ 3343; по Сольвычегодску—№ 3378 3379; по Суздалю (1711 года)—№ 2578; по Сѣвску (1711 г.)—№ 3386—3391; по Тамбову—№ 3510; по Твери—№ 2624; по Торопцу—№ 2659; по Трубчевску—№ 3392; по Хлынову—№ 3426; по Холму—№ 2779; по Шацку—№ 3502, 3503 по Шестакову—№ 3440; по Ярославлю—№ 2968—2975 (послѣднія двѣ относятся къ 1711 году). Кромѣ того книги этой же переписи могутъ оказаться и среди книгъ болѣе раннихъ годовъ (см. выше стр. 3). Затѣмъ среди „ландратскихъ" (?!) книгъ *А. М. Ю.* помѣщено довольно значительное число книгъ 1709 и 1710 г.г., которыя относятся къ той же переписи (П. Иванова, Описаніе госуд. арх. ст. дѣлъ, М., 1850 г., 359—383).

Повидимому, раньше всѣхъ съ переписью справилась С.-Петербургская губернія: уже въ самомъ началѣ 1711 г. ею былъ поданъ въ ближнюю канцелярію „табель о переписке прошлаго 710 года, дворовъ и въ нихъ людей". А 2 марта этотъ табель былъ слушанъ и разсматриваемъ самимъ Государемъ во время его присутствованія „въ ближней канцеляріи въ консиліи"; и тогда же послѣдовалъ высочайшій указъ: „въ другихъ во всѣхъ губерніяхъ двོрому числу и людямъ учинить и взнесть въ ближнюю канцелярію табели противъ онаго С.-Петербургской губерніи табеля". Къ этому въ указѣ было прибавлено: „А буде въ которой губерніи противъ того С.-Петербургской губерніи табеля какихъ чиновъ не переписывано, и тѣхъ чиновъ дворы и въ нихъ людей переписать же конечно сего года къ сентябрю мѣсяцу". Тогда же въ мартѣ мѣсяцѣ по губерніямъ были разосланы соотвѣтствующіе указы, которые позднѣе неоднократно были подтверждаемы [1]). При указѣ былъ приложенъ образцовый табель С.-Петербургской губерніи [2]).

---

[1]) Такъ, указъ отъ 2 марта, посланный въ Азовскую губ. къ Ѳ. Апраксину, былъ подтвержденъ указами изъ ближней канцеляріи октября 8 и ноября 29-го того же 1711 г. (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина,* № 22, *л.* 160).

Къ присылкѣ табелей относится слѣдующій приговоръ сената 8 апрѣля 1711 г.: въ губерніи опричь Московской, С.-Петербургской, Азовской и Сибирской къ губернаторамъ послать указъ, чтобы были присланы въ канцелярію сената табели „о дворовомъ числѣ и что въ нихъ людей по нынѣшней переписке" „противъ табеля С.-Петербургской губерніи" (Докл. и приг., I, 71; ср. П. С. З., IV, № 2372).

О подтвержденіи указа узнаемъ изъ приговора сената 24 окт. 1711 года, гдѣ говорилось: во всѣ губерніи „о присылкѣ приходныхъ и расходныхъ книгъ, также съ переписныхъ 710 г. книгъ о дворовомъ числѣ и о людяхъ и о всякихъ съ нихъ сборѣхъ подлинныхъ вѣдомостей послать указы съ прежнихъ отпусковъ, дабы тѣ книги и вѣдомости съ дьяками и съ подьячими присланы (были) къ Москвѣ въ канцелярію прав. сената безо всякаго мотчанія", а самое позднее—къ декабрю мѣсяцу, чтобы можно было сдѣлать генеральныя вѣдомости и табели для представленія Царскому Величеству; „а какіе изъ переписныхъ книгъ людемъ и дворовому числу и всякимъ сборамъ надлежитъ табели сдѣлать, и тому при указѣхъ послать въ губерніи образцовыя вѣдомости" (Докл. и приг., I, 284).

[2]) Къ присылкѣ табелей относится слѣдующій указъ 31 окт. 1711 года: „Учинить табель: 1) что по переписнымъ книгамъ 186 г. и прошлаго 710 г. въ (N) губерніи и въ городѣхъ дворовъ и въ нихъ людей муж. пола и по новымъ книгамъ, что прибыло или убыло и росписать окладного приходу, почему будетъ на дворъ по переписнымъ книгамъ 166 г. и по новымъ, также и на человѣка почему обойдется; 2) которыя села и деревни явились противъ переписныхъ книгъ 186 г. дворами сходны; 3) что въ которыхъ сверхъ переписныхъ книгъ лишку;

Однако присылка табелей затянулась; нужно было списываться областнымъ правителямъ, затѣмъ собравъ свѣдѣнія по уѣздамъ и провинціямъ, составить одну общую погубернскую вѣдомость — „табель". Очевидно, переписка и сводка отнимали много времени. Такъ копію съ указа отъ 2 марта о представленіи табеля ландрихтеръ Воронежской провинціи Степанъ Клокачевъ получилъ отъ губернатора Толстого только въ іюлѣ мѣсяцѣ [1]). Неудивительно, что въ теченіе всего 1711 г. Азовская губернія не могла представить требуемаго табеля, и онъ былъ присланъ въ сенатъ лишь 28 апрѣля 1712 г. [2]).

Впрочемъ отъ нѣкоторыхъ губерній табель былъ представленъ въ 1711 г. Такъ, Смоленской губерніи табель былъ поданъ въ сенатъ въ 1711 году. [3]).

По сообщенію изъ Казанской губерніи, „городамъ и въ нихъ дворовому числу и людемъ, росписавъ по чинамъ мужеска и женска полу по переписи 710 г., учиненной табель посланъ къ Москвѣ съ дьякомъ Дмитріемъ Неупокоевымъ декабря 15-го прошедшаго 711 г., велѣно ему оной табель объявить въ ближней канцеляріи" [4]).

Но присылка табелей изъ губерней была такъ неаккуратна, что сенатъ, которому табели были необходимы въ цѣляхъ обложенія, въ началѣ 1712 года обратился къ губернаторамъ съ указомъ, въ которомъ, предлагая отвѣтить на разные пункты, въ особомъ пунктѣ [5]) требовалъ: „О дворо-

4) въ которыхъ противъ переписныхъ книгъ убыло и что за тѣмъ въ остаткѣ; 5) которыя села и деревни всѣ запустѣли" (*А. М. Ю.*, № 17, л. 18).

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 21, л. 20—21.

[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 358.

[3]) Тамъ же, III, кн. II, 479.

[4]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 37, л. 105.

[5]) Въ пунктѣ 13-мъ указа губернатору казанскому (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 37, л. 105). Въ указѣ сената отъ 23 февраля 1712 г. сибирскому губернатору „о дворовомъ числѣ и о учиненіи табеля" говорится въ пунктѣ 30, сверхъ текста, приведеннаго въ пунктѣ 13-омъ указа казанскому губернатору, здѣсь читаемъ: „о чемъ посланы указы изъ ближней канцеляріи и изъ канцеляріи прав. сената; указы о томъ посланы (въ 1711 г.) мая въ 21, октября въ 29 числѣхъ, а при указѣ окт. 29 числа посланы другія образцовыя вѣдомости, какія изъ переписныхъ книгъ людемъ, дворовому числу и всякимъ сборамъ надлежитъ сдѣлать". На это губернаторъ въ доношеніи отъ 19 марта 1712 г. сообщалъ кратко: „о дворовомъ числѣ табели дѣлаютъ" (*А. М. Ю.*, № 155, л. 106, 132).

вомъ числѣ, что въ нихъ людей обоихъ половъ по перепискѣ, учиня табель противъ посланной образцовой С.-Петербургской губерніи прислать въ канцелярію прав. сената".

Напоминаніе ускорило присылку табелей. Такъ доношеніемъ изъ Архангелогородской губерніи 3 марта 1712 года сообщалось, что табель той губерніи, составленный „по образцовому табелю", былъ „посланъ въ канцелярію прав. сената съ подьячимъ Яковомъ Строгацкимъ" [1]). Табель Кіевской губ. былъ поданъ въ канцелярію сената въ томъ же 1712 году [2]). Лишь объ одной далекой губерніи, губерніи Сибирской, имѣются свѣдѣнія, что табель дворовому числу той губерніи былъ представленъ въ сенатъ въ 1714 году [3]), очевидно, позднѣе всѣхъ.

Отсюда видно, что только въ 1714 году сенатъ по присланнымъ табелямъ могъ составить отчетливое и детальное представленіе объ итогахъ переписи 1710 года.

Каковъ же былъ результатъ новой общей переписи? Вѣроятнѣе всего, что правительство, предпринимая эту перепись и приводя въ извѣстность наличное количество дворовъ, значительно измѣнившееся по отдѣльнымъ мѣстностямъ со времени переписи 1678 года, о чемъ администрація имѣли достаточно свѣдѣній, надѣялось въ общемъ обнаружить приростъ населенія и тѣмъ увеличить количество плательщиковъ. Такая надежда могла исходить изъ общаго представленія, что за 30 лѣтъ населеніе естественно должно было увеличиться. Къ тому же взгляду могъ приводить и тотъ фактъ, что перепись Московскаго уѣзда 1705 года дала приростъ населенія по сравненію съ цифрами 1678 года [4]).

Что такая увѣренность была, это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1706 и 1707 г. происходила перепись дворовъ въ Ингерманландской губ. Въ именномъ указѣ

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 78, л. 16. Кромѣ свѣдѣній о табели въ сенатской выпискѣ 1715 года сообщается, что въ 1713 г. 15 апрѣля въ канцелярію сената были представлены изъ Архангелогородской губ. Вологодскаго у. подлинныя переписныя книги 1710 г. (Докл. и приг., V, кн. II, 1277).

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 645.

[3]) Тамъ же, IV, кн. I, 568.

[4]) Докл. и приг , III, кн. I, 464; ср. у Милюкова, Госуд. хозяйство, 208.

отъ 17 янв. 1707 г. по этому поводу сообщается (въ статьѣ 13): „Когда всѣ города переписаны будутъ, тогда сдѣлать вѣдомость, что въ которомъ городѣ какого чина людей и захребетниковъ, также чиновныхъ и посадскихъ людей, и въ уѣздѣ дворцовыхъ и патріаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ и вотчиниковыхъ дворовъ порознь по переписнымъ книгамъ", т. е. по переписнымъ книгамъ, составленнымъ въ 1706 и 1707 годахъ. Относительно же переписныхъ книгъ, оконченныхъ въ 1706 г., ландрихтеру Якову Римскому-Корсакову въ 1 статьѣ указа было повелѣно: у комендантовъ „съ тѣхъ переписныхъ книгъ взять за ихъ руками списки, и тоя ихъ переписку посвидѣтельствовать". „И что по нынѣшней переписке, сообщается въ ст. 13, явится сверхъ переписныхъ книгъ [1]) лишку, и тому всему подлинныя и перечневыя вѣдомости за рукою прислать въ ингерманландскую канцелярію" [2]). Правительство, очевидно, полагало, что и за одинъ годъ со времени переписки 1706 г. до „нынѣшней переписки" (освидѣтельствованія Корсаковымъ въ 1707 г.) результатъ измѣнился въ благопріятную сторону, явилось „лишку".

Въ добавочномъ пунктѣ 13-мъ образцовой инструкціи ландрихтеру было сказано, чтобы по окончаніи переписки дворовъ была сдѣлана „вѣдомость", „что въ которомъ городѣ какого чина людей" и „что по нынѣшней переписке явится сверхъ переписныхъ книгъ лишку" [3]). Инструкція вырабатывалась на боярскій „консиліи", такъ что заключительныя строки можно понять, какъ общее ожиданіе, въ силу котораго „министры" ждали отъ новой переписи излишка, „сверхъ переписныхъ книгъ" старыхъ, книгъ 186 года.

Веберъ въ своей книгѣ о Россіи сообщаетъ, что, предпринимая въ 1710 г. новую общую перепись, правительство было увѣрено, что за истекшій промежутокъ со времени пе-

---

[1]) П. Н. Милюковъ почему-то вслѣдъ за этими словами вставляетъ въ скобкахъ цифру „1678 г.", полагая, что здѣсь идетъ рѣчь о переписныхъ книгахъ 1678 г. (Государ. хозяйство, 185), тогда какъ во всемъ указѣ нѣтъ ни одного слова, говорящаго о переписныхъ книгахъ этого года.

[2]) П. С. З., IV, № 2135.

[3]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 1, л. 122; см. выше стр. 30.

реписи 1678—1679 г.г. населеніе должно было значительно увеличиться [1]).

Но наряду съ этимъ правительству доподлинно было извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ не только число дворовъ не прибавилось, но образовалась значительная „пустота", число дворовъ убавилось настолько, что оставшіеся никакъ не могли платить государевыхъ податей.

Такъ, по указу 12 февраля 1710 года было велѣно, въ Московской губерніи съ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ „за пустые дворы, которые запустѣли послѣ переписныхъ книгъ 186 года", денежныхъ податей, провіанта, рекрутъ и работныхъ людей „на оставшихъ людей не имать для того, чтобы отъ того оставшимъ крестьянамъ тягости не было, и къ тому больше пустоты не учинилось" [2]).

Въ виду этого правительство могло предполагать, что число дворовъ измѣнилось въ благопріятную сторону, но значительнаго увеличенія окладныхъ единицъ оно не ожидало. Разсмотримъ итоги переписи 1710 года по губерніямъ, начиная съ сѣвера.

1. Архангелогородская губернія. Подробныхъ свѣдѣній объ итогахъ переписи 1710 года по этой губерніи и табеля дворовъ и людей не имѣется, по отпискамъ же изъ Архангелогородской губ. вице-губернатора Курбатова и ландрихтера Ивана Нахалова, а также по свѣдѣніямъ канцеляріи сената извѣстно, что въ переписныя книги 1710 г. по 19 городамъ той губерніи занесено было 57.204 дв., да въ Чарондѣ насчитано 2.458 дв., всего—59.662 дворовъ посадскихъ и крестьянскихъ [3]). Общій же итогъ по генеральному табелю, который зарегистрировалъ, „коликое число въ гу-

---

[1]) Въ его книгѣ «Das veränderte Russland», Franckfurth und Leipzig, 1744 г., читаемъ:

«Bis an das 1710-te Jahr bediente man sich darzu derer Register, welche im Jahr 1679 unter Regierung des Czaren Fedor Alexeewitch waren verfertiget worden. Nachdem man aber confiderirte, dass sich die Einwohner seit selbiger Zeit merklich gemehret haben müsten» (I, стр. 43).

[2]) П. С. З., IV, № 2252. О пустыхъ дворахъ въ Устюжскомъ уѣздѣ и Пошехоньи см. выше въ главѣ I, стр. 14.

[3]) Докл. и приг., III, кн. II, 1120; IV, кн. I, 272 и сл.; кн. II, 1056.

берніяхъ по переписке 710 году всякаго чина дворовъ и въ нихъ мужска полу людей, окромѣ поповыхъ и дьяконовыхъ“, выразился въ количествѣ 68.826 дв., а въ нихъ 217.449 людей [1]).

2. С.-Петербургская губернія. При росписаніи городовъ С.-Петербургской губ. по провинціямъ, что было осуществлено 29 мая 1719 г., въ проектѣ табеля приведено было дворовое число (для городовъ русскихъ, сверхъ новозавоеванныхъ) какъ по старой переписи 186 г., такъ и по новой 1710 года; цифры первой вошли въ П. С. З., цифры же второй имѣются только въ проектированной росписи; онѣ слѣдующія:

Названіе городовъ	Число дворовъ
Луки Великія	3676
Торопецъ	1933
Ржева Володимірова	4353
Новгородъ	16803
Старая Русса	1288
Псковъ съ пригороды	4976
Тверь	4615
Торжокъ	1485
Ярославль	21768
Угличъ	4520
Романовъ	3217
Кашинъ	8054
Бѣжецкій Верхъ	6194
Пошехонье	6991

Въ той же вѣдомости къ этому числу дворовъ присоединены дворы: 1) Ингерманландскаго и Шлютельбургскаго уѣзда

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 53, л. 786; табель этотъ напечатанъ ниже полностью

по переписи 1711, 1712 г.г. — 4119 дв.; 2) г. Выборга, Кексгольма и Нейшлота съ уѣздами по переписи 1714 и 1716 г. — 6609 дв.; 3) Нарвы, Ивангорода, Сыренска „съ уѣздомъ, съ тѣмъ, который былъ при шведскомъ владѣніи“, Дерпта съ уѣздомъ — 1757 гаковъ; 4) Ревеля съ Эстляндіей и острововъ Эзеля и Даго по переписи 713 и 716 г.г.— 1793 гака, при чемъ пояснено, что „въ гакѣ счисляется людей отъ 15 до 60 лѣтъ по 10 душъ мужеска полу, кромѣ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ“. Въ итогѣ получилось подъ рубрикой дворовъ „по переписи 1710 года“ — 102.145 дв. и 3550 гаковъ. Въ виду того, что въ П. С. З. о дворовомъ числѣ по переписи 186 года сказано, что то—„дворовое число кромѣ посадскихъ“, то, надо полагать, и свѣдѣнія о дворахъ по переписи 1710 года относятся тоже къ тяглымъ дворамъ разныхъ категорій кромѣ посадскихъ [1]).

Въ доношеніи 22 іюня 1711 года изъ С.-Петербургской губерніи сообщалось, что при переписи 707, 709 и 710 годовъ въ той губерніи было насчитано „наличныхъ 105.977 дворовъ“ [2]). По генеральному же табелю „въ С.-Петербургской (губ.) и Ярославской провинціи, кромѣ Пскова и Новгородскаго уѣзда двухъ пятинъ, въ которыхъ за моровымъ повѣтріемъ не переписано“, числилось 108.613 дворовъ.

3. Смоленская губернія. По табелю, присланному въ канцелярію сената отъ смоленскаго губернатора, въ городахъ той губерніи по переписи 1710 года было: посадскихъ 1.737 дворовъ, крестьянскихъ: дворцовыхъ 3.057, архіерейскихъ и монастырскихъ 3.654, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ—26.682, итого 35.130 дв. [3]). По гене-

---

[1]) П. С. З., роспись 29-го мая 1719 г., V, № 3380. Примѣрный табель, изъ котораго взяты цифры, въ *А. М. Ю.*, № 52, л. 293 и сл.

[2]) П. С. З., указъ 30 іюня 1711 г., IV, № 2390; ср. Докл. и приг., I, 161, 204; II, кн. II, 188, 189; III, кн. I, 438; кн. II, 732, 971 и др. П. С. З., IV, № 2577. Кромѣ того, о городахъ, приписанныхъ ко флоту, сообщается, что въ нихъ по переписи 1707 года: на Олонцѣ—7.105 дв., въ Каргополѣ—6.078, на Бѣлоозерѣ—6.861, на Устюжнѣ—866, а всего—20.910 дворовъ, по переписнымъ же книгамъ 186 г. насчитывалось—36.229 дв. (Докл. и приг., II, кн. I, 380—381; кн. II, 188).

[3]) Докл. и приг., III, кн. II, 479.

ральному же табелю 1714 года въ той же губерніи, когда она именовалась уже Рижской, „всякаго чина дворовъ“ было 41.093, а людей въ нихъ насчитывалось 217.723 человѣка муж. пола.

4. Московская губернія. Если взять только центральные 15 городовъ Московской губерніи, которые расположены вокругъ г. Москвы въ 100—120 верстахъ, то въ нихъ переписныя книги 1710 года насчитали 77.185 дв. и 156.541 чел., дворовъ посадскихъ, крестьянскихъ, бобыльскихъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей, а людей мужскаго пола отъ 10 до 60 лѣтъ. По отдѣльнымъ городамъ цифры слѣдующія.

Города	Дворы	Люди
Москва	24.566	40.059
Серпуховъ	5.088	9.463
Можайскъ	3.365	8.648
Волокъ-Ламскій	1.424	2.830
Ярославецъ-Малый	1.849	3.460
Руза	1.834	3.434
Переяславль-Залѣсскій	13.867	26.752
Клинъ	1.468	3.933
Коломна	7.409	15.577
Верея	1.540	3.111
Боровскъ	2.546	5.953
Кашира	5.255	18.433
Звенигородъ	2.064	3.332
Дмитровъ	4.895	11.520
Царевъ-Борисовъ	15	38
Итого	77.185 дв.	156.541 ч. [1])

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 463.

Всего въ Московской губерніи по генеральной вѣдомости переписи 1710 года числилось 190.826 дв., людей въ нихъ 711.341 чел. [1]).

5. Кіевская губернія. По этой губерніи сохранился подробный „табель дворовому числу и всякаго чина людей обоихъ половъ“ [2]). По генеральной же вѣдомости въ Кіевской губерніи было зарегистрировано 68.009 дв., людей въ нихъ 301.022 человѣка.

---

[1]) Кромѣ цифръ, приведенныхъ здѣсь о Московской губерніи, см. ниже итоги ландратской переписи, гдѣ иногда наряду съ цифрами переписи ландратской и старой 186 года приводятся цифры переписи недавней, переписи 1710 года.

[2]) *А. М. Ю.*, № 111, л. 360. Табель Кіевской губ. напечатанъ ниже полностью за исключеніемъ цифръ о числѣ монаховъ и монахинь по городамъ (въ итогѣ показано монаховъ 559 чел., монахинь 572) и женщинъ по отдѣльнымъ группамъ населенія. Тамъ же даны цифры людей по возрастамъ, привожу ихъ общій итогъ („обоихъ половъ“, итога муж. и жен. въ отдѣльности нѣтъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ даю свѣдѣнія подобнаго же рода и о населеніи Сибирской губ., табель которой напечатанъ ниже.

ВОЗРАСТЪ.	Кіевской губ. людей обоихъ половъ.	Сибирской губ.	
		Муж. пола.	Жен. пола.
До 5 лѣтъ	121.994	53.189	52.177
„ 10 „	83.916	39.186	36.668
„ 15 „	51.452	29.014	28.213
„ 20 „	56.148	28.690	31.954
„ 30 „	81.256	37.333	42.024
„ 40 „	75.185	31.621	30.644
„ 50 „	62.404	24.300	23 259
„ 60 „	29.932	15.544	14.083
„ 70 „	17.771	8.910	7.347
„ 80 „	9.533	3.494	2.353
„ 90 „	3.171	654	482
„ 100 „	550	145	87
„ 110 „	—	12	16
„ 120 „	—	3	—
Всего	593.314	272.091	269.297

Копія съ табели Кіевской губ. дворовому числу и всякаго чина людей обоихъ половъ съ лѣтами по переписи 710 году.

Города.	Монастырей.	Церквей.	Поповыхъ, дьяк. и причет. дв. у церквей.	Въ нихъ поповъ.	Дьяконовъ.	Церковниковъ и ихъ свойствен.	Патр., арх., монаст. служнихъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Царедворц., город. дворянъ и однодворц.	Въ нихъ людей.	Дв. драгунскихъ и солдатскихъ.	Въ нихъ людей.	Дв. стрѣлецкихъ и казачьихъ.	Въ нихъ людей.	Пушкарскихъ.	Въ нихъ людей.	Ямщицкихъ двор.	Въ нихъ людей.
Бѣлгородъ	2	54	106	65	13	240	265	138	1252	4122	774	2141	31	74	62	171	20	110
Брянскъ	4	99	272	152	26	735	17	57	172	216	137	327	85	171	16	31	49	168
Трубчевскъ	3	28	62	35	4	149	—	—	73	197	14	54	—	—	9	15	—	—
Болховецъ	—	7	17	10	2	53	—	—	133	241	130	331	67	146	15	29	—	—
Курскъ	2	112	193	115	20	458	8	41	4291	18846	760	2893	401	1237	28	81	100	369
Сѣвскъ	6	129	297	190	10	1059	—	—	—	—	77	215	100	187	30	80	230	814
Путивль	4	51	105	62	8	207	9	91	307	495	403	772	112	250	34	84	—	—
Рыльскъ	4	83	130	104	8	270	—	9	269	1697	396	1069	33	85	66	96	—	—
Каменной	—	4	4	4	—	5	—	—	41	90	32	84	—	—	8	16	—	—
Недрыгайловъ	—	2	3	3	—	4	—	—	7	20	17	56	—	—	5	16	—	—
Ливны	2	75	150	100	11	313	2	19	2883	7976	1099	3184	216	531	49	110	83	275
Карачевъ	3	56	120	84	9	326	10	33	297	655	277	580	187	394	34	77	[illegible]	[illegible]

Позосиль	2	44	95	59	10	187	2	6	99	230	80	177	159	452	32	87	58	192
Вольной	1	10	21	15	1	53	—	1	82	214	221	715	158	441	22	55	—	—
Алешня	—	3	5	3	—	4	—	—	99	140	102	254	—	—	12	21	—	—
Салтовъ	—	4	3	4	—	25	—	—	73	276	81	331	—	—	2	4	—	—
Нижегольскъ	—	5	10	6	1	19	—	—	135	454	82	344	—	—	14	53	—	—
Короча	—	15	30	18	—	88	—	—	359	978	270	740	37	94	14	30	—	—
Бѣлевъ	3	99	264	199	32	550	—	113	423	294	162	325	110	281	42	113	—	—
Мценскъ	2	53	118	103	23	173	—	—	238	484	129	248	99	189	58	116	139	366
Старый Осколъ	3	58	118	71	7	253	—	—	2252	7150	836	2824	65	139	65	170	68	186
Обоянь	1	37	67	40	6	192	—	—	1488	4810	318	892	85	272	38	135	—	—
Суджа	2	10	18	32	5	39	—	—	—	176	388	850	—	—	23	61	—	—
Мирополье	—	18	5	22	2	19	—	—	39	67	220	502	—	—	—	—	—	—
Хотмышскъ	2	3	46	27	2	118	—	—	181	534	439	1017	79	272	7	16	—	—
Карповъ	—	21	49	24	3	185	—	—	334	800	428	1164	111	367	38	120	—	—
Яблоновъ	—	16	38	19	—	83	—	—	506	1572	331	137	144	433	94	295	—	—
Всего	50	1273	2777	1899	273	6545	313	554	17296	55979	9293	26447	2480	6459	918	2311	836	2705

ГОРОДА.	Оставныхъ служилыхъ людей.	Въ нихъ людей.	Подьяческихъ.	Въ нихъ людей.	Въ помѣщ. дворѣхъ дворов. людей.	Гостинной сотни и посадскихъ.	Въ нихъ людей.	Дворцов. крестьянъ и комаричанъ.	Въ нихъ людей.	Патр., арх. и монаст. крестьянъ.	Въ нихъ людей.	Помѣщ. и вотчин. крестьянъ.	Въ нихъ людей.	Нищецкихъ.	Въ нихъ людей.	Всего дворовъ.	Людей муж. пола.	Людей жен. пола.
Бѣлгородъ	353	652	65	140	28	143	331	—	—	278	1352	40	236	56	49	3445	9784	10457
Бранскъ	104	300	33	70	991	115	334	—	—	1073	3542	2646	9152	—	—	4719	16094	15556
Трубчевскъ	228	497	16	36	33	196	627	1069	6374	142	699	45	202	—	—	1854	8883	8358
Болховецъ	64	237	3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	429	1041	1689
Курскъ	103	250	70	156	1417	494	1406	—	—	570	2955	1086	7468	17	43	8121	37614	32783
Сѣвскъ	—	—	113	261	11	63	127	3687	28122	38	354	—	—	—	—	4635	31230	31510
Путивль	134	92	15	22	50	175	484	—	—	131	845	219	652	8	24	1652	4068	3981
Рыльскъ	31	46	40	75	448	103	225	—	—	185	789	1110	3185	—	—	2363	7994	7015
Каменной	25	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110	225	211
Недрыгайловъ	14	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46	013	133
Ливны	27	233	25	42	1357	—	—	—	—	36	279	238	1622	—	19	4988	15960	15426
Карачевъ	—	—	32	60	3189	85	423	—	—	333	1741	1725	9383	3	9	3103	16870	16585
Орелъ	5	16	39	88	3664	243	1209	—	—	31	184	3190	17422	4	70	5157	27247	26036

Алешня	3	17	6	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	227	449	505
Салтовъ.	26	93	4	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	189	740	782
Нижегольскъ.	34	133	3	4	66	—	—	—	—	—	—	5	46	—	2	283	1121	1162
Короча.	155	444	10	16	152	—	—	—	—	—	—	3	13	—	—	878	2555	3117
Бѣлевъ.	—	—	16	51	4548	707	1925	—	—	555	2550	3905	20324	19	28	6203	31102	30324
Мценскъ.	58	114	20	43	2430	140	428	—	—	19	83	1569	7352	—	14	2587	12040	11619
Отарый Осколъ.	519	1995	51	109	725	—	—	—	—	—	—	131	1106	38	64	4143	14721	14430
Обоянь.	332	1366	9	21	151	50	265	—	—	—	—	45	363	2	2	2434	8469	7151
Суджа	107	265	6	12	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	631	1434	1783
Мирополье.	92	233	3	6	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	359	903	992
Хотмышскъ	165	538	1	1	10	—	—	—	—	37	152	7	15	—	—	962	2673	1502
Карповъ	264	955	11	28	81	—	—	—	—	43	76	5	25	—	—	1283	3801	4933
Яблоновъ.	65	304	14	36	109	21	88	—	—	—	—	25	214	—	—	1238	4171	4832
Всего	3294	9458	660	1130	23764	3610	10912	4756	34496	3918	18256	20488	101391	147	351	70716	310058	288953

6. Азовская губернія. О результатахъ переписи 1710 года въ Азовской губерніи находимъ многочисленныя данныя въ дѣлахъ канцеляріи гр. Апраксина. Такъ, относительно 17 городовъ, порученныхъ вѣдѣнію ландрихтера П. Кикина, даются свѣдѣнія въ особомъ „табелѣ Азовской губерніи“, съ указаніемъ числа дворовъ, людей и сборовъ, падающихъ на нихъ. Цыфры дворовъ и людей по этому табелю таковы [1]).

ГОРОДА.	Число дворовъ.	Людей, въ окладъ положенныхъ.	Въ окладъ не положенныхъ.	ВСЕГО.
Тамбовъ	9.820	43.923	2.548	46.471
Козловъ	6.473	27.370	3.019	30.389
Шацкъ	8.548	39.877	4.527	44.404
Ряжскъ	6.529	25.276	2.876	28.152
Сапожекъ	919	3.288	135	3.423
Касимовъ	1.800	5.317	581	5.898
Елатьма	494	1.319	115	1.434
Кадомъ	960	—	—	—

[1]) Тамъ же въ особой графѣ приводятся имена комендантовъ и комиссаровъ, которые по городамъ „на нынѣшній 712 годъ опредѣлены къ сборамъ“, а именно: въ Тамбовъ—Иванъ Монатинъ, Иванъ Хлѣбниковъ, Козьма Травинъ, Данила Порамзинъ; въ Козловъ—Ерофей Ивинской, Ѳедоръ Еремѣевъ; въ Шацкъ—Корнилъ Вышеславцевъ, Петръ Бохинъ, Матвѣй Ермоловъ, Андрей Жуковъ, Дмитрій Свищевъ; въ Ряжскъ—Герасимъ Алѣевъ, Парфенъ Савостьяновъ, Афонасій Кульневъ въ Сапожокъ—комендантъ Лаврентій Богдановъ; въ Касимовъ—комендантъ Василій Аничковъ; въ Елатьму—комендантъ Корнилъ Вышеславцевъ; въ Кадомъ—Семенъ Языковъ; въ Темниковъ—Борисъ Мерлинъ; въ Троицкой острогъ—комендантъ Иванъ Опушкинъ; въ Инсару—комендантъ Алексѣй Зиминскій; въ Наровчатовъ—комендантъ Иванъ Меньшой Беклемишевъ; въ Верхній Ломовъ—Козьма Бунинъ, въ Нижній Ломовъ—Артемій Ознобишинъ, Захаръ Пещуровъ; въ Красную слободу—комендантъ Иванъ Нестеровъ; въ Керенской—кн. Ларіонъ Кугушевъ; въ Борисоглѣбскъ—комендантъ Ларіонъ Мерлинъ, итого 28 человѣкъ *А. Мор*., *М*., *дѣла гр. Апраксина*, № 36, л. 347).

ГОРОДА.	Число дворовъ.	Людей, въ окладъ положенныхъ.	Въ окладъ не положенныхъ.	ВСЕГО.
Темниковъ	1.375	—	—	—
Троицкій Острогъ	201	483	41	524
Инсара	1.796	3.200	406	3.606
Норовчатовъ	285	511	—	511
Верхній Ломовъ	1.538	5.899	402	6.301
Нижній Ломовъ	2.806	7.693	646	8.339
Красная слобода	134	402	—	402
Керенскъ	1.645	9.259	996	10.255
Борисоглѣбскъ	614	1.376	247	1.623
Итого	45.937	175 193	16.539	191.732

Сверхъ того, по тому же табелю въ тѣхъ городахъ числилось ясашныхъ крестьянъ и мордвы—5.304 дв.: въ Керенскѣ—930 дв., въ Троицкомъ Острогѣ—621, въ Кадомѣ—660, въ Красной слободѣ—963, въ Инсарѣ—997, въ Норовчатовѣ—410, въ Темниковѣ—434 дв.

Прилагая къ 45.937 дв. число дворовъ ясашныхъ крестьянъ и мордвы, получимъ для 17 городовъ Азовской губ. общую цифру дворовъ—51.241; общаго же числа людей для тѣхъ городовъ дать нельзя, такъ какъ, кромѣ того, что о 2 городахъ—Кадомѣ и Темниковѣ въ табелѣ свѣдѣній нѣтъ, числа людей нѣтъ и для ясашныхъ и мордвы [1]).

Изъ другой вѣдомости извѣстно, сколько дворовъ и какихъ категорій было по тѣмъ же городамъ.

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина,* № 36, л. 347. Въ этомъ же табелѣ по каждому городу сообщается число людей по возрасту, въ итогѣ данныя таковы: отъ младенца до 10 лѣтъ—64.823 чел.; отъ 10 до 15 лѣтъ—18.706; отъ 15 до 60 лѣтъ—88.656, всего 175.193 чел.; наконецъ, „въ окладъ не положено“ (т. е людей свыше 60 лѣтъ)—16.539 чел.

ГОРОДА.	Посадскихъ.	Крестьянскихъ.	Ясашныхъ.	Служилыхъ.	Татаръ и мурзъ.	ВСЕГО.
Тамбовъ	—	6.207	—	3.484	—	9.691
Козловъ	—	—	—	6.315	—	6.315
Шацкъ	—	5.961	—	382	—	6.343
Ряжскъ	—	3.954	—	2.966	—	6.920
Сапожекъ	—	—	—	906	—	906
Касимовъ	328	727	—	—	—	1.055
Елатьма	493	—	—	—	—	493
Кадомъ	222	710	730	—	—	1.662
Темниковъ	134	1.241	628	—	—	2.003
Троицкой	—	—	621	171 [1])	—	792
Инсара	—	139	997	—	507	1.643
Норовчатовъ	—	—	410	241	—	651
Верхній Ломовъ	41	236	—	784	120	1.181
Нижній Ломовъ	—	—	—	3.111	70	3.181
Красная слобода	—	—	963 [2])	111	—	1.074
Керенскъ	—	289	930	742	243	2.204
Залѣсскій станъ	—	218 [3])	—	—	—	218
Итого	1.218	19.682	5.279	19.213	940 [4])	46.332 [5])

[1]) „Солдатскихъ и казачьихъ".

[2]) Въ вѣдомости не помѣчено, крестьянскіе ли то дворы или ясашные, но по приведенному выше табелю-ясашные.

[3]) Не помѣчено, какихъ, м. б., ясашныхъ.

[4]) „Кромѣ Касимова, Кадома и Темникова".

[5]) Итогъ вѣдомости—44.993: служилыхъ—19.213, мурзъ и татаръ 940, посадскихъ и крестьянскихъ 20.524, ясашныхъ 4.316; „да въ городѣхъ, которые вѣдомы къ Азову, крестьянъ 737 дв., служилыхъ 3.883, итого 4.620 дв.".

Полученный мною итогъ въ 46.332 дв. слѣдуетъ еще увеличить для того,

По той же вѣдомости „на Воронежѣ и Воронежскаго присудствія въ городѣхъ служилаго чина людей и крестьянскихъ было — 28.383 дв.“, а „всего въ городѣхъ, которые вѣдомы въ Азовѣ, въ Тамбовѣ и на Воронежѣ дворового числа—77.996 дв.“ [1]).

Третій „табель“ Азовской губерніи сообщаетъ общія свѣдѣнія о числѣ дворовъ и людей съ показаніемъ, какихъ чиновъ и сколько было зарегистровано переписью 1710 г. Свѣдѣнія эти таковы:

Чины.	Дворы.	Мужскій полъ.	Женскій полъ.
Копейщиковъ, рейтаръ и служилаго всякаго чина людей	43.285	119.711	122.841
Посадскихъ людей	1.433	4.495	3.755
Архіерейскихъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей и пришлыхъ и дѣловыхъ людей	30.942	128.335	99.746

чтобы приблизиться къ общему итогу переписи 1710 г. для городовъ Тамбовскаго присудствія, такъ какъ Азовской губ. „въ приписныхъ городѣхъ, кои вѣдомы къ Тамбову“, „священническихъ и дьяконскихъ и причетниковыхъ (было)—2.035 дв., въ нихъ людей 145 поповъ и дьяконовъ и 5.475 причетниковъ“ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 36, л. 106).

[1]) Итогъ получается такимъ путемъ: въ 17 городахъ Азовскаго присудствія—44.993; въ городахъ, которые вѣдомы къ Азову, 4.620, да на Воронежѣ и Воронежскаго присудствія въ городахъ 28.383 дв. (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 36, л. 387—390).

Относительно городовъ, вѣдомыхъ къ Азову, имѣются данныя, нѣсколько расходящіяся съ цифрой 4.620 дв. Въ дѣлахъ гр. Апраксина сообщается: „Азовской губ. въ городѣхъ, которые вѣдомы къ Азову, по переписи 710 г. духовнаго и всякаго чина людей двороваго числа: въ Новомъ Осколѣ—1161, на Валуйкахъ—1698, въ Чугуевѣ—1474, въ Тополяхъ—33, въ Харьковѣ—48, въ Змѣевѣ—102, въ Мояцкомъ—81, итого—4,597“; дальше приводится: „въ городѣхъ же, которые были приписаны къ Азову, а нынѣ вѣдомы къ Воронежу: въ Чернавску—1036, въ Полатовѣ—410, итого 1.446, всего 6.043 двора“ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 4, л. 39).

Чины.	Дворы.	Мужскій полъ.	Женскій полъ.
Дворовыхъ и полоннаго взятья людей, которые живутъ въ помѣщиковыхъ домѣхъ	—	22.124	17.359
Служилыхъ и новокрещеновъ и мурзъ и татаръ и мордовскихъ мурзъ	559	1.042	640
Ясашныхъ тяглыхъ крестьянъ, новокрещеновъ и мордвы	3.466	10.459	11.874
Архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, монастырскихъ служекъ и домовыхъ работныхъ людей	35	60	66
Всего [1])	79.720	286.226	256.281

Самыя же полныя свѣдѣнія даются въ генеральномъ табелѣ, по итогамъ котораго въ Азовской губерніи перепись насчитала, кромѣ поповыхъ и дьяконовыхъ — 85.869 дв., людей 304.254 чел. м. п.

7. Казанская губернія. О результатахъ переписи въ ней имѣются, во первыхъ, слѣдующія свѣдѣнія по городамъ, которые въ 1714 году составили особую Нижегородскую губернію.

[1]) Въ этомъ же табелѣ даются цыфры людей по возрастамъ относительно каждой группы, въ итогѣ

Мужескій полъ.			Женскій полъ.		
Отъ младенца до 15 лѣтъ.	Отъ 15 до 60.	Отъ 60 до 100.	Отъ младенца до 15 лѣтъ.	Отъ 15 до 60.	Отъ 60 до 100.
126.279	145.257	14.690	91.398	146.352	18.531

Табель взятъ изъ А. *Мор. М.*, *дѣла гр. Апраксина*, № 21, л. 365.

ГОРОДА.	Посадскихъ.	Дворцовыхъ.	Церковнаго вѣдомства.	Помѣщичьихъ.	Ясашныхъ.	ВСЕГО.
Нижній-Новгородъ . .	691	1.248	4.821	21.663	—	28.423
Балахна	509	6.709 231 [1])	174	1.735	—	} 9.358
Юрьевецъ Повольскій.	314	6.655	175	824	—	7.968
Гороховецъ	210	304	152	461	—	1.127
Муромъ.	320	161	1.236	6.974	—	8.691
Арзамасъ	343	—	456	9.897	1.404 дв. и ясак. + 357 [2])	} 12.457
Алатырь	208	—	906	5.296	1.544¼ ясаковъ.	7.954¼
Курмышъ	30	—	384	2.220	1.529 дв. 1.375½ ясаковъ.	} 4.009½
Ядринъ.	69	—	—	58	980 дв. и ясак.	1.107
Василь	57	—	—	—	—	57
Итого	2.751	15.308 (15.077 + 231)	8.304	49.128	5.303¾ ясака и 357 дв.	75.260 + 588 дв. и 5.303¾ ясака
Всего . . .	—	—	—	—	—	81.151¾ дв. и ясак.

[1]) „Въ Балахонскомъ у. по пер. кн. 710 г. въ поселенныхъ 17 деревняхъ пришлые корелы, крестьянъ 231 семья".

[2]) 357 слагается изъ слѣдующихъ цыфръ: описныхъ крестьянъ и по ясашнымъ землямъ,—51 дв., будниковъ, коп вѣдомы въ Казани—54, будниковъ, кои вѣдомы въ адмиралтейскомъ приказѣ,—48, будниковъ же, кои на будныхъ станахъ въ Шацкомъ у.,—154 дв.

[3]) Иногда число дворовъ и ясаковъ складывалось, тогда считалось, что въ Нижегородской губ., по переписи 710 г.—80.563 дв." (*А. М. Ю.*, № 131, л. 303, доношеніе изъ Нижегородской губ. сенату 20 марта 1716 г.).

Въ другихъ городахъ Казанской губ., что позднѣе составляли исключительно одну только Казанскую губернію, было 31.684 дв., да ясаковъ—40.841, а всего вмѣстѣ—106.944 дв. и 46.144 ясака [1]) по итогу вѣдомости, а съ 588 дв. (по Балахнѣ и Арзамасу) слѣдуетъ считать 107.532 дв. и 46.144$^{3}/_{4}$ ясака.

Однако, эти свѣдѣнія недостаточно полны, они взяты изъ вѣдомостей и доношеній 1714 и 1715 годовъ, когда Казанская губернія была раздѣлена на двѣ, Казанскую и Нижегородскую, а нѣкоторые города отошли къ другимъ губерніямъ. Недочетъ восполняется другими данными. Среди дѣлъ канцеляріи гр. Апраксина имѣется любопытный „табель" Казанской губерніи, который печатается цѣликомъ [2]).

„Табель Казанской губерніи переписи 710 года нижепомянутыхъ чиновъ дворовому числу и людемъ, почему мужска и женска полу въ каждой дворъ во обхожденіи".

ЧИНЫ.	Дворы.	Въ нихъ людей			На каждый дворъ м. и ж. полу имется до сущихъ младенцовъ.	А порознь.	
		Мужск. пола.	Женск. пола.	А обоихъ половъ.		Мужска.	Женска.
Посадскихъ . . .	5.674	14.541	14.306	28.847	по 5	2$^{1}/_{2}$	2$^{1}/_{2}$
Дворцовыхъ . . .	20.007	55.371	52.481	107.852	по 5$^{1}/_{4}$	2$^{5}/_{8}$	2$^{5}/_{8}$
Патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ.	16.383	53.000	47.316	100.316	по 6	3$^{1}/_{4}$	2$^{3}/_{4}$
Помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ	72.910	259.487	213.964	473.451	по 6$^{1}/_{2}$	3$^{1}/_{2}$	3
Всего . .	114.974	382.399	328.067	710.466	по 6	3$^{1}/_{4}$	2$^{3}/_{4}$

[1]) Всѣ эти цыфры взяты изъ „Вѣдомости Казанской и Нижегородской губ. по городамъ дворовому числу и съ нихъ денежнымъ всякимъ окладнымъ и запроснымъ сборамъ", полученной въ сенатѣ 1714 г. мая 31 (*А. М. Ю.*, № 131, л. 1056—1147).

[2]) Табель см. въ *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 37, л. 77.

По генеральной же вѣдомости дворовъ и людей въ Казанской губ. числилось . . . . 41.441 дв. 158.500 чел.
въ Нижегородской . . . . 77.615 „ 255.923 „
а всего . . . 119.056 дв. 414.423 чел.

Въ эти цифры не вошли свѣдѣнія о числѣ ясаковъ [1]).

8. Сибирская губернія. Отъ этой губерніи дошелъ до насъ табель дворовъ и людей переписи 1710 года съ подробнымъ перечисленіемъ населенія по разрядамъ. По табелю въ Сибирской губерніи числилось:

	Дворовъ	Людей въ нихъ
Служилаго населенія	12.827	42.603
Тяглаго населенія: посадскихъ, крестьянъ, мастеровыхъ и ясашныхъ.	57.535	203.032
Духовенства, ямщиковъ, подъячихъ, дѣтей боярскихъ церковнаго вѣдомства, служнихъ, скотскихъ, гулящихъ, дворовыхъ и ссыльныхъ .	5.690	27.540
Всего	76.052	273.175 [2])

Генеральный же табель, не считая поповъ и дьяконовъ, даетъ въ полномъ согласіи съ губернскимъ табелемъ слѣдующія цифры: 76.052 дв., людей 272.091.

[1]) Кромѣ этихъ свѣдѣній о числѣ дворовъ Казанской губ., въ дѣлахъ сената въ позднѣйшее время, когда образована была Астраханская губернія, даются слѣдующія цифры для нѣкоторыхъ городовъ той губерніи: „По переписи 710 г. Астраханской губ. въ городѣхъ: въ Симбирскѣ посадскихъ—411 дв., монастырскихъ и церковныхъ—699 дв. безъ трети, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ—6.108 дв. съ полудворомъ, ясашныхъ русскихъ—1.945 дв., иновѣрцовъ—4.918 дв., итого 6.863 дв., а ясаковъ 2.486 съ полуясакомъ безъ малой трети; къ Самарѣ—посадскихъ—70, дворцовыхъ 516, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ—68 дв., ясашныхъ людей русскихъ—29, иновѣрцовъ—98 ясаковъ; въ Сызрани посадскихъ 94; въ Кашпирѣ посадскихъ—9; въ Саратовѣ посадскихъ—148 дв.; итого въ вышеписанныхъ къ Астраханѣ городѣхъ по переп. книгамъ 710 г. посадскихъ и крестьянскихъ двороваго числа—8.123 дв. съ полудворомъ, ясашныхъ русскихъ—718 ясаковъ съ ¹/₄, иновѣрцовъ—1.896 ясаковъ съ ¹/₄ безъ малой трети“ (*А. М. Ю.*, № 93, л. 469, 470).

[2]) Въ томъ числѣ „поповъ и дьяконовъ“ 1.084 чел., а безъ нихъ—272.091, какъ и въ общемъ итогѣ нижепомѣщеннаго табеля (взятого изъ *А. М. Ю.*, № 17, л. 50), который печатается полностью, за исключеніемъ цифръ, показывающихъ поразрядно количество женщинъ и людей по возрасту. Ср. Милюкова, Государ. хозяйство, 201, гдѣ цифры населенія приведены невѣрно.

Табель Сибирской губ. изъ переписныхъ книгъ 1710 г. дворовому числу и людемъ.

Г О Р О Д А.	Монастырей.	Церквей.	Въ монастыряхъ монаховъ.	Монахинь.	У церквей попов. дьяк. и причетниковыхъ дворовъ.	Въ нихъ поповъ.	Дьяконовъ.	Церковник. и ихъ свойственниковъ.	Архіер. и монаст. дѣтей боярскихъ и служнихъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Полковн., подполк., майор., кап. и иныхъ офицеровъ дворовъ.	Въ нихъ людей.
Тобольскъ	6	113	120	110	438	146	22	1176	159	547	12	38
Верхотурье.	3	42	52	39	158	49	7	389	7	122	—	—
Туринскъ.	2	11	14	13	9	10	1	52	—	—	—	—
Тюмень	2	15	18	15	49	14	2	105	11	37	—	—
Пелымь.	—	2	—	—	9	4	1	28	—	—	—	—
Березовъ.	1	3	8	—	4	6	—	8	1	8	3	3
Тара.	1	9	1	—	17	10	—	31	—	—	8	9
Сургутъ	—	1	—	—	7	2	—	16	—	—	—	—
Томской	2	20	18	32	32	22	3	65	—	—	2	6

. . . .	2	22	26	6	28	19	1	105	—	—	—	—
Якуцкой	1	4	23	9	6	6	2	15	—	—	3	10
Енисейской.	5	28	53	27	50	28	2	136	10	122	—	—
Кузнецкой	1	3	4	6	6	5	1	22	—	—	1	11
Красноярской.	1	8	3	—	15	8	1	47	—	—	—	—
Мангазея.	1	3	5	—	3	2	—	7	—	—	—	—
Кунгуръ	2	21	5	9	67	31	11	201	—	—	—	—
Еренскъ	2	54	13	15	251	66	3	474	—	—	—	—
Соль-Камская.	9	86	165	121	341	100	30	931	—	—	—	—
Чердынь	3	43	32	21	133	43	2	371	—	—	—	—
Кай Городокъ	1	8	2	—	28	9	1	87	—	—	—	—
Вятка	13	129	283	125	766	247	104	1179	73	196	—	—
Итого.	63	670	907	554	2486	876	208	5614	261	1032	30	79

ГОРОДА.	Дворянъ и дѣтей боярскихъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Драгунскихъ и солдатскихъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Казачьихъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Дворянскихъ и казачьихъ дѣт. двор.	Въ нихъ людей.	Бѣломѣстныхъ казаковъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Пушкарск. дворовъ.	Въ нихъ людей.	Отстав. служилыхъ людей дворовъ.	Въ нихъ людей.	Ямщичьихъ двор.	Въ нихъ людей.
Тобольскъ	237	542	1025	5320	907	2381	237	599	83	404	—	—	634	1993	452	1532
Верхотурье	58	120	—	—	85	264	—	—	111	345	5	17	15	39	431	1382
Туринскъ	4	8	—	—	78	216	—	—	—	—	5	9	2	2	276	895
Тюмень	46	182	125	394	461	1231	339	733	—	—	12	25	176	395	432	1059
Пелымь	5	15	—	—	59	212	124	346	—	—	3	13	—	—	—	—
Березовъ	13	42	—	—	202	687	25	51	—	—	2	12	—	—	—	—
Тара	45	52	—	—	549	648	464	3304	185	230	20	22	182	215	—	—
Сургутъ	—	—	—	—	131	448	—	—	—	—	—	—	9	17	—	—
Томской	106	356	—	—	587	2160	800	2609	—	—	4	20	112	397	—	—
Нарымъ	1	8	—	—	49	193	100	297	—	—	1	4	6	17	—	—

Якуцкой	48	107	—	—	283	1258	—	—	—	—	5	11	19	62	—	—
Енисейской	40	124	—	—	209	720	—	—	133	452	—	—	62	220	—	—
Кузнецкой	30	99	—	—	230	914	306	1000	—	—	3	4	—	—	—	—
Красноярской	41	153	—	—	515	1980	80	234	—	—	5	13	57	201	—	—
Мангазея.	8	25	—	—	142	428	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—
Кунгуръ	—	—	44	351	34	119	—	—	—	—	20	62	8	31	—	—
Еренскъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Соль Камская.	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чердынь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кай Городокъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вятка	—	—	592	1400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	766	2102	1788	7466	5802	18290	2492	9218	512	1434	89	219	1348	3795	1591	4868

Г О Р О Д А.	Подьяческ. двор.	Въ нихъ людей.	Обротчиков. двор.	Въ нихъ людей.	Посадскихъ двор.	Въ нихъ людей.	Государ. пашен. и оброч. крестьянъ.	Въ нихъ людей.	Госуд. бобыльск. и захребетников. дв.	Въ нихъ людей.	Архіер. и монаст. крестьянъ дворовъ.	Въ нихъ людей.	Архіер. и монаст. бобыльскихъ двор.	Въ нихъ людей.	Нищецкихъ двор.	Въ нихъ людей.	Вдовьихъ дворовъ.	Въ нихъ людей.
Тобольскъ	52	141	149	445	709	2125	12370	42723	—	—	1096	3512	—	—	33	68	683	1169
Верхотурье	59	162	—	—	162	476	2670	10595	225	748	115	430	—	—	11	25	136	367
Туринскъ	4	7	—	—	119	348	742	2087	29	54	—	—	3	6	—	—	—	—
Тюмень	27	64	2	6	417	1267	743	2419	68	240	51	169	—	—	53	123	—	—
Пелымь	4	10	—	—	—	—	118	380	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Березовъ	3	18	2	6	9	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	—
Тара	10	13	8	9	6	16	117	366	—	—	10	27	—	—	—	—	149	153
Сургутъ	4	9	2	4	2	5	—	—	4	8	—	—	—	—	—	—	20	33
Томской	8	24	6	21	290	1017	364	1305	—	—	57	176	—	—	—	—	341	780
Нарымъ	2	8	—	—	7	15	21	46	—	—	—	—	—	—	4	14	—	—

Якуцкой	9	30	6	30	27	119	63	221	2	7	—	—	—	—	10	35	—	—
Енисейской	10	18	—	—	651	2222	805	3782	—	—	140	508	—	—	11	43	—	—
Кузнецкой	4	20	—	—	31	96	46	261	—	—	—	—	—	—	11	23	—	—
Красноярской	4	9	2	5	155	566	149	519	—	—	42	141	—	—	—	—	78	189
Мангазея.	3	10	11	34	96	145	6	19	1	3	5	13	—	—	—	—	—	—
Кунгуръ	7	16	—	—	103	321	3004	11905	83	1039	8	50	—	—	25	511	—	—
Еренскъ	1	4	4	17	27	127	3001	6885	—	—	195	438	—	—	145	159	—	—
Соль Камская.	4	12	—	—	796	2189	560	2328	—	—	398	1745	74	233	49	123	189	39
Чердынь	—	—	—	—	273	781	1401	6748	—	—	20	59	—	—	31	47	72	125
Кай Городокъ	—	—	—	—	147	429	1191	4010	4	11	—	—	—	—	3	6	89	244
Вятка	30	76	—	—	590	1967	4358	17977	—	—	1465	4711	—	—	247	653	—	—
Итого	262	731	198	595	5139	15786	33701	122977	494	2308	3813	12825	78	247	687	2011	1757	3369

ГОРОДА.	Ссыльныхъ людей дворовъ.	Въ нихъ людей.	Гулящихъ людей дворовъ.	Въ нихъ людей.	Ясашныхъ русск. и новокрещеныхъ дв.	Въ нихъ людей.	Мастеров. людей разн. мастерствъ дв.	Въ нихъ людей.	Арх. и мон. скотс., конюш. и др. двор.	Въ нихъ людей.	Строганова и др. помѣщиковъ двор.	Въ нихъ людей.	Строган. и др. помѣщик. крестьян. дв.	Въ нихъ людей.	Помѣщ. и др. чин. людей во двор. ихъ дворовыхъ людей.	Всего въ город. и уѣздахъ дворовъ.	Людей въ нихъ муж. пола кромѣ монах., поповъ и дьяконовъ.	Женскаго пола.
Тобольскъ	13	74	223	4735	—	—	195	640	—	—	—	—	—	—	769	19707	7 33	70441
Верхотурье	—	—	23	77	41	138	128	436	—	—	—	—	—	—	164	4440	16299	16901
Туринскъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	1271	3700	4694
Тюмень	—	—	41	177	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3053	8626	10345
Пелымь	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	15	323	1021	1238
Березовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	264	880	979
Тара	—	—	91	236	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1861	5331	5128
Сургутъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	179	549	566
Томской	76	288	418	1421	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	395	3203	11040	11267
Нарымъ	4	9	—	—	11	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	212	664	706

Якуцкой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	169	481	2074	2087
Енисейской.	—	—	—	—	—	—	7	17	—	—	—	—	—	—	138	2128	8502	8376
Кузнецкой	—	—	—	—	—	—	2	4	4	17	—	—	—	—	—	674	2471	2561
Красноярской	6	17	29	115	—	—	1	4	—	—	—	—	—	—	217	1179	4410	4304
Мангазея.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	276	687	673
Кунгуръ	—	—	—	—	—	—	1	11	—	—	—	—	—	—	—	3404	14617	14083
Еренскъ	—	—	—	—	—	—	—		—	—	1	—	225	484	—	3851	8588	9252
Соль-Камская.	—	—	—	918	—	—	—	—	48	298	127	885	10844	40003	135	13432	50110	49997
Чердынь	—	—	—	—	—	—	—	—	8	64	—	—	—	—	461	1938	8656	8136
Кай Городокъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1462	4790	4835
Вятка	—	—	—	—	—	—	23	64	—	—	—	—	—	—	67	8144	28290	27162
Итого	100	390	980	10152	80	272	360	1191	60	379	128	885	11100	40566	3290	76052	272091	269297

Сводку всѣхъ данныхъ переписи 1710 года представляетъ „Табель, количое число въ губерніяхъ по перепискѣ 710 году всякаго чина дворовъ и въ нихъ мужеска полу людей, окромѣ поповыхъ и дьяконовыхъ“, хранящійся въ Государственномъ Архивѣ, въ Кабинетѣ Петра В. среди бумагъ 1714 года [1]). Табель кратко даетъ слѣдующіе итоги переписи по губерніямъ.

Губерніи	Дворовъ	Людей
Въ Московской	190.826	711.341
„ С.-Петербургской и Ярославской провинціи кромѣ Пскова и Новгородскаго уѣзда 2-хъ пятинъ, въ которыхъ за моровымъ повѣтріемъ не переписано.	108.613	436.383
„ Кіевской.	68.009	301.022
„ Рижской.	41.093	217.723
„ Архангелогородской	68.826	217.449
„ Казанской	41.441	158.500
„ Нижегородской	77.615	255.923
„ Азовской.	85.869	304.254
„ Сибирской.	76.052	272.091
Итого	758.394	2.874.685

Въ это число не вошло количество ясаковъ по Казанской и Нижегородской губерніямъ, которыхъ числилось 46.144 ясака; нѣтъ числа ясашныхъ инородцевъ и по Сибирской губерніи. Присоединяя ясашныхъ первыхъ двухъ губерній, получимъ 804.538 дворовъ и ясаковъ [2]).

---

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 53, *л.* 786.

[2]) Итоги переписи 1710 г. стали извѣстны правительству еще въ срединѣ 1711 г. Изъ указа 30 іюня этого года (П. С. З., IV, № 2390) узнаемъ, что „по переписнымъ книгамъ 710 г. во всѣхъ губерніяхъ посадскихъ и крестьянъ и бобыльскихъ и задворныхъ и дѣловыхъ людей дворовъ написано 606.404 дв.“; тамъ же приведенъ расчетъ количества рекрутъ, падающихъ на каждую губернію по этой переписи, въ результатѣ котораго одинъ человѣкъ приходился съ 30 дв.; по количеству рекрутъ можно опредѣлить число дворовъ каждой губерніи, кото-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„Пустота“ по переписнымъ книгамъ 1710 г., ея дальнѣйшее увеличеніе.

Перепись 1710 года еще не была закончена повсюду, какъ правительству стало извѣстно, что ею въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обнаружена значительная „пустота“, что число дворовъ по этой переписи въ сильной степени уменьшилось сравнительно съ цыфрами ихъ по книгамъ 186 года. Такъ доношеніемъ 1711 г. въ сенатъ изъ С.-Петербургской губерніи сообщали, что по „новой перепискѣ“ противъ прежнихъ переписныхъ книгъ убыло 72.183 двора [1]). Вслѣдъ за тѣмъ свѣдѣнія объ уменьшеніи дворовъ стали поступать и изъ другихъ губерній. Чтобы яснѣе представить измѣненія въ количествѣ дворовъ числа, слѣдуетъ сравнить по губерніямъ итоги переписи 1710 года съ итогами старой переписи. Начну съ сѣвера.

Въ Архангельской губерніи по переписнымъ книгамъ 186 года числилось 99.600 дворовъ или 99.601 по другому счету (въ 19 городахъ—96.906, да въ Чарондѣ, отписанной ко флоту—2.695 дв.), по переписнымъ же книгамъ 1710 года было насчитано—59.662 дв. (въ 19 городахъ—57.204, въ Чарондѣ—2.458 дв.), убыль выразилась въ 39.939 дв. (въ

рое было принято во вниманіе при распредѣленіи; такимъ путемъ получаются слѣдующія цыфры дворовъ переписи 1710 года: для Московской губ. (6.359 рекрутъ × 30)—190.770 дв., для С.-Петербургской (2.716 × 30) — 81.480, Кіевской (1.063 × 30) — 31.890, Смоленской (1.163 × 30) — 34.890, Архангелогородской (1.979 × 30) — 59.370, Казанской (3.757 × 30) — 112.710, Азовской (1.194 × 30) — 35.820, Сибирской (1.972 × 30) — 59.160, а всего по губерніямъ — 606.090 дворовъ (меньше, чѣмъ показано вначалѣ).

Въ докладныхъ пунктахъ сената 16 апрѣля 1714 года сообщается, что двороваго числа „по переписнымъ книгамъ 710 года 602.935 дворовъ“ (П. С. З. IV, № 2797; Докл. и приг., IV, кн. I, 316). Надо полагать, что здѣсь опять таки указаны дворы одного тяглаго населенія, сравниваемаго въ этихъ пунктахъ съ числомъ дворовъ переписи 186 года.

[1]) П. С. З., IV, № 2390.

19 городахъ—39.702, въ Чарондѣ—237 дв.), т. е. составила около 40% прежняго количества дворовъ [1]).

Однако убыль была далеко не одинакова для разныхъ слоевъ населенія. Посадскихъ числилось по переписи 1678 года—4.302 дв., по переписи 1710 года—3.395, убыль выразилась въ 1007 дв. [2]), т. е. составила 23,4%. Крестьянъ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и черносошныхъ по переписнымъ книгамъ 186 г. было 39.796 дв., а по переписнымъ 1710 г. насчитывалось 25.255 дв. [3]), убыль составила 14.541 дв., т. е. 36,5%; дворовъ же крестьянъ помѣщичьихъ [4]) убыло свыше 40%.

Насколько велика была убыль дворовъ помѣщичьихъ крестьянъ, это видно изъ доношеній стольника Ивана Кожина, посланнаго въ Архангелогородскую губернію по приговору сената 6 мая 1713 г. для сбора конныхъ даточныхъ и полтинныхъ денегъ. Кожинъ сообщалъ сенату, что въ Архангелогородской губ. противъ переписныхъ книгъ 186 г. явилась „пустота великая, едва не вполы“, „не токмо крестьянъ, но и помѣщиковъ той пустоты самихъ нѣтъ и взять (даточныхъ и денегъ) не съ кого“, „многихъ деревень, въ которыхъ было дворовъ по 20, и по 3, и по 2, и по одному, всѣ впустѣ, и тѣхъ дворовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ самихъ и прочихъ жилыхъ деревень нѣтъ, и денегъ взять не съ кого“ [5]).

---

[1]) См. отписки вице-губернатора Курбатова 1713 г. (Докл. и прил., III кн. II, 1120; вѣдѣніе ландрихтера Ивана Нахалова — IV, кн. I, 272; ср. III, кн. I, 92); въ отпискѣ 15 ноября 1711 года Кубатовъ, говоря объ отягощеніи Архангелогородской губ., въ доказательство ссылается на то, что вмѣсто 99.600 дв. въ ней имѣется на лицо только 60.000 дв. (I, 325). Въ другомъ мѣстѣ даются нѣсколько иныя цыфры убыли, именно сообщается, что въ 19 городахъ „по переписнымъ книгамъ 710 г. наличныхъ—56.667 дв., и противъ переписныхъ 186 г. книгъ пустыхъ 40.238 дв.“ (IV, кн. II, 1056).

[2]) Милюковъ, Государ. хозяйство, 186.

[3]) Докл. и прил., IV, кн. I, 273.

[4]) Тамъ же, III, кн. I, 130. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убыль въ Архангелогородской губ. доходила до 60%. Такъ по справкѣ въ канцеляріи сената съ переписными книгами 186 и 710 годовъ оказалось, что въ вотчинахъ Спасо-Прилуцкаго монастыря въ Вологодскомъ уѣздѣ по переписнымъ книгамъ 186 года „крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ“ было 604 дв., а „по переписи 710 года 244 дв.,“, убыло 360 дв. (Докл. и прил., V, кн. II, 1278), значитъ убыло 60%.

[5]) Докл. и приг., IV, кн. I, 272—274.

Въ С.-Петербургской губерніи [1]), по переписнымъ книгамъ 186 года числилось 178.160., а по переписи 1710 г.— 105.977 дв., убыло 72.183 двора, что составляетъ 40,3°/₀. Убыль этой губерніи совпадаетъ съ убылью Архангелогородской.

Въ Смоленской губерніи [2]) по переписнымъ книгамъ 186 г. числилось 44.555 дворовъ, по книгамъ 1710 г.— 35.130 дв., убыло 9.425 дв. или 21, 2°/₀. Наиболѣе пострадавшимъ оказывается Смоленскій уѣздъ, въ которомъ изъ 16.731 дв. осталось 8.764, убыло 7.697 дв., т. е. 46°/₀, почти половина наличнаго (по переписи 186 г.) количества дворовъ, при чемъ изъ дворовъ помѣщичьихъ крестьянъ изъ 9.810 осталось 4.447, значитъ убыло болѣе половины, именно 4.963 двора или 52,7°/₀. Смоленскій уѣздъ былъ пограничнымъ, онъ подвергся опустошенію со стороны шведскаго войска, оттого убыль въ немъ и была столь значительна [3]).

Въ Московской губ. по переписи 1678 г. числилось 253.973 дв., по переписи 1710 г.—190.826 (изъ вѣдомости государственнаго архива), убыль составляетъ 63.147 дв. или около 24°/₀.

Но убыль дворовъ распредѣляется по всей Московской губерніи далеко не одинаково. Въ центральной части ея, въ Москвѣ и 14-ти ближайшихъ городахъ, которые отстояли отъ Москвы въ 100—120 верстахъ, убыль въ крестьянскихъ,

---

[1]) Цыфры взяты изъ доношенія С.-Петербургской губерніи сенату отъ 1711 года (см. указъ сената 30 іюня 1711 года—П. С. З., IV, № 2390; ср. Докл. и приг., I, 161, 204; II, кн. II, 188, 189; III, кн. II, 971 и др.; П. С. З., IV, № 2577).

По нѣкоторымъ городамъ убыль поднималась выше 40°/₀. Такъ въ городахъ Олонцѣ, Каргополѣ, Бѣлоозерѣ и Устюжнѣ да Сермакской волости, приписанныхъ въ 1712 году къ адмиралтейству „для всякой корабельной работы", по переписнымъ книгамъ 186 года числилось 37.184 дв. а по книгамъ 707 года 21.342, убыль выразилась въ количествѣ 15.842 дворовъ, составивъ тѣмъ около 43°/₀ прежняго числа (Докл. и приг., III, кн. I, 132).

[2]) Цыфры взяты изъ сенатской выписки (отъ іюля 1713 г.), резюмирующей данныя табеля Смоленской губ., поданнаго въ канцелярію сената (Докл. и приг., III, кн. II, 479—480; ср. II, кн. II, 226).

[3]) По доношенію смоленскаго губернатора, „во время сближенія къ Смоленску и къ смоленскимъ границамъ шведскаго короля выжжено и разорено и отъ проходу воинскихъ людей учинилось пустоты 9.445 дв." (Докл. и проч., IV, кн. II, 479). По сообщенію 1711 года, въ Смоленской губ. „архіерейская вотчина, село Мигновичи, которое близъ литовскаго рубежа, выжжена, а монастырскія вотчины разорены" (IV, кн. II, 1262).

бобыльскихъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей дворахъ составила всего 3%: по переписнымъ книгамъ 186 года въ этихъ городахъ съ уѣздами было 79.845 дв., а перепись 1710 года насчитала въ нихъ 77.185 дв. [1]). Однако, въ другихъ городахъ, преимущественно сѣверныхъ, убыль была весьма значительна.

Наглядной иллюстраціей къ этому можетъ служить перепись 1709 года Луховскаго уѣзда, произведенная воеводой Иваномъ Костюринымъ и посланными для того дворянами. По ихъ переписькѣ въ Луховскомъ уѣздѣ церковныхъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей оказалось 1.660 дворовъ (1.638 прежнихъ, что были и въ переписныхъ книгахъ 186 г., 8 новыхъ скотничьихъ и 13½ дв. новопоселенныхъ, крестьянскихъ и дѣловыхъ людей), по переписнымъ же книгамъ старымъ, 186 года, въ тѣхъ мѣстахъ числилось 3.671 дв., значитъ убыло 2.011 дворовъ [2]), что составляетъ болѣе половины прежняго числа дворовъ, именно 55%.

Если не въ такой мѣрѣ, то все же значительна была убыль дворовъ и въ другихъ сѣверныхъ городахъ Московской губерніи, благодаря чему убыль, небольшая для центральныхъ городовъ той губерніи, въ общемъ поднимается, какъ указано выше, до 24% [3]).

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 463; см. у Милюкова, Государ. хозяйство, 192.

[2]) Общей убыли дворовъ по всему Луховскому уѣзду дать нельзя, потому что дворы посадскихъ людей, которыхъ по переписи 1678 года было 193 дв., въ 1709 г. были переписаны луховскимъ бурмистромъ, и книги о нихъ были посланы въ ратушу, благодаря чему числа посадскихъ дворовъ въ перечнѣ переписной книги 1709 года не указано; затѣмъ дворы крестьянскіе вотчины Тихоновой пустыни, въ которыхъ по переписи 1678 года было 444 дв., „переписывалъ изъ монастырскаго приказа подьячій, и тѣ переписныя книги онъ повезъ съ собою къ Москвѣ въ монастырскій приказъ“. По переписнымъ же книгамъ 1678 года въ Луховскомъ уѣздѣ всего было 4.308 дв.; въ мѣстностяхъ, описанныхъ И. Костюринымъ и дворянами, окозалось жилыхъ дворовъ 1660, въ нихъ людей муж. пола — 5157 чел., а „противъ переписной 186 г. пустыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 2032 дв. съ полудворомъ“ *(А. М. Ю., книга „ландратская“ г. Лухова* 1709 г., № 18.466. л. 1, 210—211). Ср. сообщеніе 1715 г. коменданта Я. Сытина, что въ Луховскомъ у. по книгамъ 186 г. 4.308 дв., а нынѣ „жилыхъ наличныхъ“ 1.574 дв. (Докл. и приг., V, кн. I, 207).

[3]) Свѣдѣнія о дворовомъ числѣ городовъ Московской губ. по книгамъ 186 года и о пустотѣ по отдѣльнымъ городамъ см. въ Докл. и приг., I, 141, 326, 341, 403; II, кн. II, 388; III, кн. II, 463, 984, 1420; IV, кн. I, 82, 90, 105, 142, 472, 541, кн. II, 986; V, кн. II, 567; VI, кн. I, 233, 472.

Въ Кіевской губерніи по переписнымъ книгамъ 186 г. насчитывалось 27.680 дв., сюда еще нужно присоединить населеніе Комарницкой волости въ количествѣ 4.234 дв. Переписныя книги 1710 г. даютъ итогъ, очень близкій къ итогу переписи 186 года. Числа дворовъ тѣхъ разрядовъ, которые были занесены въ ту и другую перепись можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

		1678 года	1710 года
1—Посадскихъ		1.886 дв.,	3.610 дв.
2—Крестьянъ:	а) дворцовыхъ . . .	1.867 „	1.069 „
	б) комарничанъ . . .	4.234 „	3.687 „
	в) церковнаго вѣдомства	3.374 „	3.918 „
	г) помѣщичьихъ . .	20.568 „	20.488 „
	Итого . .	31.929 дв.,	32.772 дв.

Отсюда прибыль [1]) исчисляется въ 843 дв., составляя 2,6% прежняго числа дворовъ. Но обычно въ сенатскихъ выпискахъ этимъ прибыль не ограничивается, къ ней присоединяютъ дворы однодворцевъ и служилыхъ людей старыхъ службъ, которыхъ въ переписныхъ книгахъ 1678 года занесено не было. Дворовъ же „однодворцовыхъ“, оказавшихся прибылыми „противъ книгъ 186 года“, было 16.205, да сверхъ того „дворовъ драгунскихъ, солдатскихъ, стрѣлецкихъ,

[1]) П. Н. Милюковъ, сравнивая итоги двухъ переписей по Кіевской губ., нашелъ среди посадскихъ и крестьянъ „небольшое уменьшеніе“ по итогамъ послѣдней переписи, выразившееся въ 2, 2%, тогда какъ по моему расчету то же самое населеніе прибавилось на 2, 6%. Разница вывода получилось оттого, что Милюковъ всецѣло довѣрился вѣдомости Голицына, кіевскаго губернатора, представленной имъ въ 1717 году въ сенатъ съ указаніемъ на то, что населеніе уменьшилось по его губерніи; я же пользовался для исчисленія количества дворовъ переписи 1710 года оффиціальнымъ табелемъ Кіевской губ., представленнымъ въ сенатъ въ 1712 году (*А. М. Ю.*, № 111, л., 360; см. выше стр. 50—53), цыфры котораго выше цыфръ вѣдомости Голицына 1717 года; въ согласіи съ приведенными мною цыфрами находятся числа дворовъ сенатскихъ выписокъ 1712 и 1713 годовъ (Докл. и приг., II, кн. II, 420 и сл.; ср. III, кн. I, 45, 261).

казачьихъ, пушкарскихъ и отставныхъ служилыхъ людей 15.985 дв.", итого 32.190 дв.[1]).

Такимъ образомъ, вмѣсто 32.000 дв. старой переписи (считая въ томъ числѣ и камарничанъ), новая зарегистровала 65.000 дв., „прибылыхъ"[2]) противъ старыхъ книгъ оказалось свыше 100%.

Въ Азовской губерніи по переписи 186 г. было 41.520 дв., считая въ ней 7½ „долей"[3]), а по новой переписи, кромѣ служилыхъ, оказалось 36.435 дв., убыло 5.085 дв., 12,2%.

Убыль далеко не вездѣ была одинакова. Въ 17 городахъ, приписанныхъ къ Тамбову, убыль была еще значительнѣе, какъ это видно изъ слѣдующаго сравненія.

	По переписи 186 года	1710 года
Посадскихъ было	1.177	20.524 дв.
Крестьянскихъ	31.934	
Ясашныхъ	7.186	5.279 „
Итого . . .	40.297	25.803 дв.

Значитъ, убыло 14.494 дв. или 36%.

„Пустота" въ крестьянскихъ, ясашныхъ и посадскихъ дворахъ такова же, какъ и на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Россіи. Но число дворовъ „служилыхъ" возрастаетъ: по какимъ-то „старымъ" книгамъ въ тѣхъ же 17 городахъ ихъ было

[1]) Взято изъ сенатской выписки 1712 года (Докл. и приг., II, кн. II, 419—421), цифры которой заимствованы изъ „табеля" Кіевской губ., „каковъ учиненъ въ ближней канцеляріи", а табель тотъ основывается, очевидно, на табелѣ, присланномъ изъ Кіевской губ. и напечатанномъ выше.

[2]) Какова дѣйствительная прибыль среди однодворцевъ и служилыхъ людей городовой и полковой службы, сказать нельзя, такъ какъ неизвѣстно, сколько ихъ было по росписямъ въ періодъ составленія переписныхъ книгъ 186 года; въ сенатскихъ выпискахъ и табеляхъ указаній на прежнее ихъ число нѣтъ. Свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по Кіевской губ., сверхъ указанныхъ выше, см. въ Докл. и приг., III, кн. I, 45, 261.

[3]) По указу 14 окт. 1710 года въ каждой долѣ числилось 5.536 дв. (П. С. З., IV, № 2305). Если же принять во вниманіе распредѣленіе рекрутъ по указу 30 іюня 1711 г. (№ 2390), когда по предположительному расчету на Азовскую губ. приходилось 1.027 человѣкъ, считая съ 40½ дв. по одному рекруту, тогда выйдетъ, что въ той губерніи по переписнымъ книгамъ 1678 г. насчитывалось 41.594 дв., цыфра очень близкая къ вышеуказанной.

11.800, а по переписи 1710 года оказалось 19.213, прибыло 7.413 дв. или 62,8%.

Присоединивъ ихъ къ числу дворовъ посадскихъ, крестьянскихъ и ясашныхъ, получимъ—52.097 и 45.016 дв. (для переписи 1710 г.), въ итогѣ убыль выразится лишь 7.030 дв. [1]) или 13,5%.

Но если по всей Азовской губерніи сосчитать дворы по той и другой переписи и къ итогу переписи 1710 года дворовъ крестьянскихъ, ясашныхъ и посадскихъ прибавить дворы „копейщиковъ, рейтаръ и служилаго всякаго чина людей“ (43.285), считая ихъ формально „прибылыми“, то тогда неблагопріятный результатъ новой переписи превратится въ чрезвычайно благопріятный, вмѣсто 41.520 дв. окажется по всей Азовской губ. 79.720 дв., „прибылыхъ“ будетъ 38.200 дв. или 91,9%, почти вдвое больше числа дворовъ старой переписи 1678 года [2]).

Казанская губернія оказалась при переписи 1710 года въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ сосѣднія съ ней, Московская и Азовская: за исключеніемъ посадскихъ, въ ней дворы другихъ категорій по новой переписи увеличились, въ общемъ вмѣсто 100.128 дворовъ переписи 1678 года въ 1710 году оказалось дворовъ тѣхъ же категорій 114.974, прибыли явилось 14.846 дв. или 14,8%; въ частности цыфры той и другой переписи таковы.

	По переписи 1678 года	1710 года
1—Посадскихъ и бобыльскихъ (въ посадахъ)	7.119	5.674
2—Дворцовыхъ	15.690	20.007

---

[1]) Цыфры взяты изъ вѣдомости, представленной изъ Азовской губ. Ѳ. М. Апраксину (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 36, л. 387 — 390; см. выше стр. 56, 57); въ той вѣдомости для ясашныхъ по переписи 1710 г. приводится цыфра въ 4.316 дв., но если сложить цыфры дворовъ по отдѣльнымъ городамъ, то получится 5.279 дв.; эту послѣднюю цыфру я и привожу; относительно „служилыхъ“ неизвѣстно, по какимъ именно старымъ книгамъ приводится ихъ число, но во всякомъ случаѣ не по переписнымъ книгамъ 1678 года, въ которыя они занесены не были.

[2]) Свѣдѣнія о числѣ дворовъ Азовской губ. см. въ Докл. и приг., II, кн. II, 329, 437; III, кн. I, 260—261.

	По переписи 1678 года	1710 года
3 — Патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ	14.784	16.383
4—Помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ	62.535 [1])	72.910
Итого . . .	100.128	114.974 дв. [2])

Сибирская губернія оказалась въ самомъ благопріятномъ положеніи: въ ней по переписнымъ книгамъ 1678 года податнаго населенія числилось 39.445 дв., перепись же 1710 года насчитала 59.360 дв., „прибылыхъ" оказалось 19.915 дв. [3]), что составляетъ приростъ въ 47,9%.

Въ общемъ получаемъ для всѣхъ губерній слѣдующую таблицу.

ГУБЕРНІИ.	1678 г.	1710	убыль или прибыль		%
Архангелогородская.	99.601	59.939	—	39.939	40
С.-Петербургская .	178.160	105.977	—	72.183	40,3
Смоленская. . . .	44.555	35.130	—	9.425	21,2
Московская. . . .	253.973	190.826	—	63.147	24
Кіевская.	31.929	32.772	+	843	2,6
Азовская.	41.520	36.434	—	5.085	12,2
Казанская.	100.128	114.974	+	14.846	14,8
Сибирская.	39.445	59,360	+	19.915	47,9
Итого . .	789.311	635.412	—	153.899	19,5

[1]) П. Н. Милюковъ, пользуясь выпиской 1713 года (Докл. и приг., III, кн. II, 964), даетъ для крестьянъ помѣщичьихъ цыфру дворовъ въ 63.420, но я пользуюсь болѣе ранней выпиской, 1712 года, гдѣ крестьянъ того же разряда показано 62.535 дв. (II, кн. II, 155).

[2]) При сравненіи берутся для переписи 1710 года итоги табеля, напечатаннаго выше; въ выпискѣ 1713 года сообщаются нѣсколько иныя цыфры (Докл. и приг., III, кн. II, 962—964); ихъ Милюковъ считаетъ „неполными" (Государ. хозяйство, 197). О числѣ дворовъ въ Казанской и Нижегородской губ. см. также Докл. и приг., IV, кн. I, 571; кн. II, 692, 713, 1005; V, кн. I, 186, 259, 969; VI, кн. I, 178.

[3]) Обстоятельныя указанія на движеніе населенія въ Сибирской губ. сдѣланы П. Н. Милюковымъ (Государ. хозяйство, 199—201).

По всѣмъ губерніямъ убыль въ населеніи одноименнаго названія достигла почти 20%, значитъ 1/5 числа дворовъ послѣдней переписи XVII в. оказалась въ 1710 году запустѣвшей.

Но если принять во вниманіе дворы однодворцевъ въ Кіевской губ. въ числѣ 16.205 и дворы служилыхъ людей полковой и городовой службы, копейщиковъ и другихъ званій въ Азовской губ. въ числѣ 22.118, а всего 38.323, которые въ сенатскихъ расчетахъ стали прибавляться къ тяглому населенію [1]), то получимъ для переписи 1710 года 673.735 дв., убыль противъ итоговъ старой переписи выразится въ количествѣ 115.576 дв., что составитъ 14,6%.

Но если сравнить самую высшую цыфру дворовъ, какая только намъ извѣстна для переписи 1678 г., именно 812.131 дв. [2]) съ общимъ итогомъ генеральнаго табеля переписи 1710 года, именно съ 758.394 дв., то убыль въ абсолютныхъ цыфрахъ составитъ всего 53.737 дв., что равняется только 6,6%.

„Пустота“, объявившаяся по переписи 1710 года, въ прежнихъ границахъ не остановилась. По показанію мѣстныхъ властей она съ каждымъ годомъ все увеличивалась. Въ извѣстномъ уже доношеніи 22 іюня 1711 года изъ С.-Петербургской губерніи говорилось, что благодаря моровому повѣтрію, разразившемуся во Псковѣ, Торжкѣ съ уѣздами и въ уѣздахъ Новгородскомъ и Старорусскомъ, „дворовъ запустѣло многое число“, и „той пустоты“ „по послѣдней мѣрѣ“ слѣдуетъ считать—16.897 дв.; сверхъ того благодаря подат-

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. I, 37, 539.

[2]) При распредѣленіи на „доли“ во всемъ государствѣ по переписнымъ книгамъ 186 г. считалось 812.131 дв. (П. С. З., IV, № 2305, 2319 стр. 624, 2341, 2390). Имѣется и еще болѣе высокая цыфра дворовъ, именно 233.603. Эта цыфра приведена въ „табели о приходѣ и о расходѣ по губерніямъ“, гдѣ говорится: „По министерскому приговору на вышеписанный недостатокъ (въ количествѣ 409.864 р.) велѣно собрать по губерніямъ только на одинъ на нынѣшній 1710 годъ всего государства съ двороваго числа съ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ по полтинѣ съ двора, именно съ 833.603 дв. 416.801 рубль“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 16, л. 583). Но ни откуда не видно, чтобы этой цыфрой выражалось число дворовъ именно переписи 186 года.

нымъ „несноснымъ тягостямъ“, падающимъ на оставшееся населеніе, „и достальные уѣздные люди бредутъ врознь, и дворы пустѣютъ“ [1]).

Въ 1715 году крестьяне Самеровскихъ волостей били челомъ Государю, что въ ихъ волостяхъ послѣ переписки 709 года отъ тяжелыхъ сборовъ и повинностей „за скудостью запустѣло“ „дворовъ съ 1.000“, отъ платежей „многіе кореляне, покиня тяглые свои жеребьи, врознь разбрелись безвѣстно, а иные и нынѣ бѣгутъ“ [2]).

Въ Московской губ. „пустота“ тоже усиливалась. Такъ въ Луховскомъ уѣздѣ по переписи 1709 г. было посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ, переписанныхъ воеводой Костюринымъ, 1853 дв. (изъ нихъ посадскихъ 193), а по отпискѣ 1715 года луховскаго коменданта Якова Сытина „нынѣ жилыхъ наличныхъ“ осталось 1.574 дв. [3]), значитъ убыло 279 дворовъ. Въ другихъ случаяхъ о городахъ и уѣздахъ Московской губ. сообщалось въ общихъ выраженіяхъ, что въ нихъ учинилась „многая пустота“.

Въ Кіевской губерніи, которая была въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ губернія сѣверныя, все же вскорѣ послѣ переписи 1710 года обнаруживается „пустота“. Уже по поводу набора въ ландмилицію въ 1713 году изъ Кіевской губерніи доносили (15 апрѣля) сенату, что въ той губерніи „въ ландъ-мелисъ изъ указныхъ чиновъ выбрано и на станціяхъ въ готовности 1.000 человѣкъ, а достальныхъ набираютъ съ великимъ трудомъ, понеже, пояснялось въ доношеніи, многіе отъ набора бѣгутъ, покиня домы свои, а бездворные въ донскіе и черкасскіе городки“ [4]). Когда же по указу 30 ноября 1713 г. велѣно было изъ Кіевской губ. прислать въ С.-Петербургъ работниковъ—1.435 человѣкъ,

---

[1]) П. С. З., IV, № 2390. Ср. челобитье Петра Аврамова 1715 г., въ которомъ сообщается, что у него крестьянскіе дворы въ Шелонской пятинѣ Новгородскаго у. послѣ перепищиковъ 1710 г. во время морового повѣтрія „вымерли безъ остатка“ (Докл. и приг., V, кн. I, 305).

[2]) Докл. и приг., V, кн. I, 438, 439; ср. VI, 345.

[3]) Тамъ же, V, кн. I. 207.

[4]) Докл. и приг., III, кн. I, 261.

считая одного работника съ 19½ дворовъ, то губернаторъ кіевскій кн. Голицынъ писалъ (14 авг. 1714 г.) сенату: въ указное число тѣхъ работныхъ людей не выслано за пустотою, которую нынѣ велѣно освидѣтельствовать, 127 человѣкъ [1]); значитъ въ это время въ Кіевской губ. пустоты числилось 2.476½ дв.

Ландрихтеръ Кикинъ въ письмѣ къ Апраксину отъ 3 ноября 1710 года, сообщая о томъ, что въ той губерніи обнаружена „многая пустота", указывалъ: „Нынѣ, государь, услышавъ о томъ, что по милости твоей стало имъ (тяглымъ людямъ) быть отъ посыльныхъ людей въ подводахъ и въ грабежахъ и въ разореніяхъ свободно, въ одномъ Тамбовскомъ уѣздѣ пришло изъ бѣговъ на старыя свои мѣста близко 1.000 дворовъ, а зимою, чаю, всѣ соберутся" [2]). Не смотря на такія благопріятныя свѣдѣнія, въ ближайшіе же годы оказалось, что въ той губерніи образовалась пустота. Такъ въ 1712 году управитель дворцовыхъ волостей Иванъ Корѣевъ доносилъ Апраксину: по переписнымъ книгамъ 1710 года „въ Скопинѣ и Скопинскомъ уѣздѣ волостныхъ крестьянъ 2009 дв.", а „послѣ переписи 710 г. по смотру моему" и „по доношенію старостъ и цѣловальниковъ и посланныхъ подъячихъ бѣжало волостныхъ крестьянъ, покинувъ домы и тягла впустѣ съ 500 дв. и больше" [3]).

Въ Казанской губерніи тоже вскорѣ послѣ составленія переписныхъ книгъ 1710 года оказалась многая „пустота". Такъ извѣстно, что уже въ 1712 году, по государеву указу изъ казанской губернской канцеляріи, пріѣзжалъ въ Муромъ майоръ Григорій Хвостовъ для сбора государевыхъ податей и „для досмотра и розыска пустыхъ дворовъ, гдѣ что

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 1006; указъ 30 ноября 1713 г.—III, кн. II, 1203.

[2]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 123.

[3]) *Тамъ же*, № 34, л. 459 и сл.; ср. л. 450. Въ отвѣтъ послѣдовало слѣдующее распоряженіе: „Противъ сего отношенія и крестьянскаго челобитья велѣть разсмотрѣть и переписать вновь, что нынѣ на лицо ряжскому коменданту Леонтію Ладыженскому". Въ сенатской выпискѣ 1716 года читаемъ: Не дослано „изъ Азовской губ. рекрутъ (по нарядамъ прошлаго 715 г.) 221 человѣкъ, и октября 4 числа 715 г. изъ той губерніи отвѣтствовано, то число не собрано за пустотою" (Докл. и приг., VI, кн. I, 446),

опустѣло послѣ переписныхъ книгъ 710 года“ [1]). Затѣмъ „до раздѣленія губерній Казанской съ Нижегородскою“, т. е. до 1714 года, какъ объ этомъ сообщается въ доношеніи кн. Степана Путятина (20 марта 1716 г.), „по розыскамъ и по свидѣтельству посланныхъ изъ Казани штабъ и оберъ-офицеровъ“, „которые посланы были послѣ переписи 710 года по наѣздамъ и по сущему свидѣтельству ихъ явилось“ „пустоты 9.554 двора“; пустота въ такомъ числѣ опредѣлена лишь для одной Нижегородской губерніи [2]).

Въ началѣ 1714 года по вѣдомости Казанской губерніи, какъ узнаемъ изъ докладныхъ пунктовъ сената (16 апрѣля 1714 г.), въ той губерніи числились убылыми съ 1710 года 35.215 дворовъ [3]).

Изъ болѣе поздняго доношенія (28 ноября 1715 года) узнаемъ: „ясашниковъ де и крестьянъ послѣ переписи 710 году учинилось впустѣ, въ Казанской губ.—19.924, въ Нижегородской—13.923 двора“, да по второму доношенію (11 окт. 1716 года) въ Казанской губ. „впустѣ бѣглыхъ и вымороченныхъ и взятыхъ въ переведенные въ С.-Петербургъ и въ солдаты—3.638 дв.“, „итого будетъ въ Казанской губ. пустоты—23.562 дв.“ [4]), значитъ всего пустоты—37.485 дворовъ. Такимъ образомъ, въ Казанской губерніи, по которой переписныя книги 1710 года показали прибыль населенія сравнительно съ числомъ дворовъ старой переписи, въ бли-

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 440; въ челобитьи (1715 г..) крестьянъ с. Познякова Муромскаго у. сообщается, что въ немъ послѣ переписи 710 г., насчитавшей 158 дв., къ 1715 г. запустѣло 50 дв. (стр. 440—441). Въ челобитьи крестьянъ Мурашкинской волости Нижегородскаго у. отъ 1715 г. говорится, что въ виду сбора податей по старымъ книгамъ „многіе ихъ братья—крестьяне отъ такой скудости и напрасныхъ нападковъ коменданта Мерлина разбѣжались“ (V, кн. I, 481).

[2]) Дальше читаемъ: „И по тому свидѣтельству, а по присланнымъ изъ Казани указамъ въ Нижній и Нижегородской губ. въ городы съ той свидѣтельствованной пустоты доимку править не велѣно, а повелѣно брать съ живущихъ съ 71.009 дв.; по переписи же 710 г. числилось, по показанію доношенія кн. Путятина—80.553 дв. (*А. М. Ю.*, № 131, л. 303 и сл.).

[3]) П. С. З., V, № 2798; ср. Докл. и приг., IV, кн. I, 316.

[4]) *А. М. Ю.*, № 131, л. 1154; относительно пустыхъ 3.638 дв. въ сенатской выпискѣ замѣчено, что о нихъ изъ доношенія не видно, считать ли ихъ въ числѣ 19.924 дв или особо; хотя тотчасъ же это число было посчитано особо и соединено съ прежней пустотой.

жайшіе же годы, по свидѣтельству мѣстныхъ властей, обнаружилась „пустота“, достигшая довольно внушительной цифры, именно 37.485 дворовъ.

Если подсчитать вышеуказанныя цифры, въ которыхъ выражалась, по представленію мѣстныхъ властей, пустота послѣ переписи 1710 года, то выйдетъ, что за ближайшіе 5 лѣтъ въ губерніяхъ запустѣло 60.646 дв., что по отношенію къ цифрѣ тяглаго населенія переписи 1710 года, которую обычно приводитъ сенатскій указъ при сравненіи, именно 606 тысячамъ дворовъ составитъ 10%, по отношенію къ принятой мной цифрѣ (635.412 дв.)—9,5%; при сравненіи же съ итогомъ переписи старой, 186 года (789.311 дв.) убыль выразится въ количествѣ 7,7%.

Кромѣ того нужно имѣть неполноту собранныхъ мной свѣдѣній, а также и то, что во многихъ случаяхъ изъ губерній сообщалось о „пустотѣ“, о „многой пустотѣ“, но она не выражалась въ цифрахъ. А потому приведенныя цыфры слѣдовало бы увеличить. Тогда получилась бы слѣдующая картина. Пустота, если вполнѣ полагаться на переписныя книги новой переписи, отписки, доношенія и челобитныя, въ 1710 году достигала одной пятой числа дворовъ старой переписи, въ ближайшіе годы она возросла до одной четверти, а къ 1715—1716 году поднималась выше, приближаясь къ одной трети. Значитъ населеніе съ ужасающей быстротою бѣднѣло, разорялось и уменьшалось.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Причины „пустоты“ дворовъ.

Отмѣчая „пустоту“ въ дворахъ, переписныя книги, доношенія администраціи и челобитныя самого населенія указывали и на причины той пустоты, причины весьма разнообразныя. Такъ, напр., указывали, что дворы запустѣли отъ „пожарнаго разоренія“, „хлѣбу великаго недороду“, отъ „морового повѣтрія“, „отъ солдатскаго набору“, отъ „сбора

каменщиковъ", мастеровыхъ и работныхъ людей, „отъ несноснаго платежа податей", „отъ многихъ запросныхъ сборовъ", „отъ правежа", отъ „насилія сборщиковъ", „отъ воровъ и разбойниковъ"; сообщали: число дворовъ уменьшилось оттого, что многое множество людей „умерло", „умерло въ домѣхъ", благодаря чему тѣ дворы и запустѣли; многіе „переведены", „нищенствуютъ", „разбойничаютъ", „бѣжали безвѣстно", „скитаются межи дворъ, питаясь Христовымъ именемъ".

Короче говоря, въ книгахъ переписныхъ и доношеніяхъ чаще всего указываются тѣ конкретные случаи, благодаря которымъ дворы пустѣли, населеніе разорялось. Но въ этихъ перечисленіяхъ обычно причины дѣйствительной „пустоты" перемѣшиваются съ причинами естественнаго порядка, какъ, напр., смертью, которая при нормальныхъ порядкахъ не уменьшаетъ населенія, такъ какъ послѣднее съ избыткомъ покрывается путемъ рожденій; а также причины часто стоятъ наряду съ ихъ слѣдствіями, напр., съ бѣгствомъ и нищенствомъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ явленія производныя. Отсюда слѣдуетъ всѣ конкретные случаи свести къ основнымъ причинамъ, производившимъ ту „сущую пустоту", „пустоту правдивую", о которой такъ много стали говорить со времени переписи 1710 года.

Сводя всѣ разнообразные факты, благодаря которымъ появлялась „пустота", къ основнымъ причинамъ, получимъ три главнѣйшія, а именно: 1—государственные сборы и повинности, 2—владѣльческіе сборы и повинности и 3—народныя бѣдствія. Слѣдуетъ разсмотрѣть ихъ въ отдѣльности.

I. Государственные сборы и повинности.

Къ государственнымъ сборамъ и повинностямъ слѣдуетъ отнести: 1—сборы денежные, окладные, неокладные и запросные; 2—сборы натуральные: сборъ провіанта и фуража. Къ повинностямъ относятся: 1) ратная, 2) работная, 3) квар-

тирная и 4) подводная. Начну разсмотрѣніе сборовъ и повинностей съ послѣднихъ [1]).

А. Повинности государственныя.

1. Ратная повинность: сборы даточныхъ, рекрутъ и матросовъ.

Сѣверная война требовала прежде всего достаточно многочисленной и сильной арміи, чтобы бороться съ первоклассными шведскими войсками. По плану фельдмаршала Огильви (отъ 1704 г.), русская армія должна была насчитывать въ себѣ 65.000 человѣкъ [2]). Позднѣе комплектъ ея все увеличивался: въ 1708 г. онъ исчислялся въ 113.000 [3]), въ 1711 г.—въ 164.000, а въ послѣднія годы царствованія Петра поднялся выше 200.000 человѣкъ [4]). Слѣдуетъ разсмотрѣть, какъ армія набиралась, изъ какихъ общественныхъ слоевъ навербовывались солдаты и въ какомъ количествѣ и какъ ратная повинность отражалась на населеніи [5]).

---

[1]) Свѣдѣнія о сборѣ денегъ, рекрутъ, работниковъ я буду группировать съ 1700 г. до 1715 включительно (до времени ландратской переписи), т. е. за время наибольшаго напряженія сѣверной войны. Детальный разборъ вопроса, надѣюсь, дастъ возможность оцѣнить и взвѣсить относительную тяжесть каждой изъ причинъ, дѣйствовавшихъ на развитіе „пустоты“.

[1]) Табель Огильви о количествѣ полковъ (30 пѣхоты, 16 конницы, въ нихъ 64.900 чел.), необходимыхъ для веденія шведской кампаніи, напечатанъ въ кн. Устрялова, Исторія Петра В., IV, кн. II, 478—486.

[2]) Сборн. И. О-ва, т. L, 70—78.

[3]) По штату 19 февраля 1711 г. армія должна была состоять изъ 33 полковъ кавалеріи, 85 инфантеріи, въ которыхъ числилось бы 164.274 чел.; въ дѣйствительности же этого не было (П. С. З., IV, № 2319). По указу 2 мая 1712 г., предполагалось рекрутъ собрать „противъ положенныхъ на губерніи полковъ вполы“, а именно 49.471 чел.; отсюда въ арміи, видимо, насчитывалось 98.942 чел. (Докл. и приг., III, кн. I, 38). По табелю 1720 г. въ полевой арміи и гарнизонныхъ полкахъ (кромѣ особыхъ командъ и 2 гвардейскихъ полковъ) должно было быть 164.306 чел. (П. С. З., № 3511; кн. штатовъ, XLIII, ч. I, 37).

Ср. табель регулярной арміи, „коликое число по новому штату въ военное и мирное время быть надлежало“, отъ 25 окт. 1732 г. за подписью гр. Миниха; по этому табелю всего лейбъ-гвардіи, полевыхъ, гарнизонныхъ, также ландмилицкихъ, артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ и прочихъ регулярныхъ войскъ показано 242.182 чел. для военнаго времени и 232.432 чел. для мирнаго (Сѣв. Арх., 1825, № 18, 202—207).

[4]) О русской арміи временъ Петра В. см. слѣдующія статьи и книги: К. Поливанова, Историческій очеркъ законовъ о рекрутской повинности отъ Петра I

Въ рекрутскихъ наборахъ дѣятельнѣйшее участіе принималъ самъ Петръ. Считая „воинское дѣло, яко первое изъ мірскихъ дѣлъ“, онъ съ особенной энергіей принялся за созданіе русской арміи по западно-европейскому образцу. Предметомъ его особенныхъ заботъ было правильное и систематическое укомплектованіе арміи, ради чего онъ вводитъ ежегодные рекрутскіе наборы. Рекруты были предметомъ увлеченія Петра: рекрутъ сбирайте, рекрутъ присылайте, было однимъ изъ главнѣйшихъ требованій его указовъ къ областнымъ правителямъ. Кажется, солдатъ и рекрутъ онъ видѣлъ во снѣ и на яву. Даже когда родился у него второй сынъ, то онъ на радостяхъ писалъ майору преображенскаго полка Салтыкову: „Богъ далъ царю рекрута отцовскимъ именемъ“; какъ будто для него царевичъ прежде всего былъ рекрутомъ. Неудивительно, что рекрутскіе наборы пріобрѣтаютъ важнѣйшее значеніе.

Передъ началомъ сѣверной войны Петръ указами 1699 г. собираетъ армію. Указъ о наборѣ вольныхъ людей въ солдаты объявленъ былъ 8 ноября, а о наборѣ даточныхъ 17 ноября; послѣднимъ указомъ было велѣно „для опасенія турской войны“ собрать со всѣхъ помѣщиковъ „даточныхъ противъ прежняго В. Г. указу“ „добрыхъ и нестарыхъ людей“, а съ иныхъ вмѣсто даточныхъ „имать деньгами по 11 руб. за человѣка“ [1]).

Къ тому же сбору арміи относится и указъ 6 декабря 1699 года о служилыхъ людяхъ, чтобы они „къ службѣ были въ готовности“, а если того „для своихъ нуждъ“ не похотятъ, то платили-бъ деньгами по опредѣленному расчету [2]).

до 1810 г., въ „Памятной книжкѣ И. Александровскаго Лицея на 1850—1851 г., Спб., 1850 г. 1—93 стр.; К. Кемница, Предположенія о лучшемъ устройствѣ русскаго войска, сдѣланныя въ началѣ XVIII в. (разборъ проектовъ Посошкова — Воен. Сборникъ, 1859 г., № VI, отд. II, 349—372); Гудима-Левковича П., Историческое развитіе вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г., Спб., 1875 г.; Масловскаго Д. Ѳ., Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи, вып. I, Спб., 1891.

[1]) Описаніе, V, приложенія, стр. 37 и сл.; тамъ же „наказъ“ 17 ноября 1699 г. кн. Н. И. Репнину съ товарищи, посланному въ Казань и низовые города для прибора въ солдатскую службу.

[2]) Докл. и приг., V, кн. II, 1156; ср. указъ 29 апрѣля 1700 г. о томъ же (стр. 1058—1059).

Въ связи съ указомъ 17 ноября 1699 г. о наборѣ даточныхъ стоитъ рядъ указовъ (напр., 5, 23 и 30 декабря), которыми этотъ наборъ разъяснялся и дополнялся, именно указами было опредѣлено, кому и гдѣ производить наборъ, а также повелѣно (30 декабря) съ помѣщиковъ и вотчинниковъ даточныхъ взять пѣшихъ, а не конныхъ [1]).

Сборъ, начатый по указу 17 ноября 1699 года, продолжался всю первую половину 1700 и по итогамъ второй половины этого года далъ 22.513 человѣкъ, въ томъ числѣ было даточныхъ—10.727, вольницы—11.787 человѣкъ [2]).

Къ началу войны у Петра образовалась армія приблизи-

---

[1]) Указомъ 5 декабря 1699 г. велѣно сбирать даточныхъ и деньги въ новгородскомъ и псковскомъ разрядахъ: кн. Ивану Юрьевичу Трубецкому „съ товарищи" въ В. Новгородѣ, воеводѣ Кириллу Алексѣевичу Нарышкину съ товарищами во Псковѣ, въ смоленскомъ разрядѣ—Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищами въ Смоленскѣ; въ Казани, въ Н.-Новгородѣ и въ городахъ казанскаго разряда сборъ былъ порученъ (по указамъ 17 ноября, 5 и 23 декабря) кн. Никитѣ Ивановичу Репнину съ товарищами; съ Н. Репнинымъ было послано 10 человѣкъ стольниковъ, ротный писарь, 2 прапорщика, 14 сержантовъ, 4 солдата, 5 денщиковъ и 1 лекарь „съ лекарствы". „На Москвѣ (по указу 30 декабря) сборъ велѣно вѣдать на генеральномъ дворѣ боярину и адмиралу Ѳ. И. Головину, думному дьяку Автамону Иванову, генералу Адаму Вейде, у того-жъ дѣла быть дьякамъ Осипу Татаринову, Ивану Золотухину, Ивану Козлову, Нефеду Кормилицину, Андреяну Ратманову" (*А. М. Ю., приказн. дѣла вотчин. архива*, № 80, л. 70 и сл.).

[2]) Точнѣе итоги были слѣдующіе: въ Москвѣ на генеральномъ дворѣ собрано даточныхъ 9.957; „вмѣсто даточныхъ зачтены въ солдаты, что записались изъ вольницы"—236; въ Новгородѣ даточныхъ 389, вольницы 761; въ Псковѣ даточныхъ 190, вольницы 207; въ Смоленскѣ вольницы 260, („а даточныхъ имать не велѣно", за нихъ брались деньги); въ Костромѣ вольницы 29 чел.; въ низовыхъ городахъ даточныхъ 190, вольницы 10.530 чел.; „всего на Москвѣ и въ городѣхъ даточныхъ 10.727 чел., вольницы 11.787, итого—22.513 чел." (*Тамъ-же*, л. 75).

Въ другомъ документѣ о 10.720 чел., собранныхъ въ низовыхъ городахъ кн. Репнинымъ, сообщаются болѣе детальныя свѣдѣнія; въ немъ читаемъ: „По письму авг. 2 числа 700 г., которое прислано въ Преображенское на генеральный дворъ отъ ген. кн. Н. И. Репнина, что прибрано въ солдаты по его прибору съ товарищи въ низовыхъ городахъ: въ Нижнемъ 2.949, въ Арзамасѣ—1.000, въ Симбирскѣ—2.192, на Алатырѣ—602, въ Казани—2.323. въ Свіяжску—504, въ Чебоксарѣхъ—353, въ Козмодемьянскѣ—244, на Курмышѣ—383, въ Цивильску—170, всего 10.720 чел., въ томъ числѣ даточныхъ—190 чел." (*А. М. Ю., вотч. арх., столбецъ* № 18.734).

Въ книгѣ Гудима Левковича сообщается, что вольныхъ и даточныхъ „всего было принято 32.032 чел. (стр. 71). Эта цифра взята, повидимому, изъ Журн. Петра В. (I, 4 и сл.), но тамъ говорится о числѣ солдатъ въ „трехъ генеральствахъ", а не о числѣ „новоприборныхъ" (Ср. Милюкова, Государ. хозяйство, 124).

тельно въ 40.000 человѣкъ [1]). Въ послѣдующіе годы какъ для пополненія убыли въ арміи, такъ и для увеличенія ея количества почти каждый годъ назначались новые наборы.

Первымъ такимъ наборомъ былъ наборъ, произведенный по указу [2]) 18 дек. 1700 г.; имъ предполагалось пополнить войска, потерпѣвшія пораженіе при Нарвѣ. Наборъ этотъ происходилъ въ теченіе всего 1701 года, при чемъ былъ выработанъ цѣлый рядъ правилъ, которыя требовалось соблюдать при запискѣ вольницы въ солдаты [3]).

Въ 1701 же году были набраны 10.000 человѣкъ въ Золотой Палатѣ кн. Б. Голицынымъ и составили 10 полковъ новой кавалеріи [4]).

Столь же энергично продолжалось дѣло усиленія арміи и въ слѣдующемъ 1702 году. По именному указу и по письмамъ изъ Холмогорскаго похода мая 25 до іюня 25 чиселъ велѣно московскихъ полковъ стрѣльцовъ, распущенныхъ по домамъ въ 1699 г., „писать въ стрѣлецкую службу всѣхъ, кромѣ старыхъ, которые выше 50 лѣтъ и стрѣлецкихъ дѣтей малыхъ, которые меньше 18 лѣтъ“ [5]).

Въ сентябрѣ 1702 г. Петръ писалъ Стрешневу, что нужно набрать къ веснѣ 1703 г. „для дополнки полковъ“ 3—4

---

[1]) Устряловъ, Исторія Петра В., IV, кн. I, 9. Въ 1705 году русская армія, по сообщенію (14 мая) Витворта статсъ-секретарю Гарлею, состояла изъ 42.050 человѣкъ пѣхоты и 16.200 драгунъ, всего изъ 58.250 человѣкъ (Сборн. И. О-ва, XXIX, 64).

[2]) Указъ этотъ гласилъ: „1700 г. дек. въ 18 д. В. Государь... указалъ прибрать въ свою В. Г. службу въ преображенской, въ семеновской и въ выборные полки въ солдаты изо всякихъ чиновъ людей, а его государево денежное и хлѣбное жалованье дано имъ будетъ противъ ихъ братьи солдатъ, кто въ которой полкъ будетъ написанъ, а записывать тѣхъ солдатъ въ преображенской и семеновской полки въ Преображенскомъ на съѣзжей солдатской избѣ, а въ выборные полки на генеральномъ дворѣ. И съ сего Е. В. Г. указу по градскимъ воротамъ прибить письма, чтобъ всякихъ чиновъ люди сей Е. В. Г. указъ вѣдали и для записки въ Преображенское шли и записывались безо всякаго сомнѣнія. Думный дьякъ Автамонъ Ивановъ“ (*А. М. Ю., вотч. арх., столбецъ* № 18.734).

[3]) См. статьи (числомъ 26), состоявшіяся на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ, 23 дек. 1700 г.—П. С. З., IV, № 1820.

[4]) Устряловъ, Ист. Петра В., IV, ч. I, 70; ср. у Милюкова, 125 (девять полковъ—опечатка).

[5]) По тому указу „для высылки стрѣльцовъ и стрѣлецкихъ дѣтей, во всѣ городы посланы были нарочные посыльщики, и которыхъ стрѣльцовъ и дѣтей ихъ сыскали, въ Дорогобужъ выслали, а въ Дорогобужѣ приверстаны въ стрѣльцы и учинены 2 полка по 1000 человѣкъ, и посланы въ Смоленскъ, а изъ Смоленска

тысячи драгунъ и 1000 солдатъ. Позднѣе Петръ требуетъ набора не тысячи, а уже 4—6 тысячъ солдатъ [1]).

Видимо, на основаніи этихъ писемъ декабря 11-го 1702 г. былъ объявленъ наборъ въ 7000 человѣкъ „изъ всякихъ чиновъ, кто похощетъ"; однако охотниковъ оказалось гораздо больше, ихъ было набрано и разослано по полкамъ 11.150 человѣкъ [2]).

Въ 1703 г. 20-го января объявленъ былъ наборъ въ 3000 человѣкъ съ посадскихъ людей всѣхъ московскихъ слободъ; набранныхъ оказалось 2712 человѣкъ [3]). Указомъ 19 іюля было повелѣно „въ солдатскую службу прибрать изъ всякихъ чиновъ 1000 человѣкъ, самыхъ добрыхъ и взрачныхъ людей", которые должны составить „особый полкъ", подъ начальствомъ А. Д. Меншикова, а „денежное и хлѣбное жалованье, сообщалось въ указѣ, дано имъ будетъ противъ преображенскаго и семеновскаго полковъ" [4]).

Указомъ 1 окт. было объявлено, чтобы служилые люди всякихъ чиновъ и торговые подавали „сказки о дворовыхъ своихъ и о дѣловыхъ людяхъ" „безсрочно вскорѣ", и по тѣмъ сказкамъ „къ смотру объявляли въ приказѣ военныхъ (дѣлъ) изъ дворовыхъ пятаго, а изъ дѣловыхъ седьмого человѣка, „кончая декабря къ 1-му числу нынѣшняго 1703 г. неотложно"; приводили двоихъ, чтобы можно было изъ кого выбрать, „а къ смотру старѣе 30, а моложе 20 лѣтъ не при-

---

въ Польшу, а достальные стрѣльцы въ Сѣвскъ и росписаны въ стрѣлецкіе-жъ полки Григорія Анненкова, Василія Кошелева" (П. С. З., IV, № 1979).

Изъ нихъ набранные два полка, которые посланы были въ Литву подъ командой полковниковъ Нечаева и Протопопова, въ мартѣ 1703 г. уже были разбиты Левенгауптомъ (Журн. Петра В., I, 65 и сл.; Письма и бумаги Петра В., II, 571).

[1]) Письма и бумаги Петра, II., 85, 98.

[2]) По указу 11-го дек. 1702 г. велѣно „набрать въ солдаты въ Москвѣ и въ городахъ изо всякихъ чиновъ, кто похощетъ, 7.000 чел.; а гостинной, суконной и другихъ сотенъ, имѣющихъ у себя промыслу на 30 руб. и меньше, тѣхъ написать въ солдатскую службу; а которые изъ охочихъ явятся на смотрѣ отъ 12 до 20 лѣтъ, тѣхъ писать въ матросы". По этому указу съ 60 городовъ да съ 7 слободъ „взято и волею записано и отослано въ армію для службы" всего 11.150 ч. (Устряловъ, Исторія Петра В.. IV, кн. II. 488; указъ взятъ Устряловымъ изъ *Г. А., Каб. П.*, I, № 37, л. 428—451, гдѣ помѣщены выписки изъ дѣлъ военной канцеляріи и помѣстнаго приказа).

[3]) Устряловъ. Исторія Петра В., IV, кн. II, 489.

[4]) П. С. З., IV, № 1937.

водили"; „а въ сказкахъ писать безъ утайки подъ смертною казнью" [1]). Послѣдній наборъ далъ 10.127 человѣкъ [2]).

Въ 1704 году были опредѣлены въ солдаты „поголовные", которыхъ было собрано и отправлено (въ теченіе 1704 — 1706 годовъ) въ военный приказъ и въ артиллерію—14.546 человѣкъ [3]). Кромѣ того имѣются свѣдѣнія о двухъ наборахъ: 11 апрѣля велѣно было, согласно прежнимъ указамъ и письмамъ 1702 г., „московскихъ полковъ всѣхъ стрѣльцовъ старыхъ и стрѣлецкихъ дѣтей" собрать и „сколько ихъ соберется, послать въ Смоленскъ", „и буде стрѣльцы и стрѣлецкія дѣти нынѣ явятся въ солдатахъ, прислать, также буде и впредь станутъ приходить для записки въ солдаты или въ иные какіе чины, присылать въ приказъ земскихъ дѣлъ, къ стольнику И. И. Бутурлину съ товарищи" [4]); указомъ 28 октября было сдѣлано распоряженіе, чтобы „съ московскихъ и ямскихъ слободъ, также и съ городовыхъ, которыя вѣдомы въ разрядѣ и въ ямскомъ приказѣ, переписовъ нынѣ, вновь взять въ солдаты, съ жилыхъ дворовъ, съ двухъ дворовъ по

---

[1]) П. С. З., IV, № 1944; по выпискѣ изъ канцеляріи московскаго рекрутскаго счета этотъ наборъ далъ 10.127 чел. (Устряловъ, Исторія П., IV, кн. II, 429).

[2]) Милюковъ считаетъ, что въ общемъ „наборы 1703 г. дали 23.989 чел., а если считать полкъ Меншикова и принять, что набранные изъ стрѣльцовъ полки (6) были тоже тысячными, то получимъ 30.989 человѣкъ" (127 стр.). Но въ томъ то и дѣло, что въ эту сумму попали наборы разныхъ годовъ. Такъ изъ стрѣльцовъ 6 полковъ были набраны въ 1702, 1703 и 1704 г.г. (П. С. З., № 1979). Наборъ, объявленный изъ охочихъ людей въ 7000 человѣкъ и давшій на самомъ дѣлѣ 11.150 человѣкъ, установленъ декабрьскимъ указомъ 1702 г., а потому къ наборамъ 1703 г. не долженъ быть относимъ. Вообще говоря, при исчисленіи количества рекрутъ я пользуюсь датой указа, по которому производился наборъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, если руководиться временемъ собранія рекрутъ, не будетъ никакой возможности точно установить количества набранныхъ рекрутъ въ виду того, что нѣтъ данныхъ для опредѣленія, когда и сколько было собрано рекрутъ. Милюковъ же при исчисленіи то пользуется датой указа о наборѣ, то временемъ дѣйствительнаго сбора, что путаетъ выясненіе дѣйствительнаго положенья дѣла.

[3]) *Г. А., Каб. П.*, I, № 37, л. 443 об. Въ автобіографіи кн. Б. И. Куракина о сборѣ „поголовныхъ" читаемъ: „Того года (1704-го) брали въ солдаты изъ крестьянъ съ Московскаго уѣзда, не съ дворовъ, всѣхъ поголовно молодыхъ; на другой годъ тѣмъ же обычаемъ изъ другихъ уѣздовъ, которые отъ Москвы въ разстояніи за 120 верстъ" (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, I, 272). Краткое сообщеніе о томъ что въ 1704 г. съ Московскаго у. въ солдаты брались „поголовно", а въ 1705—съ другихъ 16 уѣздовъ, смежныхъ съ Московскимъ, поголовно же— см. въ Докл. и приг., III, кн. I, 102.

[4]) П. С. З., IV, № 1979.

человѣку безъ замедленія", „и набрать бы солдатъ молодыхъ и добрыхъ и неувѣчныхъ [1]).

Въ 1705 г. указомъ 1-го февр. велѣно взять у дьяковъ московскихъ „о дѣтять ихъ сказки", и по тѣмъ сказкамъ „дѣтей ихъ въ разрядѣ пересмотрѣть", которыя по справкамъ окажутся въ чинахъ до 1704 г., то ихъ оставить въ прежнемъ званіи, а „которые явятся въ чинахъ съ 704 г., также и въ недоросляхъ, а въ службу годятся, и тѣхъ написать въ службу въ драгуны, и отдать ихъ вѣ ученье къ полковнику, Ивану Новикову [2]).

Начиная съ 1705 г., дѣло укомплектованія арміи становится на прочную почву, армія пополняется правильными ежегодными рекрутскими наборами, болѣе или менѣе равномѣрно падающими на тяглое населеніе. Эти наборы стоятъ въ связи съ планами новаго фельдмаршала Огильви, только что вступившаго въ русскую службу. Онъ находилъ нужнымъ увеличить численность войска примѣрно на 20.000 человѣкъ. Съ такимъ проектомъ согласился Государь, и указомъ 20 февраля 1705 г. былъ назначенъ первый наборъ рекрутъ [3]). Хотя нужно было 20.000 человѣкъ, но по указу 20 февр. предполагалось собрать 37.084 человѣкъ [4]).

Въ виду того, что этотъ указъ о наборѣ имѣетъ общее значеніе, по этому образцу производились дальнѣйшіе ежегодные наборы, а также потому, что при немъ приложены статьи, данныя сборщикамъ, разосланнымъ по городамъ для производства набора, я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на этомъ указѣ и на статьяхъ, приложенныхъ къ указу въ качествѣ руководства для сборщиковъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, № 1996. Имѣется сообщеніе о томъ, что 1704 года дек. въ 27 день велѣно было взять конныхъ даточныхъ съ 50 дв. по человѣку по переписнымъ книгамъ 186 года (Акты Мельникова, I, стр. 189), но кромѣ этого другихъ свѣдѣній объ этомъ наборѣ не сообщается.

[2]) П. С. З., IV, № 2023.

[3]) Тамъ же, № 3036. О планѣ Огильви см. въ кн. Устрялова, Исторія Петра В., IV, ч. I, 365, ч. II, 479—486; въ книгѣ Гудима-Левковича, 81, 82.

[4]) Устряловъ, Исторія Петра В., IV, ч. II, 490, гдѣ изъ дѣлъ помѣстного приказа приведены цыфры рекрутъ первыхъ пяти наборовъ за время съ 1705 по 1709 годъ.

[5]) П. С. З., IV, № 2036.

Указомъ 20 февраля требовалось „въ солдаты взять со всѣхъ городовъ и уѣздовъ“ „съ посадовъ, съ дворцовыхъ волостей“, съ вотчинъ церковныхъ и „всякихъ чиновъ помѣщиковъ и вотчинниковъ“, „съ крестьянскихъ и бобыльскихъ, съ задворныхъ и дѣловыхъ“, занесенныхъ въ переписныя книги 186 г., по тѣмъ книгамъ съ 20 дворовъ по человѣку; если же у кого-либо дворовъ окажется меньше, то такимъ людямъ „складываться въ вышеписанное число“, и выставлять 1 рекрутъ со сложенныхъ 20 дв.

О качествахъ рекрутъ указъ говоритъ лишь, чтобы они были отъ 15 до 20 лѣтъ, холостые; въ наказѣ къ этому добавляется: даточные должны быть „добрые, человѣчные (взрослые) и въ службу годные“.

Тѣ люди, съ кого будутъ взяты даточные, должны снабдить рекрута одеждой и кормомъ; давать рекрутамъ „кормъ, одежду, обувь, кафтаны сѣрые и шубы и шапки и кушаки и чулки и черики“; въ статьяхъ сборщикамъ (въ ст. 7) болѣе точно опредѣляется, чѣмъ слѣдуетъ снабжать даточнаго: „изъ одежды давать кафтанъ сермяжный на годъ, шубу на 2 года, а на шапку, на рукавицы, на черики и на рубахи денегъ по рублю въ годъ“; для корма „муки ржаной три четверти безъ полуосмины, крупъ овсяныхъ полосмины, всего 3 четверти“ [1]).

Обязанности сборщика въ указѣ переданы кратко: „Сбирать тѣхъ даточныхъ въ городахъ начальнымъ людямъ (по росписямъ и перечнямъ о числѣ дворовъ, выданнымъ изъ приказовъ) и ставить на станціяхъ на посадахъ человѣкъ по 500 и до 1000 и больше, и учить военному солдатскому строю по артикулу“; „а что тѣхъ даточныхъ на которой станціи будетъ въ сборѣ и сколько человѣкъ, сколько взято, о томъ тѣмъ начальнымъ людямъ въ помѣстный приказъ писать и смѣтныя росписи присылать почасту“.

Въ „статьяхъ, данныхъ стольникамъ о сборѣ даточныхъ солдатъ или рекрутъ“ (всего 18 ст.), подробно излагаются обязанности сборщиковъ. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ.

---

[1]) О такомъ же окладѣ корма и объ одеждѣ говоритъ указъ 2 марта 1705 г. (П. С. З., IV, № 2038).

1. Взявши государевъ указъ, росписи и перечни дворовъ по книгамъ 186 г., ѣхать въ назначенное мѣсто; „а въ городахъ и уѣздахъ всякихъ чиновъ людямъ Е. В. Г. указъ сказать и велѣть кликать бирючемъ, чтобъ всякихъ чиновъ людямъ даточныхъ указнаго числа съ сказками и именными росписьми вели и объявляли на съѣзжемъ дворѣ немедленно“, разъясняя при томъ, что, если „кто тѣхъ даточныхъ на указные сроки (до 1-го мая) не поставятъ, и на тѣхъ людехъ, послѣ указныхъ сроковъ, даточные будутъ взяты вдвое“.

2. Какъ начнутъ приводить даточныхъ, то принимать ихъ по перечнямъ и брать у приводчиковъ сказки, „съ великимъ подкрѣпленіемъ, подъ опасеніемъ смертной казни“ о количествѣ дворовъ у нихъ по переписнымъ книгамъ 186 г.; „для подлиннаго свидѣтельства взятье даточныхъ въ тѣхъ перечняхъ подъ статьями подписывать имянно, сколько человѣкъ съ кого взято и въ которомъ числѣ“, записывать немедленно, на съѣзжемъ дворѣ „безъ задержанія“.

3. Въ случаѣ ослушанія или медленнаго привода рекрутъ нужно посылать по городамъ и уѣздамъ съ наказными памятьми „отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ“, а также и „площадныхъ подъячихъ, пушкарей, затинщиковъ и ратниковъ и иныхъ чиновъ служилыхъ людей, какіе есть“; а если такихъ людей не хватитъ для посылки, то командировать изъ „посадскихъ и монастырскихъ служекъ и церковныхъ и земскихъ дьячковъ“; во всякій станъ послать по одному человѣку, съ наказомъ высылать рекрутъ немедленно, не давая, подъ опасеніемъ смертной казни, никакихъ сроковъ въ высылкѣ и „отнюдь не чиня“ взятковъ, „обидъ, налоговъ и грабежей“ тѣмъ, съ кого будутъ брать рекрутъ. Кромѣ того мѣстная администрація, воеводы и бурмистры, должны оказывать сборщикамъ всякое содѣйствіе, „радѣть съ великимъ прилежаньемъ и по ослушниковъ посылать, и по уѣздамъ для высылки ѣздить самимъ“.

4. Собранныхъ рекрутъ разставить на станціяхъ „на постоялыхъ дворахъ“ и сказать рекрутамъ „государевъ указъ, подъ опасеньемъ смертной казни, чтобы они жили смирно, тѣхъ дворовъ жителямъ и проѣзжимъ людьмъ и никому обидъ

и налоговъ и дракъ и разоренья и бою и грабежу отнюдь не чинили". Точно также объявить имъ же даточнымъ солдатамъ В. Г. указъ: „Буде кто изъ нихъ побѣжитъ, а изъ бѣговъ сысканъ будетъ, и такимъ бѣглецамъ учинена будетъ смертная казнь, безо всякія пощады". А чтобы рекруты не оставались безъ надзора, слѣдовало, „пересмотря и учиня имъ именные списки" (съ отцы и съ прозвищи), выбрать изъ нихъ же числа капраловъ и ефрейторовъ, и „смотрѣть надъ ними на всякій день поутру и ввечеру, чтобы они всегда были на постоялыхъ своихъ дворахъ, гдѣ кто поставленъ, а никуда не отлучались, и жили смирно, не пили, и не бражничали, и бою и грабежу и дракъ и никакихъ обидъ никому не чинили". А если кто въ чемъ провинится, то капралы о такихъ должны подавать росписи, „и по росписямъ нѣтчиковъ и озорниковъ допрашивать и розыскивать" и „чинить наказанье по разсмотрѣнію"; также розыскивать въ случаѣ жалобъ прежнихъ помѣщиковъ на ихъ рекрутовъ, и если вина подтвердится, то „унимать и чинить наказанье, чтобы отнюдь дурости и досадительствъ никакихъ не чинили" [1]).

5. Установивъ порядокъ среди даточныхъ, сборщикъ долженъ „отдавать (ихъ) въ ученье урядникамъ и рядовымъ солдатамъ, велѣть учить военному солдатскому строю [2]) по артикулу непрестанно, и самому того надъ ними смотрѣть, чтобъ однолично были выучены".

---

[1]) О правилахъ присмотра и надзора въ городахъ на станціяхъ надъ рекрутами и о назначеніи къ нимъ присмотрщиковъ добрыхъ во всякой губерніи особыхъ см. указъ 12 мая 1713 г. (П. С. З., V, № 2678; Докл. и приг., III, кн. I, 283). Сборщики должны были заботиться и о здоровьѣ рекрутъ; по сенатскому приговору 30 іюня 1712 года комиссарамъ, завѣдывавшимъ сборомъ рекрутъ, было приказано за рекрутами на станціяхъ „имѣть стараніе и присмотръ рѣшительный" за ихъ здоровьемъ, если же окажутся больные, то ихъ слѣдовало лечить, а при тяжкой болѣзни, при которой рекруты къ службѣ окажутся негодными, отпускать ихъ домой (Докл. и приг., II, кн. I, 463); по приговору 15 окт. того же 1712 года въ Архангелогородскую губ. велѣно было для леченья рекрутъ послать лекаря изъ русскихъ (II, кн. II, 291).

[2]) Имѣются свѣдѣнія, что для ученья рекрутъ въ 1707 году были назначены л.-гв. преображенскаго полка офицеры и урядники, которые состояли при кіевскихъ рекрутахъ съ 1707 по 1710 г. (Докл. и приг., V, кн. I, 285); см. также сообщеніе о томъ, что въ 1715 г. кап. Брынкинъ обучалъ рекрутъ военному строю (Тамъ же, V, кн. II, 626 и сл.).

6. О собранныхъ даточныхъ сообщить въ помѣстный приказъ, представивъ туда „именные списки“, „съ кого что собрано будетъ, также на комъ будетъ противъ перечней съ переписныхъ книгъ 186 г. въ доимкѣ и съ сколькихъ дворовъ“; а изъ именныхъ списковъ составить „перечневыя выписки“ и все то, „списки и выписки изъ перечневыхъ книгъ 186 г., перечни и все подлинное и перечневое дѣло и сказки, закрѣпя своею рукою, прислать къ Москвѣ и велѣть подать въ помѣстномъ приказѣ“, „а у себя съ тѣхъ именныхъ списковъ и съ перечневыхъ выписокъ оставить списки“. Затѣмъ собранныхъ блюсти, если кто сбѣжитъ или помретъ, то взять новаго рекрута съ тѣхъ, кто этого рекрута выставилъ, и дожидаться указа, чтобы отвести рекрутъ сполна въ гарнизонъ или въ дѣйствующую армію въ полной готовности къ государевой службѣ.

Въ заключеніе наказаныя статьи даютъ общее наставленье сборщику: „Будучи ему у того дѣла, чинить по сему В. Г. указу и по статьямъ, и даточныхъ людей собравъ указное число, учить и надъ ними смотрѣть съ великимъ радѣньемъ, и ничѣмъ у того сбора не корыстоваться и для своихъ прихотей обидъ и налоговъ никому не чинить и взятокъ ни съ кого не имать, и быть подъ опасеньемъ смертныя казни“.

Таковы основныя правила, которыми должны руководиться сборщики рекрутъ. Правила эти грозили смертной казнью владѣльцамъ тѣхъ людей, которые приводились въ рекруты, за неправильныя свѣдѣнія о числѣ дворовъ и рекрутъ съ нихъ, той же карѣ подлежали рекруты за бѣгство со станцій, наконецъ „подъ опасеньемъ смертной казни“ находились сборщики и лица, ими командированныя для высылки рекрутъ изъ уѣздовъ. Несмотря на такія грозныя кары, утайка, бѣгство и злоупотребленія при наборахъ были повседневнымъ явленіемъ.

Наборъ, произведенный по указу 20 февр. 1705 г., сталъ называться „первымъ наборомъ“ [1]). Онъ производился почти

---

[1]) Рекруты этого набора, также и послѣдующихъ общихъ наборовъ, стали называться „безсмертными“ (Докл. и приг., III, кн. I, 102; Голиковъ, Дѣянія III, 263; IV, 320; ср. Архивъ кн. Куракина, I, 274).

до самаго конца 1705 г., хотя первоначальнымъ срокомъ привода рекрутъ было назначено 1-ое мая. Государь многими указами требовалъ, чтобы сборъ былъ производимъ безъ замедленія. 3 мая 1705 г. послѣдовалъ именной указъ о томъ, чтобы „для свейской службы" въ селахъ и деревняхъ, отстоящихъ отъ Москвы въ 100 верстахъ, были собраны рекруты и посланы въ приказъ военныхъ дѣлъ „безъ замедленія" [1]). 4 мая именнымъ же указомъ было повелѣно „сборщикамъ послать В. Г. грамоты, велѣть имъ даточныхъ собирать по прежнему Е. В. Г. указу февр. 20 дня"; послѣдній срокъ привода рекрутъ былъ отсроченъ до 1-го іюня; а „посадскимъ людямъ, съ которыхъ даточныхъ взять некого", было приказано „наймовать" годныхъ рекрутъ и представлять ихъ сборщикамъ, а тѣмъ „принимать съ поручными записьми" [2]).

По указу 24 авг. срокъ представленія рекрутъ продолженъ до 1-го сентября, а за просрочку указъ грозилъ болѣе строгимъ наказаньемъ, взятьемъ двойного числа рекрутъ и пени по 10 руб. за человѣка; для сбора остальныхъ рекрутъ наборщики съ урядниками должны были ѣздить сами, а противъ бѣглыхъ принимать строгія мѣры [3]). Однако несмотря на указы, рекруты и къ концу октября не были собраны полностью, а потому указомъ 29 окт. требовалось „даточныхъ солдатъ сбирать неоплошно, съ великимъ поспѣшеньемъ" [4]). Изъ дальнѣйшихъ распоряженій узнаемъ, что даточные такъ и не были собраны полностью, на всѣхъ губерніяхъ осталась значительная доимка.

Второй наборъ объявленъ былъ въ томъ же 1705 г. указомъ 14 декабря, по которому требовалось „набрать вновь" рекрутъ съ тѣхъ же дворовъ, съ кого взяты были даточные въ первый наборъ, „съ того жъ указного числа по переписнымъ книгамъ 186 г. съ 20 дворовъ рекрута, и хлѣбные запасы

---

1) П. С. З., IV, № 2049.
2) Тамъ же, № 2050.
3) П. С. З., IV, № 2068.
4) Тамъ же, № 2078.

и одежду и обувъ и деньги дать имъ противъ того жъ, какъ прежнимъ рекрутамъ дано" [1]).

Указъ 7 марта 1706 г., подтверждая прежнее повелѣнье отъ 14 декабря, назначилъ срокомъ отдачи рекрутъ 1-ое апрѣля, грозя въ противномъ случаѣ съ ослушниковъ взыскивать рекрутъ „вдвое" [2]). Вторымъ наборомъ предполагалось собрать 32.111 человѣкъ.

Третій наборъ былъ опредѣленъ по письму Петра изъ Вильны отъ 8 окт. 1707 г., въ которомъ онъ писалъ въ Москву на имя думнаго дьяка Иванова: „Доведется взять третій поборъ, а со сколькихъ дворовъ то возможно, примѣняясь къ числу прошлыхъ лѣтъ положить, только отнюдь не надо мѣшкать рекрутами" [3]). По этому письму наборъ былъ объявленъ указомъ отъ 22 окт., которымъ было велѣно взять со всѣхъ помѣстій и вотчинъ, съ земель церковныхъ, съ дворцовыхъ волостей и съ посадскихъ по прежнему „съ 20 дворовъ по человѣку", не разбирая женатыхъ и холостыхъ, лишь бы они въ службу были годны; отъ набора освобождались „каменщики, кирпичники и приписные города къ С.-Петербургу, Олонецкой верфи и къ Воронежу", а также Псковъ, „для того что были у дѣлъ и въ тѣхъ городахъ на работѣ всегда" [4]). Третій наборъ по расчету предполагалъ дать 33.974 человѣка.

При наборѣ рекрутъ по указу 22 октября возникалъ вопросъ, какъ быть съ доимкой прежнихъ двухъ наборовъ, одновременно собирать даточныхъ и въ новый третій наборъ и въ два прежніе изъ доимки было трудно. Вѣроятно, на подобный запросъ изъ Казани отвѣчалъ указъ 21 дек., кото-

---

[1]) Тамъ же, № 2082. Ср. резолюціи и замѣтки Петра Великаго на докладѣ Огильви и пунктахъ Августа II о рекрутахъ (Письма и бумаги Петра Великаго, III, 499, 519, 533).

[2]) П. С. З., IV, № 2096. П. Н. Милюковъ полагаетъ, что второй наборъ назначенъ указомъ 7 марта 1706 г., „срокъ представленія рекрутъ былъ назначенъ самый короткій—до 1-го апрѣля" (130 стр.); но на самомъ дѣлѣ второй наборъ опредѣленъ указомъ 14 дек. 1705 г. и назначенный срокъ (1 апрѣля) не былъ „самымъ короткимъ".

[3]) Голиковъ, Дѣянія, XIV, 516.

[4]) П. С. З., IV, № 2161.

рымъ было повелѣно: „Съ Казани и другихъ низовыхъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ рекрутъ набирать въ 3-ій наборъ по окладу, а одинъ изъ доимки“, къ 1-му янв. слѣдующаго года и самое позднее — къ 1-му марту; „а въ два набора (изъ доимки) рекрутъ до указа не сбирать“ [1]).

Съ 1705 г. ежегодные наборы стали настолько нормальнымъ явленіемъ, что они могли быть назначаемы помѣстнымъ приказомъ безъ спеціальнаго на каждый разъ распоряженія самого царя. Петръ, 22 ноября 1707 г. писалъ начальнику помѣстнаго приказа: „Писали вы къ намъ о сборѣ рекрутъ третьяго набору, но о семъ и описываться было вамъ не надобно, а брать ихъ по прежнему указу, какъ опредѣлены безсмертные, и когда спросятъ въ дополнку въ армію, чтобы всегда на упалыя мѣста были готовы“, „о чемъ мы вамъ пока подтверждаемъ“. Позднѣе 27 нояб. 1708 г., когда уже былъ назначенъ четвертый наборъ, но объ этомъ, видимо, еще не зналъ царь, онъ писалъ: „Увѣдомились мы, что на Москвѣ рекрутъ въ сборѣ готовыхъ нѣтъ, чего для подтверждаемъ вамъ, дабы вы немедленно сбирали въ четвертый сборъ по прежнему указу, какъ опредѣлено безсмертныхъ, и когда въ армію спросятъ, чтобы всегда были одни за другими готовы“ [2]).

Четвертый наборъ былъ назначенъ указомъ 18 ноября 1708 г., тоже „съ 20 дворовъ человѣка“, женатого или холостого, безразлично, отъ 20 до 30 лѣтъ, добраго и къ службѣ годнаго; какъ и въ предыдущемъ году отъ набора освобождались каменщики, кирпичники, кузнецы а также приписные города, словомъ тѣ, кто „были у дѣлъ и въ тѣхъ городахъ на работѣ всегда“ [3]).

По боярскому приговору 9 декабря, состоявшемуся въ ближней канцеляріи, четвертый наборъ сталъ взиматься съ подмосковныхъ городовъ и уѣздовъ въ двойномъ количествѣ рекрутъ, не съ 20, а съ 10 дворовъ рекрута; въ приговорѣ о томъ говорилось: бояре, слушавъ указа и изъ помѣстнаго

---

[1]) П. С. З., IV, № 2182.

[2]) Голиковъ, Дѣянія, III, 263; IV, 47, 298, 320; ср. Милюкова, Государ. хозяйство, 131, примѣч. 4.

[3]) П. С. З., IV, № 2214.

приказа доношенія, приговорили, „съ Московскаго уѣзда и приписныхъ городовъ, которые уѣзды приписаны къ Московскому уѣзду отъ Москвы по 100 верстъ, 4000 человѣкъ рекрутъ собрать... съ 10 дворовъ рекрута, съ рублевыми деньгами и съ указнымъ платьемъ и съ хлѣбомъ, на срокъ декабря 15 числа“; ниже снова повторялось: „собрать то указное число 4000 человѣкъ съ 10 дворовъ, а не поголовно, для того что то число исполнится и будетъ въ сборѣ и безъ поголовнаго набора“ [1]).

Въ четвертый наборъ предполагалось собрать 35.119 человѣкъ.

Почти черезъ годъ, 1-го ноября 1709 г. былъ объявленъ 5-ый наборъ, съ 20-же дворовъ по человѣку; собрать рекрутъ было велѣно „съ поруками по указу“. Отъ этого набора освобождались города Московскаго уѣзда, которые въ предшествующемъ году должны были выставить 4000 рекрутъ съ 10 дв., вдвое больше, чѣмъ другіе уѣзды, этотъ излишекъ и былъ имъ зачтенъ при новомъ наборѣ 1709 г.; также исключены были изъ набора 24 города разныхъ губерній, „которые города, по словамъ указа, къ Московской губерніи способны“, срокомъ поставки рекрутъ на ближнихъ отъ Москвы станціяхъ было назначено 1-ое число декабря мѣсяца того же года [2]). По расчету пятый наборъ долженъ дать 29.784 рекрута [3]).

1710 годъ прошелъ въ сборѣ рекрутъ набора предшествующаго года; былъ ли объявленъ въ этомъ году общій наборъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ [4]), лишь въ Московской губ. былъ наборъ рекрутъ и матросовъ. Послѣ успѣховъ при

---

[1]) Тамъ же, № 2217. Слѣдуетъ отмѣтить, что не смотря на слова приговора, сборъ фактически оказался поголовнымъ, въ 1708 г., по сообщенію сенатской выписки, съ Московскаго у. были взяты „поголовные солдаты“ (Докл. и приг., I, 16).

[2]) П. С. З., IV, № 2238.

[3]) Устряловъ, Исторія Петра В., IV, кн. II, 490.

[4]) Изъ указа 1711 г. узнаемъ, что въ 1710 году былъ назначенъ „другой наборъ“ въ 7.000 чел. со всѣхъ губерній (Докл. и приг., I, 48). А первый поборъ простирался ли на всѣ губерніи или только на одну Московскую (ср. П. С. З., IV, № 2341), „того въ воинскомъ приказѣ не вѣдомо“. Ср. указанія военной канцеляріи на то что „со всѣхъ Московскаго государства городовъ съ 705 по 710 годъ“ всего было „5-ть наборовъ съ 20 дв. рекрутъ“ (II, кн. II, 233).

Полтавѣ русская армія не нуждалась въ такомъ огромномъ числѣ рекрутъ. Но вотъ въ 1711 году Петръ задумалъ Прутскій походъ, и снова начались усиленные наборы.

Шестой общій наборъ (по счету документовъ для Московской губерніи онъ былъ-бы 8-мъ) назначенъ былъ сенатскимъ указомъ 16 марта 1711 г., по которому велѣно было „для нынѣшняго настоящаго воинскаго случая собрать со всѣхъ губерній въ запасъ рекрутовъ вновь 25.000 человѣкъ, да 7000 лошадей“, а лишнихъ рекрутъ Московской губ. въ тотъ наборъ зачесть [1]).

Таковъ былъ первый указъ, онъ былъ развитъ и дополненъ вторымъ указомъ 22 марта, когда были получены изъ воинскаго приказа свѣдѣнія о предшествующихъ наборахъ въ Московской губ. [2]). Оказалось, что сверхъ участія въ общихъ наборахъ съ Московскаго и 16 смежныхъ уѣздовъ на стоверстномъ отъ Москвы разстояніи въ 1710 г. были взяты матросы съ 25 дв., а со всѣхъ другихъ городовъ рекруты съ 20 дворовъ (6-ой наборъ по Московской губ.); а въ 1711 г. уже были собраны для отправки въ армію и въ Рижскій гарнизонъ (по указу требовалось 9911 человѣкъ), съ 10 дворовъ по человѣку [3]), со всей Московской губ., кромѣ Рязани и Костромы; „да сверхъ того указного числа“ „собрано 4500 человѣкъ“ (7-ой наборъ).

Въ виду такихъ свѣдѣній сенатъ постановилъ „собранныхъ (съ Московской губ.) рекрутъ сверхъ указного числа 4.500 чел. въ нынѣшній наборъ зачесть“, и „разложить то число на другія 7 губерній“, такимъ путемъ Московскую гу-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2338. М.-Дроздовскій сообщаетъ, что 6-ой наборъ общій былъ объявленъ указомъ 15 іюля 1710 г. (стр. 179, примѣчаніе), но подтвержденія этому я не нашелъ.

[2]) Доношеніе воинскаго приказа въ канцелярію сената передается въ указѣ 22 марта 1711 г. (П. С. З., IV, № 2341; ср. Докл. и приг., I, 16). Наборъ матросовъ, „ребятъ малыхъ“ въ подмосковныхъ деревняхъ и кругомъ Москвы въ 100 верстахъ съ 25 дв. человѣка, всего въ числѣ 1.200 чел., установленъ указомъ 13 іюня 1710 г. (П. С. З., IV, № 2273).

[3]) Этотъ „десятный“ наборъ былъ назначенъ указомъ 1-го февр. 1711 года съ Московскаго у. и ближнихъ къ нему 27 городовъ (Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе, 167, примѣч. 70); шестой и десятный сборы должны были дать 31.497 чел., въ дѣйствительности же собрано было лишь 18.215 чел. (Тамъ же).

бернію отъ новаго набора освободить, кромѣ Костромы, Переяславля Рязанскаго и другихъ городовъ, „съ которыхъ на нынѣшній 711 г. въ десятный наборъ не взято 2.511 человѣкъ“, съ нихъ то число собрать въ 25-тысячный наборъ [1]); по раскладкѣ выходило, что съ 7 губерній слѣдуетъ взять съ $25^1/_2$ дворовъ по человѣку, „а съ доли по 220 человѣкъ“.

Въ томъ же 1711 г. указами 20 и 30 іюня назначенъ былъ новый седьмой общій наборъ въ количествѣ 20.000 человѣкъ, со всѣхъ губерній, кромѣ С.-Петербургской; по разверсткѣ приходилось по переписнымъ книгамъ 186 года съ $31^1/_2$ двора по человѣку [2]). Этотъ наборъ распространился цѣликомъ и на Московскую губ., для которой онъ былъ 8-мъ наборомъ“ [3]).

Новый (восьмой) наборъ былъ назначенъ сенатскимъ приговоромъ 2-го мая 1712 г. Справкой въ канцеляріи сената было выяснено, что въ губерніяхъ по прежнимъ нарядамъ „должно быть“ въ сборѣ 10.394 человѣка; этого числа было недостаточно, чтобы постоянно и регулярно пополнять убыль въ арміи, а потому сенатъ постановилъ: „По прежнимъ указамъ и нарядамъ прошлаго 711 г. въ губерніяхъ рекрутъ сбирать безо всякаго отлагательства, дабы въ каждой губерніи въ запасъ рекрутъ было на лицо противъ положенныхъ на

---

[1]) П. С. З., IV, № 2338; Докл. и приг., I, 16—17; рекруты собраны было сполна (стр. 152).

[2]) П. С. З., IV, № 2390; Докл. и приг., I, 152, 160—161; см. о томъ же наборѣ указы отъ 11 и 12 іюля № 2396, 2397. О наборахъ 1711 года еще сообщается, что по приговору 8 мая велѣно было собрать 2.000 чел. сверхъ опредѣленныхъ указомъ 22 марта 1711 г. 25.000 чел. (Докл. и приг., I, 64—65).

Въ это время страшно дорожили рекрутами и собирали болѣе, чѣмъ требовалось; по первымъ тремъ указамъ 1711 г. велѣно было собрать 29.071 чел., а по вѣдомостямъ, поданнымъ губернаторами, оказались взятыми 29.620 чел., „сверхъ указу (было) лишку 549 чел.“; сверхъ указу же въ Архангелогородской и Московской губ. было собрано 4.477 чел., и съ Смоленской губ. взяли лишнихъ 1.107 чел.; всеже о послѣднихъ 4 сентября сенатомъ было постановлено, отослать ихъ въ Ригу „безо всякаго замедленія“, при чемъ Смоленской губ. было обѣщано, что лишніе рекруты будутъ зачтены „въ предбудущіе наборы“ (Докл. и приг., I, 100, 102, 220). Въ Азовской же губерніи (по справкѣ) въ 1711 г. въ 4 сбора велѣно было собрать 3.759 чел., изъ нихъ 2.235 чел. приняты въ полки, а 1.514 возвращены въ Азовскую губ. на станціи (П, кн. II, 234).

[3]) Докл. и приг., I, 217.

губерніи полковъ вполы" [1]). Новостью этого набора было то, что рекруты каждой губерніи предназначались для укомплектованія тѣхъ полковъ, которые были положены на ту же губернію. Рекруты, хотя и стали собираться по этому указу, но порядокъ сбора оставался прежній, а 20 марта 1713 г. этотъ наборъ былъ отмѣненъ, „для того, сообщалось по этому поводу въ указѣ, что сборъ рекрутамъ полагается, тако-жъ и въ арміи полки комплектуются обще всѣми губерніями, а не особливо положенные на губерніи полки"; собранныхъ рекрутъ велѣно зачесть въ новый сборъ, недавно предъ тѣмъ объявленный указомъ 15 января [2]).

Новый наборъ (девятый) произведенъ былъ по указамъ 15 и 16 янв. 1713 г., которыми было повелѣно сбирать рекрутъ недобранныхъ по нарядамъ 711 и 712 г.г. „безо всякаго мотчанія" сполна, да сверхъ того „вновь собрать" съ губерній съ 40 дворовъ по человѣку, всего 20.670 чел.; срокъ высылки рекрутъ къ Москвѣ былъ опредѣленъ различный для каждой губерніи, въ зависимости отъ разстоянія, самый крайній—май мѣсяцъ. Отвѣтственность за несвоевременную доставку рекрутъ возлагалась не только на населеніе, но и на администрацію: указъ 16 янв. предостерегалъ губернаторовъ, если они не соберутъ въ срокъ рекрутъ, „за то на губернаторахъ взято будетъ за каждаго недобраннаго рекрута штрафу по рублю за человѣка", а съ помѣщиковъ и прикащиковъ, если они рекрутъ не приведутъ въ назначенный срокъ, приказано было брать штрафу въ первую недѣлю послѣ срока по рублю, а въ послѣдующее время по 5 руб. за каждаго рекрута [3]). Однако, не смотря на строгость предписанія, правило о штрафахъ не соблюдалось точно, отъ него дѣлались отступленія: по указу 1-го іюля штрафъ не взимался съ тѣхъ, кто

---

[1]) Докл. и приг.; II, кн. I, 275; П. С. З., IV, № 2520. О размѣщеніи по станціямъ рекрутъ, собранныхъ по этому набору, см. № 2533; Докл. и приг., II, кн. I, 344. По указу 2-го мая предполагалось собрать 49.471 (III, кн. I, 38).

[2]) Указъ 20 марта 1713 г.—П. С. З., V, № 2658. Указъ этотъ состоялся по представленію Архангелогородской губ. (Докл. и приг., III, кн. I, 130—131; приговоръ сената о томъ 13 марта).

[3]) П. С. З., V, № 2629 и 2632; Докл. и приг., III, кн. I, 37—38. Къ тому же набору относятся свѣдѣнія о Кіевской губ. (стр. 112, 303).

привелъ рекрутъ (въ Московской губ.) до 20 іюня; тѣмъ же указомъ срокъ привода рекрутъ былъ продолженъ до 20 августа [1]).

Благодаря энергичнымъ мѣрамъ и строгостямъ, которыя примѣнялись къ набору рекрутъ, рекруты были собраны при наличности незначительной доимки, но армія ихъ быстро поглотила и къ 20 сент. того же 1713 г. въ наличности оказалось на станціяхъ лишь 5.471 человѣкъ, число во всякомъ случаѣ недостаточное для запаса, такъ какъ по государеву указу требовалось, чтобы на станціяхъ рекрутъ имѣлось „вполы" противъ полковъ, и они были бы въ готовности во всякую минуту пополнить ряды арміи. А потому сенатъ 19 ноября, выяснивъ, сколько рекрутъ было собрано, что „въ расходѣ" и какое количество на лицо, постановляетъ произвести новый наборъ (десятый), въ количествѣ 13.886 рекрутъ [2]), съ 50 дворовъ по человѣку; такимъ путемъ предполагалось вмѣстѣ съ наличнымъ числомъ рекрутъ (5.471) и доимочными рекрутами (7.762), добирать которыхъ велѣно было безо всякаго мотчанія, „неотмѣнно", имѣть на лицо запасъ рекрутъ въ количествѣ 27.119 человѣкъ. Собрать рекрутъ было приказано къ 1-му янв. 1714 г., подъ опасеніемъ рублевого штрафа съ губернаторовъ за каждаго недобраннаго рекрута [3]).

Въ 1715 г. новый наборъ (11-ый) былъ объявленъ сенатскимъ указомъ 12 февр. Этимъ указомъ требовалось недосланныхъ рекрутъ прежнихъ наборовъ въ количествѣ

---

[1]) П. С. З., V, № 2690; Докл. и приг., III, кн. II, 457.

[2]) Такое небольшое число получалось оттого, что отъ этого набора освобождались 60.000 дв. Московской губ., съ которыхъ въ томъ же году было собрано 1.200 матросовъ, однодворцы Кіевской и Азовской губ., города, приписанные ко флоту и С.-Петербургская губернія на ¼ дворовъ. Число 13.886 получается прибавленіемъ къ 13.564, добытымъ путемъ разверстки рекрутъ съ 50 дв. по человѣку 322, взятыхъ дополнительно съ Казанской губ. по переписнымъ книгамъ 1710 г. (Докл. и приг., III, кн. II, 1.110).

[3]) П. С. З., V, № 2738; Докл. и приг., III, кн. II, 1.108—1.111. Послѣдній наборъ съ 50 дв. по человѣку названъ въ доношеніи изъ Нижегородской губ. „десятымъ наборомъ", въ который съ той губерніи требовалось 1.804 чел. (V, кн. II, 822; ср. IV, кн. I, 382; VI, кн. I, 202); также и въ доношеніи изъ Московской губ. этотъ же наборъ названъ „новоположеннымъ 10-мъ наборомъ" (V, кн. I, 566). Съ этимъ счетомъ согласно сообщеніе о томъ, что на Вологдѣ до 1714 г. съ посадскихъ людей были взяты рекруты въ 10 наборовъ (IV, кн., II, 434 435).

14.265 выслать въ С.-Петербургъ, а въ запасъ на будущее время вновь собрать съ 75 дворовъ по человѣку, всего 10.314 рекрутъ. Нѣкоторой новостью этого набора было то, что было велѣно „у отдачи наборщикамъ тѣхъ рекрутъ принимать въ платьи и въ обуви, въ какомъ кто приведетъ", лишь бы „въ чемъ зимнимъ временемъ до опредѣленнаго мѣста дойти было можно безъ нужды", а „прежняго указного мундира не спрашивать и не принимать", но за то „у пріема ихъ имать на всякаго человѣка по 1 руб. по 20 алт.", вмѣсто прежняго 1-го рубля; провіантъ же сбирать „противъ прежнихъ такихъ же сборовъ" [1]). Изъ набранныхъ рекрутъ половину требовалось отправить въ гарнизоны взамѣнъ тѣхъ солдатъ, которые оттуда высланы будутъ, по сентябрскому 1714 г. указу, въ армію, а другую половину выслать немедленно послѣ сбора въ С.-Петербургъ.

Но собранныхъ рекрутъ оказалось недостаточно, тогда приговоромъ 12-го сентября того же 1715 года было постановлено вновь собрать „противъ прежняго наряду февраля 12 числа" „съ 75 дв. по человѣку въ рекруты—10.314 чел." [2]). Это былъ 12-ый общій наборъ. На немъ я и остановлюсь.

Кромѣ общихъ наборовъ происходили въ тоже время наборы другого рода, захватывавшіе собой одну губернію или даже часть ея, или хотя и распространявшіеся территоріально по всему государству, но захватывавшіе собой другія общественныя группы, которыя обычно набору общему не подлежали, напр., касались боярскихъ людей, ямщиковъ, церковниковъ, подьячихъ, монастырскихъ слугъ и служебниковъ. Эти наборы не были ежегодными, они назначались только въ критическую минуту, во время наибольшаго напряженія военныхъ дѣйствій, напр., передъ Полтавской битвой, или во время Прутскаго похода. Какъ чрезвычайные, они потому и не имѣли строго опредѣленнаго порядка, и напередъ нельзя было учесть, сколько рекрутъ такой наборъ дастъ. Наборы

---

[1]) П. С. З., V, № 2884; Докл. и приг., V, кн. I, 129—133. См. также сенатскій подтвердительный указъ о томъ же наборѣ отъ 12 сент.—№ 2931. Объ этомъ „11-мъ наборѣ" по Нижегородской губ. см. Докл. и приг., V, кн. II, 822.

[2]) Докл. и приг., V, кн. II, 848; VI, кн. I, 267, 287.

эти чаще всего производились по кватативной системѣ, тогда какъ въ общихъ наборахъ слѣдовали системѣ репартиціонной.

Къ числу такихъ наборовъ слѣдуетъ отнести наборъ конныхъ даточныхъ по именному указу отъ 14 іюля 1705 г., которымъ было велѣно со всѣхъ служилыхъ и купецкихъ людей, за исключеніемъ тѣхъ, кто „нынѣ на службѣ въ полкахъ и въ новозавоеванныхъ городахъ, также въ Азовѣ, на Таганрогѣ и въ Каменномъ Затонѣ“, взять по конному даточному, „одежнаго, съ лошадью и съ ружьемъ“, съ хлѣбными запасами, съ подъемными и путевыми деньгами (въ количествѣ 2 руб.), съ 80 дворовъ по книгамъ 186 г.; а у кого меньше 80 дв., тѣмъ велѣно складываться [1]).

Съ тѣхъ же служилыхъ и купецкихъ людей новый наборъ даточныхъ „изъ людей боярскихъ“ былъ объявленъ указомъ 2 марта 1706 г. Первоначально наборъ былъ установленъ въ такомъ размѣрѣ: 1) съ бояръ, окольничихъ думныхъ и ближнихъ и другихъ служилыхъ людей—съ 300 дворовъ по человѣку, 2) съ отставныхъ, старыхъ, увѣчныхъ, вдовъ, дѣвокъ и недорослей, кто самъ на службѣ быть не можетъ, и съ купецкихъ людей — со 100 дворовъ по человѣку; мелкопомѣстнымъ, именно тѣмъ, кто имѣлъ меньше 20 дворовъ, предоставлялась возможность платить деньгами, при чемъ съ служилаго чина брали по 2 алт. по 2 деньги, а съ остальныхъ по 6 алт. по 4 деньги со двора [2]).

Но затѣмъ указами 28 апр. и 6 мая правила набора были измѣнены и разъяснены въ такомъ смыслѣ: 1) съ 300 дворовъ по человѣку брать въ солдаты изъ боярскихъ людей „у бояръ, у окольничихъ, у думныхъ, у ближнихъ и у иныхъ служилаго чина“; 2) со 100 дворовъ не только съ тѣхъ, кто былъ указанъ раньше, но и „съ комнатныхъ стольниковъ“, съ тѣхъ, кто „въ городахъ на воеводствахъ и на приказахъ“, а также и съ новыхъ лицъ: „съ дьяковъ, съ дворового и конюшеннаго чина, съ переводчиковъ и съ толма-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2065. По этому указу „явилось къ смотру 1.164, изъ нихъ написаны въ драгуны—998“ (Устряловъ, Исторія Петра В., IV, кн. II, 489).
[2]) Тамъ же, № 2095.

чей, которые въ ученьѣ въ школахъ и съ подьячихъ", т. е. со всѣхъ лицъ служилаго и приказнаго чина, кто самъ не можетъ быть на государевой военной службѣ, рекруты должны быть взяты пропорціонально втрое больше, чѣмъ съ людей служилаго чина, которые сами могли быть въ походахъ, на военной службѣ [1]).

А позднѣе указомъ 25 іюля отъ поставки рекрутъ вовсе были освобождены всѣ тѣ, кто „на Е. В. Г. службѣ въ нынѣшнемъ 706 году зимовали и нынѣ на той же Е. В. Г. службѣ" находятся [2]).

Указомъ 11 іюня для даточныхъ людей, собранныхъ съ служилыхъ и купецкихъ людей, находившихся уже на Москвѣ „въ ученьѣ", требовалось, чтобы помѣщики ихъ давали имъ помѣсячно денегъ „на всякую ихъ нужду", въ общей сложности по $1^1/_2$ руб. на человѣка, и кормили ихъ, въ противномъ случаѣ, предупреждалъ указъ помѣщиковъ, они сами или люди ихъ будутъ взяты на правежъ [3]).

Въ томъ же году служилымъ людямъ былъ назначенъ смотръ и по разбору они были росписаны на 3 статьи, при чемъ служилымъ чинамъ первой статьи велѣно было ѣхать въ Смоленскъ, а второй и третьей статьѣ быть въ Брянскѣ къ назначенному сроку, но указомъ 29 іюля „московскихъ чиновъ людямъ и городовымъ, которые по смотру написаны въ третьей статьѣ", велѣно было „въ Брянскѣ не быть", а вмѣсто того выставить конныхъ даточныхъ съ 50 дворовъ по человѣку и приводить ихъ въ приказъ военныхъ дѣлъ „нынѣ въ скорыхъ числѣхъ", а если вскорѣ даточныхъ не приведутъ, то „имена ихъ по прежнему написаны будутъ въ нарядѣ" [4]).

Въ 1706 и 1707 году кн. Волконскимъ было набрано 2 полка тысячные, ярославскій и устюжскій, но „тѣ два на-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2103 и 2104.

[2]) Тамъ же, № 2113. По указу 2 марта 1706 г. „явилось на смотрѣ 1.637, изъ нихъ взято въ солдаты 836 чел." (Устряловъ, Исторія Петра В., IV, кн. II, 489).

[3]) Тамъ же, № 2110.

[4]) П. С. З., IV, № 2114.

бора, по словамъ сенатской выписки, были изъ служилаго чина людей, а не изъ рекрутъ“ [1]).

Не менѣе энергично собирались рекруты, сверхъ общаго набора, и въ 1707 г. Такъ 27 янв. „генеральному президенту и сибирскихъ провинцій судьѣ“ кн. Гагарину приказано было „построить полкъ драгунскій“ и „убрать оной всякими принадлежностями“; о порядкѣ сформированія было указано, чтобы полкъ тотъ былъ „набранъ изъ царедворцевъ, изъ вольницы, изъ городовыхъ дворянъ, изъ солдатъ, изъ пушкарей и изъ ихъ дѣтей“, а чего недостанетъ, то „въ дополнку дать ему изъ рекрутъ“ [2]).

4 февр. былъ назначенъ сборъ даточныхъ „изъ дворовыхъ людей, а не изъ крестьянъ, пятаго человѣка“ съ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами къ службѣ неспособны (съ отставныхъ, вдовъ, дѣвокъ и недорослей); но вскорѣ же (19 марта) этотъ сборъ былъ замѣненъ денежнымъ, по 15 руб. за каждаго причитающагося рекрута; деньги требовалось вносить московскимъ жителямъ безсрочно, а городовымъ въ своемъ городѣ іюля до 1-го числа, подъ угрозой взысканія тѣхъ денегъ послѣ срока вдвое [3]).

Не минула военная служба въ годы напряженной борьбы со шведами всего приказнаго люда. 9 іюня было велѣно изъ дьяковъ и ихъ людей составить особый конный полкъ. Въ указѣ по этому поводу говорилось: „Дьякамъ, которые на Москвѣ въ приказахъ у дѣлъ и которые не у дѣлъ, быть въ полку со всею конною службою и съ ружьемъ и съ людьми; а чтобъ людей за ними было съ боемъ 200 человѣкъ конныхъ же, опричь тѣхъ, которые при нихъ будутъ у телѣгахъ“ [4]).

Къ той же военной службѣ были привлечены по указу 11 дек. люди другихъ разныхъ званій, съ которыхъ требовалось собрать свыше 4.500 человѣкъ, а въ случаѣ нужды „всѣхъ чиновъ люди должны сами и съ людьми своими быть

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 233.
[2]) П. С. З., IV, 2136.
[3]) Тамъ же, № 2138, 2143.
[4]) П. С. З., IV, № 2151.

въ арміи у г. Черкасскаго конные, а пѣшіе въ гарнизонѣ"; при этомъ указывалось, „3000 человѣкъ собрать изъ московскихъ людей боярскихъ, изъ дѣловыхъ, и изъ подмосковныхъ крестьянъ" и „быть имъ на Москвѣ"; сверхъ того собрать съ приказныхъ людей, московскихъ и городовыхъ, съ ямщиковъ, съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ (100 пѣшихъ и 200 конныхъ) и съ посадскихъ (1200 человѣкъ) и брать на ихъ содержанье деньги [1]).

Всѣ частные наборы, назначенные въ 1707 г. продолжались и въ слѣдующемъ году, такъ какъ много усилій требовалось, чтобы наверстать новые полки, собрать рекрутъ съ такихъ общественныхъ группъ, которыя раньше къ рекрутскому набору не привлекались. Однако въ 1708 году былъ назначенъ на спѣхъ слѣдующій наборъ: указомъ изъ арміи, полученнымъ въ Москвѣ 5 декабря, было велѣно „тотчасъ собрать изъ людей боярскихъ, бѣдныхъ посадскихъ и захребетниковъ 1.000 чел. и, раздавъ ружье и лядунки, сколько возможно, выуча экзерциціи, привесть въ Сѣвскъ, кончая къ 1 янв. 1709 года". По этому указу было собрано 550 чел. Затѣмъ въ томъ же 1708 г. взято съ крестьянъ 2.002 чел. и набрано царевичемъ Алексѣемъ 2.137 чел. [2]).

Послѣ Полтавской битвы въ усиленныхъ сборахъ уже не было необходимости, армія довольствовалась и пополнялась общими наборами, и даже когда выяснилось, что по сборамъ конныхъ даточныхъ изъ боярскихъ людей имѣется доимка, то „приговоромъ министровъ въ ближней канцеляріи" отъ 26 мая 1710 г. было велѣно „взять вмѣсто тѣхъ даточныхъ деньгами съ крестьянскихъ ихъ (помѣщиковъ, которые тѣхъ даточныхъ не выставили) дворовъ" по переписнымъ книгамъ 186 года; 1) за коннаго даточнаго по набору 705 г., когда сбирался одинъ человѣкъ съ 80 дворовъ, взять по 8 алт. по 2 д. со двора; 2) по набору 706 г. съ тѣхъ, кто долженъ выставить рекрута съ 300 дв., взять по 2 алт. по 2 д., съ

---

[1]) П. С. З., IV, № 2171. Хотя указомъ 1707 г. велѣно было собрать съ посадскихъ 1.200 чел., однако въ дѣйствительности было „собрано въ ратушѣ и отправлено въ полки 1.030 чел." (Устряловъ, Исторія Петра, IV, кн. II, 489).

[2]) Устряловъ, Исторія Петра В., IV, кн. II, 489.

тѣхъ же, съ кого требовался рекрутъ со 100 дв.—по 6 алт. и 4 деньги со двора; въ случаѣ непоставки даточныхъ, съ ослушниковъ, какъ предупреждалъ ихъ приговоръ 26 мая, даточные впредь взяты будутъ втрое, да будетъ наложенъ штрафъ [1]).

Послѣ недолгаго затишья, какъ только начался конфликтъ съ Турціей и Петръ сталъ готовиться къ Прутскому походу, опять, какъ на это указано было выше, начались усиленные сборы ратныхъ людей. Вскорѣ по объявленіи туркамъ войны (манифестомъ 22 февраля) указомъ 28 февр. былъ назначенъ частный наборъ въ количествѣ 4.200 человѣкъ, которыхъ должно было собрать изъ „подьячихъ, ямщиковъ и служекъ монастырскихъ“, изъ которыхъ уже набрано было 800 человѣкъ; вновь набранные должны были въ концѣ марта идти „отсель въ команду г. адмирала Апраксина“ [2]). Указомъ 2-го марта царедворцы и дворяне тоже призывались къ службѣ.

Но потомъ выяснилось, что едва ли можно изъ подьячихъ, ямщиковъ и служекъ монастырскихъ набрать столь значительное число даточныхъ, а потому указомъ 1-го марта было объявлено, что наборъ въ 4.200 человѣкъ слѣдуетъ произвести изъ дворовыхъ людей; указъ гласилъ, у людей служилаго, приказнаго, купеческаго и церковнаго чина и даже у иноземцевъ, у которыхъ есть деревни и свои дворовые люди, „для предначинаемой съ салтаномъ турскимъ войны, собрать въ даточные на время треть людей ихъ, у кого сколько на Москвѣ и въ губерніяхъ въ домѣхъ ихъ есть“; у кого же окажется мало дворовыхъ людей, то принимать во вниманіе количество дворовъ по переписнымъ книгамъ и сообразно съ этимъ брать даточныхъ; у кого людей окажется двое, то взять

---

[1]) П. С. З., IV, № 2268. Что касается рекрутскихъ сборовъ, то въ 1710 г. 17 сент. состоялся именной указъ, которымъ кн. Гагарину было велѣно заготовить провіантъ и „собрать съ Сибирской губ. рекрутъ 738 человѣкъ, кромѣ того числа солдатъ, о которыхъ прежде писано“ (№ 2295); былъ ли это новый сборъ, положенный только на Сибирскую губ., изъ указа не видно; скорѣе всего это распоряженіе относилось къ сбору и высылкѣ рекрутъ, которые должны быть набраны по прежнимъ нарядамъ.

[2]) П. С. З., IV, № 2325; Докл. и приг., I, 56 и сл.

одного, а если же ни одного годнаго не будетъ, то брать деньгами по расчету 30 руб. за каждаго человѣка; при пріемѣ смотрѣть, лишь бы годенъ былъ къ службѣ, и зачислять въ службу дворовыхъ людей въ возрастѣ отъ 15 до 40 лѣтъ; „для поспѣшенія“ требовалось производить тотъ сборъ въ разныхъ пунктахъ нѣсколькимъ учрежденіямъ; тѣмъ же указомъ велѣно съ ямщиковъ съ 2-хъ вытей взять коннаго добраго [1]).

Съ турками въ томъ же году было заключено перемиріе, новаго войска уже не требовалось, а потому въ ближайшіе годы въ подобныхъ чрезвычайныхъ наборахъ, которые производились въ 1711 г., не было необходимости. Армія довольствовалась общими наборами, которые тоже значительно сократились въ своемъ объемѣ, хотя время отъ времени происходили и сборы чрезвычайные.

Такъ, на случай возможныхъ осложненій съ турками, указомъ 3 апрѣля 1712 г. было велѣно „нарядить на службу противъ прошлаго 1711 г. царедворцевъ всѣхъ, которые могутъ служить, а за ними-бъ были люди ихъ съ ружьемъ, а именно съ 50 дворовъ по человѣку“; съ тѣхъ же лицъ, кто сами на службѣ быть не могутъ, съ 50-же дворовъ, „по человѣку конному и оружейному“ и съ запасомъ провіанта на 4 мѣсяца; посадскіе тоже должны были принимать участіе въ этомъ нарядѣ.

Собрать ратныхъ людей по указу 3-го апрѣля предполагалось на время: „Ежели отъ турокъ войны не будетъ, говорилось въ указѣ, то велѣно командирамъ ихъ, которые будутъ надъ ними, и не описываясь къ намъ, ихъ распустить,

---

[1]) П. С. З., IV, № 2326; Докл. и приг., I, 1—3; ср. доношеніе Курбатова о сборѣ третныхъ даточныхъ въ Архангелогодской губ. (стр. 222, 231). Къ тому же набору относится сенатскій указъ 20 іюня того же 1711 г., по которому установлены правила набора третныхъ даточныхъ изъ подьячихъ (П. С. З., № 2384; Докл. и приг., I, 149 и сл.). Изъ этого набора „всего послано (въ армію) и послать велѣно 4.381 чел.“ (I, 109). См. указъ 18 авг. 1714 г. „о взятьи за конныхъ даточныхъ, что по указу 711 г. отъ трехъ четвертаго, деньгами нынѣ по 30 руб. за человѣка“ (П. С. З., IV, № 2840).

Изъ позднѣйшей сенатской выписки (1715 г.) узнаемъ: въ 1711 году было 4 набора рекрутскихъ, которые должны были дать 25.000, 2.000, 10.342 и 20.000 рекрутъ, всего 57.342 чел. (Докл. и приг., V, кн. II, 716).

и которыхъ людей пошлютъ на ту службу, тѣ всѣ паки со всѣмъ уборомъ и съ лошадьми отпустятся по прежнему въ домы“ [1]. Значитъ въ данномъ случаѣ былъ объявленъ не рекрутскій наборъ, по которому собранные люди обращались въ постоянныхъ солдатъ, а только временный сборъ даточныхъ въ моментъ опасности, сборъ такого же рода, какъ это практиковалось въ прежнее время въ Московскомъ государствѣ.

Подобный же сборъ рекрутъ со всего государства былъ установленъ указомъ 4 марта 1713 года, которымъ велѣно „для нынѣшней съ турками войны“ собрать съ царедворцевъ и со служилыхъ людей, за которыми 50 дворовъ и выше, съ 50 дворовъ человѣка коннаго, лѣтами отъ 20 до 50, съ мундиромъ, вооруженьемъ и запасами; а за кѣмъ меньше 50 дворовъ и кто самъ на службѣ быть не можетъ, то взять деньгами по полтинѣ со двора; точно также вмѣсто конныхъ даточныхъ взять деньгами со всего купечества, съ приказныхъ, съ вотчинъ дворцоваго и церковнаго вѣдомства [2].

Въ послѣдующее время отъ сбора конныхъ даточныхъ освобождался все большій и большій кругъ лицъ, пока для всѣхъ, не выставившихъ даточныхъ, не былъ установленъ полтинный сборъ съ каждаго двора по переписнымъ книгамъ 186 г.; а съ приказныхъ и другихъ сборъ взимался по особо выработаннымъ правиламъ [3].

Въ 1713 году собирались для турецкой войны не только служилые люди и даточные, но также и ландмилиція на

---

[1]) П. С. З., IV, № 2513. Нѣсколько раньше того въ именномъ указѣ 16 янв. 1712 г. пунктомъ 19 повелѣвалось: „пересмотрѣть подьячихъ въ сенатѣ“, только нужное число, при томъ кто постарше, оставить при прежнемъ дѣлѣ, а „молодыхъ взять въ службу, прямыхъ подьячихъ въ писаря, а прочихъ въ солдаты, дабы могли быть въ унтеръ-офицерахъ“; позднѣе (21 февр.) сенатомъ были установлены пункты для разбора подьячихъ (П. С. З., IV, № 2467, 2494). Сколько набрано солдатъ по этому указу—неизвѣстно.

[2]) П. С. З., IV, № 2650; Докл. и приг., I, 110 и сл.

[3]) Указъ 18 мая объ окладѣ за даточныхъ деньгами дьяковъ, подьячихъ и архіерейскихъ приказныхъ (П. С. З., IV, № 2680); указъ 29 мая объ освобожденіи отъ личнаго присутствія на службѣ смоленской шляхты и о взятьи за то коннаго даточнаго съ 50 дв., или по полтинѣ съ двора съ тѣхъ, за кѣмъ меньше 50 дв. (№ 2684; ср. указъ отъ 15 іюля о томъ же № 2696), объ увольненіи царедворцевъ отъ службы и взятьи съ нихъ конныхъ даточныхъ указъ 11 іюля того же 1713 г. (№ 2695).

Украйнѣ. Еще 29 дек. 1712 г. Петръ указомъ сенату требовалъ собрать на югѣ ландмилицію не менѣе, какъ въ количествѣ 10.000 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы расположить ее по крѣпостямъ взамѣнъ гарнизонныхъ солдатъ, отосланныхъ въ корпусъ фельдмаршала Шереметева [1]). Письмомъ 26 января 1713 г. это требованіе было подтверждено, и сенатъ распорядился въ Кіевской и Азовской губерніи „набрать въ лантъмелисъ изъ драгунъ, солдатъ, стрѣльцовъ, пушкарей и тѣхъ чиновъ изъ отставныхъ по 5.000 человѣкъ изъ губерніи, итого 10.000 человѣкъ". Ландмилиція и собиралась въ мартѣ—маѣ мѣсяцахъ и даже позднѣе [2]).

Въ послѣдующіе ближайшіе годы по случаю затихшихъ военныхъ дѣйствій чрезвычайныхъ наборовъ не было, лишь приняты были мѣры къ тому, чтобы доимка, образовавшаяся отъ прежнихъ сборовъ, была донята сполна.

Кромѣ набора даточныхъ и рекрутъ происходили сборы „въ матросы". Первый такой спеціальный наборъ былъ произведенъ въ 1702 г. въ с. Преображенскомъ, набрано было 1.300 чел. 22 янв. 1704 г, велѣно было набрать въ Москвѣ и другихъ городахъ 1.000 человѣкъ „всякихъ чиновъ людей въ матросскую службу". Въ 1706 году требовалось набрать также 1.000 человѣкъ, какъ и въ 1704 году. Затѣмъ въ 1710 г. въ Московскомъ уѣздѣ набирались „ребята малые въ матросы". Указомъ 6 іюля 1713 года въ городахъ вокругъ Москвы велѣно было собрать 1200 чел. Въ 1714 году (по указу 9 окт.) около г. Архангельска и въ другихъ мѣстностяхъ, близкихъ къ морю, набрано было 500 чел. Въ 1715 г. набирались матросы въ Московской губерніи (1.500 чел.) и въ Сибири изъ жителей, которые „живутъ близь рѣкъ и озеръ", „бывали за рыбной ловлей" или „хаживали для звѣринаго морского промысла". Обычно матросы зачитывались въ рекрутскіе наборы [3]).

---

[1]) *Сен. Арх., кн. имен. указ.*, № 6, л. 58, 61 и 65 (ср. Барановъ, Опись, I, № 246).

[2]) См. сенатскіе приговоры о томъ въ Докл. и приг., III, кн. I, 300—320.

[3]) О сборѣ матросовъ см. въ книгѣ Ѳ. Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, Спб., 1875 г., 409 и сл. П. С. З., IV, № 2273; V, № 2693, 2698, 2709, 2716, 2849, 2940, 2944, 2945.

Рекруты главнымъ образомъ шли на пополненіе дѣйствующей арміи, на пополненіе гарнизоновъ. Но не одна армія поглощала ихъ: рекрутъ опредѣляли и во флотъ въ матросы, въ мастеровые при адмиралтействѣ; перечисляли въ каменщики, кирпичники, плотники, въ кузнецы, слесаря, коновалы и вообще въ разнаго рода мастеровые и ремесленные люди, въ которыхъ была нужда при работахъ для арміи, флота, при постройкѣ крѣпостей, городовъ и казенныхъ зданій и сооруженій [1]). Рекрутъ (6.000 человѣкъ) назначали „быть вмѣсто проводниковъ въ извозчикахъ"; ихъ брали „для розсылокъ и караулу" [2]); рекрутами замѣняли работныхъ людей при казенныхъ постройкахъ, короче говоря, рекруты шли не только въ армію и флотъ, но и всюду, гдѣ требовались люди для казенныхъ надобностей.

Прослѣдивъ погодно рекрутскіе сборы, какъ общіе, такъ и чрезвычайные, слѣдуетъ подсчитать, какъ велико было число собранныхъ рекрутъ. Къ сожалѣнію, совершенно точныхъ данныхъ на это нѣтъ, придется пользоваться разнородными и часто отрывочными свѣдѣніями, чтобы ближе подойти къ болѣе или менѣе точнымъ цифрамъ оклада рекрутъ и дѣйствительнаго сбора.

Казалось бы, что окладныя цыфры рекрутъ, т. е. количество рекрутъ, которое требовалось по указамъ, подсчитать легко, такъ какъ очень часто въ указѣ напередъ сообщается, сколько рекрутъ должно быть собрано; но въ томъ то и дѣло, что, во первыхъ, не всегда цыфры въ указахъ приводятся, во вторыхъ, нѣкоторые сборы, построенные по квотативной системѣ, напередъ не могли быть усчитаны. Все же сгруппируемъ тѣ данныя, которыя имѣются о количествѣ собранныхъ рекрутъ.

Выше были приведены цыфры ратныхъ людей, набранныхъ въ разныхъ мѣстахъ за время съ 1699 до 1705 года. Что касается рекрутъ первыхъ пяти наборовъ, то хотя по

---

[1]) См. о томъ въ Докл. и приг., III, кн. I, 23, 360; кн. II, 507, 837, 890, 929; IV, кн. I, 146; кн. II, 1077; V, кн. I, 37, 89; кн. II, 575, 787, 814.

[2]) П. С. З., IV, № 2131; Докл. и приг., IV, кн. II, 720.

окладу требовалось собрать ихъ въ числѣ 168.072 чел., въ дѣйствительности же было собрано 108.934 человѣка, изъ которыхъ 77.375 были отправлены въ армію, 31.057 человѣкъ бѣжали, умерли или были сосланы за вины на каторгу, а 502 человѣка „за болѣзнями отпущены въ домъ“ [1]). Если же выяснить число даточныхъ и рекрутъ какъ до набора 1705 года, такъ и въ послѣдующіе годы по 1710 включительно, то окажется, что за этотъ періодъ было взято въ службу 114.572 человѣка [2]), а всего вмѣстѣ съ рекрутами первыхъ пяти наборовъ будетъ 223.506 человѣкъ. Имѣются цыфры о числѣ собранныхъ рекрутъ и за послѣдующіе годы.

Въ 1713 году были собраны свѣдѣнія, „коликое число (съ марта мѣсяца 1711 г. по 20 сентября 1713 во всѣ наряды) изъ губерній что порознь собрать велѣно и въ то число что собрано и куда послано (кромѣ С.-Петербургской)“.

ГУБЕРНІИ.	Велѣно собрать	Собрано и въ расходѣ	На станціяхъ	Донять
Московская . . .	21.120	16.115	198	4.807
Кіевская	6.597	6.711	—	—
Смоленская	5.745	4.663	1.151	—
Казанская	13.813	10.890	1.669	1.254
Азовская	5.350	3.888	1.591	—
Сибирская	5.745	5.116	100	529
Архангелогородская .	11.735	9.801	762	1.172
Итого . . .	70.105	57.184	5.471	7.762

[1]) *Г. А.*, *Каб. И.*, I, № 37, л. 450 (въ выпискѣ итогъ оклада 5 наборовъ—167.895 чел.; по свѣдѣніямъ, представленнымъ въ канцелярію сената въ 1713 г., 169.432 человѣка—Докл. и приг., III, кн. II, 1328). См. также нижепомѣщенныя свѣдѣнія изъ особой табели о рекрутской доимкѣ.

[2]) Это число слагается изъ слѣдующихъ цыфръ: по указу 17 ноября 1699 г. собрано 22.513 чел.; наборы на генеральномъ дворѣ и дьякомъ помѣстнаго приказа Ивановымъ за 1700—1705 годы дали 12.234; въ 1701 г. въ Золотой палатѣ набрано 10.000; въ 1702 г. изъ стрѣльцовъ 2.000; указомъ 11 декабря того же

„Да опричь вышеписанныхъ рекрутъ было въ сборѣ, бѣжали и померли: въ Московской 4.182, Кіевской 458, Сибирской 389 и въ Архангелогородской 411, всего 5.440 человѣкъ“ [1]). Кромѣ того, по сообщенію изъ С.-Пербургской губерніи, за время съ 1711 по 1713 годъ велѣно было собрать съ той губерніи рекрутъ 12.462, а было собрано и отослано въ полки 15.489 человѣкъ [2]); все это составляетъ 83.584 чел., считая въ томъ числѣ бѣглыхъ и умершихъ.

Наконецъ по набору 1713 года требовалось 13.886 чел. и 10,000 ландмилиціи, что составляетъ 23.886, а итогъ для всѣхъ наборовъ, начиная съ 1699 года, составитъ 330.976 человѣкъ. Итакъ, за 15 лѣтъ (съ 1699 до 1714 года) армія потребовала для себя свыше 330 тысячъ взрослыхъ работоспособныхъ людей, въ среднемъ отбирая у населенія по 22.065 человѣкъ ежегодно. При томъ нужно помнить, что это цыфра дѣйствительнаго сбора, съ населенія же рекрутъ требовали въ большемъ числѣ. Неудивительно, что была постоянная доимка, которая ясна будетъ изъ ниже помѣщенныхъ вѣдомостей.

По вѣдомости военной канцеляріи сообщается, что въ той канцеляріи „въ прошлыхъ годахъ изъ людей боярскихъ въ даточные конные и пѣшіе“ было взято: 1) по набору 1703 г. (изъ дворовыхъ пятаго, изъ дѣловыхъ седьмого)—11.498 человѣкъ, въ доимкѣ осталось 8.801, въ томъ числѣ 1072 чел. за тѣми, кто (первые) сказки подавалъ, а 7.729, кто (вторые) сказокъ не подавалъ;

года изъ вольницы 11.150; въ 1703 г. съ Московскихъ слободъ собрано 2.712; Меньшиковымъ набрано 1.000; по указу 1-го окт. изъ дворовыхъ и дѣловыхъ 11.498; въ 1704 и слѣдующихъ годахъ „поголовныхъ“ 14.546; въ 1705 г. изъ служилыхъ и купецкихъ 998 чел.; въ слѣдующемъ году изъ нихъ же 836; кн. Волконскимъ набрано 2.000 чел.; въ 1707 г. кн. Гагаринымъ 1.000, изъ дьяковъ и ихъ людей 1.000; въ 1707 и 1708 г., изъ служилыхъ, посадскихъ и изъ разныхъ чиновъ 1.985 и 550; изъ крестьянъ 2.002; набрано царевичемъ 2.137; въ 1710 году набрано въ Московскомъ уѣздѣ 14.411 чел. Сумма всѣхъ этихъ цыфръ и составляетъ 114.572 человѣка. Ср. показаніе кн. Б. И. Куракина, по мнѣнію котораго собрано солдатъ „всѣхъ съ начала войны шведской“ до 1707 года 150.000 чел., кромѣ безсмертныхъ (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, I, 274).

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 1108—1110.

[2]) Докл. и приг., IV, кн. I, 540.

2) по набору 1705 года (съ 80 дворовъ человѣка) взято 998 конныхъ, въ доимкѣ 2748 чел. (70 съ первыхъ, 2.636 со вторыхъ и 42 чел. съ „перехожихъ" дворовъ);

3) по набору 1706 г. (съ служилыхъ съ 300, а съ неслужилыхъ со 100 дв. по конному) взято 836, въ доимкѣ—3.397 чел. (121 съ первыхъ, 2.250 со вторыхъ и 26 съ перехожихъ);

4) по набору 1708 г. (со 100 дв. по конному со всѣхъ, кромѣ служилыхъ) взято 1.400 и зачтено набранныхъ въ предыдущемъ 1707 году 585, всего 1985, въ доимкѣ осталось 8 чел. (изъ нихъ 4 съ перехожихъ дворовъ);

5) по набору того же 1708 года („съ 200 дв. изъ дѣловыхъ, а не изъ крестьянъ велѣно собрать 700 чел.", „кромѣ служилаго чина") взято 550 чел., въ доимкѣ—2.651 чел. (3 за первыми, 2.646 за вторыми и 2 чел. „съ перехожихъ").

Итого взято во всѣ указанные наборы . . 15.867,
осталось въ доимкѣ 16.605;

въ томъ числѣ 1270 за тѣми, кто сказки подавали, 15.261 за тѣми, кто „сказокъ не подавали" и 74 чел. „съ перехожихъ и меньшаго числа дворовъ". Значитъ по окладу требовалось 32.472 чел., собрано было меньше половины (именно 47%), большая же половина (53%) осталась въ доимкѣ [1]).

Доимка первыхъ пяти рекрутскихъ наборовъ по вѣдомости 1714 года выразилась въ слѣдующихъ цыфрахъ.

---

[1]) Цыфры эти взяты изъ выписки о наборахъ и особаго табеля, который имѣетъ слѣдующій заголовокъ: „Табель о доимкѣ разныхъ наборовъ изъ людей боярскихъ изъ дѣловыхъ и изъ крестьянъ даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, которые наборы были въ военной канцеляріи, по поданнымъ изъ той канцеляріи въ канцелярію прав. сената вѣдѣніямъ, а въ которые наборы съ какихъ чиновъ по скольку человѣкъ надлежитъ взять и которые сказокъ не подали, о томъ означено ниже сего въ графахъ по годамъ и по наборамъ имянно" (*Г. А., Каб. П.*, II, № 89, л. 851, 852). Въ табелѣ показано число доимочныхъ даточныхъ и количество „перехожихъ и меньшаго числа дворовъ", съ которыхъ не собраны даточные за доимкой; дворы мной переведены на число людей.

ГУБЕРНІИ.	НАБОРЫ.					Итого.
	1	2	3	4	5	
Московская	596	905	1.195	1.848	1.637	6.181
С.-Петербургская . .	1.102	898	1.071	1.161	2.144	6.376
Кіевская	707	571	645	949	940	3.812
Смоленская	101	211	344	702	1.523	2.881
Архангелогородская .	381	635	1.044	1.560	2.631	6.251
Казанская	812	799	2.396	611	1.405	6.023
Азовская и Воронежская	513	696	716	781	1.029	3.735
Сибирская	166	296	410	391	—	1.263
Итого . . .	4.378	5.011	7.821	8.003	11.309	36.522 [x])

[x]) Эти цифры вычислены по слѣдующему документу: „Табель о рекрутной доимкѣ по присланнымъ въ канцелярію прав. сената изъ помѣстнаго приказа вѣдомостямъ съ начала тѣхъ рекрутныхъ наборовъ, какъ начались въ томъ помѣстномъ приказѣ, а имянно съ 705 по 712 годъ, а набираны тѣ рекруты въ помѣстномъ приказѣ и въ военной канцеляріи 6-ти наборовъ съ 20-ти, седьмого съ 10 дворовъ; и по приговору прав. сената велѣно за тѣ наборы вмѣсто рекрутъ и съ перехожихъ дворовъ взять деньгами съ двороваго числа, съ 6 наборовъ по рублю, а седьмого по 2 руб. съ двора, а съ которыхъ губерній сколькихъ дворовъ въ который наборъ той доимки написано и что по именнымъ присланнымъ отъ наборщиковъ росписямъ и перечневымъ вѣдомостямъ, а именныхъ росписей не прислано, также и сборнаго на рекрутъ провіанта за расходомъ въ остаткѣ и рекрутъ съ станцій было въ высылкѣ, о томъ явствуетъ ниже сего въ графахъ“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, П, № 88, *л.* 398; ср. № 90, *л.* 375—377).

Въ табелѣ показаны числа доимочныхъ дворовъ, путемъ дѣленія на 20 получены числа доимочныхъ рекрутъ, общій итогъ въ 36.522 чел. (834.697—104.227=730.470 дв. доимочныхъ по 5 наборамъ, 834.697—общій итогъ всѣхъ доимочныхъ дворовъ, 104.227 число дворовъ по доимкѣ 6-го и 7 набора Московской губ.; 730.470 : 20=36.523, на 1,5 меньше итога табели; 1,5 разсѣялись въ видѣ незначительныхъ остатковъ по губерніямъ).

Въ той же вѣдомости данны итоги доимки Московской губ. 6-го и 7-го наборовъ; доимка 6-го набора выразилось въ числѣ 1.873 человѣкъ, 7-го—въ количествѣ 6.675 рекрутъ.

О рекрутской доимкѣ слѣдуетъ сказать, что съ самаго начала сборовъ рекруты и даточные собирались далеко не въ полномъ числѣ, всегда получалась „доимка". Не говоря о томъ, что рекруты доставлялись очень часто не въ срокъ и правительству приходилось волей-неволей сроки мѣнять, оттягивать на болѣе позднее время, чтобы тѣмъ себя не затруднять взысканіемъ штрафовъ, а населеніе не отпугивать отъ привода рекрутъ, хотя бы и не въ срокъ, нужно имѣть въ виду и то, что многіе владѣльцы, приказчики и старосты обычно не выставляли всего количества рекрутъ, требуемаго съ нихъ, ссылаясь на „пустоту", на отсутствіе людей, годныхъ къ службѣ. Законъ грозилъ съ ослушниковъ взыскать рекрутъ вдвое, но угроза не дѣйствовала и каждый наборъ давалъ все новую и новую доимку. Хотя правительство, назначая новый наборъ, всякій разъ указывало, что недосланныхъ рекрутъ по прежнимъ нарядамъ нужно донять сполна, а потомъ уже вновь сбирать по новому набору, но это требованіе, въ періодъ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ, едва ли было исполнимо, такъ какъ населеніе едва справлялось съ новымъ наборомъ, представлять же сверхъ того доимочныхъ рекрутъ было сверхъ силъ.

Въ борьбѣ съ доимкой правительство прежде всего пришлось понизить требованія относительно годности рекрутовъ; по первымъ наборамъ въ рекруты требовались только холостые, позднѣе же стали приниматься какъ холостые, такъ и

Въ послѣдней графѣ вѣдомости приводятся числа собранныхъ рекрутъ по губерніямъ: по Московской, по всей вѣроятности, семи наборовъ, по остальнымъ пяти наборовъ; числа эти таковы.

ГУБЕРНІИ.	„Рекрутъ въ зборѣ было".
Московская	41.585
С.-Петербургская	19.749
Кіевская	4.045
Смоленская	3.468
Архангелогородская	14.616
Казанская	17.419
Азовская и Воронежская	4.524
Сибирская	3.121
Итого	108.527

женатые, безразлично; затѣмъ вначалѣ рекруты требовались въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ [1]), лишь бы они были „добры, человѣчны и въ службу годны", а выше или ниже тѣхъ лѣтъ запрещалось принимать въ рекруты; по позднѣйшимъ указамъ рамки возраста расширяются, въ сторону привлеченія въ рекруты лицъ болѣе зрѣлаго возраста; такъ въ рекруты и даточные принимаются люди 30, 40 и даже во время войны съ турками—50-лѣтняго возраста, съ однимъ условіемъ годности къ службѣ [2]).

Затѣмъ правительство почти всегда обращалось къ населенію съ угрозой, требуя, чтобы оно во время приводило рекрутъ, иначе угрожало не только взятьемъ двойного числа рекрутъ, но и штрафами, отнятіемъ помѣстій у помѣщиковъ и даже смертной казнью приказчикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ, на которыхъ лежала обязанность, послѣ раскладки и опредѣленія, кому быть въ рекрутахъ, представлять назначенныхъ въ рекрутчину къ наборщику на опредѣленную станцію.

Подобныя же угрозы и требованія направлены были къ администраціи, вѣдавшей сборы. Когда наборами завѣдывали особые сборщики, то въ наказахъ имъ писалось, чтобы они сбирали рекрутъ къ назначенному сроку неотложно, „съ поспѣшеніемъ", и что за всякое промедленіе ихъ ждетъ „жестокое наказанье", „смертная казнь", какъ сообщаетъ заключительная статья наказа 1705 г. Для понужденья наборщиковъ посылались нарочные курьеры.

Со времени учрежденія губерній, когда рекрутскіе наборы перешли въ вѣдѣніе губернаторовъ, то отвѣтственность за бездоимочную поставку рекрутъ главнымъ образомъ легла на

---

[1]) Впрочемъ извѣстенъ случай, когда указъ предусматривалъ приводъ рекрутъ отъ 12 до 20 лѣтъ; малолѣтнихъ велѣно было записывать въ матросы.

[2]) Не смотря на постоянное требованіе указовъ, чтобы въ рекруты принимались лица, „въ службу годные", однако нерѣдко бывало, что навербовывали такихъ, которые были мало годными къ солдатской службѣ. Въ 1711 г. Полонскій писалъ о рекрутахъ, явившихся въ Ригу изъ Казанской губ. въ числѣ 1.842 чел., что большинство изъ нихъ „зѣло плохи и малолѣтни, и многіе мушкетами дѣйствовать не могутъ" (Докл. и приг., I, 112, 113; ср. 116). Въ именномъ указѣ 19 іюня 1711 года читаемъ: „Въ присланныхъ сюда рекрутахъ довольно есть такихъ плохихъ, что и въ крестьянахъ быть негодны, не только что въ солдатахъ" (П. С. З., IV, № 2377; ср. Докл. и приг., VI, кн. I, 323).

губернаторовъ, хотя побужденіе и требованіе своевременной поставки рекрутъ шло сверху до низу. Такъ царь понуждалъ сенатъ, указывая ему: „Надлежитъ вамъ (сенату) трудиться и все заранѣе со временемъ изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно". А сенатъ, сообщая объ этихъ словахъ Государя губернаторамъ и подтверждая свой прежній приговоръ о наборѣ рекрутъ, въ свою очередь торопитъ и понуждаетъ губернаторовъ, говоря: „Отъ прав. сената въ тѣхъ вышепомянутыхъ нарядѣхъ время не пропущено, потому что о сборѣ и готовности даточныхъ и рекрутъ и лошадей къ губернаторамъ не токмо многіе указы, но и нарочные въ Казанскую, Архангелогородскую и въ Смоленскую губерніи давно посланы, которые, за неисправленьемъ губернскимъ, живутъ и по се время въ тѣхъ губерніяхъ"; и если, продолжаетъ сенатъ, отъ нескораго тѣхъ рекрутъ и лошадей къ Москвѣ отправленія... учинится въ нынѣшнемъ военномъ случаѣ какое неисправленіе, и то взыщется на нихъ, губернаторахъ" [1]). А губернаторы въ свою очередь взыскивали и торопили мѣстныхъ подвѣдомственныхъ имъ чиновъ, которые заняты были сборомъ рекрутъ. Но передъ Государемъ и сенатомъ отвѣтственны были не низшіе чины администраціи, а губернаторы; а потому они и обрушиваются на губернаторовъ.

Такъ въ именномъ указѣ отъ 28 іюля 1711 г. читаемъ: „Получилъ Онъ, Царское Величество, изъ С.-Петербурга письмо, что 8.000 человѣкъ солдатъ и рекрутъ не доведено туда, чѣмъ ежели губернаторы не исправятся, учинить имъ за то, какъ ворамъ достоитъ"; по словамъ другого указа, они „наказаны будутъ, яко измѣнники и предатели отечества" [2]). А ворамъ и измѣнникамъ полагалась смертная казнь. Также строгъ и взыскателенъ былъ къ губернаторамъ сенатъ. Извѣстенъ впрочемъ случай, когда сенатъ, узнавши, что по указу 31 мая 1711 года архангелогородскій вице-губернаторъ А. Курбатовъ собралъ и выслалъ августа 1-го

---

[1]) Докл. и приг., I, 170—171; П. С. З., указъ 11 іюля 1711 г.—IV, № 2396.
[2]) Докл. и приг., I, 203; П. С. З., IV, № 2315.

требуемое число (800 человѣкъ) „рекрутъ съ мундиромъ и съ рублевыми деньгами съ Вологды въ С.-Петербургъ“, постановилъ (августа 8-го): „За скорое отправленіе тѣхъ рекрутъ къ вице-губернатору послать Е. В. Г. грамоту съ милостивымъ словомъ, съ похвалою“ [1]). Но когда тотъ же Курбатовъ не могъ своевременно поставить рекрутъ и собрать деньги въ слѣдующемъ году, то сенатъ грозилъ ему „за неисправленіе“ тѣхъ сборовъ отпиской его имѣнія на Государя [2]).

Вскорѣ отписка имѣнія была опредѣлена въ видѣ наказанія для всѣхъ губернаторовъ. Въ сенатскомъ указѣ отъ 8 дек. 1713 г. было установлено: въ губерніи, которыя явились неисправными въ высылкѣ денегъ, мастеровыхъ людей и „въ наборѣ рекрутъ“ и въ прочемъ, „послать В. Г. указы съ подтвержденіемъ, дабы они, губернаторы, оное все исправляли безо всякаго мотчанія; а ежели по тѣмъ посланнымъ указамъ они, губернаторы, всего не исправятъ, то помѣстья ихъ и вотчины взяты будутъ на Великаго Государя и приказчики будутъ высланы вонъ, понеже объ управленіи всякихъ дѣлъ къ нимъ, губернаторамъ, не токмо указомъ подтверждено съ прещеніемъ, но и нарочные къ нимъ многіе посыльщики были и биты были губернскіе комиссары на правежѣ; за которыя свои неисправленія они, губернаторы, уже давно надлежали, по именному Е. В. Г. указу, за арестомъ взяты быть къ Москвѣ“ [3]).

---

[1]) Докл. и приг., I, 195.

[2]) Приговоръ 16 янв. 1713 г. (Докл. и приг., III, кн. I, 40).

[3]) П. С. З., V, № 2749; Докл. и приг., III кн. II, 1330.

Къ сбору рекрутъ и къ вопросу о понужденіи мѣстныхъ властей и наборщиковъ относятся слѣдующіе указы и приговоры сената: 19 дек. 1707 г. о наборѣ рекрутъ городовымъ воеводамъ или тѣмъ, кому города приказано вѣдать, и о пріѣздѣ въ Москву офицеровъ и москвичей, находившихся до того у набора рекрутъ (П. С. З., IV, № 2180); 13 апр. 1711 г. объ изготовленіи вѣдомостей о сборѣ даточныхъ и рекрутъ съ 700 г., сколько опредѣлено было ихъ въ который сборъ взять по указу, что взято и за взятьемъ въ доимкѣ, по чемъ собрано на рекрутъ провіанта и денегъ (№ 2349; ср. Докл. и приг., I, 35); 27 апр. 1711 г. о полученіи у воеводъ „всякаго вѣдѣнія о наборѣ рекрутъ“ (Докл. и приг., I, 50); 19 іюня того же года о подтвержденіи губернаторамъ, чтобы они сами пересматривали рекрутъ и именные списки, закрѣпляя ихъ своими руками (П. С. З., IV, № 2377; IV, № 2741; ср. № 2753; Докл. и приг., III, кн. II, 1300, 1363); 15 февр. 1712 г. о наложеніи штрафа и арестѣ губернаторовъ, если они по посланнымъ отъ сената 3 указамъ въ дѣлахъ не исправятся „безстрашіемъ и небреженіемъ указовъ“ (Докл.

Требуя отъ губернаторовъ и наборщиковъ своевременнаго представленія даточныхъ и рекрутъ, сенатъ понуждалъ ихъ посылкой подтвердительныхъ указовъ, посылкой нарочныхъ курьеровъ изъ драгунъ, солдатъ и гвардейцевъ, которые должны были непрестанно говорить и требовать, чтобы рекрутъ отправили какъ можно скорѣе; случалось, что за первымъ нарочнымъ посылался второй и даже третій [1]).

Курьеры разсылались не только для цѣлей простого понужденія, но иногда на нихъ возлагались обязанности ревизоровъ по рекрутскимъ наборамъ. Такъ въ 1713 г. по всѣмъ городамъ губерній посылались курьеры по наказу изъ канцеляріи сената „для взятья вѣдомостей у оберъ комендантовъ, комендантовъ и командировъ за ихъ руками, сколько у нихъ на станціяхъ въ городахъ подъ командою рекрутъ и на нихъ что въ сборѣ провіанта и указныхъ рублевыхъ за мундиръ денегъ и что драгунскихъ и подъемныхъ лошадей". Взятіемъ вѣдомостей обязанности курьеровъ далеко не ограничивались; наказъ поручалъ курьерамъ по полученіи вѣдомостей „рекрутъ осмотрѣть, сколько ихъ на лицо и въ службу годныхъ и что больныхъ и малолѣтнихъ и престарѣлыхъ и увѣчныхъ, написать имянно, чьи они были крестьяне", „и осмотрѣть, на какихъ они поставлены квартирахъ и по скольку человѣкъ въ избѣ или въ другихъ какихъ хоромахъ, и сколькими человѣками караульщиками хранятся и военному

и приг., IV, кн. I, 122); 21 марта 1712 г. о доставленіи комисарами всѣхъ губерній повседневныхъ вѣдомостей о числѣ собранныхъ и отправленныхъ рекрутъ (Тамъ же, II, кн. II, 184 и сл.); 4 дек. 1713 г. о мѣрахъ къ сбору прежней рекрутной доимки (III, кн. II, 1257); 1714 г. февр. о посылкѣ царедворцевъ по губерніямъ для сбора рекрутной доимки (IV, кн. I, 127; ср. 382); 22 февр. 1714 г. о присылкѣ губернаторамъ въ сенатъ вѣдомостей о рекрутскихъ сборахъ съ 1701 г. по 1714 (П. С. З., V, № 2774, п. 12; ср. № 2776; Докл. и приг., IV, кн. II, 911); 2 марта 1715 года о высылкѣ губернаторамъ рекрутъ въ самомъ скоромъ времени сполна въ опредѣленныя мѣста къ 1-му апрѣлю, „безо всякихъ отговорокъ" (Докл. и приг., V, кн. I, 196).

[1]) Такъ по приговору сената 12 сент. 1711 г. въ Архангельскую губ. для ускоренія высылки рекрутъ былъ посланъ „третій нарочный" (Докл. и приг., I 230). Приговоромъ 20 авг. 1712 г. велѣно послать въ „Кіевскую, Казанскую и Азовскую губ. курьеромъ съ указами о высылкѣ рекрутъ, опредѣленныхъ въ Ригу, въ трехдневный срокъ" (II, кн. II, 166; ср. 213).

артикулу учать ли“. Мало того, посланный долженъ былъ освѣдомиться и „рекрутъ допросить, по чему имъ въ сутки провіанта или иного чего и деньгами въ дачѣ бываетъ ли“; и о полученныхъ свѣдѣніяхъ курьеру велѣно писать въ канцелярію сената „чрезъ нарочныхъ посыльщиковъ“ [1]).

Послѣ Прутскаго похода, когда не было уже особой нужды въ усиленныхъ наборахъ, правительство не столько назначаетъ новые наборы, сколько старается выяснить доимку прежнихъ лѣтъ и принять мѣры къ взысканію доимочныхъ рекрутъ. Въ 1713 году издаются указы о сыскѣ на Москвѣ и въ губерніяхъ рекрутныхъ наборщиковъ и подьячихъ, которые съ ними были при наборахъ, о составленіи вѣдомостей по губерніямъ съ точнымъ указаніемъ рекрутной доимки и о безотлагательномъ сборѣ „доимочныхъ рекрутъ съ начала всѣхъ сборовъ по 711 годъ“ [2]).

Но наборщиковъ сыскать было трудно, тогда въ 1714 году принимаются къ тому особыя мѣры; указомъ 6 мая 1714 г. л.-гв. майору Ушакову велѣно было „для лучшаго свидѣтельства сыскать наборщиковъ, которые съ начала рекрутнаго набора у того дѣла были и нынѣ есть, взять у нихъ съ подтвержденіемъ сказки, съ коликого числа гдѣ они рекрутъ взяли и сколько не взято, и съ тѣхъ сказокъ прислать копіи, и быть имъ, наборщикамъ, на Москвѣ, а которые явятся во взяткахъ или въ другихъ какихъ плутняхъ, держать за крѣпкимъ карауломъ“. Изъ болѣе поздней приписки узнаемъ, что „о наборѣ прошлыхъ лѣтъ рекрутъ дѣла на нихъ (наборщикахъ) взыскиваются, а которые не явились, и у тѣхъ наборщиковъ объ отпискѣ помѣстій ихъ и вотчинъ въ по-

---

[1]) Съ такимъ наказомъ во всѣ города Смоленской губ. 11 авг. 1713 г. посланъ былъ курьеръ Тимофей Жуковъ (Докл. и приг., III, кн. II,—750); такого же рода посылка въ Московскую губ. курьера Нефеда Лихарева (Тамъ же, 1030).

Укажу на одинъ случай такого рода: когда урядникъ Ѳедоръ Грецовъ, который велъ рекрутъ, не пускалъ ихъ для покупки хлѣба, яко бы опасаясь ихъ побѣга, а продавалъ имъ хлѣбъ самъ съ значительнымъ барышемъ, то, по жалобѣ рекрутъ, сенатъ (5 окт. 1713 г.) приговорилъ урядника къ наказанію кнутомъ (Докл. и приг., III, кн. II, 1270).

[2]) Докл. и приг., III, кн. I, 100—105; 157.

мѣстный приказъ, дворовъ въ земскій приказъ Е. Ц. В. указы посланы дек. 11 дня 714 года“ [1]).

Если центральное правительство принимало строгія мѣры къ тому, чтобы рекруты были сбираемы во время и бездоимочно, то естественно, что мѣстная администрація не очень стѣснялась въ средствахъ, которыми она могла бы принудить населеніе къ поставкѣ рекрутъ; мѣстные начальники сами непосредственно разъѣзжали по уѣздамъ, понуждая помѣщиковъ и крестьянъ, разсылали по селамъ и деревнямъ солдатъ и разсыльщиковъ, требовали къ себѣ помѣщиковъ, прикащиковъ, старостъ и лучшихъ выборныхъ людей, обязывая ихъ подпиской поставить рекрутъ къ назначенному сроку; въ случаѣ промедленія ставили на правежъ мірскихъ людей, а если люди, опредѣленные въ рекруты, скрывались, то заставляли хватать родственниковъ, женъ и дѣтей и бить ихъ на правежѣ, чтобы тѣмъ принудить скрывающихся изъ жалости къ своимъ близкимъ явиться на станцію. Всякія средства пускались въ ходъ, лишь бы населеніе выставило то число рекрутъ, которое приходилось на него по переписнымъ книгамъ.

Населеніе, чувствуя тяготу отъ постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, систематически старалось уклониться отъ нихъ и принимало свои мѣры къ тому, чтобы, если не совсѣмъ освободиться, то по крайней мѣрѣ облегчить себѣ несеніе рекрутской повинности. Такъ населеніе выставляло въ рекруты меньшее количество, чѣмъ требовалось, ссылаясь на „сущую пустоту“ и разореніе, или представляло такихъ, которые при осмотрѣ и зачисленіи ихъ въ солдаты оказывались „зѣло плохи“, недобры, „малолѣтни“ и престарѣлые. Случалось

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. II, 800. О канцеляріи рекрутнаго счета, состоявшей подъ вѣдѣніемъ Ушакова, см. у В. И. Веретенникова, Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени, Харьковъ, 1910 г., 53—56, ср. 151; авторъ начинаетъ исторію розыскной канцеляріи вѣдомства Ушакова съ частнаго указа 9 мая 1714 г., даннаго по челобитной фурьера Семена Кузнецова, и высказываетъ предположеніе, что канцелярія Ушакова образовалась „въ связи съ ратушскимъ дѣломъ“, тогда какъ правильнѣе было бы указать на пункты Ц. В. 6 мая 1714 г. о рекрутскихъ наборахъ (П. С. З., V, № 2807) и связать происхожденіе канцеляріи съ розыскомъ о рекрутскихъ дѣлахъ.

иногда, что жители, заслышавъ о рекрутскомъ наборѣ, „бѣжали въ лѣса, покиня свои домы“ [1]); „бѣжали за рубежъ“, услышавъ про высылку рекрутъ [2]). При подобныхъ уклоненіяхъ требовались чрезвычайныя усилія, чтобы собрать рекрутъ достаточное число и выслать ихъ въ назначенные пункты.

О томъ, при какихъ обстоятельствахъ происходили сборы и какіе мѣры употребляли мѣстныя власти при рекрутскихъ наборахъ, даетъ яркое представленіе слѣдующее сообщеніе. Тамбовскій ландрихтеръ П. Кикинъ доносилъ (3 ноября 1710 г.) азовскому губернатору Ѳ. М. Апраксину:

„Рекрутъ, государь, по указу В. Г—ря и по грамотѣ изъ приказу адмиралтейскихъ дѣлъ, собравъ съ Тамбова противъ прежнихъ сборовъ сполна 180 человѣкъ, выслалъ въ Сѣвскъ, а изъ Шацка выслано въ Сѣвскъ же 315 человѣкъ, да съ станцій бѣжало въ Шацку—120 человѣкъ, а не добрано съ Шацка 250 чел., а въ Саранску сколько собрано и что въ доимкѣ, не могъ по многимъ отпискамъ отъ наборщика вѣдомости получить и по се число, и для того нынѣ нарочно послалъ; а въ недоборныхъ рекрутахъ велѣлъ я держать самихъ помѣщиковъ, а у прикащиковъ и у старостъ велѣлъ я побрать и бить на правежѣ изъ тѣхъ рекрутъ женъ и дѣтей, а самихъ прикащиковъ и старостъ для сбору и приводу рекрутъ велѣлъ посылать за карауломъ.

И воистинно, государь, о сборѣ рекрутъ не знаю какъ: въ Саранску и въ Шацку помѣщики и вотчинники и прикащики и старосты за такимъ принужденіемъ промышляютъ съ прилежаніемъ, да не могутъ набрать; которые годны въ солдаты, сказываютъ, всѣ разбѣжались, отчего помѣщики и вотчинники и прикащики и старосты плачутъ не слезами, кровью.

И я изъ Тамбова послалъ рекрутъ, перековавъ на чепи, а свободныхъ послать было ни по которому образу невозможно, а заказъ объ нихъ, чтобъ ихъ и никакихъ бѣглыхъ

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 48, 103. [illegible]
[2]) Тамъ же, IV, кн. I, 329.

и пришлыхъ никто-бъ не принималъ и не держалъ, учиненъ зѣло крѣпкій и жестокій. А сказываютъ, что де живутъ тѣ бѣглецы въ Шацкомъ уѣздѣ по лѣсамъ, и я для поимки ихъ велѣлъ за ними посылать многихъ служилыхъ людей, а наличныхъ, что наберутъ, то и велѣлъ выслать тотчасъ, а за ними для удержанія ихъ отъ побѣгу велѣлъ взять проводниковъ, которые-бъ годны были въ рекруты, съ тѣхъ же, чьи рекруты высланы будутъ, для того, если который рекрутъ сбѣжитъ съ дороги, чтобъ вмѣсто его годенъ бы взять былъ въ рекруты проводникъ, а если кто такихъ годныхъ въ рекруты проводниковъ дать не похочетъ, велѣлъ имъ всякому на своихъ рекрутъ класть чепи двоешейныя, а инымъ образомъ ни по которой мѣрѣ отъ побѣгу удержаться невозможно" [1]).

Сборъ рекрутъ далеко не кончался приводомъ на станціи, осмотромъ, пріемомъ и занесеніемъ ихъ въ списокъ. Слѣдовало принятыхъ рекрутъ соблюсти въ цѣлости и готовности во всякую минуту замѣнить ими солдатъ. Это была задача нелегкая, такъ какъ среди рекрутъ въ сильнѣйшей степени было развито бѣгство: рекруты бѣжали со станцій, но еще болѣе бѣжали съ дороги во время отправки въ гарнизоны и полки, не смотря на то, что надъ ними былъ установленъ строгій надзоръ и грозило имъ страшное наказаніе при поимкѣ. Рекруты бѣжали и въ одиночку и артелями. Такъ, напр., по сообщенію полковника Грузинцева, когда онъ шелъ (въ іюлѣ 1711 г.) съ партіей рекрутъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, то по дорогѣ у него бѣжало изъ строя 65 человѣкъ, а потомъ „75 человѣкъ рекрутъ въ лѣсу учинили бунтъ, вынувъ ножи", при чемъ нѣкоторые изъ караульныхъ солдатъ ушли тоже за ними въ лѣсъ" [2]). Какъ велико было количество бѣжавшихъ рекрутъ, могутъ показать слѣдующіе примѣры. Въ пути изъ Архангельской губ. въ Ригу (въ 1711 г.) изъ 1.700 человѣкъ бѣжалъ 71 рекрутъ; изъ высланныхъ туда же (въ 1712 г.) отъ разныхъ губерній 1.466 че-

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 117.

[2]) Докл. и приг., I, 323; ср. сообщеніе 1715 г., о томъ, что рекруты бѣжали вмѣстѣ съ караульными солдатами (V, кн. I, 554).

ловѣкъ, по дорогѣ бѣжало — 260; среди отправленныхъ изъ Сибирской губ. въ С.-Петербургъ (въ 1713 г.) 612 рекрутъ не оказалось на мѣстѣ назначенія 30 человѣкъ, бѣжавшихъ въ пути; когда изъ Азовской губ. было послано въ Смоленскъ 100 человѣкъ, то въ дорогѣ бѣжало 17; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ число бѣглыхъ незначительно, какъ, напр., 7 изъ 1.056, отправленныхъ изъ Казани въ Москву (въ 1712 году) [1]). Многочисленные примѣры удостовѣряютъ, что бѣгство рекрутъ, при томъ въ значительномъ числѣ, было повседневнымъ явленіемъ, присущимъ тогдашней рекрутской системѣ [2]).

Лица, комплектовавшія армію и принимавшія рекрутъ, были въ большемъ затрудненіи въ виду столь значительнаго числа бѣглыхъ. Кн. Петръ Голицынъ изъ Смоленска (февраля 1711 г.) доносилъ Государю, что изъ Московской губ. отправлено было къ нему рекрутъ 2.517 чел., а явилось въ Смоленскѣ 1.907, не оказалось на лицо 610 чел., изъ которыхъ 79 чел. „за болѣзнями" оставлены въ Москвѣ и въ Рузѣ, 14 померло, но самое значительное число было бѣглыхъ; по сообщенію Голицына, „дорогою бѣжало 517 рекрутъ". Столь же значительно число бѣглыхъ было при присылкѣ и изъ другихъ губерній. Кн. Голицынъ былъ въ затрудненіи и писалъ неоднократно къ А. В. Макарову: „Прошу васъ, моего государя, дабы чрезъ ваше стараніе противъ прежняго и сего моего письма донесено было Царскому Величеству" о томъ, что „многое число рекрутъ дорогою бѣжало"; и „вмѣсто

---

[1]) О рекрутахъ Архангелогородской губ. см. Докл. и приг., I, 145; о бѣглыхъ 260—II, кн. II, 213; о рекрутахъ Сибирской губ.—III, кн. II, 1271; Азовской—II, кн. I, 302; Казанской—II, кн. II, 213.

[2]) Укажу еще на нѣкоторые примѣры бѣгства рекрутъ. По сообщенію 14 февр. 1711 г. отъ Казанской губ., изъ числа отправленныхъ въ Смоленскъ 1.907 рекрутъ, „идучи, дорогой бѣжало рекрутъ 517 чел." (*Г. А., Каб. П.*, II, № 13, л. 342). По другимъ свѣдѣніямъ, бѣжало рекрутъ изъ 144—60 чел., изъ 115—54, изъ 70—28, изъ 1.342—527 чел. (Докл. и приг., V, кн. I, 472. 565, 569; кн. II, 823; ср. 1067); изъ 10.050 чел.—бѣглыхъ, умершихъ и больныхъ насчитывалось 1.359 (Тамъ же, т. I, 203, 204). Что бѣглые были всегда, показываетъ приговоръ сената 25 янв. 1712 г., которымъ было велѣно въ случаѣ, если вернутся бѣглые рекруты безъ мундира и окажется, что мундиръ они износили и проѣли, то имъ „давать мундиръ тотъ, который остается послѣ бѣглыхъ же и умершихъ рекрутъ" (II, кн. I, 52). О бѣглыхъ же—IV, кн. I, 216; кн. II, 796.

оныхъ откуда мнѣ ждать“, спрашивалъ онъ и ждалъ о томъ царскаго указа [1]).

Количество бѣглыхъ, выбывающихъ изъ общаго числа собранныхъ рекрутъ, сенатъ исчислялъ [2]) приблизительно въ 10%. По общей же вѣдомости о доставленныхъ и доимочныхъ рекрутахъ на 105.520 собранныхъ рекрутъ бѣжавшихъ и умершихъ приходилось 13.800; такъ какъ умирало несравненно меньше, чѣмъ бѣжало, то поэтому исчислять бѣглыхъ примѣрно въ 10% къ количеству собранныхъ рекрутъ не будетъ преувеличеніемъ.

Въ виду столь значительной убыли и неудобствъ, связанныхъ съ нею при комплектованіи полковъ, правительство принимало разнообразныя мѣры къ тому, чтобы бѣгство пре-

---

[1]) *Г. А.*, *Каб. II*, П, № 13, л. 340—343 (письмо отъ 23 февр.). Тамъ же имѣется другое болѣе раннее (14 февр.) письмо Голицына къ Макарову слѣдующаго содержанія:

„Мой государь, Алексѣй Васильевичъ, здравствуй! За великое себѣ причитаю безчастіе, ибо по отъѣздѣ своемъ не могъ васъ, моего государя, видѣть и покорной мой вамъ отдать поклонъ, которой всепокорне чрезъ сіе мое писаніе воздаю; посланъ отъ меня до Ц. В—ва съ письмами капралъ Шишкинъ, того ради прошу, дабы чрезъ ваше къ намъ пріяство на оное мое письмо отъ Е. Ц. В. получить милостивый указъ, и помянутый капралъ незамедля былъ ко мнѣ возвращенъ, за что вамъ долженъ взаимно служить. Да послалъ я до вашей милости вѣдѣніе таково-жъ, какъ до Ц. В—ва, токмо оное къ вамъ съ офицерами; и ежели впредь Ц. В—во пожелаетъ оной вѣдомости съ офицерами, пожалуй, оную донеси, а съ письма Ц. В—ва копіи не послалъ я до вашей милости для того, что оное будетъ въ рукахъ вашихъ. Слуга вашъ князь Петръ Голицынъ“ (л. 341).

По другому „вѣдѣнію“ въ Смоленскъ прибыло рекрутъ изъ Казанской губ. 900 чел., изъ того числа умерло 4+5, дорогою бѣжало 68; изъ Московской 2.267 чел., изъ того числа умерло 3+16, дорогою бѣжали 999, въ городахъ за болѣзнями оставлено 82, по смотру Стрешнева „за малолѣтствомъ быть не велѣно“ 37; изъ Азовской 411, по дорогѣ бѣжало 28, умерло 6; итого нынѣ на лицо 3.571 чел. (*Тамъ же*, № 90, л. 915 и сл.).

[2]) Такое исчисленіе сдѣлано было сенатомъ по слѣдующему поводу. Въ 1712 году сенату было сообщено, что при сборѣ рекрутъ „было въ присылкѣ 6.284 чел., изъ которыхъ принято и роздано въ полки 5.288, оставлено за болѣзнями 473, увѣчныхъ 18, бѣжало 349 и померло 154 чел.“. Въ отвѣтъ на это доношеніе сенатъ 7 февр. постановилъ: изъ губерній рекрутъ высылать, „да сверхъ того со всѣхъ губерній на мѣсто бѣглыхъ на 1.000 по 100 человѣкъ въ Смоленскъ“ высылать же безъ всякаго мотчанія (Докл. и приг., II, кн. I, 79). Подобные же случаи 10%-ой надбавки „на убылыя мѣста“ см. II, кн. I, 281, 370, 433, 434; кн. II, 166. Общій итогъ бѣглыхъ и умершихъ—III, кн. II, 1328.

Любопытно отмѣтить случай, когда изъ Казанской губ. въ 1711 г. сверхъ положенныхъ 3.116 чел. по своей иниціативѣ выслано было „лишку“ 142 чел. „для упадку и вмѣсто бѣглецовъ и умершихъ“ (т. I, 103).

сѣчь въ корнѣ. Такъ, сборщикамъ по наказу 1705 г. было предписано имѣть надзоръ и крѣпкій караулъ надъ собранными рекрутами; надзоръ поручался урядникамъ и солдатамъ, а также избраннымъ изъ числа рекрутъ ефрейторамъ и капраламъ, которые должны были имѣть надзоръ надъ остальными и каждый день утромъ и вечеромъ производить смотръ, чтобы удостовѣриться въ наличности всѣхъ рекрутъ.

Надзоръ еще болѣе усиливался, когда рекруты находились въ пути. Нерѣдко бывало, что рекрутъ вели скованными, чтобы тѣмъ воспрепятствовать ихъ побѣгу. Въ 1712 г. изъ Риги писали въ сенатъ: „Приводятъ туда рекрутъ скованныхъ“, тогда какъ въ Ригѣ бываетъ много иностранцевъ, которые все то видятъ, „того ради,—сообщалось въ доношеніи,—немалое отъ того можетъ произойти безславіе“ [1]). Въ Азовской губ., по сообщенію ландрихтера П. Кикина, приведенному выше, на рекрутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ для удержанія отъ побѣга накладывали „чепи двоешейныя“ [2]).

Въ числѣ чрезвычайныхъ мѣръ слѣдуетъ указать учрежденіе заставъ на пути, по которому велись рекруты. Такъ указомъ 14 іюня 1711 года было велѣно по Смоленской дорогѣ отъ Москвы до Смоленска „въ пристойныхъ мѣстахъ, мимо которыхъ городовъ и мѣстъ пройдутъ“ рекруты, „учинить заставы и смотрѣть тѣмъ заставщикамъ накрѣпко за всѣми проѣзжающими и проходящими, бѣглыхъ рекрутъ не пропускать, а ловить и по разспросамъ отправлять въ Москву“ [3]). Но учрежденіе заставъ и ловля бѣглецовъ—дѣло сложное и хлопотливое, а потому оно практиковалось, повидимому, очень рѣдко.

---

[1]) Сенатъ на это не обратилъ вниманія и никакого постановленія по этому поводу не сдѣлалъ (Докл. и приг., II, кн. I, 279).

[2]) Иногда само населеніе приводило людей для отдачи въ рекруты „скованными“—сообщеніе прикащика Ивана Панова о рекрутахъ изъ крестьянъ Владимірскаго у. (Докл. и приг., I, 323). Старосты приводятъ „въ колодкахъ“ на станціи, въ такомъ видѣ рекруты тамъ и стоятъ (IV, кн. II, 877—881). Хотя указомъ 1712 г. было запрещено „въ дорогѣ ковать и въ колодкахъ вести рекрутъ“, тѣмъ не менѣе бывали случаи, когда, напр., приводецъ „принималъ рекрутъ въ колодкахъ въ Нижнемъ и до Москвы велъ въ колодкахъ же“ (IV, кн. II, 695—697; ср. 1.080 и сл.).

[3]) П. С. З., IV, № 2.374; Докл. и приг., I, 138.

Кромѣ этихъ экстренныхъ мѣръ въ 1708 г. вводится общая мѣра для удержанія рекрутъ отъ побѣговъ, именно круговая порука. Она была установлена при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ помѣстный приказъ наборщики и приводцы сообщали, что рекруты бѣгутъ по лѣсамъ; а думный дьякъ Автономъ Ивановъ, бывшій въ то время дьякомъ помѣстнаго приказа, сообщилъ объ этомъ (въ концѣ 1707 г.) Государю, на что изъ Сумъ, гдѣ находился Петръ, отъ 13 янв. былъ присланъ указъ такого рода: для удержанія рекрутъ отъ побѣговъ „надобно ихъ утверждать круговою порукою человѣкъ по 20 и больше, и другъ на другѣ спрашивать, также и на отцахъ и на свойственникахъ ихъ, дабы всякій могъ отвѣтъ дать за своего свойственника или товарища“.

На основаніи этого указа состоялся 22 янв. 1708 г. боярскій приговоръ (въ ближней канцеляріи), по которому во всѣ города на станціи къ наборщикамъ посланы были изъ помѣстнаго приказа грамоты и велѣно „у пріема записывать рекрутъ съ отцы и съ прозвищи и съ лѣты и въ рожи и въ примѣты, кто холостъ, кто женатъ, и женъ ихъ имяны съ отечествы жъ“ и дѣтей, отцовъ, родственниковъ и свойственниковъ, и „сбирать по тѣхъ рекрутахъ поручныя записи, а въ записяхъ порукою писать отцовъ ихъ, дядьевъ, братьевъ и свойственниковъ“; если кто изъ рекрутъ сбѣжитъ, то „бѣглецовъ спрашивать на поручикахъ и отцахъ и свойственникахъ ихъ; а за тѣ побѣги отцы, родственники и свойственники сосланы будутъ въ новозавоеванные города съ женами и дѣтьми; затѣмъ всюду слѣдуетъ объявить, чтобы никто подъ страхомъ жестокой кары бѣглыхъ не держалъ [1]).

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 240—241. Круговая порука при наборахъ извѣстно была и раньше; ст. 7-ая наказа 1699 г. кн. Репнину, посланному въ Казань и низовые города для прибора въ солдатскую службу всякихъ чиновъ людей, гласитъ: „Разобравъ тѣхъ новоприборныхъ людей, сбирать по нихъ поручныя записи круговыя въ поруку по 50 чел. и привести ихъ ко кресту“ (Описаніе, кн. V, прилож., 40 стр.). Образчикомъ этихъ поручныхъ записей можетъ служить слѣдующая.

„Се новоприборные солдаты (имена 46 человѣкъ) въ нынѣшнемъ 1701 году всѣ есть мы, поручтики, которые писаны въ сей поручной записи, ручалися другъ по другѣ круговою порукою въ томъ, что намъ, будучи въ Е. В. Г. солдатской службѣ, не пить и не бражничать и не озорничать, виномъ и табакомъ не тор-

Но вскорѣ же указъ потерпѣлъ существенное измѣненіе: приговоромъ 7 іюля 1710 г. ссылка въ новозавоеванные города была „отставлена“ въ виду того, что родственники бываютъ совершенно непричастны къ побѣгу рекрута, отвѣтственность ихъ ограничена лишь случаями, когда родственники по розыску окажутся безусловно причастными къ побѣгу; да и этомъ случаѣ съ нихъ лишь берется вмѣсто бѣжавшаго человѣка годный въ рекруты.

Затѣмъ, порука признана не общеобязательной и потеряла принудительный характеръ: „поручиковъ по рекрутахъ,— сообщалось въ приговорѣ,—что имъ со станціи и съ дороги не сбѣжать, брать волею, а по которыхъ рекрутахъ добровольныхъ порукъ не будетъ, и неволею никого въ поруки не имать“ [1]). Порука, какъ необязательная, конечно, большого значенія имѣть не могла, благодаря чему бѣгство рекрутовъ продолжалось по прежнему.

Рекрутъ легко скрывался въ сосѣднихъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ его никто не зналъ и гдѣ онъ могъ выдавать себя за крестьянина и даже вольнаго человѣка, и такимъ образомъ находить себѣ пріютъ и работу. Противъ такого сокрытія и была направлена слѣдующая мѣра: именными указами 16 янв. и 20 марта 1712 г. было велѣно, „чтобы для лучшаго удержанія рекрутъ отъ побѣгу на лѣвой рукѣ накалывали (порохомъ) кресты, о чемъ въ имперіи всѣмъ универсально объявить, чтобы у прибылыхъ людей осматривали тѣ знаки“ [2]). Съ помощью креста легко было узнать

говать, зернью и карты не играть и съ воровскими людьми не знаться, корчмы и бляди и становъ и пріѣздовъ воровскимъ людямъ не держать и самимъ не воровать и никакимъ дурномъ не промышлять и съ службы В. Г. не бѣгать и надъ казною и ружьемъ никакія порухи и хитрости не учинить и строевого платья и ружья не пропивать и за кѣмъ кто своимъ братомъ солдатомъ увидитъ какое дурно, извѣщать начальнымъ людямъ. А буде кто изъ насъ станетъ чинить не противъ вышеписаннаго В. Г-ря указу, и тому быть въ смертной казни безо всякія пощады. А поручную запись писалъ преображенскаго полку солдатъ Артемій Видановъ лѣта 1701 году генваря въ 16 день“ (*А. М. Ю., арх. вотч., столб.* № 18.734). Ср. съ текстомъ крестьянскихъ порядныхъ и поручныхъ, собранныхъ М. А. Дьконовымъ (Акты о тягломъ населеніи, I, № 5, 8, 9 и др.).

[1]) П. С. З., IV, № 2281.

[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 308; П. С. З., IV, № 2467; о томъ же въ указѣ сената отъ 19 мая 1712 г. (П. С. З., IV, № 2532). Подтвержденіе того же указа см. въ именномъ указѣ 18 янв. 1715 г. (Тамъ же, V, № 2876).

бѣглаго рекрута и этимъ поимка рекрутовъ значительно упрощалась, а отсюда изъ-за страха наказанія рекруты должны были-бы отъ бѣгства воздерживаться.

Какія же наказанія грозили бѣглымъ рекрутамъ? На это слѣдуетъ отвѣтить, что рекруты въ законѣ были приравнены къ бѣглымъ солдатамъ, по отношенію къ которымъ законъ былъ чрезвычайно суровъ, примѣняя къ нимъ даже смертную казнь.

Среди мѣръ наказанія, относящихся къ бѣгству рекрутъ, нужно различать мѣры наказанія: 1) самого бѣглеца, 2) лицъ, поставившихъ его въ рекруты, и 3) лицъ, виновныхъ въ пособничествѣ или пріемѣ бѣглаго.

Относительно бѣглыхъ солдатъ законъ (1700 г.) былъ кратокъ и безпощаденъ: бѣглые солдаты при поимкѣ подлежали смертной казни. Въ 1705 г. законъ былъ нѣсколько смягченъ: по указу 19 янв. было велѣно изъ пойманныхъ трехъ солдатъ по жеребью „одного человѣка казнить смертью, повѣсить, а дву человѣкъ бить кнутомъ и сослать въ ссылку вѣчно на каторгу, чтобы впредь инымъ неповадно было со службы бѣгать". Наказаніе было меньшее и для тѣхъ, кто самъ явится изъ бѣговъ въ приказъ или въ полкъ; такимъ, по указамъ 10 февр. и 4 іюня 1705 г., велѣно чинить наказаніе—бить кнутомъ и сослать на каторгу на 5 лѣтъ въ Азовъ или въ новопостроенный городъ С.-Петербургъ [1]).

Точно также законъ грозитъ смертной казнью и рекрутамъ, предупреждая ихъ, чтобы они жили тихо, грабежемъ и разбоемъ не занимались и со станцій не бѣгали (по указу 20 февр. 1705 г. и статьямъ, даннымъ тогда же сборщикамъ).

Приговоромъ бояръ въ ближней канцеляріи (22 янв. 1708 г.) по указу царя, присланному изъ Сумъ, было ве-

---

[1]) Указы эти приведены въ краткомъ перечнѣ законовъ противъ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ, представленномъ въ 1711 г. военной канцеляріей сенату при вопросѣ, что дѣлать съ бѣглыми (Докл. и приг., II, кн. I, 240; кн. II, 360 и сл.).

Указъ 5 авг. 1712 г. повелѣвалъ бѣглыхъ рекрутъ за 2 побѣга казнить смертью, а если донесутъ на другихъ бѣглецовъ, то казнить десятаго по жребію, а остальныхъ наказать шпицрутенами (П. С. З., IV, № 2566).

См. изслѣдованіе А. Филиппова, О наказаніи по законодательству Петра В. въ связи съ реформою (въ Учен. Запискахъ И. Москов. унив., отд. юридическій, VIII, М., 1891 г., 284 и др.).

лѣно среди рекрутъ установить круговую поруку, а для бѣглецовъ наказанье: „какъ сысканы будутъ, казнены будутъ смертью“. Но въ виду массоваго бѣгства смертная казнь для рекрутъ была лишь угрозой, въ дѣйствительности указами же для нихъ были установлены наказанія: за первый побѣгъ, когда рекруты бѣжали со станцій или во время пути отъ отводчиковъ, бить кнутомъ или батогами и снова отсылать въ полкъ по прежнему, за второй—„бить кнутомъ и послать на каторгу на 10 лѣтъ“, а за третій, также если кто бѣжалъ изъ полковъ, нанимался у другихъ помѣщиковъ въ рекруты и былъ пойманъ, тѣхъ бить кнутомъ съ вырѣзаньемъ ноздрей и ссылать на каторгу вѣчно [1]).

2. Выставившіе рекрута первоначально были отвѣтственны за него. Въ 12 пунктѣ наказа сборщикамъ (1705 г.) было сказано: „Буде изъ тѣхъ даточныхъ на станціяхъ или на его государевой службѣ кто умретъ или убьютъ или сбѣжитъ, и вмѣсто тѣхъ имать въ солдаты съ тѣхъ же людей, съ кого будутъ взяты, чтобы всѣ тѣ солдаты были сполна и къ его государевой службѣ во всякой готовности“ [2]). По приговору 22 янв. 1708 г. были установлены поручныя записи, въ которыхъ по рекрутамъ порукою писались отцы ихъ, дядья, братья и свойственники, которымъ при этомъ объявлялось, что если рекруты, за которыхъ они ручались, сбѣгутъ, то за „тѣ ихъ побѣги тѣ ихъ отцы и дядья и братья и свойственники съ женами и дѣтьми посланы будутъ въ ссылку въ новозавоеванные города“ [3]).

Фактически, конечно, ни смертная казнь, ни ссылка по отношенію къ лицамъ, поставлявшимъ рекрутъ, и ихъ (рекрутъ) родственникамъ не примѣнялась; а велѣно было и въ

---

[1]) См. о томъ въ Докл. и приг., II, кн. II, 361. Что бѣглыхъ фактически не казнили за первый побѣгъ, укажу въ качествѣ примѣра на слѣдующій случай: когда въ 1700 году былъ приведенъ обратно въ полкъ бѣглый новоприборный изъ даточныхъ, то велѣно было (4 іюня того же года) учинить ему наказанье „бить батоги нещадно, чтобъ другимъ было неповадно“ (*А. М. Ю., вотч. арх., столбецъ* № 18.734).

[2]) П. С. З., IV, № 2036. Въ 1700 г. при поставкѣ даточныхъ требовалось „вмѣсто бѣглыхъ даточныхъ поставлять иныхъ тѣмъ же помѣщикамъ“ (*А. М. Ю., столб.* № 18.734).

[3]) Докл. и приг., II, кн. I, 240.

наказахъ, дававшихся изъ военнаго приказа наборщикамъ, писалось, чтобы вмѣсто бѣглыхъ брали новыхъ въ рекруты же изъ числа поручителей, родственниковъ и свойственниковъ, изъ тѣхъ же деревень, лишь бы они были къ службѣ годны [1]).

Да кромѣ того и указъ объ отвѣтственности родственниковъ и свойственниковъ приговоромъ 7 іюля 1710 г. былъ отмѣненъ для тѣхъ, кто „про побѣгъ ихъ (рекрутъ) не вѣдаютъ и гдѣ они живутъ, не знаютъ, и изъ бѣговъ въ домахъ у нихъ не были"; лишь тѣ родственники и свойственники, которые „бѣглецовъ у себя въ домѣ держали, по прежнему къ отдачѣ ихъ не привели или, вѣдая объ нихъ, гдѣ они живутъ, не извѣстили", должны сыскать бѣглеца и представить въ срокъ; а если въ срокъ не поставятъ, то изъ нихъ годный будетъ взятъ въ рекруты, да штрафъ по 15 руб. съ человѣка, неимущій же „будетъ бить кнутомъ" [2]).

Въ послѣдующее время правительство проникается взглядомъ, что помѣщики и родственники рекрутъ могутъ быть совершенно не виновны въ побѣгѣ, и оно освобождаетъ и тѣхъ и другихъ отъ наказанія и отъ обязанности выставлять вмѣсто бѣжавшаго рекрута новаго. Такъ по указу 31 мая 1711 г. было постановлено съ помѣщиковъ вмѣсто боярскихъ людей, записанныхъ въ рекруты, но бѣжавшихъ во время роспуска по домамъ, „иныхъ людей боярскихъ въ даточные не имать" [3]). Сенатъ неоднократно своими приговорами рѣшалъ, съ помѣщиковъ „за бѣглецовъ" новыхъ рекрутъ не спрашивать, „потому что, разъяснялъ сенатъ, тому ихъ побѣгу помѣщики ихъ не виноваты" [4]).

Но если снята была прямая отвѣтственность за бѣглыхъ рекрутъ съ тѣхъ, кто ихъ выставилъ, то вообще говоря, это не избавляло населенія отъ отвѣтственности другого рода за бѣгство рекрутъ: населеніе въ массѣ ничего не выигрывало,

---

[1]) Тамъ же, 241; также приговоръ 7 іюля 1710 г. (П. С. З., IV, № 2281).

[2]) П. С. З., IV, № 2281.

[3]) Тамъ же, IV № 2365.

[4]) Докл. и приг., III, кн. II, 954, 1050; IV, кн. I, 45—47.

Ср. доношеніе комисара Казанской губ. Луки Нечаева 1715 г. о томъ, что вмѣсто бѣглыхъ рекрутъ взяты „съ тѣхъ же помѣстій" 15 человѣкъ и приведены въ С.-Петербургъ (Докл. и приг., V, кн. I, 573).

такъ какъ вмѣсто недосланныхъ, бѣжавшихъ и умершихъ оно должно было выставлять иныхъ лицъ при новыхъ рекрутскихъ наборахъ [1]).

3. Пріемщикамъ бѣглецовъ указы грозили суровымъ наказаньемъ: „Буде кто такихъ бѣглецовъ станетъ укрывать у себя, говорилось въ статьяхъ о рекрутскомъ наборѣ (1705 г.), или вѣдая, про нихъ не извѣститъ, и такимъ людямъ по розыску, учинена будетъ смертная казнь“. Въ приговорѣ 1708 г. наказаніе за пріемъ и укрывательство бѣглыхъ расчленено: у помѣщиковъ за то „помѣстья ихъ и вотчины, говорилось въ приговорѣ, въ которыхъ тѣ бѣглые жили, взяты будутъ на Великого Государя, и изъ нихъ половина отдана будетъ извѣтчику“; „а буде прикащики и старосты и цѣловальники и крестьяне то чинили безъ вѣдома помѣщиковъ, и тѣ казнены будутъ смертью“ [2]). Въ наказѣ 1710 г. наказаніе, какъ будто, еще болѣе усилено, въ ст. 12 говорится: за держаніе и укрывательство бѣглыхъ рекрутъ „ближнихъ людей прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ и цѣловальникамъ и крестьянамъ, а меньшихъ статей самимъ помѣщикамъ учинено будетъ наказанье—биты кнутомъ нещадно, а инымъ быть и въ смертной казни безъ всякія пощады, а дворы ихъ и животы взяты будутъ на В. Государя и изъ нихъ по разсмотрѣнію дано будетъ извѣтчикамъ, а гдѣ ихъ въ бѣгахъ держали, и съ тѣхъ селъ и съ деревень взято будетъ за одного рекрута по 10-ти человѣкъ въ рекруты же“ [3]).

---

[1]) Бѣжавшихъ рекрутъ сначала розыскивали; такъ, напр., въ 1711 г. Меншиковъ съ курьеромъ прислалъ въ сенатъ роспись 71 рекрута Архангелогородской губ., бѣжавшихъ изъ числа 1700, присланныхъ въ Ригу; сенатъ 19 іюня постановилъ: послать въ Архангелогородскую губернію указъ о розыскѣ бѣглыхъ (Докл. и приг., I, 145). Затѣмъ бѣглыхъ иногда присчитывали къ числу недосланныхъ рекрутъ и требовали взамѣнъ ихъ другихъ съ той же губерніи. Такъ, въ 1711 г. по приговору сената велѣно было изъ Архангелогородской губ. выслать вмѣсто бѣглыхъ и умершихъ 59 чел. новыхъ рекрутъ (I, 400; ср. 427).

Я не отмѣчаю особо отвѣтственности наборщиковъ и солдатъ, приставленныхъ къ рекрутамъ; ихъ отвѣтственность вытекала изъ существа ихъ обязанностей. Укажу лишь на одинъ случай строгаго наказанія солдатъ, причастныхъ къ побѣгу рекрута: по приговору 3 авг. 1711 г. опредѣлено солдатамъ „при полку учинить наказаніе шпицрутенъ“ „за то, что они изъ-за караула рекрута отпустили“ (Докл. и приг., I, 194).

[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 240.

[3]) Тамъ же, II, кн. II, 360.

Въ именномъ указѣ 16 янв. 1712 г. было сказано кратко: „Кто примать станетъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ, тѣхъ ссылать съ наказаньемъ на галеры“ [1]).

Какъ видно, правительство готово было обрушиться на всякаго, кого оно заподозривало въ причастности къ бѣгству рекрутъ: обрушивалось на самихъ бѣглыхъ, на ихъ родственниковъ, на помѣщиковъ, на пріемщиковъ и укрывателей и даже на тѣхъ, кто, вѣдая, гдѣ живутъ бѣглые, не донесетъ ближайшему начальству; всѣмъ сулятся строгія кары, которыя должны были, казалось, предотвратить всякую мысль о бѣгствѣ и о пріемѣ бѣглыхъ. Но уже та щедрость, съ которой правительство дѣйствовало при назначеніи смертной казни, какъ мѣры наказанья, показываетъ безсиліе правительства въ борьбѣ съ бѣгствомъ, которое, не смотря на угрозы смертной казнью, не уменьшалось. Нужны были какія то новыя мѣры, которыя, если не уничтожили, то, по крайней мѣрѣ, значительно сократили бы бѣгство. На помощь правительству идутъ частныя лица, которыя своими доношеніями предлагаютъ разные проекты, по ихъ мнѣнію, ведущіе къ уменьшенію бѣгства.

Такъ доноситель жилецъ Василій Пазухинъ въ 1710 г. подалъ въ приказъ земскихъ дѣлъ статьи противъ бѣглыхъ. Пазухинъ предлагалъ: 1) указомъ опредѣлить срокъ, въ теченіе котораго вольны бѣглые сами приходить и сказки о нихъ подавать и приводить ихъ всѣ тѣ, кто до сего времени держалъ и укрывалъ бѣглыхъ; за такую явку и объявленіе вольное всѣ тѣ люди будутъ освобождены отъ всякаго взысканія; 2) по истеченіи назначеннаго срока послать по городамъ особыхъ сыщиковъ, которые должны были быть непрестанно въ уѣздахъ и всѣми мѣрами сыскивать скрывающихся, брать сказки у всякаго чина людей и у приходскихъ поповъ, у церковниковъ и у крестьянъ, нѣтъ ли гдѣ бѣглыхъ и воровъ, и по розыску тѣхъ бѣглыхъ брать и отсылать по назначенію; 3) „въ уѣздахъ во станахъ и во всякихъ приходахъ выбрать сотскихъ, пятисотскихъ и десятскихъ

[1]) П. С. З., IV, № 2467.

и земскихъ" и дать сотскимъ съ товарищами „наказныя памяти", и велѣть имъ въ своихъ приходахъ смотрѣть накрѣпко и неоплошно, чтобы бѣглые солдаты, укрывающіеся отъ солдатства, и всякіе пришлые люди всеконечно нигдѣ не жили и пристанища не было и въ солдаты-бъ ни у кого не наймовались"; а если гдѣ такіе люди явятся, то сотскіе должны ихъ „ловить и приводить" къ мѣстному начальнику.

Для привода бѣглыхъ уѣзднымъ сыщикамъ нужно поручить въ городахъ, на торжкахъ, на проѣздныхъ дорогахъ вообще, гдѣ пристойно, „учинить съѣзжіе дворы", куда должны приводиться всѣ укрывающіеся отъ службы; на съѣзжіе дворы сотскіе должны подавать „ежемѣсячныя вѣдомости" „за руками поповскими того прихода", есть ли въ томъ приходѣ бѣглые или „такихъ людей въ томъ мѣсяцѣ ни у кого не явилися и нигдѣ не живутъ".

Доноситель увѣренъ былъ, что если все то, что онъ писалъ, указомъ будетъ установлено „съ надлежащимъ подкрѣпленіемъ", то по сыску „многіе полки солдатъ въ собраніи сбираться станутъ, паче же бѣганіе свое за свободу поставлять не станутъ".

Государь, которому эти статьи пришлись по душѣ, 22 апр. 1710 г. указалъ: послать къ воеводамъ и управителямъ грамоты „о сыску и о высылкѣ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и рекрутъ и всякихъ гулящихъ и укрывающихся отъ солдатства и недорослей", и тѣ статьи въ грамотахъ описать имянно, а по градскимъ воротамъ прибить листы [1]).

Приговоромъ 5 іюня 1710 г. указъ Государя былъ приведенъ въ исполненіе, съ нѣкоторымъ лишь измѣненіемъ противъ „доносительныхъ статей": не было послано особыхъ сыщиковъ по уѣздамъ и не велѣно строить съѣзжихъ дворовъ „для народной тягости", также пока не былъ назначенъ срокъ для безпрепятственной явки бѣглыхъ, относительно же сыска бѣглыхъ, учрежденія сотскихъ съ товарищами и подачи вѣдомостей за руками приходскихъ поповъ было повелѣно такъ, какъ гласили доносительныя статьи [2]).

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 241—242.
[2]) П. С. З., IV, № 2271.

Однако вскорѣ указаніе Пазухина на необходимость установленія льготнаго срока для явки бѣглыхъ было принято во вниманіе. 18 февр. 1711 г. именнымъ указомъ, затѣмъ сенатскимъ указомъ 9 окт. того же года объявлялось: „Которые драгуны и солдаты и рекруты и матросы и всякаго чина служилые люди, съ начала свейской войны со службы изъ полковъ и изъ набора рекрутъ бѣжали, а другіе, бѣжавъ, были въ воровствахъ, за что должны были казни, а другіе наказанью, и тѣмъ бѣглецамъ со всякою крѣпкою надеждой приходя, велѣно явиться на Москвѣ въ военномъ приказѣ, а въ городахъ губернаторамъ и комендантамъ генваря на 1-е число 1712 года“; всѣхъ такихъ „Царское Величество жалуетъ, въ винахъ ихъ прощаетъ“; а кто въ теченіе полугода со времени этого указа не явится, тѣ безъ милосердія казнены будутъ смертью [1].

Въ 1713 г. указомъ снова объявляется прощеніе всѣмъ тѣмъ, кто явится изъ бѣговъ до 1-го янв. 1714 г., а указомъ 18 декабря срокъ явки продолженъ до апрѣля 1714 г. включительно, 26 мая—до 1-го сент., указомъ 18 ноября—до 1-го янв. 1715 года [2].

Не смотря на неоднократные призывы и на продленіе срока, мѣра эта не приносила желаемыхъ результатовъ, бѣглые сами не являлись: видимо, жизнь солдатская была настолько тяжела и неприглядна, что бѣглые предпочитали жить подъ страхомъ наказанья, чѣмъ вернуться добровольно въ службу, и только неволей и силой можно было заставить служить въ арміи.

Если имѣть въ виду то громадное количество рекрутъ, которое требовалось съ населенія, если припомнить обста-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2437; Докл. и приг., II, кн. I, 243. Къ 1-му янв. 1712 г. въ военной канцеляріи явилось 192 чел. (44 стр.).

[2]) П. С. З., V, № 2728, 2740, 2755 (указъ 18 дек. 1713 г.), 2813 и 2859. Доносители о бѣглыхъ получали обычно денежныя награды въ размѣрѣ 5 руб. Такъ въ 1713 г. рекруту Козюткину, подавшему доносительное письмо о бѣглыхъ солдатахъ и содѣйствовавшему поимкѣ бѣглыхъ, выдано было, по приговору 5 сент., государева жалованья 5 руб. (Докл. и приг., III, кн. II, 714—718). О бѣглыхъ же см. указъ 14 февр. 1715 г. (П. С. З., V, № 2885; ср. № 2890, 2900, 2901). Отсрочка давалась и въ послѣдующіе годы, см. доношеніе воинской канцеляріи о бѣглыхъ солдатахъ въ *Г. А.*, *Каб. П.*, I, № 34, л. 118.

новку, среди которой протекали сборы, когда населеніе изъ силъ выбивалось, чтобы представить нужное число рекрутъ, а затѣмъ было въ страхѣ, какъ бы не стали взыскивать новыхъ рекрутъ и не потребовали всѣхъ къ отвѣту, если данный ими рекрутъ бѣжалъ во время пути, то станетъ понятнымъ, что рекрутскіе наборы въ это время лежали тяжелымъ бременемъ на населеніи, крестьянскіе дворы отъ наборовъ оскудѣвали, пустѣли, населеніе разорялось, брело врозь, покидая свои домишки. До насъ дошелъ цѣлый рядъ горькихъ жалобъ на рекрутскіе наборы.

Приведу нѣсколько примѣровъ. Изъ Московской губ. (9-го февр. 1712 г.) доносили, что при наборѣ рекрутъ „иные уѣздные люди, прикащики, старосты и крестьяне, покинувъ дома свои, бѣгутъ въ лѣса и по многимъ высылкамъ къ отдачѣ рекрутъ не ведутъ, чинятся ослушны; а которые малопомѣстные, бѣгутъ и укрываются, а иные стоятъ на правежѣ многое время, рекрутъ закладкою не даютъ“ [1]). По сказкѣ крестьянъ села Шипова Юрьевскаго (Польскаго) уѣзда изъ числа 100 дворовъ, записанныхъ въ переписныя книги 186 г., 89 запустѣли отъ того, что одни крестьяне бѣжали, „иные взяты въ солдаты и въ Петербургъ въ работники, тамъ и померли“; и оттого „тѣ ихъ мѣста и гдѣ тѣ крестьяне жили пусты, что не осталось не только крестьянскаго двора, ни единаго человѣка“ [2]). По словамъ П. Кикина, при наборѣ рекрутъ въ городахъ Азовской губ. годные къ службѣ разбѣгаются, помѣщики же, старосты и прикащики, будучи принуждаемы къ поставкѣ рекрутъ, „плачутъ не слезами, а кровью“ [3]).

Въ переписныхъ книгахъ 1710 года и ближайшихъ лѣтъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отмѣчается убыль дворовъ, обычны указанія на то, что запустѣли дворы „отъ набора рекрутъ“, „отъ солдатскаго набора“. Нерѣдко отмѣчается и количество дворовъ, запустѣвшихъ отъ рекрутчины.

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 108.
[2]) Тамъ же, IV, кн. I, 282.
[3]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 117.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить и то, что съ наборомъ солдатъ и поставкой рекрутъ возникали для населенія разныя тягости, причиняемыя самими рекрутами и новоприборными солдатами. Какого рода эти тягости—видно будетъ изъ нижеприведенныхъ челобитій.

Въ 1701 году билъ Государю челомъ оброчный крестьянинъ села Покровскаго Иванъ Малюшинъ, жалуясь на своего крѣпостного человѣка Степана Ѳедорова, записавшагося въ солдатскую службу. „Въ нынѣшнемъ, Государь, писалъ въ своей челобитной Милюшинъ, 1701 г. генв. въ 11 день изъ Преображенскаго съ генеральнаго двора прислано ко мнѣ, сиротѣ твоему, письмо, велѣно ему, Степану, жить у меня, сироты твоего, и кормить его по прежнему до твоего В. Г. указа.

И онъ, Степанъ, приходя въ домишко мой, напився пьянъ, надѣяся на озорничество свое, посуденку мою всякую бьетъ и ломаетъ и всякое надругательство въ домишкѣ моемъ чинитъ и похваляется всякимъ дурномъ, и впредь я, сирота твой, отъ него, Степана, опасенъ; да онъ же, Степанъ, поклепавъ меня, сироту твоего, напрасно, и хотя изубытчить, бьетъ челомъ тебѣ, В. Государю, на генеральномъ дворѣ, будто я, сирота твой, отнялъ у него, Степана, денегъ 20 руб.; и такимъ, Государь, многимъ деньгамъ у него, Степана, быть невозможно, потому что онъ, Степанъ, отъ меня, сироты твоего, въ лавкѣ нигдѣ не сидѣлъ и никакимъ торговымъ промысломъ не промышлялъ, а работалъ у меня въ домишку всякую черную работу“ [1]).

Въ другомъ подобномъ челобитьѣ читаемъ: „Въ нынѣшнемъ, Государь, 704 году билъ челомъ на меня новопраборной солдатъ Петръ Снигиревъ (который раньше состоялъ „въ холопствѣ“ у просителя), что будто отнялъ я платья у него шапку женскую кунью, тѣлогрею тафтяную, шубу баранью одѣвальную, кунтушъ китайчатый; и то онъ, Петръ Снигиревъ, билъ челомъ тебѣ, Государю, ложно“. „И въ томъ, Гоосударь

---

[1]) *А. М. Ю., вотчин. арх., столбецъ* № 18734; на челобитьи помѣта (отъ 15 янв.): „Сыскать и противъ челобитья допросить“.

его неправомъ иску въ приказѣ адмиралтейскихъ дѣлъ держать человѣка моего“ [1]).

Извѣстенъ рядъ случаевъ, когда рекруты чинили населенію разнаго рода „обиды и разореніе“. Кромѣ того населеніе испытывало тягости при отводѣ рекрутамъ квартиръ и дачѣ подводъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

2. Работная повинность: сборы работниковъ и мастеровыхъ.

Населеніе съ глубокой древности обязано было поставлять рабочихъ при постройкѣ городовъ и укрѣпленій, хотя эта повинность и была „одною изъ самыхъ тяжелыхъ“ [2]), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XVI и XVII вѣкахъ она носила временный характеръ.

При Петрѣ В., съ начала сѣверной войны, сборы работниковъ и мастеровыхъ становятся почти постоянными. Едва кончается одно дѣло, требующее значительнаго числа рабочихъ, начинается другое, за нимъ третье. Въ первые годы войны работы по постройкѣ укрѣпленій, сооруженія судовъ сосредоточивались на югѣ, близъ Воронежа, Таганрога, Азова и Троицкаго. Съ 1707 года начинаются усиленныя работы на сѣверо-западѣ, на Олонецкой верфи, близъ С.-Петербурга, и на островѣ Котлинѣ.

Работники иногда наряжались изъ тѣхъ мѣстъ, которыя „ближе“ къ мѣсту производства работъ [3]), но чаще собирались со всего государства по числу дворовъ. По подсчету Милюкова, въ періодъ съ 1699 по 1709 годъ „было занято работами, считая только дѣйствительно явившихся и принимая, въ случаѣ двухъ перемѣнъ въ году, половинное число, не менѣе 16.754 человѣкъ, среднимъ числомъ, ежегодно“ [4]).

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 19, л. 60.

[2]) См. у Лаппо-Данилевскаго, Организація прям. обложенія, 377 и сл.; ср. В. И. Сергѣевича, Древности, т. III, 171 и сл., Спб., 1903.

[3]) Напр., изъ служилыхъ людей бѣлгородскаго и сѣвскаго полковъ для работъ на Воронежской верфи (Елагинъ, Исторія рус. флота, приложенія, т. I, 480). Съ цѣлью снабженія работниками и деньгами Олонецкой верфи къ ней, въ 1707 г. было приписано нѣсколько городовъ съ уѣздами и волостями (П. С. З., IV, № 2168).

[4]) Милюковъ, Государств. хозяйство, 203.

Въ ближайшіе послѣ того годы работники и мастеровые должны были поставляться въ неменьшемъ числѣ. Такъ, указомъ 31 декабря 1709 года были опредѣлены съ губерній „въ С.-Петербургъ къ городовому строенью“ для работъ слѣдующаго 1710 года 40.000 человѣкъ, въ двѣ перемѣны, считая въ каждой 20.000; по наряду же велѣно было собрать для работъ 43.928 человѣкъ [1]).

Въ слѣдующемъ 1710 году былъ назначенъ такой же общій наборъ со всѣхъ губерній въ С.-Петербургъ. Объ этомъ узнаемъ изъ указа 18 августа 1710 года кн. Гагарину, сибирскому губернатору, гдѣ читаемъ: „Надобно вамъ приложить свои труды и основать заранѣе, чтобы съ вашей губерніи на будущій 711 годъ были распоряжены (противъ посланныхъ къ вамъ вѣдомостей при семъ) работники сюда къ городовому дѣлу и выслать ихъ сюда на указные сроки сполна безъ задержанія, перепоруча круглою порукою“. Ниже въ томъ же указѣ пояснено, что „съ Сибирской губ. надобно выслать работныхъ въ первую перемѣну 1.229 чел., денегъ имъ по 1 руб. на мѣсяцъ на каждаго человѣка, итого на 3 мѣсяца 3.687 руб.“, въ другую перемѣну — „противъ того жъ“ [2]). Подобный же нарядъ работниковъ былъ про-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2240; ср. № 2448.

Къ тому же набору относится слѣдующій указъ 17 января 1710 г.: „В. Государь, будучи въ Преображенску на генеральномъ дворѣ въ консиліи, указалъ по именному своему государеву указу работныхъ людей изъ городовъ первой половины, собранныхъ у воеводъ, принять, а недоборныхъ въ указное число добравъ сполна, отвесть въ С.-Петербургъ на указные сроки февр. 1, апр. 1, іюля 1-жъ числа нынѣшняго 1710 г. дворянамъ, присланнымъ изъ разряду“ (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 1, л. 37).

[2]) *Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 8, л. 61—62. 14 сентября 1710 же года этотъ указъ о работникахъ вновь подтверждается, съ нѣкоторымъ добавленіемъ: „Сверхъ вышеписаннаго числа надлежитъ на Сибирскую губ. прибавить работниковъ 115 чел. вмѣсто Азовской и Кіевской губерній для того, что тѣ обѣ губерніи опредѣлены работниками къ Азову и къ Троицкому, и всего надобно сюда съ Сибирской губ. работниковъ выслать по 1.344 чел.“ (*Тамъ же*, л. 77, 78; такое же число работниковъ упоминается и въ указѣ 1712 года—П. С. З., IV, № 2448).

Указъ 17 октября 1710 г. тому же Гагарину повторяетъ прежній указъ 14 сентября о работникахъ, при чемъ въ припискѣ читаемъ: „Работниковъ съ Сибирской губ. ежели за дальностью сюда высылать будетъ немочно, то сберите за нихъ деньги противъ того-жъ, по чему съ нихъ платили въ помѣстный приказъ и высылайте напередъ къ Ульяну Синявину“ (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 8,

изведенъ и въ другихъ губерніяхъ, только онъ при сборѣ совсѣмъ не достигъ 40-тысячной нормы; по словамъ указа Петра сенату 29 сентября 1711 г., „нынѣшнее лѣто за турскою войною зело мало въ высылкѣ было работныхъ въ С.-Петербургъ“ [1]).

Кромѣ общаго наряда въ 40.000, въ томъ же году было велѣно выслать въ С.-Петербургъ на вѣчное житье мастеровыхъ 4.720 человѣкъ для адмиралтейскихъ и городовыхъ работъ, и собрать на каждаго по 22 руб. [2]). Затѣмъ указомъ

л. 87). Наконецъ, 19 ноября того же года: „Работниковъ съ Сибирской губ. конечно надобно вамъ сюда высылать, ибо съ Вятки, съ Соли Камской, съ Кай Городка, съ Кунгура, съ Еренска, съ Перми Великой и напредъ сего работники сюда были высланы, а другимъ городамъ Сибирской губ., которые удалѣли, надобно онымъ помогать деньгами или инакъ, какъ лучше, чините по своему разсмотрѣнію, токмо чтобы указное число работниковъ съ Сибирской губ. было здѣсь въ поставкѣ въ указные сроки сполна“ (л. 95).

[1]) П. С. З., IV, № 2448 (упоминается объ указѣ 31 октября 1710 г. о сборѣ работниковъ на 1711 г. съ Московской губ.); Докл. и приг., III, кн. II, 962 (съ Казанской); письмо Петра изъ Карлсбада сенату 29 сентября — *Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 4, л. 77.

[2]) Объ этомъ въ именномъ указѣ 18 августа 1710 г. кн. Гагарину читаемъ: „Г. полковникъ и комендантъ! Понеже здѣсь немалая есть нужда въ мастеровыхъ людѣхъ у адмиралтейства и у городовыхъ дѣлъ, которыхъ надобно 4.720 чел., и оное число опредѣлили мы нынѣ собрать съ губерній, въ томъ числѣ съ Сибирской надлежитъ взять съ посадовъ и съ уѣздовъ 299 чел., а сколько какихъ мастеровыхъ порознь, тому при семъ роспись и выслать оныхъ сюда на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми, а дворы, гдѣ имъ жить, будутъ готовы, и опредѣли ихъ отъ себя изъ губерніи на годъ жалованьемъ, а именно, деньгами по 12 руб., да на хлѣбъ по 10, итого по 22 руб. человѣку, и собравъ тѣ деньги, привезите съ собою въ Петербургъ... и чтобы оные мастеровые стали здѣсь, кончая о праздникѣ Рождества Христова всѣ сполна съ добрыми провожатыми и велите ихъ перепоручить другъ по другѣ круглою порукою, дабы они дорогою идучи не разбѣжались, чтобъ впредь того не взыскано было на васъ“; при указѣ приложена роспись 299 чел. мастеровыхъ (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 8, л. 60; ср. Докл. и приг., II, кн. II, 455 и сл.). Второй указъ 19 ноября дополнительно сообщалъ: „Понеже избы здѣсь, гдѣ имъ жить, къ тому времени не поспѣютъ, того для чтобъ они стали здѣсь въ первыхъ числахъ марта мѣсяца“ (л. 95).

Къ этому сбору, очевидно, относится „вѣдомость“ мастеровымъ людямъ 30 ноября 1711 г. такого рода:

Губерніи.	Надлежало	Прислано	Недослано
Московская	1417	1094	— 323
Кіевская	199	202	+ 3
Смоленская	298	299	+ 1
Казанская	667	645	— 35
Архангелогородская	555	508	— 54
Азовская	251	6	— 245
Сибирская	299	215	— 85

24 іюля опредѣлено нарядить туда же 3.000 работниковъ съ принадлежащими къ ихъ работѣ инструментами съ городовъ Московской губ. [1]).

Незначительная высылка работниковъ въ 1711 году была причиной того, что самъ Петръ въ письмѣ 29 сентября писалъ собственноручно въ особой припискѣ сенату: „Потщитесь къ будущему лѣту и къ сей зимѣ указное число (работныхъ въ С.-Петербургъ) сполна выслать“. Сенатъ приговоромъ 7 ноября опредѣлилъ: „Изо всѣхъ губерній въ 712 году въ С.-Петербургъ работныхъ людей съ отводчики и съ провожатыми со всякими припасы выслать, а съ оставшихъ дворовъ деньги собрать“, „работниковъ 40.000 человѣкъ, денегъ 100.000 руб.“ [2]).

Въ томъ же 1711 году велѣно было выслать къ 10 апрѣля 300 каменщиковъ въ Азовъ и Троицкой, собрать плотниковъ 1.400 человѣкъ (по указу 24 мая) для работъ на Воронежѣ и, кромѣ того, нарядить 4.000 плотниковъ (по указу 20 сентября того же 1711 года) въ С.-Петербургъ для строенія бригантинъ [3]).

Въ слѣдующемъ году, сверхъ 40.000 работниковъ (резолюціей 16 января), было опредѣлено: для строенія на о. Котлинѣ фортеціи и жилья „наложить на всѣ губерніи нынѣ 3.000 человѣкъ“, „чтобъ сію работу начать во имя Господне сего лѣта“, при чемъ „работникамъ быть 3.000 лѣтомъ, а зимою вполы“ [4]).

Всего надлежало 3.685, прислано 2.940, сверхъ указнаго числа 26, не дослано 717, а если не зачитать пересыльныхъ—746 (*Г. А., разр.* XXVI, л. 346 и сл.; цыфры приводятся такъ, какъ стоятъ въ подлинной вѣдомости).

[1]) П. С. З., IV, № 2282; ср. № 2284, 2289. О 60-ти каменщикахъ съ С.-Петербургской губ. (№ 2380).

[2]) П. С. З., IV, № 2448. Ср. доношеніе оберъ-комисара У. Синявина 27 авг. 1712 г. о томъ, что изъ губерній не дослано 10.268 работниковъ, сенатскую выписку и приговоръ 15 сент. о высылкѣ недосланныхъ работниковъ безъ замедленія (Докл. и приг., II, кн. II, 225—227, 456 и сл.).

[3]) П. С. З., IV, № 2380, 2362, 2427.

[4]) Тамъ же, IV, № 2467, п. 13; ср. указъ сената 6 февраля о томъ же — № 2479; Докл. и приг., II, кн. I, 78; кн. II, 365—371; указомъ 12 окт. опредѣлено съ Сибирской губ., какъ слишкомъ отдаленной, вмѣсто работниковъ брать деньгами—№ 2594; 30 ноября 1713 г. на Котлинъ наряжаются 6.000 чел. изъ одной Архангелогородской губерніи—№ 2744.

Общій же нарядъ на 1713 годъ былъ установленъ приговоромъ сената 30 декабря 1712 года по почину оберъ-комисара У. Синявина, который особымъ доношеніемъ (16 дек. 1712 г.) сообщалъ сенату, что „работныхъ людей въ С.-Петербургъ приводцы приводятъ самые бездѣльные, отъ которыхъ работные люди бѣгутъ, также многіе работные люди приходятъ сами безъ именныхъ списковъ, и отъ того съ губерній въ С.-Петербургъ работнымъ людямъ чинится великая недосылка, также и работные люди дорогою идутъ медленно и приходятъ въ С.-Петербургъ, упустя удобное время", и просилъ, чтобы сенатъ распорядился, „дабы тѣхъ работныхъ людей присылать съ указными снастьми", „съ добрыми приводцы и съ провожатыми" и „на указные сроки", и деньги высланы были бы „на опредѣленные указные сроки въ С.-Петербургъ немедленно".

Отвѣтомъ былъ приговоръ сената о нарядѣ изъ всѣхъ губерній работниковъ въ числѣ 37.000 чел. для работъ при С.-Петербургѣ и 3.000 чел. для работъ на о. Котлинѣ [1]).

Указомъ 30 ноября 1713 года велѣно къ слѣдующему 1714 году нарядить работниковъ въ С.-Петербургъ „къ городовымъ дѣламъ" 34.000 человѣкъ и 6.000 на островъ Котлинъ [2]). 1714 годъ прошелъ въ работахъ этого наряда; лишь къ концу года оказалось, что работы на Котлунѣ заканчивались и нѣкоторыхъ работниковъ можно было отпустить по домамъ до срока [3]).

Въ томъ же 1714 году были наряды небольшого числа работниковъ: по указу 5 марта „для трепки, разбора, вязки въ бунты и для бракованья пеньки"; приговоромъ 8 ноября требовалась высылка 2.402 человѣкъ мастеровыхъ разныхъ наименованій [4]).

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 455—468; съ Сибирской губ. постановлено взять за работниковъ деньгами „по 15 руб. за человѣка".

[2]) П. С. З., V, № 2744. Кромѣ того, указомъ 16 янв. велѣно собрать мастеровыхъ съ губерній и отправить на вѣчное житье въ С.-Петербургъ (№ 2626; ср. Докл. и приг., IV, кн. II, 1090); 16 ноября—на тульскіе оружейные заводы (№ 2736).

[3]) Докл. и приг., IV, кн. II, 1085.

[4]) Тамъ же, IV, кн. I, 358, 359, 457; кн. II, 1078. Роспись мастеровыхъ людей для адмиралтейства, размѣченную собственною Е. Ц. В. рукою, 29 окт.

Кромѣ общихъ наборовъ съ губерній практиковались наборы работниковъ и съ отдѣльныхъ городовъ и губерній для своихъ мѣстныхъ нуждъ. Такъ, сенатскимъ приговоромъ 30 марта 1713 года, по представленію изъ Кіевской губ., опредѣлено: „Для нынѣшняго военнаго случая Кіево-Печерскую крѣпость и другія гварнизонныя крѣпости починить“, также, „гдѣ пристойно, крѣпости-жъ сдѣлать, чтобъ отъ непріятельскаго проходу было благонадежно, кіевскому губернатору Кіевской и Азовской губерній работными людьми изъ однодворцевъ; а у того строенья быть изъ губерній по 6.000 чел., всего 12.000 чел., въ томъ числѣ съ лошадьми и съ телѣги по 3,000 чел.“; съ „остаточныхъ однодворцевъ“ собрать на 5 мѣсяцевъ на каждаго работника по 2 руб.; тѣми же работниками „починить въ Азовской губ. по чертѣ городы и въ пристойныхъ мѣстѣхъ крѣпости той губерніи“ [1]).

Также было поступлено и относительно Москвы. Когда выяснилось, что болверки въ томъ городѣ „въ разныхъ мѣстахъ попортились“, то сенатъ (26 іюня 1714 г.) постановилъ: укрѣпленія „починить, собравъ работныхъ людей съ московскихъ жителей, какъ и прежде сего у строенія оной фортеціи работали“ [2]).

Въ общемъ ежегодное число работниковъ (въ первое пятилѣтіе съ 1710 года) не сокращается противъ предшествующаго времени. Кромѣ того слѣдуетъ помнить то обстоятельство, что по указу 12 ноября 1707 года разные города съ количествомъ дворовъ въ 79.983 были приписаны къ разнымъ работамъ: къ постройкѣ кораблей, магазина для провіанта, починкѣ мостовъ, изготовленію лѣсовъ, жженію извести и т. п. [3]). Въ 1712 году къ адмиралтейству были приписаны для производства работъ 4 города и волость Чаронда [4]).

1714 г. см. въ *Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 6, л. 258 и 259. Къ сбору плотниковъ изъ „поповичей“ по указу 8 ноября см. Докл. и приг., V, кн. I, 185; Сборн. И. О—ва, XI, 286.

[1]) Докл. и приг., III, кн. I, 178; ср. 134.

[2]) Тамъ же, IV, кн. I, 574; указомъ 18 дек. 1707 г. велѣно на работѣ быть „съ Москвы съ 3-хъ домовъ по человѣку“ (П. С. З., IV, № 2176).

[3]) П. С. З., IV, № 2168.

[4]) Докл. и приг., III, кн. I, 132.

Работники обыкновенно были при работахъ по нѣсколько мѣсяцевъ; при нарядѣ, напр., въ С.-Петербургъ къ городовому строенію одна половина работниковъ должна была находиться при работахъ съ 1 февраля по 1 мая, а другая—съ 1 іюля по 1 октября.

Разумѣется, на столь продолжительное время для работныхъ людей требовалась одежда, орудія, инструменты и продовольствіе; доставка всего этого лежала на томъ населеніи, которое выставляло работниковъ. Плотникамъ, напр., собраннымъ въ 1705 году со всего государства со 100 дворовъ по человѣку и посланнымъ на Воронежъ, требовалось дать одежды: шубу, кафтанъ сѣрый, шапку, руковицы, штаны и онучи [1]). Изъ 20.000 работниковъ, опредѣленныхъ къ работамъ въ С.-Петербургѣ, 3.000 человѣкъ должны были явиться „съ плотничными снастями, съ топорами; а у всякаго-бъ десятника было по долоту, по бураву, по позднику, по скобели“ [2]).

О продовольствіи въ указахъ говорилось: „А хлѣба и запасу тѣмъ работнымъ людямъ взять съ собою, чѣмъ въ дорогѣ сытымъ быть до указного мѣста, до С.-Петербурга, а больше того хлѣбныхъ запасовъ не имать для того, въ С.-Петербургѣ дано будетъ имъ Е. В. Г. хлѣбное жалованье и денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ каждому“.

Можно подумать, что работникамъ выдавалось на продовольствіе изъ суммъ общегосударственныхъ. Но это было не совсѣмъ такъ. Одновременно со сборомъ работныхъ людей „съ оставшихъ дворовъ, которые въ домѣхъ оставались“, сбирались по указу деньги, на 40.000 человѣкъ 100.000 руб., которые должны были быть присланы къ 1-му марту „на покупку хлѣба и на дачу“ работникамъ жалованья [3]), такъ что по су-

---

[1]) Докл. и приг., I, кн. I, 104; П. С. З., IV, № 2362.

[2]) П. С. З., IV, № 2240 (указъ 31 дек. 1709 г.).

[3]) П. С. З., IV, № 2240, 2448, 2744. При высылкѣ изъ Московской губ. въ С.-Петербургъ 3.000 работниковъ въ 1710 году 1 работникъ приходился съ 35 дворовъ, а оставшіеся 34 двора должны были платить на его продовольствіе по 2 алтына по 2 ден. со двора (№ 2284); при сборѣ работниковъ въ Кіевской и Азовской губ. 1713 года, когда въ числѣ 12.000 требовалось выставить по 3.000 человѣкъ съ лошадьми и съ телѣгами, „съ остаточныхъ однодворцевъ“ сбиралось на 5 мѣсяцевъ по 2 руб. на каждаго работника (Докл. и приг., III, кн. I, 178).

существу на населеніи лежала обязанность не только поставлять работниковъ, но и содержать ихъ въ теченіе всего хода работъ.

На населеніи лежала обязанность поставлять мастеровыхъ и работниковъ въ требуемомъ количествѣ сполна. Къ тому предпринимался цѣлый рядъ мѣръ. Такъ, по указу 24 августа 1710 г., работниковъ нужно было высылать въ С.-Петербургъ, „перепоруча ихъ круглою порукою, дабы не разбѣжались, и приставить надъ ними тѣхъ вотчинъ и деревень прикащиковъ или помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ людей, чьи тѣ деревни“, откуда взяты работники, и „приказать имъ накрѣпко, чтобы они за работниками смотрѣли“, а „надъ ними (поставить) добрыхъ отставныхъ дворянъ и воеводъ, которые-бъ за прикащики смотрѣли и въ С.-Петербургѣ сполна работныхъ людей отдавали“ [1]). Мало того, позднѣе (указомъ 15 февр. 1712 г.) мастеровыхъ и плотниковъ должно было осматривать самимъ губернаторамъ [2]).

Не смотря на такія мѣры, работниковъ часто высылали меньше требуемаго числа или они со станцій, съ дороги и даже съ мѣста работъ бѣжали. Противъ перваго, т. е. недосылки работниковъ или денегъ на ихъ содержаніе издавались строжайшіе указы, посылались нарочные. Въ подобныхъ случаяхъ самъ Государь приказывалъ сенату сдѣлать внушеніе мѣстнымъ властямъ, высказывая свое удивленіе тому, что „такія дѣла у нихъ (сенаторовъ) забвенію преданы“, и требовалъ распорядиться, чтобы губернаторы „какъ наискорѣе“ выслали деньги на содержаніе работниковъ „подъ штрафомъ“, „да и впредь, сообщалось въ указѣ (15 апр. 1712 г.), по вся годы велѣть имъ высылать конечно въ февралѣ и въ мартѣ мѣсяцахъ, чтобъ отъ того какъ въ покупкѣ на работниковъ хлѣба, такъ и въ прочихъ городовымъ дѣламъ припасовъ нималой остановки не было“ [3]).

---

[1]) П. С. З., IV, № 2289.

[2]) Тамъ же, № 2485: „губернаторамъ пересматривать самимъ, чтобъ тѣ мастеровые люди и плотники были заобычные и не дряхлые и не увѣчные“, „и тѣмъ мастеровымъ людямъ и плотникамъ посылали-бъ списки за своими руками“.

[3]) П. С. З., IV, № 2517. О количествѣ бѣглыхъ можетъ дать представлніе слѣдующая выписка: „Съ дворцовыхъ волостей въ высылкѣ работныхъ людей отъ разныхъ городовъ по спискамъ—въ 709-мъ 2269, изъ того числа съ дороги бѣжало 337, по дорогѣ за болѣзнями осталось 77, умре 2, въ пріемѣ на лицо 1853

Сенатъ въ свою очередь предпринималъ мѣры къ тому, чтобы недосланные работники были собраны, Такъ, напр., 4 окт. 1711 года были посланы въ города подьячіе, которымъ велѣно: „О высылкѣ достальныхъ работниковъ чинить по прежнимъ указамъ подъ жестокимъ безпощаднымъ страхомъ, чтобы тое недосылку оберъ-командиры отправили при нихъ, подьячихъ, а огурщикамъ и старостамъ и лучшимъ крестьянамъ чинить жестокій указъ" [1]).

Чтобы заполнить убыль работниковъ, происходившую отъ бѣгства ихъ, сенатъ приказываетъ бѣглыхъ сыскивать, а если ихъ не окажется, то брать иныхъ „съ тѣхъ же помѣщиковъ", или просто вмѣсто бѣглыхъ высылать „безъ мотчанія" изъ той же губерніи другихъ работныхъ людей и мастеровыхъ въ томъ же числѣ, хотя бы той губерніей работники и были доставлены въ полномъ комплектѣ и по новымъ указамъ требовалось вновь высылать работниковъ по новымъ нарядамъ [2]).

Если принять во вниманіе, что каждый годъ съ губерній требовалось болѣе 20.000 человѣкъ годовыхъ работниковъ и разнаго рода мастеровыхъ, а въ двѣ перемѣны болѣе 40.000, которыхъ слѣдовало снабдить одеждой, инструментами и деньгами на прокормленіе; что среди работныхъ было развито бѣгство, причемъ нерѣдко они, убѣгая отъ работъ, въ свои прежнія села и деревни не возвращались, и, наконецъ, они часто такъ на работахъ и умирали, то станетъ понятнымъ, что сборъ мастеровыхъ и работниковъ нерѣдко велъ за собой „пустоту" дворовъ: пустѣли не только дворы, изъ которыхъ взяты работники, но разорялись и пустѣли дворы и сосѣдей, которые, спасаясь отъ такихъ нарядовъ, бѣжали въ иныя мѣста [3]).

въ 710-мъ 2047, изъ того числа бѣжало 322, на дорогѣ за болѣзнями осталось 109, умре 4, въ пріемѣ на лицо 1612" (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 13, л. 344).

[1]) П. С. З., IV, № 2448.

[2]) Приговоры сената о сыскѣ бѣглыхъ работниковъ и мастеровыхъ и о высылкѣ вмѣсто „бѣглыхъ и недосланныхъ" иныхъ см. въ Докл. и приг., I, 401; IV, кн. I, 245, 358—359; ср. 457, 597; кн. II, 964 (изъ 3.000 съ дороги бѣжало 672 чел.), 1.006.

[4]) Пустѣли дворы и отъ „взятья на вѣчное житье" мастеровыхъ, каменщиковъ, плотниковъ и др. Но такая „пустота" была лишь мѣстной; въ сущности, населеніе отъ перевода съ одного мѣста на другое не уменьшалось. О пустотѣ отъ сбора работниковъ см. въ Докл. и приг., III, кн. II, 1012, 1015, 1092; IV, кн. I, 143, 282, 541 и др.

3. Квартирная повинность.

На населеніи лежала обязанность отводить квартиры воинскимъ командамъ, рекрутамъ и работникамъ, разнаго рода начальствующимъ и командируемымъ. Наиболѣе тяжелой была обязанность давать постой войскамъ при ихъ сборѣ, маршахъ и расположеніи на зимнія квартиры. Казармъ, специальныхъ помѣщеній въ то время не было, а воинскіе чины распредѣлялись по обывательскимъ дворамъ [1]). Хотя и были установлены правила расквартированія полковъ, офицерамъ и солдатамъ внушалось, что обывателямъ не должно чинить обидъ и разоренья, однако внушенія не дѣйствовали, и населеніе обычно жаловалось на тягости, связанныя съ постоемъ и пребываніемъ воинскихъ командъ.

Такъ, въ Москвѣ, гдѣ, казалось, скорѣе всего можно было бы придерживаться установленныхъ порядковъ и находить защиту отъ притѣсненій, все же, не смотря на многочисленные указы и распоряженія мѣстныхъ властей, офицеры и солдаты, по признанію губернской канцеляріи, часто ставятся на квартиры самовольно, переходятъ съ одного двора на другой и разными способами доставляютъ убытки домохозяевамъ. Неудивительно, что благодаря такому положенію, какъ оказалось по справкѣ въ ратушѣ, „челобитье было многое отъ старостъ и отъ слободскихъ людей на офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ въ томъ, что они ставятся безъ ратушскаго отвода и безъ слободскихъ старостъ насильствомъ и чинятъ имъ многое разореніе и убытки“ [2]).

Если такъ дѣло обстояло въ столицѣ, то тѣмъ болѣе были возможны притѣсненія обывателей со стороны воин-

---

[1]) Д. Масловскій, Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра В. и Елизаветы, М., 1883, стр. 80. Плакатомъ 1724 г. (П. С. З., VI, № 4533) устанавливался казарменный способъ размѣщенія войскъ. Ср. Лапидевскаго, Исторія казарменнаго помѣщенія въ Россіи (Инженерн. журналъ, 1881, № 4).

[2]) Изъ доношенія Московской губерніи 1713 года, по поводу котораго состоялся сенатскій указъ 7 сент. „объ отводѣ квартиръ гарнизоннымъ и другимъ полкамъ, о незаниманіи имъ квартиръ самовольно и нечиненіи хозяевамъ обидъ“ (Докл. и приг., III, кн. II, 712, 713; П. С. З., V, № 2712).

скихъ команъ въ провинціяхъ и уѣздахъ. Что они были въ Архангелогородской губ., напр., это видно изъ сенатскаго указа 20 іюня 1715 года, который гласилъ: „На Вологдѣ въ слободахъ офицерамъ и другихъ чиновъ людямъ и иноземцамъ постой отводить изъ архангелогородской губернской канцеляріи, какъ Е. В. Г. указъ повелѣваетъ, а на тяглые и бѣломѣстные, которые на Вологодскомъ посадѣ, дворы, на всѣ безобходно поочереди, съ вѣдома земскихъ бурмистровъ; а самимъ собою безъ указа отнюдь не ставиться и никому не отводить и съ двора на дворъ не переходить и обидъ и налоговъ хозяевамъ никакихъ не чинить“ [1]).

Какъ себя иногда вели воинскія команды,—наглядную иллюстрацію даютъ отписки лихвинскаго и рославльскаго комендантовъ и бурмистровъ и доношенія сенату Рижской губерніи, гдѣ расквартированы были драгунскіе полки генераловъ Боура и Гинтера. Въ нихъ приводятся многочисленные случаи, когда драгуны, остановившись на дворахъ помѣщиковъ и крестьянъ, чинили „разореніе и обиды“, брали провіантъ и фуражъ самовольно, „не противъ указу“, ломали изгороди, постройки, таскали бревна, приготовленныя для строеній, и жгли ихъ, косили въ полѣ овесъ на кормъ лошадямъ, забирали въ огородахъ овощи, а въ иныхъ случаяхъ даже производили буйства и грабежи.

Такъ, напр., въ челобитьѣ вдовы ген.-маіора Екатерины Лярской сообщалось, что въ ея вотчину дер. Шафорово Смоленскаго уѣзда, наѣхали (18 апр. 1715 г.) драгуны Пермскаго полка, свыше 10 человѣкъ во главѣ съ поручикомъ Михаиломъ Колупановымъ; наѣхали „съ ружьемъ заряженымъ“ и „стали ея крестьянъ той деревни и переѣзжихъ людей бить смертнымъ боемъ и рубили палашами безвинно и, невѣдомо за что, изъ той деревни крестьянъ безъ остатку разогнали, а кого застали во дворахъ, порубили и, завязавши за шею веревками, на лошадяхъ по улицѣ волочили немилосердно и разметали ихъ всякіе пожитки повсюду и похвалялись, ругая, оные драгуны всякими скверными словами“; „иныхъ крестьянъ,—продолжаетъ

---

[1]) П. С. З., V, № 2917.

писать челобитчица,—какъ вышепомянутые драгуны, наѣхавъ, разогнали, и донынѣ нѣтъ; а также оные драгуны и до сего времени многія обиды и разореніе чинили крестьянамъ и вымышляли харчь не противъ указу, также сѣно и овесъ излишнее брали и лошадей, куда понадобится, безпрестанно брали и нынѣ берутъ, а иныхъ лошадей подоѣзжали и до смерти, а крестьянъ бьютъ и увѣчатъ".

Тамъ же приводятся и другіе случаи притѣсненій со стороны воинскихъ чиновъ. Такъ, напр., кап. Начаткинъ въ дворцовой Руцкой волости оброчнымъ озеромъ бурмистровъ той волости и земскихъ старостъ „насильствомъ своимъ завладѣлъ и ловилъ рыбу на себя, а имъ ловить не давалъ". Поручикъ Артемій Кошинъ для своихъ драгунъ взялъ съ крестьянъ дворцовой Порѣцкой волости не только ржи, пшеницы, крупъ гречневыхъ и гороху довольное число, но кромѣ того „быка большого, тушу свиную, 40 свиныхъ окороковъ, соль бралъ съ пріѣзду и до отъѣзду на всякій день съ 10 дворовъ по $1^1/_2$ кварты"; мало того, „всякаго съѣстного харча" бралъ съ крестьянъ не только себѣ, но и „женѣ своей и дворовымъ людемъ своимъ", да 7 лошадямъ бралъ сѣна безъ вѣсу; а изъ хлѣба „выгналъ вина про себя, да на пиво взялъ съ нихъ 3 солянки солоду".

Драгуны, будучи на тѣхъ квартирахъ, по сказкѣ земскаго старосты Порѣцкой волости, не только требовали себѣ достаточныхъ „съѣстныхъ харчей", такъ что „въ мясные дни исходило имъ всякаго съѣстного харчю по 3 алт. 2 д., а въ постные дни на рыбу и на покупку конопляннаго масла по 2 алт. по 4 д. въ сутки, окромѣ печенаго хлѣба и соли", но они, драгуны, не забывали и своихъ лошадей, требуя имъ сѣна на кормъ „со удовольствіемъ безъ вѣсу" и беря „драгунскимъ лошадямъ и на подстилку то-жъ сѣно", а сверхъ того овса больше четверика 2 лошадямъ на двое сутокъ, очевидно, тоже „со удовольствіемъ" [1]).

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. II, 646—654. Въ 1715 году жители г. Риги жаловались на „обиды и разоренія", претерпѣваемыя ими со стороны армейскихъ полковъ кн. Репнина (V, кн. I, 441 и сл.).

Въ тѣхъ же челобитьяхъ крестьяне и помѣщики жаловались на драгунъ, обвиняя ихъ въ воровствѣ, грабежахъ, поджегахъ, въ бою, въ увѣчьи и даже убійствахъ.

Вѣроятно, во всѣхъ этихъ жалобахъ была извѣстная доля преувеличенія, но что въ нихъ въ основѣ была правда, на это указываетъ то обстоятельство, что мѣстныя власти приняли сторону населенія, а губернаторъ Петръ Голицынъ, сообщивъ кратко сенату о разореніи и обидахъ обывателей, вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ экстрактъ изъ отписокъ и доношеній, въ которомъ были изложены челобитья обывателей, а затѣмъ къ тому присоединилъ слѣдующее представленіе. „Прошу, писалъ онъ сенату, вашего сіятельства въ вышереченныхъ обидахъ учинить огражденіе и милостивымъ воспретить указомъ, чтобъ того впредь не чинили, а если тако наквартированныя и проходящіе чрезъ Рижскую губернію полки или какіе служивые люди производить будутъ, то отъ многихъ тягостей" „поселяне могутъ въ наивящшую пріитить скудость и разореніе, такъ что и достойные съ нихъ въ казну Ц. В. подати могутъ остановиться" [1]).

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. II, 646. Сенатъ приговоромъ 18 іюля 1715 г. постановилъ: о разореніи и обидахъ обывателей „розыскать, или для того розыску послать нарочнаго, кого пристойно" ген.-майору Глѣбову и „по розыску указъ учинить" „безъ мотчанія" (654).

Что солдаты и матросы производили буйства, о томъ идутъ свѣдѣнія съ самыхъ разныхъ сторонъ. Напр., въ челобитьи мастера денежнаго двора Ивана Исаева разсказывается слѣдующее. 23 февр. 1707 г. жена мастера Авдотья провожала за ворота свойственниковъ, и въ это время у воротъ „напали на нее солдаты 3 человѣка и учали бить по щекамъ"; когда же она отъ нихъ ускользнула во дворъ и ворота заперла, то „тѣ солдаты учали ворота ломать и у воротъ верхнія доски выломали, а онъ, Иванъ, въ то число спалъ въ горницѣ, а какъ ему сказали, и онъ, сошедъ изъ горницы въ подклѣтъ и въ окошко говорилъ имъ, для чего они, солдаты, чинятъ такое озорничество"; тогда они, „вынявъ изъ наженъ свои шпаги, учали его въ окошкѣ колоть и прокололи ему нижнюю губу и зубы выбили". Въ то время ѣхали мимо дома какіе-то люди, они подбѣжали къ дому мастера на выручку, солдатъ отогнали, а у одного изъ нихъ выхватили шпагу и отдали Ивану Исаеву, который вскорѣ и отправился въ приказъ воинскихъ морскихъ дѣлъ „для записки ранъ своихъ".

Но у дворцовыхъ курятныхъ воротъ попался ему одинъ солдатъ изъ нападавшихъ и закричалъ „караулъ", а затѣмъ свелъ мастера на потѣшный дворъ съ той шпагой, а оттуда мастеръ былъ отосланъ въ приказъ морскихъ дѣлъ, гдѣ его посадили за рѣшетку и держали „многое время".

Только по его челобитью (27 февр.) указомъ 1-го марта того же 1707 года велѣно было изъ приказа воинскаго морского его освободить и передать въ вѣ-

Расквартированіе полковъ по уѣздамъ въ связи съ обязанностью населенія доставлять имъ провіантъ и фуражъ разсматривается обычно, какъ тягость, которая при томъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ превратиться въ „тягость излишнюю", „нужду", въ крайнее обремененіе. Вотъ что писали въ канцелярію сената изъ Кіевской губ. по поводу расквартированія полковъ въ той губерніи (26 марта 1714 г.): „Армейскіе полки, которымъ опредѣлено имѣть квартиры въ городахъ Кіевской губерніи, за непоставкою доимочнаго провіанта съ другихъ губерній, чего не доставлено по наряду прошлаго 713 года, также и лантъ-милеса солдаты провіантомъ и фуражемъ довольствуются съ одной Кіевской губ. съ городовъ, въ которыхъ станціи и которые въ близости къ нимъ приписаны по опредѣленію, какъ расположено до отворенія кампаніи. И изъ того провіанта тамошніе обыватели хлѣбы пекутъ и крупу имъ варятъ купно съ своимъ варивомъ. А ежели оные полки поставятся въ уѣздахъ по дворамъ, и отъ того обывателямъ имѣетъ быть тягость излишнея и платежъ двойной: первое, положенный съ нихъ провіантъ и фуражъ на станціи привезенъ и оные полки довольствуются, а когда поставлены будутъ въ уѣздѣ по дворамъ, довольствовать имъ же, а въ уѣздѣ многіе обыватели есть такіе, которые и себѣ дневной пищи не имѣютъ; и того двойного платежа исправить имъ немочно. И ежели двойнымъ платежемъ понуждены будутъ, опасно, чтобъ отъ такой тягости не разбѣжались, и чтобъ Кіевской губерніи за вышеобъявленною передъ другими губерніями излишнею тягостью настоящіе доходы въ положенный окладъ собрать, понеже за онымъ постоемъ и за непріѣздомъ изъ уѣздовъ въ города обывателей въ настоящихъ сборахъ чинится неисправленіе и въ таможняхъ и на кабакахъ недоборъ многій".

дѣніе его непосредственнаго начальства боярина кн. П. И. Прозоровскаго, начальника приказа большой казны (*А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 19, л. 132).

Посошковъ писалъ: „При квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что исчислить ихъ неможно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше ихъ чинятъ: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ недостанетъ, то и надобной лѣсъ рубятъ" (Сочиненія, I, 33).

Охарактеризовавъ такъ ярко послѣдствія расквартированія полковъ по уѣздамъ при сложившихся обстоятельствахъ, губернскія власти просили сенатъ избавить Кіевскую губернію отъ отягощенія и о провіантѣ и расквартированіи полковъ „указъ учинить“ [1]).

Квартирная повинность лежала на всемъ тягломъ населеніи и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отъ нея освобождались небольшія группы лицъ [2]). Наиболѣе же тяжелой она была для жителей городовъ, слободъ и пригородовъ, а также для обывателей, живущихъ по большимъ проѣзжимъ дорогамъ, по которымъ чаще всего передвигались работники, рекруты и войска.

4. Подводная повинность.

Населеніе обязано было отправлять подводную повинность. Въ прежнее время (въ XVII вѣкѣ) населеніе, кромѣ постояннаго отправленія ямской повинности, по словамъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, „иногда, въ исключительныхъ случаяхъ,

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 395 и сл.

[2]) Такъ, напр., особыми указами освобождены были отъ постоя дворцовые плотники (П. С. З., V, № 2665), сенатскіе подьячіе (№ 2717), крестьяне дворцоваго села Танинскаго Московской губ. (Докл. и приг., III, кн. II, 1195).

Объ отводѣ квартиръ см. слѣдующія постановленія: „сыщикамъ, которые посланы будутъ въ городы для какихъ дѣлъ“, предписывалось „давать постоялые дворы посадскихъ и бѣломѣсцевъ разныхъ чиновъ людей поочередно“ (П. С. З., № 1819 ст. 5). Въ наказѣ 1699 г. кн. Н. Репнину ст. 6: новоприборныхъ людей „пересмотря, разобравъ, сводить въ одинъ городъ по 500 чел., а въ Казань свести 1.000 и больше и ставить ихъ на постоялыхъ дворѣхъ“ (Описаніе М. А. М. Ю., V, прилож., 40). Въ наказѣ 1705 г. стольникамъ, посланнымъ для сбора рекрутъ, въ ст. 5: „Ставить тѣхъ солдатъ въ городахъ на станціяхъ, на постоялые дворы, по скольку человѣкъ доведется, и сказать имъ В. Г. указъ, подъ опасеніемъ смертныя казни, чтобы они жили смирно, тѣхъ дворовъ жителямъ и проѣзжимъ людямъ и никому обидъ и налоговъ и дракъ и разоренья и бою и грабежу отнюдь не чинили, и для своихъ прибытковъ со двора во дворъ не переходили и съ той станціи въ домы свои, откуда кто взятъ и никуда безъ указа В. Г. не ходили-бъ“ (П. С. З., IV, № 2036).

Объ отводѣ 3-мъ драгунскимъ полкамъ квартиръ въ Московскомъ уѣздѣ въ 1713 году см. приговоръ сената 16-го сент. въ Докл. и приг., III, кн. II, 756; ср. 1181. Подобный же случай расквартированія 3 драгунскихъ полковъ въ Торопецкомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ указанъ у Мрочекъ-Дроздовскаго (Областное управленіе, 205).

Правила, которыми слѣдовало руководиться при отводѣ квартиръ, позднѣе изложены были въ воин. артикулахъ ч. II, ст. 84—88 (П. С. З., V, № 3006).

обыкновенно въ военное время, принуждено было поставлять подводы подъ зелье или другіе военные и съѣстные припасы, когда ямскихъ подводъ оказывалось недостаточное количество" [1]).

Въ XVIII-мъ же вѣкѣ благодаря сѣверной войнѣ эта исключительная повинность пріобрѣтаетъ какъ бы постоянный характеръ. Скачетъ ли курьеръ съ государевымъ указомъ, ѣдетъ ли нарочный сборщикъ, посланный изъ города въ уѣздъ для сбора рекрутъ, работниковъ, провіанта или денегъ, везутъ ли государеву казну, требуется ли переправить пушки, ружья, аммуницію, бомбы, гранаты, картечь, порохъ, словомъ „всякіе артиллерные припасы" или запасы провіантскіе, переправляютъ ли строевые матеріалы, полотна, гвозди, болты, якори,—даже цѣлые корабли въ разобранномъ видѣ—для всего этого требовались подводы съ городскихъ и уѣздныхъ обывателей.

Указами какъ будто былъ установленъ строгій порядокъ отправленія подводной повинности. Такъ было указано, чтобы подводы давались только тѣмъ, кто имѣлъ подорожныя и проѣзжія грамоты, „а безъ подорожныхъ и безъ проѣзжихъ грамотъ, какъ сообщалось въ указѣ 25 апр. 1700 г., тѣхъ подводъ отнюдь никому не давать". Подводы должны были наряжаться съ вѣдома и по распоряженію мѣстныхъ властей, воеводъ, напр., и земскихъ бурмистровъ. Затѣмъ велѣно было „имать подводы" „съ посадскихъ и съ уѣздныхъ людей со всякаго двора по подводѣ по очереди", „а не по очереди, добавлялось въ указѣ, подводъ не давать и не посылать, чтобы въ томъ никому передъ своей братьей въ тягости, а инымъ въ избылыхъ не быть" [2]).

---

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, 375; ср. Гурлянда, Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в., Ярославль, 1900 г.

О дачѣ ямскихъ и почтовыхъ подводъ, о подорожныхъ, о прогонныхъ деньгахъ и о наймѣ подводъ см. П. С. З., IV, № 1795 ст. 69, 1814, 1819 ст. 9, 2030 ст. 4 и 6, 2254, 2262, 2275, 2294, 2345, 2491, 2532, 2604; V, № 2675, 2741, 2745, 2759, 2887, 3045 и 3075; Барановъ, Опись высоч. указ., I, № 145, 151, 152; Докл. и приг., I, 8, 10, 120, 129, 353 (отправка „чернаго волка" изъ Кіева черезъ Москву въ С.-Петербургъ на 6 почтовыхъ подводахъ).

[2]) П. С. З., IV, № 1779; ср. № 1795, ст. 69.

Кромѣ того въ подорожныхъ и проѣзжихъ грамотахъ обычно указывалось число подводъ, которое нужно было предоставить тому лицу, на имя котораго дана подорожная, при чемъ такимъ людямъ обычно запрещалось брать подводы въ большемъ числѣ. Не смотря на это, по оффиціальному признанію (въ томъ же указѣ 1700 г.), „многіе берутъ (подводы) самовольствомъ сверхъ указного числа“. Вѣроятно также, что и мѣстные представители власти ради личной корысти слишкомъ часто пользовались земскими подводами. Этимъ и можно объяснить указъ 24 мая 1700 года, которымъ было велѣно: „Въ Симбирскѣ и во всѣхъ городѣхъ съ посадовъ и съ уѣздовъ съ тяглыхъ людей подводъ подъ воеводъ ни по какимъ указамъ нигдѣ отнюдь не давать“ [1]).

Подводы сбираются не только для перевозки тяжестей, припасовъ, но иногда приготовляются для ускореннаго передвиженія рекрутъ [2]) или солдатъ. Такъ указомъ 17 марта 1713 года было велѣно пѣхотной дивизіи Вейде передвинуться къ Кіеву и Смоленску. А „для поспѣшенія, говорилось въ указѣ, къ маршу велите учредить солдатамъ 3 или 4 человѣкамъ по лошади (однако-жъ, чтобъ оныя подводы были только учреждены), а собрать ихъ тогда, когда солдаты въ маршъ пойдутъ, а заранѣе не сбирать, дабы тѣмъ людемъ напрасной тяготы не учинить“. Сенатъ выполняетъ царскій указъ и приговоромъ 12 мая приказываетъ, „объ учрежденіи подводъ“ послать указы въ губерніи Кіевскую, Смоленскую и С.-Петербургскую [3]).

Провіантъ перевозится на подводахъ обывательскихъ не только тотъ, который населеніе само поставляетъ, но и другой. Въ челобитьи 1715 года крестьяне Самеровскихъ волостей (С.-Петербургской губ.) писали: „Съ нихъ же взято для повозки хлѣба къ Кондратью Елагину изъ Веси Егонь-

---

[1]) П. С. З., IV, № 1784.

[2]) О дачѣ подводъ рекрутамъ см. Докл. и приг., I, 29; III, кн. II, 460, 527, 963 („за наемъ подводъ подъ рекрутъ“ взять деньгами); V, кн. II, 1007; ср. 958 и сл. (отправка рекрутъ на наемныхъ подводахъ). По указу 15 іюня 1713 года велѣно дать подводы матросамъ 6 человѣкамъ по подводѣ (П. С. З., V, № 2698); по указу 9 окт. 1714 г. на 10 человѣкъ по лошади (№ 2849).

[3]) Докл. и приг., III, кн. I, 288.

ской въ Боровичи 2.500 подводъ въ самую сущую водополь, а каждая подвода обходилась съ двора по 2 рубля и больше“ [1]).

Подводы сначала взимались натурой, а потомъ стали переводиться на деньги. Въ Воротынскомъ уѣздѣ съ 1701 по 1706 годъ включительно по наряду изъ приказа земскихъ дѣлъ собирались подводы съ вотчинъ монастырскихъ, церковныхъ, помѣщичьихъ и вотчинничьихъ, къ Москвѣ „для возки полковыхъ припасовъ въ указныя мѣста“, взимались подводы съ опредѣленнаго количества дворовъ „по подводѣ со всякими путевыми припасами“, а именно: въ 1701 году было выслано съ 6 дворовъ по подводѣ, въ 1702—съ 10 дворовъ, въ 1703—съ 15, въ 1704-мъ съ 10-ти же, въ 1705—съ 25, и въ 1706—съ 50 дворовъ по одной же подводѣ съ путевыми припасами.

Но съ 1707 года эта натуральная повинность замѣняется ежегодными денежными взносами. Въ 1707 году „на наемъ подводъ“ было взято по 4 алтына съ каждаго двора, въ 1708—по 2 алтына [2]). На 1709 и 1710 годы, какъ извѣстно изъ указа 13 янв. 1710 года, велѣно было взять „на наемъ подводъ подъ артиллерные и иные разные припасы“ съ крестьянъ по 2 алтына съ двора, а съ торговыхъ людей и посадскихъ „съ десятой деньги съ рубля по 2-жъ алтына“ [3]). Этотъ сборъ въ 2 алтына удержался и въ послѣдующіе годы [4]).

Приведенная замѣна подводной повинности деньгами касалась лишь поставки подводъ „къ Москвѣ для возки полковыхъ припасовъ“. Въ другихъ же случаяхъ, при провозѣ государевой казны, при отправленіи рекрутъ, солдатъ, „подъ дворцовые нужнѣйшіе припасы“, подъ перепищиковъ, сборщиковъ и курьеровъ населеніе должно было поставлять подводы.

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 438.

[2]) *А. М. Ю., книга „ландратская“ по г. Воротынску* 1709 г., № 17.451, л. 14, 18, 21, 29, 35.

[3]) П. С. З., IV, № 2246; въ указѣ прибавлено: „и тѣ сборныя подводныя деньги на иные ни на какіе расходы, кромѣ подводнаго найма, не держать“.

[4]) Въ 1711 году сборъ на подводы подъ артиллерійскіе припасы былъ взимаемъ въ такомъ же размѣрѣ (Докл. и приг., III, кн. II, 962—963). По вѣдомости 1722 года съ вотчинъ церковнаго вѣдомства „на наемъ подводъ“ берется по 2 алтына со двора (*А. М. Двора, Москов. отдѣленіе*, оп. № 39, д. № 293, л. 138).

Иногда уѣздныя подводы сбираются даже въ такихъ случаяхъ, когда, казалось, денежные взносы должны были бы ихъ освободить отъ подводной повинности. Такъ въ 1711 году Ѳ. Вечеславовъ былъ посланъ изъ Москвы въ Кіевъ съ ружьями на 225 подводахъ; онъ сообщалъ изъ Калуги, что тамъ „подводы сбираютъ уѣздныя, а ямскихъ подводъ нѣтъ“, такъ какъ присланъ изъ Москвы указъ, ямскихъ подводъ ему не давать [1]). Сбираются уѣздныя подводы для перевозки ружей, тогда какъ на наемъ подводъ „подъ полковые припасы“ населеніе платило по 2 алтына, что должно бы освободить его отъ поставки подводъ.

Населеніе часто жаловалось на то, что подводная повинность лежитъ на нихъ тяжелымъ бременемъ, что часто съ нихъ берутъ подводы „сверхъ указного числа“, „самовольствомъ“, отнимаютъ лошадей въ рабочую пору, отчего чинятся имъ „убытки и разоренія“.

Такъ въ 1705 году обыватели Пошехонья жаловались на перепищика Мѣшкова, что онъ отягощаетъ ихъ подводами; „мы, писали челобитчики, отъ податей и отъ солдатскаго взятья и работниковъ и подводъ“ „въ конецъ разорились“, а „многіе разбрелись врознь“ [2]). Въ указѣ 1706 г. елецкому воеводѣ Лукьяну Сытину о переписи дворовъ сообщается: „Писалъ ты къ намъ, Великому Государю, къ Москвѣ въ приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ, по нашимъ де В. Г. грамотамъ изъ разряда, изъ преображенскаго, изъ военнаго, изъ земскаго, изъ адмиралтейскаго приказовъ, по подорожнымъ изъ ямского приказу велѣно давать на Елецъ подъ нашу В. Г. денежную и иную всякую казну и подъ корабельные всякіе припасы и подъ посланныхъ разныхъ чиновъ людей и подъ иноземцевъ и подъ полонениковъ и подъ колодниковъ съ Москвы на Воронежъ, а съ Воронежа

---

[1]) 1-го іюня 1711 г. сенатъ постановилъ: „Московской губ. къ управителю послать В. Г. указъ, велѣть подъ вышеписанное ружье дать подводы безъ всякаго мотчанія“ (Докл. и приг., I, 119); но какія подводы, уѣздныя или ямскія, точно въ приговорѣ о томъ не говорится; вѣроятно, объ этомъ было предоставлено, какъ и „о кормѣ тому посланному“, „учинить ему, управителю, по своему разсмотрѣнію“.

[2]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 84, л. 291.

къ Москвѣ ямскія подводы противъ Тульскаго большого яму изъ прогоновъ, а градскія и уѣздныя подводы безъ прогоновъ, а на Ельцѣ де ямщиковъ малое число 5 вытей, указное число 15 лошадей, и тѣ де обезлошадили; изъ нихъ же иманы въ солдаты И за тѣмъ вмѣсто ямщиковъ градскія и уѣздныя подводы даются непрестанно безъ прогоновъ, и отъ того де чинится имъ разоренье и въ коробельныхъ дѣлѣхъ въ работѣ бываютъ въ нѣтѣхъ, и за то де велѣно съ нихъ править пенныя деньги и чинить наказанье" [1]).

Въ челобитной 1712 г. отъ земскаго старосты Тверского посада Максимова сообщалось, что солдаты, присланные для поимки воровъ и разбойниковъ, сами чинятъ жителямъ „обиды" и „утѣсненія", для поѣздки въ города и уѣзды, гдѣ объявляются разбойники, „тѣ солдаты берутъ у нихъ многія подводы, и тѣхъ подводъ у нихъ, солдатъ, не явилось многое число назадъ" [2]).

Въ 1715 году рижскій магистратъ жаловался на армейскіе полки корпуса кн. Репнина, стоявшаго около Риги, что тѣ полки „учинили и нынѣ чинятъ градскимъ и уѣзднымъ обывателямъ многія обиды и разореніе", жаловался на „несносно положенныя тягости", состоявшія въ частности въ томъ, что съ рижскихъ жителей потребовано 45 „повседневныхъ лошадей", „которыя не успѣваютъ возвращаться изъ посылокъ въ домы свои наутрея, и въ вечеру паки на нихъ въ Митаву идти" повелѣваютъ; при переѣздѣ же полка на новоотведенныя квартиры, хотя отъ населенія и были „даны подводы по опредѣленной диспозиціи", но, не смотря на это, солдатами, „отъ мужиковъ изъ деревень" „неволею взяты" другія лишнія подводы и въ такомъ числѣ, что не только лошадей, но и „быковъ и жеребятъ въ тяжкіе возы впрягали"; возили на нихъ тяжести до тѣхъ поръ, пока не перевезли всего скопленнаго на новыя квартиры, благодаря чему изъ взятыхъ подводъ „половина пали, а другіе къ зе-

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин,* № 87, ч. II, л. 670.

[2]) Докл. и приг., II, кн. II, 487. Въ доношеніи 1715 г. подьячаго Данилова сообщается, что площадной подьячій Бабинъ собралъ съ одного Ченбарскаго стана Инсарскаго уѣзда „подводъ съ 500" (V, кн. I, 449).

мледѣлію и въ прочія службы непотребны стали быть". Всѣмъ этимъ нанесенъ, по ихъ мнѣнію, ущербъ земледѣлію, и городъ „въ великомъ плачевномъ состояніи пребываетъ" [1]).

В. Сборы государственные.

1. Сборы провіанта и фуража.

Провіантъ, сбираемый въ Петровское время съ населенія, по происхожденію своему восходитъ къ „стрѣлецкому хлѣбу" и „хлѣбнымъ запасамъ" [2]).

То обстоятельство, что сборъ стрѣлецкаго хлѣба въ XVII вѣкѣ былъ постояннымъ, а сборъ хлѣбныхъ запасовъ временнымъ, взимавшимся на случай войны, при чемъ размѣръ сбора всякій разъ опредѣлялся правительствомъ, отразилось на сборѣ провіанта, который сообразно съ этимъ подраздѣлялся на „окладной" и „запросный".

Окладной провіантъ, разъ установленный, взимался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одномъ и томъ же размѣрѣ. Онъ состоялъ изъ взносовъ рожью и овсомъ. Размѣръ оклада для отдѣльныхъ группъ населенія не былъ одинаковъ.

Такъ въ Московской губерніи окладной провіантъ въ 1710 и 1711 гг. взимался въ слѣдующемъ количествѣ: „съ дворцовыхъ и помѣщиковыхъ по 3 четверика, съ архіерейскихъ и монастырскихъ по 5 четвериковъ, съ церковныхъ по 7 четвериковъ" „со двора" [3]). Въ Сибирской губ. оклад-

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 441 и сл.

[2]) О сборѣ стрѣлецкаго хлѣба и хлѣбныхъ запасовъ см. у Лаппо-Данилевскаго, Организація прямого обложенія, 402—412.

[3]) Взято изъ сенатской выписки о сборѣ провіанта на 1711 годъ (Докл. и приг., I, 110). Впрочемъ, въ 1707 году провіантъ окладной взимался нѣсколько въ иномъ размѣрѣ, а именно, съ помѣщиковыхъ—по 3 четверика, съ дворцовыхъ по 5, съ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ по 7 четвериковъ, въ томъ числѣ овса и ржи поровну; по именному же указу 1707 г. окладъ былъ измѣненъ (I, 140).

Объ этомъ измѣненіи оклада узнаемъ изъ письма Петра (28 февраля 1707 г.) къ Ромодановскому, въ которомъ онъ писалъ: „Провіантскаго приказа судьямъ изволь объявить указъ, чтобъ они съ монастырскихъ крестьянъ, которые вѣдомы

ной провіантъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ берется въ томъ же числѣ, „по 5 четвериковъ“ муки ржаной со двора [1]).

Иногда окладной провіантъ въ видѣ ржи и овса замѣнялся по требованію изъ приказовъ (а съ 1711 года — сената) мукой. Такъ, напр., въ Воротынскомъ уѣздѣ „вмѣсто стрѣлецкаго хлѣба“, сбираемаго тамъ обычно въ размѣрѣ 6 четвериковъ (ржи—3, овса—3) съ монастырскихъ и церковныхъ дворовъ и 3 четвериковъ (ржи—$1^1/_2$, овса—$1^1/_2$) съ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ, въ 1703, 1705, 1706 и 1707 годахъ взималось „муки ржаной“, „окладной муки“, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, по 7 четвериковъ съ первыхъ и по 3 четверика со вторыхъ [2]).

„Запросный“ провіантъ далеко не имѣлъ той опредѣленности, которой характеризуется провіантъ „окладной“. По идеѣ запросный берется только тогда, когда въ немъ есть нужда, сбирается въ крайнихъ случаяхъ, во время приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ и самой войны. Въ Петровское же время этотъ какъ бы случайный сборъ превратился въ не менѣе постоянный, чѣмъ сборъ окладной, отличіе же его отъ послѣдняго состояло въ томъ, что онъ назначался всякій разъ по сепаратному указу, падалъ въ общемъ довольно равномѣрно на отдѣльные слои населенія и почти ежегодно мѣнялся въ своемъ количествѣ, при чемъ „въ запросъ“ требовались не только рожь, овесъ, мука, но и крупа, сухари и проч.

Такъ въ Воротынскомъ уѣздѣ брался „запросный хлѣбъ“ съ 1700 по 1708 годъ всегда въ одинаковомъ размѣрѣ съ

у г. Мусина-Пушкина, провіантъ сбирали по прежнему указу по 5 четвериковъ съ двора, а не по 7, а за достальной сбавочный провіантъ (который съ нихъ сбавленъ будетъ по 2 четверика съ двора) чтобъ г. Мусинъ сбиралъ по прежнему деньги“ (Письма и бумаги Петра В., V, 97).

[1]) Докл. и приг., I, 301. Ср. сообщеніе о томъ, что въ 1711 году въ Смоленской губерніи провіантъ (видимо, окладной и неокладной вмѣстѣ) взимался въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ дворцовыхъ и помѣщиковыхъ по 8 четвериковъ, съ архіерейскихъ и монастырскихъ по 10, „съ церковниковъ“ по 12 четвериковъ, (Тамъ же, II, кн. I, 15).

[2]) *А. М. Ю., книга „ландратская“ 1709 г. по г. Воротынску*, № 17.451, л. 11—48.

дворовъ монастырскихъ, церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ; сборы были таковы: въ 1700 году — „осмина (4 четверика) сухарей“ со двора, въ 1701—муки ржаной по полуосминѣ (2 чк.), въ 1702—муки ржаной по 3 чк., въ 1703—муки ржаной осмина (4 чк.), въ 1704—„вмѣсто запроснаго хлѣба“ деньгами по 3 алтына 2 деньги, въ 1705—тоже по 3 алтына 2 деньги (да на приказный расходъ по 1 деньгѣ), въ 1706 году—муки и овса по полуосминѣ (всего 4 чк., да на приказный расходъ по 1 д. и на житничное строенье по 2 д. съ четверти), въ другой нарядъ муки ржаной по осминѣ (4 чк.), крупъ по $^1/_2$ четверика, въ 1707—муки по 3 чк., въ 1708—муки по $2^1/_2$ четверика, крупъ $^1/_2$ чк. со двора, въ другой запросъ: муки ржаной по 5 чк., крупъ по 1 чк. [1]). Всего за тѣ годы, когда брался запросный провіантъ, въ общемъ взято было 33,5 четверика, а въ годъ приходится 4,8 четверика съ каждаго двора.

Значитъ „запросный провіантъ“ для дворовъ монастырскихъ и церковныхъ по своей тяжести приближался къ сбору окладного провіанта, для дворовъ же крестьянъ помѣщичьихъ онъ былъ тяжелѣе окладного.

Къ тому же нужно прибавить, что окладной провіантъ изъ Воротынска доставлялся въ Брянскъ, запросный же требовалось отправить въ города болѣе отдаленные отъ Воротынска, во Псковъ и Смоленскъ, на своихъ подводахъ, что тоже затрудняло населеніе и отрывало его отъ повседневныхъ работъ.

Запросный провіантъ не всегда въ одномъ и томъ же количествѣ падалъ на всѣ губерніи. Такъ, напр., запроснаго провіанта въ С.-Петербургъ на 1711 годъ требовалось съ Московской губерніи со всѣхъ дворовъ ровно по 1 четверику со двора, съ Казанской же и Сибирской по 4 четверика, а съ Архангелогородской по $2^1/_4$ [2]).

---

[1]) *Тамъ же*, л. 11—48.

[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 15. Указанныя числа не говорятъ еще о томъ, что запросный провіантъ въ 1711 году сбирался съ губерній именно въ томъ только количествѣ, которое указано: здѣсь идетъ рѣчь лишь о провіантѣ, который

Иллюстраціей того, въ какомъ видѣ и сколько сбиралось провіанта окладного и запроснаго, могутъ служить сборы, взимавшіеся съ Воротынскаго уѣзда за время съ 1700 по 1708 годъ, о чемъ представлены были свѣдѣнія въ Смоленскую губернію. Въ нихъ показано, что до 1700 года въ Воротынскомъ уѣздѣ „стрѣлецкій хлѣбъ“ собирался по окладу въ такомъ размѣрѣ: съ дворовъ монастырскихъ и церковныхъ ржи и овса по 3 четверика со двора, съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ по $1^1/_2$. Начиная же съ 1700 года, сборы провіанта выразились въ слѣдующихъ числахъ (въ четверикахъ, первымъ обозначаю сборъ окладной, вторымъ запросный).

Взято провіанта.	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ.
Въ 1700 году:				
1—ржи и овса	по 3		по $1^1/_2$	
2—запроснаго хлѣба, сухарей	осмина (4)	10	осмина (4)	7
Въ 1701 году:				
1—ржи и овса (въ Брянскъ)	по 3		по $1^1/_2$	
2—муки ржаной (во Псковъ)	2	8	2	5

требовалось доставить въ С.-Петербургъ, запроснаго же провіанта вообще сбиралось гораздо больше; такъ, напр., съ Сибирской губ. на тотъ же 1711 годъ было взято по 6 четвериковъ со двора, на одинъ четверикъ болѣе окладного (т. I, 301).

Распредѣленіе провіанта по дворамъ иногда поручалось мѣстнымъ властямъ. Такъ указомъ 19 января 1713 г. было велѣно, собрать съ Кіевской губ., „окромѣ нарядовъ другихъ губерній, муки ржаной, крупъ и овса 48.750 четв., „расчисля по дворовому числу (переписныхъ книгъ 1710 г.), по чему надлежитъ, кіевскому губернатору по своему разсмотрѣнію“ (П. С. З., V, № 2633).

Взято провіанта.	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ.
Въ 1702 году:				
1—ржи и овса (въ Брянскъ)	по 3		по 1½	
2—муки ржаной (во Псковъ)	3	9	3	6
Въ 1703 году:				
1—вмѣсто стрѣлецкаго хлѣба муки ржаной (въ Брянскъ)	7		3	
2—муки ржаной (во Псковъ)	осмина (4)	11	осмина (4)	7
Въ 1704 году:				
1—ржи и овса (въ Брянскъ)	по 3		по 1½	
2—вмѣсто запроснаго хлѣба взято деньгами	по 3 алт. 2 д.	6	по 3 алт. 2 д.	3
Въ 1705 году:				
1—вмѣсто стрѣлецкаго хлѣба ржаной муки	7		3	
2—вмѣсто запроснаго хлѣба взято деньгами	по 3 алт. 2 д.	7	по 3 алт. 2 д.	3
Въ 1706 году:				
1—окладной муки	7		3	
2—а) муки и овса	по 2		по 2	
б) въ другой нарядъ:				
1—муки	4		4	
2—крупъ	½	15½	½	11½

Взято провіанта.	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ.
Въ 1707 году:				
1—окладной муки . . .	7		3	
2—запроснаго хлѣба . .	3	10	3	6
Въ 1708 году:				
1—ржи и овса	по $2^1/_2$		по $1^1/_2$	
2—а) муки ($2^1/_2$) и крупъ ($^1/_2$)	3		3	
б) другой нарядъ запроса:				
муки ржаной (5), крупъ (1)	6	14	6	12 [1]

Если исключить два года, 1704 и 1705, когда вмѣсто запроснаго провіанта было взято деньгами, и не различать видовъ сбора, то получится, что за 7 лѣтъ съ каждаго двора первой рубрики (т. е. двора монастырскаго или церковнаго) было взято всего $77^1/_2$ четвериковъ, въ среднемъ по $11^1/_{14}$ четверика ежегодно, при чемъ за первые три года (1700, 1701 и 1702) 27 четвериковъ, въ среднемъ 9, а за послѣдніе три же года (1706, 1707 и 1708)—$39^1/_2$, въ среднемъ по $13^1/_6$ четверика, сборъ возросъ почти въ полтора раза; съ двора же второй рубрики (помѣщичьяго) за тотъ же промежутокъ времени взято $54^1/_2$ четверика, въ среднемъ по 7,8 четверика ежегодно, причемъ за первые три года 18 четвериковъ, въ среднемъ по 6, а за послѣдніе три—$29^1/_2$, въ среднемъ по 9,8 четверика, сборъ возросъ нѣсколько

[1]) Таблица составлена на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ *А. М. Ю., кн. „ландратская“ по г. Воротынску*, 1709 г., № 17.451, л. 11 и сл., 49—59.

больше, чѣмъ въ полтора раза (1,6 раза). Значитъ, судя по приведеннымъ цыфрамъ, сборъ провіанта въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка значительно возрастаетъ.

При сборѣ провіанта натурой взимались сверхъ того деньги „на приказный расходъ“ (напр., съ Воротынскаго уѣзда въ 1705—1708 годахъ по 1 деньгѣ со двора), „на житничное строенье“ (по 2 деньги на четверть хлѣба въ 1706 г.), „на струговое дѣло“, если провіантъ перевозился водой (по 4 алт. съ четверти въ 1707 году въ Воротынскомъ же уѣздѣ), „на провозъ“, если отъ доставки хлѣба освобождалось населеніе [1]).

Иногда же вмѣсто платы на житничное строенье требовалась работа для постройки амбаровъ. Крестьяне Самеровскихъ волостей въ челобитной 1715 года писали: „Подъ провіантъ всего Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ и Самеровскаго присудства строили они амбары и сараи поголовно и съ лошадьми одною Самеровскою волостью, да они-жъ построили для вѣса сѣна пятеры терези, и строили то съ великою нуждою“ [2]).

Провіантъ сбирался натурой или деньгами. Такъ съ Воротынскаго уѣзда въ 1704 и 1705 годахъ вмѣсто запроснаго хлѣба было взято деньгами по 3 алт. и 2 деньги. Въ наказѣ копорскому коменданту Римскому-Корсакову (отъ 12 марта 1706 года въ пунктѣ 7-мъ) говорилось: „Когда въ Самерской волости надлежитъ куда ставить провіантъ, тогда подряжать, примѣняясь къ прошлымъ годамъ, и по подряду тотъ провіантъ сбирать съ крестьянъ въ Копорьи деньгами или хлѣбомъ по разсмотрѣнію“ [3]). Указъ 20 апрѣля 1708 года предусматриваетъ случай, когда „стрѣлецкій хлѣбъ за помѣщиковъ и вотчинниковъ и за монастыри учнутъ платить подрядчики“ [4]), значитъ въ этомъ случаѣ населеніе, хотя и

---

[1]) По указу 16 января 1713 года, при сборѣ муки ржаной и крупъ для полковъ, расположенныхъ на станціяхъ въ Кіевской губ., велѣно было взимать „на провозъ по 3 алт. 2 ден. на четверть“ (П. С. З., V, № 2631). Ср. Докл. и приг., I, 208, 291.

[2]) Докл. и приг., V, кн. I, 438.

[3]) П. С. З., IV, № 2097.

[4]) Тамъ же, № 2196; ср. № 2648.

поставляло хлѣбъ, но не само натурой, а путемъ подряда, раскладывая денежный сборъ на этотъ подрядъ между собою.

Указомъ 17 сентября 1710 года кн. Гагарину, сибирскому губернатору, было велѣно: „Нарядить съ Сибирской губ. провіанту 13.269 четвертей муки, и чтобъ оное число поставлено было сюда (въ С.-Петербургъ) будущимъ зимнимъ путемъ въ генварѣ или кончая въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца, что зѣло нужно" [1]). А вслѣдъ за тѣмъ черезъ мѣсяцъ въ указѣ о высылкѣ работниковъ Петръ дѣлаетъ приписку: „За провіантъ съ Сибирской губерніи собрать деньги и на тѣ деньги провіантъ сюда поставить подрядомъ" [2]).

Повидимому, ко времени учрежденія губерній начинаетъ крѣпнуть такой порядокъ, когда провіантъ въ опредѣленный пунктъ поставляется подрядчиками, съ населенія же взимаются по раскладкѣ за тотъ провіантъ деньги.

Въ дальнѣйшемъ цѣлымъ рядомъ указовъ устанавливаются правила о сдачѣ подряда путемъ торговъ, надзорѣ за поставкой и о пріемѣ провіанта [3]), чѣмъ однако не исключалась возмож-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2295.

[2]) Въ письмѣ къ Гагарину отъ 17 октября того же 1710 г. (*Сен. Арх., кн. имен. указовъ*, № 8, л. 87); 19 ноября Петръ снова писалъ: „О провіантѣ паки подтверждаю, дабы высылкою онаго не плошились и чтобъ противъ наряду пятую долю онаго потщились вы поставить здѣсь прежде указного срока, а именно къ Рождеству Христову, ибо необходимая нужда того требуетъ" (*Тамъ же*, л. 95).

[3]) Указомъ 12 марта 1712 года велѣно, на Москвѣ въ приказахъ судьямъ, а въ губерніяхъ губернаторамъ, ландрихтерамъ и оберъ-комендантамъ „провіантъ подряжать самимъ", устраивать торги и заключать условія на поставку провіанта (П. С. З., IV, № 2500; ср. № 2731); 12 августа 1712 г. сенатъ распорядился: „провіантъ пріемщикамъ, которые къ пріему того провіанта опредѣлены, принимать и отписи давать безъ всякаго мотчанія, чтобы тѣмъ плательщикамъ и подводчикамъ въ продолженіи времени волокиты и разоренья не было" въ виду того, что „отъ препятіевъ въ тѣхъ подрядахъ чинится великая передача, а подводчикамъ задержаніе" (№ 2572); пунктами (28 февраля 1713 года) царедворцамъ, отправленнымъ въ Брянскъ, установлены правила пріема провіанта (П. С. З., V, № 2643); указами 17 апрѣля и 26 іюня 1713 г. велѣно выбрать для пріема провіанта цѣловальниковъ, изъ „купецкихъ людей", какъ говорится въ первомъ указѣ, или „изъ посадскихъ добрыхъ людей и пожиточныхъ", какъ сообщалось во второмъ (№ 2664, 2835); пріемщикамъ было указано, что они должны принимать провіантъ въ вѣсъ, считая четверть въ 7 пуд. 20 фунт. (№ 2655; ср. № 2703).

О томъ, какъ происходилъ сборъ провіанта и поставка его къ мѣсту назначенія см. въ Докл. и приг., I, 19, 51, 69—71, 115, 117—119, 141, 219, 258, 290, 291, 321, 324—327; II, кн. I, 15, 155, 311; кн. II, 203, 388. См. о злоключеніяхъ поставщика Филимона Аникѣева, суда котораго съ провіантомъ были огра-

ность натуральныхъ сборовъ, но это зависило отъ воли высшаго правительства и усмотрѣнія мѣстныхъ властей.

Въ указѣ 1714 года (18 августа) по этому случаю говорилось: „Провіантъ въ С.-Петербургскій магазинъ ставить съ 1715 года впредь изъ губерній вольнымъ и свободнымъ съ публикованнаго торга подрядомъ". „А буде подрядчики гдѣ для провоза тялками въ подрядъ не вступятъ, или и подряжаться будутъ, но передъ прежними цѣнами дорогою цѣною, то ихъ не подряжать, а расположить провіантъ съ двороваго числа, и собравъ, велѣть оный ставить зимнимъ путемъ, отправляя изъ каждаго города съ нарочными, чтобы по наряду поставленъ былъ весь сполна неотложно". А если бы такой порядокъ поставки провіанта показался бы неудобнымъ, то имъ предоставлялась возможность иначе отправить эту повинность: „имъ, губернаторамъ, говорилось въ указѣ по этому случаю, собрать деньгами за муку по 1 руб. 16 алт. по 4 деньги, за крупы по 2 руб. за четверть, и прислать въ С.-Петербургъ въ канцелярію сената въ октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1714 года" [1]). Значитъ, усмотрѣнію губернатора предоставлялось, 1) собрать ли провіантъ натурой, 2) взимать ли за него деньги, отправивъ потомъ ихъ въ канцелярію сената или же 3) самому озаботиться о поставкѣ провіанта подрядомъ, что указъ считалъ наиболѣе желательнымъ.

Если весь провіантъ переводился на деньги, то сборъ его не былъ незначителенъ. О величинѣ его можно судить

блены на Волгѣ, задержаны командиромъ, отправлявшимъ корабельные лѣса, а затѣмъ остановлены льдомъ; одно потоплено, три разбито, а изъ остальныхъ „въ разныхъ рѣкахъ замерзлый провіантъ" сложенъ въ удобныхъ мѣстахъ, отчего подрядчикъ Аникѣевъ подряда не исполнилъ и потерпѣлъ „великіе убытки и разореніе" (II, кн. I, 361).

Въ случаѣ несвоевременной присылки провіанта посылались по городамъ нарочные офицеры, чтобы понуждать къ выполненію наряда (Докл. и приг., I, 174, 207; ср. II, кн. II, 205); съ губернаторовъ и вице-губернаторовъ за непоставленный провіантъ взыскивается 10.043 руб. съ полтиной, при томъ опредѣляется, что „съ крестьянъ тѣхъ денегъ не взыскивать подъ жестокимъ штрафомъ" (II, кн. II, 318).

[1]) П. С. З., V, № 2841.

по нѣсколькимъ примѣрамъ. Въ 1711 году въ Казанской губерніи вмѣсто сбора провіанта въ С.-Петербургъ („муки ржаной 30.882 чет. съ излишествомъ") „за тотъ провіантъ, какъ сообщено было сенату изъ Казанской губерніи, и на наемъ подводъ отъ Ярославля до С.-Петербурга по губернаторскому усмотрѣнію положено собрать съ посадовъ и съ крестьянъ деньгами по 1 руб. 6 алт. 4 ден. съ двора" [1]). По табелю С.-Петербургской губ., поданному въ канцелярію сената въ 1712 году, видно, что съ Новгородскаго уѣзда той губерніи „за окладной провіантъ противъ подрядчиковыхъ цѣнъ по старымъ книгамъ" „съ каждаго двора сходитъ", „съ монастырскихъ по 1 руб. 8 алт. 2 ден., съ дворцовыхъ и помѣщиковыхъ по 31 алт., а по новымъ съ монастырскихъ по 3 руб. 8 алт. полъ-5 ден., съ дворцовыхъ и помѣщиковыхъ по 1 руб. 18 алт. полъ-1 ден." [2]).

Кромѣ хлѣба въ 10-хъ годахъ сталъ сбираться и другого рода провіантъ. Такъ въ 1714 году по письму Государя (отъ 12 августа) велѣно было „на морской флотъ" собрать съ губерній гороху 6.950 четвертей, масла коровьяго 13.900 пудовъ, мяса свиного 13.900 пуд., „вина отъемнаго" 13.900 ведеръ, „крупъ овсяныхъ, самыхъ добрыхъ" 6.950 четвертей [3]).

Вообще говоря, съ увеличеніемъ арміи, съ развитіемъ военныхъ дѣйствій, съ усиленіемъ работъ надъ постройкой флота, городовъ и укрѣпленій увеличивалось количество провіанта, которое населеніе обязано было выставлять. Тяжесть

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 961.

[2]) Тамъ же, 972—973. Ср. указъ 1-го ноября 1717 года, по которому велѣно сверхъ того числа, что было подряжено въ канцеляріи сената, полк. Кошелеву подрядить муки 32.000, крупъ 25.000 четвертей, а на подрядъ всего того провіанта „въ губерніяхъ собрать деньгами съ доль двороваго числа по рублю съ двора" (П. С. З., V, № 3113); указъ 30 октября 1713 г. о сборѣ съ губерній на покупку и подрядъ провіанта по 13 алт. со двора (№ 2.731). По сообщенію ландрата Артемія Ухтомскаго въ его долѣ Владимірскаго у. за с.-петербургскій провіантъ по книгамъ 186 г. взималось со двора: въ 1714 году по 13 алтынъ, на 1715—по 25 алт., на 1716—по 19, на 1717—по 27 алт. по 3½ д., на 1718—по 1 рублю (*А. М. Ю.*, № 126, л. 899 и сл.).

[3]) Докл. и приг., IV, кн. II, 774. См. также о сборахъ провизіи на флотъ въ книгѣ Ѳ. Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, 483 и сл. О способахъ довольствія войскъ см. у Д. Масловскаго, Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи, вып. I, 158—161.

этой повинности увеличивалась еще и оттого, что заранѣе и равномѣрно нельзя было ее отбыть, провіантъ часто сбирался по неожиданному распоряженію властей, иногда на всякій случай. Такъ, напр., въ 1707 году Петръ, предполагая, что шведы пойдутъ по направленію къ Москвѣ, распорядился: „Города Серпуховъ, Можайскъ, Тверь по возможности укрѣпить“; „провіанту на гварнизоны на 5 мѣсяцевъ или больше собрать, дабы чрезъ сей случай по всѣмъ дорогамъ нашему войску было, въ чемъ гораздо трудиться надлежитъ“ [1]). Предосторожность оказалась излишней и самъ Петръ потомъ смѣялся надъ перепугавшимися москвичами; тѣмъ не менѣе города укрѣплялись, провіантъ собирался.

На населеніи лежала обязанность снабжать армію фуражемъ. Обычнымъ было то, что доставка фуража лежала на обязанности той мѣстности, гдѣ расквартированы были полки, но нерѣдко къ сбору фуража, именно овса и сѣна, или денегъ на ихъ покупку привлекались всѣ губерніи. Въ качествѣ примѣра можно указать на приговоръ сената 1 февраля 1712 года; имъ велѣно было изготовить фуражъ на 6 мѣсяцевъ Московской губерніи 4 полкамъ, которые предположено было расквартировать въ ней [2]). Фуражъ для армейскихъ полковъ вмѣстѣ съ провіантомъ въ 1711 году велѣно было сбирать „со всѣхъ губерній“, кромѣ С.-Петербургской [3]).

Населеніе страдало не только отъ самаго сбора, но и отъ тяжестей, связанныхъ съ поставкой провіанта, если онъ шелъ на довольство полковъ, расквартированныхъ въ той же мѣстности. Не смотря на то, что солдатамъ и начальствующимъ давались „жестокіе указы“, чтобы они при сборѣ провіанта „обидъ и разоренія“ обывателямъ не чинили, лишніе сборы и „обиды“ происходили постоянно. Такъ какъ русскимъ войскамъ приходилось часто бывать за-границей и маршировать по чужой землѣ, гдѣ они не очень стѣснялись съ

---

[1]) Статьи, посланныя въ ближнюю канцелярію 25 апрѣля 1707 г. (Письма и бумаги Петра В., V, 194). Ср. заготовленіе „въ запасъ“ хлѣба, овса, сѣна въ 1711 г. (Докл. и приг., I, 290).

[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 71.

[3]) Тамъ же, I, 291, 311; ср. II, кн. II, 388.

жителями [1]), то тѣ-же привычки и ту же манеру обращенія они усваивали и по отношенію къ своимъ [2]).

Населеніе жаловалось на тяжесть сборовъ провіанта и фуража. Что сборъ провіанта игралъ видную роль въ ряду другихъ сборовъ съ крестьянъ, на это указываетъ челобитная 1714 г. А. Макарова, въ которой онъ спеціально упоминалъ о сборѣ провіанта, когда жаловался, что оставшіеся его крестьяне „отъ податей всякихъ и провіантовъ и побо-

---

[1]) Русскіе полки, бывшіе въ Польшѣ и Литвѣ, вызывали своимъ поведеніемъ постоянныя жалобы со стороны обывателей и тамошнихъ властей. Петръ успокаивалъ поляковъ; такъ, напр., въ грамотѣ (13 янв. 1705 года) Августу II онъ писалъ: „Нынѣ посланы наши В. Г. жестокіе указы, угрожая смертнымъ страхомъ, тѣхъ войскъ нашихъ къ правительствующимъ генераламъ, дабы отнюдь никакихъ поборовъ и налоговъ, кромѣ нужнаго на пропитаніе провіанту, не брали и о прошедшемъ указали розыскать накрѣпко“, и по розыску виновные „наказаны будутъ по воинскому праву безъ пощады“ (Письма и бумаги Петра В., III, 224). Но, видимо, указы не дѣйствовали; 13 октября 1705 года Репнинъ доносилъ Государю о полкахъ, расквартированныхъ вдоль рѣки Нѣмана: „Нынѣ отъ солдатъ многіе обиды и грабежи къ обывателямъ“ (Тамъ же, 462). И позднѣе, не смотря на категорическія указанія „провіантъ и фуражъ сбирать по прежнему указу противъ порцій, а сверхъ указу излишняго ничего никто-бъ не бралъ“, „чтобъ никто нигдѣ никакого разоренья и обидъ не чинилъ подъ потеряніемъ живота и чести“ (изъ статей ген. Боуру, который въ 1707 году отправленъ былъ съ полками въ Литву), „обиды и разоренія“ происходили постоянно, солдаты и офицеры брали излишній провіантъ, фуражъ, подводы и деньги и чинили притѣсненія всякаго рода жителямъ (Письма и бумаги Петра В., V, 62, 105, 147, 277, 297, 360, 478—483).

Видимо, излишніе сборы, притѣсненія и взятки были настолько значительны, что послѣ остраго момента войны потребовалось образованіе особой комиссіи, которая ѣздила (въ 1717 и 1718 гг.) по литовскимъ городамъ и селамъ, мѣстамъ стоянки русскихъ полковъ, и принимала отъ жителей жалобы о „лишнихъ денежныхъ сборахъ“ и „взяткахъ“. Что русскіе полки были виновны въ притѣсненіяхъ, это видно изъ слѣдующаго. „Опасаемся, доносили (въ февр. 1718 г.) члены комиссіи, что какъ здѣшніе обыватели, такъ и прочіе полковые офицеры дѣламъ нашимъ, Ц. В. интереснымъ, препоны чинили-бъ немалыя, ибо и нынѣ увѣдомились мы, что въ Калишскомъ воеводствѣ (а можетъ быть, и въ другихъ) кругомъ ѣздятъ нѣкоторые астраханскаго драгунскаго полка офицеры съ 19 и 20 драгунами, будто отъ комиссіи нашей посланы, и жестокими экзекуціями принуждаютъ обывателей давать аттестаціи, будто жалобъ никакихъ не имѣютъ и лишняго у нихъ ничего не взято“ (*Г. А., Каб. П.*, II, № 17, л. 129).

[2]) Самъ ген.-фельдмаршалъ Шереметевъ предусматривалъ возможность, что, если его корпусу провіанта во время не будетъ отпущено, то „будутъ они брать сами гдѣ что сыщутъ, и въ томъ, замѣчаетъ онъ, обыватели конечную понесутъ тягость“. Этого боится смоленскій губернаторъ, распоряжается о поставкѣ проіанта, „чтобы отъ военныхъ въ походъ имъ на Украйну и достальные жители такъ же, какъ въ походъ ихъ же изъ Украйны въ Смоленскую губ. разорены и опустошены весьма не были“ (Докл. и приг., III, кн. I, 41).

ровъ“ „приходятъ въ великое разореніе“ [1]). Тамбовскій ландрихтеръ П. Кикинъ въ письмѣ къ Апраксину (отъ 18 окт. 1710 года), вспоминая о томъ, что кн. Григорій Волконской сбиралъ овесъ „по 6 четвериковъ съ двора на кормъ лошадямъ“, прибавляетъ: „которыя (лошади) нынѣ милосердіемъ твоимъ въ отраду здѣшнимъ народамъ и въ свободу отъ всеконечнаго разоренья взяты въ Копорье“ [2]). Вице-губернаторъ С.-Петербургской губ. (въ доношеніи 12 дек. 1712 г.) опасался, что если новые три полка разставить въ городахъ той губерніи и довольствовать провіантомъ и фуражемъ, то „тѣ города и съ уѣздами придутъ въ конечное разореніе“ [3]). Тверского посада земскій староста Иванъ Максимовъ въ челобитной Государю (1712 года) жаловался, что солдаты, присланные въ Тверской уѣздъ для поимки воровъ и разбойниковъ, въ числѣ 200 человѣкъ, встали на посадскихъ дворахъ, „насильно требуютъ себѣ провіанта и всякаго харчу, и въ огородахъ овощи толочатъ и чинятъ всякое утѣсненіе“ [4]).

2. Сборы денежные.

Что касается денежныхъ сборовъ, то и послѣ реформы 1679—1681 г.г. по прежнему преобладала репартиціонная система, самая классификація сборовъ оставалась, также оставалась прежней единица обложенія, именно дворъ, по числу которыхъ раскладывались и взимались платежи. Однако уже съ первыхъ лѣтъ XVIII вѣка начинаютъ появляться новые сборы, которые потомъ значительно измѣнили прежнюю систему денежныхъ сборовъ; съ новыми сборами и слѣдуетъ познакомиться и опредѣлить ихъ реальное значеніе для того, чтобы выяснить, увеличились ли денежные сборы за Петровское время и насколько [5]).

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 328.

[2]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 115.

[3]) Докл. и приг., II, кн. II, 412.

[4]) Тамъ же, стр. 487. О тягостяхъ дачи провіанта и фуража въ связи съ постоемъ см. выше стр. 150—155.

[5]) Въ своей книгѣ „Государственное хозяйство“ П. Н. Милюковъ даетъ подробное и обстоятельное изложеніе вопроса о государственныхъ сборахъ за ко-

Иллюстраціей того, каковы были сборы въ началѣ XVIII вѣка и насколько они возростали, могутъ служить нижепомѣщенныя свѣдѣнія о денежныхъ сборахъ съ Воротынскаго уѣзда за 1700—1708 годы.

	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого [г]) въ годъ копѣекъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.
До 1700 года:				
Ямскихъ и полонянич-ныхъ	3 а. 2 д.	10	10 д.	5
Въ 1700 году:				
1—ямскихъ и полонянич-ныхъ	3 а. 2 д.	23	10 д.	15
2—на корабельную починку.	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
Въ 1701 году:				
1—ямскихъ и полонянич-ныхъ	3 а. 2 д.	48	10 д.	35
2—на корабельную починку.	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье ратнымъ людямъ	8 а. 2 д.		6 а. 4 д.	
Въ 1702 году:				
1—ямскихъ и полонянич-ныхъ	3 а. 2 д.	48	10 д.	35
2—на корабельную починку.	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье ратнымъ людямъ	8 а. 2 д.		6 а. 4 д.	
Въ 1703 году:				
1—ямскихъ и полонянич-ныхъ	3 а. 2 д.		10 д.	
2—на корабельную починку.	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье драгунамъ	8 а. 2 д.		6 а. 4 д.	

нецъ XVII и начало XVIII вѣка; къ его книгѣ, къ главамъ II, III и IV-ой я и отсылаю. Съ своей же стороны дамъ нѣсколько иллюстрацій того, въ какой мѣрѣ возростали денежные сборы съ населенія.

[г]) Въ итогѣ дроби меньше 0,5 отбрасываются, а равныя этому числу и выше приравниваются къ единицѣ.

	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.
Въ томъ же году взято впервые „отъ письма и пошлинъ у крѣпостныхъ дѣлъ“ 28 руб. 12 алт. 2 д. [1]	5,5 д.		5,5 д.	
Въ 1704 году:		51		38
1—ямскихъ и полоняничныхъ	3 а. 2 д.	47,5	10 д.	35
2—на корабельную починку.	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье драгунамъ	8 а. 2 д.		6 а. 4 д.	
а) отъ письма крѣпостей и пошлинъ 23 р. 30 а. 5 д.	4,7 д.		4,7 д.	
б) съ бань 161 р. 1 а. 4 д. .	14 а. 0,4 д. [3]	44,5	14 а. 0,4 д.	44,5
в) съ мельницъ 81 р. 25 а. 5½ д.				
г) съ ульевъ 45 р. 10 а. 4 д.				
д) съ рыбныхъ ловель 3 р. 14 а. ½ д.				
е) съ перевозу 103 р. . . .				
ж) съ конской площадки 31 р. 21 а. 5 д.				
з) съ лошадиныхъ кожъ 18 а. 2 д.				
и) подымныхъ [2] 44 а. 2 д.				
		92		80

[1]) По переписнымъ книгамъ 186 г. въ Воротынскомъ у. посадскихъ (60 дв.) и крестьянскихъ (1075 дв.) числилось всего 1135 дв., но изъ нихъ 101 дв. былъ написанъ въ тѣхъ книгахъ дважды, а 20 переведены въ Перемышльскій уѣздъ, оставалось 1014 дворовъ (л. 10); на послѣднее число и дѣлятся 28 р. 12 алт. 2 д. (или 5674 д.), въ результатѣ на каждый дворъ приходится около 5½ денегъ.

[2]) Объ этихъ сборахъ въ „ландратской книгѣ“ г. Воротынска сообщаются слѣдующія подробности. Съ бань поповскихъ, подьяческихъ, посадскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ 94 руб., съ крестьянскихъ съ 451 бани по 5 алтынъ—67 р. 1 алт. 4 д., всего 161 р. 1 алт. 4 д.; съ 2-хъ мельницъ оброчныхъ съ воротынцевъ 46 р. 15 алт., съ помѣщиковыхъ съ 28 мельницъ съ доходу ихъ четвертой доли 35 р. 10 алт. 5½ д.; всего 81 р. 25 алт. 5½ д.; съ пчелиныхъ заводовъ и бортныхъ ухожьевъ по 8 денегъ съ улья (переписывалъ ихъ воевода Назаръ Тимирязевъ) съ 1133 ульевъ—45 р. 10 алт. 4 д.; съ рыбныхъ ловель окладныхъ и пошлинныхъ денегъ—3 р. 14 алт. ½ д.; съ перевозу, что на устьи р. Угры 103 р.; съ конской площадки откупныхъ и пошлинныхъ денегъ 31 р. 21 алт. 5 д.; съ подпалыхъ и съ палыхъ лошадей съ кожъ 18 алт. 2 д.; вмѣсто вальковъ подымныхъ денегъ 44 алт. 2 д. (*А. М. Ю.*, № 17.451, л. 18).

[3]) Всѣ сборы (отъ б до и) въ суммѣ составляютъ 428 р. 3 алт. 3 д.; при дѣленіи на 1014 дворовъ получается 84,4 деньги на каждый дворъ, или 14 алт. 0,4 деньги, что вмѣстѣ съ остальными сборами даетъ 92 копѣйки на одинъ дворъ.

	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.
Въ 1705 году:				
1—ямскихъ и полоняничныхъ	3 а. 2 д.		10 д.	
2—на корабельную починку и за плотниковъ	5 а.		5 а.	
3—на жалованье ратнымъ людямъ	8 а. 2 д.		8 а. 2 д. [1]	
4—вмѣсто посланныхъ денегъ, которыя посланы съ Москвы въ Польшу	11 а. 4 д.	85	11 а. 4 д.	80
а) отъ письма и записки крѣпостей 23 р. 7 а. 3 д.	4,7 д.		4,7 д.	
Въ Ижерскую канцелярію:				
б) съ бань 161 р. 1 а. 4 д. [2])				
в) съ мельницъ 85 р. 25 а. 5½ д.				
г) съ ульевъ (съ 1008) 40 р. 10 а. 4 д.				
д) съ рыбныхъ ловель [3]) 1 р. 27 а. 1½ д.	14 а. 2,8 д.	46	14 а. 2,8 д.	46
е) съ перевозу 114 р. 6 а. 4 д.				
ж) съ конской площадки 31 р. 21 а. 5 д.				
з) съ лошадиныхъ кожъ 18 а. 2 д.				
и) подымныхъ 1 р. 11 а. [4]).				
		131		126

[1]) Вначалѣ по прежнему окладу велѣно было взять по 6 алт. 4 д. со двора, но затѣмъ по другому указу приказано было взимать „со всѣхъ равно“, т. е. и съ помѣщичьихъ дворовъ по 8 алт. 2 д., какъ съ монастырскихъ и церковныхъ.

[2]) Это окладъ съ бань, а что собрано, того „невѣдомо“.

[3]) 1 р. 27 а. 1½ д. собрано, „не доплатили 2 р. 3 а. 5½ д.“.

[4]) Въ итогѣ сумма сборовъ въ Ижерскую канцелярію составляетъ 436 р. 23 а. 2 д.; при 1014 дв. на каждый дворъ приходится 86,8 денегъ или 14 алт. 2,8 деньги; складывая съ 4,7 д., получаемъ 91,5 д. или 45,5 коп.

Въ 1706 году:	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.
1—ямскихъ и полонянич-ныхъ	3 а. 2 д.		10 д.	
2—на корабельную починку	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье ратнымъ людямъ	8 а. 2 д.		8 а. 2 д.	
4—на топоры и всякіе плотничьи инструм.[1]).	(5 а.?)		5 а.	
5—на жалованье рекрутамъ	8 д.	52 (67)	8 д.	59
а) отъ письма крѣпостей и пошлинъ 16 р. 14 а. 2 д.				
Въ Ижерскую канцелярію:				
б) съ бань 161 р. 11 а. 4 д.[2])				
в) съ мельницъ 81 р. 25 а. 5½ д.				
г) съ ульевъ[3])				
д) съ рыбныхъ ловель 2 р. 3 а. 2 д.	13 а. 2,7 д.	40	13 а. 2,7 д.	40
е) съ перевозу 114 р. 6 а. 4 д				
ж) съ конской площадки откупныхъ 31 р. 21 а. 4 д.				
з) съ палыхъ лошадей 18 а. 2 д.				
и) подымныхъ 1 р. 11 а.[4]).				
		92 (107)		99

[1]) Не указано, чтобы этотъ сборъ распространялся на дворы монастырскіе и церковные; если же распространялся, то тогда въ общей сложности на дворы этой категоріи приходилась цыфра, поставленная въ скобкахъ—1 р. 7 к.

[2]) Это окладъ, съ бань же въ дѣйствительности было получено 91 р. 11 а. 4 д., остальные „не доняты".

[3]) Не показано, сколько взято: сборщикъ „книгъ не оставилъ".

[4]) Всего сборовъ крѣпостныхъ, пошлинныхъ и въ Ижерскую канцелярію 409 р. 12 алт. 5½ д., значительно меньше предыдущаго года потому, что сюда не вошли пчелиные сборы, а затѣмъ на нѣсколько рублей уменьшились сборы отъ письма и записки крѣпостей. На каждый дворъ приходится 80,7 денегъ или 13 алт. 2,7 д.

	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.
Въ 1707 году:				
1—ямскихъ и полоняничноныхъ	3 а. 2 д.		10 д.	
2—на корабельную починку	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье драгунамъ	8 а. 2 д.		8 а. 2 д.	
4—на наемъ подводъ . .	4 а.		4 а.	
5—на жалованье рекрутамъ	(2 а.?)		2 а.	
6—вмѣсто работныхъ людей, которые были въ С.-Петербургѣ. . . .	8 а. 2 д.		8 а. 2 д.	
7—на покупку нѣмецкихъ драгунскихъ сѣделъ [1])	(2 а. 4 д.?)	84 (98)	2 а. 4 д.	91
а) отъ письма крѣпостей и пошлинъ [2]).				
Канцелярскіе сборы:				
б) съ бань [3]) 161 р. 11 а. 4 д. в) съ мельницъ 81 р. 25 а. 5½ д. . . . . г) съ ульевъ (339) 13 р. 16 а. 4 д. . . . . д) съ рыбныхъ ловель 1 р. 8 а. 1½ д. . . . . е) съ перевозу 114 р. 6 а. 4 д. . . . . ж) съ конской площадки откупныхъ 31 р. 21 а. 4 д. [4])	13 а. 1,6 д.	40	13 а. 1,6 д.	40
		124 (138)		131

[1]) Въ книгѣ не указано, были ли взяты деньги на жалованье рекрутамъ и на покупку сѣделъ съ дворовъ первой категоріи.

[2]) О количествѣ собранныхъ денегъ свѣдѣній нѣтъ.

[3]) Въ дѣйствительности собрано было 84 р. 18 а. 2 д.

[4]) О сборахъ съ палыхъ лошадей и о подымныхъ деньгахъ въ „ландратской" книгѣ указано, что они „опредѣлены въ ратушу и сбиралъ въ Воротынску бурмистръ; что собрано, того невѣдомо". Канцелярскихъ сборовъ всего—403 р. 24 а. 5 д., на одинъ дворъ приходится 79,6 д. или 13 а. 1,6 д.

	Съ монастырскихъ и церковныхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.	Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ съ 1-го двора.	Итого въ годъ копѣекъ.
Въ 1708 году:				
1—ямскихъ и полоняничныхъ	3 а. 2 д.		10 д.	
2—на корабельную починку	4 а. 1 д.		3 а. 2 д.	
3—на жалованье ратнымъ людямъ	8 а. 2 д.		8 а. 2 д.	
4—на наемъ подводъ . .	2 а.		2 а.	
5—рекрутамъ на жалованье	(2 а.?)		2 а.	
6—работникамъ [1]) . . .	10 а.	83 [3]) (89)	10 а.	82
а) отъ письма крѣпостей и пошлинъ.				
Канцелярскіе сборы:				
б) съ бань [2]) 161 р. 11 а. 4 д.	13 а. 5 д.	42	13 а. 5 д.	42
в) съ мельницъ 81 р. 25 а. 5½ д.				
г) съ ульевъ (618) 24 р. 24 а.				
д) съ рыбныхъ ловель 1 р. 5 а. 2 д.				
е) съ перевоза откупа 119 р. 32 а. 5 д.				
ж) съ конской площадки 31 р. 21 а. 4 д.				
		125 [4]) (131)		124

[1]) Выслано работниковъ въ С.-Петербургъ (съ 15 дв. 1 человѣкъ)—67 чел., а съ оставшихся 14 дв. взималось по 10 алтынъ.

[2]) Съ бань было взято 88 р. 23 а. 2 д., остальныя—не доняты.

[3]) Точнѣе 83,5 коп., слѣдовало бы поставить 84, но въ виду того, что ниже цыфра 41,5, то отъ 83,5 отбрасывается 0,5.

[4]) Сумма получается такимъ путемъ: канцелярскіе сборы составляютъ 420 р. 21 а. 2,5 д., на одинъ дворъ приходится 13 а. 5 д. или 41,5 коп.; складывая съ 83,5 коп., получаемъ 1 р. 25 коп.; эту сумму слѣдуетъ увеличить въ виду того, что нѣтъ цифръ нѣкоторыхъ сборовъ.

Приведенная таблица [1]) говоритъ о значительномъ увеличеніи сборовъ въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Въ то время какъ въ первые три года (1700, 1701 и 1702) съ монастырскаго и церковнаго двора приходилось со двора отъ 23 до 48 коп., въ среднемъ 40 коп., а съ помѣщикова и вотчинникова отъ 15 до 35, въ среднемъ 28 коп., въ послѣдніе три года (1706, 1707 и 1708) сборы значительно поднимаются, колеблясь для дворовъ первой категоріи между 92 коп. (1 р. 7 коп.) и 1 р. 25 коп. (1 р. 38 коп.), причемъ въ среднемъ съ двора монастырскаго или церковнаго приходилось 1 р. 14 коп. (по другому счету, если взять цыфры, поставленныя въ скобки, по 1 р. 25 коп.), а съ двора помѣщикова и вотчинникова, при колебаніи отъ 99 коп. до 1 р. 31 коп., въ среднемъ приходилось 1 р. 18 коп. Если бы эти цифры точно отражали разницу въ сборахъ, тогда бы можно было сказать, что за нѣсколько лѣтъ сборы съ дворовъ первой категоріи возросли втрое, съ дворовъ второй категоріи почти въ пять разъ [2]).

Среди бумагъ Кабинета Петра Великаго имѣется примѣрный подсчетъ того, сколько приходится „разныхъ сборовъ“ съ двороваго числа, подсчетъ, относящійся, повидимому, къ 1710 году [3]). Въ немъ указано, что „въ годъ“

---

[1]) Свѣдѣнія взяты изъ „ландратской“ книги 1709 года по г. Воротынску, уже не разъ цитированной выше (*А. М. Ю.*, № 17.451, л. 11—48 и др.).

[2]) При сравненіи абсолютныхъ цифръ денежнаго сбора нельзя забывать того обстоятельства, что цѣнность рубля въ самомъ началѣ XVIII вѣка значительно измѣнилась; подъ вліяніемъ денежной операціи, именно передѣла старыхъ серебряныхъ монетъ на монету новаго чекана, съ большей примѣсью лигатуры и болѣе легковѣсную, рубль обезцѣнился почти на половину; если въ концѣ XVII в. онъ, по вычисленію В. О. Ключевскаго, равнялся 17 нашимъ рублямъ, то съ начала XVIII вѣка рубль уже слѣдуетъ приравнять къ 9 нашимъ (Ключевскій, В. О., Русскій рубль). Нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство повліяло на то, что денежные сборы, абсолютно увеличившись, напр., вдвое, тѣмъ не менѣе относительно для плательщиковъ оставались почти равными тяжести прежнихъ сборовъ.

П. Н. Милюковъ однако думаетъ, что „при слабости сношеній тогдашняго внутренняго рынка эти условія (удешевленіе рубля) врядъ ли успѣли отозваться на положеніи плательщика и соотвѣтствующимъ образомъ облегчить его податныя тягости“ (Государ. хозяйство, стр. 135).

[3]) Отношу этотъ расчетъ къ 1710 году, потому что въ немъ упомянутъ сборъ сѣдельный и портупейный, установленный указомъ 8 марта 1710 года „только на одинъ“ этотъ годъ (П. С. З., IV, № 2.258).

„съ двороваго числа“, т. е. съ одного двора взимаются слѣдующіе сборы:

1—ямскихъ и полоняничныхъ	— а.	10 д.
2—въ драгунскій сборъ	8 „	2 „
3—корабельныхъ	3 „	2 „
4—рекрутскихъ.	2 „	— „
5—на наемъ подводъ	2 „	— „
6—пчелиныхъ	— „	8 „
7—банныхъ	3 „	2 „
8—мытничныхъ и на приказный расходъ.	— „	2 „
9—петербургскимъ работникамъ	8 „	2 „
10—въ лошадиный сборъ	6 „	4 „
11—за фуражъ	5 „	— „
12—въ сѣдельный и портупейный сборъ .	4 „	— „
13—на недостаточные расходы	13 „	2 „
14—рекрутамъ на дачу	— „	10 „
Итого . . .	1 р.	28 алт.

А „за провіантъ, солдатскихъ и подводныхъ положено напримѣръ: за провіантъ по 2 руб., за солдатскій наборъ по 3 руб. съ полтиной, за петербургскіе подводы по 15 алт. Итого 5 руб. 31 алт. 4 д.“.

„Всего въ годъ имется—7 руб. 26 алт. 2 д.“ [1]).

---

[1]) Взято изъ *Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 89, л. 519.

Ср. „вѣдѣніе (1722 года) Нижегородской епархіи, коликое число синодальной команды на нижеписанные годы окладныхъ табельныхъ и сверхъ табеля повсягодныхъ и запросныхъ и прочихъ сборовъ каждаго званія порознь по присланнымъ изъ провинцій вѣдомостямъ взять довелось“, гдѣ указано, что на 1722 годъ по окладу на каждый дворъ приходилось: I—табельныхъ: 1) военнаго приказа по 8 а. 2 д., 2) адмиралтейскаго корабельныхъ по 4 а. 1 д., 3) ямскихъ и полоняничныхъ по 3 а. 2 д., 4) земскаго на дачу армейскимъ извощикамъ по 2 а., 5) дворцовыхъ доходовъ на покупку конскихъ кормовъ по 5 а., итого табельныхъ по 22 а. 5 д.; II—сверхъ табеля: 1—на наемъ подводъ по 2 а., 2—за полуосминный провіантъ по 15 а., 3—драгунамъ и солдатамъ на мясоѣдные дни по 6 а., 4—за окладной сошной стрѣлецкій хлѣбъ по 23 а. 3 д., 5—на житничную подѣлку по $1^3/_4$ д., итого сверхъ табели—по 1 р. 13 а. $2^3/_4$ д.; III—запроснаго: на строеніе и починку перспективныхъ дорогъ по 2 алт. Всего съ каждаго двора—по 2 р. 4 а. $5^3/_4$ д. (*А. М. Двора*, *Московск. отдѣленіе*, д. № 293, л. 138—143).

По подсчету П. Н. Милюкова, въ среднемъ по всей Россіи на дворы всѣхъ категорій безъ различія въ 1711—1715 годахъ сборовъ денежныхъ окладныхъ, запросныхъ и неокладныхъ приходилось на одинъ дворъ, считая по переписнымъ книгамъ 1678 года, 3 руб. 30 коп., а по переписнымъ книгамъ 1710 года—4 руб. 10 коп. [1]).

Но эти числа, конечно, далеко не выражаютъ собой суммы всѣхъ денежныхъ сборовъ, падавшихъ на одинъ дворъ. Къ этому нужно прибавить расходы на провіантъ, подводы, рекрутъ, работниковъ и на иные сборы. По словамъ ландрихтера Тамбовской провинціи П. Кикина на 1711 годъ „однихъ окладныхъ денежныхъ поборовъ въ приказъ по росписке обошлось по 1 рублю по 10 алтынъ по 2 деньги на дворъ; а съ провіантомъ, и съ рекрутами, и съ мундиромъ, и съ работниками и съ подводами обойдется слишкомъ по 10 рублей" [2]).

По табелю, поданному изъ С.-Петербургской губерніи въ канцелярію сената въ декабрѣ 1712 г., въ Новгородскомъ уѣздѣ съ разныхъ погостовъ „всего повсягодныхъ окладныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ и провіанта по цѣнѣ и рекрутскаго мундира и прочаго" „по уравненію съ каждаго двора имется по старымъ (переписнымъ книгамъ 186 года) по 5 руб. 5 алт. 5 д., а по новымъ (1710 года) по 11 руб. 14 алт. 4 д." [3]). Съ городовъ, приписанныхъ ко

---

[1]) Милюковъ, Государственное хозяйство, 217.

[2]) Изъ письма къ Ѳ. М. Апраксину отъ 3 ноября 1710 г. (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 122). Въ автобіографіи Б. И. Куракина (подъ 1707 годомъ) сказано: „О податяхъ долженъ писать, котораго году сколько взято съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ, работниками, извощиками, лошадьми, даточными, какъ съ дворовыхъ, такъ и съ крестьянъ, только о всемъ томъ уже забылъ писать, чтобы еще вдвое величествомъ сей книги не написать, то оставляю. И женерально можно сказать: со всякаго письменнаго двора крестьянскаго сходилось слишкомъ по 16 рублевъ. Кто о томъ хочетъ вѣдать, можетъ увѣдать съ указовъ въ канцеляріяхъ" (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. I, 277).

[3]) Докл. и приг., III, кн. II, 973. Ср. свѣдѣнія о количествѣ денежныхъ сборовъ, приходящихся на одинъ дворъ въ Казанской губ.—стр. 965; по сообщенію изъ Казанской же губ. (отъ 1712 года) въ ней „всего окладныхъ и что по указамъ сбирано—по 4 руб. 6 алт. 4 д. съ двора, опричь провіанта" (Докл. и приг., IV, кн. II, 1214).

флоту въ 1712 году, всѣхъ сборовъ приходилось по книгамъ 1707 г. на одинъ дворъ 11 руб. 55 коп. [1]).

Въ 1719 г. Петръ Бутурлинъ въ челобитной Государю писалъ: крестьяне его деревни, находившейся въ Кашинскомъ уѣздѣ, объявили ему, что „во всякіе де государевы поборы въ городѣ и у нихъ въ уѣздѣ въ годъ сходится съ переписного двора и сборщикамъ и въ проводы на работу и отъ письма и за рекруты и въ работники рублевъ по 15 съ двора“, а крестьяне его-же вотчинъ, находившихся въ Воротынскомъ и Перемышльскомъ уѣздахъ, „сказывали, что де у нихъ сходится съ переписного двора во всякія государевы подати и въ рекруты и въ работники и сборщикамъ и за работу и за письмо и ѣзду рублевъ по 12“ [2]).

И. Т. Посошковъ въ своей „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, написанной въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка, о денежныхъ сборахъ писалъ: „Нынѣ съ двора сходитъ рублевъ по осьми или малымъ чѣмъ меньше“ [3]).

Придавая наибольшее значеніе показанію представителя мѣстной власти, какимъ былъ ландрихтеръ Кикинъ, и сопоставляя его цыфру сборовъ съ цыфрами, приведенными въ челобитной воротынскаго помѣщика, можно придти къ выводу, что наиболѣе вѣроятнымъ среднимъ числомъ, выражающимъ собой всѣ денежные сборы, падавшіе на крестьянскій переписной дворъ, былъ сборъ въ 10—12 рублей.

При столь значительныхъ сборахъ населеніе не могло во время и бездоимочно платить государевы подати и всякіе сборы; оно часто жаловалось на тяжесть денежныхъ сборовъ, указывая при томъ, что отъ тѣхъ сборовъ происходитъ „пустота“, населеніе бредетъ „врозь“ [4]).

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 383 (всѣхъ сборовъ 241.482 р. съ 20.910 дв.).

[2]) Дальше челобитчикъ писалъ: „А что де берутъ за работу и отъ письма и ѣзду, и того де въ отписяхъ не пишутъ, а пишутъ одни государевы платежи, съ какихъ податей порознь, сказать (крестьяне его) не упомнятъ, и тому есть у нихъ, у старостъ, роскидныя росписи; и хотя тѣ мои крестьяне объявили мнѣ правду или нѣтъ, однакожъ я противъ тѣхъ ихъ словъ принужденъ объявить, дабы о томъ В. Ц. В-во указали кого послать туда освидѣтельствовать“ (*Г. А., Каб. П.*, II, № 44, л. 193).

[3]) Сочиненія Ивана Посошкова, I, 204.

[4]) Докл. и приг., II, кн. I, 200, 358; III, кн. II, 739, 757, 1283; IV, кн. II, 625 и др.

Роль администраціи при сборахъ, ея злоупотребленія.

При разсмотрѣніи вопроса о повинностяхъ и сборахъ, падавшихъ на населеніе, нельзя также оставить безъ вниманія тѣхъ административныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежало взиманіе сборовъ и побужденіе къ правильному отправленію повинностей. Здѣсь нужно имѣть въ виду какъ мѣстную администрацію, начиная съ губернатора и кончая подьячими, такъ и многихъ лицъ, нарочныхъ посыльщиковъ изъ дворянъ и приказныхъ, командируемыхъ на мѣста для производства разныхъ сборовъ и другихъ административно-финансовыхъ цѣлей. Всѣ они своими дѣйствіями нерѣдко усугубляли тягость государственныхъ сборовъ и повинностей. Населеніе часто жаловалось на притѣсненія и злоупотребленія правителей и сборщиковъ. Впрочемъ, въ дѣйствіяхъ администраціи слѣдуетъ различать дѣйствія законныя, которыя все-таки могли возбуждать неудовольствія и жалобы, и дѣйствія явно незаконныя.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что при распредѣленіи окладныхъ суммъ между населеніемъ роль мѣстныхъ властей была довольно значительна. Со времени учрежденія губерній такая „росписка“ производилась губернаторами, вице-губернаторами и ихъ ближайшими помощниками. При „роспискѣ“ сборовъ мѣстная администрація далеко не всегда дѣйствовала по директивамъ, полученнымъ ею изъ центра, она обычно примѣнялась къ мѣстнымъ условіямъ и къ тому складу и порядку, который наблюдался въ жизни; поэтому сборы, падавшіе обычно на дворъ, какъ единицу обложенія, и распредѣлявшіеся сверху однообразно по количеству дворовъ, мѣстной властью распредѣлялись между различными общественными группами не одинаково, и даже въ предѣлахъ одной и той же группы; такъ, напр., посадскіе люди одного города платили меньше за каждый дворъ, чѣмъ посадскіе же люди другого города. Примѣромъ можетъ служить Архангелагородская губернія [1]), гдѣ по произведенной раскладкѣ на

[1]) Цифры взяты изъ таблицы, приведенной въ книгѣ П. М. Милюкова на стр. 212 въ примѣчаніи.

посадскій дворъ въ Архангельскѣ приходилось 8 руб. 95 коп., въ Вологдѣ 10 руб. 23 коп., а на Вагѣ 6 руб. 04 коп.; на дворъ черносошныхъ крестьянъ приходилось въ Архангельскѣ—5.98, на Вологдѣ 10.34, на Вагѣ—7.07; а дворъ монастырскій долженъ былъ платить въ Архангельскѣ—7.15, на Вологдѣ—5.15, на Вагѣ—5 р. 90 к.

Наиболѣе обычнымъ правиломъ при обложеніи было то, что дворы одной категоріи плательщиковъ платятъ поровну, при чемъ тяжелѣе всего облагается дворъ посадскій, за нимъ идетъ черносошный и потомъ монастырскій. Здѣсь же ни то, ни другое правило не было соблюдено: 1) по каждому городу посадскіе, черносошные и монастырскіе—обложены различно; 2) затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дворъ черносошнаго крестьянина обложенъ выше, чѣмъ дворъ посадскій, и дворъ монастырскаго крестьянина выше, чѣмъ черносошный. Всѣ эти оклады—дѣло рукъ мѣстной администраціи, которая, очевидно, имѣла свои соображенія, вводя столь разнообразные оклады для дворовъ одной категоріи и нарушая установившіяся отношенія между платежной силой дворовъ разныхъ наименованій.

Еще болѣе значительной была роль администраціи при распредѣленіи податного бремени на югѣ, въ губерніяхъ Кіевской и Азовской, гдѣ населеніе было болѣе пестрымъ и жило въ особыхъ исключительныхъ условіяхъ, нѣкоторые слои его въ началѣ XVIII в. лишь впервые втягиваются въ общую податную массу, а потому мѣстной власти приходилось дѣйствовать самостоятельно, въ предѣлахъ широкихъ полномочій и примѣняться не только къ цѣлой группѣ населенія, но нерѣдко и къ отдѣльному плательщику.

Наиболѣе полныя свѣдѣнія по этому вопросу имѣются отъ Азовской губерніи. Въ 1711 г. (въ іюлѣ) тамбовскій ландрихтеръ Кикинъ (по „приказу“ губернатора Ѳ. М. Апраксина) опредѣлилъ порядокъ денежныхъ и другихъ сборовъ такимъ образомъ.

1. Со служилыхъ людей (т. е. съ однодворцевъ и др.) „всякіе денежные и хлѣбные поборы, окладные и неокладные, что какихъ поборовъ по раскладкѣ имется и рекрутъ сбирать и работныхъ людей на работу высылать по тягламъ, а не съ

дворовъ". Въ объясненіе потягольной разверстки, а не дворовой, Кикинъ приводитъ: а) „по тягламъ всякіе наложенные поборы съ нихъ по раскладкѣ обошлись легче, а государственной казнѣ явилось изъ того сбору приборъ немалый"; б) при такомъ порядкѣ „во всякихъ поборахъ и въ рекрутахъ и въ работникахъ всѣ будутъ равны и въ избылыхъ никого не будетъ": въ прежніе годы изъ многихъ селъ въ высылкѣ на работу были всѣ, а изъ иныхъ селъ на работу не явилось ни одного человѣка, а между тѣмъ и тѣ и другіе въ платежѣ денежныхъ сборовъ „укрывались высылкою на работу", и государевыхъ податей не платили „по такому заобыклому своему лукавому пронырству"; при распредѣленіи же сборовъ и нарядовъ по тягламъ, когда въ азовской походной канцеляріи будетъ извѣстно по росписямъ, сколько въ каждомъ селѣ людей, а отсюда и тяголъ, легко можно разсчитать, сколько съ того села доведется взять денегъ или работниковъ, отчего цѣлыя села въ избылыхъ быть не могутъ.

2. Съ дворцовыхъ крестьянъ и съ ясашныхъ людей „всякіе поборы сбирать и работниковъ высылать по прежнему", а именно съ дворцовыхъ крестьянъ „по землямъ", съ ясашныхъ, „по промысламъ и по пожиткамъ", въ виду того, что дворцовые крестьяне „всегда всякіе поборы сбираютъ и платятъ, окладывая сами межъ собою по землямъ, а не по дворамъ и не по тягламъ, а ясачники въ ясаки окладываются сами-жъ межъ себя по вся годы по промысламъ и по пожиткамъ, а не подворно же и не по головамъ; въ иной ясакъ, поясняется въ приговорѣ Кикина, положено двора по два и по три, а въ иномъ и въ одномъ дворѣ ясака два, и за тѣмъ ихъ по тягламъ росписывать неможно".

3. Съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ „всякіе поборы сбирать подворно" по старымъ переписнымъ книгамъ 186 г. Въ качествѣ мотивовъ такого распоряженія въ приговорѣ Кикина приводится слѣдующее: а) „съ новыхъ переписныхъ книгъ помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьянамъ, кромѣ валового перечня, посельныхъ перечней не прислано и въ тягла ихъ росписать и комисарамъ, что по новымъ переписнымъ книгамъ, въ которомъ селѣ и въ де-

ревнѣ крестьянъ, въ росписи написать не по чему, а посельныхъ перечней нынѣ дѣлать и въ тягла росписывать стало неколи"; б) „по указу В. Г. на нынѣшній 711 годъ всякіе поборы велѣно собирать по старымъ переписнымъ книгамъ"; в) такое распоряженіе, чтобы собирать по книгамъ 186 г., „ко всѣмъ комисаромъ во всѣ города давно послано", такъ что измѣнять его было бы поздно и неудобно.

Что же касается вновь поселенныхъ селъ и деревень, которыя появились уже послѣ старыхъ переписныхъ книгъ и занесены въ Азовской губерніи лишь въ новыя книги 1710 г., то съ нихъ по государеву указу никакихъ поборовъ, ни рекрутовъ, ни работниковъ не спрашивать, потому что они переведены изъ иныхъ селъ и деревень, по которымъ они и записаны въ старыхъ переписныхъ книгахъ; тамъ съ нихъ и возьмутся всякіе сборы по книгамъ 186 г., если же собирать и здѣсь, то тогда „на нихъ тѣ поборы будутъ вдвое".

4. Съ крестьянъ же монастырскихъ вотчинъ собирать поборы по новымъ книгамъ 1710 г., не смотря на то, поселены-ли они до 186 г. и въ переписныя книги этого года внесены или явились послѣ 186 года и занесены впервые только въ 1710 году, съ первыхъ сбирать по новымъ книгамъ потому, что, во 1-хъ, съ переписныхъ книгъ 186 г. монастырскимъ вотчинамъ, что въ которой дворовъ крестьянскихъ, вѣдомости не прислано, во 2-хъ, „въ тѣхъ вотчинахъ по переписи 1710 г. явилась многая свидѣтельствованная пустота, которой наличнымъ крестьянамъ ни по которой мѣрѣ оплатить невозможно" и „земли тѣхъ пустыхъ дворовъ лежатъ пустыми"; со вторыхъ (т. е. съ тѣхъ, которые впервые занесены въ переписныя книги въ 1710 году) потому, что „съ тѣхъ новопоселенныхъ монастырскихъ вотчинъ всякіе поборы" „отданы изъ монастырскаго приказа въ окладъ на расходы Азовской губерніи".

Относительно помѣщичьихъ и вотчинничьихъ крестьянъ, а также и монастырскихъ, П. Кикинъ опредѣлилъ: къ будущему 712 году ихъ „росписать по тягламъ такъ, какъ и служебные росписаны, и поборы всякіе и рекруты по рас-

кладкѣ съ нихъ сбирать и работниковъ высылать по тягламъ для того, чтобы никто отъ поборовъ и отъ рекрутъ и отъ работниковъ пустотою не отговаривался"; при росписаніи на тягла слѣдуетъ исключить людей старыхъ, что свыше 60 лѣтъ, потому что они „работать не могутъ, и молодыхъ, ниже 15 лѣтъ, которые до урочныхъ лѣтъ не дошли", такъ какъ ими „впредь будутъ пополняться окладныя тягла, изъ которыхъ убыль будетъ людемъ"[1]).

Такіе порядки вводилъ въ Тамбовской провинціи Кикинъ при распредѣленіи государственныхъ податей и повинностей между различными слоями населенія.

Въ слѣдующіе годы въ то время, какъ оклады центральнымъ правительствомъ опредѣлялись по прежнему, по дворовому числу, въ Азовской губерніи утверждается новый порядокъ: „для лучшей всенародной выгоды" всѣ доходы и сборы распредѣляются „по числу людей мужска и женска обоихъ половъ" по переписнымъ книгамъ 1710 г., считая людей „по 8 человѣкъ во дворъ, а семьями по 4 семьи во дворъ".

Это число оставалось неизмѣннымъ для всей Азовской губ., но различный порядокъ былъ при опредѣленіи возраста лицъ, заносимыхъ въ тягло; что людей свыше 60 лѣтъ, какъ не работоспособныхъ, не должно зачислять въ тягла, это было проведено всюду, но съ какого возраста вносить въ тягло подростковъ, здѣсь были колебанія. Въ Тамбовской провинціи зачислялись въ тягла только тѣ, кто достигъ 15 лѣтъ, въ Воронежской—съ 10 лѣтъ, а въ отдѣльныхъ мѣстахъ (напр., по городу Лебедяни) даже съ 9-лѣтняго возраста заносили въ тяглую семью[2]).

Затѣмъ слѣдуетъ указать на то обстоятельство, что послѣ переписи 1710 года мѣстныя власти, до опредѣленія генеральнаго, стали взимать рекрутъ, работниковъ, подводы, провіантъ и деньги не по старымъ книгамъ 186 года, а по новымъ переписнымъ книгамъ 1710 года, хотя сенатъ обычно

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина,* № 21, л. 179—184. По распредѣленію 1711 года „тягло" составляли 6 чел. муж. пола отъ 15 до 60-лѣтняго возраста (л. 172).

[2]) *А. М. Ю.,* № 63, л. 644, 653, 657.

всѣ сборы опредѣлялъ по книгамъ 186 года, а иногда прямо предписывалъ, чтобы сборы брались именно по нимъ. Но ради удобствъ при производствѣ сборовъ губернаторы и другіе провинціальные начальники взимали сборы по новымъ книгамъ, хотя этимъ не исключалась возможность того, чтобы они по своему разсмотрѣнію въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгали къ книгамъ 186 года, и по нимъ требовали отправленія повинностей и сбора денегъ [1]).

Къ этому нужно прибавить, что нѣкоторые сборы иногда центральной властью предоставлялось всецѣло усмотрѣнію мѣстныхъ властей; такъ нерѣдко губернаторамъ и вице-губернаторамъ при сборѣ работниковъ, провіанта (въ особенности, когда нужно было рѣшить, сбирать ли его натурой или деньгами), при наймѣ подводъ, поручалось все то „чинить по своему разсмотрѣнію".

Столь широкія полномочія, которыя имѣли мѣстныя власти при распредѣленіи податныхъ тягостей, давали возможность имъ дѣйствовать рѣшительно и по своей личной волѣ, что могло приводить къ неравномѣрному и непосильному обложенью и казаться злоупотребленіемъ. Кромѣ того мѣстная власть, получая сверху постоянные указы о бездоимочномъ сборѣ, о высылкѣ денегъ, провіанта и прочаго, испытывая понужденіе отъ присылаемыхъ курьеровъ и командируемыхъ отъ самого царя или отъ сената офицеровъ и царедворцевъ, сама уже не стѣснялись въ средствахъ и разными мѣрами принуждала населеніе вносить деньги, собирать рекрутъ, провіантъ и высылать все то, что отъ него требовалось по окладамъ и указамъ, по ея собственному распредѣленію окладныхъ суммъ. Предпринимаемыя мѣры понужденія не были еще злоупотребленіемъ властей, но онѣ могли казаться тягостными для населенія и вызывать съ его стороны жалобы.

Такъ въ 1712 году ряшанинъ Алексѣй Колюбакинъ въ своей челобитной писалъ, что онъ въ 1711 году „по переписнымъ книгамъ 710 года положенъ съ своею братіей съ

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. ниже.

рязанцы и съ ряшаны въ работу и въ подати противъ архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ"; онъ же, челобитчикъ, лѣтъ 15 тому назадъ „волею Божіею" заболѣлъ, и „въ той скорби приключилось ему разслабленіе"; и „понынѣ, пишетъ Колюбакинъ, въ такомъ разслабленіи и руками не владѣю, не токмо работы работать и крестнаго значенья на лицѣ своемъ мнѣ руками вообразити невозможно"; и я „за такимъ разслабленіемъ кормлюся, побираясь по міру ради Христова имени и съ женишкою своею"; а между тѣмъ на немъ поборы правятъ, да кромѣ того комисаръ Савостьяновъ въ прошломъ 1711 году „доправилъ" „за пустовой крестьянскій дворъ и съ 1/4 двора, которые написаны по переписнымъ книгамъ 186 г. за отцемъ моимъ". „О складкѣ такихъ податей, жаловался челобитчикъ, билъ я челомъ ландрихтеру Петру Кикину и онъ мнѣ о томъ указа не учинилъ" [1]).

Такъ новгородскіе помѣщики всѣхъ 5 пятинъ дворяне и дворянскія жены, вдовы и дѣвки жаловались въ челобитной (отъ марта 1718 г.) на имя Государя: Въ прошлыхъ 705 и 711 гг. по государеву указу они были высланы въ новозавоеванный городъ Копорье и въ Великій Новгородъ и отданы подъ началъ тогдашнему вице-губернатору Якову Корсакову „для разбору окладныхъ денегъ", и Корсаковъ, „не выбравъ окладчиковъ", установилъ оклады самъ, „оклады тяжкіе и несносные", „и не по помѣстьямъ и вотчинамъ ихъ и не по дворовому числу крестьянъ", отчего они, платя столь многія окладныя деньги, „въ конецъ разорились"; лишь съ 1713 г. съ нихъ стали брать деньги „по окладчиковымъ окладамъ", но и въ это время они облегченія не получили, такъ какъ ихъ дѣти, братья, племянники и внучата многіе,

---

[1]) Докл. и проч., П, кн. II, 214. Ср. челобитную крестьянъ Ростовскаго уѣзда вотчины Борисоглѣбскаго монастыря, въ которой крестьяне жаловались на оберъ-командировъ и комендантовъ, которые „спрашиваютъ въ разные платежи за пустые дворы и правятъ противъ переписныхъ книгъ 186 г. сполна", „держатъ на провежѣ", „присылаютъ къ нимъ посланныхъ и приставовъ безпрестанно"; тогда какъ „многіе крестьяне отъ правежей, покиня домы свои и тяглые жеребьи, бѣжали съ женами и съ дѣтьми и нынѣ врознь бредутъ" такъ что всѣхъ податей „никоими дѣлы платить малолюдствомъ за скудостью невозможно" (П, кн. I, 200).

которые „жили съ ними въ однихъ домахъ и предложены были на деньги“, взяты въ драгуны, въ солдаты, въ школы и къ государевымъ дѣламъ, при чемъ слѣдуемыя съ нихъ окладныя деньги берутся на оставшихся и на людяхъ и на крестьянахъ ихъ. Къ тому же еще доимку за время съ 1705 по 1710, и съ 1713 г. и позднѣе велѣно по нынѣшнему (1718 г.) указу доправить на нихъ; и по тому указу ихъ, челобитчиковъ, женъ и дѣтей ландратъ „держитъ на правежѣ непрестанно“, благодаря чему они приходятъ „во всеконечное разоренье и скудость“, а люди и крестьяне и остальные отъ такого правежа „врознь бредутъ“.

Челобитчики просили Государя сбавить имъ окладныя деньги и „положить по возможности и не взыскивать съ нихъ за прошлые годы по копорскому окладу и по новгородскому тѣхъ вышепомянутыхъ несносныхъ окладныхъ денегъ, также и штрафныхъ“ (вмѣстѣ съ доимочными по указу велѣно было править „со всякаго рубля штрафу по 10 денегъ, да на окладчикахъ и сборщикахъ по 10-жъ денегъ съ рубля“ [1]).

Челобитчики считали неправильнымъ обложеніе ихъ Я. Корсаковымъ „тяжкими и несносными окладами“, жаловались они и на тяжесть тѣхъ окладныхъ денегъ, которыя были положены на нихъ съ помощью окладчиковъ; но, конечно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ явнаго злоупотребленія со стороны мѣстныхъ начальниковъ не было.

Въ 1714 г. служилые люди г. Верхняго и Нижняго Ломова жаловались, что „съ градскихъ и уѣздныхъ людей, съ солдатъ коменданты и приказные люди сбирали всякія государевы подати, которыхъ прежде сего съ нихъ не имано“, собирали рекрутъ, работниковъ, провіантъ, лошадей и деньги, да въ прошломъ 713 году при сборѣ всего того въ Верхнемъ Ломовѣ, когда тамъ собиралъ всякіе доходы комисаръ Татариновъ, онъ „билъ на провежѣ многихъ людей и му-

[1]) *А. М. Ю.*, № 64, л. 31—32. Челобитная была разсмотрѣна сенатомъ, гдѣ 21 марта 1718 г. было повелѣно: по вышеписанному челобитью Е. В. Г. указъ учинить въ с.-петербургской губернской канцеляріи и о томъ послать указъ“; указъ и былъ посланъ съ прописаніемъ челобитья 28 марта 1718 г. (л. 33—35).

чилъ мукою и сажалъ въ воду, и отъ того мученья многіе померли“ и „учинилась многая пустота“ [1]).

Въ этомъ случаѣ никакого злоупотребленія со стороны комендантовъ и приказныхъ людей, когда они взимали со служилыхъ людей Азовской губ. всѣ эти сборы и примѣняли правежъ къ неплательщикамъ, не было, коменданты, по требованію сверху, примѣняли лишь крайнія мѣры, чтобы принудить населенье платить деньги и выполнять сборы.

Подобныхъ жалобъ на мѣстныхъ властей дошло до насъ множество. Такъ монастырскіе крестьяне Ростовскаго уѣзда вотчины Борисоглѣбскаго монастыря въ челобитной (1712 г.) писали: Ростовской провинціи оберъ-командиры и командиры въ государеву казну „спрашиваютъ съ насъ въ разныя платежи за пустые дворы всякихъ платежей“ и правятъ сборы по переписнымъ книгамъ 186 г. сполна и „забравъ въ Ростовъ въ приказную избу насъ, сиротъ твоихъ, многихъ старостъ и крестьянъ, въ день держатъ на правежѣ, а ночь сажаютъ въ тюрьму, и бьютъ на правежѣ смертно многія недѣли и въ вотчину для денежныхъ платежей изъ приказной избы посылаютъ къ намъ посланныхъ и приставовъ безпрестанно“ [2]). Власти Троице-Сергіева монастыря жаловались, что въ ихъ вотчины царедворцы и коменданты для сбора полтинныхъ денегъ „посылаютъ градскихъ многихъ людей нарочно и въ томъ чинятъ убытки имъ“; въ вотчину ихъ, въ приселокъ Куличи пріѣзжалъ подъячій Алексѣй Порываевъ съ служилыми людьми, „ималъ крестьянъ и ихъ женъ и лошадей и всякіе крестьянскіе пожитки и на взятыхъ крестьянахъ и на женахъ ихъ правилъ полтинныя деньги и билъ на правежѣ, разувъ, босыхъ смертнымъ боемъ“, и крестьяне, „не стерпя тѣхъ побой, распродавъ хлѣбъ и лошадей, заплатили ему денегъ 13 руб.“ [3]).

Повторяю, подобныя дѣйствія комендантовъ и подъячихъ могли въ себѣ и не заключать злоупотребленія, но тѣмъ не

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 625.
[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 200.
[3]) Тамъ же, IV, кн. I, 9—10. Какъ здѣсь, такъ и ниже приведены примѣры отъ 10-хъ годовъ XVIII в., но, думается, и раньше порядки и дѣйствія администраціи были тѣ же.

менѣе подобные факты были тягостны для населенія, а иногда влекли за собой „пустоту“. Но населеніе еще въ большей мѣрѣ страдало въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей были явныя злоупотребленія: излишніе сборы, взятки, неправосудіе, „обиды и разоренія“, что тоже бывало нерѣдко и вызывало постоянныя жалобы со стороны населенія; объ этомъ дошли до насъ многочисленныя свидѣтельства.

Притѣсненіе и злоупотребленіе управителей и комендантовъ выражались въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Вотъ какъ, напр., житель г. Лебедяни описываетъ дѣйствіе коменданта Ивана Домогацкаго и его помощниковъ приказныхъ подъячихъ Ѳедора и Максима Козминыхъ и Василья Кармманова: Они служилыхъ людей г. Лебедяни „наглыми своими нападками и большими взятками въ конецъ разорили и многихъ изъ домовъ своихъ разогнали“, а на оставшихся земляхъ построили села и деревни и „тѣми пустовыми землями завладѣли“, а съ нѣкоторыхъ пустыхъ дворовъ своевольно перевозили къ себѣ хоромное строенье; когда былъ рекрутскій наборъ, то комендантъ съ подъячими, „чтобы ихъ въ службу не писать, бралъ взятки многія, по рублю и по два и больше съ человѣка“; затѣмъ денежные сборы они правятъ излишніе, иногда „вдвое“; собирая деньги, иногда „отписей имъ не давали и тѣми деньгами покорыстовались сами“; комендантъ съ подъячими въ прошломъ 1709 г. „правилъ съ нихъ будто вмѣсто провіанта деньгами по полтинѣ со двора, да по четверти ржи и иные многіе платежи правилъ же; а кому изъ уѣздныхъ лѣдей за скудостью въ тѣ платежи платить было не чѣмъ, и они, посланные, у нихъ, служилыхъ людей, и у драгунскихъ женъ брали лошадей и коровъ и всякіе ихъ, служилыхъ людей, пожитки, и тѣмъ всѣмъ они покорыстовались сами, а въ государеву казну не платили“; „да онъ же, комендантъ и подъячіе, жалуется челобитчикъ, берутъ съ уѣздныхъ людей многія подводы и ѣздятъ въ гости и къ себѣ въ села и деревни и держатъ по мѣсяцу и больше, и отъ того безкормія многія лошади помираютъ, а иныя пропадаютъ безызвѣстно и не отдаютъ“; къ своимъ недругамъ,

кто на нихъ подавалъ доношеніе, „подьячіе, мстя имъ въ отмщеніе, пріѣзжая въ домишки ихъ, отцовъ ихъ и родственниковъ бьютъ на правежѣ смертнымъ боемъ и разоряютъ до основанія“ [1]).

Вѣроятно, въ этой челобитной многое преувеличено, ис кажено, но въ наличности злоупотребленій едва ли можно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что подобные факты совсѣмъ не единичны.

Въ 1712 г. вологодскій архіепископъ просилъ Государя отдать въ его вѣдѣніе по прежнему домовыя его вотчины, отобранныя отъ него вице-губернаторомъ, который поручилъ тѣ вотчины комисарамъ, при чемъ архіепископъ въ своей челобитной писалъ: „Отъ комисаровъ излишней тягости крестьянамъ и въ денежныхъ расходахъ и въ охраненіи и въ домовыхъ постройкахъ и въ надсмотрѣ работъ есть: по вотчинамъ ѣздятъ многолюдствомъ и лошадей держатъ домовыхъ и мірскихъ излишествомъ, и отъ того въ зачетахъ у крестьянъ многіе являются расходы и всеконечное оскудѣніе и пустота будетъ“; архіепископъ напоминаетъ, что это не первый случай, еще до 1708 г., когда ему были переданы тѣ вотчины, онѣ находились подъ вѣдѣніемъ подобныхъ же управителей, при чемъ при тѣхъ „вѣдомцахъ по счетамъ многое излишество сверхъ настоящихъ податей въ расходѣ явилось“ [2]).

Отъ Ивана Бронницкаго, въ бытность его комендантомъ Псковскаго пригорода Острова, происходили „крестьянамъ излишнія тягости и разоренія“, вслѣдствіе чего онъ былъ оттуда уволенъ и его предположено опредѣлить къ дѣламъ, „токмо-бъ не къ городовымъ и не къ земскимъ“ [3]). Жители г. Добраго Азовской губ. били челомъ на коменданта и приказныхъ людей, которые берутъ „излишнія взятки“, сверхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ „берутъ съ нихъ многія деньги“, и тѣмъ чинятъ имъ разореніе [4]).

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 369—371.
[2]) Докл. и приг., III, кн. I, 390; ср. П. С. З., V, № 2686.
[3]) Тамъ же, II, кн. I, 164.
[4]) Тамъ же, V, кн. I, 293; см. также жалобу чернавцевъ на „излишніе поборы“ съ нимъ коменданта Якова Солового (V, кн. I, 481). Въ доношеніи сенату

Вообще о комендантахъ Тамбовской провинціи ландрихтеръ Кикинъ даетъ слѣдующій отзывъ въ письмѣ къ губернатору Апраксину: „На многихъ комендантовъ и на посланныхъ отъ нихъ сборщиковъ отъ уѣздныхъ людей не только въ обидахъ, но и во всеконечныхъ разореніяхъ и въ разбойническихъ ругательствахъ и въ недачѣ и въ отъемѣ платежныхъ отписей многое челобитье, что и въ старыхъ платежахъ данныя отписи многія отнимали и примѣтками своими для взятокъ своихъ, поотнимавъ отписи, спрашивая другихъ платежей, тѣ отнятыя отписи отдавали на выкупъ, а иные платежи чрезъ тѣ отнятыя отписи правили и другіе и третьи"; вообще, коменданты сборы вели такъ, что и „концовъ нигдѣ сыскать не по чему", „приходныхъ и расходныхъ книгъ ни въ которомъ городѣ нѣтъ" [1]).

Приведу еще послѣдній примѣръ и передамъ, какъ крестьяне Мурашкинской волости Нижегородскаго уѣзда описываютъ „обиды, налоги и всякія взятки" коменданта Василья Мерлина и подьячаго Ивана Долгова. Комендантъ живетъ съ ними, пишутъ въ челобитной крестьяне, „землею смеженъ", а потому онъ постоянно вмѣшивается въ ихъ хозяйство и беретъ себѣ взятки, отобралъ у нихъ хлѣбъ, который они принуждены были смолоть и на своихъ подводахъ отвезти въ Арзамасъ, взялъ овесъ съ житнаго двора, который припасенъ былъ на сѣмена; беретъ съ нихъ „кормовыхъ денегъ по 72 руб. въ годъ безъ указа", да кромѣ того нападками своими вымогаетъ единовременно разныя суммы, то 28 руб., то изъ оброчной суммы 75 руб.; „вмѣсто праздничныхъ барановъ" требуетъ себѣ по полтинѣ за барана, за привозъ назьма— по полуполтинѣ съ выти; требуетъ подводъ въ дѣловую пору не только для себя, но и для „невѣдомо какой старицы изъ Арзамаса, которая ѣздитъ къ нему, коменданту"; заставляетъ

подьячаго Данилова сообщается: инсарскій подьячій Иванъ Добрынинъ „чинитъ въ Инсарскомъ у. разоренье и обиды", „посылаетъ сына своего Андрея безъ указа въ уѣздъ для своей корысти и сынъ его, Андрей, въ уѣздѣ съ деньщиками ѣздя, воруетъ и грабитъ и разоряетъ", „и отъ того его, подьяческаго, разоренья въ Инсарскомъ уѣздѣ чинится пустоты многое число" (Тамъ же, V, кн. I, 449).

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 124.

комендантъ работать на себя: „завелъ винные заводы и бралъ ихъ работать на тѣ заводы и съ коньми“, „покупной хлѣбъ на тѣ заводы возилъ на ихъ мірскихъ подводахъ, да посылалъ ихъ работать на свои издѣлья, пахать, сѣять, жать, снопы вязать и молотить въ неволю; да онъ же, комендантъ, держитъ ихъ крестьянскихъ лошадей по 10 паръ для своихъ прихотей, въ неволю, а за тѣ 10 паръ платятъ они, челобитчики, по 170 руб. въ годъ“. Подобныя же насильства и обиды чинитъ имъ и подъячій [1]).

Не только оберъ-коменданты, коменданты и комисары допускали разныя злоупотребленія, но и простые подьячіе вели себя, какъ большіе начальники. Такъ, напр., по сообщенію изъ патріаршаго села Владыкина Московскаго уѣзда, въ маѣ 1712 г. пріѣхалъ туда изъ Московской губернской канцеляріи подьячій Андрей Протасовъ, пріѣхалъ „многолюдствомъ“, остановился въ томъ селѣ у старосты на дворѣ и началъ спрашивать у крестьянъ отписи въ платежѣ денегъ за 1708—1711 гг.; когда отписи ему были старостой представлены, то онъ съ того села не съѣхалъ, учинилъ въ немъ „станцію“, держалъ у себя на стражѣ крестьянъ денно и ночно по 4 человѣка, а въ другія села посылалъ солдатъ на крестьянскихъ подводахъ и требовалъ съ крестьянъ с. Владыкина себѣ, людямъ своимъ и лошадямъ „корму“; а когда еще до пріѣзду вытребовалъ себѣ въ Москву 5 подводъ, то тамъ тѣхъ подводчиковъ заставилъ „работать на себя и бревна носить“; благодаря пріѣзду того подьячаго въ селѣ Владыкинѣ „въ сѣву и въ пахатѣ учинялась остановка многая, пашня не допахана и не посѣяна, а крестьянамъ чинитъ многую обиду“ [2]).

По доношенію фискала Алексѣя Нестерова (1713 г.) прикащикъ, сытнаго дворца стряпчій Иванъ Полетаевъ, будучи у сбора денежныхъ доходовъ въ Ярополческой волости въ 1709 и 1710 гг., чинилъ притѣсненія крестьянамъ, бралъ

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 484—485; ср. выше 480 и сл.
[2]) Докл. и приг., II, кн. I, 356.

у нихъ подводы, „доправилъ себѣ въ посулъ прежде государевыхъ доходовъ во всей волости 2.000 руб. и больше“ [1]).

По челобитью кн. Василья Кольцова—Мосальскаго, въ его вотчину въ Арзамасскомъ уѣздѣ, по приказу коменданта, пріѣзжають для сбора полтинныхъ денегъ подьячіе съ солдатами, которые „берутъ крестьянъ въ Арзамасъ въ приказную избу и держатъ въ тюрьмѣ, и крестьянамъ пріѣздомъ своимъ чинятъ тѣ приказные люди убытки и разоренье“ [2]).

По доношенію подъячаго Степана Багаева, въ Нижнемъ и Арзамасѣ „отъ подъячихъ въ денежныхъ сборахъ, окладныхъ и неокладныхъ доходахъ и въ истцовыхъ вершенныхъ и невершенныхъ и въ другихъ государевыхъ дѣлахъ воровство великое, отчего они получили себѣ богатство немалое, а уѣзднымъ людямъ чинятъ тягость и разоренье“, подъячіе держали приходныя и расходныя книги у себя на дому безъ судейскихъ закрѣпъ, благодаря чему имъ „возможно было воровать всячески“ [3]).

Крестьяне дворцовой Талоконцовской волости Нижегородской губ. обвиняли подъячихъ Ларіона Овчинникова съ товарищами „во многихъ ихъ взяткахъ и въ разореніи“, а старостъ, цѣловальниковъ и сборщиковъ „въ излишествѣ сборовъ казны“ [4]).

Кромѣ мѣстной администраціи по городамъ и уѣздамъ разсылались царедворцы, офицеры и солдаты, дьяки и подъячіе, которые то побуждали мѣстныхъ начальниковъ къ высылкѣ рекрутъ, работниковъ, провіанта и денегъ, а нерѣдко и сами производили сборы какъ при помощи мѣстныхъ приказныхъ людей и воинскихъ командъ, такъ и съ помощью контингента служащихъ, провозимыхъ съ собою. Бывало такъ, что не успѣетъ уѣхать одинъ нарочный, какъ за нимъ прі-

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 760.

[2]) Тамъ же, 1285.

[3]) Тамъ же, IV, кн. II, 965.

[4]) Докл. и приг., V, кн. I, 132. Подьячій Алексѣй Порываевъ, по сообщенію монастырскихъ властей Троице-Сергіева монастыря, взялъ съ ихъ крестьянъ денегъ 3 руб. „во взятокъ“, да для него-же куплено „вина и харчу на рубль“ (IV, кн. I, 10). О притѣсненіяхъ жителей Устюжскаго уѣзда, благодаря чему въ одномъ стану запустѣло 150 дворовъ, см. у Петровскаго, О сенатѣ, 150, 151.

ѣзжалъ другой, а затѣмъ третій: одинъ требовалъ высылки какихъ либо книгъ, вѣдомостей и росписей, второй торопилъ въ сборѣ рекрутъ, третій пріѣзжалъ править доимку денежныхъ сборовъ прежнихъ лѣтъ и т. д.; каждый изъ нихъ требовалъ себѣ подводъ, корму, а иногда подарковъ „въ почесть“ и просто взятковъ.

Ландрихтеръ Кикинъ такъ картинно описываетъ въ своемъ доношеніи Ѳ. М. Апраксину порядки, бывшіе до него въ Азовской губерніи: „Прежъ сего для сборовъ и для оброчныхъ статей и для высылокъ подводъ и работниковъ и для сбору рекрутовъ посыланы были съ Москвы изъ приказовъ нарочно все разные во всякій городъ человѣкъ по 10 и по 15, а въ иной и по 30, кромѣ городовыхъ посыльныхъ, да отъ тѣхъ съ Москвы присланныхъ бывало разсыльщиковъ по стольку же, и имали подъ себя разныя подводы и кормы и давали во всѣхъ поборахъ все разныя отписи и имали отъ всякой отписи со всякаго двора то милостиво, что по 2 деньги да по грошу, а иные имали и по алтыну, да на отчетъ имали на всякій рубль по алтыну.

А еще сверхъ того чинили многіе грабежи, что по многимъ дѣламъ явилось, отчего сборщики многіе обогатились, а народы здѣшніе всѣ разорились, а нынѣ многіе и вовсе запустѣли отъ сборщиковъ, а не отъ государевыхъ поборовъ, потому что, государь, что всякій сборщикъ для предложеннаго ему побора поѣдетъ во весь уѣздъ одинъ, а за нимъ для другого сбора по весь же уѣздъ другой, а за третьимъ сборомъ также третій и десятый, и не бывало того дня, чтобы не было въ которой деревнѣ сборщиковъ 5 или 6 человѣкъ; а всякій, пріѣхавъ, бьетъ и грабитъ и подводы и кормы емлетъ и деньги сбираетъ и барануетъ въ свою пользу, какъ хочетъ, и оттого уѣзднымъ людямъ сверхъ настоящихъ платежей ставливалось убытковъ впятеро или и больше, а сборщики сборовъ своихъ не отдавали въ казну государеву ни третьяго жеребья, все сами тѣми сборами корыствовались, сколько хотѣли, потому что посыланы были безъ книгъ и безъ росписей, на комъ что взять“.

Описавъ, какъ имъ посланы немногіе сборщики, которымъ даны книги за его собственноручной подписью, такъ что „никоторому сборщику нельзя утаить ни одной копѣйки“, Кикинъ продолжаетъ разсказывать о прежнихъ сборщикахъ: нынѣ для уѣздныхъ людей не легко, такъ какъ по раскладкѣ однихъ окладныхъ денежныхъ поборовъ обошлось по 1 руб. 10 алт. по 2 деньги на дворъ, а съ провіантомъ и съ рекрутами, съ мундиромъ, съ работниками и съ подводами обойдется слишкомъ по 10 руб., „однакожъ предъ прежнимъ седмерицею стало быть легче, потому что уже нынѣ отъ приказныхъ людей разоренья и грабежей никакихъ имъ нѣтъ“, посылокъ лишнихъ не бываетъ и подводъ многихъ не берутъ; „а прежде, государь, сего сборщики и приказные люди, ѣздя, имывали на всякій день подводъ по 100 и по 200, и не только, государь, въ день, ни въ ночь нигдѣ лошади изъ хомутовъ не выхаживали отъ сборщиковыхъ подводъ, а иныя многія подводныя лошади сборщики и посыльные изъ приказныхъ избъ приказные люди и сами воеводы вовсе завладѣли“, и отъ такого „воровства“ и „грабежей“ происходило „народное разоренье“, жители бѣжали, покинувъ свои дома и земли [1]).

Конечно, въ такомъ изображеніи есть значительная доля преувеличенія несовершенствъ прежнихъ порядковъ, а также излишняя надежда на добрыя послѣдствія порядка, установленнаго Кикинымъ, при которомъ будто бы злоупотребленій больше не будетъ, для населенія якобы „открылся свѣтъ“ и всѣ уѣздные люди, какъ льстиво увѣрялъ Кикинъ Апраксина, о здоровьи послѣдняго „Бога молятъ несмолчными гласы“. Злоупотребленія были, они же и остались, вѣроятно, только въ меньшемъ объемѣ благодаря принятымъ Кикинымъ мѣрамъ.

Вообще же говоря, практика посылки нарочныхъ всякаго ранга не измѣнилась, она присуща была всему Петровскому времени въ качествѣ необходимаго побудительнаго средства къ болѣе быстрому движенію административной машины.

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 121—125.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, полагаю, съ достаточной ясностью видно, что для населенія тяжелы были не только сами сборы, но и способъ ихъ взиманія, при которомъ и мѣстная администрація, снабженная широкими полномочіями, прибѣгала къ личному усмотрѣнію и легко переходила къ прямымъ злоупотребленіямъ, и кромѣ того разнаго рода курьеры, посыльные, сборщики и наборщики, командируемые изъ центральныхъ учрежденій, обрушивались на головы уѣздныхъ людей все съ новыми и новыми требованіями. Неудивительно, что иногда населеніе, истощивъ мѣру терпѣнія, бросало свое хозяйство и бѣжало отъ докучливыхъ сборщиковъ туда, гдѣ оно могло бы жить свободнѣй.

Такія послѣдствія дѣйствій сборщиковъ и приказныхъ оффиціально засвидѣтельствованы извѣстнымъ указомъ 25 авг. 1713 г. о сборахъ государственныхъ и о назначеніи особыхъ сборщиковъ податей изъ царедворцевъ, въ которомъ сообщалось, что „возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищенія государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность“ [1]).

II. Помѣщичьи сборы и повинности.

Второй главнѣйшей причиной пустоты дворовъ слѣдуетъ считать тяжесть помѣщичьихъ сборовъ и повинностей, которыя въ связи съ развитіемъ крѣпостного права въ Петровское время, повидимому, значительно возростаютъ.

Сложившись въ XV—XVI вѣкахъ на почвѣ тягла и задолженности крестьянъ, окрѣпнувъ подъ вліяніемъ государственной необходимости, крѣпостное право уже въ концѣ XVII вѣка пріобрѣтаетъ черты полной зависимости крестьянъ отъ своихъ владѣльцевъ [2]). Помѣщики по своему усмотрѣнію

---

[1]) П. С. З., V, № 2707; Докл. и прил., III, кн. II, 654 и сл.

[2]) О крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ въ Россіи см. слѣдующія книги и статьи: Бѣляевъ И. Д., Крестьяне на Руси; Побѣдоносцевъ К. П., Историческія

надѣляютъ крестьянъ землей, вмѣшиваются въ ихъ хозяйственные порядки, налагаютъ повинности и оброки, сами непосредственно или же черезъ управителей, прикащиковъ и старостъ управляютъ крестьянами, а также разбираютъ ихъ „въ крестьянскихъ ссорахъ, въ брани, въ бою, въ займѣхъ между собою и прочихъ тому подобныхъ“ дѣлахъ.

Дошедшіе до насъ отъ конца XVII и начала XVIII вѣка документы, какъ то: письма, приказы и хозяйственныя распоряженія помѣщиковъ, разного рода наказы и инструкціи прикащикамъ, указы правительственные рисуютъ намъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, на которыхъ владѣльцы ихъ начинаютъ смотрѣть, какъ на рабочую силу, имъ принадлежащую [1]).

изслѣдованія и статья; Забѣлинъ И. Е., Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ (Вѣстн. Евр., 1871, № 1 и 2); Ключевскій В. О., Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи (Рус. Мысль, 1885 г., № 8 и 10); Подушная подать и отмѣна холопства (Рус. Мысль, 1886, № 5, 7, 9, 10); Дьяконовъ М. А., Очерки изъ исторіи сельскаго населенія; Лаппо-Данилевскій А. С., Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ (отчетъ о 41 присужденіи наградъ гр. Уварова); Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи (въ сборн. Крестьянскій строй, т. I); Сергѣевичъ В. И., Древности, I и III; Готье Ю. В., Замосковный край; Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому (статьи М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. В. Рождественскаго); краткій общій очеркъ см. въ статьѣ М. В. Клочкова, Крестьяне и крѣпостное право въ Россіи въ XVIII в. (Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. II).

[1]) О положеніи крестьянъ см. слѣдующія книги и изданія: Частная переписка кн. П. И. Хованскаго, его семьи и родственниковъ (М., 1906 г., а также въ сборникѣ, Старина и Новизна, кн. X); письма къ А. И. Безобразову (Временникъ Общ. Ист. и Др. Рос., IX, XVII); приказы кн. П. М. Долгорукова отъ 1700—1705 годовъ (напечатаны въ книгѣ И. Д. Бѣляева, Крестьяне на Руси, 219—234); бумаги кн. Куракина (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. V, 152—166); письма и инструкціи гр. Б. П. Шереметева 1718—1719 г.г. (Архивъ села Вощажникова, вып. I, М., 1901 г.); А. Волынскій, Инструкція дворецкому (Москвитянинъ, 1854 г., № 1 и 2); В. Татищевъ, Краткія экономическія записки (Временникъ, XII, смѣсь, 12—30).

Въ Гос. Архивѣ имѣется краткая инструкція 1713 г., данная А. В. Макаровымъ своему человѣку для управленія мызой. Въ виду того, что подобныхъ инструкцій отъ начала XVIII в. мало опубликовано, привожу ее полностью.

„Статьи, по которымъ отправлять Конону Дубасову.

1) Жить тебѣ въ Ямбургскомъ уѣздѣ во Смердовицкой мызѣ, и смотрѣть прилежно, что надлежитъ тамъ въ поляхъ, подъ мой хлѣбъ пашни и сѣнныхъ покосовъ прибавлять и лошадей и прочаго скота и птицъ, смотря по пашнѣ и по сѣнокосу и по угодямъ держать со удовольствомъ; а впредь сдѣлать и вамъ подать мнѣ роспись, сколько какой скотины и птицъ можно тамо держать, усматривая по хлѣбу и по сѣну.

Помѣщики ревниво смотрѣли за тѣмъ, чтобы крестьяне „не гуляли даромъ“, чтобы „лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло“; они считали необходимымъ „принуждать крестьянъ“ къ работѣ, даже той, которую крестьяне производили на себя, „а не давать имъ то на волю“.

Еще въ 80-хъ годахъ XVII вѣка крестьяне иногда жаловались на тяжесть принудительныхъ работъ въ пользу помѣщика. Такъ крестьяне дер. Красникова били челомъ своему помѣщику П. И. Хованскому: „По вашему, государь, указу, писали они, велѣно намъ поставить по сажени дровъ, и нынѣ на насъ тѣхъ дровъ приказный правитъ, а намъ, бѣднымъ, вывезти тѣхъ дровъ не на чемъ: кляченки у насъ насилу бродятъ, прибились на вашей, государь, работѣ, и

---

2. Крестьянамъ въ работѣ и въ податяхъ имѣть равенство, въ правду по тягламъ, не маня ни кому, ниже щадя кого, дабы одинъ передъ другимъ обниженъ не былъ, и тѣхъ крестьянъ какъ въ моихъ въ домовыхъ, такъ и въ ихъ ссорахъ и во всякихъ дѣлѣхъ росправлять безо всякіе себѣ корысти и никакимъ переводомъ въ правду.

3. Стороннимъ никому крестьянъ моихъ въ обиду не давать и собою не управляться, но разводиться пососѣдски, какъ надлежитъ добродѣтельно, и о всемъ ко мнѣ для вѣдома писать; а будетъ кто по добродѣтели въ какой ссорѣ разводиться не похочетъ, а обида его нестерпима будетъ, и о томъ ко мнѣ писать наскоро, развѣдавъ подлинно и усмотря правду, чтобъ въ большую ссору ихъ не допустить.

4. Бѣглыхъ солдатъ и другихъ никакихъ воровскихъ людей не держать, крестьянамъ безъ прикащичья вѣдома дня на два и на три и болше никуда не отъѣзжать, землю моей дачи съ крестьяны осмотрѣть, написавъ, сдѣлать чертежъ съ очисткою, не владѣетъ ли кто моей дачи землею, такожъ о пашнѣ и о всякомъ хлѣбномъ посѣвѣ и объ убранствѣ и о молодьбѣ чинить тамъ, какъ въ прочихъ деревняхъ водится, не испустя времени, какъ бы въ чемъ было прибыльно, но и крестьянамъ излишней тягости не было.

5. Безъ указу моего тебѣ съ крестьянъ никакихъ поборовъ себѣ не сбирать, такожъ хлѣбъ и луга отъ потравъ и отъ пастбища посторонней скотины хранить. А буде отъ людей моихъ и отъ крестьянъ или отъ постороннихъ кого той мызѣ и деревнямъ учинится его прикащиковою оплошкою въ деревенскихъ какихъ приплодахъ, прибыткахъ утрата или иное какое худо, и тогда онъ, прикащикъ, отданъ будетъ къ розыску, а по розыску учинено будетъ, какъ вору. Итого ради смотрѣть и чинить тщательно со всякимъ радѣніемъ правду безо всякіе оплошки неусыпно и себѣ безкорыстно.

6. Буде такожъ своимъ радѣніемъ въ лошадяхъ и во всякомъ скотѣ и во птицахъ и въ хлѣбѣ и въ сѣнныхъ покосѣхъ учинишь какое изобиліе, и за то лихое радѣніе и труды награжденъ будешь лутче, нежели какъ присовокупишь что неправдою, и за то вовсе испровергнутъ будешь. Таковъ отданъ приказъ въ 10 день ноября 1713 года“ (*Г. А., разрядъ* XI, № 124).

намъ, бѣднымъ, кляченокъ кормить нечѣмъ, а самимъ пить и ѣсть нечего, скудны и бѣдны". „А лѣтомъ, продолжали челобитчики, работниковъ на вашу пашню и съ дѣтишками безпрестани, а свои пашнишки запустили, потому что сѣять нечѣмъ, вашей милости ссуды на сѣмена нѣтъ. А костромскимъ въ недѣлѣ по два дни для нихъ работы дано имъ, а намъ нѣтъ ни по единому дни" [1]). Этотъ примѣръ показываетъ, что на ряду съ „издревле положенной" работой въ теченіе 3-хъ дней на помѣщика, уже въ концѣ XVII вѣка практиковалась четырехдневная и даже ежедневная барщина. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы съ усиленіемъ крѣпостного права барщинныя работы уменьшались.

На ряду съ барщиной на владѣльческихъ земляхъ въ сильной степени была развита оброчная система. О значительности помѣщичьяго оброка свидѣтельствуетъ челобитная крестьянъ Б. П. Шереметева, которые писали, что отъ тяжести денежнаго оброка, издѣлья и всякихъ сборовъ, а также отъ случившагося недорода они „оскудали въ конецъ безъ остатку" [2]). Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что при оброчной системѣ крестьянамъ жилось легче [3]).

Яркую характеристику, правда нѣсколько преувеличенную, отношеній помѣщиковъ и крестьянъ даетъ въ своей книгѣ И. Т. Посошковъ. „Помѣщики, писалъ онъ, на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобь носимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать, и тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то наложенное забравъ, и еще

---

[1]) Частная переписка кн. П. И. Хованскаго, 102.

[2]) Архивъ села Вощажникова, вып. I, 96—99.

[3]) Естественно предполагать, что съ развитіемъ крѣпостного права начинаетъ расти барщинная система насчетъ оброчной. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого предположенія можетъ служить то обстоятельство, что переписныя книги 1710 и 1715 (ландартской переписи) годовъ обычно отмѣчаютъ прибыль въ числѣ дворовъ помѣщичьихъ и скотныхъ даже тамъ, гдѣ число дворовъ другихъ категорій значительно сокращается; значитъ помѣщичье хозяйство, а въ связи съ нимъ и барщинная система, расширялись.

требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало мало посытнѣе быть, то и на него подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: кртстьянину де не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола. И тако творя, царство пустошатъ" [1]).

Нельзя, конечно, представлять себѣ дѣла такъ, что всѣ помѣщики поголовно заняты были эксплоатаціей своихъ крестьянъ. Помѣщики отлично понимали, что ихъ благосостояніе тѣсно связано съ благосостояніемъ крестьянъ. А потому многіе изъ нихъ внимательно слѣдили за хозяйственнымъ положеніемъ своихъ крестьянъ, отводили имъ достаточно земли, помогали скотомъ, инвентаремъ, давали хлѣбъ въ случаѣ нужды на сѣмена и на прокормъ.

Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что помѣщики по существу своего положенія склонны были увеличивать свои доходы съ крестьянъ путемъ возвышенія оброка, размѣра поборовъ и путемъ увеличенія количества работъ, въ этомъ законъ никакого ограниченія имъ не ставилъ, то станетъ понятнымъ то, что владѣльческій классъ, самъ испытывая на себѣ тяжесть государевой службы и разныхъ сборовъ, косвенно падавшихъ и на него, старался переложить эту тяжесть на подвластныхъ ему крестьянъ. Къ тому же нужно имѣть въ виду и усиленіе власти помѣщика надъ личностью крестьянина, благодаря чему помѣщикъ имѣлъ возможность переводить крестьянина къ себѣ во дворъ, женить его по своему усмотрѣнію, наказывать и даже продавать, не только семьями, но и въ одиночку.

Неудивительно, что помѣщичьи поборы и тягости крѣпостной зависимости вліяли на количество населенія. Въ пере-

[1]) Сочиненія И. Посошкова, I, 182, 183. Изложеніе взглядовъ Посошкова на крестьянъ см. въ статьѣ М. В. Клочкова, Посошковъ о крестьянахъ (Великая реформа, изд. Сытина, М., 1910 г. I, 66—79.

писныхъ книгахъ наиболѣе значительной была пустота среди крестьянъ частно-владѣльческихъ. Нигдѣ не развито было такъ сильно бѣгство, какъ среди крестьянъ помѣщичьихъ [1]).

III. Народныя бѣдствія.

На ряду съ государственными и владѣльческими сборами и повинностями среди причинъ пустоты дворовъ слѣдуетъ поставить народныя бѣдствія, которыя, хотя и не играли роли постояннаго фактора, тѣмъ не менѣе оказывали весьма существенное воздѣйствіе на населеніе. Къ народнымъ бѣдствіямъ я отношу: 1—нашествія враговъ и бунты, 2—разбои и грабежи, 3—эпидемическія болѣзни, 4—пожары и 5—неурожаи. Остановлюсь на нихъ въ отдѣльности.

1. Нашествія враговъ и бунты.

Въ началѣ XVIII вѣка почти вся сѣверо-западная часть Россіи была ареной сѣверной войны. Шведскія войска, какъ это обычно бываетъ при вторженіи непріятелей, убивали и грабили жителей, уничтожали ихъ имущество. Поселяне, оставляя на произволъ судьбы свои дома, свое хозяйство, прятались по лѣсамъ и разбѣгались. Да и послѣ ухода враговъ многіе, приходя на свои старыя пепелища, уже не могли

---

[1]) Въ доношеніи изъ монастырскаго приказа сообщается слѣдующее. 1709 г. изъ вотчины Троице-Сергіева монастыря (въ Суздальскомъ у.) бѣжалъ крестьянинъ Родіонъ Сергѣевъ, который, по его признанію, съ своей семьей въ бѣгахъ жилъ въ Шацкомъ у. въ вотчинѣ полуполк. Ивана Ѳилатьева „во крестьянѣхъ“ (а принималъ его, также и другихъ крестьянъ, жить прикащикъ А. Никитинъ) и „всякіе государевы подати и ему, Ивану, платилъ столовые запасы и за подводы на годъ по 2 рубля“; и „тому нынѣ недѣль съ пять, сообщаетъ Сергѣевъ, (при допросѣ въ 1713 г.), онъ, Родіонъ, изъ той дер. Ѳоминой, отъ налоги прикащика Степана Иванова сошелъ одинъ къ Москвѣ для прокормленія“; а здѣсь былъ взятъ къ допросу и отданъ въ монастырь по прежнему (*А. М. Ю.*, № 19, *л.* 135). Крестьяне помѣщика Сназина (изъ Вологодскаго у.) били на него челомъ, что онъ „бьетъ ихъ и мучитъ безпрестанно“, просили о томъ, чтобы за этимъ помѣщикомъ „впредь имъ во крестьянахъ не быть“ (Докл. и приг., V, кн. II, 620).

оправиться, не имѣя силъ и средствъ приняться за пашню, начинали „скитаться межи дворъ“, перебиваясь работой, а иногда „питаясь Христовымъ именемъ“.

Вотъ какими чертами описываютъ крестьяне Новгородскаго уѣзда Гродненскаго и Теребужскаго погостовъ Григорій Ивановъ и Андрей Ивановъ „съ товарищи“ свои бѣдствія въ челобитной, поданной на имя Государя въ 1718 году.

„Въ прошлыхъ годѣхъ, писали челобитчики, непріятельскіе шведскіе воинскіе люди приходили въ твою, Государь, сторону, въ Водскую пятину (перечисляютъ погосты), церкви Божіи и помѣщиковъ нашихъ домы и деревни пожгли и разорили безъ остатку и хлѣба стоячіе и молоченые вывезли и скотъ всякій выгнали и крестьянъ побили и поранили и въ полонъ поимали; и отъ такого ихъ великаго песпоснаго разоренья и смертнаго страха крестьяне многія врознь разбрелись по чужимъ странамъ безвѣстно. И по взятіи Шлютенбурга, спустя долгое время учали мы, нижепоименованные, немногіе люди въ старыхъ своихъ деревнишкахъ селиться“ [1]).

Вообще говоря, города и уѣзды, вошедшіе позднѣе въ составъ С.-Петербургской губерніи, нерѣдко подвергались нападенію и опустошенію. Даже въ 1711 году, когда русскіе прочно укрѣпились на берегахъ Невы, шведы не переставали изъ Финляндіи нападать на русскія поселенія. 22-го іюня 1711 году А. Д. Меншиковъ писалъ въ сенатъ: „Непріятель, въ Финляндіи обрѣтающійся, начинаетъ вступать въ дѣйствія и уже непріятельскія партіи являются гораздо неподалеку оттуда, изъ которыхъ нѣкоторые и за Неву между рѣкъ Мьи и Мойки перешли, а иные близь Славянки явились, и многія пакости починили, кирпичные нѣкоторые заводы пожгли и работныхъ людей нѣсколько побили“; Меншиковъ опасался, какъ бы „за его оттуда отлученіемъ, видя

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 64, л. 42. Объ опустошеніи шведами Псковской области въ 1701 году см: у Устрялова, Исторія Петра В., IV, ч. I, 110; ср. 103.

тамъ малолюдство, непріятель какой вящшей шкоды не учинилъ [1])".

Сильно пострадавшимъ отъ вторженія враговъ оказались Смоленскій и сосѣдніе съ нимъ уѣзды. Въ прошеніи ген.-майора Богдана Корсака и всей смоленской шляхты (1713 г.) было писано: „Отъ перехожихъ войскъ Царскаго Величества, а наипаче въ приближеніе непріятельское короля шведскаго къ смоленскому рубежу, разорены и многіе села, деревни и дворы выжжены, и отъ такого разоренья крестьяне разбрелись за литовскій рубежъ и въ иныя украинскія мѣста".

Смоленскій губернаторъ П. С. Салтыковъ въ своихъ доношеніяхъ сенату (1711—1713 годовъ) „пустоту" той губерніи готовъ отнести на счетъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ предѣлахъ его губерніи; въ доношеніяхъ Салтыкова сообщалось, что „во время сближенія къ Смоленску и къ смоленскимъ границамъ шведскаго короля выжжено и разорено и отъ проходу воинскихъ людей учинилось пустоты 9.445 дворовъ"; по табелю же 1711 года оказалось, что по новой перепискѣ 1710 года „противъ переписныхъ книгъ 186 года" въ Смоленской губерніи двороваго числа убыло 9.425 дворовъ [2]).

Не одни шведы вторгались въ Россію, южныя губерніи подвергались частымъ нападеніямъ татаръ крымскихъ и кубанскихъ [3]), а на юго-восточный край нападали башкиры.

Объ одномъ изъ нападеній татарскихъ ордъ оберъ-комендантъ С. Колычевъ писалъ слѣдующее. „Въ нынѣшнемъ 713 году" „непріятельскіе люди крымской и кубанской ордъ татары съ воры и измѣнники некрасовцы приходили незапнымъ набѣгомъ, подъ городы Воронежской провинціи и тѣхъ городовъ въ уѣздахъ, а именно Усердовскомъ, Ольшанскомъ, Верхососенскомъ, Полатовскомъ, Новооскольскомъ, Валуйскомъ, многое въ селахъ и деревняхъ и Острогожскаго полку черкасскихъ въ Ливенской и въ Бирючьи слободахъ чинили разоренье и нѣсколько въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ и слобо-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2390.

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 478—480; ср. II, кн. II, 226; III, кн. I, 210.

[3]) О нападеніи татаръ см. у Багалѣя, Очерки заселенія южныхъ окраинъ.

дахъ церквей и дворовъ пожгли и тутошнихъ жителей русскихъ и черкасъ муж. и жен. пола людей въ полонъ поимали и порубили и лошадей и скотину отогнали, а къ инымъ вышеписаннымъ городамъ и приступъ чинили"[1]).

Отъ того же года (5 августа) азовскій губернаторъ Иванъ Толстой сообщалъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, „отъ 24 прошлаго іюля, собрався подъ Азовомъ крымской и кубанской орды многое число, а именно съ 20.000 человѣкъ, пошли по Нагайской сторонѣ межъ Волги и Дону вверхъ подъ казацкіе городки и въ руль; и хотя тѣмъ татарамъ по вѣдомостямъ о учиненныхъ съ Царскимъ Величествомъ у салтана турскаго мирнымъ трактатамъ и не надѣялись быть въ войнѣ, однако-жъ татарская орда явилась, вырубили и разорили по Хопру и по другимъ рѣкамъ многіе казацкіе городки и другія волости и къ битюцкимъ жилищамъ идутъ и къ Осередѣ и въ русскіе города къ Пензѣ и къ другимъ уѣздамъ туда-жъ, гдѣ нынѣшняго лѣта прежнимъ приходомъ многое число селъ и деревень разорили и тысячи многія людей побрали"[2]).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ безпокойна была жизнь въ южныхъ областяхъ, куда постоянно, не смотря на „мирные трактаты" съ „турскимъ салтаномъ", вторгались татары, производившіе разгромъ и опустошеніе.

На юго-восточныя области нападали сосѣдніе кочевники, башкирцы, каракалпаки и киргизъ-кайсаки. Эти нападенія были тѣмъ опаснѣе, что кочевники, вторгаясь въ русскія области, увлекали за собой родственное имъ инородческое

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 60, л. 98 и сл. О нападеніи орды въ 1713 году и о разореніи мѣстности близъ Василькова см. въ Докл. и проч., V, кн. I, 467.

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 700; др. 1036; III, кн. I, 188; V, кн. II, 1145 и сл. О подобномъ же нападеніи татаръ имѣются свѣдѣнія въ челобитной подпоруч. Василія Языкова, поданной въ сенатъ (въ августѣ 1718 г.). „Въ прошломъ, Государь, 717 году, писалъ Языковъ, въ августѣ мѣсяцѣ село Богоявленская пятина и многія Казанской и Азовской губерній жилыя села и деревни разорены и выплѣнены и выжжены и крестьянства побраны въ полонъ многія тысячи. А во время того непріятельскаго находу ими кубанцами взято изъ помянутаго села Богоявленской пятины крестьянъ моихъ муж. и жен. полу 70 человѣкъ" (въ томъ селѣ, по показанію Языкова, по переписнымъ книгамъ числилось 15 дворовъ—*А.М.Ю.*, № 60, л. 439 и сл.).

населеніе, жившее на юго-восточныхъ окраинахъ. Нападенія внѣшнія сопровождалось бунтомъ подвластныхъ Россіи народовъ. Такъ, напр., въ 1705—1708 годахъ разыгралась „башкирская война", въ которой кромѣ кавказскихъ горцевъ, калмыковъ и башкиръ, жившихъ въ средне-азіатскихъ степяхъ, приняли участіе башкиры, татары и чуваши Уфимскаго и Казанскаго уѣздовъ, казаки-раскольники и бѣглые крестьяне.

Во время башкирскаго бунта многія села и деревни были сожжены и разграблены, а жители уведены въ плѣнъ. По оффиціальнымъ даннымъ во время „башкирской войны разорено было селъ и деревень 303, людей побито и отведено въ плѣнъ 12.705 человѣкъ" [1]).

И позднѣе, послѣ усмиренія башкирскаго бунта, происходятъ побѣги инородцевъ. Такъ въ 1714 году, по доношенію губернатора П. С. Салтыкова, „воровскіе воинскіе люди, башкирцы, каракалпаки и киргизъ-кайсаки", въ числѣ 500 человѣкъ, „напали пригорода Мензелинска на солдатъ и били боемъ и взяли въ полонъ 35 человѣкъ", а затѣмъ разорили 3 ясашныхъ деревни, захватили жителей въ плѣнъ и скотъ угнали съ собой [2]); другая же партія тѣхъ же „воровскихъ людей пошла подъ Самару и подъ Сергіевъ городы".

Уменьшалось населеніе и отъ бунтовъ. Въ 1705 и 1706 годахъ происходятъ волненія въ Астрахани, перешедшія въ открытый бунтъ, во время усмиренія котораго погибло болѣе 10.000 человѣкъ [3]). Нѣсколько позднѣе вспыхнулъ еще

---

[1]) О башкирской войнѣ см. у С. М. Соловьева, И. Р., III кн., 1446—1449. Объ опустошеніи Казанскаго уѣзда во время этой войны казанскій татаринъ Бекбавка Чимкинъ Телязинскій въ доношеніи сенату сообщалъ: „Въ прошлыхъ де годѣхъ приходили уфимскіе башкирцы великимъ собраніемъ и воевали Казанскій уѣздъ и насъ, казанскихъ татаръ, и всякихъ чиновъ ясашныхъ людей разоряли, домы наши пожгли и все безъ остатка пограбили и множество нашу братью побили, а достальныхъ насъ съ женами нашими и съ дѣтьми всѣхъ побрали къ себѣ на Уфу" (*А. М. Ю.*, № 101, л. 467).

[2]) По свѣдѣніямъ Салтыкова этой партіей всего „въ полонъ взято и побито яицкихъ казаковъ и мензелинскихъ солдатъ и чуваши 214 человѣкъ, ранено 40; да съ ними же взяли 37 фузей, сумъ патронныхъ тожъ, 22 шпаги, да скота: лошадей, коровъ и овецъ отогнано и побито 1.330" (Докл. и приг., IV, кн. II, 1268). Ср. доношеніе того же Салтыкова о набѣгахъ кубанскихъ татаръ (Тамъ же, стр. 739—741).

[3]) Объ Астраханскомъ бунтѣ см. у Устрялова, Исторія Петра В., IV, ч. I, 485—509. Въ Докл. и приг. сената въ „выпискѣ изъ дѣлъ разряднаго и стрѣлец-

болѣе опасный бунтъ, булавинскій, захватившій собой обширный районъ казачьихъ поселеній по Дону. Тревога распространилась по всему югу Азовской губерніи, доходя до Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ. Петръ, опасаясь сильнаго „внутренняго замѣшанія“, уже намѣревался самъ ѣхать на Донъ и принять энергичныя мѣры, дабы „сей огонь, какъ онъ характеризовалъ бунтъ, заразъ утушить“. Но въ пріѣздѣ царя не было нужды: кн. В. В. Долгорукій, посланный на Донъ, усмирилъ возстаніе [2]. Во время булавинскаго бунта многіе казачьи городки были разорены, деревни выжжены и тысячи людей погибли.

И по усмиреніи астраханскаго и булавинскаго бунтовъ югъ и юго-востокъ оставались мѣстомъ частыхъ волненій и столкновеній. Въ 1717 году въ виду тревожныхъ обстоятельствъ была составлена записка, указывавшая, „какимъ образомъ донскихъ казаковъ воздержать отъ мятежей и пресѣчь ихъ бунты и непостоянство и пріемъ изъ россійскихъ городовъ сходцевъ и бѣглецовъ“ [3].

каго приказовъ о военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ и о бунтахъ, бывшихъ сначала царствованія Петра В.“—V, кн. II, 1167; ср. 1175, 1183.

[2]) О булавинскомъ бунтѣ см. у Голикова, Дѣянія, II—IV, XI, XIV, и XV; у С. М. Соловьева, Исторія Россіи, кн. III, 1452—1467. О томъ же бунтѣ, а также о нападеніяхъ крымцевъ, кубанцевъ, башкиръ и другихъ инородцевъ см. въ Описаніи дѣлъ архива морскаго министерства, т. I и II.

[3]) Записка 1717 г.—среди доношеній Степана Колычева. Мѣры, предложенныя ею, сводились къ слѣдующему.

1.—Взять у донскихъ казаковъ „вѣдомость, что у нихъ казачьихъ по всѣмъ рѣкамъ городковъ“ и „что въ коей станицѣ въ Черкасскомъ и въ другихъ городкахъ людства, съ именными списками и съ лѣты“, при чемъ объявить, что „коихъ имена будутъ въ переписи, изъ казацкой службы“ тѣ лица никому не будутъ отданы, но за то казаки не должны принимать къ себѣ сходцевъ и бѣглецовъ, кромѣ вольныхъ черкасъ и чужеземцевъ.

2.—Росписать ихъ по полкамъ, тысячи 2 въ полкъ, и „велѣть имъ выбрать первыхъ полковниковъ и сотниковъ противъ черкасскихъ великороссійскихъ слободскихъ полковъ“, съ тѣмъ, чтобы они тѣхъ полковниковъ безъ государева вѣдома перемѣнять не могли.

Тогда произошли-бъ отъ нихъ „лучшая служба и вѣрность и постоянство“, а своевольство и бунты вывелись бы, „понеже тѣ полковники и старшина для своего ранга ранга будутъ смотрѣть себѣ лучшаго и всегда-бъ отъ нихъ была всякая вѣдомость и было-бъ на комъ спрашивать всякаго дѣла и поручать имъ, полковникамъ и сотникамъ, судъ и расправу по указу Ц. В. и по обыкновенію слободскихъ полковниковъ“ (*А. Мор. М., дѣло гр. Апраксина*, № 151, л. 47—49.

2. Грабежи и разбои.

Пустошили деревни и села лихіе люди, „воры и разбойники“: при малочисленности и слабости администраціи, при малой развитости общественныхъ организацій, разбойники случайные и профессіоналы могли безъ особаго риска и страха нападать, грабить, разбивать дома и сжигать цѣлыя деревни. По словамъ Посошкова, „во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси“.

Нападали разбойники не только въ пути, по глухимъ мѣстамъ и большимъ дорогамъ, но пріѣзжали „нарядомъ“ по деревнямъ и селамъ, а иногда подступали даже къ городамъ; грабили не только богатыхъ помѣщиковъ, купцовъ и торговыхъ людей, но и рядовыхъ крестьянъ, лишь только заслышатъ, что у нихъ водятся деньги. „Нынѣ, пишетъ тотъ же Посошковъ, такъ діаволъ ихъ (разбойниковъ) умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе, то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ, и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ и ворамъ даютъ волю“ [1]).

Разбои были повсемѣстнымъ явленіемъ. Такъ изъ С.-Петербургской губ. въ 1711 г. писали въ сенатъ, что въ той губерніи „разбои весьма умножаются“, въ уѣздахъ Тверскомъ, Бѣлозерскомъ, Пошехонскомъ, Устюжно-Желѣзнопольскомъ и Старорусскомъ „бродятъ воры и разбойники большими шайками, которые разбили и пожгли многія села и деревни, и посланныхъ для денежныхъ и прочихъ сборовъ, такъ и въ С.-Петербургъ отправленныхъ мастеровыхъ и работныхъ и градскихъ жителей и проѣзжихъ и прохо-

---

[1]) Посошковъ, Сочиненія I, 154, 166. О разбойникахъ см. у Петровскаго, О Сенатѣ въ царствованіе Петра Вел., 310—316; Павлова-Сильванскаго, Проекты реформъ, 112—118.

жихъ всякихъ чиновъ людей грабятъ и бьютъ и мучатъ, а многихъ убиваютъ до смерти“ [1]). Особенно дерзки разбойники были около Ярославля и Твери. По сообщенію тверского коменданта Кокошкина, они настолько умножились и осмѣлѣли, что „хвалятся придти въ Тверь ради разоренья“ [2]).

До какой дерзости доходили шайки разбойниковъ, это ясно видно изъ челобитья самеровскихъ выборныхъ.

„Въ прошломъ, Государь, 1710 году, читаемъ въ ихъ челобитной,—въ Самеровскомъ присудствѣ и въ другихъ уѣздахъ ходили воры и разбойники великими станицами человѣкъ по сту и по полутораста и больше и многія села и деревни выжгли и всякихъ разныхъ чиновъ людей многихъ пристрѣлили и прижгли; и воровской атаманъ Савватій Вахрушенокъ, собравшись со многими товарищи, пришедъ близъ Самерова версты съ три, вотчиниково село Романовское выжгли дворовъ съ пятьдесятъ и больше и изъ того села пришедъ подъ самое Самерово объ рѣку, деревню Хахилеву разбили и животы всѣ у корелянъ пограбили и въ Самерово приступали и съ самеровскими жителями бились часовъ пять и больше и насилу отъ нихъ, воровъ, отбились.

И о томъ самеровскій комендантъ Федоръ Лаговчинъ писалъ въ Ярославль въ приказную палату; и послѣ того оный атаманъ прислалъ къ нему, каменданту, два письма, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ, ворамъ, пороху и запасовъ и хотѣлъ быть въ Самерово разбоемъ. Потомъ комендантъ вторично писалъ въ Ярославль, что оные воры приходили и впредь будутъ въ Самерово разбоемъ, а твоя государева казна въ сборѣ и чтобъ, для охраненія оной казны и для взятья въ Ярославль, прислать служилыхъ людей, чтобъ тое казны оные воры не отбили. И по тѣмъ отпискамъ ярославской комендантъ Степанъ Коровинъ отповѣди никакой въ Самерово не учинилъ и казны въ Ярославль не взялъ и служилыхъ людей въ Самерово не прислалъ, а въ то время оберъ-

---

[1]) Докл. и приг., I, 161.

[2]) Тамъ же, стр. 57; о разбояхъ въ той же губерніи, стр. 270; II, кн. II. 483—492; IV, кн. II, 793, 989, 1137.

комендантъ князь Григорій Волконскій былъ на Москвѣ и послѣ того оный атаманъ, собравшись съ другими атаманы, съ Гавриломъ Боровиченкомъ и съ товарищи, человѣкъ полтораста и больше и, пришедъ въ Самерово, съ комендантомъ и съ подъячими и съ приставы бились долгое время; и на томъ бою убили они, воры, до смерти ближняго боярина П. И. Бутурлина прикащика его вышепомянутаго села Романовскаго Автомона Бухарева да самеровскаго двора тюремнаго сторожа да заплечнаго мастера, и многіе дворы у самеровскихъ жителей выжгли и въ приказной избѣ твою государеву вышеписанную денежную казну двѣ тысячи рублевъ и больше, также и дѣла подрали, а иныя съ собою на патроны побрали и въ церквахъ Божіихъ церковную казну-жъ и у самеровскихъ жителей всякіе пожитки пограбили-жъ безъ остатку“ [1]).

Такое же положеніе было и въ Московской губ. Въ 1710 г., напр., помѣщики и вотчинники городовъ Клина, Волока-Ламскаго и Можайска били челомъ Государю о томъ, что въ ихъ уѣзды „пріѣзжаютъ разбойники многолюдствомъ со всякимъ боевымъ ружьемъ въ домы ихъ, въ села и въ деревни и разбиваютъ и поджигаютъ многія села и деревни днемъ и ночью и побиваютъ многихъ людей до смерти и животы ихъ и людей ихъ и крестьянъ берутъ безъ остатку и бабъ и дѣвокъ увозятъ съ собой для ругательства и лошадей берутъ, а достальныхъ лошадей и скотину побиваютъ до смерти и хлѣбъ изъ житницъ на улицу высыпаютъ для разоренія, а на разбои они, разбойники, ѣздятъ, собрався изо многихъ городовъ и уѣздовъ, бѣглые солдаты и драгуны и корелы“ [2]).

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 438 и сл. О разбойникахъ, ходившихъ по селамъ и деревнямъ Самерскаго присудства, а также по деревнямъ Новгородскаго, Тверскаго и Бѣжицкаго уѣздовъ въ 1697 году, см. Архивъ ист. и практ. свѣдѣній, 1860—1861, кн. VI, III, 26—58 (М., 1869 г.), гдѣ напечатаны „распросныя рѣчи разбойниковъ“.

[2]) Докл. и приг., I, 75 и 381—383. Два года спустя кн. В. В. Долгоруковъ въ челобитной сообщалъ, что въ 1712 г. его вотчину, находившуюся въ Можайскомъ уѣздѣ, разбивали и грабили; а въ слѣдующемъ году „они же, разбойники,

Афанасій Свѣчинъ въ челобитной разсказываетъ, какъ въ 1707 году разбойники, пріѣхавъ въ село Пестрюхино Костромского уѣзда, „домъ разбили и многіе пожитки, платье и всякую рухлядь и лошадей пограбили“, и „отъ того разбою, прибавляетъ челобитчикъ, отецъ его и онъ въ конецъ разорились“ [1]).

Разбойники были такой грозой на большихъ дорогахъ, что даже самъ начальникъ губерніи опасался ихъ. Въ 1711 году московскій управитель Ершовъ писалъ Государю, что онъ пріѣдетъ изъ Москвы въ Смоленскъ, „аще мнѣ большія разбойническія артели путь не пресѣкутъ, которыя нынѣ около Вязьмы и повсюду зѣло тяжки суть; а у насъ на Троицкой дорогѣ въ самой близости около Красной сосны и проѣздъ зѣло худъ; а охранить мнѣ, хотя бы како и смыслилось, да не чѣмъ“ [2]),

Въ другихъ губерніяхъ въ большей или меньшей степени было то же самое. Такъ нижегородскій губернаторъ А. Измайловъ въ 1714 г. доносилъ сенату, что въ губерніи разбойники разъѣзжаютъ съ ружьями и копьями и разграбляютъ села, увозя пожитки и денежную казну [3]). Въ Казанской и Азовской губ. казаки постоянно производили грабежи и разбои [4]).

собравшись человѣкъ со 100 и больше“, подошли къ его вотчинѣ и „учинили на пустошахъ станы“ и „въ тѣхъ волостяхъ многихъ крестьянъ разбиваютъ и деревни и людей жгутъ и побиваютъ до смерти“ (Докл. и приг., III, кн. I, 413).

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 117 и сл.

[2]) *Г. А., Каб. II.*, II, № 13, л. 510. О ворахъ и разбойникахъ въ Московской губ. см. Докл. и приг., I, 134—136, 381—383, гдѣ между прочимъ сообщается: въ 1710 г. іюля 2-го пришли воры и разбойники въ сельцо Обувково Старицкаго уѣзда, „переловили работавшихъ на поляхъ 4 крестьянъ и, положа ихъ на плахи, ломали имъ руки и ноги пополамъ, и потомъ троихъ изъ нихъ, привязавъ къ дереву, разстрѣляли изъ фузей до смерти, а четвертаго покинули живого, говоря: за то де васъ побиваемъ до смерти, что помѣщикъ вашъ (стольникъ Василій Изъѣдиновъ, изъ второй челобитной котораго приводится эта выдержка) бьетъ челомъ о сыщикахъ и ѣздитъ съ ними самъ; но сколько де ему не ѣздить, а будетъ у насъ въ рукахъ: тѣло его обрѣжемъ, да по полю собакамъ размечемъ“ (стр. 382).

См. также IV, кн. II, 790 (о шайкѣ разбойниковъ въ 90 чел. въ Старицкомъ же у.).

[3]) Докл. и приг., IV, кн. I, 487.

[4]) А. Левшинъ, Историческое обозрѣніе уральскихъ казаковъ (Сѣв. Арх., 1823 г., ч. VI, № 12, стр. 396 и сл.; ч. VII, № 13, 3).

Не смотря на строжайшія наказанія, которымъ подвергались разбойники, не смотря на то, что къ поимкѣ ихъ принимался цѣлый рядъ мѣръ и къ борьбѣ съ ними властью призывалось мѣстное общество [1]), разбои и грабежи, по видимому, не уменьшались, отчего происходилъ значительный ущербъ въ хозяйствѣ и государственномъ и частномъ, а населеніе разорялось и дворы пустѣли [2]).

3. Эпидемическія болѣзни.

Уменьшалось населеніе отъ эпидемій [3]). Въ Петровское время, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, первымъ было моровое повѣтріе 1692 года, ограничившееся только городомъ Астраханью и двумя сосѣдними съ ней селеніями. Во время эпидеміи умерло около 10,000 человѣкъ.

Болѣе широкій районъ захватываетъ чума, проникшая въ Россіи изъ Константинополя и придунайскихъ областей въ 1703 и 1704 годахъ. Вообще говоря, Турція въ XVII и XVIII вѣкахъ была очагомъ заразы; здѣсь въ то время, особенно въ XVII вѣкѣ, почти не прекращалась чума, которая то замирала на время, то снова оживала и распространялась чаще всего по Западной Европѣ, а иногда проникала и въ Россію черезъ Польшу и Прибалтійскій край, а также непосредственно съ юга.

---

[1]) Въ Уложеніи 1649 г. цѣлая глава XXI (104 статьи) говоритъ „о разбойникахъ и о татиныхъ дѣлѣхъ"; указомъ 1692 года сотскимъ и старостамъ вмѣняется въ обязанности ловить разбойниковъ (П. С. З., III, № 1510). О сыщикахъ и о мѣрахъ къ поимкѣ воровъ и разбойникахъ см. въ П. С. З., IV, № 2310, 2439, 2573; V, № 3334, 3435, 4477 (инструкція офицерамъ, отправленнымъ для искорененія воровъ и разбойниковъ).

[2]) Отъ разбоевъ въ Тверскомъ уѣздѣ, по сообщенію тверского коменданта (отъ 1712 г.), „многія села и деревни въ конецъ разорились и податей платить не кому"; въ другомъ доношеніи оберъ-коменданта Ярославской провинціи говорится, что „уѣздные люди, покиня дома свои, живутъ по лѣсамъ"; разбойниками „многіе домы и деревни разорены безъ остатку" (Докл. и приг., II, кн. II, 485, 486).

[3]) Объ эпидеміяхъ см. книгу Ф. А. Дёрбека, Исторія чумныхъ эпидемій въ Россіи, П., 1905 г., стр. 65—79. О моровомъ повѣтріи и мѣрахъ предосторожности и борьбы съ нимъ въ П. С. З., II, № 826, 858; III, № 1540, 1650, 1668, 1687, 1738; IV, № 1795, 1836, 2280, 2296, 2300, 2309, 2340, 2418, 2441, 2568 и др.

Моровое повѣтріе 1703 — 1704 годовъ захватило Кіевскую область и произвело значительныя опустошенія; но какъ велико было количество жертвъ—неизвѣстно.

Несравненно сильнѣе свирѣпствовала чума въ 1709—1712 годахъ. Въ 1709 году она пришла въ Прибалтійскій край, въ 1710 распространилась по русскимъ областямъ, перекинувшись изъ Риги въ Нарву, Псковъ, Торжокъ, Новгородъ и другіе города. Въ томъ же 1710 году чума появилась и на югѣ, въ губерніяхъ Кіевской и Азовской. Лишь къ концу 1711 года чума замерла какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ и въ Малороссіи и на всемъ югѣ. Но въ слѣдующемъ 1712 году неожиданно снова показалась въ Ревельскомъ уѣздѣ [1]), пока энергичными мѣрами не была совсѣмъ прекращена.

На этотъ разъ чума произвела весьма значительныя опустошенія. Русская армія около Риги потеряла около 10.000 человѣкъ, больше отъ „моровой язвы“, чѣмъ отъ непріятеля. Въ Ригѣ умерло какъ „отъ морового повѣтрія, также „отъ тѣсноты и духоты“ до 60.000 человѣкъ обоего пола. По словамъ Новгородской лѣтописи въ 1710 году „бысть моръ въ Ригѣ и въ Ругодивѣ, во Псковѣ, въ Изборскѣ, въ Порховѣ, во Гдовѣ, въ Торжку и во всѣхъ уѣздахъ псковскихъ и новгородскихъ, сущихъ подъ Псковъ“; „и толикое множество, продолжаетъ лѣтопись, помре людей во Псковѣ, яко погребати не успѣваху, и на всякъ день у всякой церкви погребутъ человѣкъ 40 или 50 или 60, а иногда и болше, и многія церкви быша безъ пѣнія, яко священницы помроша; такожде по волостемъ“ [2]).

По примѣрному подсчету с.-петербургской губернской канцеляріи (въ доношеніи 22 іюня 1711 года) во Псковѣ, въ Торжкѣ съ уѣздами, да въ Новгородскомъ и Старорус-

---

[1]) О появленіи морового повѣтрія въ Ревельскомъ уѣздѣ въ 1712 году см. въ Описаніи дѣлъ архива мор. мин., I, 360, 593; о повѣтріяхъ—465, 471, 483, 563.

[2]) П. С. Р. Л, III, 277 (третья новгородская лѣтопись).

скомъ уѣздахъ отъ морового повѣтрія запустѣло „по послѣдней мѣрѣ“—16.897 дворовъ [1]).

Администрація С.-Петербургской губерніи моровое повѣтріе, разразившееся въ 1710 и 1711 годахъ, считаетъ одной изъ главныхъ причинъ громадной „пустоты“, которая оказалась въ той губерніи.

4 и 5. Пожары и неурожаи.

Такъ какъ въ Петровское время не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ городахъ, даже въ самой Москвѣ [2]) постройки были деревянныя, легко воспламеняющіяся, особенно лѣтомъ въ сухое время, то пожары для тогдашнихъ людей были въ высшей степени губительны и страшны. Разъ начавшійся пожаръ трудно было остановить, огонь уничтожалъ все, что попадалось ему на пути: строенія, имущество, скотъ и людей.

При скученности построекъ въ деревняхъ пожаръ обычно уничтожалъ почти всю деревню. По этому поводу Посошковъ въ своей книгѣ о скудости и богатствѣ писалъ: „Отъ тѣсноты крестьянство весьма разоряется, потому въ тѣснотѣ аще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, а иногда и одного двора не останется; и такъ погораютъ, что у иного ни хлѣба, ни скота не останется, и отъ того во всеконечную скудость приходятъ“ [3]).

По сообщенію изъ С.-Петербургской губерніи (1711 г.), ту губернію „и сей годъ пожарами Богъ посѣтилъ“, именно

---

[1]) П. С. З., IV, № 2390 (указъ 30 іюня 1711 года, гдѣ приведено доношеніе о запустѣніи дворовъ въ С.-Петербургской губ.). О томъ же моровомъ повѣтріи въ челобитной дворянъ новгородцевъ Шелонской пятины (1716) сообщается: „Въ прошломъ 1710 году во Псковѣ и во Псковскомъ уѣздѣ было моровое поветерье“, „а въ томъ же 1710 г. въ Новгородскомъ у. въ Шелонской пятинѣ (въ такихъ-то погостахъ) многіе крестьянскіе дворы вымерли и опустѣли“ (*А. М. Ю.*, № 64, л. 27).

[2]) О Москвѣ и пожарахъ въ ней см. въ статьѣ М. Клочкова, Москва при Петрѣ Великомъ, помѣщенной въ изданіи „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, т. VII, 24 и сл. (М., 1911 г.).

[3]) Посошковъ И., Сочиненія, I, 172 (М., 1842 г.).

„Ярославль и Кашинъ едва не совсѣмъ до основанія выгорѣли“ [1]). Въ челобитной 1715 года монахъ Троицкаго Николаевскаго монастыря (въ г. Гороховцѣ Нижегородской губ.) Галактіонъ писалъ: У монастыря ни крестьянъ, ни угодій нѣтъ, а было лишь 5 человѣкъ бобылей, но „волею Божіей у тѣхъ бобылей дома безъ остатка погорѣли, и отъ того огня оскудѣли и всѣ разбрелись врознь“ [2]).

Пустѣли дворы, уменьшалось населеніе и отъ неурожаевъ, которые случались довольно часто [3]).

Въ 1710 году тамбовскій ландрихтеръ Петръ Кикинъ писалъ Ѳ. М. Апраксину: „Въ Азовской губерніи во всей овса уже на третій годъ не родится, а нынѣ кромѣ ржи и сѣмянъ ярового хлѣба пропали, и нигдѣ въ Азовской губ. овса ни снопа не спряталъ никто, какъ посѣянъ, такъ и пропалъ, что и всходъ былъ въ рѣдкихъ мѣстахъ“ [4]).

Въ 1711 году (19 ноября) кіевскій губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ писалъ сенату: „Собрать провіанта и фуража“ (въ запросъ для арміи) съ Кіевской губерніи „за оскудѣніемъ крестьянскимъ невозможно, такъ какъ саранча во всѣхъ городахъ не только хлѣбъ, но и траву поѣла безъ остатку, и многіе жители отъ голода разбрелись врознь, а потому и денежные сборы весьма остановились“ [5]).

Кіевскій губернаторъ и въ 1713 году писалъ сенату, что онъ не чаетъ, чтобы Кіевской губерніи обыватели для скудости своей могли провіантъ пріуготовить, „понеже, пояснялъ губернаторъ, и сего года во многихъ городахъ хлѣбъ не родился“ [6]).

---

[1]) П. С. З., IV, № 2390.

[2]) Докл. и приг., V, кн. I, 412; ср. челобитную игумена Срѣтенскаго монастыря (1715 г.), въ которой о „данной землѣ“ того монастыря сообщается, что „съ 1712 года та земля отъ пожарнаго разоренья и за отъѣздомъ всякихъ чиновъ людей по губерніямъ стоитъ впустѣ“ (стр. 14).

[3]) Свящ. Словцовъ, Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи (Сборн. статист. свѣдѣній о Россіи, издав. статист. отдѣленіемъ рус. геогр. общ., 1858, кн. III, 465—502).

[4]) А. Мор. М., *дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 115. О неурожаѣ въ С.-Петербургской губ. въ 1710 г. см. въ П. С. З., IV, № 2390.

[5]) Докл. и приг., I, 393; ср. II, кн. I, 6.

[6]) Докл. и приг., III, кн. II, 1186.

Въ челелобитьи (1716 г.) земскихъ старостъ дворцовыхъ волостей Балаханскаго уѣзда сообщается: „Съ прошлаго 1711 года по нынѣшній 1716 годъ оныхъ волостей многіе крестьяне отъ скудости своей, которая приключилась отъ хлѣбныхъ недородовъ и отъ скотскаго падежа, покиня свои тяглые жеребьи, врознь разбрелись, понеже за такою помянутою скудостью государевыхъ всякихъ окладныхъ и неокладныхъ денежныхъ доходовъ платить стало не чѣмъ", а другіе крестьяне „пришли въ самое существенное убожество" [1]). Въ доношеніи управитель Лукъ Великихъ Иванъ Чириковъ писалъ (16 янв. 1711 г.) сенату: „Отъ прошлогодняго хлѣбнаго недорода крестьяне пришли въ великое оскудѣніе, а иные многіе крестьяне отъ скудости разбрелись врознь" [2]).

Думается, изъ приведенныхъ примѣровъ достаточно ясно видно, что пожары и неурожаи, подрывая хозяйственное благосостояніе населенія, нерѣдко вынуждали его бросать насиженныя гнѣзда и брести туда, гдѣ можно было бы найти пріютъ и пропитаніе. Отсюда мѣстности, постигнутыя пожаромъ или неурожаемъ, пустѣли.

Бѣгство населенія.

Естественнымъ послѣдствіемъ тягостей и неустройства экономической жизни было бѣгство сельскаго населенія. Никогда въ XVIII вѣкѣ бѣгство не было такъ сильно развито, какъ въ первой четверти вѣка. Случался ли рекрутскій наборъ, собирались ли подати, требовалъ ли тяжелыхъ сборовъ и повинностей помѣщикъ, или происходило какое на-

---

[1]) Докл. и приг., VI, кн. I, 122.

[2]) Тамъ же, стр. 47. Въ 1718 году Смоленскаго уѣзда дворцовой Елинской волости „выборный мірской челобитчикъ" Антонъ Лаврентьевъ писалъ въ челобитной: „Всякихъ податей платили мы на годъ по окладу денегъ со 152 дв."; и платя значительныя подати, „наши братья, покиня свои домишки, за скудостью и за хлѣбнымъ недородомъ разбрелись, взять стало не гдѣ, кормятся Христовымъ именемъ" *(А. М. Ю.*, № 644, л. 705*)*.

Указанія на повсемѣстный неурожай хлѣба въ 1716 году см. въ П. С. З., V, № 3069 и 3088.

родное бѣдствіе — отъ всего подобнаго населеніе спасалось бѣгствомъ, надѣясь въ новомъ мѣстѣ найти болѣе сносную и привольную жизнь.

Бѣглый крестьянинъ и бродилъ по бѣлу свѣту, переходя изъ деревни въ деревню, изъ одного уѣзда въ другой. Жизнь такого гулящаго человѣка далеко не была заманчивой: не имѣя своего хозяйства, своего угла, онъ долженъ былъ „кормиться работою своею“, „наймоваться“ у всякаго, кто дастъ работу, будь то крестьянинъ, рыбный ловецъ, торговецъ, огородникъ, судовщикъ, а иногда въ тяжелые дни, когда „промыслить“ было не чѣмъ, выпадала на долю горькая участь „скитаться межи дворъ“, „кормиться Христовымъ именемъ“.

Только немногіе могли выдерживать подобную жизнь бродячаго бездомника, всякаго бѣглеца тянуло къ его прежнимъ занятіямъ, къ прежнему образу жизни. Если только онъ не сбивался съ пути, не попадалъ въ шайку воровъ и разбойниковъ, что съ бѣглыми иногда и случалось, то бѣглецъ искалъ себѣ пріюта и постояннаго мѣста жительства.

Особенной приманкой для бѣглыхъ были вольныя земли на юго-восточныхъ окраинахъ государства, гдѣ не было помѣщиковъ, куда еще не проникли наборщики и сборщики, а если и было какое-либо начальство, то оно не имѣло силъ и средствъ принудить къ тому, чтобы поселившіеся тамъ платили полностью государственные поборы. Но на такихъ вольныхъ земляхъ жить было тревожно отъ набѣговъ и нападеній сосѣдей, да и земли эти съ теченіемъ времени втягивались въ государственную территорію и на нихъ устанавливались въ общемъ тѣ же порядки, какіе были повсюду.

Бѣглые поселялись самовольно въ какой-либо деревнѣ, солдатской слободѣ и даже городѣ, не приписываясь ни къ какой общинѣ, не становясь въ зависимость къ какому либо владѣльцу, кормились черной работой изъ найма, ремесломъ или мастерствомъ, даже и хлѣбопашествомъ, арендуя, а иногда и просто захватывая землю у сосѣдей.

Такъ про бѣглаго Владимірскаго уѣзда села Потакина оброчнаго крестьянина Григорья Усова въ выпискѣ (1700 г.?) сообщается, что онъ, Григорій, живетъ въ Пинскомъ уѣздѣ

въ солдатской слободѣ Бурасовой у помѣстнаго солдата Ерофеева, женился тамъ, „наймоваетъ у того солдата землю“, а за аренду платитъ рубль въ годъ; жилъ много лѣтъ, хотя не измѣнялъ своего имени и прозванія и называлъ себя „государевымъ ясашнымъ оброчнымъ человѣкомъ“; а братъ его Игнатій Усовъ одно время жилъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ ясашной волости въ деревнѣ Симбирскомъ Можаркѣ, „платилъ русскихъ людей ясакъ годовой по 1 руб. на годъ“, „а тотъ де ясакъ снялъ онъ, Игнатій, долю у туточнаго-жъ жителя половину и жилъ своимъ домомъ“, а затѣмъ въ 1700 году держалъ мельницу на р. Инзѣ на откупу у Григорья Степанова Чиркова, платя за аренду мельницы по 6 руб. на годъ, жилъ „безъ записки и безъ порукъ“, а выдавалъ себя за помѣщичьяго крестьянина, изъ вотчины боярина кн. Михайла Яковлевича Черкасскаго, изъ села Павлова Перевоза [1]). Власти Троице-Сергіева монастыря жаловались (въ 1712 г.) сенату: „Въ прошлыхъ годахъ бѣжали изъ монастырскихъ ихъ вотчинъ Переяславскаго, Ростовскаго, Суздальскаго и иныхъ уѣздовъ многіе крестьяне съ женами и дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы, покиня свои тяглые дворы и жеребья впустѣ, а сбѣжавъ, живутъ въ Алатырскомъ уѣздѣ на покидныхъ мордовскихъ земляхъ“ [2]).

Изъ челобитья Василья Ершова (21 февр. 1715 г.) узнаемъ, что кореляне бѣжецкой его вотчины въ 1709 г., „бѣгая, жили, отнявъ насильно у помѣщиковъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ помѣстныя земли, по согласію съ дворцовыми корелами“; затѣмъ они были возвращены ему въ село Городокъ „на прежніе ихъ тяглые жеребьи по прежнему“. Но нѣкоторые изъ нихъ, „каштаны ябедники, не хотя жить за нимъ, Ершовымъ, возмутя простыхъ людей и взявъ съ нихъ, обольстя, многія на тяжбу деньги, били челомъ Государю“, а позднѣе „и выбѣжали всѣ на тѣ-жъ помѣщичьи земли по прежнему“ [3]).

---

[1]) *Г. А., разрядъ* XVI, № 635.

[2]) Докл. и приг., II, кн. II, 94; приговоръ сената 31 іюля 1712 г.: бѣглыхъ крестьянъ, которые живутъ „на пустыхъ мордовскихъ и ясашныхъ земляхъ“, „отдать въ тотъ монастырь по прежнему во крестьянство“.

[3]) Докл. и приг., V, кн. I, 225.

Бѣглымъ людямъ чаще всего нужно было пристраиваться въ сосѣднихъ уѣздахъ, гдѣ они старались попасть на болѣе льготныя земли или поселиться на такихъ условіяхъ, при которыхъ имъ жилось бы лучше прежняго.

Бѣглые охотно поселялись на земляхъ дворцовыхъ, черносошныхъ и ясашныхъ, крестьяне которыхъ были обложены меньшими сборами и несли меньше тягостей, чѣмъ крестьяне помѣщичьи.

Въ 1704 году Григорій Андреевичъ Племянниковъ билъ челомъ Государю о томъ, что лѣтъ 10 тому назадъ изъ его вотчинъ въ Ярославскомъ уѣздѣ бѣжали крестьяне 18 человѣкъ съ женами и дѣтьми; а тѣ крестьяне нынѣ, сообщалъ челобитчикъ, „бѣгая, живутъ въ твоей В. Государя Починковской волости“; и просилъ „тѣхъ крестьянишекъ“ „отдать ему по прежнему во крестьянство“ [1]).

Въ челобитной (1714 года) помѣщицы Анисьи Толстой сообщалось, что изъ ея нижегородской вотчины бѣжали крестьяне, а „въ бѣгахъ живутъ въ Казанскомъ уѣздѣ въ ясашныхъ селахъ и деревняхъ“ [2]). Въ челобитной л.-гв. преображенскаго полка сержанта Родіона Кошелева была написано: „Въ прошломъ 208-мъ году бѣжали отъ него крѣпостные его крестьяне Ряжскаго уѣзда изъ деревни Немеровой“ (приводятся имена 4 человѣкъ) и „бѣгая жили въ его государевой дворцовой волости въ Скопинскомъ уѣздѣ въ селѣ Вослебей“ [3]). Въ челобитной Аграфены Чертовой (1715 г.) сообщалось, что въ прошлыхъ годахъ дворовые люди и крестьяне, 3 семьи, „не хотя государевыхъ податей платить, бѣжали во льготу, укоряючи ее“, бѣжали и нынѣ живутъ 1 семья „за государыней царевной Натальей Алексѣевной въ Гатчинской вѣдомости въ дер. Полпоницахъ“, другая — за Ѳ. М. Апраксинымъ, третья—за И. И. Нарышкинымъ [4]).

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 19, л. 2 (при челобитной приложена „роспись бѣглымъ крестьяномъ“).

[2]) Докл. и приг., V, кн. I, 559.

[3]) Тамъ же, II, кн. II, 95.

[4]) Докл. и приг., V, кн. I, 114; въ той же челобитной Чертова писала: „Объ оныхъ бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ отъ мужа ея и отъ нея имъ, вышеявлен-

Въ 1722 г., когда происходила ревизія подушной переписи и розыски по поводу утайки и бѣглыхъ, крестьяне, бѣжавшіе лѣтъ за 10, 15, 20 и даже 25 до того и возвратившіеся къ своимъ помѣщикамъ или представленные населеніемъ переписной канцеляріи, показывали, что они послѣ побѣга жили въ ясашныхъ или дворцовыхъ селахъ „своимъ дворомъ", или у кого-либо изъ крестьянъ, „не переходя никуды", лѣтъ 5, 10, „лѣтъ 12-ть" и больше. Такъ, напр., крестьянинъ Иванъ Петровъ изъ дер. Кріуши Курмышскаго уѣзда, принадлежавшей помѣщику Есину, показалъ, что отецъ его лѣтъ 19 тому назадъ свезъ его въ Пензенскій уѣздъ въ село Курлякъ, имѣнье гр. Головкина, потомъ въ деревню дворцовую Выползово Самарскаго уѣзда, гдѣ „жили они своимъ дворомъ лѣтъ съ 16". Крестьянинъ Антонъ Бѣлоглазовъ, будучи „въ бѣгахъ", „жилъ въ ясашномъ селѣ Чюверлеѣ своимъ дворомъ 12 лѣтъ" [1]).

Бѣжали крестьяне и дворовые въ помѣстья и вотчины людей богатыхъ и знатныхъ: поселившись здѣсь, они обычно несли меньшіе оброки и повинности, а также находили защиту отъ притѣсненія мѣстной администраціи.

По словамъ вышеприведенной челобитной помѣщицы Чертовой, у нея дворовые люди и „крестьяне, не хотя государевыхъ податей платить, бѣжали во льготу, укоряючи ее", бѣжали въ деревни слѣдующихъ владѣльцевъ: царевны Натальи Алексѣевны, ген.-адмирала Ѳ. М. Апраксина и стольника Ивана Нарышкина, при чемъ одинъ изъ бѣжавшихъ, приходя обратно въ усадьбу ея, „чинитъ многія разоренья и достальныхъ изъ-за нея дворовыхъ людей подговариваетъ и уводитъ" [2]).

Въ прошеніи поручикъ Иванъ Колюпановъ (1716 г.) писалъ, что „въ прошлыхъ годѣхъ бѣжали отъ него крестьяне" изъ сельца Васильевскаго Елецкаго у. и „явились въ

нымъ господамъ, также и въ Копорье по вся годы челобитье было и противъ ихъ челобитья о тѣхъ бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ указу никакого не учинено".

[1]) Примѣры взяты изъ книги съ заголовкомъ: „Распросныя рѣчи въ канцеляріи свидѣтельства м. п. душъ предъ г. подполк. А. П. Салтыковымъ", ревизовавшимъ перепись въ Нижегородской губ. (*А. М. Двора*, *Москов. отд.*, оп. № 39, дѣло № 425, л. 161, 215).

[2]) Докл. и приг., V, кн. I, 114.

бѣгахъ“ въ сосѣднемъ сельцѣ Студенцѣ, принадлежавшемъ кн. Григорью Ивановичу Волконскому; узнавъ о томъ, челобитчикъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Волконскому просить, чтобы тотъ отдалъ ему бѣглыхъ, но Волконскій и слушать челобитчика не хотѣлъ и „на дворъ его къ себѣ пускать не велѣлъ“ [1]).

Крѣпостные бѣжали отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ [2]), ожидая, что помѣщикъ или прикащикъ, принявшій его, не будетъ облагать его большими поборами, такъ какъ иначе онъ броситъ его и перейдетъ къ другому или вернется къ своему прежнему помѣщику. Бѣглецъ, какъ рабочій человѣкъ, за котораго не нужно вносить въ казну никакихъ сборовъ, былъ полезенъ и выгоденъ помѣщику, который, конечно, охотно, не смотря на рискъ и отвѣтственность за пріемъ бѣглаго, укрывалъ его у себя, а если не явно, то молчаливо позво-

---

[1]) Докл. и приг., VI, кн. I, 399.

Кромѣ того Колюпановъ писалъ, что знакомецъ Волконскаго присылалъ изъ с. Студенца земского дьячка, да съ нимъ крестьянъ человѣкъ съ 50, которые въ его, Колюпанова, деревнѣ „взяли у него сильно безъ указа старинныхъ его крѣпостныхъ крестьянъ“ 4 человѣка съ женами, дѣтьми и родственниками и съ ихъ „крестьянскими животы“. и, поселивъ въ с. Студенцѣ, держатъ за собою. Приговоромъ сената 30 апр. 1716 г. „о бѣглыхъ и вывозныхъ крестьянахъ“ велѣно „розыскать“.

О подобномъ же пріѣздѣ человѣка боярина Петра Матвѣевича Апраксина Ивана Чурковскаго „многолюдствомъ“ съ людьми и крестьянами, съ ружьемъ въ пензенскую деревню, Чарыкову, принадлежавшую драгуну Саввѣ Чарыкову, съ цѣлью перевоза крестьянъ въ вотчину Апраксина, сообщается въ Докл. и приг., V, кн. I, 194.

[2]) Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ 1712 г. крестьяне Троице-Сергіева монастыря въ числѣ 4 семей изъ Юрьевскаго Польскаго уѣзда бѣжали въ Переславскій Залѣсскаго уѣздъ къ помѣщику Ивану Румянцеву, по словамъ котораго они „работали изъ найму“, „вспросились у него на время пожить“, онъ ихъ принялъ, якобы не зная, бѣглые они или нѣтъ; они у него „работали въ лѣсу“ (Докл. и приг., III, кн. II, 826 и сл.)

Въ челобитной (1718 г.) Матвѣя Головина сообщается, что въ прошлыхъ годахъ (до 1711 г.) изъ вотчины его въ Мосальскомъ уѣздѣ бѣжали крестьяне и поселились на житье въ сельцѣ Шеметовомъ Мещовскаго уѣзда у помѣщика Петра Измайлова. Въ 1711 г. челобитчикъ началъ искъ о возвратѣ ему бѣглыхъ крестьянъ, но въ слѣдующемъ году человѣкъ Измайлова, „хотя тѣмъ дѣломъ изволочить, а помѣщику его тѣми крестьянами владѣть, билъ челомъ“ въ Смоленскѣ, чтобы то дѣло было взято изъ Мещовска въ Смоленскъ, гдѣ по приговору губернатора П. С. Салтыкова, велѣно было Измайлову „дать сроку до того времени, какъ онъ, Петръ, со службы будетъ“. По этому приговору такъ съ того времени Измайловъ до 1718 года тѣми крестьянами и владѣлъ (*А. М. Ю.*, № 60, л. 420, 421).

лялъ прикащику или старостѣ такихъ бѣглыхъ держать въ своей деревнѣ, даже поселяться имъ „своимъ дворомъ“ и жить „во крестьянствѣ“, пользуясь усадьбой, землей и, когда нужно, господской помощью и отбывая всѣ тѣ повинности, какія было положены на другихъ крестьянъ.

Что бѣглымъ было лучше у новыхъ помѣщиковъ, подъ защитой которыхъ они скрывались отъ многихъ платежей, объ этомъ свидѣтельствуетъ оберъ-фискалъ А. Нестеровъ, который въ своемъ „доношеніи объ уравнительномъ платежѣ“ (1714 г.), поданномъ Государю, писалъ: послѣ выполненія его проекта „сами иные бѣглые пойдутъ по прежнему къ прежнимъ своимъ вотчинникамъ, отъ кого бѣжали“, въ виду того, „что они, бѣглецы, уже по прежнему у тѣхъ (новыхъ помѣщиковъ, которые ихъ приняли) въ гульбѣ и въ закрытіи платежа быть не будутъ и лучше похотятъ въ равномъ и необходимомъ платежѣ жить у прежняго, нежели въ защитѣ, прежде бывшей, у новаго, какъ таковымъ у нихъ, неправыхъ обидчиковъ, только для своей одной пользы было и нынѣ есть“ [1]).

Относительно мѣстностей, куда бѣжали крѣпостные, прежде всего слѣдуетъ указать на сосѣднія села и деревни, лежащія въ томъ же или въ ближайшемъ уѣздѣ отъ того мѣста, гдѣ жилъ раньше бѣглый. При слабомъ развитіи внутреннихъ сообщеній достаточно было уйти на 30—40 верстъ, чтобы скрыться отъ преслѣдованій и считать себя въ значительной степени въ безопасности.

Изъ разспросныхъ рѣчей бѣглыхъ оказывается, что большая часть бѣглыхъ, жившихъ въ Курмышскомъ уѣздѣ до побѣга, и въ бѣгахъ находились (иногда) въ Курмышскомъ же уѣздѣ или (чаще) въ сосѣднихъ уѣздахъ Нижегородской губерніи.

Населеніе при побѣгѣ неизмѣнно въ массѣ передвигалось на югъ и юго-востокъ, въ губерніи Кіевскую, Азовскую Казанскую и Сибирскую. Въ этомъ направленіи съ XVI вѣка шла колонизаціонная волна, какъ самопроизвольная, народная, такъ и правительственная, поддерживаемая сознательной

[1]) Доношеніе А. Нестерова напечатано въ книгѣ Павлова-Сильванскаго, Проекты реформъ, отдѣлъ II, 60.

политикой московскаго правительства [1]). Не уменьшалась колонизація юга и юго-востока и въ Петровское время: въ началѣ XVIII в. такъ же, какъ и въ концѣ XVII, шла оживленная колонизація степей и мѣстъ, удобныхъ для поселеній, умножались и расширялись прежніе города, села и деревни, появлялись и быстро наполнялись новые поселки.

Приведу нѣсколько единичныхъ примѣровъ, характерныхъ въ томъ отношеніи, что они показываютъ тяготѣніе бѣглыхъ къ южнымъ и юго-восточнымъ окраинамъ. Въ 1713 г., по письму доносителя Козюткина, произведенъ былъ на Тулѣ розыскъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ, при чемъ изъ 30 сысканныхъ 20 человѣкъ оказалось изъ Московской губ., преимущественно, изъ сѣверныхъ ея уѣздовъ [2]). Въ Муромскомъ уѣздѣ въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 711 по 713 г.) возникло сельцо Почепи на земляхъ ямщиковъ; по доносу попа того сельца Степана Семенова былъ посланъ туда изъ канцеляріи сената дьякъ Иванъ Климонтовъ; по его переписи оказалось, что все сельцо состоитъ изъ пришлыхъ бѣглыхъ крестьянъ церковнаго вѣдомства и помѣщичьихъ, изъ 35 дворовъ, на которыхъ было выстроено 53 избы; изъ тѣхъ 53 избъ 30 принадлежало выходцамъ изъ Владимірскаго уѣзда, 17—изъ Суздальскаго, 3—изъ Муромскаго, по 1—изъ Шуйскаго, Веневскаго и Коломенскаго [3]).

Въ 1713 г. боярскій человѣкъ Лаврентій Боторовъ подалъ два доносительныхъ письма, въ которыхъ сообщалъ, что „въ Керженской волости (Казанской губ., Балахонскаго уѣзда) есть починки Ларіоновъ, Семеновъ и многіе другіе, а между тѣхъ починковъ лѣсъ, и по тому лѣсу селятся всякого чина люди, сходцы съ Москвы и съ разныхъ городовъ посадскіе и люди боярскіе и волостные и всякаго чина люди съ женами и дѣтьми“ [4]). „Многіе крестьяне троицкихъ вот-

---

[1]) Объ этомъ см. въ трудахъ Багалѣя, Миклашевскаго (Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины), Готье, Перетятковича (Поволжье), Буцинскаго (Заселеніе Сибири).

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 717.

[3]) Тамъ же, 1375.

[4]) Ниже въ своихъ письмахъ Боторовъ сообщалъ о бѣглыхъ: „Такіе люди идутъ въ ту сторону отъ бородобритья и отъ солдатскаго побора и отъ государе-

чинъ Московской губ., по сообщенью приказного того монастыря Кипріяна Рагозина, сбѣжавъ, живутъ въ Казанской губ. въ разныхъ уѣздахъ за помѣщики“ [1]).

Изъ костромскихъ вотчинъ стольника Назара Мельницкаго, по его свѣдѣніямъ, крестьяне бѣжали въ казанскія, пензенскія и курмышскія мѣста [2]).

Въ доношеніи сенату казанскій губернаторъ Салтыковъ (отъ 7 іюля 1715 г.) писалъ: „Изъ городовъ Казанской губ. многіе служилые иновѣрцы побѣжали и нынѣ бѣгутъ въ Уфимскій уѣздъ, и уфимскіе башкирцы и мещеряки и татары тѣхъ бѣглыхъ принимаютъ и не выдаютъ“ [3]).

Въ письмѣ вице-губернатора казанскаго Кудрявцева (отъ 13 авг. 1719 г.) къ Государю во 2-мъ пунктѣ было написано: „Башкирцы служилыхъ татаръ и ясашниковъ иновѣрцевъ, перезывая къ себѣ, держатъ у себя; и оные къ нимъ башкирцы бѣгутъ и податей положенныхъ ни почему не платятъ, которымъ можно противо другихъ ясашниковъ платить тысячь по 200; и чтобъ тотъ ихъ, татаръ и ясашниковъ, побѣгъ пресѣчь въ нынѣшнее время, какъ господинъ Кропотовъ съ собраннымъ его корпусомъ будетъ имѣть винтеръквартиры въ Уфимскомъ уѣздѣ; а ежели того побѣгу пресѣчено не будетъ, то всѣ уѣздные люди побѣгутъ и къ воровству больше сильны будутъ“ [4]).

Какъ велико было число такихъ бѣглецовъ, показываетъ слѣдующее сообщеніе. Въ 1714 г. власти Макарьева монастыря Желтоводскаго (Нижегородскаго уѣзда) писали въ че-

---

выхъ податей по премногу много и селятся по лѣсу собою и податей никакихъ не платятъ“ (Докл. и приг., III, кн. II, 605).

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 37, л. 489, гдѣ дальше сообщается: „Для справки посыланы изъ монастыря на оныхъ крестьянъ списки съ переписныхъ книгъ 186 г. за рукою монастырскаго крѣпостного старца и тѣмъ спискамъ во оной губерніи не вѣрятъ и крестьянъ по нихъ не отдаютъ, чтобъ повелѣно было Ц. В. указомъ для того сыску и отдачи крестьянъ послать нарочныхъ изъ С.-Петербурга, а подлинныхъ крѣпостей изъ монастыря послать невозможно, понеже въ дорожномъ проѣздѣ отъ разбойниковъ и во иныхъ приключающихся нуждахъ многія подлинныя крѣпости распропали“.

[2]) Докл. и приг., VI, кн. I, 338; ср. 228.

[3]) Тамъ же, V, кн. II, 776.

[4]) На поляхъ противъ этого пункта помѣта: „О семъ пунктѣ отдано доношеніе въ сенатъ сент. 11 дня 1719 г.“ (*Г. А., Каб. П.*, II, № 37, л. 404).

лобитной, что старинной ихъ вотчиной, селомъ Керженецъ съ деревнями, пустошами и со всякими угодьями „завладѣлъ насильствомъ“ игуменъ Переяславль-Залѣсскаго Николаевскаго монастыря Питиримъ, и на ихъ земляхъ „поселилъ села и многія деревни и починки, напринимавъ, невѣдомо откуда, чужихъ бѣглыхъ крестьянъ, по вѣдомости ихъ желтоводскихъ монастырскихъ крестьянъ, больше 1000 дворовъ“; ниже сообщается, „бѣглыми крестьянами населилъ на многія версты“; „по ихъ челобитью, посыланъ изъ Казани майоръ Ѳедоръ Нармоцкій тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, что напринималъ и населилъ на ихъ землѣ игуменъ Питиримъ, переписывать и допрашивать“; когда они были переписаны, то бѣглыхъ крестьянъ, по сообщенію челобитной властей Макарьева монастыря, оказалось „больше 1500 дворовъ и откуда и чьи тѣ крестьяне, въ допросахъ сказали имянно“ [1]).

Указъ 24 апр. 1713 г. знаетъ о томъ, что въ городахъ бѣлогородскаго и сѣвскаго разрядовъ и въ слободскихъ полкахъ есть новопоселенныя деревни и села, въ которыхъ живутъ „бѣглые“ крестьяне съ женами, дѣтьми и съ пожитками [2]). Указъ 12 марта 1714 г. говоритъ о дворцовыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянахъ и однодворцахъ, которые, „сбѣжавъ, жили гетманскаго регимента въ малороссійскихъ городѣхъ и въ слободскихъ полкахъ въ разныхъ мѣстѣхъ“, также знаетъ и о „помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ дворовыхъ и дѣловыхъ людяхъ и крестьянахъ“, которые селились въ Кіевской губ., не имѣя отъ помѣщиковъ своихъ свободныхъ писемъ [3]). До какой степени сильно было тяготѣніе крестьянъ къ югу, показываетъ какъ бы ироническая фраза именного указа (6 мая 1714 г.) объ освидѣтельствованіи пустоты въ Архангелогородской губ.: „понеже не всѣ кре-

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 161—162.

[2]) П. С. З., V, № 2672.

[3]) Тамъ же, № 2783; Докл. и приг., IV, кн. I, 216.

Гетманамъ малороссійскимъ въ началѣ XVIII вѣка не разъ посылались грамоты о розыскѣ и высылкѣ изъ малороссійскихъ городовъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ, бѣжавшихъ изъ Великороссіи, на прежнія ихъ мѣста (Лѣтопись занятій Археограф. Комиссіи, XVII, 108, 117, 121).

стьяне на Донъ или Сибирь ушли, а мору, слава Богу, не было“ [1]).

Изъ указа 29 февр. 1704 г. узнаемъ, что „Великому Государю многое есть челобитье на разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, что люди и крестьяне, бѣгая со многими ихъ крадеными пожитками, ухораниваются въ (казацкихъ) верхнихъ городкахъ“, лежащихъ по р. Дону [2]). Не смотря на неоднократныя запрещенія казакамъ „впредь никакихъ пришлыхъ людей отнюдь не принимать и тѣмъ тягости и разоренья никому не наносить“, бѣгство крестьянъ и другихъ людей на Донъ продолжалось.

Въ именномъ указѣ 6 іюня 1707 г. (изъ Люблина) полковнику Юрью Владиміровичу Долгорукому по этому поводу было сказано: „Господъ Долгорукій! Извѣстно намъ учинилось, что изъ русскихъ порубежныхъ и изъ иныхъ разныхъ нашихъ какъ съ посадовъ, такъ и изъ уѣздовъ посадскіе люди и мужики разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, не хотя платить обыкновенныхъ денежныхъ податей и оставя прежніе свои промыслы, бѣгутъ въ разные донскіе городки, а паче изъ тѣхъ городковъ, изъ которыхъ работные люди бываютъ по очереди на Воронежѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ и, забравъ они въ зачетъ работы своей излишнія напередъ многія деньги, убѣгаютъ и укрываются на Дону съ женами и съ дѣтьми въ разныхъ городкахъ, а иные многіе бѣгаютъ, починя воровство и забойство; однако-жъ тѣхъ бѣглецовъ донскіе казаки изъ городковъ не высылаютъ и держатъ въ домѣхъ своихъ“ [3]).

Наконецъ, бѣглые не останавливались на окраинахъ русскаго государства, и шли „за рубежъ“, преимущественно на западъ въ польско-литовскія области и въ Крымъ. Туда бѣжали дезертиры, офицеры, матросы, солдаты и рекруты, но еще въ большемъ числѣ бѣжали тяглые люди. О бѣглыхъ

---

[1]) П. С. З., V, № 2807.

[2]) *А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 24, л. 1109. О бѣгствѣ крестьянъ и дворовыхъ на Хоперъ и на Донъ въ казачьи городки сообщается въ Докл. и и приг., V, кн. II, 926.

[3]) Долгорукову поручалось бѣглецовъ всѣхъ переписать и отправить на прежнее мѣсто жительства (*А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 24, л. 1099).

военныхъ чинахъ, селившихся въ значительномъ количествѣ на польской землѣ вдоль русской границы, сообщалъ въ „допросѣ“ передъ военными властями выходецъ изъ Польши драгунъ Семенъ Шишлановъ, бывшій въ плѣну въ Крыму и Польшѣ съ 1709 по 1715 г., говоря: „Какъ онъ былъ въ Крыму и Польшѣ и, усмотря, призналъ онъ разныхъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ бѣглыхъ офицеровъ и драгунъ и солдатъ съ лошадьми и съ мундиромъ и со всею аммунидіею, тысячи съ 3 и больше, и живутъ они отъ Каменецъ-Подольскаго до Бѣлой Церкви по разнымъ мѣстечкамъ и по селамъ, у польскихъ панковъ, а иные драгуны и солдаты, женясь на полькахъ, имена свои измѣнили, называются по польскому“ [1]).

Если такъ легко и въ такомъ большомъ количествѣ (почти до 4.000 человѣкъ, по сообщенію Шишланова) можно было селиться и жить вблизи русской границы дезертирамъ, то тѣмъ легче было переправляться за рубежъ сельскому люду и тамъ жить на земляхъ польскихъ пановъ, въ особенности легкость перехода доступна была жителямъ пограничныхъ уѣздовъ. О такомъ бѣгствѣ говорятъ слѣдующіе факты. Въ 1714 г. кабинетъ-секретарь А. Макаровъ писалъ въ челобитной Государю, что изъ его вотчины Брянскаго уѣзда крестьяне изъ 15 дворовъ „съ отцы, матерями, женами и дѣтьми и свойственниками своими, покинувъ свои крестьянскіе жеребьи, съ пожитками своими бѣжали за рубежъ въ Польшу и, отошедъ отъ тѣхъ деревень верстъ съ 30, поселились и нынѣ живутъ въ Мстисловскомъ уѣздѣ, въ селѣ Шумичахъ, и лошадей своихъ и всякій скотъ увезли съ собою за рубежъ“; и онъ, Макаровъ, „опасался, чтобы также и достальные отъ тягости податей туда же не ушли“, а о

---

[1]) По словамъ Шишланова, когда онъ шелъ отъ Каменецъ-Подольскаго и прибылъ въ село Аргамаки, то здѣсь панъ Сворычевскій далъ ему именную роспись, гдѣ, у кого изъ польскихъ панковъ и сколько живетъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, но подъ Бѣлой Церковью въ степи поляки его ограбили и ту именную роспись отняли, а потому онъ поименно назвать бѣглыхъ не можетъ, лишь помнитъ, у кого изъ пановъ и сколько числомъ живетъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, по его перечисленью всего у разныхъ лицъ живетъ бѣглыхъ 3851 человѣкъ (Докл. и приг., VI, кн. I, 184—186.)

бѣглыхъ сообщалъ, что они „крестьяне прожиточные, а не убогіе“.

Того же Брянскаго уѣзда помѣщица вдова Марья Кректышева въ поданномъ въ 1714 г. челобитьѣ разсказывала, какъ въ 1709 г. рекруты, отданные наборщикомъ ихъ родственникамъ на время до указа, услышавъ о томъ, что ихъ требуютъ въ Брянскъ для высылки въ Кіевъ, „тайно съ отцами, матерями, женами и свойственниками своими и, всѣхъ села Сухарей деревенъ Тюнина и Щепина (откуда родомъ рекруты были сами) изъ 14 дворовъ крестьянъ подговоря, бѣжали за рубежъ въ Польшу“ въ количествѣ 200 человѣкъ мужского и женскаго пола, кромѣ дѣтей, и „отошедъ отъ тѣхъ деревень верстъ съ 30, поселились и нынѣ живутъ въ с. Шумичахъ“ Мстиславскаго у. Мало того, что они сами ушли, но „оттуда непрестанно въ село Сухари и въ деревни приходятъ дневнымъ и ночнымъ разбоемъ съ тутошными сосѣдями вмѣстѣ и лошадей ихъ и всякій скотъ и прочее берутъ разбойнически нагло и похваляются на нее, Кректышеву, пожегомъ и смертнымъ убійствомъ“. По словамъ челобитчицы, „государевы подати всякія и провіанты и поборы могутъ они, крестьяне, платить безъ тягости, ибо число ихъ, крестьянъ, довольное и земли, сѣнныхъ покосовъ, рыбныхъ ловель и другихъ всякихъ угодій противъ другихъ окольныхъ крестьянъ у нихъ весьма довольно, и они, крестьяне, всѣ прожиточные“ [1]). Видимо, не одна бѣдность толкала крестьянъ къ побѣгу; очевидно, жизнь въ сосѣднемъ государствѣ обѣщала такія льготы, которыхъ русскіе крестьяне не имѣли.

Побѣги въ Польшу не были случайными и единичными. Это видно изъ письма, посланнаго въ 1714 г. (отъ 30 іюля) къ Алексѣю Дашкову, русскому резиденту въ Варшавѣ; въ немъ сообщалось: „Новгородскій архіерей и новгородскихъ монастырей архимандриты и игумены съ братіею, и помѣщики, и вотчинники Новгородскаго, Псковскаго, Пусторжевскаго, Гдовскаго, Луцкаго и Тропецкаго уѣздовъ били челомъ

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 328—330.

Е. Ц. Величеству, что многіе люди ихъ и крестьяне разбѣжались за польскій литовскій рубежъ, пограбивъ животы и разоря домы и, выходя изъ-за польскаго рубежа, чинятъ многія воровства и помѣщиковъ и вотчинниковъ самихъ и старостъ замучили и побили до смерти, и достальныхъ людей и крестьянъ и людей подговариваютъ и выводятъ за польскій рубежъ".

Одновременно о томъ же, какъ приводится въ письмѣ къ Дашкову, „доносилъ Его Величеству г. губернаторъ кіевскій князь Голицынъ, что изъ Брянскаго уѣзда многіе-жъ крестьяне, покиня свои домы, съ женами и съ дѣтьми отъ 6 до 7 сотъ и со крестьянскими своими животы, бѣжали за польскій же рубежъ, о чемъ онъ, г. губернаторъ, хотѣлъ вскорѣ вѣдомость обстоятельную дать" [1]).

До какой смѣлости доходили пограничные польскіе паны, это видно изъ слѣдующаго факта. Въ Луцкомъ уѣздѣ, вблизи отъ польской границы, гдѣ были расположены владѣнія польскаго пана Карнажицкаго, находилась вотчина Колюбацкаго монастыря (приписного къ архіерейской кафедрѣ). Крестьяне пана Карнажицкаго, какъ жаловался новгородскій архіерей, по приказу того пана, „собрався многолюдствомъ, съ фузеями и копьи", нагрянули на ту колюбацкую вотчину и „побравъ, вывезли къ нему за рубежъ тоя-жъ вотчины крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и крестьянскими ихъ животы", и тѣ крестьянѣ „и до нынѣ живутъ за нимъ, Карнажицкимъ" [2]). Надо полагать, крестьяне были увезены не противъ ихъ воли. Въ этомъ эпизодѣ воскрешаются порядки, существовавшіе болѣе сотни лѣтъ тому назадъ, когда еще по закону допускался „вывозъ" крестьянъ. Тотъ же терминъ прилагается къ нимъ и теперь: въ доношеніи говорилось, что крестьянъ „вывезли". Въ распоряженіи, обращенномъ къ А. Дашкову, было ска-

---

[1]) *Г. А.*, *Каб. П.*, II № 21, л. 876 и сл. Въ 1714 г. Тихонъ Тороповъ доносилъ сенату, что „въ Смоленскомъ и въ другихъ уѣздахъ, вблизости около польскаго рубежа, живутъ и не служатъ крестьяне, отдаточные въ рекруты и крующіеся отъ службы разныхъ чиновъ люди, бѣглые-жъ и гулящіе и отставные и попoвы и причетниковы дѣти" (Докл. и приг., V, кн. I, 167).

[2]) *Тамъ же*, л. 877.

зано, чтобы онъ послѣ сыска тѣхъ бѣглыхъ и „вывозныхъ крестьянъ и людей“ выслалъ въ Россію.

Казалось, что бѣглый, какъ человѣкъ, выбывшій изъ строя, вышедшій изъ общественной организаціи, тѣмъ самымъ лишался всѣхъ своихъ правъ; ему грозило по розысканіи суровое наказанье, битье кнутомъ и отсылка къ прежнему помѣщику; значитъ положеніе бѣглаго должно представляться шаткимъ, тревожнымъ и необезпеченнымъ. Но фактически это было далеко не такъ: за исключеньемъ бродячей части бѣглыхъ, переходившихъ съ одного мѣста на другое, значительная часть жила на одномъ мѣстѣ, не переходя никуда, жили бѣглые „во крестьянствѣ“ у помѣщиковъ, въ мастеровыхъ людяхъ, „своимъ дворомъ“. Съ ними заключались юридическія сдѣлки, „жилыя записи“ [1]) и разныя „крѣпости“, они по „договору“ арендуютъ земли и угодья, словомъ, фактически бѣглые живутъ не какъ изгои, выброшенные за бортъ общественной группы и нуждавшіеся въ покровительствѣ, а какъ рядовые члены тяглаго общества, пользующіеся почти тѣми же правами, какими пользовались и остальные.

Также экономически бѣглые далеко не были людьми совсѣмъ бѣдными, разорившимися до тла; обычно у нихъ было свое хозяйство, свои „животы“, нерѣдко они слыли даже людьми зажиточными [2]). О бѣглыхъ, ихъ экономическомъ

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 672.

[2]) Любопытно отмѣтить случай продажи двороваго человѣка, находившагося въ бѣгахъ; этотъ случай показываетъ, что и бѣглый для помѣщика представлялъ собой извѣстную цѣнность.

О продажѣ узнаемъ изъ слѣдующей купчей. „1717 года, ноября 2-го дня азовского гварнизона бывшаго Степанова полку Иванова сына Верховского капитанъ Василій Савельевъ сынъ Тутошинъ, будучи при Петербургѣ, продалъ я для своихъ нуждъ и расплаты долговъ своихъ, а не для какого неправдиваго укрѣпленія и тайнаго подлогу и всякого переводу, но сущею правдою комисару Петру Лазареву сыну Лихачеву въ бѣгахъ стариннаго двороваго своего крѣпостного человѣка Кашинского уѣзду Мерецкого стану сельца Колодина Перфилья Иванова сына Мякотинина и съ пожилыми деньгами, а взялъ я, Василь, за того своего стариннаго дворового человѣка Перфилья Мякотинина у него, комисара Петра Лихачева, денегъ шесть рублевъ, а тотъ мой вышеписанной дворовой человѣкъ напередь сей купчей и кромѣ его, Петра Лихачева, иному никому не проданъ и не заложенъ, ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣпленъ и не написанъ.

положеніи нѣкоторое представленіе могутъ дать нижеприведенныя свѣдѣнія.

Въ 1722 г. въ канцеляріи свидѣтельства душъ были допрошены 50 человѣкъ крестьянъ, пришлыхъ изъ бѣговъ [1]), которые бѣжали изъ Курмышскаго уѣзда, а затѣмъ оказались на лицо въ деревняхъ и селахъ своихъ прежнихъ помѣщиковъ, при чемъ выяснилось, что они были въ бѣгахъ:

Отъ	1	года до	5	лѣтъ	—13	человѣкъ	(26%)
„	6	„	10	„	—17	„	(34%)
„	11	„	15	„	— 8	„	(16%)
„	16	„	20	„	— 9	„	(18%)
„	21	„	25	„	— 1	„	(2%)
„	26	„	30	„	— 2	„	(4%)

Во время „бѣглыхъ лѣтъ“ жили на одномъ мѣстѣ „своимъ дворомъ“—16 человѣкъ въ 9-ти дворахъ (или 32%);

жили „никуда не переходя“.	19 чел.	(38%)
жили 10 и больше лѣтъ на одномъ мѣстѣ .	4 „	(8%)
переходили съ одного мѣста на другое . .	11 „	(22%)

За кѣмъ жили въ бѣгахъ:

За помѣщиками или въ ихъ вотчинахъ . .	18 чел.	(36%)
въ ясашныхъ селахъ.	15 „	(30%)
въ солдатскихъ селахъ и деревняхъ. . . .	8 „	(16%)
въ дворцовыхъ	3 „	(6%)
по разнымъ мѣстамъ: въ городахъ у разночинцевъ, у монастырскихъ крестьянъ, церковниковъ, у промышленниковъ	6 „	(12%)

А кто въ того моего вышеписаннного старинного дворового человѣка Перфилья Мякотинина у него, комисара П. Лихачева, и у жены его и у дѣтей станетъ вступаться по какихъ-нибудь крѣпостямъ, и мнѣ, Василью, и женѣ моей и дѣтямъ очищать и убытка никакого не доставить. А буде моимъ, Васильевымъ, и жены моей и дѣтей неочищеніемъ учинятся ему, комисару, и женѣ его и дѣтямъ отъ кого какіе убытки, и ему, комисару П. Лихачеву, и женѣ его и дѣтямъ взять на мнѣ, Васильѣ, и на женѣ моей и на дѣтѣхъ тѣ свои данныя деньги и съ убытки всѣ сполна, а тому вышеписанному человѣку очистка у подлиной купчей“ *(А. Мор. М., дѣла приказа воин.*, № 19, *л.* 3).

[1]) Нижеприведенныя свѣдѣнія взяты изъ *А. М. Двора, Москов. отд.*, оп. № 39, д. № 425, л. 1—320.

Среди помѣщиковъ, въ вотчинахъ которыхъ проживали бѣглые, называются, А. Д. Меншиковъ, Б. П. Шереметевъ, Г. Головкинъ, Ѳ. А. Головинъ, Д. И. Кашкаровъ, кн. С. Б. Голицынъ и М. И. Щукинъ.

Бѣглые Курмышскаго уѣзда крестьяне жили въ уѣздахъ: Симбирскомъ—13 человѣкъ, Пензенскомъ—11, въ Алаторскомъ и Казанскомъ—по 3 человѣка, остальные жили по 2 и по одному въ уѣздахъ: томъ же Курмышскомъ, Алаторскомъ, Саранскомъ, Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Свіяжскомъ и Сызранскомъ; въ единичныхъ случахъ бѣглые бывали внизъ по Волгѣ, въ городахъ Саратовѣ и Астрахани.

Относительно занятій въ распросныхъ рѣчахъ бѣглыхъ далеко не всегда имѣются показанія; кромѣ показаній: жилъ „своимъ домомъ", жилъ „во крестьянствѣ" (3 случая) у такого то владѣльца [1]), имѣются отмѣтки: „наймовался въ работу", „былъ въ работѣ", „въ работникахъ", „у рыбныхъ ловцовъ", „кормился работою", „наймовался въ кузнечную работу", „былъ въ засыпкахъ" на мельницѣ; такихъ отмѣтокъ имѣется противъ 12 лицъ, при томъ иногда соощается: былъ въ работникахъ 8 лѣтъ (1), 10 лѣтъ (3 случая) въ одной и той же деревнѣ у того же нанимателя или у его сосѣда.

О семейномъ положеніи только о 5 лицахъ (10%) есть свѣдѣнія, что они холосты, объ остальныхъ частью свѣдѣній нѣтъ, о другихъ извѣстно, что они были женаты до бѣгства

---

[1]) О томъ, что бѣглые крестьяне жили у помѣщиковъ „во крестьянствѣ", узнаемъ, напр., изъ челобитной крестьянъ дворцовой волости Скопинскаго уѣзда (поданной въ сенатъ въ 1714 году крестьяниномъ Іовомъ Токаревымъ „съ товарищи"). Челобитчики, жалуясь на „разныя обиды", излишніе сборы и жестокіе правежи, чинимые имъ, крестьянамъ, ландрихтеромъ Степаномъ Клокачевымъ и комисаромъ Саввой Знобощевымъ, писали: „Не стерпя жестокаго правежа, разбѣжалось крестьянъ въ разныхъ годѣхъ дворовъ съ 1000 и больше. А изъ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ живутъ у вышепомянутаго ландрихтера С. Клокачева въ помѣстьяхъ его во крестьянствѣ, про которыхъ у розыска мірскіе люди подадутъ именныя росписи; тако-жъ живутъ такіе-жъ бѣглые крестьяне на Москвѣ и у другихъ помѣщиковъ въ разныхъ городахъ во крестьянствѣ" (*А. М. Ю.*, № 272 л. 431).

Доносители (3 человѣка) подали челобитную такую-же и самому Государю, за что, по сенатскому приговору 29 окт. 1714 г., были биты кнутомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по тому же приговору, велѣно было Ѳ. М. Апраксину обо всемъ розыскать, по розыску указъ учинить безволокитно и прислать о результатѣ дѣла въ сенатъ доношеніе (л. 446).

и вернулись съ семьями (11 человѣкъ), многіе женились (10 человѣкъ) и вышли замужъ (3), находясь въ бѣгахъ, поженились на крестьянскихъ и дворовыхъ дѣвкахъ, на вдовахъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ они сами имѣли постоянное жительство.

Въ объясненіе того, что бѣглые явились къ своимъ прежнимъ помѣщикамъ, слѣдуетъ сказать, что когда началась ревизія переписи, были изданы строжайшія правила о бѣглыхъ и объявлены наказанія держателямъ бѣглыхъ и жителямъ тѣхъ селъ и деревень, гдѣ бѣглые продолжали укрываться; тогда помѣщики, крестьяне, старосты, слободскія власти и ясашники, словомъ, всякій, кто могъ подлежать отвѣтственности, „высылали вонъ“ бѣглыхъ отъ себя и имъ волей-неволей пришлось вернуться на старое пепелище, такъ какъ никто принимать ихъ не хотѣлъ; такимъ путемъ было выслано 20 человѣкъ, лишь 10 человѣкъ были разысканы въ томъ же 1722 г. помѣщиками или его людьми; объ остальныхъ же 20—неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ они вернулись, но нѣтъ сомнѣнья, что большинство ихъ вернулось потому, что никто бѣглыхъ въ 1722 г. держать не хотѣлъ, чтобы не отвѣчать за нихъ передъ ревизующими офицерами.

Вообще говоря, бѣгство не было бѣганьемъ, скитаньемъ, это былъ лишь способъ укрывательста тяглаго человѣка отъ несенія государственнаго тягла, а также и владѣльческихъ повинностей, благодаря такому пріему тяглый человѣкъ, занимаясь по прежнему своимъ дѣломъ, но числясь въ бѣгахъ, освобождался отъ многихъ обязанностей, принудительно наложенныхъ на него властью, въ силу принадлежности его къ опредѣленному тяглому обществу.

Утайка дворовъ при переписи 1710 года.

На ряду съ подлиннымъ уменьшеніемъ числа дворовъ, „пустотой правдивой“ въ цыфрахъ переписи 1710 года оказалось уменьшеніе фиктивное, „пустота неправдивая“, происходившая оттого, что населеніе въ цѣляхъ уменьшенія податныхъ тягостей утаивало дворы, показывая въ своихъ

сказкахъ меньшее число ихъ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Этому сокрытію помогали и переписчики: они изъ своекорыстныхъ побужденій допускали неправильности и даже прямыя злоупотребленія при производствѣ переписи.

Уже само начало этой переписи не было удачнымъ: по сообщенію тамбовскаго ландрихтера П. Кикина, и въ Московской и въ Азовской губерніяхъ обнаружились злоупотребленія со стороны комендантовъ, производившихъ перепись, отчего произошло умаленіе дворовъ. Самый указъ 12 февраля 1710 г. о производствѣ общей переписи и тамъ, гдѣ она происходила еще въ предыдущемъ году, говоритъ о томъ, что перепись 1709 г. не внушала къ себѣ довѣрія. Но не смотря на неудачу начала переписи (въ 1709 году), какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ къ предупрежденію злоупотребленій принято не было, перепись по существу повелась и дальше по прежнему.

Результаты такого положенія были слѣдующіе. Начиная съ 1711 г., какъ дождь, посыпались челобитныя и доношенія на имя Государя или сената, въ которыхъ лица разныхъ общественныхъ положеній сообщали правительству объ утайкѣ. Видимо, эти челобитныя были вызваны и поощрялись свыше. Такъ, въ доношеніи 1713 г. поручика Гантурова царевичу Алексѣю Петровичу читаемъ. „Въ вашемъ государевѣ указѣ написано имянно: будетъ кто изъ какихъ ни есть чиновъ вамъ, Государемъ, радѣніемъ своимъ за кѣмъ такіе утаенные дворы усмотритъ, и о томъ доносить Государю, не опасаючи“ [1]).

Однимъ изъ первыхъ сообщеній объ утайкѣ дворовъ было доношеніе Василья Лодыгина. Уже въ январѣ мѣсяцѣ 1711 г. онъ подалъ Государю „статьи“, съ ихъ краткимъ перечнемъ въ особой челобитной. Текста этихъ статей до сихъ поръ не найдено, но содержаніе ихъ извѣстно изъ перечня, который

---

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 19 л. 60. Кромѣ указаннаго сообщенія П. Кикинъ въ томъ же 1711 году доносилъ Ѳ. М. Апраксину въ связи съ распредѣленіемъ окладныхъ сборовъ между населеніемъ, что въ дворахъ при переписи произошла утайка, „которая утайка, писалъ онъ, хотя еще и не вышла, но явно только знать можно, что утайка есть“ *(А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 21, л. 89).

показываетъ, что поданными Государю статьями сообщалось и о томъ, „какъ переписывали дьяки въ Московскомъ уѣздѣ, а въ городѣхъ воеводы неправо крестьянскіе дворы“ [1]).

Злоупотребленія при переписи скоро стали извѣстны и губернской администраціи, которая пыталась принимать свои мѣры къ тому, чтобы утайку пресѣчь; а затѣмъ мѣстная администрація сообщала объ этомъ и высшему правительству. Такъ управитель Ершовъ (1711 г. августа 11 дня) докладывалъ Государю: „Губернію Московскую для наилучшаго краткаго въ дѣлѣхъ паче же въ сборѣхъ обращенія и за конечнымъ во всемъ малолюдствомъ, распорядивъ оную въ провинціи, и сочинилъ пункты и присягою краткою подтвердихъ и листы выставочные на публику, какъ охранно управлять по древнимъ В. Величества указомъ; чрезъ которые тѣ пункты и листы весьма сирому моему одиночеству въ дѣлѣхъ В. Величества обрѣтохъ превеликой способъ, съ которыхъ при семъ В. Величеству послана копія, токмо зѣло, Государь, за то тяжко ми есть отъ ненависти“.

„А пущее, Государь, тѣми пунктами и листами пресекается трата казны вашей и народное разореніе (отчего прежъ сего пустота и доимки зѣло умножились) и безстрашная утайка дворовъ и людей переписи 1710 году“ [2]).

Въ связи съ открытой „утайкой“ и непорядками въ управленіи Ершовъ подалъ Государю свои пункты и просилъ личнаго свиданія съ Государемъ, чтобы изустно разсказать ему о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ считалъ необходимыми для упорядоченія дѣлъ управленія. Въ числѣ этихъ мѣръ онъ указывалъ въ 2-хъ статьяхъ на необходимость настоящаго, подлиннаго свидѣтельствованія пустоты („о усвидѣтельство-

---

[1]) *Тамъ же*, II, № 14, л. 426. 18 февраля и 7 апрѣля 1715 г. В. Лодыгинъ снова подавалъ Государю въ первый разъ свои „пункты“ объ утраченномъ интересѣ, во второй разъ реестръ этихъ пунктовъ, изъ котораго узнаемъ, что одинъ изъ пунктовъ гласилъ „о перепискѣ въ Московскомъ и другихъ городовъ уѣздахъ всякихъ чиновъ людей и крестьянъ, для того что противъ 186 году много явилась пустота“ (II, № 25 л. 287). Надо думать, этотъ „пунктъ“ выходилъ изъ мысли о „неправости“ переписи. О какой именно переписи говорилъ Лодыгинъ, неясно, м. б., прежде всего о переписи Московскаго уѣзда въ 1705 году.

[2]) *Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 13, л. 510—513.

ванiи сущемъ пустоты 2 статьи"—пишетъ Ершовъ въ реестрѣ о пунктахъ [1]).

Напоминали Государю объ утайкѣ дворовъ, открытой Ершовымъ, анонимные „богомольцы, убогiе сироты" изъ Москвы въ доношенiи 29 декабря 1713 г., въ которомъ составители его давали самую лестную характеристику служебной дѣятельности своего управителя—Ершова. „Да онъ же, пишутъ царю богомольцы о Ершовѣ, отдая свою должность по своей присягѣ, не дождався фискальства, учинилъ собою фискальныя статьи и выставилъ листы по воротамъ и въ городы розослалъ, по которымъ всякаго чина люди пошли было со многими надобными извѣстiями, и во первыхъ, Мусинъ объявилъ свою вину въ утайкѣ крестьянъ во время переписки. И не хотя того слышати, господа сенаторы начали его, Ершова, какъ осы, разнообразными злодѣйствы жалить" [2]).

Когда въ Москву былъ назначенъ губернаторомъ князь М. Ромодановскiй, то и онъ, ознакомившись съ управляемой губернiей и увидѣвъ, что, правда, „во многихъ мѣстѣхъ есть въ крестьянскихъ дворѣхъ пустота сущая", однако въ другихъ „многихъ же мѣстѣхъ сверхъ старыхъ переписныхъ книгъ есть людство многочисленное", „сталъ стараться о

---

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 13, л. 512—3. Своей дѣятельностью Ершовъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствiе со стороны вышнихъ персонъ. Въ письмѣ къ А. В. Макарову (отъ 1712 г., 12 мая) онъ жалуется на „сенатскую немилость", жалуется на то, что терпитъ отъ сенаторовъ „несносное гоненiе". „И егда, пишетъ онъ, въ дѣлахъ являюсь неуправенъ, то и паки чего мнѣ ждать, ибо ихъ честность ко всякимъ неуправамъ наблюдаютъ меня особо неумолимо. О ежели бы всякое дѣло такъ наблюдали, рай бы жить!. Одни мои пункты, поясняетъ онъ, да листы выставочные да доношенья нѣкоторыя такъ на мя воюютъ и воевати хотятъ, даже и потомкамъ моимъ останется". Ершовъ просилъ Макарова заступиться за него предъ Государемъ.

О своихъ горестяхъ и обидахъ Ершовъ одновременно писалъ и Государю, прося у него милосердой защиты и охраны отъ его недоброжелателей; жаловался, что на него несправедливо наложили сенаторы („мню, немногiя персоны") большой, штрафъ, по ихъ приказу держатъ его подъ карауломъ. „Да и впредь, Государь, добавляетъ онъ, кромѣ того ждать мнѣ отъ нихъ нечего, ибо и въ глаза мнѣ въ сенатѣ съ преужаснымъ окрикомъ сказано, что на кнутьяхъ черевы мои вымотать"; кромѣ Государя онъ не ждетъ ни отъ кого помощи: „изволь, Государь, пишетъ онъ, щедро разсудить, кому мнѣ такому, паутинѣ, противу такiя великiя бури стоять" (*Тамъ же*, II, № 15, л. 428—431).

[2]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 19, л. 157.

усвидѣтельствованіи и уравненіи небрегомой пустоты и о доимкахъ рекрутъ и всякихъ сборовъ, а пуще за дьяками въ дѣлѣхъ сталъ смотрѣть самъ" [1]).

Но Ромодановскій скоро встрѣтилъ на своемъ пути серьезныя препятствія. Онъ жаловался Государю (въ доношеніи отъ 30 августа 1712 г.): „Людство многочисленное въ губернскомъ правленіи началось въ вѣрное свидѣтельство приводить во общую государственную пользу изрядно, также и другія полезности какъ къ вашему государскому интересу, такъ и ко всему народу. И нынѣ, Государь, все то ни мало дѣйствуемо стало, отчего народъ и что нилучшіе плательщики паки ничтожатся": „для усвидѣтельствованія вышеименованной отъ небреженія пустоты сказокъ и переписныхъ книгъ 709 и 710 годовъ и изъ перечневыхъ выписокъ и табелей изъ сената и по се время ко мнѣ не прислано".

„А тѣмъ, Государь, книгамъ, продолжалъ Ромодановскій, у нихъ и быть не надлежитъ и неприлично, ибо имъ ни малыя въ томъ нужды кромѣ прихотей нѣтъ. А нужда, Государь, въ томъ въ губерніи, а не у нихъ".

Въ 1713 г. крестьянинъ Илья Титовъ доносилъ губернскимъ властямъ (а затѣмъ его доносъ дошелъ и до сената), что въ вотчинѣ Пафнутьева монастыря Боровскаго, въ с. Ульяновскомъ Тверского уѣзда „въ 1709 г., въ перепись въ той вотчинѣ перепищика стольника Ивана Иванова сына Дурнова, той же вотчины староста и выборные крестьяне Лука Прокофьевъ съ товарищами, по повелѣнью того монастыря слуги Григорья Мосальскаго, который пріѣзжалъ для ломанья дворовъ и утайки людей, объявили и въ переписныя книги по сказкѣ своей написали на лицо только 51 дворъ, а сверхъ того въ переписныя книги не объявили и не написали 101 дворъ, а съ наличными будетъ нынѣ на лицо 152 дв., и съ тѣхъ де утаенныхъ дворовъ податей никакихъ не даютъ". По розыску (1714 г.) оказалось, что, дѣйствительно, крестьяне того села, „по приговору той вотчины

---

[1]) *Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 15, *л.* 1051.

всѣхъ крестьянъ, утаили и къ другимъ дворамъ пригородили, и въ бытность его, перепищикову, въ переписныя книги по своей сказкѣ не написали безъ вѣдома того монастыря властей крестьянскихъ 33 двора, въ нихъ людей муж. пола 35 человѣкъ, а были де тѣ утаенные во время той переписки крестьяне изъ домовъ своихъ въ укрывательствѣ въ лѣсу, а нынѣ они живутъ въ тѣхъ же дворахъ" [1]).

О Московской губерніи, а вмѣстѣ съ нею и о Воронежской, доносилъ изъ Нарвы въ 1713 г. капитанъ Сафоновъ [2]). „Прошлаго 710 и 711 г., писалъ онъ, по указу Царскаго Величества, велѣно Московской и Воронежской губ. въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ переписать крестьянскіе дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ. И какъ были въ вышеписанныхъ городѣхъ перепищики и тѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди перепищикомъ подавали сказки, а въ сказкахъ своихъ писали ложно, людей таили и многіе дворы ломали и сводили крестьянъ изъ дву, изъ трехъ, изъ четырехъ въ одинъ дворъ, а имянно въ Веневѣ, въ Данковѣ, и въ тѣхъ городѣхъ такихъ утаенныхъ дворовъ и прописныхъ людей немалое число. Тако-жъ многіе офицеры въ тѣхъ городѣхъ живутъ въ домѣхъ своихъ лѣтъ по 5 и болше; и ежели по указу Царскаго Величества повелѣно будетъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ и драгунъ и кроющихся офицеровъ и утаенные дворы и прописныхъ людей и недорослей, кои въ службу годились, а въ военномъ приказѣ не явились, переписать вновь и собрать мнѣ, и я тѣхъ бѣглыхъ солдатъ и драгунъ и утаенныхъ дворовъ и прописныхъ людей и кроющихся отъ службы напишу и сберу немало, а укрыватели бѣглымъ солдатамъ и драгунамъ и прописнымъ людемъ и утаеннымъ дворамъ будутъ явны" [3]).

Поручикъ Гантуровъ въ 1713 г. (декабря 15 дня) „подалъ доношенія въ сенатъ князю Якову Ѳеодоровичу" о „многихъ государевыхъ прибылыхъ прочныхъ дѣлахъ", а также и

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 465—467.
[2]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 19 л. 157.
[3]) *Тамъ же*, л. 80—81.

„о крестьянскихъ утаенныхъ дворахъ отъ перепищиковъ"; однако, жаловался онъ Государю и царевичу Алексѣю Петровичу, къ которымъ онъ обратился съ доношеніями и просьбой о защитѣ, „по тому моему доношенію" „Государю подлинно не донесено для того, что утаенныхъ крестьянскихъ дворовъ у всѣхъ множество", а его самого „за такое доношеніе... держать за арестомъ" [1]).

Въ томъ же 1713 г. въ канцелярію сената фискалъ Алексѣй Нестеровъ на основаніи доношенія попа сельца Почепи Муромскаго уѣзда Степана Семенова, сообщалъ:

„Въ прошломъ де 710 г. муромскіе ямщики Леонтій Оболяевъ съ товарищи поселили въ вышеписанное сельцо Почепи пришлыхъ бѣглыхъ крестьянъ 22 двора, а какъ де въ 710 г. была переписка, и они де ямщики тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ отъ переписки утаили. А съ тѣхъ де новопоселенныхъ крестьянъ тѣ ямщики берутъ оброку себѣ на годъ по 40 руб. и больше; а въ государеву казну податей никакихъ не платятъ" [2]).

Въ 1713 же году, какъ узнаемъ изъ болѣе поздняго доношенія сибирскаго губернатора М. Гагарина сенату, „въ Тобольску Вятскаго уѣзду каринскіе татары Юнасъ Касимовъ да Сканай Деняшевъ били челомъ, что въ 710 г., какъ де переписывали дворы, и Каринской де волости отяки многіе свои дворы у той переписки утаили и обвели перепищика воровствомъ своимъ и не указали деревень съ 500 дворовъ, и съ тѣхъ де дворовъ податей никогда не платили" [3]).

Въ той же Сибирской губерніи была открыта значительная утайка дворовъ въ Ишимскихъ слободахъ. 8 ноября

---

[1]) Царевичу Алексѣю Гантуровъ писалъ: „А за то доношеніе... держать (меня) за арестомъ и хотятъ написать въ солдаты безвинно. Прикажи взять къ себѣ въ денщики или мнѣ быть въ старомъ своемъ полку въ нынѣшнемъ своемъ чину поручикомъ" (*Тамъ же*, л. 57—58; 60—61).

[2]) Изъ сенатской выписки (*А. М. Ю.*, № 129, л. 17 и сл.). Впрочемъ позднѣе изъ допросовъ выяснилось, что крестьяне поселились въ с. Почепи послѣ переписи 1710 г., хотя объ этихъ новопоселенныхъ крестьянахъ ямщики нигдѣ заявленій не дѣлали и, беря съ нихъ оброкъ, государевыхъ податей и въ 1714 г. не платили (ср. Докл. и приг., V, кн. II, 633).

[3]) Изъ доношенія сибирскаго губернатора 4 августа 1715 г. (*А. М. Ю.*, № 19, л. 282 и сл.).

1713 г. писалъ „въ Тобольскъ въ канцелярію Ишимскихъ слободъ прикащикъ Семенъ Немшиновъ: несмотрѣніемъ де прежнихъ ишимскихъ прикащиковъ сверхъ переписныхъ книгъ многое число крестьянъ не въ тяглѣ, а крестьяне де ишимскіе воруютъ, въ подмогъ съ нихъ, не съ тяглыхъ, берутъ себѣ по небольшому числу денегъ“. Когда прикащику велѣно было „описать ихъ и опредѣлить въ тягло“, то „по описи его явилось въ Ишимскихъ слободахъ въ Коркиной 88 дворовъ крестьянскихъ въ тяглѣ, а не въ тяглѣ—411 дворовъ, въ Орловѣ Городищѣ въ тяглѣ—146 дв., а не въ тяглѣ—150 дв., въ Абацкой въ тяглѣ—36 дв., а не въ тяглѣ—228 дв.“. Изъ этого случая вышло громкое дѣло, которое позднѣе разбиралось въ сенатѣ [1]).

Въ челобитной кіевскаго фискала Ивана Безобразова на имя Государя читаемъ: „Въ 1712 и въ 1713 и въ нынѣшнемъ 1714 г. въ разныхъ числѣхъ доносилъ я въ Москвѣ въ канцеляріи сената и у фискальскихъ дѣлъ и Кіевской губерніи въ Курскѣ въ канцеляріи и въ Кіевѣ и поданы доношенія на сотворшихъ неправду о многихъ твоихъ Царскаго Величества интересахъ... и о пропискѣ и утайкѣ той губерніи въ городѣхъ дворовъ“.

Это общее указаніе на утайку дворовъ въ другомъ доношеніи сенату пріобрѣтаетъ болѣе конкретныя формы: „Усмотрѣлъ онъ, фискалъ, сообщается въ доношеніи, и провѣдалъ... о пропискѣ и утайкѣ той губерніи въ городѣхъ дворовъ, а имянно въ Кромскомъ, въ Рыльскомъ въ уѣздѣхъ“. О томъ же говорится и во второй челобитной на имя Государя: „Въ городахъ той же губерніи (Кіевской), а имянно въ Рыльску, въ Кромахъ прописаны многіе дворы крестьянскіе въ 710 г.“ „И ежели, добавляетъ въ обоихъ челобитныхъ Безобразовъ, по твоему Царскаго Величества указу повелѣно будетъ вновь переписать при немъ, фискалѣ, и тѣ дѣла ему крѣпить съ тѣмъ, кому будетъ повелѣно то управлять, обще для подлиннаго усмотрѣнія и взявъ скаски у тамошнихъ жителей и крѣпости надлежащія, дабы семьи явны

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 19, *л.* 278—289.

были, прибудетъ сверхъ той переписки (въ доношеніи сенату прибавлено: 710 г.) нѣсколько тысячъ человѣкъ и лишніе дворы явятся многіе". Ниже встрѣчается совершенно опредѣленное, но единичное указаніе на лицо, виновное въ утайкѣ. „Отъ него, фискала, читаемъ, поданы доношенія... на капитана Ивана Похвиснева въ укрывательствѣ бѣглаго вахмистра (такого-то) и въ пропискѣ и въ утайкѣ въ деревняхъ его крестьянскихъ дворовъ и о другой его неправости" [1]).

Въ началѣ 1714 г. (14 марта) человѣкомъ отставнаго поручика Венедикта Борисова Змеева Архипомъ Баженовымъ было подано доношеніе на своего помѣщика съ обвиненіемъ „во многихъ указамъ государевымъ противностяхъ", среди которыхъ было слѣдующее обвиненіе: „Помѣщикъ мой, писалъ Баженовъ, въ сказкахъ таилъ крестьянъ своихъ въ жилыхъ деревняхъ, а иныя и деревни свои писалъ пустыми, а тѣ крестьяне живутъ за нимъ же, помѣщикомъ моимъ, въ другихъ его деревняхъ и на Москвѣ и въ разныхъ мѣстахъ въ промыслахъ и даютъ ему оброкъ, а онъ ихъ таитъ".

Въ отвѣтъ на это доношеніе 29 марта того же года „Великій Государь указалъ: о всемъ розыскать въ канцеляріи сената". Дѣлу былъ данъ законный ходъ. И вотъ 23 августа „въ канцеляріи предъ прав. сенатомъ Веденихтову человѣку Змееву Архипу Баженову съ нимъ, Веденихтомъ, была дана очная ставка". На очной ставкѣ Архипъ Баженовъ давалъ болѣе точныя указанія и снова подтверждалъ, что утайка дворовъ была, написали за помѣщикомъ 9 дворовъ, а на лицо было 20. Помѣщикъ это отрицалъ. Однако позднѣе прикащикъ его Алексѣй Ильинъ своими показаніями разъяснилъ, что утайка была, такъ какъ вновь прибылыя семьи „были написаны въ старыхъ 9 дворахъ, а не въ особыхъ" [2]).

---

[1]) Безобразовъ подавалъ такія челобитныя въ 1714 г., когда онъ былъ вызванъ по дѣлу въ С.-Петербургъ. Его въ чемъ то подозрѣвали и держали здѣсь, но онъ въ доношеніяхъ оправдывался и просилъ, чтобы его отпустили обратно въ Кіевскую губернію. 19 окт. того же года, по постановленію сената, Безобразовъ былъ временно отпущенъ въ свою губернію (*А. М. Ю.*, № 272, л. 264—8, 369—381, 410).

[2]) На очной ставкѣ Баженова съ Ильинымъ послѣдній „сказалъ: вышеписанные де крестьяне по имяномъ, о которыхъ написалъ онъ, Баженовъ, утаенными,

Въ 1714 г. возникъ споръ о крестьянахъ между властями Антоніева монастыря римлянина и ямщиками Бронницкаго яму. Монастырскія власти утверждали, что ихъ крестьяне, сбѣжавъ, живутъ на Бронницкомъ яму и челобитьемъ добивались возвращенія бѣглецовъ. Однако ямщики не уступали и, послѣ допроса въ Новгородѣ, въ свою очередь били челомъ на монастырскихъ властей, указывая, что „такихъ бѣглыхъ крестьянъ въ переписныхъ 707 и 710 годовъ книгахъ за ними нѣтъ и не написаны, а написаны тѣ крестьяне въ тѣхъ переписныхъ книгахъ въ ямщикахъ на нашемъ Бронницкомъ яму, а по книгамъ 707 г. написано за тѣмъ ихъ Антоніевымъ монастыремъ въ томъ Бронницкомъ погостѣ крестьянскихъ пять дворовъ, а по книгамъ 710 г. три двора". Мало того въ пику монастырскимъ властямъ ямщикъ Симонъ Корниловъ принесъ „роспись, что ихъ монастыря крестьяне въ сказкахъ написали переписчикамъ 707 и 710 годовъ ложно, утаили крестьянъ въ 20 дворахъ да крестьянскихъ дѣтей четырехъ человѣкъ, которые живутъ съ отцами своими".

Въ слѣдующемъ году дѣло это перешло изъ новгородской приказной избы въ губернскую канцелярію; утайка подтвердилась, и сысканные дворы были отписаны на Государя. Впрочемъ, на этомъ оно не закончилось и еще доходило до сената [1]).

Въ 1714 г. въ доношеніи сенату человѣка Толбугина Ѳедора Елизарьева сообщалось, что во время двукратной переписки Пошехонскаго уѣзда прикащиками Алексѣемъ Ащериновымъ и Иваномъ Веригинымъ происходила утайка дворовъ; благодаря чему „нынѣ послѣ тѣхъ переписныхъ двухъ переписчиковыхъ книгъ явятся противъ сказокъ, за смертною казнью, лишніе въ помѣщиковыхъ дворахъ многіе служилые дѣловые и задворные люди, также и крестьянскіе и бобыль-

---

написаны по новымъ переписнымъ книгамъ, какъ переписывалъ мещовскій воевода Савостьянъ Крюковъ, написаны по имяномъ и съ дѣтьми ихъ обоихъ какъ муж., такъ и жен. полу и съ малолѣтними имянно, только тѣ крестьяне написаны въ старыхъ 9 дворѣхъ, а не въ особыхъ" (*А. М. Ю.*, № 272, л. 508—10, 561—81; ср. л. 614—6). См. о Баженовѣ въ Докл. и приг., V, кн. I, 224.

[1]) *А. М. Ю.*, № 189, л. 104.

скіе дворы; гдѣ было написано 5 дворовъ, тутъ нынѣ является вдвое, во всемъ городѣ Пошехоньѣ и въ уѣздѣ; а гдѣ написали перепищики пустое, а было жилое, и нынѣ послѣ тѣхъ перепищиковъ является жилое, и на той пустой землѣ нынѣ крестьянскіе дворы поселены, а именно помѣщики, прикащики и старосты многіе ломали дворы и сводили на одинъ дворъ, гдѣ было 7 дворовъ, тутъ сводили одинъ и два двора", „а иные многіе помѣщики изъ деревень крестьянъ своихъ отъ перепищиковъ брали въ помѣщиковы свои дворы, чтобы перепищики пусто писали, а нынѣ тѣ дворы на той землѣ, что была пустая, стала жилая; и изъ тѣхъ дворовъ прибыльныхъ утаенныхъ онъ, Елизарьевъ, В. Государю отъ селеній учинитъ прибыли, наберетъ въ солдаты 300 человѣкъ и больше" [1]).

Въ 1715 г. въ январѣ крестьянинъ Ивана Кашаева Иванъ Сидоровъ челобитьемъ въ сенатъ на имя Государя сообщалъ: „Въ прошломъ, Государь, 711 г. по твоему Великого Государя указу въ Темниковскомъ уѣздѣ переписывали боярскихъ крестьянъ по переписнымъ книгамъ 96 дворовъ, и въ то число утаено въ томъ Темниковскомъ уѣздѣ тѣхъ дворовъ 160 дымовъ, а тѣ крестьяне были за стольникомъ Иваномъ Михайловымъ сыномъ Кашаевымъ... Также въ Кадомскомъ и въ Инсарскомъ уѣздахъ того жъ вышеписаннаго помѣщика крестьянскихъ дворовъ утаено многое число" [2]).

Въ томъ же году человѣкъ Фролова-Багрѣева Аѳанасій Кріулинъ съ товарищемъ своимъ Леонтьемъ Галахтіоновымъ доносили въ сенатъ на имя Государя:

„Твоего Великаго Государя жалованья за помѣщикомъ нашимъ Михаиломъ Васильевичемъ Фроловымъ-Багрѣевымъ въ Ряжскомъ уѣздѣ въ с. Новомъ Тишевомъ, да въ с. Ногайскомъ и въ сельцѣ Ѳедосовѣ, да въ деревнѣ Лешуковой, Бѣсово тожъ, помѣстной и вотчинной земли 1600 четвертей

---

[1]) Свое доношеніе Елизарьевъ подтвердилъ и лично во время допроса въ канцеляріи сената 16 окт. того же года (Докл. и приг., IV, кн. II, 1028—1030).

[2]) *А. М. Ю.*, № 60, л. 113—116; ср. Докл. и приг., V, кн. I, 99.

и на той помѣстной и вотчинной землѣ въ тѣхъ вышепомянутыхъ селѣхъ и деревни за помѣщикомъ нашимъ—30 дворовъ крестьянскихъ, да его, помѣщика нашего, дворы, а въ нихъ дворовые люди. И по твоему, Великого Государя, указу велѣно переписать въ 710 и въ 715 годѣхъ помѣщиковы и вотчинниковы и всякихъ чиновъ людей дворы, а помѣщикъ нашъ въ тѣхъ вышепомянутыхъ своихъ селѣхъ и деревняхъ написалъ за собою въ писцовыя книги 10 дворовъ, а 20 дворовъ у тебя, Великій Государь, утаилъ и съ тѣхъ утаенныхъ 20 дворовъ тебѣ, Великому Государю, въ казну хлѣбной и денежной и некрутовъ не платитъ“ [1]).

Къ 1715 г. мысль о томъ, что утайка дворовъ—явленіе всеобщее, до того стала распространенной, что оберъ-фискалъ Нестеровъ всѣмъ провинціальнымъ фискаламъ посылаетъ особое распоряженіе „смотрѣть прилежно“ за перепищиками и обличать утайщиковъ.

Объ этомъ Несторовъ въ 1721 г., когда поднялся вопросъ объ утайкѣ душъ, писалъ сенату: „Въ прошлыхъ годѣхъ, а именно еще въ 1715 г., посланы отъ меня указы и письмами подтверждено во всѣхъ губерніяхъ провинціаламъ и фискаламъ, какъ по преданнымъ фискальнаго дѣйствія, такъ и прочаго, какъ въ тѣхъ указѣхъ написано о всѣхъ причинахъ съ разъясненіемъ, смотрѣть прилежно, въ томъ числѣ имянно къ нимъ написано: имъ же смотрѣть и за перепищики всякой неправды и за другими утайки людей и крестьянъ и звать на судъ и обличать и къ фискальнымъ дѣламъ о томъ своемъ смотрѣніи вѣдомости мѣсячныя и го-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 60, л. 178 - 180; ср. Докл. и приг., V, кн. II, 832 и сл. О подобной же утайкѣ сообщалъ сенату въ февр. 1715 г. драгунъ Никита Шибаевъ такъ: бывшій его помѣщикъ кн. Федоръ Волконской „отъ перепищиковъ таилъ многіе крестьянскіе свои дворы, сводилъ двора по два въ одинъ дворъ и утаилъ въ Клинскомъ у. въ с. Голенищевѣ съ деревнями 9 дв.“; а переведенныхъ крестьянъ показалъ въ переписныхъ книгахъ бѣглыми (Докл. и приг., V, кн. I, 136).

Въ челобитной вдовы Ульяны Пикиной, поданной въ сенатъ въ дек. 1715 г., говорилось про деревню Копыловку Архангелогородской губ.: „Какъ были перепищики (въ 1710 г.), и они, помѣщики (родственники челобитчицы), ихъ отъ переписки дворы утаили“, „и нынѣ вышепомянутые крестьяне государевыхъ податей никакихъ не платятъ, живутъ за помѣщиками своими такъ“ (Тамъ же, V, кн. II, 1275).

довыя присылать. По которому усмотрѣнію какъ перепищики, такъ и утайщики и показаны, за что инымъ, кто въ томъ явился чрезъ мое доношеніе, и въ сенатѣ указъ учиненъ съ наказаніемъ и съ штрафы, а иные и въ губерніяхъ обличены" [1]).

Какъ происходила перепись въ 709 и 710 г.г. въ Самеровской волости, къ какимъ средствамъ прибѣгало населеніе, чтобы убавить количество дворовъ, о томъ доносилъ въ сенатъ въ началѣ 1716 г. самеровскій урядникъ Романъ Карповъ Снаксаревъ. Въ его доношеніи читаемъ: „Въ прошломъ во 186 г. въ городѣхъ градскіе жители, а въ уѣздахъ уѣздные всякихъ чиновъ люди во дворѣхъ по имяномъ переписаны и послѣ оной переписки отъ отцовъ дѣти, отъ дядей племянники, отъ братій братья, отдѣлясь, построились особыми дворами и прижили себѣ дѣтей и племянниковъ и внучатъ и учали быть семейны. И по тѣмъ переписнымъ книгамъ многіе годы всякіе доходы платили до состоянія губерніи по 710 г. И въ прошломъ 709 г. перепищики писали градскихъ и уѣздныхъ людей, посадскихъ, и крестьянъ, и бобылей по сказкамъ прикащиковъ и старостъ и крестьянъ.

И написали неусмотреніемъ своимъ, не справясь подлинно съ переписною книгою 186 г. и не освидѣтельствовавъ и не розыскавъ подлинно, многую пустоту, какая обрѣтается; а писали дворы тяглые нищецкими и вдовьими, а живыхъ мертвыми, а наличныхъ бѣглыми.

Также наличные дворы по два и по три и по четыре въ одинъ дворъ, для того что у многихъ крестьянъ дворы были разломаны, а у другихъ сгороживаны, а въ сказкахъ писали и подавали за одинъ дворъ и потому и написаны. И за тѣмъ же будто и многая пустота учинилась, а что явная большая дворовая прибыль усмотрѣть, то все уничтожено. Да и сверхъ переписной книги 186 г. вновь построены новые дворы и тѣ прописаны. Потому и дворовые и задворные люди писаны съ великою утайкою мертвыми и бѣглыми, и нищими, и скотниками, и еслибъ совершенною правдою пе-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 550 и сл.

реписаны были городъ и уѣздъ прискомъ 186 г., буде где и подлинная пустота была, и то-бъ многое дворового числа прибыло въ одной Ярославской провинціи наличныхъ дворовъ.

А перепищики писали по сказкамъ безъ розыску, ничего не присматривали, третій жеребей и меньше, а два жеребья и больше остались не написаны, а имянно Самеровскаго присудства въ волостяхъ сверхъ переписи можно прискать четыре жеребья и больше, потому что Самеровскаго присудства въ дворцовыхъ волостяхъ въ 709 г. въ перепись написано 2300 дворовъ, а въ 710 г. только написано 1250 дворовъ, и того утаено 1050 дворовъ, а послѣ переписи 709 г. на каждой годъ пропадаетъ Его Царскаго Величества казны изъ тѣхъ утаенныхъ дворовъ окладныхъ сборовъ, кромѣ даточныхъ и рекрутъ, и работниковъ, и подводъ, и иныхъ надлежащихъ запросовъ, а именно окладныхъ денегъ, которыя сбирались изъ приказу большого дворца, съ двора по два рубля и того на годъ по 2.280 руб., а съ 709 г. пропадаетъ государевы казны 12.680 руб.; а если прискать, написано будетъ вдвое или втрое и Его, Великаго Государя, казны съ одного Самерскаго присудства на всякой годъ многія тысячи сбираться будутъ“ [1]).

Изъ указанныхъ выше челобитенъ и доношеній видно, что люди разныхъ общественныхъ положеній: дворовые, крестьяне, ясашные и низшіе чины администраціи, какъ урядники; и высшіе чиновники, какъ губернаторы, вице-губернаторы и оберъ-фискалъ, доводили до свѣдѣнія сената, а не рѣдко и самого царя о томъ, что при переписи дворовъ и населенія въ 1710 г. произошла „утайка“ и „прописка“ частью по винѣ перепищиковъ, главнымъ же образомъ благодаря „воровству“ со стороны населенія, которое намѣренно скрывало настоящее число платежныхъ дворовъ, отчего и получилась такая значительная „пустота“ дворовъ.

Утайка и прописка происходила отъ самихъ писцовъ и отъ населенія. Писцы иногда невнимательно относились къ своему дѣлу и заносили въ книги свѣдѣнія непровѣренныя.

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 189, л. 237 и сл.; ср. Докл. и приг., VI, кн. I, 302.

Такъ, напримѣръ, доноситель Снаксаревъ сообщаетъ, что перепищики написали „неусмотрѣніемъ своимъ, не справясь подлинно съ переписною книгою 186 г. и не освидѣтельствовавъ и не розыскавъ подлинно, многую пустоту“ [1]). Ишимскій прикащикъ Немшиновъ жалуется на „несмотрѣніе“ прежнихъ ишимскихъ прикащиковъ, благодаря которому „сверхъ переписныхъ книгъ многое число крестьянъ не въ тяглѣ“ [2]).

Со стороны перепищиковъ нерѣдко были прямыя злоупотребленія: они брали взятки и заносили въ угоду просителей въ книги невѣрныя свѣдѣнія, въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, или уменьшали число дворовъ, или понижали ихъ платежную способность, показывая тяглые дворы—нищенскими и вдовьими, живыхъ и наличныхъ мертвыми или бѣглыми и т. п. Оберъ-фискалу Нестерову была хорошо извѣстна „всякая неправда“ перепищиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были имъ обличены и потерпѣли заслуженное наказаніе [3]).

О злоупотребленіяхъ перепищика сообщаетъ въ доношеніи Государю „г. Олонца на тягломъ участкѣ житель Аверкій Шиловъ“: „Въ прошломъ 713 году, пишетъ онъ, былъ на Олонцѣ перепищикомъ стольникъ Михайла Голенищевъ-Кутузовъ, и онъ, ѣздя по Олонецкому погосту для переписи дворовъ съ подъячими своими, имали себѣ многія взятки одними деньгами съ одного Олонецкаго погоста 800 руб., а въ уѣздѣ по 60, по 70 и по 80 и по 90 и по 100 и по 200 и по 300 руб. съ погоста. Да сверхъ того, Государь, они жъ, перепищики, имали лошадьми и скотиною и звѣрьми, лисицами и съѣстными и иными многими, отчего многую великую тягость и разореніе твоимъ государевымъ крестьяномъ чинили, а писалъ онъ, перепищикъ, жилые дворы изможныхъ и богатыхъ для своихъ взятковъ 2 и 3 и 4 двора одними дворами, а бѣдныхъ и маломожныхъ и скудныхъ написалъ однихъ дворами“ [4]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, 189 л. 237.
[2]) *Тамъ же*, № 19, л. 478.
[3]) *А. М. Ю.*, № 659, л. 550.
[4]) *Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 22, л. 181—182.

Въ подметномъ письмѣ подъячаго Ивана Игумнова (отъ 9 февраля 1715 р.), найденномъ на Вологдѣ на крыльцѣ таможни и отправленномъ въ сенатъ, читаемъ:

„А переписщики—рѣчь идетъ о переписщикахъ, посланныхъ въ 1714 г. въ Вологодской уѣздъ и „въ иные городы"—переписываютъ дворы, въ которой деревнѣ или селѣ 3 двора, пишутъ одинъ, а гдѣ пять дворовъ, пишутъ 2 или 3, и берутъ оттого великія взятки, отчего губернія въ конецъ разоряется, а въ иныхъ волостяхъ и вотчинахъ стоятъ и про нихъ варятъ пива, покупаютъ вина, водки и харчи, гдѣ писать недѣля, тутъ пишутъ и пьютъ мѣсяцъ. Не токмо что имъ сыскивать противъ 186 г., они и противъ 710 г. убавляютъ, а сами себя очищаютъ сказками и свидѣтельми, будто чтобъ имъ было оправданіе" [1]).

Видимо, благодаря челобитнымъ и доношеніямъ, злоупотребленія и притѣсненія со стороны переписщиковъ стали настолько извѣстны правительству, что оно издаетъ особый указъ объ обидахъ и взяткахъ, въ которомъ люди всякихъ званій приглашались „для всенародной пользы въ Москвѣ, и въ городѣхъ, гдѣ кому способно, въ канцеляріяхъ и въ приказахъ безъ утайки" объявить, „какъ были посыланы во всѣ городы переписщики, наборщики и сборщики и въ тѣ ихъ бытности кому отъ нихъ какія обиды были-ль, и взятки съ кого какія притѣсненіемъ имали-ль. И буде обиды были отъ кого и кому и кто сколько какихъ взятковъ и за что далъ, и о томъ бы подавали письменныя доношенія губернаторамъ, съ подлиннымъ извѣстіемъ, не опасаясь на себя въ томъ какого истязанія и за то гнѣва" [2]).

Небрежность и взятничество со стороны переписщиковъ не представляютъ изъ себя чего либо новаго, это явленія хорошо извѣстны и XVII вѣку. Такими же старыми были и уловки со стороны населенія при податной регистраціи [3]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 83, л. 424 и сл.

[2]) Указъ 11 іюня 1715 г.—П. С. З., V, № 2915.

[3]) Объ этомъ см. у Лаппо-Данилевскаго, Организація прям. обложенія, стр. 209—213.

Такъ при перепискѣ ложно не только отдѣльные дворы, но иногда и цѣлыя „деревни писались пустыми", тяглые крестьяне показывались „бѣглыми и мертвыми и тяглые-жъ нищецкими и вдовьими пожиточные", а иногда просто писали въ сказкахъ меньше, чѣмъ было въ дѣйствительности, не прибѣгая ни къ какимъ особымъ мѣрамъ.

Напримѣръ, извѣстный намъ помѣщикъ Флоровъ-Багрѣевъ, по словамъ человѣка его Кріулина, написалъ „въ писцовыя книги 10 дв., а 20 дв. утаилъ". Случалось, что дворъ, какъ единицу обложенія, создавали искуственно, вмѣщая въ него 2, 3 и болѣе реальныхъ дворовъ: „писали 2, 3 и 4 двора однимъ дворомъ". Въ этихъ случаяхъ, чтобы не быть уличеннымъ, иногда два двора „изгораживали" и „перестраивали", чтобы наружно сдѣлать изъ нихъ какъ бы одинъ дворъ. При строгой переписи нерѣдко „дворы ломали" и сводили крестьянъ изъ двухъ или нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ дворъ; сломанныя постройки прятали, „увозили въ лѣсъ" или въ другія укромныя мѣста. На земляхъ помѣщиковъ прибѣгали еще къ другого рода уловкамъ. Такъ какъ помѣщичьи дворы были свободны отъ несенія государственныхъ податей и повинностей, то на время переписи крестьянскіе дворы „пригораживались" къ помѣщичьимъ и такимъ путемъ въ число податныхъ дворовъ не попадали; „дворовые и задворные люди писались" „мертвыми и бѣглыми и нищими и скотниками".

Утаивая дворы, утаивали и населеніе. Но не всегда бывало такъ. Единицей обложенія былъ дворъ; уменьшая количество дворовъ, иногда не считали нужнымъ скрывать количество населенія, а потому тѣхъ, кто жилъ въ утаенныхъ дворахъ, вписывали какъ бы живущими въ тѣхъ дворахъ, которые заносились въ переписныя книги. Напримѣръ, прикащикъ помѣщика В. Змеева Алексѣй Ильинъ вновь переведенныхъ крестьянъ въ Мещовскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ереминѣ, 8 семей, которые жили особыми дворами, написалъ при перепискѣ въ старые 9 дворовъ вмѣстѣ съ тѣми, кто жилъ въ этихъ дворахъ раньше. Благодаря такой практикѣ въ переписныхъ книгахъ часто попадаются дворы, а иногда

и деревни съ населеніемъ въ 25—30 человѣкъ (обоего пола) въ одномъ дворѣ, тогда какъ обычная средняя населенность двора равнялась 7—8 человѣкамъ. Среди нихъ, конечно, встрѣчаются и подлинные дворы, въ которыхъ живетъ одна громадная семья, но несомнѣнно также, что многіе изъ такихъ дворовъ были составлены искуственно, вмѣщая въ себѣ обитателей 2-хъ и болѣе дворовъ.

Такими пріемами и ухищреніями населеніе старалось добиться того, чтобы въ переписныя книги было занесено какъ можно меньше дворовъ, или чтобы дворы были обезцѣнены въ своемъ платежномъ состояніи. Видимо, пріемы достигли цѣли, такъ какъ весьма значительная часть населенія ускользала отъ податныхъ сѣтей.

Какъ велико было количество утаенныхъ дворовъ, сказать трудно. Но если судить по аналогіи съ первой ревизіи, то число ихъ должно быть весьма значительно. По подсчету П. Н. Милюкова, „если бы за переписью (подушной) не послѣдовала ревизія, итогъ ея былъ бы на 2 милліона ниже; эти два милліона остались бы утаенными, и мы получили бы для платежнаго населенія Россіи цифру около $3^1/_2$ милліоновъ душъ“ [1]); значитъ при старыхъ пріемахъ регистраціи утайка могла бы достичь почти 37%, иначе говоря, по такому расчету оказывается, что больше трети населенія укрывалось отъ переписи путемъ утайки и прописки.

Возвращаясь къ „пустотѣ“ дворовъ и ея причинамъ, нужно оказать, что главнѣйшей причиной пустоты была тяжесть государственныхъ сборовъ и повинностей, которые легли тяжелымъ бременемъ на населеніе; послѣднее лишь со временемъ освоилось съ ней и разными мѣрами пыталось обойти ее или облегчить свое положеніе. На второмъ мѣстѣ по силѣ воздѣйствія можно поставить народныя бѣдствія, которыя оказывали на населеніе существенное вліяніе, хотя не постоянно и не повсемѣствое. Не такъ сильно, но за то постоянно, отягчали крестьянское населеніе помѣ-

---

[1]) Милюковъ, Государ. хозяйство, 478 (по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, подсчетъ П. Н. Милюкова преувеличенъ).

щичьи сборы и повинности и тягости жизни, связанныя съ развитіемъ крѣпостного права.

При попыткахъ же количественно выразить пустоту, слѣдуетъ имѣть въ виду, что для правильной оцѣнки этой пустоты нельзя полагаться на одни количественныя показанія переписи 1710 г.; къ числамъ, приводимымъ въ итогахъ переписи, слѣдуетъ еще приложить качественный критерій, и только тогда явится возможность точнѣе опредѣлить дѣйствительное число дворовъ и населенія того времени.

Переписныя книги довольно часто указываютъ на тѣ конкретные случаи, благодаря которымъ въ данной мѣстности возникла пустота. По моимъ наблюденіямъ всѣ эти случаи въ основѣ можно свести, считая въ округленныхъ цыфрахъ, къ слѣдующимъ 4 главнымъ группамъ [1]. 1 — Взято въ рекруты, работники и мастеровые 20% (по отношенію къ числу убылыхъ дворовъ, а по отношенію къ числу дворовъ переписи 1678 года, считая всю убыль въ количествѣ 20%, это составитъ 4%); 2—бѣжало—35% (или 7% по отношенію къ итогу переписи 1678 г.); 3—умерло—30% (или 6%); 4—убыло разными случаями—15% (или 3%).

При детальномъ разборѣ рекрутской и работной повинностей было указано, что среди рекрутъ, солдатъ и матросовъ, среди работниковъ и мастеровыхъ въ сильной степени было развито бѣгство [2], а бѣглые, скрываясь отъ властей, чаще всего жили тѣмъ же сельско-хозяйственнымъ трудомъ, какъ и до взятья ихъ въ рекруты и работники. Затѣмъ разнаго рода мастеровые и работники, будучи взяты изъ уѣздовъ, переводились на житье въ Азовъ, С.-Петербургъ и дру-

---

[1]) Мои наблюденія, основанныя на свѣдѣніяхъ о судьбѣ 10.000 съ небольшимъ дворовъ, близки къ выводамъ, сообщаемымъ П. Н. Милюковымъ (Государственное хозяйство, 205).

[2]) Сверхъ свѣдѣній, сообщенныхъ выше о бѣгствѣ рекрутъ и солдатъ, приведу сообщеніе Витворта Гарлею (отъ 24 декабря 1707 г.), которому тотъ писалъ о русской арміи: „Драгунъ осталось около 16.000 изъ 30.000: рекруты набирались силой, потому множество солдатъ бѣжало; напр., изъ одного драгунскаго полка, недавно отправленнаго въ Петербургъ, убѣжало 700 человѣкъ; изъ 11 пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ здѣсь, развѣ найдется одинъ, который потерялъ бы менѣе 200 человѣкъ, хотя еще 2 мѣсяца тому назадъ они доведены были до полнаго комплекта“ (Сборн. И. О-ва, XXXIX, 441),

гія мѣста, а потому, конечно, и не выбывали изъ общаго числа жителей. На мой взглядъ не будетъ преувеличеніемъ, если принять, что изъ перваго мной указаннаго разряда только половину (10% или 2%) слѣдуетъ считать выбывшей, а другая половина должна быть разсматриваема въ качествѣ фиктивной пустоты.

Что касается бѣглыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, сидѣвшихъ на пашнѣ, то выше мной было разъяснено, что бѣгство было способомъ укрывательства тяглаго человѣка отъ несенія государственнаго тягла, а также и владѣльческихъ повинностей, и что фактически значительная часть бѣглыхъ жила „своимъ дворомъ", „во крестьянствѣ" у помѣщиковъ на земляхъ дворцовыхъ, ясашныхъ и другихъ. Если признать число такихъ бѣглыхъ равнымъ половинѣ всѣхъ дворовъ, запустѣвшихъ отъ бѣгства, то придется сказать, что другая половина (17,5% или 3,5%) представляетъ собой не что иное, какъ опять таки фиктивную пустоту, которой дѣйствительность не вполнѣ отвѣчала.

Умершіе обыкновенно съ избыткомъ покрываются вновь родившимися; число дворовъ, запустѣвшихъ отъ смерти домохозяина, могло бы при нормальныхъ условіяхъ покрыться новыми дворами, отдѣлившимися отъ семій. Но этотъ процессъ нѣсколько задерживало то обстоятельство, что населенность двора начинаетъ увеличиваться, тяглые люди даже при увеличеніи числа ихъ остаются въ прежнихъ дворахъ. Со времени переписи 1678 года число людей одного двора въ среднемъ [1]) поднимается къ 1710 году съ 3,7 человѣка до 3,8, т. е. возвышается на 2,7%, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ то будетъ показано ниже при обзорѣ ланд-

[1]) Это среднее вычислено такимъ путемъ. Въ канцелярію бригадира В. Зотова, когда онъ завѣдывалъ переписью душъ, были присланы вѣдомости о числѣ дворовъ и людей 98 городовъ съ уѣздами по переписи 186 г. для сравненія съ количествомъ душъ по тѣмъ же городамъ. Если подсчитать всѣ отдѣльные итоги, то окажется, что въ 98 городахъ по переписи 186 г. числилось 580.162 двора съ населеніемъ въ 2.135.784 человѣка (*А. М. Ю.*, № 659, л. 475 и сл.); такимъ образомъ на каждый дворъ приходилось 3,7 человѣка. По итогу же переписи 1710 г. въ 758.394 дворахъ числилось 2.874.685 чел., на каждый дворъ приходилось 3,8 человѣка.

ратской переписи, количество людей, приходившихся на одинъ дворъ, возростало больше, чѣмъ вдвое.

Къ тому же нужно помнить и то, что возросшая тяжесть сборовъ и повинностей побуждало населеніе въ большей, чѣмъ при переписи 1678 года, степени скрывать истинное число дворовъ и населенія, прибѣгать ко всякаго рода уловкамъ, чтобы какъ можно меньше показать дворовъ въ переписныхъ книгахъ 1710 года.

Отсюда можно придти къ тому выводу, что показанія переписныхъ книгъ 1710 года о 20-процентной убыли дворовъ сравнительно съ книгами 1678 года не соотвѣтствуетъ реальному положенію вещей. Если число дворовъ и убыло, то уже никакъ не больше 10%, а населеніе и того меньше. Весьма возможно даже, что количество населенія къ 1710 г. сравнительно съ 1678 годомъ не уменьшилось. „Пустота" же въ 20% и выше была явленіемъ мѣстнымъ, а иногда и фиктивнымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отношеніе правительства къ „пустотѣ", мѣры къ ея уменьшенію.

Хотя о „пустотѣ" дворовъ до правительства стали доходить свѣдѣнія какъ во время самаго производства переписи, такъ и непосредственно за ея окончаніемъ, но въ виду того, что точныя и полныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ стали ему извѣстны лишь въ 1714 году, правительство не могло сразу же по окончаніи переписи такъ или иначе реагировать на открывшуюся „пустоту". Все же слѣдуетъ отмѣтить, что появленіе „пустоты" было предметомъ тревоги и заботъ правительства, мѣстныхъ властей и круга лицъ, близкихъ къ нимъ. Чтобы яснѣе представить себѣ, какъ правительство отнеслось къ „пустотѣ", разсмотримъ слѣдующіе три вопроса: 1—отношеніе правительства къ итогамъ переписи 1710 г., 2—мѣры къ уменьшенію „пустоты", 3—частныя переписи (съ 1711 по 1715 годъ), которыми правительство предполагало, хотя бы отчасти, исправить и повысить итоги переписи 1710 года.

1. Отношеніе правительства къ итогамъ переписи 1710 года.

Отношеніе къ переписи 1710 г. со стороны центральнаго правительства и со стороны мѣстныхъ властей не было одинаково. Изъ учрежденій центральныхъ переписью интересовался болѣе всего сенатъ въ виду того, что устроить финансовыя дѣла государства было первѣйшей обязанностью сената. Не успѣла еще закончиться перепись, еще не были подведены итоги ея, какъ сенату по иниціативѣ губернскихъ властей пришлось вѣдаться съ результатами переписи.

20 іюня 1711 г. сенатомъ было постановлено [1]): собрать вновь „со всѣхъ губерній“ „рекрутъ 20.000 человѣкъ и на нихъ рублевыя деньги и мундиръ, также и 7.000 лошадей“, при чемъ на С.-Петербургскую губернію приходилось 4.411 рекрутъ и 1.546 лошадей. Но немедленно же 22 іюня 1711 г. кн. Меншиковъ прислалъ въ сенатъ вмѣстѣ съ доношеніемъ о состояніи С.-Петербургской губерніи письмо, въ которомъ просилъ сенатъ по тому доношенію „разсмотрѣніе учинить“. А въ томъ доношеніи написано было слѣдующее: Въ городахъ С.-Петербургской губ. по новой переписке дворовъ оказалось на лицо 105.977 дворовъ, противъ прежнихъ переписныхъ книгъ убыло 72.183 дв. Но на этомъ убыль не остановилась. Уже послѣ переписи въ 1710 и 1711 г.г. въ Псковскомъ, Торжецкомъ, Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ случилось моровое повѣтріе, отъ котораго „изъ наличнаго числа людей вымерло и дворовъ запустѣло многое число“, если „по послѣдней мѣрѣ положить“ примѣрно, то будетъ до 16.897 дв. Такимъ образомъ, вся убыль достигаетъ 89.080 дв., т. е. составитъ ровно половину того количества, которое имѣлось въ С.-Петербургской губ. по переп. книгамъ 186 г., именно $16^1/_{10}$ доли, тогда какъ рекруты, подводы, денежные и хлѣбные сборы налагаются на ту губернію съ полнаго количества доль, именно съ $32^1/_5$, и „отъ такой несносной тягости достальные уѣздные люди бредутъ врозь и дворы пустѣютъ“.

Несчастья С.-Петербургской губерніи, сообщалось въ до-

[1]) Докл. и приг., I, 152; ср. П. С. З., IV, № 2390.

ношеніи, умножились еще оттого, что ту губернію „сей годъ пожарами Богъ посѣтилъ“, города „Ярославль и Кашинъ едва не совсѣмъ до основанія выгорѣли“. Къ тому же и „разбои вездѣ нынѣ умножаются“, во многихъ уѣздахъ „въ разныхъ мѣстахъ ходятъ воры и разбойники великимъ собраніемъ и многія села и деревни разбили и пожгли“, а „городскихъ и уѣздныхъ жителей и проѣзжихъ всякихъ чиновъ людей грабятъ, и бьютъ, и мучатъ, и многихъ побиваютъ до смерти“. „А въ тѣхъ городахъ служилыхъ людей нынѣ нѣтъ, и для поимки такихъ воровъ послать некого. И за такими многими разбои, въ сборѣ съ уѣздныхъ людей окладныхъ и прочихъ доходовъ и рекрутъ и въ высылкѣ мастеровыхъ и работныхъ людей чинится конечная остановка“.

Кромѣ внутреннихъ непорядковъ появилась и внѣшняя опасность. „Непріятель, въ Финляндіи обрѣтающійся, сообщалось въ томъ доношеніи, начинаетъ вступать въ дѣйствія и уже непріятельскія партіи являются гораздо неподалеку оттуды“, даже перешли Неву и „многія пакости учинили, кирпичные нѣкоторые заводы пожгли и работныхъ людей нѣсколько побили и разогнали“. А потому онъ, Меншиковъ, „всѣхъ на его губернію положенныхъ рекрутъ велѣлъ выслать туда, дабы не такъ было тамъ малолюдно“, и проситъ „рекрутъ и лошадей“, положенныхъ на С.-Петербургскую губернію, „не требовать по то время, пока нынѣшняя кампанія, и то дай Боже, счастливо окончается“.

Что же касается разныхъ сборовъ впредь, то Меншиковъ проситъ — С.-Петербургскую губернію, „яко весьма предъ другими отягченную, хотя мало, облегчить“, въ особенности въ виду того, что „города и мѣста“, которые въ прежнее время „моровымъ повѣтріемъ, также и пожарами и голодомъ разорились, и тѣ еще и нынѣ не исправились“ [1]).

Одной посылкой письма и доношенія со стороны кн. Меншикова дѣло не ограничилось. Одновременно, по сообщенію комисара С.-Петербургской губерніи Петра Власова, нахо-

---

[1]) Содержаніе письма и доношенія передается въ сенатскомъ указѣ отъ 30 іюня 1711 г. (П. С. З., IV, № 2390; ср. Докл. и приг., I, 161).

дившагося при сенатѣ, „къ камисарскимъ дѣламъ“ отъ свѣтлѣйшаго князя было „писано, дабы по письмамъ его, каковы къ правительствующему сенату посланы, домогаться полнаго и скораго рѣшенія, и для того непрестанно о томъ имъ (сенату) доносить, чтобъ С.-Петербургская губернія въ настоящихъ сборахъ изволили обходить ни для чего, но и для самой бѣдности и разоренья тамошняго народа“ [1]).

Отвѣтомъ на представленіе Меншикова былъ сенатскій приговоръ отъ 30 іюня 1711 г., которымъ было повелѣно: „съ С.-Петербургской губерніи рекрутъ и лошадей не сбирать, для того что въ той губерніи отъ прошлогодскаго морового заповѣтрія и отъ пожаровъ и отъ воровскихъ людей многія мѣста запустѣли“, число же рекрутъ и лошадей, падавшихъ на С.-Петербургскую губернію, было распредѣлено на всѣ остальныя губерніи пропорціонально количеству дворовъ по переписнымъ книгамъ 186 года [2]).

Это былъ далеко не единственный случай. Нѣсколько лѣтъ С.-Петербургская губернія была на особомъ положеніи; въ отношеніяхъ къ ней сената при распредѣленіи податного бремени замѣтна нѣкоторая планомѣрность, ясно сказывавшаяся въ цѣломъ рядѣ случаевъ.

Прежде всего сборы постоянные, окладные и неокладные,

---

[1]) Этотъ наказъ не остался безъ послѣдствій, Власовъ писалъ представленія сенату объ облегченіи С.-Петербургской губ. (см. Докл. и приг., II, кн. II, 188—190).

[2]) П. С. З., IV, № 2390; Докл. и приг., I, 161; дополнительныя распоряженія о томъ же сборѣ рекрутъ и денегъ — П. С. З., IV, № 2396, 2520; Докл. и приг., I, 170 и сл.; II, кн. I, 275.

Слѣдуетъ отмѣтить, что С.-Петербургская губернія освобождается отъ нѣкоторыхъ повинностей еще нѣсколько раньше приговора 30 іюня. Такъ съ С.-Петербургской губ. не сбираются рекруты изъ дворовыхъ людей по указу 1-го марта 1711 г. (П. С. З., IV, № 2326; Докл. и приг., I, 1—3); также по сенатскому указу 20 іюня, изданному въ дополненіе къ предыдущему, третныхъ даточныхъ изъ подьячихъ велѣно собирать со всѣхъ губерній, кромѣ С.-Петербургской-же (П. С. З., IV, № 2384; Докл. и приг., I, 149—150). По указу 24 мая 1711 г. о наборѣ плотниковъ въ количествѣ 1.400 человѣкъ на эту губернію сборъ не распространяется (П. С. З., IV, № 2362; Докл. и приг., I, 103; ср. дополнительный указъ 20 сент. того же года—№ 2427; Докл. и приг., I, 236—277). Причины такого изъятья въ документахъ не указаны, кромѣ послѣдняго случая о наборѣ плотниковъ: въ сенатской выпискѣ по этому поводу приводится письмо „свѣтлѣйшаго князя“ отъ 22 мая объ отягощеніи С.-Петербургской губ. и ея разореніи (Докл. и приг., I, 113).

которые необходимы были на содержаніе арміи и на удовлетвореніе нуждъ государственныхъ первѣйшей необходимости, были оставлены на С.-Петербургской губерніи, сбирались съ нея по прежнему. Естественно, что положенные по указу 19 февраля 1711 г. на С.-Петербургскую губ. полки [1]) такъ и остались на этой же губерніи въ томъ же самомъ количествѣ; жалованье имъ выдавалось изъ доходовъ С.-Петербургской губ. [2]), а также всякіе новые расходы, связанные съ потребностями полковъ, расположенныхъ на ту губернію, производились изъ доходовъ той же губерніи. Такъ приговоромъ 13 іюня 1712 г. было повелѣно: состоящимъ въ полкахъ, положенныхъ на С.-Петербургскую губернію, строить мундиръ въ С.-Петербургѣ изъ суконъ, какія въ той губерніи есть [3]). Приговоромъ 30 янв. 1713 г. было постановлено: „73-хъ полковъ драгунамъ и солдатамъ и неслужищимъ, кромѣ денщиковъ, давать“ сверхъ годового жалованья „на мясо“, разсчитывая въ мясоѣдные дни „по алтыну на недѣлю человѣку“, и тѣ деньги взять „съ губерній, на которыя губерніи тѣ полки положены“ [4]). Провіантъ и фуражъ на полки заготовляется, по приговорамъ 21 авг. и 9 дек. 1713. г., средствами С.-Петербургской же губерніи [5]).

Также С.-Петербургская губернія не была освобождена отъ сборовъ, наложенныхъ въ прежнее время, но ею полностью не выполненныхъ. Такъ она должна была собирать и высылать суммы, находившіяся въ доимкѣ за прежніе годы. По приговорамъ 12 іюня и 12 сент. 1712 г. всѣ губерніи, въ томъ числѣ и С.-Петербургская, должны были изъ мастеровыхъ людей, положенныхъ въ 1710 г. на губерніи по долямъ двороваго числа, недосланныхъ и новыхъ вмѣсто негод-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2319; Докл. и приг., I, 36 и сл. По табелю 1710 г. было положено 26 полковъ, по табелю 29 янв. 1712 г.—24 полка; по приговору 30 дек. 1712 г. имъ выдается жалованье (III, кн. II, 975).

[2]) Приговоръ сената отъ 30 дек. 1712 г. (Докл. и приг., II, кн. II, 454); приговоры 18 іюля и 25 сент. 1713 г. (III, кн. II, 487, 789, 886).

[3]) Докл. и приг., II, кн. II, 423; мундиръ и аммуницію олонецкаго полка повелѣно, по приговору 25 іюня 1713 г., „отправить изъ С.-Петербургской губ.“ (III, кн. I, 446).

[4]) Тамъ же, III, кн. I. 64.

[5]) Тамъ же, III, кн. II, 638, 659, 752 и сл.; 1335.

ныхъ и бѣжавшихъ „высылать съ нарочными въ С.-Петербургъ не мотчавъ“, „собрать“ и „выслать немедленно“ [1]).

Не освобождалась С.-Петербургская губернія и отъ такихъ сборовъ, о которыхъ сенатъ полагалъ, что они неотложны и должны одинаковой тяжестью падать на всѣ губерніи. Такъ было при наборѣ работниковъ къ 1712 г. Въ „письмѣ Царскаго Величества“ изъ Карлсбада отъ 29 сент. 1711 г. сенату было писано: „Нынѣшнее лѣто, за турскою войною, зѣло мало въ высылкѣ было работныхъ людей; чего для потщитесь къ будущему лѣту и къ зимѣ указное число сполна выслать“. Сенатъ, послѣ справокъ, постановилъ: работниковъ 40.000 человѣкъ и денегъ 100.000 руб. „собрать по расположенію и во всемъ отправить со всѣхъ губерній равно“, т. е. и съ С.-Петебургской съ полныхъ доль двороваго числа, ни чѣмъ не облегчая ее передъ другими губерніями, благодаря чему на С.-Петербургскую губ. пришлось 8791 человѣкъ (по 273 человѣка съ каждой доли), денегъ—22.025 руб. Хотя слѣдуетъ отмѣтить, что въ сенатской выпискѣ было предположеніе съ „С.-Петербургской губ. тѣхъ работныхъ людей собрать съ половины доль, а съ достальныхъ губерній съ доль полнаго числа“, но это предположеніе не было утверждено сенатомъ, который пришелъ къ выводу, что эту тяжесть нужно положить на всѣ губерніи „равно“ [2]).

Но, облагая С.-Петербургскую губернію необходимыми сборами, сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ, обративъ вниманіе на ея запустѣніе и разореніе, многократно освобождаетъ ее отъ различныхъ сборовъ, дожидаясь того, чтобы она отъ облегченія поправилась и пришла въ податную исправность. Кромѣ освобож-

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 410; кн. II, 218.

[2]) Сенатскій приговоръ 7 ноября въ Докл. и приг., I, 296 и сл. напечатанъ въ краткомъ изложеніи и съ пропусками; этотъ недочетъ восполняется П. С. З., гдѣ, сверхъ обыкновенія, приведена полностью передъ приговоромъ значительная сенатская выписка (IV, № 2448). Дополнительные приговоры, относящіеся къ тому же сбору работныхъ людей и денегъ, см. въ Докл. и приг., I, 401—403; II, кн. II, 219, 225—227.

Впрочемъ отмѣчу, что прибавочные къ 40.000 работникамъ новые 3000 человѣкъ сбираются по приговору 6 февр. 1712 г. со всѣхъ губерній, „опричь С.-Петербургской“ (II, кн. I, 78, 113; кн. II, 134—136, 366).

денія отъ рекрутскаго набора по приговору 30 іюня 1711 г., въ томъ же году по приговору 31 октября С.-Петербургская губернія изымается отъ поставки провіанта и фуража на армейскіе полки, находившіеся подъ командой фельдмаршала Шереметева [1]). 5 января 1712 г. было посталовлено: „собрать въ запасъ 3.300 лошадей“ „со всѣхъ губерній, опричь С.-Петербургской“, съ оставшихся 114½ доль двороваго числа [2]). По приговору 4 февраля 1712 г. провіантъ и фуражъ для дивизій Рена, Януша и Вейде берутся „со всѣхъ же губерній, опричь С.-Петербургской“ [3]). И даже, когда къ 40.000 работниковъ, по приговору 6 февраля 1712 г., рѣшено было прибавить еще 3000 человѣкъ для работъ на Котлинѣ, то отъ этого новаго набора С.-Петербургская губернія была освобождена [4]), хотя въ поставкѣ 40.000 человѣкъ она должна была принимать одинаковое съ прочими губерніями участіе.

Согласно приговору 8 февраля 1712 г. было приказано купить въ Казанской губ. 20.000 драгунскихъ лошадей, а расходъ разложить „на всѣ губерніи, опричь С.-Петербургской“ [5]). Точно также на С.-Петербургскую губернію не распространяется сборъ 6000 драгунскихъ и подъемныхъ лошадей, необходимыхъ для посылки въ Померанію, сборъ, опредѣленный приговоромъ 10 марта того же года [6]).

Провіантъ къ 1714 году, на армейскіе и гарнизонные полки во флотъ и на работныхъ людей, всего 143.136 четвертей муки, крупъ—7.298 четвертей, по приговору сената 30 октября 1713 г., распредѣляется на всѣ губерніи, „кромѣ С.-Петербургской“, которая принимаетъ участіе лишь въ покупкѣ провіанта, расходъ же по этой покупкѣ въ количествѣ

---

[1]) Докл. и приг., I, 291; дополнительный приговоръ о томъ же отъ 19 ноября 1711 г. (I, 310).

[2]) Тамъ же, II, кн. I, 8.

[3]) Тамъ же, II, кн. I, 74.

[4]) Тамъ же, II, кн. I, 78; кн. II, 366.

[5]) Докл. и приг., II, кн. I, 82, 110; 19 марта сборъ съ губерній былъ отмѣненъ до указу; а приговоромъ 15 мая снова возстановленъ (II, кн. I, 178—179, 290).

[6]) Тамъ же, II, кн. I, 104; по дополнительному приговору 14 апрѣля велѣно сверхъ 6000 на убылыя мѣста 200 лошадей прислать изъ прежнихъ нарядовъ „или вновь собрать“ со всѣхъ губерній, кромѣ С.-Петербугской (II, кн. I, 252 и сл.).

13 алтынъ со двора несутъ всѣ остальныя губерніи [1]). Деньги на покупку фуража на 6 полковъ, которые стояли въ Кіевѣ, въ силу приговора 27 ноября того же 1713 г., повелѣно разложить на губерніи, „опричь С.-Петербургской“ [2]). Точно также деньги за провіантъ и фуражъ для полковъ, идущихъ изъ Помераніи на зимнія квартиры въ разные города, по приговору 8 декабря 1713 г., приказано сбирать со всѣхъ губерній, кромѣ С.-Петербургской [3]).

Освобождая С.-Петербургскую губернію отъ нѣкоторыхъ сборовъ вовсе, сенатъ гораздо чаще прибѣгалъ къ другому пріему, а именно примѣнялъ здѣсь частичное освобожденіе, опредѣляя взимать сборы не съ полнаго количества доль этой губерніи, а лишь съ опредѣленной части. Первоначально такой частью была „половина доль“, то именно количество, какое было указано въ доношеніи С.-Петербургской губ., а потомъ $^3/_4$ доль.

Такъ провіантъ для арміи много разъ собирался со всѣхъ губерній съ полнаго количества доль, а съ С.-Петербургской „по случаю прошлогодняго повѣтрія, гладовъ, пожаровъ и пустоты съ половины доль двороваго числа“ [4]).

Когда провіантъ переводился на деньги, то, естественно, и деньги взимались въ соотвѣтствующемъ количествѣ, съ того же числа доль, на которое разложенъ былъ провіантъ. При-

---

[1]) Тамъ же, III, кн. II, 993 и сл.; П. С. З., V, № 2731—указъ сената о томъ же.

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 1187—1188.

[3]) Тамъ же, III, кн. II, 1299—1301.

[4]) По приговору 20 сент. 1711 г. при сборѣ провіанта на 69.724 человѣка (Докл. и приг., II, кн. I, 16—18; ср. указъ отъ 10 янв. 1712 г.—П. С. З., IV, № 2465). Приговоромъ 10 янв. 1712 г. провіантъ на 62.654 человѣка велѣно собрать со всѣхъ губерній, кромѣ Азовской, а съ С.-Петербургской „съ половины доль“ „съ двора по полуосминѣ“ (Докл. и приг., II, кн. I, 17; кн. II, 134). По государеву именному указу 20 мая 1712 г. велѣно „къ предбудущему 1713 г. провіанта изъ губерній нарядить противъ опредѣленія прошлаго 1711 г.“ (II, кн. I, 311). Этотъ провіантъ, по приговору сената 20 іюня, постановлено въ С.-Петербургской губ. сбирать „по прежнему съ половины доль“, а со всѣхъ губерній съ $130^6/_{10}$ доль, по 1227 чети съ четверикомъ съ каждой доли (II, кн. II, 135—136); дополнительный сборъ провіанта въ количествѣ 90.000 четей, по приговору 30 октября того же 1712 г., распредѣляется на С.-Петербургскую губ. тоже на половинное количество доль, при томъ за исключеніемъ 4 городовъ, опредѣленныхъ къ адмиралтейству (всего съ $126^3/_4$ доль и 403 дворовъ—II, кн. II, 311—313).

говоромъ 30 декабря 1712 г. было опредѣлено брать за поставленный въ Смоленскъ провіантъ деньгами съ доль двороваго числа, при чемъ съ С.-Петербургской губ. велѣно взять денегъ „съ половины (доль) и кромѣ опредѣленныхъ городовъ ко флоту", т. е. съ 12¼ доль [1]).

Также съ половины доль собирались, по приговору сената 18 февр. 1712 г., деньги на содержаніе работныхъ людей и мастеровыхъ, на дѣланіе кирпича, судовъ и на покупку припасовъ [2]). Фуражъ на украинскіе полки, въ силу приговора 10 сент. того же года, былъ разложенъ на половину же доль дворового числа и кромѣ того за исключеніемъ городовъ, опредѣленныхъ ко флоту, съ которыхъ, по сообщенію многихъ приговоровъ подобнаго рода, „никакихъ податей имать не велѣно" [3]). Въ такомъ же облегченномъ положеніи оказалась С.-Петербургская губернія, когда по приговору 30 сент. 1712 г. было приказано сбирать съ губерній ежегодно 20.000 руб. на заготовленіе и обжиганіе извести [4]); когда по приговору 13 октября требовались подводы въ С.-Петербургъ [5]); въ томъ и другомъ случаѣ сборъ падалъ на 12¼ доли и 403 дв. С.-Петербургской губерніи.

Облегченіе С.-Петербургской губерніи въ податяхъ и сборахъ падаетъ на 1711 и 1712 гг. Но уже со второй половины 1712 г. замѣтна у сената тенденція, если не сразу вернуться къ прежнему положенію, когда С.-Петербургская губернія несла податныя тягости наравнѣ со всѣми прочими, то во всякомъ случаѣ ослабить тѣ льготы, которыя предоставлялись этой губерніи за предшествовавшее время.

Какъ было показано выше, отъ сбора провіанта С.-Петербургская губернія иногда освобождалась вовсе, а чаще провіантъ взимался съ половиннаго количества доль. Но 4 авг. 1712 г. сенатъ постановилъ: „собрать провіантъ въ рижскій гарнизонъ на два года, муки и крупы — 63.750 четвертей съ

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 479—480.
[2]) Тамъ же, II, кн. I, 112—113; П. С. З., IV, № 2487.
[3]) Тамъ же, кн. II, 264—268.
[4]) Докл. и приг., II, кн. II, 270 и сл.; П. С. З., IV, № 2592.
[5]) Тамъ же, II, кн. II, 281—282; 451—453.

„полныхъ доль“ двороваго числа всѣхъ губерній, въ томъ числѣ и съ С.-Петербургской“.

Указы посланы были 5 и 7 августа, но уже 8 августа С.-Петербургской губерніи комисаръ Петръ Власовъ доносилъ сенату, что „провіантъ съ С.-Петербургской губерніи имется съ полнаго по переписнымъ книгамъ 186 года двороваго числа съ 32 1/5 доли“, а въ „доношеніи свѣтлѣйшаго князя“ было написано, что въ С.-Петербургской губерніи двороваго числа „по нынѣшней перепискѣ явилось на лицо только половина, а другая половина отъ морового повѣтрія и отъ другихъ разореній и тягостей пуста“, а потому Власовъ, помня приказъ свѣтлѣйшаго, „домогаться“ въ сенатѣ, „чтобъ С.-Петербургскую губ. въ настоящихъ сборахъ изволили обходить“, сообщалъ, что въ С.-Петербургской губерніи „нынѣ на лицо только 16 доль“, и просилъ „о расположеніи рижскаго провіанта“ „для настоящей пустоты указъ учинить“ согласно съ „доношеніемъ свѣтлѣйшаго князя“.

Представленіе Власова имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что рижскій провіантъ, по приговорамъ сената отъ 18 и 29 августа, былъ положенъ по прежнему порядку на половинное количество доль С.-Петербургской губерніи, а за вычетомъ городовъ, приписанныхъ къ адмиралтейству, на 12 1/4 доль и 403 двора [1]. Въ такомъ же облегченномъ положеніи оставалась С.-Петербургская губернія и позднѣе, когда по приговору 23 ноября 1713 г. было велѣно рижскій провіантъ на 1713 и на 1714 годы „поставить сполна безъ доимки“, „а на предбудущіе 715 и 716 годы собрать со всѣхъ же губерній“ „по прежнему расположенію“ согласно съ сенатскимъ приговоромъ августа 29 числа 712 года [2].

Та же тенденція привлечь С.-Петербургскую губернію къ большему несенію податныхъ тягостей еще съ большей на-

---

[1]) А всего на оставшихся 126 3/4 доли и 403 двора (Докл. и приг., II, кн. II, 188—190; ср. III, кн. I, 438; указъ 29 авг.—П. С. З., IV, № 2577; о поставкѣ того же провіанта см. дополнительный приговоръ отъ 24 сент. 1712 г. (Докл. и приг., II, кн. II, 257) и 3 ноября того же года (II, кн. II, 315—317; ср. III, кн. I, 439 и сл.).

[2]) Тамъ же, III, кн. II, 1138.

стойчивостью проявилась со стороны сената въ концѣ 1712 г. Раньше, когда былъ объявленъ сборъ работниковъ на Котлинъ въ количествѣ 3000 человѣкъ, С.-Петербургская губернія, по приговору 6 февр. 1712 г., была совершенно освобождена отъ этого сбора, по приговору же 5 дек. того же года, она къ поставкѣ такого же количества работниковъ привлекается на ряду со всѣми другими, но впрочемъ ей „по письму свѣтлѣйшаго князя" дано облегченіе, велѣно собрать работниковъ съ 12¹/₄ доли и 403 дв. [1]). Когда же въ декабрѣ 1712 г. шла рѣчь о высылкѣ работныхъ людей въ количествѣ 40.000 человѣкъ, то сенатъ, послѣ предположительной разверстки, 1) по полнымъ долямъ всѣхъ губерній, въ томъ числѣ и С.-Петербургской, 2) „съ половины доль" послѣдней и наконецъ, 3) „съ трехъ частей доль", остановился на послѣднемъ предположеніи и приговоромъ 30 дек. 1712 г. постановилъ: „къ предбудущему 713 году работныхъ людей въ С.-Петербургъ къ городовымъ дѣламъ нарядить изъ губерній, въ томъ числѣ съ С.-Петербургской губ., окромѣ опредѣленныхъ городовъ ко флоту, съ трехъ частей, а съ четвертой части двороваго числа не класть для морового повѣтрія", т. е. съ 18³/₄ доли и 668 дв. [2]).

И хотя вице-губернаторъ с.-петербургскій Я. Римскій-Корсаковъ въ доношеніи отъ 24 янв. 1713 г. сенату писалъ, что кромѣ опредѣленнаго приговоромъ 30 дек. сбора работниковъ и денегъ (6.756 работниковъ, денегъ—20.268 руб.) отъ С.-Петербургской губерніи на разныя работы по именнымъ указамъ требовалось и требуется „плотниковъ и работниковъ, кузнецовъ и лоцмановъ 9.620 человѣкъ и 5.093 подводы", и не безъ задней мысли запрашивалъ: „оныя дѣла управлять по именнымъ указамъ С.-Петербургскою губерніею работники и подводы, или по указамъ изъ прав. сената высылать къ городовымъ дѣламъ работниковъ", однако сенатъ остался при прежнемъ своемъ постановленіи и при-

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 364—370.

[2]) Изъ 32¹/₅ ко флоту причислено 6⁶/₇ доли и 93 дв., осталось 25¹/₄ и 1291 дв., а три четверти послѣдняго числа составляютъ 18³/₄ доли и 668 дв. (Докл. и приг., II, кн. II, 667 и сл.).

говоромъ 13 марта 1713 г. опредѣлилъ работниковъ и деньги сбирать согласно съ прежнимъ приговоромъ 30 декабря, часть плотниковъ и работниковъ изъ 9.620 человѣкъ „изъ С.-Петербургской губ. не посылать, для того что ко флоту опредѣлено для всякой корабельной работы 4 города“, но другую часть къ „достальнымъ работамъ кузнецовъ и плотниковъ и работниковъ съ подводы наряжать и управлять по тѣмъ Е. Ц. В. именнымъ указамъ С.-Петербургскою губерніею“ сверхъ тѣхъ работниковъ, которые опредѣлены 30 дек. сенатомъ.

Сенатъ мотивируетъ свое постановленіе: 1) „и въ другихъ губерніяхъ особливыя, сверхъ нарядовъ отъ сената, работы бываютъ и нынѣ есть“, 2) „да и тѣ работные люди къ городовому дѣлу положены С.-Петербургской губерніи съ остаточныхъ отъ адмиралтейства съ трехъ частей доль дворового числа, а не съ полнаго по переписнымъ книгамъ 186 г. двороваго числа“ [1]).

Съ этого времени, если и дается С.-Петербургской губерніи облегченіе въ сборахъ, то чаще всего не на половину доль, а лишь на одну четверть. Такъ, по приговору 23 янв. 1713 г., драгунскія лошади сбираются съ „трехъ частей“ доль; съ такого же количества, по приговору 29 янв., велѣно собрать деньги на вино, уксусъ и солодъ для полковъ, находившихся подъ командой Шереметева [2]). Сборъ рекрутъ на 1714 г. „съ 50 дворовъ по человѣку“, въ силу приговора 19 ноября 1713 г., разсчитанъ съ 18³/₄ доль и 668 дв. С.-Петербургской губ., „опричь тѣхъ дворовъ, которые приписаны ко флоту и сложенныхъ за моровымъ повѣтріемъ пустыхъ дворовъ“, какъ сообщалось въ сенатскомъ приговорѣ [3]).

По приговору 30 дек. 1712 г. работники изъ губерній были высланы съ полнаго количества доль, а изъ С.-Петербургской—„съ трехъ частей“, но по приговору 30 ноября

¹) Докл. и приг., III, кн. I, 132—134.
²) Тамъ же, III, кн. I, 51, 62.
³) Тамъ же, III, кн. II, 1109—1111; см. о томъ же указъ сената—П. С. З., V, № 2738. Ср. приговоры 15 и 16 Янв. 1713 г. (Докл. и приг., III, кн. I, 38).

слѣдующаго года для наряда на 1714 г. къ работамъ въ С.-Петербургѣ и на Котлинѣ С.-Петербургская губернія привлекается на равномъ съ другими губерніями основаніи, изъ 34.000 работниковъ она должна выставить 7.305 человѣкъ и деньгами 21.915 руб., почти съ $25^1/_2$ доль, оставшихся въ той губерніи послѣ приписки 4 городовъ ко флоту [1]).

Въ такое же положеніе была поставлена С.-Петербургская губернія при слѣдующихъ сборахъ. По приговору 28 окт. 1713 г. на нее въ одинаковой мѣрѣ, какъ и на всѣ другія губерніи, расписываются 49.395 руб. 10 алт. $1^1/_2$ д., окладной доходъ, сбиравшійся раньше съ городовъ, опредѣленныхъ ко флоту, и съ волостей, приписанныхъ къ комнатамъ [2]). По приговору 30 сент. и 4 ноября 1713 же года С.-Петербургская губернія должна была приготовить на опредѣленныхъ станціяхъ провіантъ и фуражъ „для приходу донскихъ казаковъ 1000 человѣкъ", марширующихъ къ С.-Петербургу вмѣстѣ съ 2.150 лошадьми [3]). По приговору 8 ноября того же года она участвуетъ наряду съ другими губерніями въ поставкѣ фуража и провіанта на армію [4]).

Въ 1714 и 1715 гг. обычнымъ становится, что С.-Петербургская губернія несетъ податныя тягости наравнѣ съ другими губерніями съ оставшихся $25^1/_2$ доль двороваго числа. Съ такого количества она должна была, по приговору 10 марта 1714 г., строить каменные дома на Котлинѣ [5]); собрать провіантъ въ С.-Петербургъ, въ гарнизоны и адмиралтейство къ будущему 1715 году [6]); выслать изъ губерній припасовъ для

[1]) Съ каждой доли приходилось работниковъ по 287 чел. (Докл. и приг., III, кн. II, 1203).

[2]) Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ сенатской выпискѣ было два предположительныхъ разсчета: 1) по долямъ полнаго числа, 2) пропорціонально доходамъ каждой губерніи; приговоромъ 28 окт. утвержденъ второй разсчетъ, болѣе выгодный для С.-Петербургской губ. (по долямъ на нее падало 9.023 руб. 28 алт. 4 д. а „по приходу"—5.707 руб.—Докл. и приг., III, кн. II, 970—978.

[3]) Тамъ же, III, кн. II, 1021 и сл.

[4]) Тамъ же, III, кн. II, 1048; ср. 1052.

[5]) „Съ 5 доль по двору на годъ" (IV, кн. I, 378; П. С. З., V, № 2808); по приговору 9 авг. на строеніе домовъ велѣно собрать съ каждой доли по 5.000 р. (IV, кн. II, 712—713).

[6]) По приговору 21 авг. (Докл. и приг., IV, кн. II, 752; ср. приговоръ 21 окт. 1032 и сл.).

флота: гороху, коровьяго масла, мяса, вина и крупъ [1]); выслать въ с-.петербургское адмиралтейство кузнецовъ съ женами и дѣтьми на вѣчное житье и собрать на дачу имъ деньги [2]); собрать рекрутъ съ 75 дворовъ по человѣку [3]); собрать деньги за провіантъ на полки и на работниковъ (со всѣхъ губерній въ количествѣ 438.616 руб. 20 алт.) [4]).

Такимъ образомъ, сенатъ, считаясь съ „письмомъ свѣтлѣйшаго князя", въ которомъ сообщалось о „пустотѣ", обнаруженной при переписи 1710 г. и позднѣе, при расположеніи сборовъ со всего государства давалъ при сборѣ рекрутъ, работниковъ, провіанта, фуража, лошадей и денегъ разныя льготы С.-Петербургской губерніи: то освобождалъ ее отъ всякого побора, то приказывалъ брать въ уменьшенномъ размѣрѣ, снимая съ нея половину или треть оклада, и только потомъ черезъ 3 года, когда нашелъ, что С.-Петербургская губернія оправилась, сталъ облагать ее на равномъ съ другими губерніями основаніи.

Далеко не въ такомъ счастливомъ положеніи были другія губерніи; переписью 1710 г. была обнаружена „пустота" и въ нихъ, въ особенности въ Архангелогородской, вице-губернаторъ которой неоднократно о томъ писалъ сенату. Такъ въ отпискахъ его сенату по поводу сбора полтинныхъ денегъ сообщалось: „Въ той губерніи по переписнымъ книгамъ 186 г., опричь взятой ко флоту Чаронды, въ 19 городахъ было двороваго числа 96.906, а по переписнымъ книгамъ 710 г., написано только 57.204 двора и убыло 39.704 дв., и противъ переписныхъ книгъ 186 г. за пустотою на наличные дворы будетъ вмѣсто полтины мало

[1]) Приговоръ 24 августа 1714 г. (Тамъ же, IV, кн. II. 723, 774); морской провіантъ высылался по такому же разсчету въ 1715 и 1716 гг. (Тамъ же, VI, кн. I. 195 и сл.).

[2]) Всего требовалось выслать 200 кузнецовъ и собрать денегъ 7694 руб. 10 алт. 4 д.; по приговору 11 сент. 714 г. велѣно взять съ С.-Петербургской губ. „съ доль двороваго числа, опричь адмиралтейства", 35 кузнецовъ и 1384 руб. (IV, кн. II, 829).

[3]) Приговоръ 12 февр. 1715 г. (V, кн. I, 131).

[4]) Приговоръ 11 ноября 1715 г. (V, кн. II, 1027). По приговору 14 янв. 1716 г., съ 25 доль С.-Петербургской губ. должно быть выслано плотниковъ въ адмиралтейство 252 человѣка и денегъ 1.512 руб. (VI, кн. I, 23, ср. 358).

не вдвое“, и если сбирать деньги, раскладывая за пустые дворы на наличныхъ, то отъ подобнаго сбора „той губерніи будетъ превеликая тягость и многіе разбредутся врознь“; потому онъ и просилъ, „дабы для оной тягости повелѣно было милостивымъ разсмотрѣніемъ прав. сената тѣ деньги сбирать по книгамъ 710 г. по полтинѣ съ двора, а съ черносошниковъ за всеконечною ихъ скудостью не сбирать“. Но это ходатайство успѣха не имѣло, по приговору 20 ноября 1713 г. велѣно, полтинныя деньги „собрать сполна“ по прежнему указу [1]).

Не только въ этомъ случаѣ, но и въ рядѣ другихъ доношенія изъ Архангелогородской губ. своимъ послѣдствіемъ обычно не имѣли уменьшенія какихъ либо сборовъ, падавшихъ на ту губернію. Хотя слѣдуетъ отмѣтить одинъ случай, когда представленіе Курбатова имѣло результатомъ отмѣну особаго рекрутскаго набора, распространенную при томъ на всѣ губерніи [2]).

Точно также и смоленскій губернаторъ неоднократно (3 окт. 1711 г., марта 5 и 31, августа 5-го 1712 г. и марта 9-го 1713 г.) доносилъ сенату, что до переписки 1710 г., „во время сближенія къ Смоленску и къ смоленскимъ границамъ шведскаго короля выжжено и разорено и отъ проходу воинскихъ людей учинилось пустоты 9.445 дв.“; „съ пустыхъ дворовъ какъ рекруты, такъ и лошади, такъ и всякія подати накладываются и сбираются съ наличныхъ дворовъ“, отчего „за пустотою въ губерніи двороваго наличнаго числа, всякіе сборы суть вдвое, и чинятся доимки; отъ таковой тягости губернія разоряется и крестьяне бѣгутъ врознь“ [3]).

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 1120—1122.

[2]) Приговоръ сената 13 марта 1713 г. (Докл. и приг., III, кн. I, 130 и сл.). Можно указать еще на слѣдующій случай. Въ 1714 году архангелогородскій вице-губернаторъ Лодыженскій доносилъ сенату, что съ двороваго числа той губерніи прежніе положенные доходы „выбираются съ превеликою трудностью“, и просилъ ту губернію облегчить. Сенатъ приговоромъ 16 февр. 1715 г. постановилъ: съ Архангелогородской губ. 2 полка сложить (Докл. и приг., V, кн. I, 156, 157).

[3]) Тамъ же, III, кн. II, 479 и сл.

Подобныя доношенія также успѣха не имѣли. Смоленская губернія несла податныя тягости наряду съ другими.

Перепись 1710 г. кромѣ убыли показала еще прибыль въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, ей такъ же впервые зарегистрированы были новые плательщики, именно однодворцы и служилые люди старыхъ службъ. Неудивительно, что какъ только стали извѣстны итоги переписи по губерніямъ, прежде чѣмъ ввести въ дѣйствіе итоги всей переписи, сенатъ пользуется добытыми цыфрами относительно той части населенія, которая только начинала втягиваться въ несеніе податей и повинностей наравнѣ съ крестьянами [1]).

Явственнѣе всего эта мѣра сказывается при сборахъ 1713 и 1714 гг. Такъ, когда въ январѣ 1713 г. шла рѣчь о сборѣ рекрутъ, то въ сенатской выпискѣ по этому поводу, послѣ предположительнаго разсчета о числѣ рекрутъ по книгамъ 186 г. сообщается: „Да сверхъ онаго двороваго числа по перепискѣ 1710 г. дворовъ“: въ Кіевской однодворцовыхъ (столько то), въ Казанской крестьянскихъ, въ Азовской полковой и городовой службы, копейщиковыхъ и рейтарскихъ, пришлыхъ и гулящихъ, „всего въ трехъ губерніяхъ 54.437 дв.“; сколько съ нихъ придется рекрутъ, тоже былъ произведенъ расчетъ. А потомъ на основаніи этой выписки сенатъ 15 янв. 1713 г. приговорилъ: рекрутъ со всѣхъ губерній „собрать вновь по переписнымъ книгамъ 186 г. съ посад-

---

[1]) Изъ дѣлъ Азовской губ. видно, что переписныя книги 1710 года по отношенію къ однодворцамъ были примѣнены тотчасъ же, какъ только стали извѣстны ихъ итоги (объ этомъ см. ниже). Въ указахъ же именныхъ и сенатскихъ однодворцы въ томъ числѣ, въ какомъ ихъ исчислила перепись 1710 года, фигурируютъ съ 1712 года, хотя возможно, что такіе указы о нихъ издавались и раньше. Голикову извѣстенъ ноябрскій указъ 1712 г. „о иманіи Азовской губ. съ однодворцевъ и съ жилыхъ (и служилыхъ?) всякихъ поборовъ по переписнымъ книгамъ 710 г. съ наличныхъ дворовъ противъ крестьянъ и о неиманіи за опустѣлые дворы“; и второй того же времени указъ „о иманіи по переписнымъ 710 г. книгамъ съ наличныхъ крестьянъ и съ Азовской губ. съ черкасъ полковой и городовой службы, съ городскихъ и съ уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей всякихъ поборовъ“ (Дѣянія. Петра В., V, 126). Въ П. С. З. имѣется одинъ только указъ 6 ноября 1712 г. съ такимъ оглавленіемъ: „о сборѣ податей въ Азовской губ. съ служилыхъ людей по переписнымъ книгамъ 710 года съ наличныхъ дворовъ и о бытіи имъ на службѣ по прежнему“ (V, № 2603; ср. Докл. и приг., II, кн. II, 329). Вопросъ о привлеченіи къ тяглу однодворцевъ подробнѣе будетъ разсмотрѣнъ во II томъ настоящаго изслѣдованія.

скихъ и крестьянскихъ, да Кіевской, Казанской, Азовской губерній по преписнымъ книгамъ 710 г. съ однодворцевъ и съ прибылыхъ дворовъ съ 40 дворовъ по человѣку" [1]). Основаніемъ для такого приговора было, конечно, не то, что правительство хотѣло использовать благопріятный для него результатъ переписи, а то обстоятельство, что однодворцевъ и служилаго чина людей въ переписныхъ книгахъ старыхъ (186 г.) не было [2]), а потому выяснилась необходимость пользоваться данными переписи 1710 г. раньше, чѣмъ она была введена въ дѣйствіе для всего государства.

Съ этого времени не одни только рекруты, но и работники, провіантъ, фуражъ и разные денежные сборы раскладываются на большую часть губерній по переписнымъ книгамъ 186 года, а на 3 южныя: на Кіевскую, Азовскую и Казанскую по переписнымъ книгамъ 1710 г. Такъ, по приговору 16 янв. 1713 г., велѣно собрать провіантъ съ Московской, Архангелогородской и Сибирской губерніи по книгамъ 186 г., „а съ Казанской губ. по переписнымъ книгамъ 710 г. и съ прибылыхъ дворовъ" [3]). По „новымъ же переписнымъ 710 г. книгамъ" собирается провіантъ и съ Кіевской губ. [4]). По приговору 23 янв. того же 1713 г., постановлено собрать лошадей „со всѣхъ губерній" по книгамъ 186 г., а съ Кіевской, Казанской и Азовской „по переписнымъ 710 г. книгамъ, съ однодворцевъ и съ прибылыхъ дворовъ" [5]). Такъ же были разсчитаны сборъ матросовъ въ ноябрѣ 1713 г. [6]); заготовка припасовъ и присылка денегъ и мастеровыхъ людей для постройки каменныхъ домовъ на Котлинѣ по приговору 8 мая 1714 года [7]).

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. I, 37—38.

[2]) Ср. въ Докл. и приг., IV, кн. II, 822, доношеніе изъ Азовской губ. отъ 15 іюля 1713 г.

[3]) Докл. и приг., III, кн. I, 39.

[4]) Тамъ же, III, кн. I, 43.

[5]) Тамъ же, III, кн. I, 51.

[6]) Докл. и приг., III, кн. II, 1110 и сл.

[7]) При распредѣленіи сборовъ приняты были во вниманіе 146½ доль по переп. книгамъ 186 г., да прибылыхъ по книгамъ 1710 года насчитано было въ 3-хъ южныхъ губерніяхъ 9½ доль (Докл. и приг., IV, кн. I, 378; ср. 713).

Нельзя сказать, чтобы такой порядокъ прочно установился и сборы падали бы на однѣ губерніи по переписнымъ книгамъ 186 г., а на другія—по книгамъ 1710 г. Одновременно широко практиковался и прежній порядокъ, по которому въ основѣ всякихъ раскладокъ лежали итоги переписи 1678 г. Такъ, напр., по приговору 29 янв. 1713 г. деньги на покупки вина, уксуса и солода для арміи велѣно собрать „со всѣхъ губерній съ доль двороваго числа" „по роспискѣ", основанной на итогахъ переписныхъ книгъ 186 г. [1]); по приговору 4 марта 1713 г., было постановлено сбирать „для нынѣшней съ турками войны" конныхъ даточныхъ съ тѣхъ, за кѣмъ числится выше 50 дворовъ, и за нихъ деньгами съ тѣхъ, за кѣмъ числится меньше 50 дв., а тѣхъ „конныхъ людей и деньги (сбирать) по переписнымъ книгамъ 186 г." [2]).

Рекруты, по приговору 12 февр. 1715 г., должны быть собраны вновь „по переписнымъ книгамъ 186 г.", „съ 75 дворовъ по человѣку" по особой роспискѣ [3]), изъ которой видно, что въ Казанской, Нижегородской, Азовской и Кіевской губерніяхъ считалось доль столько же, сколько въ нихъ было установлено впервые въ 1710 г. при раздѣленіи губерній на доли.

По такому же расположенію приказано было собрать рекрутъ 10.314 человѣкъ въ силу приговора 12 сент. того же 1715 г. [4]). По долямъ двороваго числа переписи 186 г. были разсчитаны на всѣ губерніи столяры, которыхъ по приговору 10 марта требовалось выслать въ С.-Петербургъ въ адмиралтейство [5]).

Вмѣстѣ съ этимъ рѣдко, но случалось, что сенатъ пользовался исключительно итогами переписи 1710 г., не справ-

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. I, 62.

[2]) Тамъ же, III, кн. I, III.

[3]) Тамъ же, V, кн. I, 130—132. Приговоромъ сената 8 авг. 1715 г. морской провіантъ распредѣляется между губерніями по книгамъ 186 г. на 139 доль (V, кн. II, 723).

[4]) Докл. и приг., VI, кн. I, 340.

[5]) Тамъ же, V, кн. I, 213; ср. VI, кн. I, 572.

ляясь даже съ тѣмъ, каковы были цыфры старой переписи. Такъ когда возникъ вопросъ о поселеніи ямщиковъ на вѣчное житье въ С.-Петербургъ, то сенатъ затребовалъ изъ губерній вѣдомости о количествѣ по дорогамъ ямовъ, дворовъ и людей; нѣкоторыми губерніями такія свѣдѣнія присланы, другими нѣтъ, тогда сенатъ воспользовался табелями и вѣдомостями, имѣвшимися въ канцеляріи сената, установилъ, сколько въ какой губерніи ямскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 1710 г. и на основаніи этой выписки приговоромъ 26 іюня 1714 г. приказалъ: „взять для поселенія изъ губерній ямщиковъ восьмую долю“ того количества, которое было показано вѣдомостями и переписными книгами 1710 г., а соотвѣтственно этому собрать и денегъ „на подмогу и строеніе домовъ“ переселяющимся [1]).

Въ томъ же году потребовалось выслать въ С.-Петербургъ 24 человѣка цѣловальниковъ для пріема и отдачи провіанта; приговоромъ 23 іюня 1714 г. рѣшено было взять ихъ „изъ губерній съ двороваго числа изъ посадскихъ людей по переписнымъ книгамъ 710 г.“ [2]).

Кромѣ этихъ двухъ незначительныхъ сборовъ, кажется, не было ни одного случая, гдѣ приняты были бы цыфры переписи 1710 г. цѣликомъ при распредѣленіи сборовъ на губерніи. Впрочемъ въ сенатскихъ выпискахъ встрѣчается нѣсколько предположительныхъ расчетовъ сбора рекрутъ и провіанта по итогамъ переписныхъ книгъ 1710 г., но эти предположенія не были утверждены сенатомъ [3]). Наиболѣе обычнымъ оставался порядокъ, по которому всякіе сборы разлагались на губерніи по числу дворовъ переписныхъ книгъ 186 г., и перепись 1710 г. въ цѣломъ при окладѣ не была введена въ дѣйствіе даже тогда, когда итоги ея по прислан-

[1]) Тамъ же, III, кн. I, 568—570; восьмая доля исчислена „по вытямъ“, тамъ же, гдѣ счетъ производился „дворами, а не вытями“, положено „по 4 двора въ выть“.

[2]) Докл. и приг., IV, кн. II, 669.

[3]) Таковъ предположительный расчетъ набора рекрутъ и лошадей въ указѣ 30 іюня 1711 г. (П. С. З., IV, № 2390) или расчетъ рекрутъ въ 1713 году (Докл. и приг., III, кн. I, 37).

нымъ изъ губерній табелямъ и вѣдомостямъ были полностью извѣстны сенату [1])

Правительство не вводило въ дѣйствіе переписи 1710 г., очевидно, потому, что боялось тѣхъ низкихъ цыфръ, которыя даны были переписью. Репартиціонная система, на которой покоилось тогдашнее обложеніе, требовала высокихъ цыфръ, благодаря чему всякій сборъ падалъ бы на большее количество дворовъ и казался бы не отяготительнымъ. Высокія цыфры были нужны тѣмъ болѣе, что разыгравшаяся война со шведами, осложненная походомъ на турковъ, требовала громадныхъ средствъ, объявлялись все новые и новые наборы рекрутъ, работниковъ, сборы лошадей, фуража, провіанта и денегъ; расходы увеличивались и одинъ сборъ слѣдовалъ за другимъ. Естественно, что при такомъ ростѣ расходовъ вводить въ дѣйствіе перепись, итоги которой были невыгодны для обложенія и могли повлечь за собой замѣтное уменьшеніе государственныхъ доходовъ, не представлялось возможнымъ. Правительству оставалось только крѣпко держаться за прежнее, за испытанный уже порядокъ обложенія по переписи 186 г., который все же обезпечивалъ необходимые расходы; а если иногда и приходилось обращаться къ новой переписи, то только въ томъ случаѣ, когда ею занесены въ переписныя книги новые плательщики, которыхъ не значилось въ книгахъ старой переписи.

Сенату необходимо было считаться съ послѣдствіями переписи 1710 г. не только при опредѣленіи оклада, при разложеніи

---

[1]) Въ книгѣ выписокъ изъ указовъ, хранящейся въ Кабинетѣ Петра В., противъ указа 12 февр. 1710 г. о переписи на поляхъ отмѣчено: „Сія и другія бывшія переписи остались безъ опредѣленія генеральнаго къ расположенію сборовъ"; нѣсколько ниже противъ сообщенія о томъ, что въ 1715 году дворы переписывались ландратами, снова помѣта: „По тѣмъ обѣимъ переписямъ (710 и 715 г.) генеральнаго опредѣленія до сборовъ и прочаго не было, но въ 720 и 721 г. именнымъ И. В. указомъ ради расположенія арміи на число душъ во всемъ государствѣ взяты сказки" (*Г. А., Каб. П.*, I, № 34, л. 2 и 4 об.).

О томъ, что переписныя книги 1678 года какъ до 1710 г., такъ и позднѣе лежали въ основѣ обложенія и разного рода административно-финансовыхъ расчетовъ, см. въ П. С. З., № 1811, 2020, 2036, 2065, 2082, 2095, 2096, 2104, 2116, 2157, 2161, 2194, 2214, 2217; 2238, 2240, 2268, 2273, 2284, 2289, 2319, 2326, 2341, 2362, 2376, 2390, 2431, 2448, 2454, 2577, 2592, 2599, 2654, 2696, 2731, 2931.

сборовъ на губерніи, но также волей неволей приходилось установить свое отношеніе къ переписи въ частныхъ случаяхъ, когда многіе частные владѣльцы обращались къ сенату съ жалобами на мѣстныхъ властей и съ просьбами объ исключеніи изъ податного оклада или объ увольненіи отъ какого-нибудь сбора.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ сборъ полтинныхъ денегъ за конныхъ даточныхъ, установленный приговоромъ 4 марта 1713 г. Сборъ этотъ опредѣлено взимать по переписнымъ книгамъ 186 года. Насколько строго онъ сбирался, показываетъ тотъ фактъ, что съ „казанца, городового дворянина Аминева“ велѣно было (по приговору 9 іюля 1713 г.) взять по полтинѣ съ двора съ 3-хъ крестьянскихъ дворовъ, которые числились за нимъ по книгамъ 186 г., хотя было извѣстно, что по новымъ книгамъ 1710 г. за нимъ „ни единаго двора нѣтъ“ и тѣ 3 двора крестьянскіе „взяты изъ за него (Аминева) въ государевъ дворцовой приселокъ Тинчуринъ и дер. Нечасову, по скаскамъ ихъ, будто они бѣглые того приселка и деревни крестьяне“, „и по государеву указу“ „съ тѣхъ крестьянскихъ дворовъ за пустотою никакихъ податей платить ему не велѣно“ [1]).

Ростовскій архіерей Досифей въ своей отпискѣ отъ 20 окт. 1713 г. по поводу сбора полтинныхъ денегъ писалъ. По указу изъ канцеляріи сената присланъ стольникъ Степанъ Павловъ править съ вотчинъ его на оставшихся крестьянахъ вмѣсто конныхъ даточныхъ за пустые 1.173 двора 636 руб. 16 алт. 4 д., „а съ жилыхъ дворовъ по свидѣтельству комендантскому оныя деньги съ его епископовыхъ вотчинъ заплачены сполна“, и просилъ, „чтобъ Великій Государь указалъ оныхъ денегъ за пустые дворы на оставшихся крестьянахъ не править, чтобъ тѣ его вотчины и досталь не запустѣли“. Въ сказкѣ же стряпчаго ростовскаго архіерея сообщалось: „За ростовскимъ архіеремъ по переписнымъ книгамъ 186 г. въ Ростовскомъ у. 2.547 дв., и изъ того числа взято въ каменщики 134 дв., а по переписнымъ книгамъ 1710 г.

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 472.

въ тѣхъ вотчинахъ написано 1.140 дв."; съ наличнаго количества дворовъ и были уплачены полтинныя деньги. Сенатъ, разобравъ это дѣло, 31 окт. 1713 г. приговорилъ: „съ крестьянскихъ со 134 дв., которые взяты въ каменщики и въ кирпичники, полтинныхъ денегъ не имать и изъ окладу выложить (по силѣ высочайшаго указа 1711 г.), а съ достальныхъ дворовъ противъ переписныхъ книгъ 186 г. взять сполна" [1]).

Въ виду такой строгости при сборѣ полтинныхъ денегъ (по книгамъ 186 г., а не по наличному количеству дворовъ), сенатъ часто осаждали челобитными и доношеніями какъ лица, которыхъ сборъ этотъ касался, такъ и мѣстная администрація и сборщики, спеціально для этого сбора командированные; всѣ они просили разрѣшенія полтинныя деньги сбирать не по переписнымъ книгамъ 186 г., а по наличному количеству дворовъ, по переписи 1710 г. Такъ въ прошеніи ген.-м. Богдана Корсака и всей смоленской шляхты сообщалось: велѣно съ нихъ по указу съ 50 дворовъ взять драгуна, а съ достальныхъ дворовъ по полтинѣ „по переписнымъ книгамъ 186 г."; „а отъ перехожихъ войскъ Царскаго Величества, а наипаче въ приближеніе непріятельское короля шведскаго къ смоленскому рубежу разорены и многіе села, деревни и дворы выжжены и отъ такого разоренья крестьяне ихъ разбрелись за литовскій рубежъ и въ иныя украинскія мѣста"; въ 1710 г. дворы были переписаны, „и по той перепискѣ всякія подати платили они до вышеписаннаго указа, а если по прежнимъ переписнымъ книгамъ всякому платежу быть, то и достальные крестьяне ихъ врознь разбредутся", а потому просили: съ нихъ „драгунъ и всякія подати смоленскому губернатору править по переписнымъ книгамъ 710 г., сколько доведется, деньгами, потому что у нихъ людей кабальныхъ и старинныхъ крѣпостныхъ въ драгунскую службу нѣтъ". Въ отвѣтъ на это челобитье сенатъ іюля 15-го 1713 г. постановилъ: съ ген.-м. Корсака и смоленской шляхты „даточныхъ конныхъ не имать", а взять деньгами по 25 руб.

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 1000—1001.

за человѣка; если же за ними окажутся дворы сожженные и разоренные, то „съ тѣхъ пустыхъ дворовъ по розыску, буде совершенно ихъ нынѣ на лицо нѣтъ, за тѣхъ конныхъ даточныхъ не имать“ [1]).

Однако этотъ фактъ представляетъ собой исключеніе изъ общаго правила, по которому полтинныя деньги собирались по книгамъ 186 г., въ чемъ сенатъ довольно твердо и неуклонно держался одной и той же политики, требуя, не смотря ни на что, взыскивать деньги по дворовому числу старыхъ книгъ и никому никакихъ льготъ не давать. Въ виду неплатежа и неприсылки полтиннаго сбора изъ губерній, туда, по приговору 30 авг. 1713 г., были разосланы особые сборщики. Нѣкоторые изъ нихъ сообщали сенату, что взять тѣхъ денегъ невозможно за „пустотою“. Такъ, напр., стольникъ Игнатьевъ, посланный изъ канцеляріи сената въ Московскій уѣздъ и въ Суздаль, писалъ сенату, что по сказкамъ прикащиковъ и крестьянъ многіе дворы „впустѣ“, „и съ тѣхъ всѣхъ пустыхъ дворовъ за скудостью крестьяне денегъ не платятъ“. На это сенатъ указомъ 2 янв. 1714 г. приказалъ: „о правежѣ денегъ съ двороваго числа чинить по данному наказу непремѣнно“, „не смотря пустоты“, какъ сообщается въ другомъ приговорѣ о томъ же, „понеже, мотивируетъ свое постановленіе сенатъ, пустоты во всемъ государствѣ еще не освидѣтельствовано и никому зачету или складки нѣтъ“; „а которые явились непослушны, рекомендуетъ сенатъ, и на тѣхъ править и въ томъ ихъ бить на правежѣ нещадно“ [2]). Точно также въ отвѣтъ на доношеніе стольника Алексѣя Ильина, посланнаго на Кострому и въ другіе города для взятья полтинныхъ денегъ и сообщавшаго, что со многихъ дворовъ онъ не взялъ тѣхъ денегъ „за пустотою“, не предусмотренной реестромъ, даннымъ ему (реестръ данъ на основаніи цифръ переписи 186 г.), сенатъ приговоромъ 16 іюня того же 1714 г. постановилъ: „доимочныя за даточныхъ конныхъ по окладу и съ шляхетства деньги по прежнимъ и по сему указамъ

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 478—480.
[2]) Докл. и приг., IV, кн. I, 104—105; ср. III, кн. II, 1001.

доправить посланному (на Кострому) офицеру Нелидову въ самой скорости; а что по вѣдѣнью Ильина написано, что той доимки много за пустотою, и ему того не складывать, а доправить все сполна безъ доимки, не взирая на то и ни чѣмъ не отрицаяся" [1]).

Нѣсколько раньше (приговоръ 26 марта 1714 г.) сенатъ въ отвѣтъ на докучливыя доношенія того же стольника Ильина отвѣчалъ, чтобы онъ, стольникъ, „разсказовъ не разсказывалъ", деньги сбиралъ неукоснительно и „все чинилъ по указу, по наказу и по данному реестру" [2]).

Послѣ многочисленныхъ настойчивыхъ распоряженій сената о взысканіи полтинныхъ денегъ, „не взирая ни на что" „по переписнымъ книгамъ 186 г.", наконецъ ему пришлось считаться съ „пустотой", открытой новыми переписными книгами; это особенно ясно обнаружилось въ 1714 г., что видно, напр., изъ слѣдующаго факта. Архимандритъ Новоспаскаго монастыря обратился въ монастырскій приказъ съ челобитьемъ о томъ, чтобы съ вотчинъ этого монастыря полтинныя деньги доправлены были съ наличнаго числа дворовъ, по перепискѣ 1709 г., а не по переписнымъ книгамъ 186 г., такъ какъ оказывалось, что въ Московской губерніи за тѣмъ монастыремъ по перепискѣ 1709 г. числилось 1059 дв. (наличныхъ 1053), а по переписнымъ книгамъ 186 г. было

---

[1]) Тамъ же, IV, кн. I, 516. Ср. подобный же приговоръ сената 31 авг. 1713 г.: Савостьяну Крюкову велѣть собрать полтинныя деньги „безъ отлагательства"; „а что по вѣдѣнію Троице-Сергіева монастыря власти отговариваются пустотою и такого вѣдѣнія ему, Савостьяну, и принимать было не надлежало, а спрашивать съ нихъ полтинныхъ денегъ съ полнаго двороваго числа, потому что пустоты нигдѣ еще не складывано" (III, кн. II, 669). О томъ, что „пустоты во всемъ государствѣ не свидѣтельствовано и складки и зачету никому не было", см. Докл. и приг., III, кн. II, 1430; IV, кн. I, 105; IV, кн. I, 275.

[2]) Докл. и приг., IV, кн. I, 282. Подобныя же распоряженія сената о неукоснительномъ сборѣ полтинныхъ денегъ по переписнымъ книгамъ 186 года: 17 февр. 1714 г. въ Рязанской провинціи велѣно, полтинныя деньги съ пустыхъ монастырскихъ и дворцовыхъ дворовъ править по реестру, расположа на оставшихся крестьянъ безъ всякаго укосненія (IV, кн. I, 120; „сбирать по пер. книгамъ 186 г. сполна"—123); 7 іюля — въ Суздальскомъ уѣздѣ сбирать сполна, не смотря на отписи, будто та доимка за пустотою (стр. 474); приговоръ 16 іюля, въ Костромѣ и другихъ городахъ „доправить все сполна" (516); приговоръ сената 20 авг. 1714 же года, „съ Азовской губ полтинныя деньги доправить безъ всякаго послабленія, не смотря пустоты" (IV, кн. II, 766).

1476 дв. Вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстно, что по указу 1710 г. съ отданныхъ тому монастырю вотчинъ, насчитывающихъ „по перепискѣ 1709 г. 1509 дворовъ“, всякія подати „имать велѣно съ вышеписанныхъ наличныхъ дворовъ, а съ пустыхъ дворовъ“, запустѣвшихъ послѣ переписи 186 г., „никакихъ поборовъ имать не велѣно, и изъ доимки велѣно выложить“.

По челобитью Новоспасскаго архимандрита Моисея съ братіею и по доношенію монастырскаго приказа сенатомъ окт. 16-го 1714 г. было повелѣно: „съ вотчинъ того монастыря полтинныхъ денегъ съ пустоты нынѣ до указу не спрашивать“ [1]).

Съ 1714 года идетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда сенатъ по настойчивой просьбѣ монастырей, частныхъ лицъ, а также по представленію должностныхъ лицъ и учрежденій принужденъ былъ уступать и распоряжаться о томъ, чтобы полтинныя деньги съ пустыхъ дворовъ не спрашивались, а брались бы по наличному дворовому числу [2]).

Такимъ образомъ, даже тогда, когда сенатъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній отвергъ низкіе итоги переписи 1710 года

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 988.

[2]) Отмѣчу два случая, когда по приговору сената 30 дек. 1713 г. и 4 янв. 1714 г. велѣно было „со слугъ и служебниковъ“ 2-хъ монастырей окладныхъ денегъ (брались вмѣсто полтинныхъ) „за умершихъ и которые постриглись и въ бѣгахъ“ „не имать и изъ доимки выложить“ (Докл. и приг., III, кн. II, 1431; IV, кн. I, 5). По приговору 23 февр. 1714 г. съ ростовскаго купечества приказано за даточныхъ взять деньги не по окладу 186 г., а по новоокладнымъ книгамъ 709 г. (IV, кн. I, 143); приговоромъ 27 ноября того же года подьячему Ермолаеву, посланному во Владиміръ для сбора доимочныхъ полтинныхъ денегъ, было приказано: „А буде въ городѣхъ (Суздальскаго уѣзда) явится пустота, и о томъ, взявъ сказку, у кого надлежитъ, подъ смертною казнью и освидѣтельствовавъ подлинно, писать въ канцелярію сената немедленно“ (IV, кн. II, 1180; ср. 1176); 8 апрѣля 1715 г. сенатъ постановляетъ: „съ пустыхъ и вывозныхъ крестьянскихъ дворовъ за конныхъ даточныхъ денегъ не править съ дворцовыхъ костромскихъ селъ“ (V, кн. I, 321). Ср. III, кн. II, 1093, 1407; IV, кн. II, 1275; VI, кн. I, 133, 134.

Нѣсколько такихъ случаевъ, когда по приговорамъ сената съ пустоты брать податей не велѣно, приведено также въ Докл. и приг., V, кн. I, 481. Однако слѣдуетъ отмѣтить, что при сложеніи сборовъ, сенатъ поступалъ осторожно и съ большимъ разборомъ. Такъ когда изъ Кіевскій губ. въ 1714 году не было выслано работниковъ въ числѣ 127 человѣкъ „за пустотою“, то сенатъ приговоромъ 19 окт. постановилъ: Кіевской губерніи недосланныхъ работниковъ выслать, для того что въ той губерніи дворового числа, которое въ доли не положено, многое число (Докл. и приг., IV, кн. II, 1006).

для установленія общаго оклада и когда онъ въ частныхъ случаяхъ настаивалъ на сборахъ по переписнымъ книгамъ 186 года, мотивируя это тѣмъ, что „пустоты во всемъ государствѣ еще не освидѣтельствовано и никому зачету или складки не было“, ему все таки неоднократно приходилось считаться съ итогами новой переписи, съ пустотой, обнаруженной книгами 1710 года, и волей неволей отступать отъ занятой позиціи, не требуя строгаго примѣненія цыфръ 186 года, слагая сборы за пустоту и примѣняя дворовое число переписи 1710 года [1]).

Если въ отношеніяхъ сената къ итогамъ переписи 1710 г. замѣтны колебанія и отступленія, то рѣшительнѣе и прямѣе была мѣстная администрація. Едва только эта перепись была окончена, какъ мѣстныя власти уже пользуются ею при сборахъ денегъ, припасовъ и людей. Даже когда сенатъ налагаетъ на губерніи сборы по переписнымъ книгамъ 186 г., то мѣстная администрація ихъ собираетъ по наличнымъ дворамъ, занесеннымъ въ перепись 1710 г., при чемъ часть сбора чаще всего остается въ доимкѣ.

О томъ, когда и при какихъ условіяхъ вводилась эта перепись, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ Азовской губерніи еще не успѣла окончиться перепись, нѣкоторые уѣзды далеко не были цѣликомъ описаны, какъ указомъ гр. Ѳ. М. Апраксина отъ 13-го августа 1710 г., о чемъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ Петръ Кикинъ, было повелѣно, „по новымъ переписнымъ книгамъ собрать работниковъ 5000 человѣкъ, да провіанта муки по осминѣ, овса по осминѣ-жъ, крупъ по четверику“. По поводу этого указа Кикинъ далѣе сообщаетъ: „о томъ во всѣ городы указы къ сборщикамъ разосланы, чтобы тотъ провіантъ готовили неотложно, а что

---

[1]) Сверхъ указанныхъ выше случаевъ отмѣчу еще: 21 іюня 1714 г. сенатъ постановилъ съ домовыхъ людей крутицкаго архіерея оклада вмѣсто даточныхъ „за взятыхъ въ солдаты, умершихъ и постригшихся“ не спрашивать (Докл. и приг., IV, кн. I, 540; подобный же случай — IV, кн. II, 721).

Ср. доношеніе стольника Вельяминова-Зернова 19 іюля того же года, сообщавшаго, что полтинныя деньги въ Ряжскомъ уѣздѣ сбирались по переписнымъ книгамъ 186 и 710 годовъ (Тамъ же, IV, кн. II, 679).

того провіанту четвертей будетъ и съ скольких дворовъ въ вышеявленныхъ работниковъ 5000 доведется взять работникъ, тому нынѣ смѣты положить невозможно, для того что дворовaго числа по нынѣшней переписи сколько у губернатора Ивана Андреевича и у ландрихтера Степана Тимофеевича, того невѣдомо мнѣ, а что у меня, того невѣдомо имъ" [1]).

Благодаря этому, разумѣется, воспользоваться при сборахъ новой переписью не пришлось, но все же достойно вниманія то обстоятельство, что у Апраксина была мысль воспользоваться переписью даже въ 1710 г., когда она только производилась, результатовъ ея не могло знать центральное правительство и указа общаго о введеніи ея въ дѣйствіе не могло и быть. Однако отъ іюля мѣсяца 1711 г. уже имѣется свѣдѣніе, что ландрихтеръ Петръ Кикинъ воспользовался итогами переписи 1710 г. и съ нѣкоторыхъ разрядовъ дворовъ (съ монастырскихъ вотчинъ) опредѣлилъ, „всякіе денежные и хлѣбные поборы, окладные и неокладные", и рекрутъ, и работныхъ людей „сбирать по переписи прошлаго года" [2]). За болѣе же позднее время имѣется рядъ указаній, что обычно въ Азовской губерніи всѣ сборы взимались по новой перепискѣ, по итогамъ переписи 1710 года [3]).

Почти также быстро перепись 1710 г. вводится въ дѣйствіе и въ другихъ губерніяхъ. Уже 15 октября 1712 года сенатъ постановляетъ: „взять изо всѣхъ губерній вѣдѣнія,

---

[1]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 10, л. 114.

[2]) Для оклада „служилыхъ людей" тоже взяты были во вниманіе данныя переписи 710 г., только съ нихъ велѣно поборы взимать не по дворамъ, а по тягламъ (*Тамъ же*, № 21, л. 179—184).

[3]) Приговоромъ 6 января 1712 г. велѣно: „Азовской губ. съ городовой службы съ копейщиковъ, съ рейтаръ, съ драгунъ съ солдатъ, съ стрѣльцовъ, съ казаковъ съ станичниковъ, съ пушкарей, съ воротниковъ и съ казенныхъ кузнецовъ всякіе поборы имать по переписнымъ книгамъ прошлаго 710 года, съ наличныхъ дворовъ, противъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ" (П. С. З., IV, № 2603; ср. Докл. и приг., II, кн. II 329, 438). Приговоръ 15 іюля 1713 г. сообщаетъ, что полтинныя деньги съ служилаго чина Азовской губ. должны сбираться по переписнымъ книгамъ 710 г. (Докл. и приг., IV, кн. II, 822); по указу 28 марта 1715 г. велѣно выслать на работу въ С.-Петербургъ работниковъ съ наличнаго дворового числа съ служилыхъ некрещеныхъ мурзъ и татаръ (V, кн. I, 259); въ томъ же 715 году въ Темниковскомъ уѣздѣ работные люди собираются по переписнымъ книгамъ 710 года (V, кн. II, 719); См. также III, кн. I, 52, 53.

въ прошломъ 1711 и нынѣшнемъ 1712 годѣхъ всякіе Е. В. Г. подати и поборы съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ по переписнымъ ли 186 году книгамъ или по новой перепискѣ сбираютъ“ [1]). Очевидно, ему стало извѣстно, что въ губерніяхъ раньше генеральнаго опредѣленія итоги переписи 1710 года уже были введены въ дѣйствіе.

Въ самомъ дѣлѣ отъ нѣсколькихъ губерній до насъ дошли совершенно опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что мѣстные начальники этихъ губерній взимаютъ подати по новымъ переписнымъ книгамъ. Такъ въ Архангелогородской губерніи, по сообщеніямъ отъ 1715 года, рекруты, провіантъ и всякія подати сбираются „по переписнымъ книгамъ 710 года“ [2]). Въ Казанской губ. тоже „всякія подати“ берутся не по старымъ 186 г. книгамъ, а по новымъ или съ „наличнаго дворового числа“, которое ближе всего опредѣляется опять таки переписными книгами 1710 года [3]). Въ Казанской губ., судя по нѣсколькимъ отдѣльнымъ фактамъ, подати стали сбираться по послѣдней переписи непосредственно за ея окончаніемъ, т. е. съ 1711—1712 года [4]).

Можно съ увѣренностью предполагать, что не въ однѣхъ названныхъ губерніяхъ, но и въ остальныхъ итоги переписи 1710 года были использованы при сборѣ податей и отправленіи повинностей вскорѣ же послѣ завершенія переписи, какъ только явилась къ тому возможность. Хотя слѣдуетъ также отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напр., Московской, а также въ отдѣльныхъ случаяхъ даже тамъ, гдѣ были введены въ дѣйствіе книги переписи 1710 года, сборы продолжали взиматься по итогамъ старой переписи

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 286 и сл.

[2]) Тамъ же, V, кн. II, 704—705, 715, 1022, 1030; ср. 543 (по книгамъ 186 г.).

[3]) Докл. и приг., IV, кн. II, 1215—1217; V, кн. I, 259, 380; кн. II, 957.

[4]) Крестьяне Муромскаго у. сообщаютъ, что съ нихъ въ 1711 году доправили по числу дворовъ переписи 1710 г. сборы на кормъ драгунскимъ лошадямъ и на жалованье мастеровымъ людямъ (Докл. и приг., V, кн. I, 440); въ Мурашкинской волости „всякіе государевы подати и поборы“ велѣно было по указу казанскаго губернатора П. М. Апраксина имать по переписнымъ книгамъ 710 г., что и выполнялось съ 1712 по 1714 г. (V, кн. I, 480).

1678 года и книги этой переписи продолжали быть главнымъ руководствомъ при сборахъ [1]).

2. Мѣры правительства къ уменьшенію „пустоты".

„Пустота", оказывавшаяся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ до 1710 года и ставшая явленіемъ почти повсемѣстнымъ со времени переписи 1710 г., была предмедомъ серьезнаго вниманія и тревожной заботливости тогдашняго правительства, которое, узнавъ о пустотѣ, принимаетъ рядъ мѣръ къ ея искорененію.

Прежде всего самъ Петръ, а за нимъ позднѣе и сенатъ, требуя съ населенія всего необходимаго для веденія войны, заботились о томъ, чтобы всякаго рода сборы происходили „безъ народнаго отягощенія", дабы отъ сборовъ „не было разоренія" жителямъ.

Въ инструкціи 1707 года Якову Римскому-Корсакову, ландрихтеру Ингерманландской губ., не одинъ разъ говорилось, что при сборахъ съ той губерніи слѣдуетъ „смотрѣть, чтобы отъ чего народу излишней тягости не было" [2]). Въ письмѣ Петра къ губернаторамъ (1710 г.) о поставкѣ провіанта имъ было указано, чтобы провіантъ былъ поставленъ въ Петербургъ, „какъ путь станетъ, дабы удобнѣе было вести, чтобъ нетягостно было народу" [3]). Въ именномъ указѣ 1713 года объявлялось къ всеобщему свѣдѣнію, чтобы сборы всякіе и доставку провіанта и проч. производили приказныя и губернскія власти, „ища государственной прибыли, безъ тягости народной" [4]).

---

[1]) Въ 1714 году провіантъ съ городовъ Рижской губ., по распоряженію вице-губернатора В. Ржевскаго, сбирался по книгамъ 1710 года (Докл. и приг., IV, кн. I, 262). По сказкѣ нижегородскихъ посадскихъ людей (1716 г.) они платятъ въ разные окладные и неокладные сборы по переписи 1710 года, а „десятой деньги платятъ по переписи 186 года" (VI, кн. I, 251). Въ Московской губ. подати сбираются по книгамъ 186 года (III, кн. 1, 52).

[2]) П. С. З., IV, № 2135.

[3]) Докл. и приг., I, 255.

[4]) П. С. З., V, № 2707. Ср. указы о сборѣ денегъ „безъ отягощенія народнаго", „безъ великаго отягченія людемъ", какъ сказано въ другомъ мѣстѣ— № 2235, п. 11, 2467, 2876, 3080.

Затѣмъ правительство заботилось и о томъ, чтобы въ сборахъ было „уравненіе“, дабы никому ни передъ кѣмъ излишней тягости не было. Такъ въ указѣ 18 дек. 1706 г. сообщалось, что вообще „государевы указы“ „повелѣваютъ имъ (купецкимъ людямъ) всегдашнее во всякихъ поборахъ съ разсмотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти уравненіе“, и устраивать сборы такимъ образомъ, чтобы „убогимъ“ не было обидъ отъ „пожиточныхъ“ [1]). Въ приговорѣ сената (7 іюля 1714 г.) по поводу челобитной обывателей Верхняго и Нижняго Ломова говорилось: „Впредь всякія подати съ нихъ, ломовцевъ, сбирать по указу противъ братьи въ равенствѣ, дабы никому ни передъ кѣмъ никакихъ лишнихъ тягостей не было“ [2]).

Выходя изъ того основного положенія, что при сборахъ не должно быть „народнаго отягощенія“, правительство, въ виду появленія новыхъ статей расхода, зная, что населеніе едва справляется съ прежними сборами, а иногда даже и не выполняетъ ихъ, начинаетъ изыскивать новые источники дохода, такіе, которые, обогащая казну, не увеличивали бы тягости податнаго бремени. Въ связи съ погоней за новыми доходами появляются „прибыльщики“, финансисты того времени, скорѣе практики, чѣмъ теоретики, которые своими проектами предполагали открыть новые пути къ увеличенію государственныхъ доходовъ [3]). Въ числѣ такихъ путей видную роль играетъ указаніе на необходимость увеличенія торговли и промышленности [4]).

Лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда особенно нужны были денежныя суммы, правительство прибѣгаетъ къ установленію новыхъ сборовъ, дѣйствуя при томъ съ большой осмотрительностью. Въ цѣляхъ контроля и защиты населенія отъ произвольныхъ сборовъ указомъ 16 янв. 1712 года было предписано „губернаторамъ не накладывать на народъ ника-

---

[1]) П. С. З., IV, № 2127.

[2]) Докл. и приг., IV, кн. II, 625.

[3]) О прибыльщикахъ см. въ кн. Павлова-Сильванскаго, Проекты реформъ.

[4]) О проектахъ того времени см. у Милюкова, Государ. хозяйство, 383 и сл.; о фабрикахъ и заводахъ—Туганъ-Барановскій, Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, т. I, 18 и сл. (изд. 3-е, Спб., 1907 г.).

кихъ податей безъ вѣдома сената" [1]). Сенатъ же не разъ внушалъ мѣстнымъ властямъ, чтобы они никакихъ новыхъ сборовъ на населеніе не возлагали. Такъ, напр., когда въ Московской губ. для караула потребовались люди, то сенатъ приказалъ (11 марта 1711 г.) взять для караула 500 человѣкъ изъ рекрутъ, „жалованье, провіантъ и мундиръ давать имъ изъ неокладныхъ и прибылыхъ доходовъ той же губерніи", „а вновь того расхода на крестьянскіе дворы не раскладывать" [2]).

Въ отдѣльныхъ же случаяхъ, какъ показано было выше, правительство, удостовѣрившись въ томъ, что дѣйствительно въ той или иной мѣстности имѣется „пустота правдивая" и населеніе не можетъ справляться со сборами, падающими на него, частично, а иногда и вовсе на опредѣленное время слагаетъ сборы, освобождая при томъ не только отъ несенія податей, но и повинностей.

Наконецъ принимаются мѣры къ тому, чтобы улучшить способы взиманія сборовъ и тѣмъ освободить населеніе отъ „грабительствъ" сборщиковъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ указъ 25 авг. 1713 года. „Великій Государь, говорилось въ немъ, милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя бѣдственныя тягости и похищенія лукавыя государственной казны, понеже извѣстно Ему, В. Г-рю, учинилось, что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность; и того ради, Его Царское Величество указалъ объявить всенародно, на удержаніе оныхъ злыхъ вымысловъ и лукавыхъ корыстей и грабленій сей свой В. Г. указъ".

Затѣмъ указъ строго предписывалъ сборы рекрутъ, провіанта, фуража, подводъ, сборы денежные, окладные и неокладные, продажи казенныхъ товаровъ и подряды „чинить

---

[1]) П. С. З., V, № 2467, п. 26.
[2]) Тамъ же, № 2498; Докл. и приг., II, кн. I, 154.

въ приказахъ и губерніяхъ съ великимъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ лукавыхъ вымысловъ и безпосульно, ища государственной прибыли безъ тягости народной“; доходы окладные и неокладные съ купецкихъ людей и уѣздныхъ „собирать на четыре срока“; къ неплательщикамъ посылать изъ офицеровъ, царедворцевъ и изъ другихъ чиновъ людей „невеликое число“, съ предписаніемъ имъ, чтобы они „взятковъ и посуловъ въ дачѣ сроковъ и иного какого грабительства и разоренья и кормовъ, кромѣ подводъ“, „отнюдь ничего самовольствомъ брать не дерзали“, подъ страхомъ конфискаціи имущества и смертной казни [1]).

Всѣми указанными мѣрами правительство старалось уменьшить пустоту правдивую и облегчить положеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ та пустота была обнаружена. Но въ еще большей степени вниманіе центральныхъ властей было занято вопросомъ о томъ, какъ бороться съ „пустотой неправдивой“, пустотой фиктивной. Пустота неправдивая, по мысли правительства, создавалась главнымъ образомъ двумя путями: бѣгствомъ населенія, фактическимъ или мнимымъ— все равно, и утайкой дворовъ. Отсюда бѣгство и утайка становятся главнымъ предметомъ обсужденія въ правительственныхъ кругахъ, а имъ на встрѣчу шли многочисленные проекты и доношенія частныхъ и должностныхъ лицъ, предлагавшихъ мѣры къ искорененію этихъ золъ тогдашней русской жизни [2]).

По отношенію къ бѣглымъ доносители обычно указывали на необходимость строгихъ карательныхъ мѣръ за держаніе бѣглыхъ, усиленія полицейскаго надзора за населеніемъ, но какихъ либо другихъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ пресѣченію бѣгства они предложить не могли. Правительство съ своей стороны издавало строгіе указы противъ бѣглыхъ, посылало сыщиковъ, которые должны были розыскивать бѣглыхъ

---

[1]) П. С. З., V, № 2707; ср. 2481, 2726 (предписывается доносить о притѣсненіяхъ и грабительствахъ), 2871; Докл. и приг., III, кн. II, 654.

[2]) Вопросъ о бѣгствѣ населенія и утайкѣ по проектамъ Петровскаго времени разобранъ въ книгѣ Павлова-Сильванскаго, Проекты реформъ, 103—124, къ которой я и отсылаю читателя.

и отправлять ихъ на прежнее мѣсто жительства, посылало даже воинскія команды для ловли бѣглыхъ и разбойниковъ. Но система запретительныхъ указовъ оказывалась непригодной, а силы администраціи были слабы, и она не могла энергично и съ успѣхомъ бороться съ бѣглыми [1]).

Нѣсколько сложнѣе стоялъ вопросъ объ утайкѣ дворовъ. Въ этомъ вопросѣ мысль отъ конкретныхъ случаевъ переходила къ болѣе общему представленію: утайка въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ толкала мысль къ заподазриванію вѣрности итоговъ всей переписи 1710 года, а отсюда поднималась мысль о реформѣ всего податного обложенія. Разберемъ подробнѣе то, какъ смотрѣли на пустоту, происшедшую отъ утайки, доносители и прожектеры и какія мѣры предлагали они къ ея искорененію.

I. Чаще всего доносители, не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе пустоты, не затрагивая даже вопроса о причинѣ ея происхожденія, просто конкретно сообщали, что въ такой-то мѣстности, во владѣніи такого-то помѣщика произошла утайка дворовъ, по переписнымъ книгамъ, напр., дворы показаны пустыми, а въ дѣйствительности они—жилые, и предлагали произвести разслѣдованіе или послать туда переписщика, чтобы онъ о томъ подлинно узналъ и занесъ въ переписныя книги всѣхъ, кто укрывается. При этомъ такой доноситель иногда указывалъ, что розыскъ долженъ происходить при немъ, и онъ подлинно „пустоту“ разоблачитъ, и даже больше—предлагалъ, чтобы ему было поручено то дѣло. Такъ, напр., капитанъ Сафоновъ, сообщивъ объ утайкѣ въ Московской и Воронежской губерніяхъ, писалъ: „Ежели по указу Царскаго Величества повелѣно будетъ утаенные дворы и прописныхъ людей“ „переписать вновь и собрать мнѣ,“ то я „утаенныхъ дворовъ и прописныхъ людей“ „напишу немало“ [2]).

Доноситель Баженовъ, указывая на „противности“ своего помѣщика Змеева, въ томъ числѣ и на утайку дворовъ, писалъ: „Буде, Великій Государь, о томъ о всемъ розыскать,

---

[1]) О сыскѣ бѣглыхъ см. въ П. С. З., IV, № 2092, 2147, 2271, 2668, 2672, 2807, 2891, 2910; Докл. и приг., IV, кн. I, 263—268; V, кн. II, 1271—1272.

[2]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 19, л. 81.

и тѣ его противности явны будутъ по розыску". Татары Касимовъ и Деняшевъ, сообщивъ (въ 1713 г.) въ Тобольскѣ объ утайкѣ дворовъ въ Каринскихъ волостяхъ, „били челомъ", „чтобъ тѣ дворы освидѣтельствовать и переписать вновь" [1]).

Правительство весьма отзывчиво относилось къ подобнымъ предложеніямъ. Всякій разъ, какъ узнавало объ утайкѣ, оно производило разслѣдованіе, при чемъ разслѣдованіе производилось или чрезъ мѣстныхъ властей, или чрезъ нарочито посланнаго, или иногда въ самомъ сенатѣ, въ канцеляріи его. Къ этому разслѣдованію привлекали и доносителя, разспрашивая его и требуя точныхъ указаній относительно его доношенія, если только онъ могъ ихъ дать и дополнить свое сообщеніе какими либо новыми данными.

Примѣрами могутъ служить слѣдующіе факты. Сенатъ, выслушавъ челобитную крестьянина Сидорова объ утайкѣ дворовъ, приговоромъ 8 февр. 1715 г. постановилъ: „въ Темниковскомъ, въ Кадомскомъ, въ Инсарскомъ уѣздѣхъ, въ вотчинахъ стольника Ивана Михайлова сына и сына его Ивана Кашаевыхъ, про утаенные крестьянскіе дворы, которые во время переписки 710 г. утаены", „и о всемъ противъ вышеписаннаго челобитья розыскать подлинно и указъ учинить въ Азовской губерніи, а къ тому розыску для уликъ послать помянутаго доносителя за карауломъ" [2]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 272, л. 508; № 19, л. 282.

Крестьянинъ Иванъ Сидоровъ, указавъ на утайку въ Темниковскомъ уѣздѣ, челобитьемъ (1715 г.) „просилъ въ тѣхъ вотчинахъ о утаенныхъ дворѣхъ также и о бѣглыхъ солдатахъ имъ розыскать" (Докл. и приг., V, кн. I, 99). Человѣкъ Толбугина Елизарьевъ въ челобитьи (1714 г.) писалъ: „Изъ дворовъ прибыльныхъ утаенныхъ (въ Пошехонскомъ уѣздѣ) онъ, Елизарьевъ, Великому Государю отъ семей учинитъ прибыли, наберетъ въ солдаты 300 человѣкъ и больше" (Тамъ же, IV, кн. II, 1028).

[2]) Докл. и приг., V, кн. I, 99, 100. Точно также сенатъ по поводу утайки и прописки дворовъ помѣщикомъ Фроловымъ-Багрѣевымъ 6-го сент. 1715 г. постановилъ: о томъ „розыскать въ Азовской губ. вице-губернатору г. Колычеву", а доносителей „для обличенья послать къ тому розыску" (*А. М. Ю.*, № 60, л. 179; Докл. и приг., V, кн. I). По доношенію Гантурова объ утайкѣ дворовъ сенатъ іюня 30-го 1714 г. приказалъ: „учинить о всемъ свидѣтельство московскому губернатору" (№ 122, л. 187—189).

Если же въ губерніи помимо сената узнавали о пропискѣ и утайкѣ, то принимали свои мѣры. Такъ по доносу (отъ 1713 г.) татаръ Касимова и Деняшева сибирскій губернаторъ М. Гагаринъ приказалъ: „Слободского города коменданту

Розыскъ поручался лицу, уже командированному въ губернію для другой какой-либо цѣли. Такъ указомъ 14 окт. 1715 г. было велѣно, по доношенію подьячаго Тимофея Попова „о перепискѣ и о пустотѣ и о утаенныхъ дворахъ (въ Нижегородской губ.) розыскать лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручику Степану Юрьеву, который нынѣ обрѣтается въ Нижнемъ Новгородѣ“ [1]). Нерѣдко бывало и то, что для розыска и переписи были командируемы изъ канцеляріи сената особыя лица. Такъ, по приговору сената 14 янв. 1713 года, въ Переяславль-Залѣсскій уѣздъ былъ посланъ подьячій Павелъ Неупокоевъ, которому велѣно было новопоселенныхъ крестьянъ въ сельцѣ Иванковѣ переписать и допросить [2]). Въ с. Почепи, Муромскаго у. „для допросу тутошнихъ жителей и переписки дворовъ ихъ посыланъ (былъ) дьякъ Иванъ Климонтовъ по наказу“ изъ канцеляріи сената [3]).

Розыскъ производился непосредственно въ канцеляріи сената. Такъ по поводу доноса Баженова 29 марта 714 г. Государь „указалъ—о всемъ розыскать въ канцеляріи сената“, гдѣ и происходили допросы свидѣтелей, очная ставка доносителя съ его помѣщикомъ и крестьянами-свидѣтелями [4]).

Ивану Немшинову, вышеписанныхъ татаръ взявъ, ѣхать въ тѣ волости и переписать дворы, которые оные дворы указывать будутъ, и въ тѣхъ дворѣхъ людей описать всѣхъ отъ мала и до велика; а которые люди обводили тѣ дворы отъ переписки, про то велѣно ему розыскать и до указу посадить ихъ въ тюрьму; а что тѣхъ обводныхъ отяцкихъ дворовъ сыскано будетъ сверхъ переписныхъ книгъ 710 г., и съ тѣхъ дворовъ брать всякіе Великаго Государя поборы и подати противъ иныхъ ихъ братьи, какъ они обложились по своему договору“ (*А. М. Ю.*, № 19, л. 282).

[1]) Докл. и приг. V, кн. II, 936. Подобный же случай: сенатскимъ приговоромъ 19 окт. 1714 г., по доношенію фискала Безобразова, было велѣно, по его дѣлу и по доношеніямъ „во всемъ розыскать и освидѣтельствовать“ „посланному для розыску въ оную Кіевскую губ. (по другимъ дѣламъ) кн. Семену Сонцову-Засѣкину“; „да и его, Безобразова, для обличенья послать, и при розыскѣ быть неотступно при кн. Сонцовѣ-Засѣкинѣ“ (*А. М. Ю.*, № 272, л. 410).

Въ 1715 году полк. Герасиму Кошелеву, который завѣдывалъ подрядными дѣлами и разборомъ недорослей и школьниковъ, было поручено „сверхъ тѣхъ дѣлъ“ розыскное дѣло „по доношенію комисара Брянчанинова С.-Петербургской губ. на перепищиковъ въ перепискѣ всей той губерніи въ городѣхъ, въ умаленіи противъ переписныхъ книгъ 186 г. двороваго числа, о которой перепискѣ велѣно (ему) о всемъ освидѣтельствовать и розыскать“ (Докл. и приг., VI, кн. I, 527).

[2]) Тамъ же, III, кн. II, 825.

[3]) Приговоръ сената 4 окт. 1713 г. (Докл. и приг., III, кн. II, 1375—1376).

[4]) *А. М. Ю.*, № 272, л. 510 и сл.; ср. Докл. и приг., V, кн. II, 1002.

Въ меморіалѣ 1713 г. читаемъ: „населены многія волости, также и розданы послѣ Мазепы и его совѣтниковъ въ черкасскихъ и великороссійскихъ городахъ, въ которые изо всей Украйны бѣгутъ въ защищеніе и полки украинскіе становятся пусты; подлежитъ положить въ окладъ, по мнѣнію, можно взять тысячъ 20 руб.“ [1]).

Отвѣтомъ на это представленіе былъ именной указъ 24 апрѣля того же 1713 года, гдѣ въ 6 пунктѣ читаемъ: „Въ

---

[1]) *Г., А. Каб. П.*, II, № 22, л. 335.

Приведу этотъ любопытный документъ полностью.

„Меморіалъ, каковымъ образомъ облегчить подданнымъ крестьянамъ:

1—Надлежатъ примножить мѣдныхъ денегъ, чтобъ ходили для исправленія податей свободнѣе до 500 тысячъ рублевъ.

2—Положить пошлину по прежнему съ рубля по 5 копѣекъ, а не по 5 алтынъ: въ скорости примножится торговъ и пошлинъ прибудетъ, я чаю, близъ 100 тысячъ рублевъ (на поляхъ поставленъ крестъ).

3—Для нынѣшняго случая во всемъ государствѣ велѣть продавать мяса вѣсомъ и положить на фунтъ по полушкѣ, итого будетъ близъ 100 тысячъ руб., а люди того не почуютъ и продавцамъ неубыточно (на поляхъ рукою Петра В.: „справитца“).

4—Надлежитъ примножить поташа, чтобъ продать на 100 тысячъ ефимковъ, хотя по нынѣшней цѣнѣ съ убавкой.

5—Населены многія волости, также и розданы послѣ Мазепы и его совѣтниковъ въ черкасскихъ и великороссійскихъ городахъ, въ которые изо всей Украйны бѣгутъ въ защищеніе и полки украинскіе становятся пусты, надлежитъ положить въ окладъ, по мнѣнію можно взять тысячъ 20 руб.

6—Кто имѣетъ лошадь отъ вышняго и до нижняго чина, кромѣ подданныхъ крестьянъ, не въ тягость для нынѣшняго нужнаго случая положить по гривнѣ съ лошади, того чаю, напримѣръ, быть 100 тысячъ руб.

7—Лифляндія и Эстляндія завоеваны оружіемъ и почитай никакихъ податей не платятъ, а по разсужденію можно быть доходовъ 100 тысячъ руб.

8—Хлѣбную продажу поволить покупать и продавать, кто похочетъ, отчего можетъ быть приплодъ немалый (на поляхъ: „положа цену“).

9—Мѣди, я чаю, возможно сыскать въ Сибирской губ., только надлежитъ работниковъ здѣшнихъ снять въ годъ по 500 чел. и велѣть отдать Никитѣ Демидову: онъ обѣщаетъ въ годъ по 10 тысячъ пудъ.

10—Всѣ заплаты жалованьемъ которыя породились въ Россіи и имѣютъ многія награжденія, а инымъ даютъ выше препорціи чиновъ, не надлежатъ ли для нынѣшняго нужнаго случая убавить по разсмотрѣнію, какъ и нынѣ уже учинено въ полковомъ штабѣ русскіе отъ иноземныхъ окладовъ, которые служатъ по капитуляціямъ, раздѣлены, я чаю, будетъ оставаться сумма немалая (на поляхъ: „въсем“).

11—Смольчуги велѣть прибавить, чтобъ было продажи на 20 тысячъ ефимковъ или больше.

Я чаю всего того будетъ прирощенія близъ милліона, а подданнымъ будетъ легкость, а купечеству и посполъству нечувственно. Покорно В. Ц. В—во прошу, дабы сіе доношеніе было содержано секретно, и кромѣ своего кабинета никому было повѣрено, понеже сіе будетъ многимъ не безъ противности“ (л. 335—338).

бѣлогородскомъ и въ сѣвскомъ разрядахъ всякихъ чиновъ за людьми и въ слободскихъ полкахъ новопоселенныя села и деревни осмотрѣть и переписать и взявъ сказки съ тѣхъ селъ и деревень у прикащиковъ и у старостъ подъ смертной казнью, сколько у нихъ черкасъ и русскихъ, и тѣ русскіе давно-ль у нихъ живутъ и по крѣпостямъ ли или безъ крѣпостей, и ежели явятся некрѣпостные какіе пришлые и изъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, и такихъ людей, драгунъ и солдатъ отсылать въ армію къ фельдмаршалу, а крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ пожитки отдавать тѣмъ людямъ, чьи бывали и велѣть ихъ отвозить изъ тѣхъ селъ и деревень на подводахъ; а что такихъ людей сыщется, въ книгахъ писать ихъ особо; и для того послать съ Москвы изъ канцеляріи прав. сената, выбравъ изъ царедворцевъ, 5 человѣкъ знатныхъ и добрыхъ, кому-бъ было въ томъ вѣрить“ [1]).

II. Нѣкоторые доносители не ограничивались простымъ указаніемъ на утайку и предложеніемъ вновь переписать дворы, утаенные въ переписныхъ книгахъ 1710 г.; ихъ проекты шли гораздо дальше, они заподазривали въ вѣрности всѣ итоги этой переписи (въ одной губерніи и даже во всемъ государствѣ) и предлагали произвести „освидѣтельствованіе“ пустоты, чтобы тѣмъ искоренить пустоту фиктивную, предлагали произвести общую повѣрку итоговъ переписи.

Эта мысль, повидимому, раньше всего созрѣла у мѣстныхъ властей. Такъ управитель московскій Ершовъ, борясь противъ „народнаго разоренья“ и „безстрашной утайки дворовъ“ при переписи 1710 г., уже въ слѣдующемъ году, какъ только закончилась перепись и обнаружилась утайка, „сочинилъ пункты“ и „листы выставочные на публику“ и обнародовалъ ихъ къ всеобщему свѣдѣнію, при чемъ, судя по „реестру о пунктахъ“, изъ нихъ 2 статьи говорили „о усвидѣтельствованіи сущемъ пустоты“ [2]).

Эта же мысль о необходимости освидѣтельствованія пере-

[1]) П. С. З., V, № 2672; объ этой переписи см. ниже.

[2]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 13, л. 511 (изъ доношенія Ершова Государю отъ 11 авг. 1711 г.).

писи была воспринята и московскимъ губернаторомъ М. Ромодановскимъ.

Уже отъ 30 авг. 1712 г. онъ писалъ въ особомъ доношеніи Государю: „Во многихъ, Государь, мѣстѣхъ есть въ крестьянскихъ дворѣхъ пустота сущая. А въ другихъ многихъ мѣстѣхъ сверхъ старыхъ переписныхъ книгъ есть людство многочисленное, которое было въ губернскомъ правленіи началось въ вѣрное свидѣтельство приводить въ общую государственную пользу изрядно, также и другія полезности какъ къ вашему государскому интересу, такъ и ко всему народу“. Сообщивъ о томъ, какъ онъ „сталъ стараться о усвидѣтельствованіи и уравненіи небрегомой пустоты и о доимкахъ рекрутъ и всякихъ сборовъ, а пуще за дьяками въ дѣлѣхъ сталъ смотрѣть самъ“, Ромодановскій ходатайствалъ предъ Государемъ о томъ, чтобы книги переписныя были присланы изъ сената къ нему, и такимъ путемъ онъ могъ бы продолжать начатое освидѣтельствованіе [1]).

Въ полномъ согласіи съ указанными выше доношеніями и происходитъ въ 1713, 1714 и 1715 годахъ освидѣтельствованіе пустоты и повѣрка итоговъ переписи 1710 года въ губерніяхъ подъ руководствомъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Такъ въ Московской губ. освидѣтельствованіе пустоты начитается въ 1713 году: суздальскій комендантъ Андрей Чаплинъ 22 декабря 1713 г. сообщалъ сенату, что онъ „по государеву указу и по пунктамъ, каковы ему даны изъ губернской канцеляріи, ѣздилъ въ Суздальскомъ уѣздѣ для

---

[1]) Приведу подлинныя слова доношенія: „Нынѣ, Государь, писалъ Ромодановскій, все то нимало дѣйствуемо стало, отчего народъ и что наилучшіе плательщики паки ничтожатся“. „Для усвидѣтельствованія вышеименованной отъ небреженія пустоты сказокъ и переписныхъ книгъ 709 и 710 г.г. и изъ нихъ перечневыхъ выписокъ и табелей изъ сената и по се время ко мнѣ не прислано. А тѣмъ, Государь, книгамъ у нихъ и быть не надлежитъ и неприлично, ибо имъ ни малыя въ томъ нужды кромѣ прихотей нѣтъ. А нужда, Государь, въ томъ въ губерніи, а не у нихъ“; „рекрутъ и работниковъ, такъ и вышеписанной небрегомой пустоты усмотрѣть и управить безъ помѣстнаго приказу (онъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія Ромодановскаго указомъ сената) отнюдь невозможно, понеже писцовыя и переписныя и отказныя книги и всякое къ тѣмъ дѣламъ нужнѣйшее вѣдѣніе въ томъ помѣстномъ приказѣ“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 15, *л.* 1051).

осматриванія и освидѣтельствованія пустоты въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ въ дальнихъ станахъ“ [1]).

Въ 1714 году въ Москву, не смотря на то, что тамъ происходило освидѣтельствованіе пустоты, былъ присланъ государевъ указъ, которымъ повелѣвалось, въ той губерніи, „гдѣ есть крестьянская пустота, освидѣтельствовать и прибылые дворы переписать“ [2]).

Въ Архангелогородской губ. повѣрка наличнаго числа дворовъ началась по указу 6 мая 1714 г., посланному на имя вице-губернатора Лодыженскаго; во 2-мъ и 3 пунктахъ указа говорилось: „Пустыя мѣста осмотрѣть тебѣ самому, сколько возможно, а въ достальныя мѣста послать тебѣ ландратовъ и прочихъ, кому ты можешь вѣрить, и которую пустоту освидѣтельствуешь ты самъ, также и отъ васъ посланные, и тѣ описи, какъ за себя, такъ и за своихъ посланныхъ закрѣплять тебѣ своею рукою; а буде та пустота будетъ непрямая,

---

[1]) Докл. и приг., III, кн. II, 1420. Въ другомъ мѣстѣ передается содержаніе пунктовъ, данныхъ оберъ-командирамъ Московской губ. изъ губернской канцеляріи. Оно было таково. Каждому въ своей провинціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ объявляютъ пустоту, „ту пустоту освидѣтельствовать на томъ мѣстѣ суще самимъ будучи сущею правдою и весьма со всеприлежнымъ розыскомъ подлиннымъ, гдѣ и сколько дворовъ запустѣло и отчего именно запустѣли, и нѣтъ ли изъ тѣхъ запустѣлыхъ дворовъ самовольной пустоты, а именно въ переведеніе тѣхъ же вотчинниковъ на другія дачи“ „въ поступкѣ или въ придачѣ“ и проч. (вымерли, выбѣжали); „то свое въ розыску усвидѣтельствованіе о каждомъ пустомъ дворѣ росписать порознь на двое, а именно которые отъ самовольной и отъ невольной пустоты запустѣли, и то всемѣрное усвидѣтельствованіе присылать къ Москвѣ помѣсячно“ (Докл. и приг., IV, кн. II, 986).

[2]) Объ этомъ узнаемъ изъ слѣдующаго доношенія московскаго губернатора А. Салтыкова Государю (отъ 30 сент. 1714 г.): „По твоему Ц. В. указу, который присланъ отъ В. В—ва съ л.-гв. майоромъ съ г. Ушаковымъ, повелѣно въ губерніи Московской, гдѣ есть крестьянская пустота, освидѣтельствовать и прибылые дворы переписать мнѣ, сколько возможно, и въ другія мѣста послать.

И по вышеписанному В. Ц. В. указу для вышеписанной переписки дворовой и для свидѣтельства пустоты былъ я въ Калужскомъ да въ Коширскомъ уѣздахъ, а въ другіе городы опредѣлены изъ ландраторовъ и изъ другихъ чиновъ.

И по моему свидѣтельству и по перепискѣ въ вышеписанныхъ уѣздѣхъ въ большихъ вотчинахъ явилось сверхъ переписки 186 и 710 годовъ какъ во дворахъ, такъ и въ людяхъ многая прибыль, а въ малопомѣстныхъ есть и пустота, а въ прочихъ городѣхъ посланные переписки не окончили. А какъ вышеписанная переписка окончится и что явится сверхъ прежнихъ переписокъ прибыли или гдѣ пустота, о томъ до В. Ц. В—ва доносить буду впредь“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 21, № 251—252). О томъ же освидѣтельствованіи пустоты—Докл. и приг., IV, кн. II, 953; V, кн. I, 351.

но для какой понаровки жилое пустымъ написано будетъ, а про то послѣ сыщется, и за то вы лишены будете своей чести и имѣнія, а описчики не токмо чести и имѣнія, но и живота будутъ лишены.

А понеже не всѣ крестьяне на Донъ или Сибирь ушли, а мору, слава Богу, не было (кромѣ Пскова), то большая часть живутъ, ушедъ отъ своихъ помѣщиковъ, за иными помѣщиками: того ради равнымъ же образомъ переписать вездѣ прибылые дворы, въ которыхъ селахъ и деревняхъ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ крестьянъ прибыло: и хотя бъ за день до сего указу перешли куда жить, то брать съ прихожихъ то-жъ, что и съ подлинныхъ доведется взять за всѣ годы, за которые та доимка не взята, еще и слишкомъ, и подписывать самимъ такъ же, какъ и во второмъ пунктѣ написано, подъ такимъ же страхомъ и разореніемъ" [1]).

Вскорѣ Лодыженскій сообщилъ сенату, что по государеву указу имъ „посланы для смотру и свидѣтельства и переписки дворовъ и сбору доимочныхъ рекрутныхъ денегъ во всѣ той губерніи городы ландраты" [2]).

Досмотръ пустыхъ мѣстъ и перепись новопоселенныхъ въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ происходили въ 1714 и 1715 годахъ. Хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ осмотръ пустоты происходилъ по распоряженію мѣстныхъ властей и раньше, какъ, напр., въ 1712 году „для досмотра и розыска пустыхъ дворовъ, гдѣ что опустѣло послѣ переписныхъ книгъ 1710 г." въ Муромъ былъ посыланъ изъ губернской канцеляріи майоръ Григорій Хвостовъ, но общее свидѣтельствованіе началось по

---

[1]) П. С. З., V, № 2807. По поводу этого указа П. Н. Милюковъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Кажется, это единичное распоряженіе вызвано перемѣною вице-губернатора (Лодыженскій вмѣсто Курбатова) и составляетъ какъ бы протестъ противъ постоянныхъ жалобъ Курбатова на пустоту этой губерніи, по переписи 1710 г.» (Государ. хозяйство, 406). Но въ дѣйствительности указъ былъ совсѣмъ не «единичнымъ распоряженіемъ».

[2]) Сверхъ того Лодыженскій сообщалъ, что ландратамъ даны въ помощь «подьячіе и дворяне, которыхъ на Вологдѣ и изъ Галича сыскать могли по малому числу», а потому онъ и предупреждалъ, что при такомъ малолюдствѣ всѣмъ порученнымъ дѣломъ «къ указному сроку, къ октябрю мѣсяцу исправиться невозможно» (Докл. и приг., IV, кн. II, 917; ср. сообщеніе о «новой перепискѣ» 1714 года — V, кн. II, 827—828).

государеву указу, присланному въ Казань въ 1714 году [1]). Самъ губернаторъ и вице-губернаторъ ѣздили по губерніи, поручивъ досмотръ и перепись оберъ-комендантамъ и ландратамъ, а также дворянамъ, спеціально для того назначеннымъ [2]).

Можно быть увѣреннымъ, что свидѣтельствованіе пустоты захватило не только четыре названныя губерніи, но оно распространилось и на остальныя. По крайней мѣрѣ, о Рижской извѣстно изъ доношенія губернатора Петра Голицына, что онъ въ 1714 году „по именному Царскаго Величества указу ѣздилъ въ уѣзды для осмотрѣнія пустоты и сбору доимочныхъ денегъ, и того еще (до 22 ноября 1714 г.) не окончилъ" [3]).

III. Наконецъ въ доношеніяхъ и проектахъ не останавливались на частичныхъ поправкахъ и на провѣркѣ переписи 1710 г., вопросъ ставили шире, предлагали произвести новую перепись, при томъ нѣкоторые доносители отстаивали то, чтобы перепись была произведена на новыхъ началахъ или по меньшей мѣрѣ были приняты такія мѣры, которыя парализовали бы злоупотребленія какъ со стороны перепищиковъ, такъ и со стороны населенія.

Мысль о необходимости новой переписи ясно была проведена фискаломъ Алексѣемъ Нестеровымъ въ его „Доношеніи объ уравнительномъ платежѣ" (отъ 30 ноября 1714 г.) Онъ, по его словамъ, свое мнѣніе предлагалъ сначала сенату, а потомъ „дерзнулъ" изложить его „на пользу всему государству" самому Государю. Его предложеніе состояло въ слѣдующемъ: „Ежели Ваше Величество, милосердуя о всемъ народѣ государства своего, укажешь, паче и ближе дальнихъ

---

[1]) Объ общемъ освидѣтельствованіи пустоты узнаемъ прежде всего изъ слѣдующаго доношенія Государю казанскаго губернатора П. Салтыкова (отъ 5-го окт. 1714 г.): „Указъ В. В-ва, посланный съ унтеръ-офицеромъ Колеминымъ о сборѣ денегъ доимочныхъ за рекрутъ и о свидѣтельствѣ пустоты, въ Казани полученъ іюня 13 дня сего года, и по тому указу для осмотра пустоты и для переписки въ уѣзды городовъ Казанской губ. я и вице-губернаторъ ѣздили, а въ другія мѣста посылали ландратовъ и оберъ-комендантовъ и другихъ" (*Г. А.*, *Каб.* П., II, № 21, *л.* 234).

[2]) Объ освидѣтельствованіи пустоты и о переписи дворовъ въ 1714 и 1715 годахъ въ Казанской и Нижегородской губ. см. Докл. и приг., IV, кн. II, 871, 971, 979; V, кн. I, 482, 541; VI, кн. I, 122.

[3]) Докл. и приг., IV, кн. II, 1231. Ср. сообщеніе о переписи дворовъ въ Козловскомъ у., Азовской губ. въ 1714 году (Тамъ же, 1224).

дворовыхъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ неправыхъ переписей взять всѣхъ губерній у всѣхъ необходно, отъ вышнихъ и до нижнихъ чиновъ, что за всѣми гдѣ есть, по старымъ и новымъ переписнымъ книгамъ, прежнихъ и вновь прибылыхъ изъ прежнихъ книгъ и изъ новыхъ крѣпостей дворовъ и въ нихъ мужеска и женска полу людей безъ утайки; а кого самихъ нѣтъ, у женъ и дѣтей и кому деревни ихъ приказаны, а не у тѣхъ людей, которые у нихъ на приказѣ. и не у старостъ тѣхъ деревень которые, Государь, всегда лгутъ, а помѣщики тѣхъ деревень, живутъ оттого безъ страха, понеже имъ принужденія никакого не бывало и нѣтъ, о чемъ и срокъ положить съ подкрѣпленіемъ" [1]). Короче говоря, А. Нестеровъ предлагалъ произвести новую перепись, при томъ такъ, чтобы сказки подавались самими помѣщиками или ихъ замѣстителями.

Послѣдняя мысль была высказана нѣсколько раньше въ двухъ пунктахъ неизвѣстнаго лица [2]) (отъ 15 ноября 1712 г.); въ нихъ сообщалось: 1—„всѣмъ господамъ, какъ рекрутъ, такъ и деньги и провіантъ и лошади и всякіе указные сборы отправлять самимъ; и рекрутныя именныя росписи и сказки закрѣплять самимъ, а не стряпчимъ"; 2 — „о переписке крестьянъ: сказки и именныя росписи и о дворовомъ числѣ подавать самимъ господамъ за своими руками, подъ потеряніемъ всей деревни, хотя за одного утаеннаго человѣка, въ чемъ доносители приходить свободны".

Въ 1715 г. (18 февр.) доносителемъ Васильемъ Лодыгинымъ поданы были Государю „въ переплетѣ пункты о многихъ разныхъ дѣлахъ, и о искорененіи воровства и о утраченномъ В. Ц. Величества интересѣ". Судя по „реестру" этихъ пунктовъ, представленному Государю тѣмъ же доносителемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, одинъ изъ начальныхъ пунктовъ гласилъ: „о перепискѣ въ Московскомъ и

---

[1]) Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ, приложенія, 58.

[2]) Можетъ быть, московскаго управителя Ершова, такъ какъ пункты эти помѣщены среди дѣлъ о Московской губ. (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 15, л. 1034 и сл.); кромѣ того Ершовъ упоминаетъ о двухъ пунктахъ, составленныхъ имъ „о усвидѣтельствованіи пустоты".

другихъ городовъ уѣздахъ всякихъ чиновъ людей и крестьянъ, для того что противъ 186 году много явилась пустота“ [1]).

Доношеніе Лодыгина и реестръ, видимо, были прочитаны Государемъ, такъ какъ противъ многихъ пунктовъ стоятъ на поляхъ отмѣтки (крестомъ), которыя обыкновенно ставилъ Петръ при чтеніи бумагъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливалось его вниманіе.

Оказали ли прямое непосредственное дѣйствіе вышеприведенные проекты на Петра, сказать трудно, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они были извѣстны Государю и толкали мысль на то, чтобы подумать о новой переписи, которая могла бы дать болѣе благопріятные результаты, чѣмъ перепись 1710 г. Если же къ этому присоединить то обстоятельство, что повѣрка переписи, предпринятая въ 1714—1715 г.г., не давала замѣтныхъ осязательныхъ результатовъ, со всѣхъ же сторонъ текли доношенія о пустотѣ, о тяжести обложенія, о неравномѣрно падающихъ платежахъ, съ одной стороны, объ утайкѣ дворовъ, о злоупотребленіяхъ перепищиковъ, съ другой, то станетъ понятнымъ, что выходомъ изъ такого положенія, не нарушающимъ однако старой системы обложенія, была новыя общая перепись, которая и назначена была указомъ 10 декабря 1715 г.

3. Частныя переписи за время съ 1711 по 1715 годъ.

Не довѣряя итогамъ переписи 1710 года, правительство, какъ указано было выше, пыталось первоначально частными переписями исправить ея итоги. Эти переписи захватываютъ собой то отдѣльную болѣе или менѣе значительную область, то какую-либо особую группу населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ производятся переписи и ради административно-финансовыхъ цѣлей, не связанныхъ непосредственно съ недовѣріемъ къ переписи 1710 года. Перейду къ краткому обзору переписей за время съ 1711 по 1715 годъ.

[1]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 25, л. 287.

Меморіалъ 1713 г. предлагалъ произвести новую перепись въ бѣлогородскомъ и сѣвскомъ разрядахъ и въ слободскихъ полкахъ. Предложеніе меморіала осуществляется благодаря именному указу 24 апрѣля 1713 г., которымъ было велѣно въ тѣхъ мѣстностяхъ „новопоселенныя села и деревни осмотрѣть и переписать“, занеся въ книги „черкасъ и русскихъ“ [1]). Слѣдуетъ припомнить, что въ переписныя книги 1710 г. черкасы не заносились согласно обычной политикѣ русскаго правительства, старавшагося разными льготами привлечь малороссіянъ къ Россіи и не стѣснять ихъ поселенія въ привольныхъ южно-русскихъ степяхъ.

По указу 24 апрѣля требовалось для переписки избрать изъ царедворцевъ 5 человѣкъ „добрыхъ и знатныхъ, кому-бъ мочно было въ томъ вѣрить“, и послать ихъ съ Москвы изъ канцеляріи сената. Однако, прежде чѣмъ командировать царедворцевъ, сенатъ по приговору 23 іюня [2]) постановилъ: изъ Кіевской и Азовской губерній, куда предполагалось послать перепищиковъ, затребовать „вѣдѣніе“ относительно новопоселенныхъ деревень и селеній, въ которомъ долженъ быть данъ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) гдѣ появились вновь заселенныя деревни и села, въ какихъ уѣздахъ, станахъ и какихъ слободскихъ полкахъ; 2) за кѣмъ числятся тѣ деревни и села, за помѣщиками ли и вотчинниками, за черкасскими полковниками и за старшиною, о томъ слѣдуетъ сообщить поименно; 3) сколько тѣхъ поселеній и кѣмъ они поселены, черкасами ли, а также людьми иныхъ званій и какихъ собственно.

Для полученія такихъ свѣдѣній были посланы курьеры съ наказомъ, требовать отъ начальствующихъ въ губерніяхъ отвѣта, „кончая въ недѣлю“, въ Кіевскую губ. къ губернатору кн. Д. М. Голицыну 24 іюня, въ Азовскую къ ланд-

[1]) П. С. З., V, № 2672, п. 6; объ этой переписи см. выше.

[2]) Запоздалость приговора объясняется тѣмъ, что указъ 24 апр. былъ присланъ въ Москву только 25 мая; затѣмъ здѣсь 8 іюня было постановлено: послать для переписи 5 царедворцевъ съ наказами, опредѣлявшими, какими правилами должны они руководиться при переписи; но затѣмъ этотъ приговоръ исполненіемъ былъ пріостановленъ впредь до полученія изъ губерній свѣдѣній, какія были запрошены по приговору 23 іюня (Докл. и приг., III, кн. II, 644 и сл.).

рихтеру Степану Клокачеву 25. Разумѣется, „въ недѣлю“ подобной вѣдомости прислать нельзя. Сенатъ снова посылаетъ (въ Кіевскую губ.—15 іюля, въ Азовскую—16) нарочныхъ съ указами, и въ началѣ августа получаетъ отвѣты: изъ Кіева сообщали, что табель съ итогами переписи 1710 г. уже поданъ, по нему можно видѣть, сколько дворовъ за помѣщиками и другими чинами, а о черкасахъ и о живущихъ въ слободскихъ полкахъ за полковниками и за старшиною свѣдѣній дать нельзя, такъ какъ въ 1710 г. дворы ихъ не переписывались по указу. Ссылка на табель, какъ выяснилось изъ справки, дѣлу не помогала, такъ какъ въ немъ было написано только дворовое число, а сколько за кѣмъ „новопоселенныхъ селъ и деревень и въ нихъ людей, также и въ слободскихъ полкахъ за полковниками и за старшинами черкасъ, въ томъ табелѣ не написано“.

Гораздо утѣшительнѣе дѣло обстояло съ Азовской губерніей. Августа 3-го ландрихтеръ Клокачевъ отвѣчалъ, что для полученія нужныхъ свѣдѣній въ города, въ которыхъ „черкасское селеніе есть“, къ комендантамъ и полковникамъ слободскихъ полковъ отправлены „нарочные посыльщики“, и какъ только они возвратятся, то немедлено о всемъ будетъ донесено въ канцелярію сената. А 9-го августа Клокачевъ уже представилъ и вѣдомость о новопоселенныхъ деревняхъ и селахъ. По этой вѣдомости, подробно перечислявшей, гдѣ, за кѣмъ и сколько было селъ, деревень и хуторовъ, оказывалось, что всего въ Тамбовскомъ и Чугуевскомъ уѣздахъ и въ слободскихъ харьковскомъ и изюмскомъ полкахъ было вновь поселено 45 селъ, 13 деревень и 16 хуторовъ, итого 74 поселенія, а что въ нихъ дворовъ, о томъ свѣдѣній у мѣстныхъ властей не было.

Хотя сенатъ только частью получилъ свѣдѣнія, которыя ему были нужны для переписи, но пришлось ограничиться и присланымъ; а потому онъ 24 августа опредѣляетъ: въ губерніи Кіевскую и Азовскую для переписки вновь заселенныхъ мѣстъ, входившихъ въ территорію бѣлгородскаго и сѣвскаго разрядовъ и слободскихъ полковъ, для переписки тѣхъ именно селъ и деревень, которыя въ переписныхъ кни-

гахъ 1710 г. не написаны, послать 5 человѣкъ царедворцевъ, троихъ въ Кіевскую, а двоихъ въ Азовскую губ.

Перепищикамъ вмѣнялось въ обязанность:

1) пріѣхавъ на мѣсто назначенья, взять въ Кіевской губ. у губернатора, въ Азовской у ландрихтера вѣдѣнія о вновь появившихся селахъ и деревняхъ, чтобы по тѣмъ вѣдѣніямъ ѣхать въ города и уѣзды для переписи;

2) въ новопоселенныхъ мѣстахъ брать сказки у самихъ помѣщиковъ, а если ихъ нѣтъ, то у прикащиковъ и у старостъ подъ смертною казнью, „сколько въ нихъ черкасъ и русскихъ и крѣпостные или пришлые", при чемъ въ удостовѣреніе того, что данный человѣкъ крѣпостной, должно требовать крѣпости и съ нихъ снимать копіи;

3) взявъ сказки, „осмотрѣть и переписать всѣхъ на лицо", а при перепискѣ разспрашивать, давно ли въ тѣ села и деревни пришли и откуда; если же по сказкамъ и разспросамъ выяснится, что тамъ живутъ бѣглые, то бѣглыхъ драгунъ и солдатъ отсылать въ армію къ фельдмаршалу Шереметеву, а крестьянъ и людей отвозить къ ихъ прежнимъ помѣщикамъ на старыя мѣста, откуда они бѣжали; точно также отправляетъ „на прежнія жилища" пришлыхъ служилыхъ людей изъ украинцевъ, которые были испомѣщены въ другихъ городахъ и тамъ несли службу; черкасъ слѣдуетъ разспрашивать о томъ, откуда пришли и какъ давно, а затѣмъ писать ихъ „особь статьею, кто какой скажется";

4) на основаніи сказокъ и разспросовъ составить переписныя книги съ перечневыми выписками и табельми, и подать ихъ на Москвѣ въ канцеляріи сената [1]).

По этому приговору посланы были въ Кіевскую губернію 3 царедворца: Иванъ Лукьяновъ Петровъ-Соловой, кн. Петръ Андреевъ Солнцовъ-Засѣкинъ и Семенъ Михайловъ Самаринъ, въ Азовскую—два: Василій Ивановъ Давыдовъ и Ѳедоръ Алексѣевъ Татищевъ [2]); всѣ они были снабжены

---

[1]) П. С. З., V, № 2706; Докл. и приг., III, кн. II, 644—646.

[2]) Въ Кіевскую губ. перепищики были отправлены съ наказами 8 сент. и 15 окт., а въ Азовскую еще позднѣе, 12 и 24 ноября (Докл. и приг., III, кн. II, 646; IV, кн. II, 923). Въ Кіевскую, если положиться на приписку къ указу

наказами, подорожными и прогонными деньгами, послушными указами къ оберъ-комендантамъ и комендантамъ и письменными принадлежностями [1]). Изъ перепищиковъ В. Давыдовъ умеръ (8 мая 1714 г.), не докончивъ переписи, вмѣсто него, по приказу (отъ 5 окт. 1714 г.) сенатора Апухтина, велѣно послать другого царедворца для окончанія переписного дѣла, въ силу чего и былъ посланъ Василій Дмитріевъ Кишкинъ [2]).

Позднѣе перепись, оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ же двухъ губерній, какъ бы нѣсколько расширилась, захвативъ собой, по просьбѣ харьковцевъ и золочевцевъ, города Харьковъ и Золочевъ Кіевской губ., Чугуевъ и Валуйку Азовской.

Въ 1713 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ Алексѣй Игумновъ съ товарищами подалъ въ сенатъ челобитную, въ которой писали, что ихъ, какъ не записанныхъ въ казацкую службу, сотники харьковскаго полка „себѣ взяли въ подданство", „имѣютъ ихъ за крестьянъ", благодаря чему имъ, челобитчикамъ, приходится на сотниковъ пашню пахать, дрова возить, за скотиной ходить, подводы давать и платить ежегодно поборы денежные, хлѣбные и съѣстные; даже жены ихъ принуждены „всякую ихъ домовую работу работать". Когда же были введены губерніи, то старшины про нихъ, русскихъ, губернаторамъ не объявили; теперь русскихъ людей, которые не числятся въ казакахъ, осталось харьковцевъ 48 дворовъ, золочевцевъ 47 дворовъ, да и тѣ „люди судные"; и просили они, чтобы велѣно было „ихъ, малолюдныхъ, вѣдать русскимъ командирамъ по прежнему, чтобы имъ впредь лишней отъ черкасъ тягости не было".

Въ этой челобитной любопытно то, что здѣсь описывается зарожденіе крѣпостного права на югѣ, въ слободскихъ

---

24 авг., предназначались Петровъ-Соловой и двое братьевъ Солнцевыхъ-Засѣкиныхъ, Петръ и Семенъ (IV, 646), но потомъ оказался посланнымъ вмѣсто послѣдняго Самаринъ (*А. М. Ю.*, № 37, л. 1130). Первоначально, судя по указу Клокачеву отъ 13 окт. 1713 г., предполагали послать въ Азовскую губ. Петра Семенова и Юрья Алексѣева Писарева (*А. М. Ю.*, № 61, л. 18).

[1]) Давыдовъ, напр., принялъ въ канцеляріи сената 2 стопы бумаги да ведро чернилъ (Докл. и приг., IV, кн. II, 922).

[2]) Назначенъ окт. 6, отправленъ 22-го (Тамъ же, 924, 933; ср. 661, 662). Въ 1716 г. онъ уже находился при рекрутскихъ дѣлахъ, будучи посланъ туда канцеляріею рекрутнаго правленія (V, кн. II, 801).

полкахъ, которое касалось не только черкасъ, пришлаго сельскаго люда, но также и русскихъ, при томъ не крестьянскаго состоянія, а служилаго, однодворческаго.

Сенатъ въ отвѣтъ на челобитье Игумнова приговоромъ 28 сент. 1714 г. постановилъ, послать въ Азовскую и Кіевскую губ. къ губернаторамъ указы и велѣть имъ произвести перепись въ городахъ Харьковѣ, Золочевѣ, Валуйкѣ и Чугуевѣ, при той переписи заносить въ книги, согласно прежнему приговору 24 авг. 1713 г., черкасъ и русскихъ „всѣхъ на лицо" и поступать съ людьми, явившимися по переписи, по тому указу [1]). Значитъ Игумнова и его товарищей ожидало то, о чемъ они просили, возвращеніе „въ прежнія службы".

Перепись расширялась въ своемъ объемѣ и по представленію самихъ перепищиковъ. Такъ Василій Давыдовъ въ январѣ 1714 г. писалъ въ канцелярію сената, что онъ, явившись въ провинціальной канцеляріи, получилъ изъ нея указаніе ѣхать въ 24 города Азовской губ., въ томъ числѣ и въ г. Острогожскъ; въ вѣдѣніи, какое ему было дано изъ той канцеляріи, никакихъ новопоселенныхъ деревень и селъ Острогожскаго уѣзда указано не было, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало извѣстно, что въ томъ Острогожскомъ уѣздѣ за полковникомъ Иваномъ Тевяшевымъ и за другими лицами имѣются „мѣстности и хутора и на мельницахъ дворы и въ нихъ дѣти боярскіе и другіе русскіе люди"; такъ какъ въ наказѣ не было написано, чтобы тѣ хутора и мѣстности Давыдову переписывать, то онъ и запрашивалъ, какъ ему быть въ этомъ случаѣ.

На запросъ января 22-го 1714 г. сенаторъ Апухтинъ распорядился: если „гдѣ по наѣзду или по какому вѣдѣнію явятся какія новопоселенныя села и деревни и сверхъ вѣдѣнія", даннаго перепищику изъ провинціальной канцеляріи, то ихъ „по тому-жъ осмотрѣть и переписать и написать въ переписныя книги порознь особо; а для чего оныя въ поми-

[1]) Докл. и приг., IV кн. II, 895—897; П. С. З., V, № 2846. Въ Докл. и приг. сообщается, что въ 1714 году въ г. Черни и въ уѣздѣ Кіевской губ. происходила какая-то перепись дворовъ и людей (V, кн. I, 416).

нутомъ вѣдѣніи прописаны, то освидѣтельствовать подлинно, какъ возможно", и о томъ послать, куда слѣдуетъ, послушные указы [1]).

Почти то же самое произошло и съ другимъ перепищикомъ Азовской губерніи Өедоромъ Татищевымъ.

Татищевъ въ челобитной на имя Государя 4 авг. 1714 г. сообщалъ, что онъ, пріѣхавъ на Елецъ 22 янв. 1714 г., взялъ по наказу изъ воронежской провинціальной канцеляріи вѣдѣніе о новопоселенныхъ деревняхъ и селахъ; но въ вѣдѣніи, какъ оказалось, сообщались неточныя и неполныя данныя, такъ деревни Алабука и Царевка свѣтлѣйшаго князя Меншикова, которыя были показаны разоренными, на самомъ дѣлѣ оказались „въ цѣлости и разоренья никакого въ тѣхъ деревняхъ не явилось"; затѣмъ „сверхъ даннаго ему (Татищеву) съ Ельца вѣдѣнія" за свѣтлѣйшимъ княземъ, по сказкѣ тѣхъ вотчинъ старосты, оказались новопоселенныя же деревни, и тѣ деревни Татищевъ сталъ переписывать, сообщивъ сенату и о томъ, что и „впредь по данному отъ ландрихтера вѣдѣнію или по чьимъ доношеніямъ и сказкамъ, гдѣ явятся новопоселенныя села и деревни, онъ будетъ переписывать, а переписавъ, о томъ будетъ Великому Государю къ Москвѣ писать впредь въ канцелярію прав. сената немедленно".

Татищевъ не ограничивался переписью новопоселенныхъ мѣстъ; сверхъ вѣдѣнія, даннаго ему изъ провинціальной канцеляріи, онъ переписывалъ новоприбылые дворы пришлыхъ людей даже въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, которыя были занесены въ переписныя книги 1710 года, чѣмъ значительно расширилъ свои полномочія, опредѣленныя даннымъ ему наказомъ. О ходѣ своей переписи онъ сообщалъ доношеніями въ сенатъ и никакихъ указаній на неправильность его дѣйствій со стороны сената сдѣлано не было до тѣхъ поръ, пока не подалъ жалобу на дѣйствія Татищева кн. Матвѣй Гагаринъ.

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 922—923.

Кн. Гагаринъ въ прошеніи, поданномъ въ сенатъ въ сентябрѣ 1714 г., писалъ, что Татищевъ, которому по наказу велѣно переписать деревни, которыя не занесены въ книги 1710 г., по недружбѣ къ нему, въ его отсутствіе, когда самъ Гагаринъ былъ на службѣ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, въѣзжалъ въ его деревню въ Шацкомъ уѣздѣ, которая въ переписныхъ книгахъ 1710 г. числилась, „пріѣзжалъ въ нее, писалъ Гагаринъ, своевольствомъ многожды, будто противъ указа для переписки“, и ту его деревню „разорилъ всю безъ остатку и крестьянишекъ разогналъ и бралъ онъ, Татищевъ, у крестьянъ многія взятки“; челобитчикъ просилъ канцелярію сената справиться съ отпускомъ указа Татищеву, велѣно ли тому „въѣзжать въ его деревни и переписывать крестьянъ“.

Отвѣтомъ на челобитье было распоряженье сената, чтобы Татищевъ при перепискѣ поступалъ по наказу, изъ вотчины кн. Гагарина, если она подлинно была переписана въ 1710 г., выѣхалъ вонъ, о своихъ поступкахъ въ канцелярію сената прислалъ объясненіе, и вообще переписное дѣло отправлялъ, „не замотчавъ“, и былъ къ Москвѣ немедленно, такъ какъ свѣдѣній о результатахъ переписи требуютъ въ канцелярію сената въ С.-Петербургѣ [1]).

Относительно бѣглыхъ крестьянъ и однодворцевъ, поселившихся въ малороссійскихъ городахъ и въ слободскихъ полкахъ въ разныхъ мѣстахъ, именнымъ указомъ 12 марта 1714 года было велѣно, сыскавъ ихъ и записавъ въ книги, поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: 1) крестьянъ дворцоваго и церковнаго вѣдомства, а также и однодворцевъ вывозить и селить въ городахъ бѣлгородскаго и сѣвскаго разрядовъ, гдѣ жили рейтары и однодворцы на пустыхъ земляхъ; 2) тамъ же селить крестьянъ и дворовыхъ людей, если у нихъ окажутся „свободная письма“ или они тѣ письма „впредь получатъ“; 3) явившихся же безъ отпускныхъ писемъ отдавать по крѣпостямъ помѣщикамъ ихъ попрежнему [2]).

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 909—910, 925 и сл.
[2]) Тамъ же, IV, кн. I, 216; П. С. З., V, № 2783.

Этотъ указъ ближайшимъ образомъ касался только Кіевской губерніи, куда онъ и былъ посланъ на имя губернатора (15 марта), на Азовскую же губернію онъ, видимо, не распространялся.

О переписи въ Кіевской губерніи свѣдѣній не имѣется, при какихъ именно условіяхъ она происходила. Результатами ея интересовался самъ Петръ. Онъ именными указами расширялъ перепись. Такъ 6 мая 1715 года кіевскому губернатору кн. Голицыну было предписано:

„На Украйнѣ села и деревни поселенныя, которыя прежъ сего были за гетманами, а нынѣ по ихъ и по другимъ дачамъ за фельдмаршалами и прочими персонами, и что къ тому же они и другіе разныхъ чиновъ люди особливо купили и вновь поселили собою, всѣ переписать безобходно, сколько за кѣмъ въ которыхъ селахъ и деревняхъ черкасъ и изъ великороссійскихъ городовъ пришлыхъ людей, и какихъ откуда порознь, такъ, какъ надлежитъ доброму и вѣрному, безъ понаровки, и тое перепись прислать къ намъ немедленно, и впредь для того осмотру въ тѣ мѣста будутъ посланы нарочно преображенскаго полку офицеры“ [1]).

Результаты переписи были таковы. Въ Азовской губ. Василій Давыдовъ изъ 24-хъ городовъ переписалъ 14, занеся въ книги и въ табель 1323 двора, а людей 2784 человѣка [2]).

---

[1]) Сборн. И. О—а, XI, 103. 16 янв. 1716 года Петръ снова писалъ Голицыну: „По полученіи сего письма велите переписать тайно заднѣпровскихъ жителей всѣхъ, которые живутъ за Днѣпромъ, сколько оныхъ тамъ обрѣтается. И какъ переписаны будутъ, пришлите къ намъ вѣдомость немедленно. Уже дважды писалъ вамъ, какое происхожденіе имѣетъ... дѣло, о чемъ мы вамъ приказывали, также и о горцахъ, но по се время отвѣту отъ васъ не имѣли“ (Тамъ же, 104).

Кромѣ того Голиковъ передаетъ содержаніе письма Государя 1715 года къ майору Ушакову, которое касается переписи жителей Кіевской и Азовской губ. Письмо было такого содержанія: сдѣлать непремѣнно новую перепись всѣхъ городовъ однодворцамъ, также солдатскимъ и козацкимъ дворамъ, сколько въ которомъ городѣ есть, и въ нихъ людей и лѣта ихъ (Дѣянія, VI, 18).

[2]) „А въ тѣхъ книгахъ и табели, какъ передается въ сенатской выпискѣ, написано однодворцовъ 12 дворовъ, за людьми разныхъ чиновъ 1196 дворовъ, скотныхъ 5, мельниковыхъ 2, на хуторахъ 82, жилыхъ избъ, а не дворами 26, всего 1.323 двора; въ тѣхъ дворахъ людей: русскихъ 274 человѣка, русскихъ же въ сыску и въ высылкѣ въ разные города сходцевъ 294 человѣка, черкасъ 2.160; въ Изюмской полковой слободѣ по грамотѣ русскихъ людей въ казакахъ 56, всего по описи 2.784 человѣка“ (Докл. и приг., IV, кн. II, 923—924; цыфры провѣрены по подлинной рукописи—*А. М. Ю.*, № 61, л. 48).

Послѣ смерти Давыдова, хотя и былъ назначенъ иной царедворецъ Кишкинъ (о дѣятельности котораго въ качествѣ переписчика свѣдѣній нѣтъ), но непосредственно перепись новопоселенныхъ мѣстъ Азовской губ., „послѣ Василія Давыдова продолжалъ, какъ сообщается въ сенатской выпискѣ, стольникъ Ѳ. А. Татищевъ“. О результатахъ своей переписи Татищевъ подалъ вѣдѣніе въ канцелярію сената 27 іюня 1714 г., гдѣ сообщалъ съ подробнымъ указаніемъ на уѣзды и владѣльцевъ, что имъ за время съ 27 янв. до 27 іюня переписано 479 дворовъ въ вотчинахъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова, въ которыхъ числилось 2529 человѣкъ обоего пола, да за другими владѣльцами 203 двора, въ которыхъ было 1002 человѣка, сверхъ того сыскано бѣглыхъ 607 человѣкъ.

Позднѣе, именно въ мартѣ 1715 г. Татищевъ подалъ въ канцелярію сената новое вѣдѣніе [1]), въ которомъ дополнительно сообщалъ о результатахъ послѣдующей переписи, продолжавшейся до конца октября мѣсяца 1715 года. Всѣ цыфры были сведены въ табель, изъ которой видно, что Татищевымъ переписаны въ разныхъ уѣздахъ Азовской губ. селъ и селецъ, слободъ и деревень--62 (изъ нихъ 11 уже были занесены въ переписныя книги 1710 г.), въ которыхъ оказалось 1653 двора, а людей мужского пола—4968, женскаго—4734, обоего пола—9702 человѣка; сверхъ того сыскано бѣглыхъ—муж. пола 573, женскаго—485, обоего пола—1058 человѣкъ [2]). Остались не переписанными 7 селъ кн. Меншикова, которые „не описаны за ослушаніемъ ранибургскаго прикащика и тѣхъ селъ старостъ“, хотя и эти села были занесены въ переписныя книги козловскимъ комендантомъ Ѳедоромъ Скобельцынымъ [3]).

---

[1]) О первомъ и второмъ вѣдѣніи съ подробными указаніями, сколько и гдѣ явилось дворовъ и людей по переписи Татищева, см. въ Докл. и приг., IV, кн. II, 925—933.

[2]) Эта цыфра розысканныхъ бѣглыхъ не была окончательной; 1058 было сыскано „октября по 26 число 714 г.“, да не сыскано, какъ сообщалось въ вѣдѣніи Татищева, противъ сказокъ бѣглыхъ 24 человѣка; при представленіи же книгъ въ канцелярію сената было установлено, что имъ сыскано „бѣглыхъ крестьянъ и разночинцевъ—1147 человѣкъ“ (Докл. и приг., V, кн. I, 275).

[3]) Переписывать въ Козловскомъ уѣздѣ вотчины свѣтлѣйшаго князя велѣно было въ 1714 году козловскому коменданту (Докл. и приг., IV, кн. II, 1224).

Складывая итоги переписи Давыдова и Татищева, получимъ 2976 дворовъ, а въ нихъ 12.486 человѣкъ. Цыфра, повидимому, довольно внушительная, но не слѣдуетъ забывать, что здѣсь добрая половина падаетъ на черкасъ [1]) и дѣтей боярскихъ, благодаря чему перепись новопоселенныхъ мѣстъ не могла значительно повысить и замѣтно исправить въ благопріятную для правительства сторону цыфры тяглыхъ дворовъ по Азовской губерніи.

Перепись въ Кіевской губерніи, произведенная самимъ губернаторомъ и перепищиками, дала слѣдующіе результаты. Въ новопоселенныхъ и старопоселенныхъ черкасскихъ слободахъ по наѣзду ихъ оказалось 28.984 двора, въ числѣ которыхъ было 23.414 дворовъ черкасъ и лишь 4.994 двора русскихъ.

Къ этому нужно присоединить то, что среди насчитанныхъ дворовъ при этой переписи многіе уже были занесены въ переписныя книги 1710 г. и попали въ новую перепись, какъ переведенные изъ одного уѣзда въ другой.

Разумѣется нѣсколько тысячъ дворовъ были находкой для правительства, но ихъ было совершенно недостаточно, чтобы заполнить недочетъ, обнаруженный переписью 1710 года. Въ конечномъ итогѣ перепись новопоселенныхъ мѣстъ въ Азовской и Кіевской губерніяхъ оказалась мало полезной для генеральнаго обложенья, требовались какія-то иныя средства, другія мѣры, которыя должны были поднять цыфру единицъ обложенія и тѣмъ дать возможность правительству справиться съ финансовыми затрудненіями.

Къ числу переписокъ, произведенныхъ въ промежутокъ между 1710 и 1715 г., слѣдуетъ отнести перепись городовъ, приписанныхъ ко флоту, которая была произведена въ теченіе 1712, 1713 и 1714 годовъ.

---

[1]) Вотъ, напр., какъ характеризуютъ переписныя книги „работныхъ людей черкасъ“: „переведенъ де онъ, Наумъ, въ Тамбовскій уѣздъ въ дер. Алабуку за свѣтлѣйшаго князя въ 707 году и поселился въ той деревнѣ на его княжеской вотчинной землѣ, и съ того числа работаетъ и оброкъ платитъ свѣтлѣйшему князю, а службы В. Государя не служитъ и податей никакихъ не платитъ“ (*А. М. Ю., книга „ландратская“ по г. Верхоломову* 1714 г., № 17.136, л. 309).

Въ 1712 г., по представленію адмирала Апраксина, указомъ 6 іюня были приписаны къ адмиралтейству „для всякія корабельныя работы“ города С.-Петербургской губ.: Олонецъ, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна, Архангелогородской губ. дворцовая волость Чаронда да Новгородскаго уѣзда „волость Сермаксъ съ иными волостьми“ въ такомъ числѣ, чтобы изъ всѣхъ городовъ и волостей составилось по переписнымъ книгамъ 24.000 дворовъ [1]).

Въ доношеніи Апраксина изъяснялась просьба, чтобы для адмиралтейскихъ работъ „опредѣлено было по новымъ преписнымъ книгамъ 30.000 дворовъ, кромѣ Олонецкаго уѣзду“; указомъ 6 іюня велѣно было приписать 24.000 дворовъ, какое количество найдено достаточнымъ для производства требуемыхъ работъ. Адмиралтейство было заинтересовано въ томъ, чтобы въ отведенныхъ городахъ и волостяхъ было на лицо ни какъ уже не менѣе 24.000 дворовъ, въ противномъ случаѣ оно могло бы настаивать, чтобы изъ „иныхъ волостей“ Новгородскаго уѣзда было дополнено, согласно указу Государя, недостающее число. Въ виду чего адмиралъ Апраксинъ и адмиралтейская канцелярія, заинтересованные въ выясненіи точнаго количества дворовъ, вскорѣ же, послѣ приписки городовъ, посылаютъ туда указы о производствѣ переписи мѣстнымъ начальникомъ, а также командируютъ для той переписи и особыхъ лицъ.

На Бѣлоозерѣ переписывалъ дворы въ началѣ 1713 г. комендантъ Василій Ивановичъ Владычкинъ. Въ Каргополь и Чаронду былъ командированъ въ іюлѣ 1712 г. стольникъ Петръ Васильевичъ Коробьинъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ и комендантомъ г. Каргополя; Коробьинъ г. Кар-

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. I, 379—384; П. С. З., IV, № 2538.

Отмѣчу еще перепись, произведенную въ 1712 году Леонтіемъ Карповымъ Лодыженскимъ въ городѣ Скопинѣ съ уѣздомъ; перепись была произведена въ виду значительной убыли населенія, которая произошла въ томъ уѣздѣ послѣ переписныхъ книгъ 1710 года. По переписи 1712 года въ Скопинѣ оказалось дворовъ: поповыхъ 49, солдатскихъ и дьячихъ 149, крестьянскихъ 1085, всего 1278 дворовъ. А по переписнымъ книгамъ 1710 г. было 2768 дв., въ томъ числѣ посадскихъ 139, крестьянскихъ 2497, изъ нихъ людей служилаго чина, которые въ 1712 году обращены были въ крестьянъ, 410 дворовъ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина,* № 60, л. 211).

гополь и пригороды переписывалъ самъ, а въ Чарондскую волость „для той переписки и досмотру“ посылалъ дворянина Егора Кушелева [1]). Въ Устюжку и Устюжскій уѣздъ для переписи былъ посланъ Юрій Шишкинъ [2]).

Перепищикамъ, согласно установившейся практикѣ, давались „наказъ“ и „статьи“, съ разъясненіемъ, какъ производить перепись. Въ нихъ переписщикамъ было указано, чтобы они, взявъ предыдущія переписныя книги 1707 г. (въ 1710 г. эти города не переписывались) и руководясь свѣдѣніями тѣхъ книгъ, „переписали вновь посадскихъ людей и церковныхъ причетниковъ и ямщиковъ и всякихъ градскихъ людей и въ уѣздѣ дворцовыя и монастырскія вотчины и помѣщиковы села и деревни и дѣловыхъ людей и наемщиковъ [3]) и крестьянскіе и бобыльскіе и задворные дворы и во дворѣхъ людей поименно мужескъ и женскъ полъ, кто въ каковы лѣта; въ указѣ коменданту г. Бѣлоозера Владычкину къ этому прибавлено: „отъ самыхъ сущихъ младенцевъ и до престарѣлыхъ лѣтъ, переписать всѣхъ, не обходя ни единаго человѣка и въ книгахъ въ перечняхъ подписать имянно, сколько человѣкъ мужеска и женска полу людей отъ самыхъ сущихъ младенцевъ до 15 лѣтъ, а отъ 15 до 25, а отъ 25 до 60, а отъ 60 и до самыхъ престарѣлыхъ лѣтъ и росписать на 4 части порознь“.

Въ случаяхъ „убавки“ или „прибавки“, все то слѣдуетъ писать въ книгахъ имянно; а гдѣ явятся пустые дворы, сообщалось въ указѣ Владычкину, то необходимо разслѣдовать, когда и отчего запустѣли, кто владѣетъ землями тѣхъ пустыхъ дворовъ; пустые тѣ дворы въ книгахъ „написать особливо“.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ Коробьинъ поступилъ по наказу, въ которомъ ему было предоставлено право „послать для переписки, кого пристойно“, но съ тѣмъ, чтобы „за тѣми перепищиками свидѣтельствовать самому“; послѣдняго Коробьинъ не выполнилъ, ссылаясь на то, что онъ по указу адмиралтейской канцеляріи долженъ былъ вернуться на время по дѣламъ въ С.-Петербургъ.

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 1071—1073 (здѣсь же передается и наказъ о производствѣ переписи).

[3]) „Захребетниковъ“, сообщается въ другомъ указѣ коменданту Владычкину.

А въ монастыряхъ было велѣно взять у архимандритовъ, игуменовъ, строителей, у прикащиковъ и старостъ вѣдомости о томъ, „что у нихъ на лицо денежной казны и провіанта и скота и стоячаго и молоченаго и посѣяннаго какого хлѣба", и по тѣмъ вѣдомостямъ все пересмотрѣть и отдать имъ, властямъ, съ роспиской.

Перепись городовъ, приписанныхъ ко флоту, была закончена въ 1714 г., и книги были поданы въ адмиралтейскую канцелярію [1]).

Въ 1715 г. была назначена перепись мурзъ и татаръ, исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру, черемисы, мордвы и другихъ нехристіанскихъ народовъ, а также числившихся за ними дворовыхъ людей и крестьянъ.

Эта перепись стоитъ въ общей связи съ политикой по отношенію къ иновѣрцамъ, за которыми имѣлись вотчины и помѣстья. Въ 1713 году именнымъ указомъ 3-го ноября для „басурманъ магометанской вѣры" Азовской и Казанской губерній, которые владѣли вотчинами и помѣстьями съ населеніемъ православной вѣры, былъ назначенъ полугодичный срокъ, въ теченіе котораго басурмане должны были креститься, въ противномъ случаѣ черезъ полгода велѣно было ихъ вотчины и помѣстья отписать на Государя [2]).

Но этотъ указъ благопріятныхъ послѣдствій для православія не произвелъ; татары, напр., Казанской губерніи, по доношенію изъ той губерніи, по прошествіи положеннаго полугодичнаго срока, въ сказкахъ своихъ написали, что „они креститься въ православную вѣру не будутъ"; пришлось въ 1714 году прибѣгнуть къ отпискѣ имѣній [3]).

---

[1]) Свѣдѣнія объ этой переписи заимствованы изъ переписныхъ книгъ по городамъ Бѣлоозеру и Каргополю (*А. М. Ю., кн. пер. по Бѣлоозеру*, № 159, книга 1-ой ревизіи, на переплетѣ—ландратская, но ни то, ни другое указаніе невѣрно; по Каргополю, № 18.031, л. 1 и 2).

Кромѣ того переписныя книги по г. Устюжнѣ съ уѣздомъ сохранились въ *А. Мор. М. (дѣла адмир. канц.*, № 85 и 86; тамъ же свѣдѣнія о переписи въ другихъ городахъ, приписанныхъ ко флоту, Бѣлоозерѣ, Олонцѣ, Чарондѣ, № 65, л. 5; № 66, л. 83; № 97, л. 238, 367, 416—421).

[2]) Докл. и приг., III, кн. II, 1014.

[3]) Тамъ же, IV, кн. II, 867—868.

По переписнымъ книгамъ 1710 г. въ 5 уѣздахъ Казанской губ., какъ сообщается въ томъ же доношеніи изъ Казани, за 88 мурзами, за 22 татарами и 1 вдовой, всего за 109 человѣками, не пожелавшими креститься, въ 35 селахъ и деревняхъ числилось 261 дворъ крестьянъ, 4 двора солдатскихъ да 4 дворовыхъ человѣка.

Какъ видно, то были очень мелкіе владѣльцы. Въ сенатской выпискѣ, относящейся къ 1718 г., показано, что по указамъ у басурманъ отписано на Государя въ 7 городахъ (въ 5-ти Казанской губ., въ 2-хъ Азовской) дворовъ помѣщиковыхъ—17, крестьянскихъ 540, скотскихъ — 3, всего—560 (въ выпискѣ итогъ показанъ почему-то въ количествѣ 474 дв.), въ нихъ людей мужскаго и женскаго пола дворовыхъ 39, крестьянскихъ — 3748, скотниковъ — 8, всего 3795 человѣкъ [1]). Весьма возможно, что въ этой выпискѣ находится указаніе не на все число отписанныхъ дворовъ.

Послѣ отписки имѣній татары и мурзы Казанской губ. въ 1715 г. били челомъ Государю о возвратѣ имъ помѣстій, и въ своихъ челобитьяхъ писали: за некрещеніе по указу у нихъ описаны помѣстья и вотчины, а также „изъ дворовъ, въ которыхъ они жили, высылаютъ ихъ вонъ и жить имъ стало негдѣ“, „а въ домѣ у нихъ русскихъ дворовыхъ людей ни у кого нѣтъ и живутъ они отъ русскихъ особливо усадьбами“, и просили они Государя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ владѣть дворами ихъ, пашенными землями и всякимъ строеньемъ, мельницами, сѣнными покосами и угодьями во всѣхъ урочищахъ по прежнему.

На то послѣдовалъ государевъ указъ (12 іюля 1715 г.): у мурзъ и татаръ и другихъ магометанъ, которые креститься

---

[1]) Въ той же выпискѣ показано: изъ числа 560 дв. и 3795 чел. отписано: въ Касимовѣ 70 дв. и 531 чел. (крестьянскихъ 69 и 1 скотскій); въ Темниковѣ—232 дв. (10 помѣщиковыхъ, крестьянскихъ 222), въ нихъ 1234 чел. (дворовыхъ 2, крестьянъ 1232), въ томъ и другомъ городѣ 302 дв., людей 1765 чел. (*А. М. Ю.*, № 60, л. 426). Значитъ это число было отписано по Азовской губ. Складывая цыфры дворовъ по этимъ 2 городамъ съ цыфрами, приведенными выше по 5 городамъ (по Казани, Свіяжску, Симбирску, Пензѣ и Саранску съ уѣздами), въ итогѣ получимъ, какъ разъ цыфру, очень близкую къ общей цыфрѣ отписанныхъ дворовъ, какая получается по сенатской выпискѣ (302 + 261 = 563 дв., по сен. выпискѣ итогъ близокъ къ этому—560).

не похотятъ, крестьянъ русскихъ съ пашнею и со всѣми угодьями, чѣмъ тѣ крестьяне владѣли, отписать на В. Государя, а мурзамъ и татарамъ предоставить жить въ своихъ домахъ и владѣть землей, мельницами и угодьями, которыми они раньше сами владѣли; сверхъ того было велѣно составить книги объ отписныхъ земляхъ и крестьянахъ и представить о всемъ томъ въ канцелярію сената вѣдомость [1]).

Позднѣе, въ 1718 г. о томъ же ходатайствовали татары и мурзы Азовской губ., Касимовскаго и Темниковскаго уѣздовъ. Въ челобитной отъ ихъ имени сообщалось. Въ 1714 г. по указу деревнями владѣть имъ не велѣно, при чемъ отписанные крестьяне завладѣли даже тѣми пахотными землями, сѣнными покосами и угодьями, которыми прежде отписки владѣли они, мурзы и татары, и тѣмъ крестьяне „чинятъ имъ обиду и нынѣ тѣхъ земель и сѣнныхъ покосовъ владѣть имъ не даютъ"; челобитчики ссылались на указъ, данный казанскимъ татарамъ, и просили, чтобы имъ тоже позволено было владѣть тѣми землями, которыми они раньше на себя владѣли, а крестьянамъ оставить однѣ ихъ тяглыя земли.

Просьба была уважена, приговоромъ сената 25 іюня 1718 г. было велѣно къ азовскому губернатору послать указъ, въ которомъ прописать прежній именной указъ 12 іюля 1715 г. относительно казанскихъ татаръ [2]).

Въ виду неприсылки въ сенатъ вѣдомостей о количествѣ дворовъ и людей нехристіанскаго вѣроисповѣданія въ концѣ 1715 г. назначается новая перепись ихъ. Еще 26 окт. въ письмѣ на Воронежъ къ вице-губернатору Колычеву по поводу высылки татаръ на работы въ С.-Петербургъ Государь писалъ: „Тако-жъ пришлите къ намъ вѣдомость, выправясь подлинно, коликое число въ Воронежской губерніи есть служилыхъ татаръ и мурзъ некрещеныхъ" [3]). 29-го же ноября 1715 г. общій указъ о немедленной присылкѣ такихъ вѣдо-

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. II, 610—611; П. С. З., V, № 2920. Требуемой вѣдомости въ канцелярію сената представлено не было, какъ то сообщается въ сенатской выпискѣ 1718 г.

[2]) *А. М. Ю.*, № 60, л. 426 и сл.

[3]) Голиковъ, Дѣянія, VI, 354.

мостей и о переписке „для подлиннаго известія“ въ Казанской, Нижегородской и Азовской и другихъ губерніяхъ служащихъ и неслужащихъ татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы и прочихъ нехристіанскихъ народовъ какъ ихъ самихъ, такъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые за ними имеются, и для той переписи послать нарочныхъ добрыхъ и знатныхъ людей и произвести ту перепись „въ скорости“ [1]).

Въ Казанской губерніи, какъ доносилъ сенату губернаторъ П. Салтыковъ, о производстве новой „переписи такихъ служилыхъ мурзъ и татаръ, чувашъ, мордвы“ и крестьянскихъ дворовъ, числящихся за ними, и людей, кроме ясашниковъ, посланы указы къ ландратамъ и комендантамъ, а для переписи въ Казанскомъ уезде посланы „нарочные перепищики“, которымъ велено переписывать „съ ускорительствомъ, въ правду безъ утайки“.

Кроме того губернаторъ запрашивалъ сенатъ по следующему поводу, переписывать ли иноверцевъ—ясашниковъ, среди которыхъ были татары, чуваши, черемисы, мордва и вотяки, платившіе издавна всякія положенныя на нихъ по-

[1]) Докл. и приг., V, кн. II, 1090. Темъ же указомъ велено было губернскимъ властямъ немедленно же, по полученіи указа, прислать съ нарочными „ведомость дворовому числу и людямъ“ всехъ техъ народовъ, которыхъ следуетъ переписать вновь. Указы о томъ были посланы въ начале декабря, подтвердительный—въ 1716 г. апреля 10 и 11, второй подтвердительный о присылке техъ же ведомостей—мая 23. До 30 апр. 1716 г. оказалась въ присылке лишь одна ведомость изъ Казанской губ. (*А. М. Ю.*, № 155, л. 464 и сл.; № 515, л. 354).

Изъ подтвердительнаго указа 10 апр. 1716 года архангелогородскому вице-губернатору П. Е. Лодыженскому узнаемъ: первый указъ былъ посланъ въ ту губернію 30 ноября 1715 года, и „по тому Е. В. Г. указу что учинено, о томъ въ канцелярію сената изъ Архангелогородской губерніи апреля по 1 число не ответствовано“ (*Тамъ же*, № 83, л. 562).

Въ веденіи Казанской губ. (отъ 18 янв. 1716 г.), сообщалось, что тамъ всего по переписи 1715 г. „служилыхъ иноверцевъ“ 5679 дворовъ, въ нихъ людей 9060 человекъ муж. пола всякаго возраста, въ томъ числе въ Казани и въ уезде—1550 дв., людей—2191, въ Симбирскомъ—2209 дв., людей 3826, въ Свіяжскомъ—416 дв., людей—486, къ Саранскомъ—680 дв., людей—862, въ Пензенскомъ—896 дв., въ нихъ людей—1695 человекъ. Относительно же иноверцевъ Уфимскаго у. въ веденіи сообщалось, что о нихъ ведомости въ Казани нетъ, „понеже Уфимскаго уезда башкирцы и другіе иноверцы по посланнымъ указамъ чинятся противны, о чемъ и прежде сего въ канцелярію сената доношенія поданы“ (*А. М. Ю.*, № 102, л. 450—452).

дати, такъ какъ о ясашникахъ въ указѣ, присланныхъ въ Казань, упомянуто не было [1]).

Вѣроятнѣе всего, перепись народовъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія [2]) позднѣе соединилась съ ландратской переписью.

Въ 1715 году 30 сентября именномъ указомъ было велѣно, въ С.-Петербургской и Архангелогородской губерніяхъ около Бѣлаго или Мурманскаго моря по берегамъ и кругомъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго, а также въ мѣстностяхъ по р. Двинѣ до г. Холмогоръ на 15-верстномъ разстояніи „описать села и деревни и въ нихъ людей по именамъ мужеска полу и коликихъ лѣтъ“ и тѣ описныя книги прислать въ канцелярію сената въ скоромъ времени“ [3]).

Указы о томъ въ С.-Петербургскую и Архангелогородскую губерніи были посланы 7 окт., и вскорѣ же тамъ было приступлено къ переписи. О томъ, какъ происходила перепись въ Архангелогородской губ., имѣются извѣстія изъ доношенія вице-губернатора П. Лодыженскаго. По его словамъ, г. Холмогоры онъ поручилъ переписать бывшему провіантъ-мейстеру Алексѣю Мятлеву, Кольскій острогъ капитанамъ Никитѣ Рекунову да Ивану Еремѣеву, Пустоозерскій Острогъ капитану-жъ Басаргину, а въ Кевролѣ и на Мезени подполковнику Ивану Кокошкину.

Названные перепищики переписывали села, деревни не только сами, но они пользовались помощью другихъ лицъ. Такъ, оказывается, Рекуновъ и Еремѣевъ изъ Кольскаго острога посылали съ наказной памятью въ Кольскій уѣздъ для переписи посадскаго человѣка Семена Русака, который

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 102, *л.* 448.

[2]) Перепись татаръ, чувашъ, черемисовъ, мордвы и прочихъ нехристіанскихъ народовъ требовалось произвести не только въ Казанской, Нижегородской и Азовской, но „и въ другихъ губерніяхъ“, гдѣ они окажутся.

Отмѣчу сверхъ того перепись въ Рижской губерніи. О ней узнаемъ изъ доношенія кн. П. Голицына, который писалъ Государю (28 іюля 1715 г.): ген.-комисаръ Петръ Бестужевъ „прошдаго 714 и нынѣшняго 715 года Рижскій, Венденскій, Перновскій и Эзельскій уѣзды осмотрѣлъ и переписалъ, по которой его переписи къ интересу В. Ц. В-ва прибыло гаковъ немалое излишество“ (*Г. А., Каб. П.*, II, *л.* 23, *л.* 152).

[3]) П. С. З., V, № 2935; Докл. и приг., V, кн. II, 903.

переписалъ (въ январѣ 1716 г.) „лопскія вежи“, въ деревняхъ дворы и „рыболовныя избы“, всего насчиталъ населенія—92 человѣка муж. пола. Болѣе значительную помощь оказалъ сержантъ кольскаго полка Григорій Лоушкинъ, который былъ тоже посланъ „по наказу кап. Рекунова и Еремѣева“ переписывать въ томъ же Кольскомъ уѣздѣ „лопскіе погосты“, и занесъ въ табель русскихъ—511, лопарей—668, всего 1179 человѣкъ. Вѣроятно, и другіе переписщики пользовались подобной же помощью.

Нѣкоторые изъ посланныхъ въ томъ же 1716 г. окончили перепись. Такъ, Мятлевъ представилъ свои книги въ маѣ мѣсяцѣ; также вскорѣ были представлены книги Рекуновымъ и Еремѣевымъ. Но изъ Пустоозерскаго Острога и съ Мезени ни книгъ, ни даже извѣстій о томъ, есть ли около моря дворы и люди или ихъ нѣтъ, до конца 1717 г. въ губернскую канцелярію не присылалось, такъ что Лодыженскій принужденъ былъ „для тѣхъ книгъ“ послать туда нарочныхъ офицеровъ. Переписныя же книги о жителяхъ по Двинѣ и около Кольскаго острога были присланы въ канцелярію сената въ январѣ 1718 года [1]).

Изъ этихъ книгъ оказывается, что переписывали не только крестьянъ и дворовыхъ людей, половниковъ, но и кречетныхъ помытчиковъ, рыбныхъ ловцовъ, въ монастыряхъ „служебниковъ, трудниковъ и работныхъ изъ найму“, людей, живущихъ „на подворьяхъ у крестьянъ“, „мастеровыхъ при

---

[1]) „О переписи вблизи моря“ см. *А. М. Ю.*, № 78, *л.* 227—478. Тамъ же приведены итоги изъ переписныхъ книгъ, представленныхъ въ сенатъ при доношеніи П. Лодыженскаго. Итоги переписныхъ книгъ (л. 262—478) Мятлева, въ которыхъ переписанъ былъ Двинской уѣздъ „по Двинѣ отъ 15 верстъ и ближе и по обѣ стороны Мурманскаго или Бѣлого моря, которыя отъ моря въ 15 верстахъ села и деревни“, были слѣдующіе. „Всего 2302 двора, 206 избъ, а въ нихъ людей муж. пола 5408 человѣкъ; да въ монастыряхъ въ 26 дв., въ 5 избахъ служебниковъ и трудниковъ и работныхъ изъ найму—102 чел.; въ монастырѣ въ 9 дв. корелъ на наемныхъ земляхъ 24 чел., да крестьянъ въ 3 дв. половниковъ и работныхъ изъ найму 8 чел., да дворовъ (разныхъ лицъ) 30, людей въ нихъ 61 чел., да на подворьяхъ у крестьянъ 11 чел., да при корабельномъ строеніи мастеровыхъ людей 25 чел.

Всего по вышеписаннымъ книгамъ людей муж. пола—5647 чел. и кречетныхъ помытчиковъ 14 дв. да изба, въ нихъ людей 35 чел.“ (л. 476—477).

корабельномъ строеніи", словомъ, переписывали почти все наличное населеніе данной мѣстности.

Въ 1714 г. въ февралѣ мѣсяцѣ именнымъ указомъ было велѣно раскольниковъ какъ мущинъ, такъ и женщинъ всѣхъ переписать и положить на нихъ окладъ противъ настоящаго ихъ платежа вдвое; если же при переписи окажутся такіе люди, которые прежде никакихъ податей не платили, тѣхъ обложить посадскимъ или крестьянскимъ окладомъ въ зависимости отъ занятій, а на женщинъ, вдовъ и дѣвокъ наложить подати въ половину противъ мущинъ [1]).

Въ послѣдующее время указъ о переписи раскольниковъ не разъ подтверждался. Такъ въ указѣ 8 февр. 1716 г. о хожденіи на исповѣдь „повсягодно" относительно раскольниковъ было сказано, чтобы ихъ во всѣхъ губерніяхъ губернаторамъ „описать", кромѣ тѣхъ, которые живутъ близь рубежей, и положить въ окладъ вдвое, а вѣдомости о числѣ ихъ прислать въ канцелярію сената [2]). Въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ (18-го) изданъ былъ спеціальный указъ о переписи раскольниковъ, въ которомъ говорилось, что, „ежели паче чаянія раскольщики по се время еще у васъ не переписаны и податьми не обложены, то переписавъ, обложить всѣхъ податьми" какъ свѣтскихъ, такъ чернецовъ и черницъ, которые живутъ домами и обителями, „безъ всякаго отлагательства" [3]).

Повторяю, всѣ частныя переписи за указанное время, выходившія частью изъ мысли о необходимости повѣрки и повышенія количества дворовъ переписи 1710 года, частью изъ другихъ побужденій, связанныхъ съ административно-финансовыми цѣлями, не могли существенно измѣнить въ благопріятную сторону цыфры переписныхъ книгъ 1710 года. Благопріятный результатъ, по мысли правительства, сказавшейся въ изданіи указа 10 декабря 1715 года, можно было ждать лишь отъ новой общей переписи.

---

[1]) П. С. З., V, № 2996.
[2]) Тамъ же, № 2991; Докл. и приг., VI, кн. I, 129 и сл.
[3]) П. С. З., V, № 2996.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Очеркъ исторіи ландратской переписи.

Новая перепись по указу 1715 г. была поручена ландратамъ. Это обстоятельство, какъ то будетъ показано ниже, сыграло значительную роль въ судьбѣ самой переписи; а потому я остановлюсь на ландратахъ [1]), какъ мѣстной власти, и вкратцѣ очерчу сферу ихъ дѣятельности.

Учрежденіе ландратовъ, кругъ дѣлъ, имъ порученныхъ.

Мысль объ учрежденіи ландратовъ въ Россіи возникла у Петра послѣ знакомства его съ мѣстными властями Остзейскаго края. Вскорѣ же послѣ завоеванія Лифляндіи и Эстляндіи предпринимается рядъ мѣръ, въ результатѣ которыхъ ландраты вводятся повсюду.

Первое упоминаніе о ландратахъ встрѣчается въ 1712 году. По словамъ Петра Лихачева, допрошеннаго въ канцеляріи сената, когда онъ весной 1712 года пріѣхалъ изъ Москвы въ Кашинъ, въ уѣздѣ котораго находилась его деревня, то въ это время „по присланному указу изъ С.-Петербурга велѣно (было) кашинскимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ выбрать въ ландраты, кого они похотятъ, и по тому указу выбрали они его, Петра, и тотъ ихъ выборъ за руками посланъ въ С.-Петербургъ, а ему, Петру, отъ кашинскаго ко-

---

[1]) О ландратахъ см. слѣдующія книги: К. Кавелинъ, Основныя начала русскаго судоустройства (Сочиненія, ч. I, 229—230, М., 1859 г.); Неволинъ, Сочиненія, VI, 243; Ѳ. Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, М., 1859 г., 443—450; И. Андреевскій, О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, Спб., 1864, стр. 111; Градовскій, Высшая администрація и ген.-прокуроры, 76; Начала русскаго государственнаго права, III, ч. I, 88; Романовичъ-Славотинскій, Дворянство въ Россіи, Кіевъ, 1870 г., 403; П. Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе, 55—65; П. Милюковъ, Государ. хозяйство, 407—414; М. Богословскій, Областная реформа; Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ (Ж. М. Н. П., 1903, сентябрь, 72—144).

менданта Афонасья Олсуфьева сказанъ указъ, что ему, Петру, въ томъ городѣ быть неотлучно"[1])

Однако о ландратахъ вполнѣ опредѣленно говоритъ лишь указъ 24 апр. 1713 г. По этому указу ландраты должны быть учреждены при губернаторахъ, а также вице-губернаторахъ и оберъ-комендантахъ въ тѣхъ случаяхъ, если послѣдніе находятся въ особыхъ городахъ отдѣльно отъ губернатора. Ландратовъ при губернаторѣ предполагалась: въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; при вице-губернаторахъ же—„по три доли" (3/4), а при оберъ-комендантахъ—„вполы" противъ своихъ губернаторовъ. Обязанность ландратовъ—быть ближайшими помощниками губернаторовъ во всѣхъ дѣлахъ управленія и составлять при нихъ ландратскую коллегію съ правомъ рѣшающаго голоса. О компетенціи ландратовъ текстъ указа гласилъ слѣдующее: „Дѣла ихъ (ландратовъ) то, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать"[2]).

Тѣмъ же указомъ было повелѣно, чтобы кандидатовъ въ эту должность въ двойномъ количествѣ представили въ сенатъ губернаторы, а изъ нихъ, очевидно, назначилъ бы ландратовъ по своему усмотрѣнію сенатъ.

Для выполненія этого указа сенатъ 17 мая посылаетъ изъ С. Петербурга въ Москву (сенаторамъ, оставшимся здѣсь) письмо съ такимъ порученіемъ: „Ваша милость извольте приказать въ губерніи, опричь С.-Петербургской, послать указы съ нарочными", чтобы тѣ могли „изъ губерній взять вѣдѣ-

---

[1]) Докл. и приг., II, кн. II, 255. Къ сожалѣнію, это единичное указаніе, но и оно даетъ право заключить, что должность ландрата вводится раньше всего въ С.-Петербургской губерніи, замѣщается она по выбору изъ мѣстныхъ дворянъ, какъ было и въ остзейскихъ провинціяхъ. Въ такомъ случаѣ послѣдующіе указы объ учрежденіи ландратовъ по всѣмъ губерніямъ, о выборѣ ихъ дворянами представляютъ собой дальнѣйшее распространеніе образца, введеннаго въ С.-Петербургской губерніи, которая и въ этомъ случаѣ, какъ и при началѣ губерній, идетъ впереди другихъ.

[2]) П. С. З., V, № 2672.

ніе, въ которыхъ городѣхъ оберъ-коменданты и что въ какую губернію ландратовъ и ландрихтеровъ надобно, и какъ оныя вѣдомости получены будутъ, извольте къ намъ прислать немедленно"[1]).

Въ Москвѣ, прежде посылки нарочныхъ, пытались было получить нужныя свѣдѣнія отъ ближайшихъ канцелярій. Такъ по крайней мѣрѣ уже 29 мая въ канцелярію Сибирской губерніи былъ посланъ запросъ, требуемыя вѣдомости „на Москвѣ безъ губернатора учинить мочно-ль и къ которому числу, а ежели нарочнаго послать, въ коликое время однимъ проѣздомъ возвратиться можетъ". Отвѣтъ былъ неутѣшительный: канцелярія требуемыхъ свѣдѣній доставить не могла, о пути же сообщала, что онъ требуетъ около 4-хъ недѣль[2]).

Потерпѣвъ неудачу въ немедленномъ полученіи вѣдомостей, сенатъ рѣшилъ отправить нарочныхъ по губерніямъ. Въ Сибирскую губ., напр., былъ отправленъ нарочнымъ сенатскій подьячій Евсей Говорковъ съ наказомъ „говорить губернатору непрестанно", чтобы тотъ „велѣлъ изготовить (требуемыя вѣдомости) какъ наискорѣе, а именно въ мѣсяцъ съ пріѣзду его"[3]). Съ подобной же цѣлью были посланы нарочные и по другимъ губерніямъ.

---

[1]) Письмо было получено на Москвѣ 25 мая (*А. М. Ю.*, № 155, л. 170).

[2]) Чтобы судить о томъ, какія свѣдѣнія требовались сенату, привожу полностью документъ, къ тому относящійся: „Сенату доношеніе изъ канцеляріи Сибирской губерніи (отъ 30 мая 1713 г.). Въ указѣ В. Государя отъ вашего сіятельства въ канцелярію Сибирской губ. сего мая 29 д. написано: противъ именного Е. Ц. В. указу, каковъ присланъ къ вашему сіятельству изъ С.-Пбурга, чтобъ взнесть вѣдѣніе, которое вѣдѣніе указано учинить къ сентябрю, о дачѣ жалованья, кому какое дается и почему и по какимъ указамъ и за что, также сколько въ Сибирскую губ. ландратовъ надобно, и въ которыхъ городѣхъ оберъ-коменданты, то вѣдѣніе на Москвѣ безъ губернатора учинить мочно-ль и къ которому числу, а ежели нарочнаго послать, коликое время однимъ проѣздомъ возвратиться можетъ.

И по тому В. Г. указу вышеписанныхъ вѣдомостей на Москвѣ въ канцеляріи Сибирской губ. учинить невозможно; а ежели къ губернатору ко кн. М. П. Гагарину ваше сіятельство для оныхъ вѣдомостей кого послать соизволите, и тому посланному къ вышеписанному числу съ проѣздомъ за дальнимъ разстояніемъ городовъ Сибирской губ., взявъ о вышеписанномъ вѣдомости, возвратиться возможно или невозможно, того невѣдомо, а посланные съ Москвы до Тобольска и отъ Тобольска до Москвы бываютъ въ пути недѣли по 4 и больше и меньше" (*А. М. Ю.*, № 155, л. 172—174).

[3]) Говорковъ былъ посланъ 9-го іюня; сенатъ, очевидно, разсчитывалъ, что при мѣсячномъ срокѣ онъ получитъ требуемыя вѣдомости изъ Сибири къ назначенному времени, сентябрю мѣсяцу.

Во второй половинѣ іюня сенатъ торопитъ губернаторовъ съ представленіемъ вѣдомостей и посылаетъ подтвердительный указъ, въ которомъ настаиваетъ, „дабы помянутыя вѣдомости изготовлены и отданы были“ нарочнымъ въ назначенный мѣсячный срокъ „безъ всякаго отлагательства“, и то учинено было „съ великимъ поспѣшеніемъ“ [1]).

Но и этотъ указъ скораго результата не имѣлъ. Прошелъ еще мѣсяцъ, а вѣдомостей изъ губерній не присылали. Къ 23 іюля только одна С.-Петербургская губернія въ присылкѣ вѣдомостей „исправилась“, изъ другихъ же губерній ни одна требуемыхъ свѣдѣній не прислала и нарочныхъ не отпустила, хотя тому минуло „больше полутора мѣсяца“. Тогда сенатъ приговоромъ 23 іюля постановляетъ: въ губерніи, кромѣ С.-Петербургской, „послать съ прежнихъ отпусковъ въ подтвержденіе третьи указы съ нарочными, чтобъ губернаторы, по принятіи у оныхъ посланныхъ указовъ, помянутыя вѣ-

---

Любопытенъ наказъ нарочному Говоркову; привожу его здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями: „Ѣхать ему съ Москвы въ Сибирскую губ. къ губернатору кн. М. П. Гагарину для того. Въ нынѣшнемъ 713 г. апр. 24 д. (приводится указъ о ландратахъ)... И подьячему Е. Говоркову, пріѣхавъ въ Сибирскую губ., губернатору кн. М. П. Гагарину подать Е. В. Г. указъ, который съ нимъ посланъ и говорить ему, губернатору, непрестанно, чтобъ онъ по вышеписанному Е. В. Г. указу велѣлъ изготовить какъ наискорѣе, а именно съ пріѣзду его въ мѣсяцъ вѣдомости (1—о расходахъ на жалованье; 2—о числѣ и мѣстѣ оберъ-комендантовъ и о томъ, сколько нужно въ ту губернію ландратовъ и ландрихтеровъ).

А котораго мѣсяца и числа онъ, подьячій, въ Сибирскую губ. пріѣдетъ и губернатору кн. М. П. Гагарину В. Г. указъ подастъ, такожде съ какимъ скорымъ отправленіемъ тѣ вѣдомости станутъ готовиться, о томъ ему, подьячему, чрезъ всякую недѣлю писать чрезъ нарочныя почты и тѣ почтовыя подводы и посыльщиковъ требовать ему въ той губерніи отъ него, губернатора, и жить ему въ той губерніи до принятія вѣдомостей съ пріѣзду своего мѣсяцъ.

А буде тѣ вѣдомости въ тотъ срокъ въ мѣсяцъ ему не отдадутъ, то и не взявъ вѣдомостей, ѣхать ему къ Москвѣ и буде, за неотдачею оныхъ вѣдомостей, въ чемъ учинится остановка, и то взыщется на немъ, губернаторѣ.

А учиня о всемъ по сему наказу, ѣхать ему къ Москвѣ, а пріѣхавъ, явиться и взятыя изъ Сибирской губ. вѣдомости съ доѣздомъ своимъ подать въ канцелярію прав. сената. А буде онъ, подьячій, въ дорогѣ поѣдетъ медленно или вѣдомости у губернатора возьметъ не противъ указу и не съ подлинной очисткой и на указной срокъ въ канцеляріи прав. сената не явится, и за то взятъ на немъ будетъ штрафъ большой. Іюня въ 9 день 1713 г.“ (*А. М. Ю.*, № 155, л. 177—180).

[1]) Сенатскій приговоръ о томъ состоялся 19 іюня, а указъ сибирскому губернатору посылается уже 20 іюня 1713 г. (*Тамъ же*, л. 186 и сл.).

домости исправя, со всемъ отдали имъ конечно въ другой день, не отговариваясь ни чѣмъ“ [1]).

Не смотря на принятыя мѣры, до средины сентября требуемыхъ вѣдомостей изъ всѣхъ губерній прислано не было, списки кандидатовъ были представлены, кромѣ С.-Петербургской, еще изъ 4 губерній, а именно изъ Московской, Кіевской, Смоленской и Архангелогородской, при томъ Кіевской представлена вѣдомость съ 8-ю кандидатами въ ландраты, тогда какъ слѣдовало написать ихъ въ двойномъ количествѣ; а изъ прочихъ трехъ губерній отвѣчали: изъ Сибирской—не зная, въ какомъ именно числѣ представить кандидатовъ, скромно заявляли, „сколько надобно быть ландраторовъ, о томъ какъ соизволитъ Царское Величество“; казанскій губернаторъ съ пути сообщалъ, что „до прибытія его въ Казань ландраторовъ выбрать невозможно“; въ Азовской же губернатора Ѳедора Матвѣевича Апраксина не было, а ландрихтеръ Клокачевъ доносилъ сенату, что „ему безъ повелѣнія адмирала гр. Ѳ. М. Апраксина въ ландраторы выбирать не повелѣно“ [2]).

---

[1]) Однако указы послѣ этого разсылались съ нѣкоторымъ замедленіемъ: вѣроятно, въ канцеляріи сената поджидали возвращенія первыхъ нарочныхъ. Въ Сибирскую, напр., губ. нарочный драгунъ Иванъ Замятинъ былъ посланъ лишь 3 августа (*А. М. Ю.*, № 155, л. 183).

[2]) Въ Азовской губ. дѣло съ присылкой списковъ о числѣ ландратовъ и ландрихтеровъ обстояло такъ. Изъ канцеляріи сената на Воронежъ былъ посланъ 3-го іюня съ указомъ „для взятья вѣдомостей“ дьякъ Иванъ Климонтовъ, которому, по пріѣздѣ его на Воронежъ, изъ канцеляріи Воронежской провинціи дано было слѣдующее вѣдѣніе (отъ 15 іюля):

„Что въ Азовскую губернію ландратовъ и ландрихтеровъ надобно, о томъ по вышезначенному В. Г. указу (24 апр. 1713 г. о ландратахъ) вѣдѣнія надлежитъ тебѣ требовать у адмирала, генерала, кавалера и губернатора, тайн. сов. гр. Ѳедора Матвѣевича, понеже велѣно оное вѣдѣніе взять у него, губернатора, а ландрихтеру такого вѣдѣнія дать невозможно для того, сколько въ Азовскую губ. въ вышепомянутые чины ландраторовъ и ландрихтеровъ надобно, такого повелѣнія отъ него, адмирала... онъ, ландрихтеръ, не имѣетъ“.

Такъ и уѣхалъ Климонтовъ, не получивъ требуемыхъ „вѣдомостей“. Тогда 29 авг., по приговору сената, былъ посланъ снова нарочный курьеръ Кириллъ Трескинъ съ указомъ, которымъ ландрихтеру Клокачеву, такъ же какъ и Азовской губерніи губернатору Толстому, было велѣно, дабы они „вышеписанныя вѣдомости, не отговариваясь ни чѣмъ, прислали кончая въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а будетъ вы умедлите, сообщалось въ указѣ, и то взыщется на васъ“; вѣдомости обязаны были доставить они, „для того что адмиралъ — генералъ и кавалеръ нынѣ обрѣтается въ походѣ“.

Благодаря такимъ обстоятельствамъ сенатъ 25 сент. 1713 г. постановляетъ: изъ Кіевской губ. затребовать новый дополнительный списокъ кандидатовъ, чтобы такимъ путемъ получилось „двойное число ландраторовъ“, а въ Казанскую, Сибирскую и Азовскую послать указы, чтобы тамъ были „выбраны въ ландраторы“ „изъ наличныхъ царедворцовъ, какіе у нихъ есть, не описываясь ни чѣмъ, безъ всякаго отлагательства“ [1]).

До конца 1713 г. списки кандидатовъ не были собраны въ сенатѣ. Списки Московской губ. измѣнялись и дополнялись до конца ноября того же года. А изъ Азовской губ. они въ 1713 г. не были присланы вовсе. Лишь 12 ноября гр. Апраксинъ писалъ ландрихтеру Клокачеву: „Въ ландраты выбрать изъ дворянъ добрыхъ Ряжскаго и Шацкаго уѣздовъ, напримѣръ, Москотиньевъ, Масаловы, Бунины и другіе имъ подобные, противъ указу сполна, а именно надлежитъ быть 8, а выбрать 16“ [2]). Самый же списокъ кандидатовъ не раньше второй половины января слѣдующаго года могъ быть представленъ въ сенатъ [3]), такъ что пред-

---

Однако и послѣ этого указа, Клокачевъ чувствовалъ себя безпомощно. 6-го сентября, получивъ указъ, онъ писалъ Апраксину: „Въ Азовской губ. ландраторамъ и ландрихтерамъ сколькимъ человѣкамъ и кому быть повелишь, о томъ ожидаю вашего высокографскаго указу, а безъ повелѣнія вашего такого вѣдѣнья мнѣ дать невозможно. А ежели чрезъ ваше высокографское милостивое предстательство прав. сенатъ въ выборѣ ландраторовъ и ландрихтеровъ до присылки ко мнѣ вашего указу сроку не дадутъ, а вашего указу скоро не получу, то конечно штрафованъ буду“ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 60 л. 138, 139, 152, 175, 182).

[1]) Тѣмъ же приговоромъ было постановлено въ Московской губ. нѣкоторыхъ кандидатовъ, опредѣленныхъ къ другимъ дѣламъ, замѣнить новыми (Докл. и приг., III, кн. II, 788). Это распоряженіе сената выполняется губернаторомъ позднѣе, когда онъ представилъ 12 новыхъ кандидатовъ въ ландраты (Тамъ же, приговоръ 26 ноября, стр. 1161).

[2]) Изъ „Книги записной всякимъ письмамъ за 1713 г.“ (*А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 251, л. 210).

[3]) На вѣдомости съ именами кандидатовъ имѣется помѣта: „Отдана ландрихтеру Клокачеву генв. въ 20 д. 1714“. Утверждена она, очевидно, гр. Апраксинымъ, такъ какъ въ ней послѣ именъ опредѣленныхъ „въ ландраторы“ и „въ комменданты“ приписано: „А въ прочихъ городахъ быть комендантамъ по прежней моей росписке и безъ письма отъ меня не перемѣнять“ (*Тамъ же*, № 89, л. 120).

По этой вѣдомости „въ ландраторы“ были представлены слѣдующіе 16 человѣкъ: Лукьянъ Остафьевъ Сытинъ, Яковъ Никитинъ Остафьевъ, Иванъ Ивановъ Беклемишевъ, Иванъ Антоновъ Домогацкой, Ефимъ Константиновъ Бломбергъ, Корнилъ Тимофеевъ Вышеславцевъ, Матвѣй Лукъяновъ Ермоловъ, Яковъ Гри-

ставленіе кандидатовъ изъ губерній на столько затянулось, что лишь въ 1714 г. открылась возможность назначенія ландратовъ по губерніямъ.

Въ послѣдней посылкѣ въ Сибирскую губ. нарочнаго особой нужды не было, такъ какъ изъ нея вѣдомости посланы были задолго до прибытія второго курьера [1]).

Этому, казалось, могъ помѣшать новый царскій указъ отъ 20 янв. 1714 г., по 4-му пункту котораго требовалось: „ландратовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворяны за ихъ руками“ [2]). Новымъ указомъ ландратству была придана новая важная черта—выборность этой должности. Однако эта мѣра фактически не была осуществлена, ландраты были назначены сенатомъ, какъ и раньше предполагалось, изъ числа кандидатовъ, представленныхъ губернаторами, такъ что ландратская должность de jure выборная, обратились de facto въ должность по назначенію [3]).

Также подвергся нѣкоторому измѣненію и указъ 24 апр. 1713 г. въ той части, гдѣ говорилось о количествѣ ландра-

горьевъ Спѣсивцевъ, Семенъ Никитинъ Языковъ, Михайла Ивановъ Сербинъ, Козьма Леонтьевъ Бунинъ, Захарій Алексѣевъ Пещуровъ, кн. Михайла Васильевъ Кропоткинъ, Алексѣй Ивановъ Еропкинъ, Иванъ Большой Семеновъ Беклемишевъ, Григорій Михайловъ Наумовъ.

[1]) Нарочный съ третьимъ подтвердительнымъ указомъ, посланный изъ Москвы 3 авг., прибылъ въ Тобольскъ 1-го сент., но еще 7 авг. отсюда былъ отправленъ съ вѣдомостьми первый нарочный—подьячій Говорковъ (изъ доношенія М. Гагарина отъ 4 сент., полученнаго въ С.-Петербургѣ 20 окт., *А. М. Ю.*, № 155, л. 193). Характерно: скачетъ курьеръ чуть ли не мѣсяцъ и напрасно, требуемыя вѣдомости провезены мимо него встрѣчнымъ курьеромъ.

[2]) П. С. З., V, № 2762.

[3]) Всѣ изслѣдователи, начиная съ Мрочекъ-Дроздовскаго, обратили особенное вниманіе на указъ 20 янв. 1714 г. и стали говорить о ландратахъ, какъ выборныхъ представителяхъ мѣстнаго дворянства. И хотя изъ отдѣльныхъ фактовъ знали, что ландраты „нерѣдко назначались сенатомъ“, все же въ основѣ ихъ считали представителями мѣстнаго общества. Однако еще въ Докл. и приг. за 1714 г. (IV, кн. I, 45), изданныхъ въ 1888 г., была напечатана приписка къ „пунктамъ“ Ц. В-ва отъ 20 янв., разъяснявшая вопросъ о выборности ландратовъ; здѣсь относительно 4-го пункта указа, повелѣвающаго „ландраторовъ выбирать... дворяны“, сдѣлана отмѣтка: „указовъ о томъ не послано, а выбраны по разсмотрѣнію сенатскому по присланнымъ изъ губерній росписямъ“.

А позднѣе М. М. Богословскій въ своей статьѣ доказалъ, что „ландраты никогда не были выборною должностью“ (Ж. М. Н. П., 1903, сент., 7—8). Но такова сила традиціи, что и теперь еще въ новѣйшихъ изданіяхъ общихъ курсовъ продолжаютъ повторять, что „ландратскія коллегіи“ были „особыми выборными органами“ (Латкинъ В. Н., Учебникъ исторіи рус. права, Спб., 1909 г., стр. 367).

товъ: вмѣсто 12, 10 и 8, было назначено: въ Московскую губ.—13 человѣкъ, въ Архангелогородскую и Сибирскую по 10, въ Нижегородскую 9, въ Кіевскую, Рижскую и Казанскую по 8 [1]).

Кто же былъ назначенъ въ ландраты, люди новые, случайно взятые изъ дворянской среды или прежніе дѣльцы, привычные къ дѣламъ управленія? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣчаютъ послужные списки лицъ, впервые назначенныхъ въ ландраты; прошлая карьера большинства ихъ извѣстна. Такъ, напр., ландратъ Московской губ. Данило Дохтуровъ „съ 709 по ноябрь мѣсяцъ 1714 г. былъ въ Можайску комендантомъ, а съ 715 г. въ той долѣ (Можайской) былъ ландратомъ“ [2]). Если взять списокъ московскихъ ландратовъ, то окажется, что почти всѣ назначенные въ ландраты уже служили раньше въ Московской губ., „были присланы къ дѣламъ“ въ 1709—12 г.г. и даже раньше, до своего назначенія находились при какихъ-либо дѣлахъ той губерніи.

Азовскій губернаторъ приказываетъ ландрихтеру въ ландраты писать „изъ дворянъ добрыхъ“. Одиночно указаніе изъ Смоленской губерніи, по сообщенію вице-губернатора которой В. Ржевскаго (отъ 2 мая 1714 г.), „прежніе губернаторы въ росписяхъ, каковы о ландратахъ посланы въ канцелярію прав. сената, изъ царедворцевъ многихъ лучшихъ людей изъ первыхъ статей не писали“, какъ напр., Максима Цызырева, Никиту Арсеньева и прочихъ [3]). Всеже о большинствѣ лицъ, назначенныхъ ландратами, извѣстно, что они уже проходили административную карьеру и были привычными дѣльцами въ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Въ первый годъ существованія ландратовъ эта должность носила особый характеръ, существенно отличающійся отъ характера ея въ послѣдующее время. По указу 24 апр. 1713 г. компетенція ландратовъ была опредѣлена такъ: они должны „всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать“.

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 45, 100, 101, 145 и 146. Богословскій, Изслѣдованія (Ж. М. Н. П., 1903, сент., 80).

[2]) *А. М. Ю.*, № 125, л. 210.

[3]) *Тамъ же*, № 35, л. 104 и сл.

Значитъ ландраты должны были составить коллегію около губернатора и рѣшать съ нимъ всѣ дѣла.

Объ отношеніяхъ губернатора къ ландратскому совѣту въ первоначальномъ указѣ о ландратахъ было сказано кратко: „губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ", имѣющій лишь два голоса въ совѣтѣ. О порядкахъ въ губернскомъ совѣтѣ было опредѣлено: „сидѣть (ландратамъ) съ губернаторами по разрядному списку, кто какъ написанъ въ чинахъ, а смоленской шляхтѣ и казанцамъ по спискамъ же тѣхъ городовъ" [1]). Порядокъ рѣшенія дѣлъ вскорѣ же опредѣленъ былъ указомъ 4 апр. 1714 г. (объ учиненіи всѣмъ дѣламъ протоколовъ: сначала слѣдуетъ секретарю или дьяку „предложенное дѣло честь", потомъ „спрашивать снизу по одному и записывать всякаго мнѣніе", которое каждый долженъ закрѣпить своею рукою", послѣ чего „диспуты имѣть", голосовать и „куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить и подписывать всѣмъ общую сентенцію"; рѣшеніе большинства и приводится въ исполненіе; во избѣжаніе злоупотребленій секретарямъ и дьякамъ было строго запрещено, подъ страхомъ смертной казни, „никакихъ указовъ о рѣшеніи дѣлъ не крѣпить однимъ по приказу своихъ принципаловъ, какъ прежде бывало, но крѣпить послѣ всѣхъ тому, кто челъ дѣло" [2]).

Такое значительное вліяніе на дѣла ландраты получали потому, что по закону имъ полагалось „быть съ губернаторами въ товарищахъ", даже, по приговору 23 февр. 1714 г., велѣно было и „писаться имъ товарищами, а не ландратами" [3]). Съ этого времени довольно часто бывало, что сенатъ, посылавшій раньше указы въ губерніи обычно на имя одного губернатора, во вновь посылаемыхъ указахъ сталъ прибѣгать къ такой формѣ: губернатору или вице-губернатору та-

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 45, 145; ср. 245 (о московскихъ ландратахъ).

[2]) П. С. З., V, № 2791; Докл. и приг., IV, кн. I, 285.

[3]) Докл. и приг., IV, кн. I, 145. М. М. Богословскій объ этихъ словахъ говоритъ, что они „возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе", такъ какъ назначенные по приговору 23 февр. ландраты „все время на практикѣ носили названіе ландратовъ, а не товарищей" (Ж. М. Н. П., 1903, сент., 80—81); это указаніе М. М. Богословскаго не совсѣмъ точно, ландраты назывались и товарищами.

кому-то „съ товарищи“ [1]). Такъ, напр., по поводу доношенія лебедянца Гаврила Боева о взяткахъ коменданта и подьячихъ сенатъ 5 мая 1714 г. постановилъ: о всемъ розыскать и указъ учинить въ Азовской губерніи губернатору Ѳ. М. Апраксину „съ товарищи“. Въ Нижегородскую губернію, въ которой всѣ дѣла послѣ смерти губернатора были поручены совѣту ландратовъ во главѣ съ кн. Путятинымъ, указы обычно посылались на имя кн. Путятина „съ товарищи“. Но живучъ былъ и прежній порядокъ, по которому указы посылались губернатору или вице-губернатору. Иногда, впрочемъ, въ одномъ документѣ смѣшивался и тотъ и другой порядокъ. Такъ по приговору 2 сент. 1714 г. велѣно было о разборѣ дѣла галицкаго помѣщика „послать указъ въ Архангелогородскую губ. къ вице-губернатору“; помѣта же гласитъ, что указъ былъ посланъ вице-губернатору П. Е. Лодыженскому „съ товарищи“ [2]).

Такимъ образомъ, совѣтъ ландратовъ устранялъ единоличную власть губернатора, превратившагося лишь въ предсѣдателя совѣта, становился во главѣ всего губернскаго управленія и руководилъ мѣстной администраціей, которая становилась къ нему въ подчиненное положеніе [3]).

Таково было положеніе ландратскаго совѣта по закону, но дѣйствительность была далека отъ этого. Ландратскіе совѣты образовывались медленно и находились въ значительной мѣрѣ подъ непосредственной властью начальниковъ губерній.

Въ Смоленской губерніи совѣтъ до мая мѣсяца не могъ открыться въ полномъ составѣ, такъ какъ изъ 8 человѣкъ

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 371. Неоднократно послѣ приговоровъ слѣдуютъ помѣты: указъ посланъ (такому-то) губернатору „съ товарищи“ (IV, кн. I, 200, 206, 228, 246, 306, 319, 351, 383 и др.). П. С. З., V, № 3041, 3043.

[2]) Тамъ же, IV, кн. II, 801.

[3]) По указу 26 февр. 1714 г. велѣно было неисправнымъ комендантамъ „чинить наказаніе или штрафовать“ ихъ губернаторамъ „обще съ ландратами, смотря по винамъ, кто чего будетъ достоинъ“ (П. С. З., V, № 2776; Докл. и приг., IV, кн. I, 157). По приговору 19 марта о неуказномъ сборѣ ландрихтера Сытина велѣно розыскать „губернатору (московскому) обще съ вице-губернаторомъ и съ товарищи“, „о комендантскихъ взяткахъ Михайловскаго, Епифанскаго противъ доношеній розыскать“ и „указъ учинить по Е. В. Г. указамъ съ общаго-жъ совѣта всѣхъ“ (IV, кн. I, 245).

только 4 ландрата оказались на мѣстѣ, остальные же четверо въ губернскій городъ не пріѣзжали: двое изъ нихъ находились въ другихъ губерніяхъ, одинъ въ Кіевской, другой въ Московской, третій боленъ, а о четвертомъ, смоленскомъ шляхтичѣ Яковѣ Станиславовѣ Денисевичѣ вице-губернаторъ В. Ржевскій сообщалъ: „такого именемъ въ Рижской губ. нѣтъ“ [1]).

Въ Нижегородской губ., напр., ландратскій совѣтъ образовался только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, да и то въ неполномъ составѣ. Въ Архангелогородской губ. ландраты были въ разъѣздахъ, свидѣтельствовали пустоту и переписывали прибылые дворы. Къ этому нужно еще прибавить, что губернаторы сразу не могли перейти на ту скромную позицію предсѣдателей совѣта, которую имъ отводилъ законъ 1713 г. Они по прежнему распоряжаются въ губерніи всѣми дѣлами и на ландратовъ смотрятъ, какъ на своихъ помощниковъ, которыми они могутъ руководить по своему усмотрѣнію; при чемъ такое поведеніе губернаторовъ частью оправдывалось и отношеніемъ къ нимъ центральнаго правительства, которое губернаторовъ считало главными начальниками губерніи, отвѣтственность за исправность сборовъ возлагала прежде всего на губернаторовъ и даже требовало, чтобы изъ губерній доношенія „о всякихъ дѣлахъ“ присылались въ канцелярію сената „губернаторами, за своими руками“ [2]).

Не смотря на неудачное начало дѣятельности ландратской коллегіи, все же ландраты, какъ видно по отрывочнымъ свѣдѣніямъ о нихъ, и вмѣстѣ и по отдѣльности принимаютъ замѣтное участіе въ разнородныхъ дѣлахъ губернскаго правленія. Такъ ландраты Архангелогородской губ. принимаютъ участіе въ поставкѣ провіанта на армію, въ сборѣ денегъ за провіантъ [3]);

---

[1]) Въ отвѣтъ на доношеніе Ржевскаго отъ 2-го мая 1714 года, при которомъ были присланы за своеручной подписью „присяги“ оказавшихся на лицо ландратовъ, сенатъ іюня 28-го постановилъ: больного осмотрѣть губернатору, а которые въ другихъ губерніяхъ, о высылкѣ ихъ къ мѣсту назначенія послать въ тѣ губерніи указы (*А. М. Ю.*, № 35, л. 104—106).

[2]) Докл. и приг., IV, кн. II, 992 (приговоръ 18 окт. 1714 г.). Въ доношеніи 3 мая смоленскій вице-губернаторъ В. Ржевскій писалъ сенату: „Велѣлъ я имъ, ландратамъ, отправить дьяка въ С.-Петербургъ“ (Тамъ же, 663).

[3]) Тамъ же, V, кн. II, 1020—1023; ср. VI, кн. I, 44.

ландраты Московской губ. вмѣстѣ съ губернаторомъ дѣлаютъ распоряженія относительно сбора десятой деньги и другихъ налоговъ [1]); смоленскіе ландраты наряжаютъ на о. Котлинъ дьяка А. Билибина съ деньгами на строеніе и на кормъ работнымъ людямъ [2]); вице-губернаторъ архангелогородскій Лодыженскій „съ ландратами дали“ (27 іюля 1714 г.) Ивану Слободскому „должность комисара и отправили на Котлинъ для постройки домовъ“ [3]); нижегородскіе ландраты „приговариваютъ“ „искъ доправить“ на отвѣтчикѣ [4]); ландраты высылаютъ въ С.-Петербургъ ямщиковъ, кузнецовъ, привозятъ вѣдомости, принимаютъ участіе въ распредѣленіи сборовъ въ губерніяхъ, въ перепискѣ и освидѣтельствованіи количества дворовъ, словомъ, подъ руководствомъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, занимаются самыми разнообразными дѣлами губернскаго управленія.

Совсѣмъ исключительную роль игралъ ландратскій совѣтъ въ Нижегородской губ., гдѣ губернаторъ Измайловъ вскорѣ по назначеніи умеръ (прибылъ въ ту губернію 25 марта 1714 г., а 31 мая скончался), а всѣ дѣла той губерніи повелѣно было отправлять вновь назначенному ландрату кн. Путятину „съ прежними ландраторы обще“ [5]). Съ этого времени всѣ указы изъ сената посылались на имя нижегородскихъ ландратовъ и отъ нихъ требовались отвѣты по всѣмъ дѣламъ той губерніи. Самъ сенатъ поддерживалъ достоинство нижегородскаго ландратскаго совѣта и когда комиссаръ той губерніи Соловцовъ прислалъ доношеніе прямо въ сенатъ, то сенатъ приговоромъ 15 сент. постановилъ: „для чего онъ (комисаръ) пишетъ мимо ландратовъ, послать къ нему В. Г.

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 146.

[2]) Тамъ же, IV, кн. II, 663; ср. 904 и сл.

[3]) Докл. и приг., VI, кн. I, 44.

[4]) Тамъ же, V, кн. I, 88,149. Ср. слѣдующій фактъ: прикащиковъ, присланныхъ отъ комисара Вараксина, въ Нижнемъ задержалъ ландрихтеръ; сенатъ въ приговорѣ 24 авг. приказываетъ: „прикащиковъ, которые задержаны въ Нижнемъ ландрихтеромъ и ландраторами для розыска въ смертномъ убійствѣ, велѣть для отдачи соли послать“ (IV, кн. II, 773); сенатъ предполагаетъ, что ландраты должны принимать участіе въ задержаніи и розыскѣ, хотя ихъ въ это время въ Нижнемъ еще не было (ср. IV, кн. II, 971).

[5]) Тамъ же, IV, кн. I, 530; ср. кн. II, 971 и сл.

указъ съ осудомъ и дабы онъ о томъ о всемъ прислалъ доношеніе за рукою" [1]).

Ландраты должны были составить совѣтъ при губернаторѣ, въ центрѣ губернскаго управленія. Но провинція тоже постоянно нуждалась въ администраторахъ, которые были бы на мѣстахъ, стояли близко къ населенію провинціи. Являлся вопросъ, можно ли вновь опредѣленныхъ чиновниковъ посылать изъ губернскаго города по провинціямъ и уѣздамъ. Уже въ началѣ 1714 г., раньше, чѣмъ состоялось назначеніе ландратовъ по губерніямъ, московскій губернаторъ А. Салтыковъ доношеніемъ въ канцелярію сената запрашивалъ: „Ландратовъ для самыхъ нужныхъ дѣлъ и для осмотрѣнія пустоты въ провинціи посылать ли"; на что сенатъ приговоромъ 4 февр. отвѣчалъ: ландратовъ посылать въ провинціи можно, но, только „по самой приличившейся нуждѣ" для отправленія „нужнѣйшихъ дѣлъ" и „на время," командируя ихъ „съ общаго совѣта, подписавшись руками" [2]).

Само правительство заставляетъ ландратовъ покидать губернскій городъ для выполненія порученій, возлагаемыхъ на нихъ. Такъ по именному указу 6 мая 1714 г., данному архангелогородскому вице-губернатору Лодыженскому, было приказано: „пустыя мѣста" той губерніи, сколько возможно, осмотрѣть ему, вице-губернатору, „а въ достальныя мѣста послать ландратовъ, ландрихтеровъ и прочихъ" [3]). Подобный же указъ о перепискѣ и освидѣтельствованіи дворовъ ландратамъ полученъ былъ (авг. 21) и въ Нижегородской губ. [4]). Приговоромъ сената 5 мая 1714 г. было повелѣно: „на Тульскіе заводы для обученія оружейнаго дѣла недосланныхъ изъ кузнецовъ молодыхъ ребятъ изъ губерній выслать съ ландраты немедленно" [5]).

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. II, 840. Приговоры, относящіеся къ дѣятельности нижегородскихъ ландратовъ, см. IV, кн. II, 627, 672, 677, 688, 711, 768, 806, 877, 880, 899, 950, 967, 969, 1005, 1051, 1143, 1160, 1195, 1217, 1238, 1245; V, кн. I, 40, 50, 149, 150, 152, 488.

[2]) Докл. и приг., IV, кн. I, 91, 92.

[3]) П. С. З., V, № 2807.

[4]) Докл. и приг., IV, кн. II, 979.

[5]) Тамъ же, VI, кн. I, 582.

По приговору 26 іюня того же года должно было въ губерніяхъ для поселенія въ С.-Петербургѣ „выбрать ямщиковъ“, „лучшихъ, семьянистыхъ и лошадныхъ людей, добрыхъ и пожиточныхъ“, „и для того выбора въ городы ѣхать ландратомъ и ландрихтеромъ самимъ“ [1]).

Точно также и мѣстныя власти командируютъ ландратовъ въ разныя мѣста. Такъ смоленскій ландратъ Григорій Грибоѣдовъ „былъ наряженъ съ вѣдомостьми“ (о приходѣ и расходѣ денежномъ и о разныхъ сборахъ по Смоленской губ.) въ С.-Петербургъ для представленія ихъ въ канцелярію сената [2]). Ландратъ Азовской губ. Сытинъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, гдѣ принималъ каменщиковъ и арестантовъ, присланныхъ изъ той губерніи для работъ на островѣ Котлинѣ [3]). Рижскій губернаторъ (22 ноября 1714 г.) запрашивалъ сенатъ: „А по именному указу вмѣсто ландрихтера съ доношеніемъ и деньгами изъ ландраторовъ кого или оберъ-коменданту повелите быть“, полагая, очевидно, что ландратовъ можно посылать всюду по казеннымъ надобностямъ [4]).

Временная командировка по „нужнѣйшимъ дѣламъ“ была недостаточна: практика показывала, что, для отправленія многообразныхъ дѣлъ въ уѣздѣ, на мѣстахъ необходимы администраторы, имѣющіе здѣсь постоянное жительство. Надо полагать, что командировки удлинялись, ландраты оставались въ провинціяхъ и уѣздахъ или же принуждены были постоянно разъѣзжать отъ одного мѣста до другого. Такъ архангелогородскіе и нижегородскіе ландраты въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заняты были осмотромъ пустоты и переписью наличнаго количества дворовъ въ ихъ губерніяхъ.

---

[1]) Докл. и приг., IV, кн. I, 570; кн. II, 956; указъ 2 іюля о томъ же—П. С. З., V, № 2833; по этому указу въ Архангелогородской губ. „для выбора ямщиковъ“ „въ городы былъ посыланъ“ ландратъ Василій Племянниковъ (Тамъ же, V, кн. I, 577; VI, кн. I, 395).

[2]) Впрочемъ, Грибоѣдовъ въ С.-Петербургъ „не поѣхалъ, учинился не послушенъ“ (доношеніе вице-губернатора В. Ржевскаго іюня 1714 г.—Докл. и приг., IV, кн. I, 588).

[3]) Тамъ же, IV, кн. II, 642.

[4]) Докл. и приг., IV, кн. II, 1232.

Кіевскій ландратъ Иванъ Кривцовъ не одинъ мѣсяцъ живетъ въ г. Бѣлевѣ, получаетъ изъ губернской канцеляріи указы и не одинъ разъ собираетъ „на совѣтъ“ посадскихъ людей [1]).

На спискѣ лицъ, назначенныхъ въ ландраты Азовской губ., сдѣлана помѣта: „на Валуйку Иванъ Беклемишевъ, Михайла Сербинъ“ [2]); видимо, эти ландраты прямо были отправлены на Валуйку для завѣдыванія какими-то таможними дѣлами.

Сознанная потребность въ необходимости усиленія мѣстной администраціи, привела къ тому, что въ 1715 году ландратской должности дается существенно новая организація и ландраты изъ членовъ губернскаго совѣта превращаются въ управителей опредѣленной мѣстности, именуемой „долей“.

Доля первоначально имѣла значеніе счетной единицы, въ которой числилось 5536 дворовъ. Она была создана въ 1710 г. при распредѣленіи полковъ на губерніи и имѣла значеніе при опредѣленіи сборовъ съ населенія. Доля прямого отношенія къ территоріи не имѣла.

Совершенно другое значеніе пріобрѣтаетъ доля въ 1715 г. Долей стала называться опредѣленная мѣстность, единица новаго областного дѣленія, въ которой „содержится дворовaго числа 5536 дв.“ по переписнымъ книгамъ 186 г. Впрочемъ это число не считалось безусловно обязательнымъ, губернаторамъ самимъ предоставлено было распредѣлить доли по количеству дворовъ, „по сколько будетъ удобнѣе, по разстоянію мѣста, больше или меньше, по разсужденію губернаторскому“ [3]). Такимъ образомъ, въ основу дѣленія былъ положенъ статистическій принципъ, повидимому, уничтожавшій прежнее, исторически сложившееся дѣленіе на уѣзды. Но на самомъ дѣлѣ новое административное дѣленіе фактически создалось на основѣ прежняго, нарушивъ его лишь поверхностно. Въ основу „долей“ былъ положенъ преж-

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. I, 97.

[2]) *А. Мор. М., дѣла гр. Апраксина*, № 89, л. 135.

[3]) П. С. З., указъ 28 янв. 1715 г., V, № 2879.

ній уѣздъ, который или 1) цѣликомъ превращался въ долю, или 2) раздѣлялся на нѣсколько долей, такъ что 2, 3 стана составляли одну долю, а другіе станы—вторую и даже иногда третью, или наконецъ 3) соединялся съ другимъ уѣздомъ или частью его, чтобы составить долю [1]).

Кромѣ того статистическій принципъ новаго дѣленія, предоставленный „разсужденію губернаторскому", при столкновеніи съ прежнимъ дѣленіемъ, подвергался значительному ограниченію, такъ что доля въ 5536 дв. была простой фикціей: только въ исключительныхъ случаяхъ, когда случайно въ прежнемъ уѣздѣ (напр., Казанскомъ) насчитывалось дворовъ приблизительно такое же число и уѣздъ этотъ былъ переименованъ въ долю, послѣдняя близка была къ нормальной долѣ въ 5536 дв. Обыкновенно же были колебанія въ ту и другую сторону, поднимаясь до 8.000 дв. и больше и спускаясь до 3.000 дв. Была еще вторая фикція, которая еще болѣе затрудняетъ опредѣлить дѣйствительное количество дворовъ въ долѣ.

Дѣленіе на доли основано было на переписныхъ книгахъ 186 г., итоги которыхъ къ 1715 году далеко не соотвѣтствовали наличному количеству дворовъ. Впрочемъ, весьма возможно, что губернаторы, распредѣляя губернію на доли, принимали во вниманіе дѣйствительное состояніе тѣхъ уѣздовъ, которые образовывали долю, и своими мѣрами сглаживали тѣ рѣзкія колебанія въ числѣ дворовъ, которые возможны были при двойной фиктивности, неизбѣжной при долевомъ дѣленіи.

Реформа 1715 г. состояла въ слѣдующемъ. Оберъ-коменданты и коменданты были упразднены во всѣхъ городахъ, въ которыхъ не было гарнизоновъ, а вмѣсто нихъ были назначены ландраты, „по одному человѣку надъ каждой долей". Ландрату въ помощь опредѣлялся штатъ подчиненныхъ лицъ: камисаръ, какъ ближайшій помощникъ и замѣститель, 4 подьячихъ и 12 человѣкъ конныхъ разсыльщиковъ.

Ландратъ поставленъ „для управленія всякихъ сборовъ

---

[1]) Примѣры разнаго способа образованія долей приведены у Богословскаго въ цитированной уже статьѣ (стр. 98).

и земскихъ дѣлъ"; онъ вѣдаетъ мѣстное населеніе, за исключеніемъ посадскихъ; но и посадскіе люди должны обращаться къ ландрату, если имъ придется бить челомъ въ своихъ искахъ на крестьянъ. Въ своей дѣятельности ландратъ пользуется значительной самостоятельностью: въ кругъ его дѣлъ и въ подвѣдомственную территорію не должны вмѣшиваться высшія губернскія власти; „губернаторамъ, читаемъ въ указѣ 28 янв. 1715 г., ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать". Исключеніе дѣлается только въ томъ случаѣ, „ежели кто изъ ландратовъ впадетъ въ какое погрѣшеніе или споръ какой въ земляхъ будетъ, и о томъ для розыску и межеванья посылать ландрихтеровъ". Хотя ландраты и находились подъ началомъ губернатора, все же послѣдній своею собственной властью отрѣшать ихъ отъ должности не могъ, въ случаѣ „какого погрѣшенія" со стороны ландратовъ, губернаторъ долженъ „судить тѣхъ ландратовъ", но не одинъ, а совмѣстно „съ вице-губернаторомъ и ландратами", чѣмъ исключалась возможность личнаго усмотрѣнія губернатора.

На ряду съ новшествами въ организаціи ландратской должности остались нѣкоторыя черты прежняго состоянія, при которомъ ландраты являлись совѣтомъ при губернаторѣ, а именно: при новомъ положеніи прежній совѣтъ какъ бы воскресалъ на время, одинъ разъ въ году. По указу 22 янв. требовалось, чтобы ландраты „при окончаніи года съѣзжались, со всѣми правленія своего вѣдомостьми, къ счету и для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ". Но кромѣ единовременнаго съѣзда всѣхъ ландратовъ при губернаторѣ оставался и постоянный совѣтъ ландратовъ, правда, въ очень уменьшенномъ числѣ; полагалось, чтобы „изъ ландратовъ всегда было при губернаторахъ по два человѣка съ перемѣною по мѣсяцу или по два мѣсяца" [1]). Всѣми этими мѣрами законодатель, видимо, предполагалъ усилить губернскую администрацію и придать ей коллегіальный характеръ.

Ландраты введены были повсюду, за исключеніемъ „горо-

---

[1]) П. С. З., V, № 2879.

довъ, которые прилегли къ украйннымъ мѣстамъ", гдѣ „изъ опасенія непріятельскихъ набѣговъ" оставлены были комендангы, которымъ было поручено „вѣдать и ландратское правленіе". Ландратамъ и ихъ штатнымъ служащимъ положено было опредѣленное денежное и хлѣбное жалованье, для уплаты котораго и на канцелярскіе расходы былъ наложенъ новый сборъ съ тяглыхъ людей въ размѣрѣ „гривны съ двора".

Такая организація дана была ландратскому управленію по указу 28 янв. 1715 г.; эта организація въ основѣ своей осталась такой же и въ послѣдующее время до самаго конца существованія ландратовъ.

Съ 1715 г. ландраты, сдѣлавшись начальниками долей, имѣютъ болѣе или менѣе постоянное мѣсто жительства [1])

---

[1]) Впрочемъ въ первое время ландраты, у которыхъ въ уѣздахъ своихъ дворовъ не было, оказались въ довольно печальномъ положеніи: казенныхъ помѣщеній для нихъ и ихъ канцелярій не было, имъ пришлось переѣзжать съ одного мѣста на другое, скитаться по обывательскимъ дворамъ, что вызвало большое неудовольствіе со стороны населенія.

Такъ вологжане въ 1715 году жаловались, что на Вологдѣ „при губернаторѣ ландратовъ, ландрихтеровъ, дьяковъ и подьячихъ довольное число", они занимаютъ ихъ тяглые дворы, а „сверхъ того пріѣзжаютъ офицеры и начальные люди" и ставятся у нихъ же, такъ что „тѣми постоями домы ихъ всѣ заняты и свободы никому тѣмъ нѣтъ и вмѣняются домы ихъ, яко-бы опальные, владѣніемъ ихъ они отчуждены" (Докл. и приг., V, кн. I, 552). Въ челобитьи (1715 г.) нижегородскихъ посадскихъ людей сообщалось: ландраты „нынѣ стоятъ на посадскихъ дворахъ, а къ нимъ, ландратамъ, пріѣзжаютъ ради своихъ дѣлъ изъ разныхъ городовъ родственники ихъ, а иные ландраты такихъ своихъ родственниковъ ставятъ на ихъ посадскіе дворы безъ отвода земскихъ бурмистровъ и старостъ сами собою", то же дѣлаютъ и подьячіе, отчего „чинятся имъ, посадскимъ людямъ, обида и разоренье немалое" (Докл. и приг., V, кн. I, 367).

Вообще, сенату стало извѣстно, что „въ губерніяхъ ландраты, которые опредѣлены въ доли, ѣздятъ по уѣздамъ и ставятся въ селѣхъ и деревняхъ на крестьянскихъ дворѣхъ и берутъ подводы, также себѣ и при нихъ будучимъ людемъ кормъ, а лошадямъ фуражъ, и живутъ въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ по недѣли и больше, отчего крестьянамъ чинится разореніе и убытки великіе", а потому сенатъ 1-го іюня 1716 г. опредѣлилъ, построить для пріѣзда ландратовъ дворы въ дворцовыхъ или монастырскихъ селахъ и собрать на то деньги (П. С. З., V, № 3025; Докл. и приг., VI, кн. I, 482).

Изъ сообщенія Московской губерніи въ сенатъ отъ 10 янв. 1717 года узнаемъ о судьбѣ этого указа; изъ Москвы писали „о строеніи въ доляхъ ландратамъ дворовъ": „По отвѣтствованіямъ ландратскимъ, монастырскаго вѣдомства въ селѣхъ и въ деревняхъ дворовъ строить не пустили, о чемъ изъ губерніи Московской въ канцелярію прав. сената послано доношеніе декабря 8-го 716 года" (*А. М. Ю.*, № 122, л. 865). Тѣмъ не менѣе извѣстно изъ ландратскихъ книгъ, что дворы для ландратовъ въ нѣкоторыхъ доляхъ были выстроены.

въ уѣздѣ и, будучи на мѣстахъ, отправляютъ дѣла, возложенныя на нихъ. Кругъ дѣятельности ихъ былъ очень обширенъ, сюда входили главнымъ образомъ дѣла: 1) финансовыя, 2) судебныя и 3) полицейскія.

1. Въ финансовомъ отношеніи ландрату принадлежитъ прежде всего завѣдываніе и храненіе всего казеннаго имущества. Ландраты имѣютъ отношеніе къ „отпуску табака" [1]), къ запасамъ „ржи государевой" [2]).

На ландратахъ лежала обязанность вѣдать всякіе сборы съ населенія, прямые и косвенные, за исключеніемъ кабацкихъ и таможенныхъ, которыми завѣдывала городская администрація. Отчетность по сборамъ всецѣло лежала на ландратахъ; по указу 16 декабря 1717 г. они обязаны были присылать вѣдомости о сборахъ помѣсячно. Взысканіе доимочныхъ денегъ, напр., полтинныхъ за конныхъ даточныхъ было возложено на нихъ же; словомъ, „всякіе денежные сборы", падавшіе на уѣздное населеніе, находились въ вѣдѣніи ландратовъ [3]).

---

[1]) Вице-губернаторъ архангелогородской Лодыженскій сообщалъ сенату о ландратахъ, что они, будучи на Вологдѣ, принимали мѣры къ тому, чтобы казенный табакъ, послѣ осмотра и освидѣтельствованія, былъ отправленъ въ С.-Петербургъ (Докл. и приг., V, кн. II, 829).

[2]) Въ Твери хранилась „рожь государева" подъ наблюденіемъ тверского ландрата кн. Якова Кольцова-Мосальскаго, которому, по приговору сената 29 ноября 1715 года, велѣно „рожь осмотрѣть и описать, а описавъ дать торгъ съ запискою", „а съ торгу за кѣмъ станетъ, о томъ въ канцелярію сената взнесть доношеніе" (Докл. и приг., V, кн. II, 1080).

[3]) О дѣятельности ландратовъ въ отправленіи разныхъ денежныхъ сборовъ см. указы: 27 іюля 1716 года о томъ, чтобы ландраты, „не исполня по табелю положенныхъ расходовъ", изъ собранныхъ денегъ жалованья себѣ не брали (П. С. З., V, № 3034); ср. указъ 3 апрѣля 1717 г. о взысканіи съ ландратовъ жалованья, взятаго ими (№ 3078); 20 ноября 1718 г. о сборѣ по рублю со двора на подрядъ провіанта, о взысканіи съ ландратовъ недосланныхъ доимочныхъ денегъ за прежній провіантъ (№ 3242); 26 ноября о сборѣ денегъ на продолженіе работъ на Ладожскомъ каналѣ (№ 3243; ср. № 3249); 16 декабря 1718 же года объ исправномъ взиманіи всякихъ сборовъ, не запуская въ доимку и о присылкѣ вѣдомостей о сборахъ въ штатсъ-конторъ-коллегію помѣсячно (№ 3258).

Въ Докл. и приг., V, кн. II, 617, 857, 967, 979, 981, 1012, 1031, 1048 и 1049; см. сообщеніе о томъ, что ландратъ вѣдаетъ „сборомъ съ крестьянъ и бобылей денежныхъ доходовъ"—VI, кн. I, 56; править „налоги" съ дворцовыхъ крестьянъ (стр. 122); ландратъ Сила Пикинъ въ Вологодскомъ уѣздѣ сбираетъ съ крестьянъ „оброчныя деньги" (134); 18 октября 1715 года ландратъ Андрей Грековъ деньги разныхъ сборовъ изъ Суздаля посылаетъ въ московскую губернскую канцелярію (V, кн. II, 1008).

Въ связь съ денежными сборами слѣдуетъ поставить хлопотливые сборы провіанта, фуража, подводъ и лошадей, каковые сборы или всецѣло лежали на ландратахъ или частью, когда они посланнымъ для этой цѣли обязаны были „чинить всякое вспоможеніе“ [1]). Эти сборы осложнялись еще тѣмъ, что сборы, которые отправлялись обычно цѣликомъ подрядомъ на счетъ доходовъ всей губерніи, иногда поручались ландратомъ, каждому въ своей доли въ отдѣльности. Такъ, напр., въ 1715 г. велѣно было изъ губерній съ каждой доли присылать въ адмиралтейство ежегодно масла коровьяго по 50 пудовъ, вина по 100 ведеръ, свиныхъ мясъ по 100 пудовъ, сала свиного соленаго по 25 пуд., сухарей по 500 пуд., гороху по 50 четв., крупъ ячныхъ по 50 четв. Во всѣхъ почти губерніяхъ эта поставка поручена была подрядчикамъ, а въ Смоленской губ., по сообщенію вице-губернатора кн. Гагарина, ландратамъ нѣскольких провинцій „по пунктамъ предложено каждому ландрату въ своихъ провинціяхъ подряды имѣть самимъ“, и потому тѣ „ландраты тотъ провіантъ отправляютъ собою“ [2]).

2. Судебная дѣятельность ландратовъ тоже была довольно обширной. Ландраты вели слѣдствіе, „сыскивали“ и судили мѣстное населеніе по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ, судили въ боѣ, грабежѣ и убійствахъ; разбирали дѣла о безчестьи, словесныхъ оскорбленіяхъ, о кражѣ, о завладѣніи чужой землей или покосами, объ уводѣ лошадей, о бѣглыхъ крестьянахъ, о денежныхъ искахъ; производили слѣдствіе и по политическимъ преступленіямъ, когда кто-либо говорилъ за собой „государево слово и дѣло“ [3]). Короче говоря, ландраты, будучи первой судебной инстанціей, разбирали всѣ дѣла, возникавшія въ подвѣдомственномъ имъ округѣ, и рѣшали ихъ своею властью за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ или политическихъ преступленій,

---

[1]) Докл. и приг., V, 323, 755, 935, 1038, 1048; VI, 3, 197, 372.

[2]) Тамъ же, VI, кн. I, 197 и сл.

[3]) О судебной дѣятельности ландратовъ см. Докл. и приг., V, кн. I, 184, 188, 305; кн. II, 895, 933, 1001, 1086, 1180, 1181; VI, кн. I, 91, 123, 286, 381. Богословскій, Изслѣдованія, стр. 110—113.

окончательное рѣшеніе которыхъ принадлежало губернскимъ властямъ или другой какой-нибудь высшей инстанціи.

3. Ландраты несли на себѣ обязанности общаго полицейскаго характера. Они слѣдили за тишиной и спокойствіемъ во ввѣренной имъ мѣстности, наблюдали, чтобы не было тамъ лихихъ людей, бѣглыхъ солдатъ, матросовъ, рекрутъ, а также и бѣглыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Смотрѣли за проѣзжающими на заставахъ, чтобы тѣ имѣли подорожныя, а безъ подорожныхъ на заставахъ никого не пропускали (указъ 17 февраля 1718 г.) [1].

Ландраты сыскиваютъ бѣглыхъ людей, сыскиваютъ и высылаютъ всякихъ людей, до которыхъ касается какое-либо дѣло. Такъ въ 1715 году (30 дек.), по челобитью Ярославскаго Толгскаго монастыря, даются указы къ оберъ-комендантамъ, комендантамъ и ландратамъ, о помощи тому монастырю въ сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. Въ Можайскъ и Мосальскъ, по приговору сената 2 августа того же года, посылаются указы къ ландратамъ о сыскѣ и высылкѣ за карауломъ посадскаго человѣка Тюнина и крестьянина Трофимова [2].

Въ случаѣ народныхъ бѣдствій ландраты должны были принимать мѣры къ предотвращенію и уменьшенію бѣдствія. Такъ, по указу 24 октября 1718 г., ландраты Кіевской губерніи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появилось моровое повѣтріе, должны были вмѣстѣ съ прикомандированными къ нимъ лекарями „осмотрѣть и освидѣтельствовать подлинно", насколько сильно захватила болѣзнь ту мѣстность, и принять мѣры къ тому, чтобы болѣзнь дальше не распространялась [3].

Ландраты оказывали „вспоможеніе" и всякое содѣйствіе воинскимъ командамъ, проходящимъ по ихъ долѣ и квартирующимъ въ ней или ближайшемъ городѣ; они помогаютъ командамъ при маршѣ и остановкахъ, содѣйствуютъ въ распредѣленіи воинскихъ людей по квартирамъ, въ снабженіи ихъ

---

[1]) П. С. З., V, № 3168.
[2]) Докл. и приг., V, кн. II, 1271; 929 и 1099.
[3]) П. С. З., V, № 3234.

хлѣбомъ, фуражемъ, подводами и лошадьми. Они принимаютъ дѣятельное участіе при сборахъ рекрутъ, матросовъ, работныхъ людей, содѣйствуютъ ихъ отправкѣ въ намѣченные пункты; они свидѣтельствуютъ и выбираютъ годныхъ для отправки въ С.-Петербургъ на вѣчное житье каменщиковъ, ямщиковъ и ремесленныхъ людей.

Ландраты должны были наблюдать за выполненіемъ указовъ со стороны населенія; такъ имъ вмѣнялось въ обязанность смотрѣть, чтобы полотна выдѣлывались опредѣленной ширины, чтобы строго соблюдался указъ 25 января 1716 г. о винокуреніи и населеніе корчемствомъ не занималось, чтобы поселяне въ воскресные дни не оставались праздны, а ходили бы въ церковь Божію, и чтобы всѣ исповѣдывались ежегодно, а за неявку на исповѣдь ландратъ долженъ былъ ихъ штрафовать (указы 8 февраля 1716 г. и 17 февраля 1718 г.). Ландраты въ Копорскомъ, Ямбургскомъ и Дерптскомъ уѣздахъ должны были, по указу 13 февр. 1718 г., „чинить всякое вспоможеніе, защищать отъ всякихъ обидъ и налоговъ“ и „снабдѣвать по всякой возможности“ лицъ, обратившихся отъ раскола къ православію и выразившихъ желаніе присоединить и остальныхъ раскольниковъ въ православіе, а также помогать и впредь обращеннымъ [1]).

Такимъ образомъ, даже изъ краткаго перечня дѣлъ, находившихся въ вѣдѣніи ландратовъ, думается, совершенно ясно, что ландратъ, какъ начальникъ доли, сосредоточившій въ своихъ рукахъ обязанности административно-финансовыя, судебныя и чисто полицейскія, долженъ быть очень дѣятельнымъ, чтобы исправно отбывать и во время заканчивать всѣ тѣ многочисленныя дѣла, которыя падали на его долю.

Но кромѣ дѣятельности, непосредственно связанной съ управленіемъ доли, ландрату волей-неволей, по приказанію свыше, приходилось заниматься другими дѣлами, которыя непосредственнаго отношенія къ его долѣ не имѣли. Такъ прежде всего ландратъ долженъ былъ отрываться отъ своихъ

---

[1]) П. С. З., V, № 2943 (о полотнахъ), 2990 (о винокуреніи — ср. Докл. и приг., VI, 56), 2991 (объ исповѣди—ср. № 3169; Докл. и приг., VI, кн. I, 129), № 3161 (о православіи); 2895 (о наблюденіи за лѣсами Ингерманл. губ.).

дѣлъ, когда наступала его очередь присутствовать въ губернской канцеляріи; такой перерывъ по закону долженъ продолжаться „мѣсяцъ или два", но иногда, по настоянію губернатора, отсутствіе ландрата изъ доли становилось болѣе значительнымъ, и наконецъ, рѣдко, но бывало, что вызванный ландратъ находился у „губернскихъ нужныхъ дѣлъ" „безотлучно".

Затѣмъ на ландратовъ по указамъ сената возлагались обязанности, отрывавшія ихъ отъ мѣста ихъ службы. Такъ, напр., по указу 13 августа 1715 г. было повелѣно выслать „новоположенныхъ и доимочныхъ рекрутъ конечно въ сентябрѣ мѣсяцѣ" и тѣхъ рекрутовъ прислать въ С.-Петербургъ изъ Сибирской и изъ Нижегородской губерній „съ ландраторами" [1]). По приговору 12 марта 1716 г. было повелѣно изъ всѣхъ губерній по прежде посланнымъ указамъ „изъ гарнизонныхъ солдатъ по половинѣ, а другую половину рекрутъ" выслать въ С.-Петербургъ же „тѣхъ губерній съ ландратами немедленно" [2]). Въ 1717 г. ландрату Уржумской доли Казанской губ. велѣно было находиться у отправленія судовъ въ морской походъ въ Астрахани и „былъ онъ, по его словамъ, весь тотъ 1717 г. въ отлучкѣ" [3]). Присылка работниковъ, доставка припасовъ, строительнаго матеріала при постройкѣ г. Кронштадта, къ которой привлечены были всѣ губерніи, тоже въ значительной мѣрѣ отвлекала ландратовъ, такъ какъ они обычно наряжались для надзора и пріема рабочихъ и матеріала на мѣстѣ назначенія.

Чрезвычайнымъ порученіемъ для ландратовъ было освидѣтельствованіе пустоты, начатое въ 1714 г. повсемѣстно и продолжавшееся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ слѣдующемъ 1715 г., когда ландраты уже сдѣлались мѣстными начальниками.

Эти порученія еще болѣе усложняли обязанности ландратовъ, отвлекая ихъ, съ одной стороны, отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей, а съ другой, и эти порученія не

---

[1]) Докл. и приг., V, кн. II, 746; ср. 848.
[2]) Тамъ же, VI, кн. I, 323 и сл.
[3]) Взято изъ статьи Богословскаго, стр. 136.

могли выполняться ими съ должной энергіей, такъ какъ ландратамъ все равно волей-неволей приходилось заниматься и тѣми дѣлами, которыя лежали на нихъ, какъ на мѣстныхъ управителяхъ.

Вотъ этимъ-то администраторамъ, только что (въ началѣ 1715 г.) приступившимъ къ выполненію своихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ обязанностей, въ томъ же 1715 году было поручено новое большое дѣло, именно производство новой подворной переписи, которая, по мысли правительства, должна исправить итоги переписи 1710 г. Отсюда и перепись получила названіе „ландратской". Что изъ этого порученья вышло, о томъ будетъ сказано ниже.

2. Общій очеркъ исторіи ландратской переписи.

Ландратская перепись въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ началась со средины 1715 года. Такъ дѣло обстояло въ Московской губерніи, гдѣ ландратамъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ даны были указы и пункты о производствѣ переписи [1]).

Но первое общее распоряженіе о ландратской переписи относится къ концу 1715 г. По указу 10-го декабря велѣно было ландратамъ „переписать дворы крестьянскіе и бобыльскіе и въ нихъ людей по имяномъ". Никакихъ нововведеній эта перепись не вносила, такъ какъ предлагалось переписывать „противъ прежнихъ посланныхъ въ губерніи Е. В. Г. указовъ въ правду безо всякія утайки и понаровки".

Цѣль новой регистраціи такова: чтобы не было „утайки и понаровки". А для побужденія перепищиковъ къ добросовѣстному исполненію возложеннаго на нихъ дѣла въ указѣ было прибавлено: „для свидѣтельства той ихъ переписки, каково они переписывали, правдою ль, присланы будутъ другіе люди". По окончаніи переписи переписныя книги, съ табелью

---

[1]) См. объ этомъ ниже.

изъ нихъ, нужно было „прислать въ канцелярію сената немедленно“ [1]).

Однако прошелъ весь 1716 г., но ни откуда не поступало переписныхъ книгъ и сенатъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій объ ускореніи переписи, хотя генералъ-ревизоръ В. Н. Зотовъ дѣлалъ неоднократныя представленія по этому поводу. Такъ по поводу указа 10 декабря въ своемъ изъявленіи отъ 21 февраля 1716 г. Зотовъ запрашивалъ сенатъ: „Другими указами подтверждено-ль, понеже въ ближнихъ губерніяхъ по се время перепискою управиться мочно“ [2]).

Въ другой разъ, когда сенатъ въ отвѣтъ на челобитье нижегородскихъ посадскихъ людей „о перепискѣ дворового числа вновь по случаю пожарнаго разоренія“ опредѣлилъ (1716 г., мартъ): перепись чинитъ согласно указу 10 декабря, В. Зотовъ снова въ „изъявленіи“ обращается съ запросомъ къ сенату: „О полученіи указовъ отвѣтствовано-ль, а имянному указу о перепискѣ въ губерніяхъ дворовъ и въ нихъ людей шесть мѣсяцевъ, которой перепискѣ въ ближнихъ губерніяхъ и окончаться было мочно“ [3]).

Но уже въ самомъ началѣ 1717 г. сенатъ, имѣя „нужду“ въ новой переписи и видя неприсылку „оныхъ переписныхъ книгъ“, 2 января постановляетъ: „изъ губерній съ переписныхъ книгъ ландратскихъ копіи и изъ нихъ перечневыя выписки прислать въ канцелярію сената немедленно, понеже въ той переписи обстоитъ нужда“ [4]).

Это постановленіе о присылкѣ въ сенатъ копій съ ландратскихъ книгъ было подтверждено указами въ томъ же

---

[1]) Указъ 10 декабря 1715 г. (П. С. З., V, № 2964; Докл. и приг., V, кн. II, 1121) разосланъ былъ по губерніямъ за время съ 15 до 21 декабря, именно, въ Симбирскую губ.—15, Московскую, Архангелогородскую, Азовскую—17, Кіевскую—18, С.-Петербургскую, Казанскую, Нижегородскую—19, въ Рижскую—21 декабря (*А. М. Ю.*, № 37, л. 1118), такъ что фактически общая перепись не могла начаться раньше 1716 года.

[2]) Изъ доношенія Василія Зотова Государю (*Г. А.*, *Каб. Петра В.*, II, № 23, л. 435).

[3]) *Тамъ же*, № 27, л. 143.

[4]) *А. М. Ю.*, № 37, л. 1119 и сл.; соотвѣтствующіе указы по губерніямъ были разосланы немедленно же, 3 и 4 января. Примѣрный текстъ указа можно видѣть въ указѣ архангелогор. вице-губ. П. Лодыженскому (№ 83, л. 566).

„717 году въ разныхъ мѣсяцахъ и числѣхъ“ [1]); въ іюлѣ же, очевидно, для ускоренія дѣла прежній указъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ: требовалось доставить въ сенатъ уже не копіи, а „подлинныя переписныя ландратскія книги“, „учиня изъ нихъ перечневыя выписки и табели со всякою очисткою“, „а въ губерніяхъ съ тѣхъ подлинныхъ книгъ и съ выписокъ и съ табелей оставить копіи“ [2]). Копіи, оставляемыя въ губерніяхъ, не требовали такой тщательности и аккуратности въ составленіи, какъ экземпляры, которые нужно было по январскому указу представить въ сенатъ.

Не смотря на неоднократные указы, мѣстныя власти переписныхъ книгъ въ сенатъ не присылали. Это дошло до свѣдѣнія Государя, и вотъ онъ самъ изъ Дорта (1717 г., августа отъ 25) посылаетъ сенату указъ: „чтобъ губернаторы всѣхъ ландратовъ по первому зимнему пути выслали въ С.-Петербургъ съ переписными книгами, что имъ по указу велѣно переписывать крестьянскіе дворы“ [3]).

Какъ только этотъ указъ былъ полученъ сенатомъ (25 сент.), сенатъ дѣлаетъ распоряженіе „о высылкѣ изъ губерней ландратовъ въ С.-Петербургъ съ переписными книгами“, указывая, что слѣдуетъ „по отбытіи ихъ въ доляхъ управлять велѣть камисарамъ“ [4]).

Не довольствуясь этимъ, сенатъ принимаетъ и другія мѣры къ тому, чтобы указъ о высылкѣ ландратовъ неукоснительно былъ исполненъ. Такъ, по приказу сената, „посыланъ на дворъ къ московскому губернатору К. А. Нарышкину дьякъ Семенъ Ивановъ и сказалъ ему Великаго Государя указъ, чтобъ онъ, губернаторъ, для исправленія всякихъ губернаторскихъ дѣлъ, ѣхалъ къ Москвѣ и по самому первому

---

[1]) О подтвердительныхъ указахъ узнаемъ изъ послѣдующихъ указовъ (іюльскаго 1717 г. и январскаго 1720), но текста этихъ указовъ или соотвѣтствующаго сенатскаго постановленія мнѣ найти не удалось.

[2]) Сенатскій приговоръ отъ 21 іюня (*А. М. Ю.*, № 37, л. 1121 и сл.). Текстъ указа воронежскому губернатору—№ 63, л. 168; нижегородскому вице-губ. кн. С. П. Путятину—№ 131, л. 697.

[3]) Взято изъ сенатской выписки (*А. М. Ю.*, № 68, л. 65).

[4]) Сенатскій приговоръ отъ 27 сентября (*А. М. Ю.*, № 68, л. 65—6). Соотвѣтствующій указъ уже 28 сент. былъ посланъ въ Нижегородскую губ. (№ 631, л. 699).

зимнему пути той губерніи лантратовъ всѣхъ съ переписными книгами выслалъ въ С.-Петербургъ, а потомъ ѣхалъ и онъ, губернаторъ, въ С.-Петербургъ же" [1]). Также и нижегородскому вице-губернатору кн. Степану Путятину, въ бытность его въ столицѣ, въ канцеляріи сената „былъ сказанъ Е. В. Государя указъ", „о высылкѣ въ С.-Петербургъ всѣхъ ландратовъ изъ Нижегородской губерніи" „по первому зимнему пути сего 717 году, а потомъ и самому ему въ С.-Петербургъ быть же" [2]).

Всѣ эти указы не успѣли еще произвести своего дѣйствія, ландраты еще не съѣхались, какъ сенатъ, подтверждая свой прежній указъ (отъ 27 сентября), вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ ландратовъ представленія разныхъ вѣдомостей о сборахъ. „Нынѣ же, читаемъ изъ сенатскаго приговора 10 октября, съ собою привесть вѣдомости 715, 716 гг. всякимъ денежнымъ сборамъ какъ таможеннымъ и кабацкимъ и табачнымъ, такъ и другимъ оброчнымъ сборамъ и съ купечества и съ крестьянства порознь по сборамъ, прописавъ оклады, и въ томъ числѣ, что въ которомъ году взято и въ доимкѣ" [3]).

Не было ничего удивительнаго, что ландраты, отъ которыхъ потребовали новыхъ и довольно сложныхъ вѣдомостей, въ Петербургъ не являлись и переписныхъ книгъ не присылали. Тогда сенатъ 23 января 1718 г. постановляетъ: „Въ губерніи къ генералъ-губернаторамъ и къ губернаторамъ и къ вице-губернаторамъ послать еще указы, чтобъ они по прежде посланнымъ къ нимъ указамъ ландратовъ съ переписными книгами каждой своей доли выслали въ С.-Петербургъ немедленно, и которые поѣдутъ чрезъ Москву, и они-бъ явились въ Москвѣ правительствующему сенату, а которые нынѣ въ Москвѣ, и тѣхъ спросить, что у нихъ тѣ пере-

[1]) Подъ приведенными словами рукою Нарышкина подписано: „Октября 2 дня сей Великаго Государя указъ слышалъ губернаторъ Нарышкинъ" (*Тамъ же*, № 126, л. 744).

[2]) Отъ 2 октября 1717 г. (*А. М. Ю.*, № 131, л. 696).

[3]) *А. М. Ю.*, № 518, л. 209. Соотвѣтствующій указъ былъ посланъ въ Нижегородскую губернію 31 окт. и подтвержденъ 30 ноября (№ 131, л. 700—702).

писныя книги готовы-ль и изъ нихъ перечневыя выписки и табели учинены-ль"[1]).

Но и этотъ указъ успѣха не имѣлъ, давно уже прошелъ „первый зимній путь", а ландраты не пріѣзжали. Кромѣ того, что составленіе нѣсколькихъ различныхъ вѣдомостей отнимало много времени и труда, постоянныя текущія дѣла требовали ихъ присутствія на мѣстахъ. На это указывали и сами губернскіе управители. Такъ вышеупомянутый нижегородскій вице-губернаторъ въ доношеніи сенату (отъ 15 декабря 1717 г.) указывалъ, что по высылкѣ ландратовъ и по его отбытіи въ Петербургъ, какъ того требовало сенатское распоряженіе, некому будетъ „отправлять" „всякіе окладные настоящіе и повсягодные и запросные сборы и рекрутскій наборъ" и другія дѣла, „понеже, пояснялъ онъ, въ остаткѣ одинъ лантрихтеръ и тотъ у многихъ особыхъ дѣлъ". Потому кн. С. Путятинъ просилъ сенатъ опредѣлить, „кому (въ канцеляріи Нижегородской губ.) всякое управленіе чинить", такъ какъ своею властью замѣстить себя какимъ-либо „знатнымъ человѣкомъ изъ царедворцевъ" онъ „не смѣетъ"[2]).

Сенатъ въ этотъ разъ не проникся доводами нижегородскаго вице-губернатора и въ своемъ приговорѣ отъ 24 января 1718 г. опредѣлилъ: „Князю Путятину и ландратамъ о бытіи въ С.-Петербургъ чинить по прежде посланнымъ Е. В. Государя указамъ о всемъ неотмѣнно, а по отъѣздѣ ихъ государевы и всякія дѣла управлять ландрихтеру, а въ доляхъ опредѣленнымъ камисарамъ"[3]).

Однако указаніе Путятина на неудобства при вызовѣ въ сенатъ всѣхъ ландратовъ сразу не было одиночнымъ, а потому въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ сенатское распоряженіе было измѣнено въ томъ смыслѣ, что ландратовъ высылать требовалось не всѣхъ сразу, а въ половинномъ количествѣ. Указъ объ этомъ (отъ 17 февраля) гласилъ слѣдующее:

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 523, л. 12—14.
[2]) *Тамъ же*, № 131, л. 706.
[3]) *Тамъ же*, л. 707.

„Губернаторамъ и вице-губернаторамъ, которые одни въ губерніяхъ, быть въ С.-Петербургъ по прежнему Е. В. Государя указу, а ландратовъ изо всѣхъ губерней въ С.-Петербургъ съ переписными книгами нынѣ выслать по половинѣ, по ихъ губернаторскому разсмотрѣнію, а другую половину для отправленія всякихъ въ губерніяхъ дѣлъ оставить въ тѣхъ губерніяхъ; а какъ помянутые ландраты изъ С.-Петербурга будутъ отпущены, и потомъ выслать безо всякаго мотчанія и другихъ, которые нынѣ въ губерніяхъ будутъ оставлены“ [1]).

Только съ 1718 г. ландраты начинаютъ медленно съѣзжаться въ Петербургъ и привозить съ собой требуемыя книги и вѣдомости. Къ концу сентября 1718 г., годъ спустя послѣ указа о высылкѣ ландратовъ, когда близокъ былъ новый „зимній путь“, въ сенатѣ перебывала лишь незначительная часть ландратовъ, а именно изъ С.-Петербургской губерніи—1, изъ Архангелогородской—2, изъ Рижской—3, Казанской—6, Московской—9, всего—21 человѣкъ; а изъ другихъ губерній никто не явился [2]).

Въ ближайшіе мѣсяцы ландраты продолжали пріѣзжать, но пріѣздомъ своимъ далеко не всѣ исправились. Это было замѣчено генералъ-ревизоромъ В. Зотовымъ, и онъ, зная, что „по многимъ указомъ не исполнено“, „господамъ сенаторамъ о такихъ неисправахъ не токмо словесно, но и письменно неоднократно доносилъ“. Однако сенаторы не обращали вниманія на его представленія: „тѣ мои доношенія, пишетъ Зотовъ, уничтожены“. Тогда В. Н. Зотовъ, по долгу своей службы, обратился къ Государю съ доношеніемъ о „неисправахъ“, среди которыхъ, упоминая о переписи, писалъ: „Перепись ландратская началась съ 715 году, чему уже три года, и не только по указу ландраты съ тою пере-

---

[1]) Въ концѣ указа прибавлено: „также тѣмъ ландратомъ привесть съ собою вѣдомость о сборѣ провіантскихъ денегъ по прежнимъ указамъ“ (*Тамъ же*, № 523, л. 136—139)

[2]) Болѣе подробныя указанія о томъ, кто именно въ сенатъ къ концу сент. 1718 г. явился и какого рода распоряженіе отдавалъ сенатъ послѣ такихъ явокъ, можно найти въ сенатской выпискѣ, имѣющейся въ книгѣ—№ 641, л. 331 и сл.

писью по первому зимнему пути 717 году сюда не пріѣхали, но и по се число многіе не бывали“ [1]).

Ландратскія книги, не смотря на неоднократные подтвердительные указы [2]), поступали медленно и въ слѣдующемъ 1719 г., хотя сенатъ объ ихъ высылкѣ напоминалъ губернскимъ властямъ послѣ каждаго пріѣзда ландрата. Обычно бывало такъ. Ландратъ, пріѣхавши въ Петербургъ, подавалъ въ сенатъ доношеніе, въ которомъ давалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ переписнаго дѣла въ своемъ ландратствѣ, иногда приводилъ итоги своей переписи, сравнивая ея результаты съ числомъ дворовъ и людей переписи 1678, 1710 и другихъ годовъ, въ которые бывала перепись въ его мѣстности; все это дѣлалось въ зависимости отъ того, были-ль у него подъ руками такія свѣдѣнія или нѣтъ; а затѣмъ шла просьба о томъ, чтобы переписныя книги были приняты и онъ былъ отпущенъ въ свою губернію. Въ канцеляріи сената книги просматривались и если все было въ порядкѣ, то дѣло о явившемся ландратѣ шло въ докладъ, и сенатъ дѣлалъ постановленіе: такого то ландрата „отпустить въ (такую то) губернію по прежнему“ [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ всякій разъ напоминалъ: „а достальныхъ лантратовъ“ „высылать въ С.-Петербургъ, не мотчавъ“.

Но и такія напоминанія не всегда дѣйствовали. Близился къ концу 1719 годъ, переписи съ начала ея истекалъ четвертый годъ, однако она была еще далека до завершенія. Тогда сенатъ приступилъ къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Чтобы выяснить положеніе дѣла, 1-го октября отдается распоряженіе: „Сенатскимъ канцеляристамъ подъ симъ подписать, изъ которыхъ доль и кто ландраты переписныя книги въ сенатъ

---

[1]) Доношеніе отъ 10 декабря 1718 г. (*Г. А., Каб. П.*, II, № 36, л. 99).

[2]) „Въ подтвержденіе (указа 25 сент. 1717 г.) послано указовъ: въ Московскую губ.—2, въ С.-Петербургскую—4, Архангелогородскую—4, Сибирскую—4, Казанскую—3, Нижегородскую—5, Кіевскую—2, Рижскую—5, Азовскую—2“ (Изъ сенат. выписки—*А. М. Ю.*, № 660, л. 411).

[3]) Ландратамъ давался изъ канцеляріи сената „отпускъ“, въ которомъ предписывалось „по городамъ комендантомъ и на заставахъ управителемъ онаго (N) отъ С.-Петербурга до N губерніи пропущать безъ задержанія“ (*А. М. Ю.*, № 78, л. 766).

подали и сколько книгъ и откуда такихъ же книгъ не подано и зачѣмъ, о томъ отвѣтствовано-ль“ [1]). Со сводкой сообщеній, представленныхъ канцеляристами по отдѣльнымъ губерніямъ, дѣло нѣсколько замедлилось; въ декабрѣ мѣсяцѣ было отдано второе подобное же распоряженіе: „подписать немедленно“, кто изъ ландратовъ съ переписными книгами въ Петербургѣ не бывали.

По справкамъ выяснилось, что „изъ губерней въ присылкѣ 344 книги“, не прислано же: изъ С.-Петербургской губ. изъ 11 доль, Азовской—изъ 21 города, Рижской—изъ 3-хъ городовъ, Архангелогородской—изъ 3-хъ доль, Московской—изъ 8 городовъ, Казанской—изъ одного города. А изъ Кіевской и Сибирской губерній не только никто изъ ландратовъ не пріѣзжалъ, но и не было сообщено въ сенатъ, кто былъ у переписи [2]).

---

[1]) *Тамъ же*, № 660, л. 436.

[2]) „А по справкѣ въ сенатѣ переписныхъ книгъ подано: изъ С.-Петербургской въ присылкѣ изъ 8 доль, подлинныхъ—18, перечневыхъ 8 книгъ.

Не прислано изъ 11 доль, а именно: изъ Нова-Города и Шелон. пятины—отъ ландрата Ив. Мякинина, изъ Бѣжецкой и Деревской пятинъ—отъ Г. Квашнина-Самарина, изъ Пскова и изъ уѣзду—отъ Степана Лопухина, изъ Ярославля и уѣзду—отъ Вас. Милюкова, изъ Ярославскаго жъ у. Гороцкого и Слюжны становъ—отъ Никиты Квашнина-Самарина, изъ Ярославскаго жъ у. Верховского стану—отъ Льва Мусина-Пушкина, изъ Ярославского жъ у. Едомской и Череможской волостей—отъ ландрата Пареена Захарова, изъ Романова и уѣзду—отъ князя Димитрія Нерыцкаго, изъ Торопца и Великихъ Лукъ—отъ ландрата Льва Челищева, изъ Пошехонья и уѣзду—отъ Өедора Сикорскаго, изъ Ямбурга и Копорья и уѣздовъ—отъ камисара Рукина.

Изъ Азовской: въ присылкѣ подлинныхъ—39 да перечневыхъ 1 книга. Не прислано изъ 17 городовъ, а имянно: изъ Чугуева, Шацка, Керенска, Троицкаго Острога, Верхняго Ломова, Урыва, Красной Слободы, Наровчаторскаго Городища, съ Черни, изъ Новаго Оскола, изъ Тополей, изъ Валуйки, изъ Ольшанска, изъ Усерда, изъ Верхососенска, и изъ Полатова, и изъ Костенска. А отъ кого ландратовъ именемъ не прислано, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Рижской: въ присылкѣ подлинныхъ и перечневыхъ изъ 9 ландратствъ 29 книгъ. Не прислано изъ 3-хъ городовъ, а имянно: изъ Зубцова, изъ Старицы, изъ Погорѣлого Городища, отъ кого имянемъ ландрата въ присылкѣ нѣтъ, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Архангелогородской: въ присылкѣ изъ 7 доль—27 книгъ. Не прислано изъ 3 доль, а именно: изъ Вологодской отъ Андрея Курбатова, изъ Тотемской отъ Карпа Неелова, изъ Галицкой отъ Петра Лыкова (на поляхъ: „присланы“).

Изъ Московской: въ присылкѣ изъ 19 городовъ—108 книгъ. Не прислано изъ 8 городовъ, а имянно: изъ Ярославца Малого, изъ Можайска, изъ Борисова,

Отсюда видно, что почти половина ландратовъ и къ началу 1720 года „переписью не исправилась“. Тогда сенатъ прибѣгаетъ къ экстреннымъ мѣрамъ: 11 января 1720 года, „слушавъ выписки“ о неявившихся перепищикахъ, сенатъ приказалъ:

„Ландратовъ, которые переписывали въ губерніяхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы“ „выслать въ С.-Петербургъ за карауломъ скованныхъ“, а губернскимъ властямъ было сдѣлано предупрежденіе, что за всякое „умедленіе“ въ исполненіи этого указа, на нихъ самихъ будетъ „взыскано жестоко“[1]).

Январскій указъ 1720 г. повлекъ за собой усиленный пріѣздъ ландратовъ; если же ландраты не могли по какимъ-либо причинамъ пріѣхать сами, то высылались въ сенатъ переписныя книги съ комисарами, дворянами—перепищиками, а иногда и просто съ подьячими, бывшими у переписи. Къ іюлю мѣсяцу переписныя книги уже были „въ присылкѣ изо всѣхъ городовъ“ Московской губ., Архангелогородской и Смоленской. Изъ Казанской и Нижегородской, Азовской были присланы почти всѣ книги, за исключеніемъ двухъ мѣстъ (Балахонскаго у. Боровской доли и города Ливенъ). Болѣе неисправными оказались Кіевская губернія, не приславшая переписныхъ книгъ изъ 7 мѣстъ, и Петербург-

---

изъ Звенигорода, изъ Гремячева, изъ Крапивны, изъ Богородицкаго, изъ Дѣдилова. А отъ кого ландрата именемъ не прислано, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Казанской и изъ бывшей Нижегородской въ присылкѣ подлинныхъ и перечневыхъ 120 книгъ. Не прислано изъ Болохонскаго у., изъ Боровской доли отъ ландрата Степана Нестерова.

Изъ Кіевской: переписныхъ книгъ ничего не прислано, а губернаторъ отвѣтствовалъ, что ландраты забраны въ Курскъ къ Головину многіе и держались за карауломъ. Кто ландраты у переписи были, о томъ невѣдомо.

Изъ Сибирской: переписныхъ книгъ не прислано и не отвѣтствовано; кто ландраты у переписи были, о томъ невѣдомо.

Итого изъ губерней въ присылкѣ—344 книги. Не прислано: С.-Петербургской изъ 11 доль, Азовской изъ 21 города, Рижской изъ 3-хъ городовъ, Архангелогородской изъ 3-хъ доль, Московской изъ 8 городовъ, Казанской изъ 1 города. А изъ Кіевской и изъ Сибирской ничего не прислано и кто были у переписи, о томъ въ сенатъ вѣдѣнія не прислано“ (Изъ сенатской выписки, послужившей основаніемъ для приговора 11-го января 1720 г.—*А. М. Ю.*, № 660, л. 413—415).

[1]) Сенатскій указъ отъ 15 января 1720 г. (*А. М. Ю.*, № 191, л. 1).

ская—изъ 9 долей. Сибирская же губернія не прислала ни одной переписной книги [1]).

Такъ обстояло дѣло съ присылкой книгъ. О неисправныхъ перепищикахъ еще долгое время продолжалась переписка: сенатъ требовалъ ихъ высылки, а губернскія власти или не могли этого сдѣлать по разнымъ причинамъ или отговаривались и представляли въ С.-Петербургъ длинныя объясненія. Изъ этой переписки видно, что нѣкоторые ландраты, переписывавшіе дворы, умерли, не докончивъ начатаго дѣла, на другихъ тамъ же возложены были иныя обязанности, а многіе были или совсѣмъ удалены отъ должности или же переведены въ другіе города и уѣзды. Какъ разъ годы высылки переписныхъ книгъ (1718—1721) совпали съ ломкой провинціальной администраціи, когда одни учрежденія и должности упразднялись, другія же вводились въ жизнь; ста-

---

[1]) Изъ Кіевской губ. было прислано 26 книгъ, а „не прислано книгъ изъ городовъ: бѣлевскихъ, болховскихъ, чернскихъ, орловскихъ, мценскихъ“.

Изъ С.-Петербурга были доставлены книги изъ Романова и Пошехонья, изъ остальныхъ же 9 долей, указанныхъ въ прежнемъ реестрѣ, книги не были присланы (№ 660, л. 423—432, гдѣ помѣщенъ „Реестръ о ландратскихъ книгахъ“, въ которомъ по губерніямъ сообщается о томъ, откуда и сколько переписныхъ книгъ прислано и откуда не прислано).

Ландратскія книги, согласно сенатскому постановленію отъ 4 марта 1719 г., должны были пересылаться на храненіе въ камеръ-коллегію. Однако онѣ до іюня мѣсяца 1721 г. все еще лежали въ канцеляріи сената, и только послѣ просьбы со стороны камеръ-коллегіи (доношеніе отъ 31 марта) состоялся 19 іюня приговоръ сената, подтверждавшій его прежнее постановленіе: „переписныя ландратскія книги и перечневыя выписки и табели по прежнему ихъ прав. сената приговору отослать въ камеръ-коллегію“; куда былъ посланъ (21 іюня) соотвѣтствующій указъ съ сообщеніемъ, что „переписныя ландратскія книги посылаются при семъ указѣ съ особыми по губерніямъ реестрами“.

Изъ сенатской справки, предшествующей сенатскому приговору, видно, что къ тому времени въ канцеляріи сената переписныхъ книгъ изъ губерній оказалось „въ присылкѣ: изъ Кіева переписныхъ 24, перечневыхъ 2; изъ Спбургской—подлинныхъ 27, перечневыхъ 11; изъ Арханг.—подлин. 38, перечн. 5; Казанской—подлин. 70, перечн. 32; изъ Нижегород.—подлин. 19, перечн. 12; Смоленской—подлин. 19, перечн. 12; Московской—подлин. 66, перечн. 51, табелей 54; Азовской—подлин. 59, перечн. 3. Всего подлинныхъ 322, перечневыхъ 129“. (*А. М. Ю.*, № 660, л. 420, 434—5).

Въ настоящее время ландратскія переписныя книги хранятся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи; по списку, имѣющемуся въ архивѣ, ихъ насчитывается до 330 (нѣсколько меньше сравнительно съ числомъ, указаннымъ Ивановымъ въ Описаніи разр. архива старыхъ дѣлъ); на самомъ же дѣлѣ ихъ гораздо меньше: добрая половина книгъ „ландратскихъ“ по времени и по содержанію не соотвѣтствуютъ своему названію.

рый порядокъ прекращался, а новый еще не былъ введенъ, когда, по словамъ московскаго губернатора, „все стало въ остановкѣ, нынѣ не точію по новому манеру, но и по старому сбирать (денежные и другіе сборы) стало“ невозможно [1]).

Особенно много хлопотъ доставила сенату Великолуцкая провинція, изъ которой, не смотря на неоднократныя распоряженія, переписныхъ книгъ не присылали, а представляли пространныя объясненія. Послѣ одного изъ такихъ объясненій, отчаявшись завершить дѣло, а также зная, что со взятіемъ подушныхъ сказокъ дворовая перепись уже теряетъ свое прежнее значеніе, сенатъ въ сентябрѣ 1721 г. опредѣлилъ: „оную перепись оставить“, переписныя книги—присылать въ камеръ-коллегію, а „которыхъ городовъ, селъ и деревень той переписи не учинено, о томъ въ ту коллегію прислать вѣдомости“ [2]).

Такъ не совсѣмъ удачно окончилась ландратская перепись. Тянулась она около 6 лѣтъ (считая съ 1715 года по 1721); благодаря своей продолжительности она пережила ту цѣль, для которой предназначалась: если бы даже ландратская перепись и показала въ своихъ итогахъ дѣйствительное количество дворовъ, то ея цыфры уже не были необходимы для обложенія, такъ какъ въ 1721 г. заканчивался пріемъ сказокъ о душахъ мужскаго пола и вскорѣ предполагалось ввести новую податную систему.

---

[1]) См. объ этомъ у М. М. Богословскаго, Областная реформа, 74—75.

[2]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 278. Вотъ текстъ этого приговора; „Прав. сенатъ, слушавъ выписки, приговорили согласно: переписныя книги крестьянскимъ и бобыльскимъ и другихъ разночинцовыхъ дворамъ и въ нихъ людямъ по имяномъ, которые по именнымъ Е. Ц. В. указамъ и ихъ, прав. сената, приговорамъ 715 и 717 годовъ велѣно было во всемъ государствѣ, переписавъ, прислать въ сенатъ и изъ многихъ городовъ и присланы, а изъ другихъ не присланы и въ которыхъ городѣхъ и уѣздѣхъ оная перепись не окончена и переписныя книги въ сенатъ не присланы, и оную перепись оставить для того, по Е. Ц. В. имянному указу кромѣ оной переписи собираются со всего государства въ канцелярію бригадира Зотова о душахъ муж. пола сказки; и для того учиненныя о томъ переписныя книги, гдѣ оныя обрѣтаются, изъ губерній и провинцій присылать въ камеръ-коллегію, а которыхъ городовъ, селъ и деревень той переписи не учинено, о томъ въ ту коллегію прислать вѣдомости, и о томъ въ камеръ и въ юстицъ-коллегіи и въ губерніи и въ провинціи послать указы“.

Внизу помѣта: „Сентября 20 дня отмѣненъ и велѣно тѣ книги содержать въ сенатѣ“.

Однако собирая цыфры о душахъ, правительство думало объ итогахъ и ландратской переписи. Еще въ 1717 и въ 1718 г. оно неоднократно въ своихъ распоряженіяхъ указывало, что въ этой переписи „обстоитъ нужда“; позднѣе же, въ 1719 и 1720 году, когда сказки о душахъ собирались у В. Н. Зотова, сенатъ одновременно торопилъ ландратовъ съ представленіемъ переписныхъ книгъ и заявлялъ, что эти книги нужны „для сочиненія генеральной табели“. Была ли „сочиняема“ такая табель или нѣтъ—неизвѣстно, скорѣе всего—нѣтъ; но что сенатъ хотѣлъ подвести итоги ландратской переписи и узнать точно цыфры дворовъ и людей—это ясно видно изъ его указа 15 января 1720 года и изъ дальнѣйшихъ многочисленныхъ указовъ, когда сенатъ, въ отвѣтъ на представленія изъ губерній, отдавалъ приказъ—всѣми мѣрами перепись окончить и переписныя книги представить въ сенатъ. Эта настойчивость сената разбилась лишь послѣ долгой мелочной переписки, когда выяснилась вся трудность сбора остальныхъ неприсланныхъ ландратскихъ книгъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ландратская перепись въ губерніяхъ, ея итоги.

По указу 10 декабря 1715 г. перепись дворовъ была поручена ландратамъ, каждому въ своей долѣ. Новой чертой этой переписи было то, что поручается она не особымъ лицамъ, писцамъ, какъ то обычно дѣлалось въ XVII в., а мѣстной администраціи. Затѣмъ предшествующая практика сообщила переписи еще одну черту, которую предполагалось ввести въ качествѣ правила, обязательнаго для всѣхъ перепищиковъ: „для свидѣтельства той ихъ переписки, сообщалось въ указѣ, каково они переписывали, правдою-ль, присланы будутъ другіе люди“. Такимъ образомъ, новая перепись, по предположенію законодателя, должна пройти двѣ стадіи: 1) перепись населенія мѣстной администраціей, 2) повѣрку ея особо назначенными людьми.

Въ этомъ, казалось, нельзя было не видѣть значительнаго успѣха въ развитіи самой организаціи переписнаго дѣла. Мѣстная власть, близко стоящая къ населенію и знакомая съ количествомъ населенія по сбору съ него государственныхъ податей, могла произвести болѣе точную регистрацію и своими мѣрами парализовать уклоненія и злоупотребленія, происходившія со стороны населенія.

Посылка же ревизоровъ гарантировала то, что сами переписщики не будутъ злоупотреблять при переписи, иначе имъ, при весьма возможномъ раскрытіи ихъ поступковъ, грозило бы строгое наказаніе. Насколько дѣйствительность соотвѣтствовала этому положенію, видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

При этой переписи такъ же, какъ и въ 1710 г., переписщикамъ особыхъ наказовъ изъ центра, изъ сената дано не было, лишь кратко было сказано, что переписывать слѣдуетъ „противъ прежнихъ, посланныхъ въ губерніи Е. В. Государя указовъ“. Отсюда выяснилась для губернскихъ властей необходимость дать ландратамъ какія либо общія правила, которыми они должны были бы руководится при производствѣ переписи. Такія правила подъ именемъ „статей“, „пунктовъ“ и „наказовъ“ и даются губернскими канцеляріями ландратамъ. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія изъ всѣхъ губерній. Такъ ландратъ Московской губ. Костромской провинціи Василій Кругликовъ сообщалъ въ сенатъ (отъ 17 февр. 1719 г.): „Въ прошломъ 715 году въ послѣднихъ числѣхъ повелѣно мнѣ быть въ Костромской провинціи во опредѣленной долѣ ландратомъ и велѣно ту опредѣленную долю по указу В. Г. и по пунктамъ, каковы мнѣ даны, изслѣдовать и переписать жилое и пустое“. Той же провинціи ландратъ г. Кадыя Дмитрій Кузьминъ-Короваевъ сообщалъ, что онъ перепись чинилъ по указу В. Г. и „по пунктамъ изъ губернской канцеляріи“ [1]).

Сохранившіеся пункты (въ числѣ 23) Архангелогородской губ. (отъ іюня 1716 г.), выданные ландратамъ—пере-

---

[1]) А. М. Ю., № 126, л. 996, 1006.

пищикамъ изъ губернской канцелярiи, разъясняютъ, какъ должны поступать перепищики при производствѣ переписи.

Въ существѣ дѣла всѣ 23 пункта такъ рисуютъ переписное дѣло.

1. Ландратамъ вмѣняется въ обязанность „прежде переписи“ въ г. Архангельскомъ, на Вологдѣ и „во всѣхъ Архангелогородской губ. въ городѣхъ и долѣхъ объявить всенародно и при всѣхъ церквахъ и по градскимъ воротамъ и въ уѣздахъ при церквахъ, и гдѣ бываютъ торжки и ярманки“ и „выставить листы“ съ объявленiемъ о переписи и предписанiемъ о подачѣ сказокъ о числѣ дворовъ и людей; а также „въ листахъ прописать, дабы никто не дерзалъ никакими вымыслы при оной переписи дворовъ и людей таить, и жилые пустыми писать и невѣдѣнiемъ отговариваться и крестьянъ изъ дворовъ для утайки дворовъ сводить изъ 2 и изъ 3 дворовъ и больше въ одинъ дворъ и дворовыхъ какъ мужска, такъ и женска полу людей таить и (крестьянъ) дворовыми людьми писать и дворы ломать подъ жестокимъ страхомъ и разореньемъ“.

2. Сказки брать, по объявленiи указа о томъ, а) у самихъ помѣщиковъ и вотчиниковъ и у дѣтей ихъ, но такихъ, которымъ 15 лѣтъ и больше, за собственноручнымъ подписанiемъ; б) если же помѣщиковъ „въ домахъ нѣтъ“, и дѣти оставшiеся—несовершеннолѣтни, имѣютъ менѣе 15 лѣтъ, то сказки слѣдуетъ брать у прикащиковъ ихъ, старостъ, выборныхъ и лучшихъ людей, „а не у одного прикащика или старосты и выборнаго“, прописывая въ сказкахъ всѣхъ, кто былъ у подачи сказокъ; в) точно также „у прикащиковъ, старостъ и выборныхъ“ „имать сказки“ о крестьянахъ дворцоваго и церковнаго вѣдомства.

3. Въ сказки должны вноситься въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ: а) „кто имянно нынѣ у нихъ во дворѣхъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ дворовыхъ, служилыхъ и дѣловыхъ людей и скотниковъ по именамъ мужеска и женска полу, отъ мала даже до велика и кто скольких лѣтъ“, указывая при томъ, „нѣтъ ли въ нихъ изъ переписныхъ 186 и 710 гг. книгъ крестьянъ и бобылей и задворныхъ людей“; б) относ-

сительно же „крестьянскихъ, бобыльскихъ и задворныхъ дворовъ“ нужно показать въ сказкахъ, сколько было ихъ въ каждомъ селѣ или деревнѣ по переписнымъ книгамъ 186 и 710 гг., сколько нынѣ на лицо „въ нихъ мужеска и женска полу людей“, а затѣмъ отмѣчать, „послѣ переписныхъ 186 и 710 гг. сколько въ которомъ селѣ или деревнѣ прибыло или убыло, и гдѣ явятся прибылые, откуда прибыли и по какимъ крѣпостямъ, а гдѣ убыли, отчего убыли“.

Точно также „противъ вышеписаннаго“ взять сказки повелѣвалось и въ вотчинахъ церковнаго вѣдомства, занося туда не только дворы крестьянъ и задворныхъ людей, но и всѣхъ „слугъ, служебниковъ, конюховъ, скотниковъ и другихъ чиновъ людей“, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто живетъ „въ патріаршихъ и въ архіерейскихъ дворахъ и въ подмонастырныхъ слободахъ“.

О дворцовыхъ крестьянахъ особаго наставленія въ пунктахъ не дается, но изъ контекста ясно, что относительно ихъ слѣдуетъ поступать такъ же, всѣхъ переписать по дворамъ, съ показаніемъ числа жителей мужескаго и женскаго пола, съ отмѣтками, что прибыло или убыло противъ прежнихъ переписей.

Но кромѣ крестьянъ и дворовыхъ людей слѣдуетъ „во всѣхъ доляхъ всѣхъ церковыхъ причетниковъ и женъ ихъ и дѣтей въ лѣты переписать же и о пришлыхъ розыскивать“.

4. Затѣмъ ландраты и комисары должны были по поданнымъ сказкамъ „какъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей и скотниковъ, такъ и крестьянскіе дворы и въ нихъ обоихъ половъ людей осмотрѣть и освидѣтельствовать“, какъ убыль, такъ и прибыль. „Для такого розыска и подлиннаго о всемъ освидѣтельствованія“ къ переписному дѣлу велѣно было взять „въ каждомъ городѣ переписныя 186 и 710 гг. книги“, а въ какихъ городахъ тѣхъ книгъ не окажется, то „брать съ тѣхъ переписныхъ книгъ списки и выписи“, по которымъ и слѣдуетъ производить освидѣтельствованіе и розыскъ по предписанному.

Съ особой внимательностью слѣдовало производить освидѣтельствованіе пустоты. Одинъ изъ пунктовъ по этому по-

воду предписываетъ слѣдующее. „А въ которыхъ дворцовыхъ и въ патріаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ и за помѣщики и вотчиники въ селѣхъ и деревняхъ явятся пустые дворы, которые запустѣли послѣ переписки 186 и 710 гг. книгъ, и тѣ пустые дворы осматривать и розыскивать, отчего та пустота и гдѣ тѣхъ пустыхъ дворовъ жители, въ бѣгахъ или вымерли или въ солдаты и въ переведенцы взяты и въ которыхъ годѣхъ кто куда высланъ или помѣщики и вотчинники и всякаго чина люди тѣхъ селъ и деревень жителей перевели на другія свои дачи въ другія губерніи или и той же губерніи въ другіе городы и уѣзды или кому въ поступкѣ и въ продажѣ и въ приданные въ отдачѣ". Простымъ осмотромъ и опросомъ дѣло не должно было ограничиваться: слѣдовало „при томъ розыскѣ у постороннихъ людей и у сосѣдей ихъ брать сказки по заповѣди св. евангелія, а у приходскихъ ихъ священниковъ по священству", а въ тѣхъ сказкахъ „въ подтвержденіе писать за неправыя и лживыя сказки жестокое наказанье", „ссылку въ вѣчную работу на каторгу".

При разслѣдованіи слѣдуетъ отличать, какая это именно пустота, „учинилась ли та пустота сущимъ невольнымъ случаемъ", или то „вольная пустота". Къ первой, невольной пустотѣ нужно относить тѣ случаи, когда живущіе во дворахъ „вымерли или выбѣжали или въ солдаты и переведенцы по указамъ взяты"; ко второй, вольной пустотѣ нужно причислять то, когда „изъ помѣстій и вотчинъ крестьяне переведены" въ другія мѣста, „или кому въ поступкѣ и въ продажѣ и въ приданные въ отдачѣ". Подобный родъ случаевъ слѣдуетъ замѣчать и писать каждый разъ особою статьею.

Точно также нужно производить осмотръ и розыскъ подлинный, если въ сказкахъ будутъ показаны прибылые дворы, при чемъ здѣсь должно различать дворы „отдѣлившихся отъ семій", „людей не пришлыхъ", а тѣхъ же самыхъ селъ и деревень, и дворы перевезенные изъ другихъ деревень. Въ послѣднемъ случаѣ, „прибылые... перевезены ли изъ другихъ уѣздовъ тѣхъ же помѣщиковъ и вотчинниковъ или купленые или по какимъ другимъ крѣпостямъ достались", все равно,

при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ о подобныхъ прибылыхъ должно „сыскивать и разспрашивать, въ которыхъ годѣхъ и изъ которыхъ уѣздовъ и изъ чьихъ помѣстій и вотчинъ переведены въ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ живутъ и подати всякія тѣ прибылые платятъ ли, также и въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они вывезены, подати-жъ оставшіе платятъ ли или подати въ тѣхъ мѣстахъ за нихъ въ доимкѣ“.

5. Ландраты должны принять энергичныя мѣры къ тому, чтобы при новой переписи утайки и прописки не было. Такъ а) передъ переписью они должны объявить, что если кто будетъ допускать злоупотребленія при переписи и скроетъ настоящее число дворовъ, а „о томъ чрезъ кого увѣдано будетъ и сыщется допряма, то изъ оныхъ утаенныхъ и ломаныхъ дворовъ и людей тому доносителю“ дана будетъ нѣкоторая „часть, а достальное взято будетъ на Великаго Государя“. б) Въ самихъ сказкахъ писать имена подателей, да „въ подтвержденіе за ложныя сказки писать помѣщикамъ и вотчинникамъ, у которыхъ у самихъ взяты будутъ сказки, лишенья всего движимаго и недвижимаго имѣнья, а прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ и лучшимъ крестьянамъ, которые въ сказкихъ написаны будутъ, жестокое наказанье и ссылку въ вѣчную работу на каторгу“. в) Если будутъ челобитчики и доносители объ утайкѣ, прискѣ и о бѣглыхъ, то „у такихъ челобитчиковъ челобитныя, а у доносителей доношенія принимать и розыскивать и указъ чинить по Е. Ц. В. указамъ и по уложенью въ самую сущую правду, и что учинено будетъ, о томъ въ архангелогородскую и въ вологодскую канцеляріи писать“. г) А если доносителей не будетъ, то ландратамъ, камисарамъ, вообще всякому, „кто которую долю переписывать будетъ“, вмѣняется въ обязанность „тѣмъ людемъ и крестьянамъ самимъ объявлять“, что „за правое доношеніе (объ утайкѣ) дана будетъ свобода и о той свободѣ даны будутъ письма“. д) По всѣмъ такимъ доношеніямъ перепищики должны розыскивать и „указъ чинить вскорѣ“; а если они того дѣлать не станутъ, то „тѣмъ доносителямъ подавать доношенія въ архангелогородской и вологодской канцеляріяхъ, какъ сообщалось

въ одномъ изъ послѣднихъ пунктовъ, ему, ближнему стольнику и вице-губернатору Петру Ефимовичу" (Лодыженскому).

6. Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія и имѣя передъ собой переписныя книги 186 и 1710 гг., ландратъ долженъ составлять переписныя книги, въ которыхъ ему слѣдуетъ писать „каждаго помѣщика и вотчинника порознь въ селахъ и деревняхъ и дворовыхъ и дѣловыхъ людей и скотниковъ, отъ крестьянскихъ дворовъ отличая особь статьею"; также въ особую статью заносить въ деревняхъ, селахъ и слободахъ церковныхъ людей такого-же рода, какъ дворовые въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, т. е. „слугъ и служебниковъ и конюховъ и скотниковъ и другихъ чиновъ людей всѣхъ".

Переписныя книги составлять „порознь жилому и пустотѣ, съ подлинной очисткой, по статьямъ", сравнивая данныя переписи съ итогами прежнихъ переписей 186 и 1710 гг. и отмѣчая всякій разъ, „что сверхъ (прежнихъ) переписныхъ книгъ прибыло и откуда или убыло куда и пустота отчего"; все то слѣдуетъ указывать точно, по наказнымъ пунктамъ.

„Въ тѣхъ же переписныхъ книгахъ въ доляхъ учинить перечни, росписавъ обоего пола людей отъ 5 до 10, отъ 10 до 15, отъ 15 до 20, отъ 20 до 25, отъ 25 до 50, даже до 80 лѣтъ и далѣе". Такой перечень съ росписью населенья по возрасту требуется для цѣлей податного обложенія: „Ежели повелѣно будетъ положить всякія подати съ головъ обоихъ половъ или посемейно по опредѣленнымъ лѣтамъ, чтобъ къ расположенью обоихъ половъ люди по лѣтамъ тѣми перечнями въ тѣхъ книгахъ были явны".

При составленіи перечня нужно считаться съ прежнимъ поуѣзднымъ дѣленіемъ: если „въ которыхъ доляхъ разные уѣзды, и тѣмъ уѣздамъ въ тѣхъ переписныхъ книгахъ написать порознь перечни для вѣдома о каждомъ уѣздѣ", а затѣмъ уже составить „валовой перечень всей долѣ".

Закончивъ переписныя книги и перечни, ландраты и комисары и коменданты должны приготовить копіи съ нихъ и, „закрѣпивъ ихъ своими руками, подать вмѣстѣ съ тѣми подлинными" въ канцелярію Архангелогородской губ. вице-губернатору для того, чтобы одинъ экземпляръ переписныхъ

книгъ съ табелемъ изъ нихъ представить, согласно указу, въ канцелярію сената, а другой оставить въ доляхъ для повѣрки переписи; кромѣ того „перечни“ изъ переписныхъ книгъ, „какъ жилому, такъ и пустотѣ“ въ копіяхъ „оставить въ каждомъ городѣ“ „за ихъ ландратскими руками“.

По окончаніи всего того переписного дѣла ландратамъ оставаться на своихъ мѣстахъ въ виду государева указа, по которому „изъ уѣздовъ имъ, ландратамъ выѣзжать не велѣно, понеже для свидѣтельства той ихъ переписки, каково они переписывали, правдою-ль, присланы будутъ другіе люди“.

Таково содержаніе наказа, даннаго ландратамъ изъ архангелогородской губернской канцеляріи для руководства при новой переписи. Подобные же наказы [1]) вручались ландратамъ

---

[1]) Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ выдержкамъ, „наказы“ и „пункты“ не ограничивались общимъ пересказомъ смысла правительственнаго распоряженія о производствѣ переписи. Они болѣе точно и подробно перечисляли разряды населенія, которые должны быть внесены въ перепись. По этимъ выдержкамъ можно установить, что наказами предписывалось вносить въ перепись не только тѣ группы, которыя зарегистрованы были переписными книгами 1678 года, но еще и новыя группы, которыхъ эти книги не касались.

Ландратъ Пензенской доли Ѳ. Змеевъ сообщалъ сенату: „Въ прошломъ 716 г. по присланному изъ Казани изъ губернской канцеляріи указу велѣно ему въ Пензенской долѣ посадскихъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ дворовыхъ, дѣловыхъ и задворныхъ людей и бобылей и крестьянъ и ясашныхъ людей русскихъ и иновѣрцевъ дворы и въ тѣхъ дворѣхъ людей мужескъ и женскъ полъ по именомъ и въ лѣта переписать. А буде при той переписи явятся гдѣ какіе пришлые дворцовые, монастырскіе и помѣщиковы люди и крестьяне своими дворами и въ сосѣдствахъ, ихъ велѣно разспрашивать, откуда они сходцы и чьи дворовые или монастырскіе и помѣщичьи люди и крестьяне и которыхъ городовъ и уѣздовъ и давно-ль сошли и кто ихъ въ тѣ мѣста жить принималъ; и велѣно ему онымъ монастырскимъ и помѣщиковымъ людямъ и крестьянамъ и ясашникамъ и пришлымъ людямъ учинить переписныя книги и тѣ книги и изъ нихъ табель за рукою своею подать въ С.-Петербургѣ въ сенатѣ“ (*А. М. Ю.*, № 106, *л.* 140).

Основываясь на подобномъ распоряженіи губернской канцеляріи, арзамасскій, напр., ландратъ Кирѣевъ переписалъ не только тѣхъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей, которые имѣли особые дворы, но и тѣхъ, которые жили во дворахъ вотчинниковыхъ и помѣщиковыхъ. Изъ сенатской выписки узнаемъ, что „Кирѣевъ переписывалъ въ долѣ своей въ Арзамасскомъ уѣздѣ“ „монастырскіе и помѣщиковы и вотчинниковы крестьянскіе и бобыльскіе и задворныхъ и дѣловыхъ людей и ясашниковъ дворы и въ помѣщиковыхъ и въ вотчинниковыхъ дворѣхъ дворовыхъ ихъ людей муж. и жен. полу по именомъ и въ лѣта“ (*л.* 148).

Дворовые люди переписывались и въ Кіевской губ. Ландратъ той губерніи Илья Чириковъ, напр., „переписывалъ въ Старооскольской провинціи въ городахъ Старомъ Осколѣ, въ Корочѣ, Салтовѣ, Нижегольскѣ московскаго церковнаго и

и другихъ губерній. Разсмотримъ, какъ происходила перепись въ отдѣльныхъ губерніяхъ и каковы были ея результаты.

Въ Архангелогородской губерніи ландратская перепись началась въ 1716 г. и продолжалась въ слѣдующіе годы до 1720. Унженскую долю описывалъ ландратъ Дмитрій Дохтуровъ. Въ 1716 г. имъ были составлены переписныя книги своей доли, 20 окт. 1719 онъ явился въ сенатъ съ книгами, съ перечневой выпиской и съ табелью, какъ того требовалъ указъ о высылкѣ ландратовъ. По его книгамъ въ Унженской долѣ оказывалось 3566 дв., людей муж. пола 9417, жен. 7931 чел., въ томъ числѣ монастырскихъ и церковничьихъ крестьянскихъ 351 дв. (муж. 900, жен. 756), помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ 3215 дв. (муж. 8517, жен. 7175); по сравненію съ переписью 1710 г. прибыло 13 дв. (а людей убыло м. п. 156 чел.) крестьянъ монастырскихъ и церковничьихъ, крестьянъ же помѣщичьихъ убыло 1098 дв. (муж. 4296, жен. 4759), прибылые „отдѣлились отъ семій“, а убылые дворы „явились для того: взяты въ рекруты, въ солдаты, въ плотники, въ С.-Петербургъ въ работники, въ переведенцы, въ кузнецы“ [1]).

Важскій уѣздъ переписывалъ въ 1716 и 1717 гг. ландратъ кн. Никита Дябринскій. Въ январѣ мѣсяцѣ 1718 г. онъ по указу прибылъ на Вологду ради переписного дѣла, а 22 авг. того же года представилъ переписныя книги съ

приказнаго чина людей, однодворцевъ и помѣщиковъ и крестьянъ и въ помѣщиковыхъ дворахъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей, шведовъ и поляковъ, старыхъ и вновь поселенныхъ черкасъ и наемныхъ работниковъ“ (*Тамъ же*, № 114, л. 491).

Судя по указаніямъ И. Чирикова, перепись въ Кіевской губ. еще шире, чѣмъ въ Казанской захвытывала населеніе, въ нее попадали не только крестьяне и дворовые, но однодворцы, помѣщики, духовные и приказные, черкасы и наемные работники; короче говоря, все населеніе данной мѣстности.

Приведенныя указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что перепись на мѣстахъ, благодаря „наказамъ“, „пунктамъ“ и „указамъ“ губернской администраціи, обратилась въ перепись съ болѣе значительнымъ радіусомъ сравнительно съ старой переписью 1678 г., обратилась въ регистрацію, которая захватывала, сверхъ прежнихъ группъ, не только дворовыхъ людей, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и все остальное населеніе. Въ этомъ отношеніи перепись ландратская продолжала и усиливала тенденцію, замѣтно сказавшуюся при переписи 1710 года, которой зарегистрованы были новыя группы населенія, не встрѣчавшіяся въ переписныхъ книгахъ 1678 года.

[1]) Взято изъ сенатской выписки (*А. М. Ю.*, № 78, л. 811 и сл.).

перечневой выпиской и табелью въ канцелярію сената. По его переписнымъ книгамъ въ Важскомъ уѣздѣ оказалось 4883 дв., въ нихъ людей мужскаго пола 16.218 чел., женскаго 19.818; по сравненію съ переписными книгами 1710 г. дворовъ убыло 656, а людей прибыло муж. пола 1962, жен. п. 5815 чел. [1]).

Въ Тотемской долѣ переписывалъ дворы и свидѣтельствовалъ пустоту съ 1716 по 1718 г. ландратъ Карпъ Нееловъ. Въ январѣ мѣсяцѣ (29-го) 1720 г. переписныя книги (но безъ перечневой и безъ табеля) онъ привезъ въ С.-Петербургъ, но здѣсь 4 февр. умеръ, не успѣвъ сдать книгъ въ канцелярію сената; о пріемѣ ихъ ходатайствовалъ пріѣхавшій съ Нееловымъ подьячій Андрей Водолеевъ; когда же этому подьячему предложили сдѣлать перечневую выписку и табель, то онъ отказался, ссылаясь на свою неумѣлость; „взятъ онъ, сообщалъ Водолеевъ, къ дѣламъ за малолюдствомъ подьячихъ изъ купечества“ въ 1718 г., „къ тому ни мало не заобыкновененъ“, „и нынѣ еще въ молодыхъ подьячихъ“; а прежніе подьячіе, одинъ старый, другой молодой, бывшіе у того переписного дѣла, какъ оказалось, въ 1719 г. оба умерли; такъ и некому было сдѣлать перечня и выписки, а потому приговоромъ сената 17 февр. велѣно принять книги въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ привезены [2]). Благодаря этому цыфровые результаты переписи намъ неизвѣстны.

По переписнымъ книгамъ 1717 и 1718 гг. въ Вологодской первой долѣ, въ которыхъ описаны волости: Брюховская, Водожская, Южская, Угольская, Раменская и Янгосарская, въ томъ же числѣ и ростовскаго епископа Шуйскій городокъ съ подгородными селами и деревнями, всего числилось дворовъ „всѣхъ званій на лицо“ 7.232 да 184 кельи, людей въ нихъ муж. пола 23.828, жен. 24.198, обоихъ половъ 48.026 человѣкъ.

Въ томъ числѣ было дворовъ: поповскихъ, дьяконскихъ и церковныхъ причетниковъ 432 дв. да 179 келій (муж. п.

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 78, л. 774. По переписи 1710 г. числилось 5.539 дв., м. п. 14.256 чел.

[2]) *Тамъ-же*, л. 835—837.

1185, жен. 1541); домовыхъ архіерейскихъ дѣлъ стряпчаго, дѣтей боярскихъ 13 дв. (муж. 30, жен. 41); на пріѣздъ архіереямъ и приказнымъ людямъ служнихъ и служебничьихъ, подьячихъ, дьяконовскихъ, поворовъ — 267 дв. (муж. 380, жен. 418); крестьянскихъ—1676 (муж. 6715, жен. 6621); солдатскихъ, плотничьихъ, работничьихъ, вдовьихъ 864 (муж. 169, жен. 1.448); итого въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ всякихъ званій 2.807 дв. да 5 келій (муж. 7294, жен. 8528); помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ и скотскихъ 762 дв. (м. 2856, ж. 2793); крестьянскихъ 2847 (м. 11806, ж. 10.527); солдатскихъ, плотничьихъ, работничьихъ нищецкихъ и вдовьихъ 98 (м. 21, ж. 144); итого помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ всякихъ званій—3.707 дв. (м. 14.683, ж. 13464); а всего архіерейскихъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ — 4523 дв. (м. 18.521, ж. 17.148); ямскихъ — 244 дв. (м. 621, ж. 620), бобыльскихъ, солдатскихъ, нищецкихъ и вдовьихъ (въ ямахъ)—29 дв. (м. 45, ж. 45).

Сравнивая съ цыфрой дворовъ крестьянскаго и бобыльскаго населенія (4523 дв.) число дворовъ, имѣвшееся въ той долѣ по переписнымъ книгамъ 1710 г., выписка указываетъ, что „противъ тѣхъ книгъ“ убыло крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 1.808 дв. (м. 6437, ж. 4.829); общая же сумма дворовъ (7232+184) по новой переписи превысила итогъ переписи 1710 г. (6331 дв.) лишь потому, что въ него вошли дворы „всѣхъ званій“, какіе только были „на лицо“ въ Вологодской первой долѣ, благодаря чему получился видимый приростъ дворовъ, тогда какъ въ дѣйствительности была убыль [1]).

Тѣ дворы, что дали перевѣсъ цыфрамъ переписи 1716—1717 гг. передъ переписью 1710 г., принадлежали слѣдующимъ категоріямъ населенія: помѣщикамъ, духовенству, дѣтямъ боярскимъ, солдатамъ, плотникамъ, работникамъ, ямщикамъ, вдовамъ и нищимъ.

---

[1]) Этимъ объясняется та особенность въ цыфрахъ, приводимыхъ П. Н. Милюковымъ, при которой по его показанію число дворовъ растетъ, а населеніе сверхъ обыкновенія уменьшается (409 стр.).

Въ Вологодскомъ уѣздѣ въ первой долѣ переписъ [1]) началась лишь съ 19 авг. 1717 г., такъ какъ ландратъ той доли Андрей Курбатовъ приказомъ вице-губернатора былъ опредѣленъ въ вологодскую губернскую канцелярію къ расправнымъ и розыскнымъ дѣламъ, при которыхъ былъ неотлучно съ 20 іюля 1716 г. до 2 іюля 1717 г.; только освободившись отъ дѣлъ губернской канцеляріи, Курбатовъ имѣлъ возможность въ августѣ 1717 г. приступить къ переписи, но за множествомъ дѣлъ окончить ее не могъ даже и въ 1719 г., тѣмъ болѣе, что въ іюлѣ 1719 г. по указу изъ камеръ-коллегіи велѣно было ему явиться въ С.-Петербургъ „на смотръ и для принятія инструкціи". Доношеніемъ 7 авг. Курбатовъ, будучи въ С.-Петербургѣ, объяснялъ сенату причину того, что онъ не представилъ переписныхъ книгъ своей доли, и просилъ то умедленіе не поставить ему въ вину, обѣщая объявить книги немедленно, какъ только онѣ изготовлены будутъ. Хотя Курбатовъ и торопился съ представленіемъ переписныхъ книгъ, но „за многимъ отправленіемъ въ оной долѣ другихъ дѣлъ и сборовъ", какъ онъ сообщалъ въ своей „сказкѣ" (отъ 10 марта 1720 г.) вологодской губернской канцеляріи, а сверхъ того по случаю новой переписи онъ выслать переписныхъ книгъ въ канцелярію сената не могъ, такъ какъ еще не готовы были перечневыя выписки и табель. Самому Курбатову выслать книги такъ и не удалось: 9 іюня 1720 г. онъ умеръ.

Вновь назначенный въ ту долю ландратъ Ѳедоръ Тихоновъ выяснилъ, что книги переписи 1717 и 1718 годовъ, составленныя умершимъ ландратомъ, „до нынѣ (3 сент. 1720 г.) хранятся у подьячихъ, которые были при томъ переписномъ дѣлѣ, а именно у Ивана Андреева, Никифора Дьяконова и у Никиты Богословскаго", при чемъ въ нихъ оказалось множество сказокъ, не закрѣпленныхъ ни рукою ландрата Курбатова, ни рукою подьячаго Хрипунова, бывшаго у той же переписи, который въ 1719 г. тоже умеръ; переписныя книги,

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 78, л. 793—791, 848 и сл., а также см. ландратскую книгу по г. Вологдѣ 1717 г., № 17.235; при ней есть „алфавитъ владѣльцевъ" переписанныхъ селеній.

по показанію тѣхъ подьячихъ, состоятъ изъ 775 листовъ, на которыхъ переписано „помѣстій и вотчинъ 188 дачъ“, изъ нихъ 33 помѣстья закрѣплены рукою Курбатова, 112 не закрѣплены, но на нихъ есть „осмотры“ за его же рукою; „незакрѣпленныхъ же сказокъ и осмотровъ нѣтъ на 39 помѣстій, да осмотровъ за его рукою, а сказокъ не написано на 4 помѣстья“.

Ландратъ Тихоновъ „докрѣпливать“ переписныя книги отказался, ссылаясь на государевъ указъ, по которому велѣно было скрѣплять книги тѣмъ, кто то переписное дѣло отправлялъ; а заставилъ „докрѣпить“ подьячихъ Андреева, Дьяконова и Богословскаго въ виду того, что они при переписномъ дѣлѣ были и „про оное про все свѣдомы“, и велѣлъ, подъ страхомъ конфискаціи всего движимаго и недвижимаго имѣнія, ѣхать имъ съ тѣми книгами въ С.-Петербургъ „безъ всякой мѣшкоты“ и объявить ихъ въ сенатѣ въ самомъ скоромъ времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Тихоновъ запрашивалъ губернскую канцелярію: повелѣно ли будетъ кому досмотрѣть помѣстья и вотчины по 39 сказкамъ, по которымъ ландратомъ Курбатовымъ досмотровъ произведено не было, или удовольствоваться сказками, поданными изъ тѣхъ помѣстій старостами и выборными и рядовыми крестьянами, и просилъ о томъ указъ учинить.

Получивъ такой запросъ, воевода Вологодской провинціи отправилъ переписныя книги вмѣстѣ съ подьячимъ Никифоромъ Дьяконовымъ въ С.-Петербургъ, прописавъ въ своемъ доношеніи (отъ 3 янв. 1721 г.) въ сенатъ „сказку“ ландрата Тихонова. Въ канцеляріи же сената книги были осмотрѣны и приняты.

Вологодскаго же уѣзда вторую долю переписывалъ въ 1717 году ландратъ Василій Пикинъ [1]), который и предста-

[1]) Въ *А. М. Ю.* хранятся переписныя книги его переписи дворцовыхъ селъ (№ 17239, л. 1—69): Ѳрязина съ 7 деревнями, полусела Сорочнева, Турунтаева и Кобылина; переп. книга Кубенской трети, гдѣ переписаны „архіерейскія, монастырскія вотчины, помѣщичьи и вотчинничьи села и деревни“ (№ 17.237, л. 1—1611); переп. книга Пинковской трети, гдѣ внесены дворы владѣній дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ въ волостяхъ: Задносельской, Васьяновской, Ильинской, Рожественской, Новосельской, Старосельской, Лещевской и Катромской (№ 17.238, л. 1—565).

вилъ книги самъ лично въ канцелярію сената 27 іюля 1719 г. Въ тѣхъ переписныхъ книгахъ было записано: 7.059 дв. да 183 кельи, людей муж. пола 21.941, жен. 20.129.

Въ частности въ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, а также помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ по переписи 1717 г. было 6290 дв. (м. 20.028, ж. 17943); служителей разночинцевъ при архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ 201 дв. да 24 нищихъ кельи (м. 517, ж. 485); помѣщиковыхъ и скотныхъ дворовъ, а въ нихъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей и скотниковъ 274 дв. (м. 675, ж. 591); итого 6.765 дв. да 24 кельи, м. 21.220, ж. 19.029.

По тѣмъ же рубрикамъ населеніе занесено было и въ переписныя книги 1710 г., въ итогѣ которыхъ значилось 6.492 дв. и 19 келій съ населеніемъ въ 24.984 чел. муж., а жен. 23.427; по ландратской переписи число дворовъ увеличилось на 273 дв. и 5 келій, а населеніе уменьшилось.

Сверхъ же того въ переписныя книги внесены были дворы церковниковъ, которыхъ въ книгахъ 1710 г. не было (а именно „цековнаго чина"—160 дв., причетниковыхъ—134 дв. да просвирницкихъ келій 159).

Двинскую долю, которая обнимала уѣзды Двинскій, Кевроьскій и Мезенскій, переписывалъ въ 1717 и 1718 годахъ ландратъ Иванъ Телепневъ; 20-го авг. 1719 г. переписныя книги онъ привезъ въ канцелярію сената. Здѣсь по осмотру тѣхъ книгъ оказалось, что перечневой выписки не было сдѣлано, а въ табелѣ не росписано, какихъ чиновъ людей порознь прибыло или убыло, а только оставлены для цыфръ мѣста. Въ своемъ объясненіи Телепневъ сообщилъ, что ему особыми пунктами изъ архангелогородской губернской канцеляріи велѣно было перепись вести такъ, „какъ переписано въ 1710 г." и справляться съ прежними переписными книгами 186 и 710 г. г., тогда какъ въ тѣхъ книгахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и нищенскіе написаны въ одномъ валовомъ перечнѣ, а дворовъ поповскихъ и причетниковыхъ совсѣмъ не было, благодаря чему „въ его переписныхъ книгахъ онаго съ очисткою написать было не съ чего"; перечневой-же выписки не сдѣлано „за недачею ему подьячихъ" изъ губерн-

ской канцеляріи. Телепневъ обѣщался по пріѣздѣ въ г. Архангельскъ, гдѣ имѣются переписныя книги подлинныя прошлыхъ лѣтъ, сдѣлать перечневую выписку и „обстоятельную табель со всякою подлинною очисткою“, т. е. съ показаніемъ того, „куда сколько убыло и прибыло и какими случаи всякихъ чиновъ дворовъ и въ нихъ людей порознь“, и прислать въ сенатъ „конечно“ въ первыхъ числахъ декабря того же 1719 г.

Приговоромъ сената 21-го сент. велѣно было книги отъ Телепнева принять, но обязать его подпискою, чтобы онъ перечневую выписку и табель прислалъ въ сенатъ къ 1-му декабря, съ предупрежденіемъ, что если онъ на тотъ срокъ требуемаго не пришлетъ, то будетъ оштрафованъ 10-ю руб. за каждый просроченный день. Тотъ указъ Телепневу былъ сказанъ въ сенатѣ, и съ него была взята подписка, что онъ перечневую выписку и табель пришлетъ въ С.-Петербургъ къ 1-му дек. „неотмѣнно“; послѣ чего онъ былъ отпущенъ въ Архангелогородскую губернію.

Благодаря этому обстоятельству въ сенатской выпискѣ относительно Двинской доли приведены лишь краткія показанія о числѣ дворовъ, а именно.

Въ Двинскомъ уѣздѣ по переписи 1717 и 1718 г.г. числилось черносошныхъ государевыхъ крестьянъ, нищихъ и бобылей 2.785 дв. (м. 18.865, ж. 20.555); архіерейскихъ, монастырскихъ и вотчинниковыхъ 838 дв., всего 3.623 дв.; по сравненію съ переписью 1710 г. (2594 + 893 = 3487 дв.) прибыло 136 дв.

Въ Кеврольскомъ уѣздѣ по переписи 1718 г.—1.196 дв., убыло сравнительно съ переписью 1712 г. — 20 дв.

Въ Мезенскомъ у. по переписи 1716 г.—967 дв., прибыло сравнительно съ переписью 1712 г. 1 дв., кромѣ того произошли слѣдующія измѣненія: убыло крестьянскихъ 48, вдовьихъ и нищенскихъ 8 дв., а прибыло поповыхъ 2, подьяческихъ 2, бобыльскихъ 48, на оброчной землѣ 5 дв. [1]); а всего въ Двинской долѣ по переписи ландратской оказа-

[1]) А. М. Ю., № 78, л. 799 и сл.

лось 5.786 дв., а по переписямъ 1710 и 1712 г.г. было 5.669 дв., въ общемъ прибыло 117 дв.

Долю Устюга Великаго переписывалъ въ 1716 и 1717 г.г. ландратъ Алексѣй Даниловъ-Домнинъ; книги своей переписи представилъ въ канцелярію сената въ августѣ 1718 г. По его переписи оказалось на лицо 5.603 дв., людей м. п. 22.036 чел.; по переписи 1710 г. было 6.454 дв., м. п. 25.255 чел., убыло 851 дв., людей м. п. 3.219 чел. [1]).

Въ Галицкой долѣ, по сообщенію ландрата той доли Петра Вадбольскаго, перепись происходила въ 1716, 1717, 1718 и даже въ „нынѣшнемъ 1719 г.", когда по указу велѣно было представить тѣ книги въ С.-Петербургъ. Не смотря на столь продолжительный срокъ, книги, привезенныя 23-го дек. 1719 г. Вадбольскимъ въ сенатъ, оказались въ неисправности, не было при нихъ перечневой выписки; ландратъ объяснялъ, что той выписки не сдѣлано потому, что отъ него были взяты подьячіе по присылкѣ отъ вице-губернатора въ г. Архангельскъ по другимъ дѣламъ, и далъ подписку о присылкѣ перечневой выписки въ сенатъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1720 г., но прислалъ ее лишь іюня 18-го (хотя отправилъ доношеніе о томъ 3 апрѣля).

По переписи умершаго ландрата Петра Лыкова и Вадбольскаго въ Галицкой долѣ оказалось всего дворовъ 5.944, людей въ нихъ муж. пола 17.577 чел., жен. 15.968; по переписи 1710 г. числилось 6.144 дв. (съ населеніемъ м. 16.972, ж. 17.553), значитъ убыло 200 дв., а мужскаго населенія прибыло 605 чел. Въ выпискѣ же сказано: „противъ 1710 г. убыло крестьянскихъ патріаршихъ, монастырскихъ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ 1.089 дв., а прибыло помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ—325 дв. (м. 463, ж. 558), помѣщиковыхъ же скотскихъ 16 дв. (м. 43, ж. 69), задворныхъ людей [2]) 15 дв. (м. 57, ж. 38)".

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 78, л. 760—766. Домнинъ учинилъ „трои книги".

[2]) Любопытно отмѣтить, что перепись 186 г. занесла 558 дв. задворныхъ людей; по переписи же 1710 г. не числилось ни одного двора людей задворныхъ, лишь перепись ландратская снова показала 15 дв. (*А. М. Ю.*, № 78, л. 816 и сл.).

Въ частности по отношенію къ отдѣльнымъ разрядамъ населенія результаты переписи были слѣдующіе:

Въ С.-Петербургской губ. перепись ландратская шла далеко не такъ успѣшно, какъ въ Архангелогородской. Хотя переписщикамъ даны были изъ губернской канцеляріи указы о немедленной переписке и представленіи книгъ въ ту канцелярію, но ландраты переписывали дворы медленно, а книги стали представлять только послѣ нѣсколькихъ подтвердительныхъ указовъ.

Однимъ изъ первыхъ окончилъ перепись въ своемъ ландратствѣ Алексѣй Нарышкинъ, который въ 1716 же году переписалъ Угличъ и Мологу съ уѣздами, а въ 1718 г. выслалъ книги, выписку перечневую и табель въ С.-Петербургъ въ губернскую канцелярію со стряпчимъ, углицкимъ помѣщикомъ Григорьемъ Опочининымъ, а губернская канцелярія направила Опочинина въ сенатъ, куда онъ при доношеніи отъ 11 іюня 1719 г. тѣ книги и представилъ, а приговоромъ сената 22 іюня велѣно было ихъ отослать въ камеръ-коллегію, Опочинина же отпустить.

По его книгамъ оказывалось на Угличѣ и на Мологѣ, въ городѣ и на посадахъ всякихъ дворовъ 994, противъ переписи 1710 г. убыло 57 дв. (о числѣ жителей въ выпискѣ показаній нѣтъ).

крестьянскихъ, патріаршихъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ	4.336 дв.	(м. 14.715,	ж. 12.447);
бобыльскихъ за помѣщикомъ	1 дв.	(м. 1,	ж. 3);
нищецкихъ за монастырями, помѣщиками и вотчинниками	21 дв.	(м. 34,	ж. 39);
вдовьихъ патріаршихъ и помѣщиковыхъ . . .	120 дв.	(м. 177,	ж. 241);
солдатскихъ отцовъ и матерей и женъ за монастырями, помѣщиками и вотчинниками .	144 дв.	(м. 48,	ж. 228);
отставного плотника и плотничной жены . . .	2 дв.	(м. 3,	ж. 3);
вдовьихъ безъ муж. пола монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ	232 дв.	(—	ж. 309);
Итого крестьянскихъ, боб. и прочихъ .	4.856 дв.	(м. 14.978,	ж. 13.270);
монастырскихъ и разночинцовыхъ	70 дв.	(м. 136,	ж. 133);
помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ	853 дв.	(м. 2.081,	ж. 2.189);
помѣщиковыхъ скотскихъ	150 дв.	(м. 325,	ж. 338);
задворныхъ людей	15 дв.	(м. 57,	ж 38);
Итого . . .	1.088 дв.	(м. 2.599,	ж. 2.698).

Въ долѣ Соли Галицкой переписывалъ дворы ландратъ Михаилъ Вадбольскій, который представилъ книги своей переписи (17 іюня 1718 г.) въ сенатъ, гдѣ онѣ и были приняты (л. 745—747).

Въ Углицкомъ уѣздѣ крестьянскихъ и другихъ чиновъ: по переписи 1716 г. „явилось на лицо“ 4.827 да 39 келій (м. 32.567, ж. 32.217); по книгамъ 1710 г. было 4.164 дв. да 29 келій и богадѣльня (м. 19.089, ж. 15.251); слѣдовательно, прибыло 663 дв. да 10 келій (м. 13.478, ж. 16.966).

Эта прибыль населенія прямо удивительна, такъ какъ населеніе въ какихъ-нибудь 6 лѣтъ почти удвоилось, но къ сожалѣнію, въ перечневой выпискѣ того, „какими случаи“ произошла эта прибыль, „имянно не очищено“ [1].

Въ Тверскомъ уѣздѣ и въ Торжкѣ ландратъ кн. Яковъ Кольцовъ-Мосальскій самъ переписывать не могъ „за смертною болѣзнью“, а поручилъ перепись комисарамъ, а когда они составили книги, то въ февралѣ 1719 г. онъ выслалъ ихъ въ сенатъ, гдѣ тѣ книги и были приняты [2]. По ландратской книгѣ г. Твери 1717 г. оказалось на лицо—5.807 дв., людей м. п. 24.844 чел., противъ переписи 1710 г. прибыло 874 дв., людей м. п. 6.540 человѣкъ.

Во Ржевѣ Володиміровой въ 1717 г. переписывалъ дворы ландратъ Лука Челищевъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1718 г., по указу изъ с.-петербургской губернской канцеляріи, онъ послалъ тѣ книги въ ту канцелярію съ комисаромъ Ржевской доли Федосеемъ Толстымъ и съ подьячимъ, но въ губернской канцеляріи принимать ихъ отказались, отославъ комисара съ книгами въ сенатъ, куда онъ ихъ и представилъ при доношеніи 17-го янв. 1719 года.

По переписи Челищева, во Ржевѣ и въ уѣздѣ оказалось дворовъ посадскихъ и бобыльскихъ, тяглыхъ, нищенскихъ, подьячихъ и прочихъ 4.349 дв., въ нихъ мужескаго пола, кромѣ монаховъ и монахинь, 21.316, женскаго 18.247 чел.; по переписи 1710 г. числилось 3905 дв., значитъ, прибыль должна выразиться въ количествѣ 444 дв., но въ сенатской выпискѣ съ точнымъ указаніемъ, какимъ путемъ прибыли дворы противъ переписи 1710 г., сообщено, что прибыло

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, *л.* 50—55; ср. *кн. ландр. по Угличу*, № 20414, 310—318.

[2]) *Тамъ же*, *л.* 49. *Книга ландрат.* 1717 г.—№ 20287 (сравнительно съ переписью 1678 г. „прибыло 61 дв., людей м. п. 5.617 чел.“).

121 дв. [1]) (м. 651, ж. 138); сравнительно съ тою же переписью убыло 66 дв. [2]) (м. 335, ж. 400); значитъ, прибыль въ дворахъ одноименныхъ категорій выразилась въ 55 дв. (м. + 316, ж. — 262; въ общемъ + 54).

Если же по общему итогу переписи 1717 г. показывается прибыль въ количествѣ 444 дв., а не 55, какъ бы слѣдовало, то, очевидно, въ перепись ландратскую вносились дворы такихъ людей, какъ, напр., церковниковъ, которыхъ въ переписи 1710 г. не было, и на счетъ этого новаго контингента лицъ, заносимыхъ въ перепись, слѣдуетъ отнести ту значительную (около 10%) прибыль, которой въ дѣйствительности среди тяглаго населенья не было [3]).

Города Старицу, Зубцовъ и Погорѣлое Городище, которые до 1719 г. находились въ С.-Петербургской губ., а потомъ были приписаны къ Смоленской, переписывалъ ландратъ Степанъ Шепелевъ; въ 1718 г. онъ умеръ, а переписныя книги съ перечневой выпиской и табелемъ были отосланы въ смоленскую губернскую канцелярію; приговоромъ сената 17 іюля 1720 г. велѣно тѣ книги выслать въ С.-Петербургъ изъ Смоленской губ. „немедленно“, „выбравъ къ тому дѣлу нарочнаго дворянина съ добрыми подьячими, которые въ томъ могли дать отповѣдь“ [4]).

Въ Пошехоньѣ съ уѣздомъ переписывалъ дворы въ 1717 и 1718 г.г. ландратъ Ѳедоръ Сикорскій, который позднѣе былъ назначенъ въ ту же Пошехонскую провинцію камериромъ; книги, имъ составленныя, пошехонскій воевода Димитрій Бестужевъ-Рюминъ 8 мая 1720 г. выслалъ, по требованію сената, въ С.-Петербургъ съ дворяниномъ Ефимомъ Щипуно-

---

[1]) 1 посадскій отдѣлался, помѣщичьихъ вновь построено 21, при нихъ скотскихъ—24, вновь крестьянскихъ, бобыльскихъ, задворныхъ и рукомесленныхъ людей 35 дв., монастырскихъ слугъ и служебниковъ 12, скотскихъ 28 дв.

[2]) Убыль показана и объяснена въ выпискѣ не по дворамъ, а по населенію: убыло посадскихъ м. 102, ж. 78; изъ остальныхъ вымерли 210, выведены и вывезены въ другія урочища 142, бѣжало 165, остальные—обнищали, овдовѣли (23).

[3]) Книги у комисара въ сенатѣ были приняты, но приговоромъ 2-го сент. 1719 г. было велѣно прислать немедленно вѣдомость о томъ, „какими случаи имянно“ дворы прибыли или убыли по сравненію съ переписями прежнихъ лѣтъ (*А. М. Ю.*, № 191, *л.* 228 и *сл.*).

[4]) *А. М. Ю.*, № 191, *л.* 59—61.

вымъ, а о Сикорскомъ запрашивалъ, высылать ли и его въ канцелярію сената. Здѣсь книги и были приняты отъ Щипунова [1]).

Романовъ и Романовскій уѣздъ, хотя тамъ и былъ свой ландратъ кн. Дмитрій Нерыцкій, переписывалъ въ 1717 и 1718 г.г. не онъ самъ, а по его порученію той доли комисаръ дворянинъ Савва Ушаковъ; 9 марта 1720 г. онъ былъ высланъ пошехонскимъ воеводой въ С.-Петербургъ съ переписными книгами, а съ нимъ подьячій Илья Григорьевъ. Здѣсь перепищикъ Ушаковъ, дожидаясь пріема книгъ и отпуска его въ свой городъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ на постояломъ дворѣ умеръ, а книги съ перечневой выпиской и табелемъ въ августѣ мѣсяцѣ сдалъ въ канцелярію сената въ исправности подьячій Григорьевъ.

По книгамъ въ Романовѣ и въ уѣздѣ „посадскихъ, крестьянскихъ и другихъ чиновъ людей“ было 3432 дв., 3 избы да 87 келій, всего 3522, людей м. п. 12.426, ж. 10.112; а по переписи 1710 г. (3436 + 3 + 54)--3493, людей м. 13.471, ж. 10896, прибыло 29 дв. и келій, людей убыло м. 1045, ж. 784 чел. „А какихъ чиновъ дворовъ и въ нихъ людей прибыло порознь погодно и какими случаи, сообщается въ сенатской выпискѣ, о томъ въ тѣхъ переписныхъ книгахъ и перечневой выпискѣ и въ табелѣ написано имянно“ [2]).

Г. Ярославль съ уѣздомъ былъ раздѣленъ на 4 ландратства, въ нихъ были ландраты: Никита Квашнинъ-Самаринъ, Парфенъ Захаровъ, Василій Милюковъ, Левъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ первой долѣ ландратская перепись началась лишь въ самомъ концѣ 1717 г. Вначалѣ тамъ былъ ландратомъ Леонтій Рудинъ, но онъ умеръ въ 1717 г., даже не начавъ переписи; 27 ноября туда былъ назначенъ ландратомъ, по

---

[1]) *Тамъ же*, 24—26. О Сикорскомъ Бестужевъ-Рюминъ сообщалъ въ сенатъ 15 февр.; сенатъ 8 апр. 1720 г. постановилъ, послать указъ въ камеръ-коллегію, которой Сикорскій опредѣленъ въ камериры, чтобы та коллегія распорядилась выслать съ переписными книгами Сикорскаго, а если его за порученными ему дѣлами выслать нельзя, то выслать вмѣсто него другого, кого выберетъ Сикорскій и кто могъ бы дать вмѣсто него отповѣдь.

[2]) *А. М. Ю.*, № 191, *л.* 26, 170 и *сл.*

указу с.-петербургской губернской канцеляріи, Н. Квашнинъ-Самаринъ и въ той долѣ, „Ярославскаго уѣзда въ Городецкомъ и въ Служнѣ станѣхъ съ волостьми“ велѣно было ему всякія дѣла отправлять по пунктамъ, которые даны были Рудину, въ томъ числѣ и дворы переписывать. Квашнинъ-Самаринъ, начавъ перепись въ декабрѣ 1717 г., только къ 30 маю 1719 г. дворы и людей „осмотря, переписалъ и освидѣтельствовалъ и сказки у уѣздныхъ людей за ихъ руками забралъ“, но переписныхъ книгъ съ выпиской и табелемъ учинить не успѣлъ, такъ какъ по указамъ изъ губернской канцеляріи и по пунктамъ „изъ военной, изъ камеръ, изъ юстицъ и изъ штатсъ-конторъ коллегій“ принужденъ былъ составлять разныя вѣдомости за прошлые годы, занимаясь ими „повседневно“; какъ только онъ ихъ отправилъ (въ іюнѣ 1719 г.), оказалось, что нужно было спѣшить съ подачей сказокъ о душахъ мужскаго пола, которыя и были имъ собраны и отправлены въ томъ же 1719 г., а затѣмъ ему велѣно было самому явиться въ С.-Петербургъ къ 1-му іюля въ камеръ-коллегію, откуда онъ былъ назначенъ камериромъ Ярославской провинціи; 6-го іюля онъ принялъ указъ о своемъ назначеніи и инструкцію. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, по словамъ Квашнина-Самарина, ему переписныя книги съ выписками и табелемъ къ назначенному сроку „учинить было ни по которой мѣрѣ невозможно“.

По его отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, въ той долѣ былъ оставленъ комисаръ Иванъ Толмачевъ, на него перешло и переписное дѣло, но по пріѣздѣ въ Ярославль воеводы Нарышкина, послѣднимъ были забраны подьячіе, которые до того занимались переписью, такъ что, когда потребовалось въ 1720 г. по указу 15 янв. выслать ландратовъ съ переписными книгами въ сенатъ скованныхъ, то изъ Ярославской доли некого было выслать, да и книги не были окончены; случайно по дѣламъ камеръ-коллегіи Квашнинъ-Самаринъ оказался въ С.-Петербургѣ, онъ и разъяснилъ положеніе дѣла при разспросѣ его въ канцеляріи сената [1]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, *л.* 253—257.

Относительно другой доли Ярославскаго уѣзда, которая состояла изъ Ѣдомской и Черемошской волостей, 1720 г. сент. 1-го, провинціальный судья изъ Ярославля Андрей Дашковъ сообщалъ, что въ тѣхъ волостяхъ дворы переписывалъ, „во дворахъ людей осматривалъ и свидѣтельствовалъ по наличнымъ уѣздныхъ людей росписямъ" ландратъ Парфенъ Захаровъ, но всѣхъ дворовъ не переписалъ, когда въ іюнѣ 1716 г. по указу былъ посланъ въ С.-Петербургъ „для поданія вѣдомостей о всякихъ сборахъ и нарядахъ", гдѣ Захаровъ находился до 1720 года. Съ момента его отъѣзда перепись пріостановилась, и оставшіеся дворы не переписаны и никѣмъ не изслѣдованы [1]).

Въ третьемъ ландратствѣ Ярославской же провинціи переписывалъ дворы ландратъ Василій Милюковъ, но въ 1719 г. онъ былъ опредѣленъ камериромъ въ Углицкую провинцію, куда и уѣхалъ, не окончивъ переписного дѣла; также и подьячихъ, бывшихъ при переписи, не оказалось на лицо, благодаря чему, по сообщенію судьи Дашкова, „безъ нихъ того дѣла собрать и окончить невозможно и некому": въ Ярославской провинціи въ 1720 г. подьячихъ было „самое малое число, только 9 человѣкъ", да и тѣ къ переписному дѣлу „не заобычны", а иные и „писать мало умѣютъ" [2]).

Въ четвертой долѣ Ярославской провинціи перепись производилъ ландратъ Левъ Мусинъ-Пушкинъ, до сент. 1720 г. онъ переписныхъ книгъ въ сенатъ не представлялъ, на запросъ изъ ярославской канцеляріи „отвѣтствовалъ, что онъ то переписное дѣло отправитъ самъ" [3]).

Въ Гдовѣ, Гдовскомъ и Кобыльскомъ уѣздахъ, по указу изъ губернской канцеляріи и по наказу отъ нарвскаго коменданта Сухотина, переписывалъ въ 1718 г. дворы и людей посланный для этой цѣли нарвскаго гарнизона капитанъ Семенъ Косецкій. „Учиня двои переписныя книги", однѣ для отсылки въ С.-Петербургъ, другія „для вѣдома въ Нарвѣ", Косецкій былъ отправленъ комендантомъ сначала въ губерн-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 258.
[2]) *Тамъ же*, л. 259.
[3]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 260.

скую канцелярію, а потомъ (11 іюля 1719 г.) въ канцелярію сената, гдѣ книги и были приняты [1]).

На капитана Косецкаго была подана фискалу Дирину жалоба отъ жителей гдовскихъ и кобыльскихъ, а фискалъ донесъ о томъ юстицъ-коллегіи, послѣдняя же сенату, что онъ, Косецкій, будучи во Гдовскомъ и Кобыльскомъ уѣздахъ въ 1718 г. перепищикомъ, „съ посадскихъ людей и крестьянъ бралъ себѣ взятки деньгами и прочими припасами". По поводу жалобы отъ Косецкаго въ сенатѣ была взята сказка такого рода: „Онъ, кап. Косецкій, по евангельской заповѣди Господни, сказалъ, вышепомянутымъ де въ Гдовскомъ и Кобыльскомъ уѣздѣхъ и на посадѣ всякихъ чиновъ людемъ оную перепись чинилъ самою сущею истинною правдою безъ всякой утайки и понаровки, не обходя ни единаго двора и ни малаго человѣка, и не соединяя изъ двухъ или трехъ во единъ дворъ, и не смотря ни на какія лица и взятки, но чинилъ такъ, какъ Е. В. Г. указы повелѣваютъ; а буде сказалъ что ложно, и за то указалъ бы Великій Государь учинить ему то, чему онъ противъ Е. Ц. В. указовъ будетъ достоинъ".

Затѣмъ отъ Косецкаго потребовано было въ юстицъ-коллегіи объясненіе на жалобу; онъ отвѣчалъ: „Сказкамъ ихъ (гдовскихъ и кобыльскихъ обывателей) вѣрить не надлежитъ", они жаловались на него „неправедно, по злобѣ", будучи недовольны тѣмъ, что онъ ихъ „ложнымъ сказкамъ" о числѣ дворовъ не вѣрилъ и тѣмъ „пользы имъ не чинилъ", а то явно изъ его переписныхъ книгъ, по которымъ „противъ прежнихъ переписокъ сверхъ ихъ сказокъ" оказалось прибыли 176 дв. Юстицъ-коллегія и запрашивала сенатъ, дѣйствительно ли столько прибыло дворовъ [2]).

По переписи 1718 г. во Гдовѣ и въ уѣздѣ оказалось на лицо 369 дв. (м. 3102, ж. 2848); по переписи 1711 г.

---

[1]) 1719 г. іюля 25, сенатъ постановилъ: „Переписныя Гдова и Кобыльскаго у. книги и выписки и табели съ прочими такими жъ отослать въ камеръ-коллегію, а ему, Косецкому, въ пріемѣ оныхъ дать изъ сената вѣдѣніе" (*Тамъ же*, л. 70).

[2]) Сенатъ, установивъ прибыль, 25 авг. 1720 г. опредѣлилъ: „О вышеписанномъ въ юстицъ-коллегію послать при указѣ копію".

было 249 дв. (м. 1803, ж. 1529); прибыло 120 дв. (м. 1299, ж. 1319).

На Кобыльи и въ Кобыльскомъ уѣздѣ по переписи 1718 г. явилось на лицо 137 дв. (м. 1194, ж. 1057); по переписи 1711 г. было 85 дв. (м. 762, ж. 635); прибыло 52 дв. (м. 432, ж. 422). Всего въ Гдовскомъ и Кобыльскомъ у. прибыло 172 дв. (м. 1731, ж. 1741, обоихъ 3472).

По переписи 1718 г. показаны цыфры дворовъ: во Гдовѣ и въ уѣздѣ: посадскихъ 9 дв. (м. 66, ж. 61); дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ 360 (м. 3036, ж. 2787); на Кобыльи и въ уѣздѣ: посадскихъ бобылей 2 дв. (м. 24, ж. 33), дворцовыхъ и прочихъ 135 дв. (м. 1170, ж. 1024) [1].

Самеровская (Чамеровская) волость была выдѣлена при переписи въ особую единицу. По указу 1718 г. ее велѣно было переписать гдовскому коменданту Ив. Коновницыну, и „для взятья сказокъ о мужскомъ и женскомъ полу“ быть во всѣхъ сотняхъ, а по взятьи сказокъ, „осмотрѣть и переписать дворовое число“ и людей обоихъ половъ, и затѣмъ составивъ „двои переписныя книги“, однѣ подать въ нарвскую канцелярію, а другія въ с.-петербургскую губернскую канцелярію. Коновницынъ въ 1719 г. Самеровскую волость переписалъ и вмѣстѣ съ книгами пріѣхалъ въ С.-Петербургъ для отдачи ихъ въ губернскую канцелярію, но здѣсь ихъ у него не приняли, тогда онъ обратился къ нарвскому коменданту Сухотину, который направилъ его (при доношеніи отъ 13 авг. 1719 г.) въ сенатъ, гдѣ онѣ и были приняты.

По переписи Коновницына въ Самеровской волости въ пяти сотняхъ посадскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ оказалось на лицо 624 дв. (м. 3191, ж. 2971 и престарѣлыхъ 51); убыло сравнительно съ переписью 1706 г. [2]) 635 дв. (м. п. 1893 человѣка).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 194—198; ср: 65—71.

[2]) Сравниваются итоги переписи 1719 г. съ переписью 1706 г. потому, что, по сообщенію перепищика, ему переписныхъ книгъ 1710 г. „ни откуда не дано“, вѣдать было не по чему и „о прибыли или убыли очистки положить невозможно“.

Въ числѣ 635 убылыхъ дворовъ: умершихъ 308, людей м. п. 776; „сошлыхъ и оскудѣлыхъ“ 327, людей м. п. 1117. „А тѣ убылые дворы, сообщалось въ сенатской выпискѣ, явились оттого, что въ прошлыхъ годѣхъ крестьяне отъ хлѣбныхъ скудностей и отъ несносныхъ податей разбрелись врозь и померли“ [1]).

Ландратская доля, состоявшая изъ Шелонской пятины и Старой Руссы съ уѣздомъ, была переписываема ландратомъ той доли Иваномъ Мякининымъ. Переписныя книги Старой Руссы имъ были закончены и въ 1719 г. поданы въ камеръ-коллегію, а книги Шелонской пятины къ тому времени не были закончены, по словамъ доношенія Мякинина, „за умноженіемъ дѣлъ и вѣдомостей и за малолюдствомъ подьячихъ“. Когда Мякининъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ для подачи книгъ Старой Руссы, то поручилъ переписное дѣло комисару Лодыженскому съ подьячими его команды.

Въ камеръ-коллегіи Мякининъ далъ подписку, что книги Шелонской пятины онъ вышлетъ немедленно, какъ только онѣ будутъ составлены, а затѣмъ отпущенъ былъ въ Новгородъ къ отправленію дѣлъ по своему ландратству; но не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ указомъ изъ юстицъ-коллегіи былъ назначенъ судьей въ томъ же Новгородѣ и сталъ отправлять дѣла „разбойныя, татиныя и челобитческія“, а ландратское правленіе было передано комисару Лодыженскому; такъ переписныя книги Шелонской пятины и оставались неоконченными.

Когда же указомъ сената 15 янв. 1720 г. велѣно было ландратовъ, не явившихся въ сенатъ съ переписными книгами, выслать въ С.-Петербургъ „за карауломъ скованныхъ“, то камерирь Новгородской провинціи Иванъ Ушаковъ, управлявшій въ то время дѣлами той провинціи, распорядился (24 янв. 1720 г.), чтобы Мякининъ явился въ новгородскую приказную палату для отсылки его въ С.-Петербургъ съ переписными книгами, но Мякининъ въ приказную палату не поѣхалъ, „учинился ослушенъ“. На другой день камерирь отправилъ къ Мякинину вышневолоцкаго комисара Гера-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 233 и сл. Приговоромъ 5 сент. 1719 г. велѣно книги отослать въ камеръ-коллегію, а Коновницыну о пріемѣ ихъ дать вѣдѣніе.

сима Березина да дворянина Ивана Меньшого Косицкаго, побудить Мякинина явиться въ приказную палату съ книгами, а въ случаѣ, если онъ самъ не поѣдетъ, взять людей его. Но Мякининъ не только самъ не поѣхалъ, но и не далъ взять людей его, говоря, что ежели кто станетъ людей его брать, то того онъ будетъ бить. Такъ посланные принуждены были вернуться ни съ чѣмъ. О такомъ „ослушаніи“ камерирь Ушаковъ доношеніемъ 1-го февр. 1720 г. сообщилъ сенату.

Въ свою очередь и Мякининъ (5 февр.) писалъ въ сенатъ, что онъ въ бытность его ландратомъ о переписномъ дѣлѣ „всегда прилежность и попеченіе имѣлъ“, переписныя книги Шелонской пятины начерно сдѣланы, а набѣло переписать ихъ не было возможности, такъ какъ вновь прибывшій воевода Хилковъ отъ того дѣла подьячихъ отобралъ, опредѣливъ ихъ къ другимъ дѣламъ и хотя онъ многократно воеводѣ и камериру Ушакову какъ при фискалахъ, такъ и при другихъ свидѣтеляхъ говорилъ, чтобы они переписныя книги отправили вскорѣ, но его слова не дѣйствовали, переписныя книги оставались неоконченными; а самъ онъ, Мякининъ, занятъ судебными дѣлами, возложенными на него юстицъ-коллегіей, переписью же вѣдаетъ камисаръ Лодыженскій. Но теперь, жаловался Мякининъ, въ отправленіи его дѣлъ и розысковъ произошло замедленіе и остановка, такъ какъ камерирь Ушаковъ приставилъ у двора, на которомъ онъ стоялъ, караулъ и „не велѣлъ его съ двора спускать“.

Мякининъ просилъ, чтобы повелѣно было съ переписными книгами выслать въ С.-Петербургъ Лодыженскаго, такъ какъ онъ именно опредѣленъ къ отправленію дѣлъ его ландратства, а также поручить окончаніе переписныхъ книгъ тѣмъ подьячимъ, которые раньше были у переписи, ему же самому ѣхать въ С.-Петербургъ невозможно за многими дѣлами, возложенными на него юстицъ-коллегіей.

Узнавъ обо всемъ этомъ, новгородскій воевода кн. Юрій Хилковъ въ доношеніи (15 февр.) сенату писалъ, что Иванъ Мякининъ напрасно отговаривается, онъ могъ переписныя книги давнымъ давно окончить, но того не сдѣлалъ, а когда

его хотѣлъ выслать Ушаковъ, то „учинился ослушенъ и съ перепискою въ С.-Петербургъ не поѣхалъ“; а что онъ, Мякининъ, писалъ, будто онъ, воевода, прибывъ въ Новгородъ (24 іюля 1719 г.), отобралъ отъ переписныхъ дѣлъ подьячихъ, то въ этомъ „оной Мякининъ оболгалъ его напрасно, понеже которой подьячей, а именно Ѳедоръ Семеновъ съ молодыми подьячими у того переписного дѣла сначала былъ и съ нимъ въ уѣздъ ѣздилъ, и до нынѣ при немъ у того дѣла неотлученъ, никакими отъ него дѣлами не обязанъ и никуда не опредѣленъ, и отговариваться ему тѣмъ не надлежитъ“, тѣмъ болѣе, что подьячихъ у него было достаточно, да и теперь въ его вѣдомствѣ находятся старыхъ и средней статьи—5 человѣкъ, молодыхъ—1.

Но одной перепиской съ сенатомъ дѣло о высылкѣ Ивана Мякинина не кончилось. Когда воевода Хилковъ прибылъ (5 марта) въ Новгородъ, то узналъ, что Мякинина въ то время въ городѣ уже не было; по приказу воеводы, на его дворъ былъ посланъ (9 марта) караульный урядникъ для привода въ приказную палату судьи Мякинина; а если его дома не окажется, то велѣно было взять его людей; урядникъ привелъ двухъ человѣкъ, которые въ допросѣ сказали, что ихъ помѣщикъ уѣхалъ 24 февр. въ свое помѣстье Агафоново, не приказавъ никому своей команды. Обо всемъ этомъ Хилковъ сообщилъ въ сенатъ доношеніемъ 11 марта.

Но нѣсколько позднѣе (28 марта), будучи розысканъ воеводою Хилковымъ, Мякининъ съ подьячими, бывшими у переписи, отправленъ былъ съ переписными книгами въ С.-Петербургъ съ подпрапорщикомъ новгородскаго гарнизона Ермиломъ Висляковымъ и съ драгуномъ „скованъ“. 6 апрѣля ландратъ Мякининъ съ переписными книгами у Вислякова въ сенатѣ „принятъ“ и того-же числа „оной ландратъ Мякининъ и кортикъ его и дѣла переписныя въ коробкѣ за печатью присланныхъ съ нимъ подьячихъ отданы подъ караулъ вахмистру князю Семену Енгалычеву“, а 8-го числа онъ былъ отпущенъ подъ росписку, чтобъ „ставиться ему въ сенатѣ по вся дни, и безъ указу изъ сената никуда изъ С.-Петербурга не съѣхать; а буде онъ, сообщалось въ рос-

пискѣ, изъ С.-Петербурга куда безъ указа изъ сената выѣдетъ, за то, по отнятіи его чина, движимое и недвижимое его имѣніе взято будетъ на Великаго Государя“.

Подобную же подписку 6-го апрѣля дали и подьячіе Федоръ Семеновъ, Иванъ Кондратьевъ и Петръ Свѣшниковъ, которые были присланы вмѣстѣ съ Мякининамъ въ С.-Петербургъ, съ обязательствомъ окончить переписное дѣло и не съѣхать, подъ угрозой, по взятьи ихъ имѣнья, ссылки въ вѣчную работу на галеру. Когда же по осмотру оказалось, что „подлинныя книги учинены, а по листамъ ландратскою рукою не закрѣплены и не переплетены и перечневыхъ книгъ и табелей не сдѣлано“, то подьячій Семеновъ заявилъ, что все то сдѣлать на квартирѣ имъ „способнѣе“ и просилъ отдать книги па квартиру, а какъ только все они изготовятъ, то представятъ въ сенатъ; 8 апр., по его просьбѣ, книги и были отданы подьячимъ на квартиру подъ росписку.

Пока Мякининъ былъ въ С.-Петербургѣ, онъ юстицъ-коллегіей былъ опредѣленъ въ ту же Новгородскую провинцію, по сношеніи съ сенатомъ, оберъ-ландрихтеромъ. Тогда Мякининъ 5 авг. обратился въ сенатъ съ просьбой, велѣть ему выдать переписныя книги для окончанія ихъ въ Новгородѣ, такъ какъ, за его отлученіемъ по случаю новаго назначенья, въ С.-Петербургѣ перечневыхъ книгъ и табелей, „обрѣтающимися здѣсь малыми подьячими отправить въ скорости невозможно“, тѣмъ болѣе, что, „за безвременною и скорою высылкою“ его отъ воеводы кн. Хилкова, со всѣмъ тѣмъ переписнымъ дѣломъ изъ Новгорода собраться было некогда“, многое осталось въ Новгородѣ, да подьячіе, бывшіе у того дѣла, тоже остались тамъ же, а иные опредѣлены къ другимъ дѣламъ. Мякининъ просилъ отпустить и подьячихъ, находившихся съ нимъ, назначить срокъ для представленія книгъ да къ воеводѣ отправить послушный указъ, чтобы онъ въ томъ переписномъ дѣлѣ „помѣшательства ни въ чемъ не чинилъ“, подьячихъ отдалъ, а комисару Лодыженскому велѣлъ быть съ нимъ, Мякининымъ, у того же дѣла до его окончанія.

Сенатъ приговоромъ 12 авг. приказалъ сдѣлать все то, о чемъ просилъ Мякининъ, и назначилъ срокомъ представленія переписныхъ книгъ 1-ое декабря 1720 г., грозя въ противномъ случаѣ „за неисправленіе и за невысылку“ наложить немалый штрафъ.

На указанный срокъ Мякининъ переписныхъ книгъ не представилъ, ссылаясь на „многое помѣшательство“ отъ воеводы Хилкова; лишь 25 марта 1721 г. переписныя книги Шелонской пятины отправлены были имъ съ подьячимъ Иваномъ Псковитиновымъ, а книги по г. Новгороду не были имъ закончены, такъ какъ сверхъ помѣшательства воеводскаго подьячіе, занимавшіеся этимъ дѣломъ, были взяты ген.-м. Волковымъ, который пріѣхалъ въ Новгородъ для свидѣтельства душъ и расположенья полковъ.

Приговоромъ сената 4 апр. велѣно присланныя книги Шелонской пятины принять, а о „присылкѣ новгородскихъ книгъ послать Мякинину указъ съ подтвержденіемъ“. Однако едва ли онѣ были присланы въ сенатъ въ законченномъ видѣ, такъ какъ вскорѣ сенатъ постановилъ „перепись оставить“ и недосланныхъ книгъ не присылать.

Такова сложная исторія хода переписи и присылки книгъ по этому ландратству [1]). Здѣсь наглядно видно, что перепись тормозилась множествомъ дѣлъ, которыми буквально была завалена мѣстная администрація, недостаточнымъ составомъ канцелярскихъ работниковъ, которыхъ приходилось отрывать по нѣсколько разъ отъ дѣла, малымъ числомъ самого служебнаго персонала, благодаря чему царедворца, еще не освободившагося отъ одного дѣла, назначали на новую должность и торопили съ отъѣздомъ; къ тому же еще присоединялись взаимныя пререканія и недоброжелательства въ средѣ самихъ мѣстныхъ властей.

Долю, въ которую входили Бѣжецкая и Деревская пятина, переписывалъ ландратъ Григорій Квашнинъ-Самаринъ, но книгъ въ сенатъ не представилъ до 1720 г. Въ 1719 г.

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 103—108, 157—159, 215. Книги ландратскія по Новгороду (Шелонской и Водской пятинъ) съ подробнымъ перечисленіемъ дворовъ и населенія—№ 18912, 18915 и 18916.

онъ былъ назначенъ камеръ-коллегіей въ Тверскую провинцію камериромъ. По назначеніи онъ оставилъ, по сообщенью кн. Ю. Хилкова (отъ 11 марта 1720 г.), у отправленія своихъ прежнихъ дѣлъ комисаровъ Ивана Бочманова и Герасима Березина.

Сенатъ указомъ 15 янв. 1720 г. сначала велѣлъ выслать Квашнина-Самарина въ С.-Петербургъ скованнымъ, но потомъ, узнавъ о его назначеніи камериромъ, 7 мая, подтвердивъ прежнее постановленіе о высылкѣ его въ С.-Петербургъ, добавилъ: „а буде за другими какими дѣлами отлучиться и выслать его неможно", то выслать другого, кого назначитъ самъ Квашнинъ-Самаринъ, а съ нимъ подьячихъ, которые были при томъ дѣлѣ [1]).

Во Псковѣ и въ уѣздѣ перепись производилъ ландратъ Степанъ Лопухинъ, но той переписи не кончилъ, такъ какъ 3 окт. 1718 г. по указу изъ с.-петербургской губернской канцеляріи былъ взятъ нарочно присланнымъ курьеромъ Андреемъ Буховецкимъ и урядникомъ Хвостовымъ и увезенъ въ С.-Петербургъ подъ карауломъ, и съ того времени во Псковъ не возвращался. Когда сенатомъ былъ присланъ указъ о высылкѣ ландрата, псковскій воевода Иванъ Ржевскій въ доношеніи (отъ 30-го янв. 1720 г.), по сказкѣ подьячаго Дементья Давыдова, бывшаго съ Лопухинымъ у переписи, сообщалъ, что переписное дѣло во Псковѣ, во Псковскомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ какъ посадскихъ, такъ и крестьянъ не окончено, ландратъ во многихъ Псковскихъ пригородахъ для той переписи даже не бывалъ, дворовъ не переписывалъ и вообще никакихъ переписныхъ книгъ не учинилъ.

Сенатъ 8 апр. 1720 г. постановилъ, для окончанія переписи воеводѣ по своему разсмотрѣнью опредѣлить „человѣка добра", съ нимъ и выслать изготовленныя книги и подьячихъ, которые были при переписи, въ канцелярію сената, не дожидаясь о томъ новыхъ указовъ [2]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191, *л.* 46, 103.
[2]) *Тамъ же*, *л.* 14—18.

Въ Ингерманландіи и Шлютельбургскомъ уѣздѣ по указу (8 окт. 1718 г.) изъ с.-петербургской губернской канцеляріи велѣно было крестьянскіе, бобыльскіе и латышскіе дворы и людей м. и ж. пола, тутошнихъ жителей и вновь поселенныхъ переписать комисару Афонасью Рукину, и для той переписи ему былъ данъ 12-го дек. 1718 г. наказъ и пункты, но онъ до начала 1720 г. переписи не закончилъ, даже неизвѣстно, начиналъ ли ее, и на запросъ о томъ никакого отвѣта не давалъ.

Ландрихтеръ Мануковъ въ январѣ, а потомъ въ іюлѣ 1720 г. запрашивалъ сенатъ, „нынѣ Ингерманландію и Шлютельбургскій уѣзды переписывать ли“ и кому именно, тому ли комисару Рукину или другому; да по указу 15 янв. его высылать ли въ С.-Петербургъ, такъ какъ въ Ингерманладіи „комисаровъ опричь его никого нѣтъ“. Сенатъ еще въ сентябѣ мѣсяцѣ 1719-го года распорядился о томъ, чтобы Рукинъ въ камеръ-коллегіи былъ допрошенъ, переписывалъ ли онъ дворы, „всѣ-ли переписалъ или чего не переписывалъ и зачѣмъ“; вторично 27 авг. 1720 г. сенатъ о Рукинѣ требовалъ отвѣта отъ камеръ-коллегіи, былъ ли онъ допрошенъ и приняты-ль отъ него переписныя книги.

Пока шла переписка между канцеляріями, въ Ингерманландіи къ переписи дворовъ никто не приступалъ до октября 1722 г., хотя еще въ 1721 г. было сдѣлано новое распоряженіе, дворы переписать С.-Петербургской провинціи камериру Жукову, но онъ сначала отлучился по дѣламъ въ Москву, а потомъ по прибытіи въ С.-Петербургъ, въ канцелярію не являлся, сказывался больнымъ. Окт. 22-го 1722 г. Степанъ Мелецкій-Нелединскій, сообщивъ сенату, что „въ Ингерманландіи крестьянскіе и латышскіе дворы по сіе число не переписаны, о чемъ какъ въ сенатъ, такъ и въ камеръ-коллегію изъ канцелярій надъ Ингерманландіею подаваны многія доношенія, а указу не учинено“, спрашивалъ сенатъ, переписывать ли дворы и кому. Изъ помѣты на этомъ доношеніи видно, что „по указу велѣно латышей переписывать генералъ-майору Кулону“ [1]). Такъ перепись въ Ингерман-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 191. л. 5—7, 177—180; № 814, л. 971 и сл.

ландіи и не была произведена въ то время, когда она во всѣхъ другихъ мѣстахъ происходила.

Великолуцкой провинціи города Великіе Луки, Торопецъ и Холмъ съ уѣздами по указу изъ С.-Петербургской губернской канцеляріи (августа 1715 г.) велѣно было переписать вновь назначенному въ г. Торопецъ ландрату Льву Челищеву. Но въ томъ же году Челищевъ по указу былъ отправленъ въ Старую Руссу „ко изслѣдованію старорусскихъ дѣлъ“, а перепись указано было производить ему по освобожденіи отъ дѣлъ въ Старой Руссѣ. Пробывъ тамъ около 2-хъ лѣтъ (1716 и 1717 г.), по пріѣздѣ въ Торопецъ, Челищевъ лишь въ 1718 году приступилъ къ переписному дѣлу, опредѣливъ къ себѣ въ помощь дворянина Юрья Голенищева-Кутузова съ товарищами. Но въ Торопецкомъ уѣздѣ онъ закончить переписи не могъ, такъ какъ въ 1718 же году былъ взятъ по указу въ С.-Петербургъ въ канцелярію ген.-м. Матюшкина для отвѣтовъ по старорусскимъ дѣламъ. По отъѣздѣ его, переписью всецѣло завѣдывалъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ Лукахъ Великихъ и въ уѣздѣ перепись была поручена ландратомъ Челищевымъ камисару Ивану Павлову Чирикову, да дворянину Ивану Васильеву Бойкову. Иванъ Чириковъ въ 1717 и 1718 г.г. производилъ перепись не одинъ, а съ помощью дворянъ Великолуцкаго уѣзда, изъ которыхъ Данила Юреневъ, собравъ сказки, оставилъ ихъ у себя, хотя былъ высланъ изъ Великихъ Лукъ въ С.-Петербургъ въ камеръ-коллегію, откуда до 1721 г. не возвращался. Да и самъ Чириковъ въ 1718 г. іюня 28-го былъ взятъ по указу въ С.-Петербургъ „съ обстоятельными вѣдомостями“ для представленія ихъ въ губернскую канцелярію, а переписное дѣло онъ сдалъ тогда же дворянину И. В. Бойкову подъ росписку. Затѣмъ Чириковъ къ переписному дѣлу болѣе не возвращался, такъ какъ въ 1719 г. по указу изъ юстицъ-коллегіи опредѣленъ былъ „судьей къ суднымъ и розыскнымъ дѣламъ“ въ Торопецъ.

Вмѣстѣ съ Чириковымъ ландратъ Челищевъ поручилъ (въ 1718 г.) производство переписи И. В. Бойкову съ дворянами: Осипомъ Мякининымъ и Иваномъ Юрьевымъ Бойковымъ;

имъ было поручено по взятымъ Чириковымъ сказкамъ произвести осмотръ, сказки добрать и затѣмъ составить переписныя книги. Но И. В. Бойковъ такое порученіе считалъ „принужденіемъ“ со стороны ландрата; „опасаясь штрафу, онъ, Бойковъ, по его сообщенію, той переписи и осмотра въ Великолуцкомъ уѣздѣ безъ особливаго указу учинить не смѣлъ, понеже по именному Е. Ц. В. указу оную перепись велѣно учинить ландратамъ самимъ, не посылая отъ себя никого“. На этомъ основаніи онъ и самъ перепись не чинилъ и дворянамъ „не велѣлъ“, о чемъ писалъ въ губернскую канцелярію 30-го дек. 1718 г. и марта 23-го 1719 г., прося указа, но о томъ, чтобы дворы переписывать, изъ губернской канцеляріи ему никакого указа не присылали; такъ онъ къ переписи той и не приступалъ, а 17 февр. 1720 г. и совсѣмъ отъ дѣлъ ландратскаго правленія устранился, такъ какъ былъ назначенъ къ смотрѣнію надъ лѣсами.

Благодаря такимъ обстоятельствамъ въ Великолуцкой провинціи переписныя книги не были составлены и не были представлены въ С.-Петербургъ. Когда же прибылъ въ ту провинцію указъ о безотлагательной высылкѣ ландратовъ съ переписными книгами, то воевода Семенъ Карякинъ доносилъ (20 февр. 1720 г.) сенату, что высылать не кого, такъ какъ бывшій ландратъ Челищевъ—въ С.-Петербургѣ.

Тогда въ сенатъ 9 апрѣля былъ вызванъ Челищевъ для допроса; онъ сообщилъ, что самъ переписывать не могъ, а поручилъ то дѣло Юрію Голенищеву-Кутузову, камиссару Чирикову да Ивану Бойкову. Сенатъ приговоромъ 26 апрѣля постановилъ вытребовать названныхъ лицъ съ переписными книгами въ С.-Петербургъ и послать указъ къ воеводѣ Карякину, чтобы онъ выслалъ ихъ „за карауломъ окованныхъ, не мотчавъ“. Но по доношенію (9-го іюля) отъ Карякина оказывалось, что Голенищевъ-Кутузовъ „лежитъ боленъ при смерти“; Чириковъ назначенъ судьей и тоже „весьма боленъ“, Бойковъ назначенъ указомъ адмиралтейской коллегіи къ смотрѣнію надъ лѣсами, и съ него взята росписка, чтобы онъ явился въ сенатъ; также велѣлъ онъ явиться въ канцелярію сената іюля къ 25 числу съ переписнымъ дѣломъ

Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ подьячимъ, которые были у того дѣла, Гаврилу Жеребцову и Борису Дичкову. Въ то же время сенату было сообщено о ходѣ переписи въ той провинціи и о причинахъ ея замедленія.

Узнавъ о томъ, сенатъ іюля 29-го 1720 г. опредѣлилъ: выслать съ переписнымъ дѣломъ Ю. Голенищева-Кутузова и Осипа Мякинина съ товарищами и подьячихъ, а вмѣсто И. Чирикова и И. Бойкова, если ихъ выслать „за дѣлами" невозможно, прислать кого-либо другого дворянина, „кого пригоже, къ такому дѣлу заобычнаго", по разсмотрѣнію воеводы Карякина.

Однако не смотря на этотъ приговоръ, въ сенатъ въ августѣ (2-го) явились только двое названныхъ выше подьячихъ, которые объяснили, что хотя они и привезли съ собой книги Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ, но по книгамъ перепись тѣхъ уѣздовъ не окончена, многіе погосты и помѣстья не переписаны, а также по многимъ помѣстьямъ и вотчинамъ „свидѣтельствъ и розысковъ нѣтъ"; кромѣ того имъ не дано переписныхъ книгъ 186, 1707 и 1710 г.г., благодаря чему ту перепись здѣсь въ окончаніе привести никакъ невозможно. Тогда сенатъ 30 авг. 1720 г. постановилъ, подьячихъ съ переписными книгами Великолуцкой провинціи отпустить въ ту провинцію, къ тому переписному дѣлу воеводѣ опредѣлить иныхъ дворянъ, кого пристойно, по своему разсмотрѣнію въ виду болѣзни и назначенія на другія должности прежнихъ перепищиковъ и, по окончаніи переписныхъ книгъ, прислать ихъ въ сенатъ немедленно.

Но изъ этого распоряженья ничего не вышло. Въ янв. 1721 г. великолуцкій воевода Карякинъ сообщалъ сенату, что нѣкоторыя сказки остались у дворянина Юренева, въ великолуцкой канцеляріи подлинныхъ переписныхъ книгъ 186 и 707 г.г. Луцкаго уѣзда нѣтъ, имѣются только перечневыя книги, по которымъ сбираются государевы денежные и всякіе иные сборы, благодаря чему, не смотря на принятыя имъ мѣры, привести перепись къ окончанію и составить выписки и табели нѣтъ никакой возможности.

Это доношеніе убѣдило сенатъ, что столь затянувшееся дѣло нельзя привести къ благополучному окончанію. На реестрѣ, излагавшемъ всю сложную и запутанную исторію переписи въ Великолуцкой провинціи по отпискамъ, доношеніямъ, вѣдѣніямъ и указамъ разныхъ учрежденій и лицъ, августа 29-го сдѣлана помѣта: „оставить“, а въ сентябрѣ состоялся приговоръ сената, которымъ сборъ переписныхъ ландратскихъ книгъ былъ прекращенъ [1]).

Въ Новгородской провинціи въ Ладогѣ съ 1716 г. по 3 сент. 1719 г. былъ ландратомъ Тимофей Подчертковъ, который и долженъ былъ переписывать крестьянскіе дворы, но перепись въ Ладогѣ не была окончена и книги въ сенатъ не представлены, а Подчертковъ въ 1719 г. опредѣленъ въ Ладогу же къ „шкутному“ дѣлу [2]).

Перепись въ Московской губерніи началась съ средины 1715 г., ландратамъ были разосланы указы и пункты о переписи, въ которыхъ повелѣвалось взять у помѣщиковъ и у крестьянъ сказки, осмотрѣть и переписать дворы и людей „самою сущею правдою“ и, составивъ переписныя книги своей доли и отмѣтивъ въ нихъ прибыль и убыль противъ переписи 1678 г., представить въ губернскую канцелярію [3]).

---

[1]) *А. М. Ю.*. № 191, л. 30—32, 76—82, 199, 209—217, 246, 279—284.

[2]) *А. М. Ю.*, № 191, л. 247.

[3]) Въ ландратскихъ книгахъ по Московскому уѣзду вначалѣ излагается обычно то кратко, то болѣе или менѣе подробно содержаніе пунктовъ, данныхъ ландратамъ губернской канцеляріей. Чтобы дать болѣе ясное представленіе объ этихъ пунктахъ, приведу въ качествѣ примѣра начало одной ландратской книги.

„1715 г. сентября. По указу В. Г. и вел. кн. Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и по пунктамъ изъ московской губернской канцеляріи, за подписаніемъ ближняго боярина и губернатора московскаго Алексѣя Петровича Салтыкова, да за приписьми дьяковъ Савостьяна Германова да Филиппа Ключарева велѣно ландрату Александру Петровичу Шетневу въ Московскомъ уѣздѣ въ станѣхъ и волостяхъ, а именно Васильцовѣ, въ Капотенскомъ, въ Островецкомъ, въ Пехорскомъ, въ Каменскомъ, въ Обарничѣ, въ Рогожскомъ, въ Замосковномъ Раменьи, въ Гуслицкой, въ Селинской, въ Радонежѣ и Бѣли, въ Доблинскомъ, въ Вохонской, въ Кошелевѣ, въ Шеренскомъ Отъѣзжемъ монастыри и церкви и въ монастырѣхъ и у церквей поповъ и дьяконовъ и монаховъ и монахинь и церковныхъ причетниковъ и монастырскихъ всякихъ служителей и въ поповыхъ и дьяконовыхъ и церковныхъ причетниковъ и другихъ всякихъ чиновъ женъ и дѣтей и братьевъ и всякихъ свойственниковъ и людей ихъ крѣпостныхъ и наемныхъ работниковъ и ихъ женъ и дѣтей мужска и женска полу, также въ дворцовыхъ и въ патріаршихъ и въ архіерейскихъ и въ монастырскихъ и въ церков-

Перепись и стала производиться въ томъ же 1715 году. Ходъ ея и результаты по ландратствамъ были слѣдующіе.

Въ Московскомъ уѣздѣ дворцовыя волости и села да въ 8 станахъ: Сѣтунскомъ, Медвенскомъ, Вяземскомъ, Сосенскомъ, Лукомскомъ, Торокмановѣ, Гоголевѣ, Чермневѣ и въ Растовской волости дворы и людей переписывалъ въ 1715 и 1716 г.г. ландратъ той доли Аѳанасій Тимофеевичъ Савеловъ. Составленныя имъ переписныя книги 30 января 1717 г. поданы были въ московскую губернскую канцелярію; въ тѣхъ книгахъ были „учинены перечни съ очисткою" дворцовымъ и раздаточнымъ валовые по волостямъ, а помѣщиковымъ и вотчинниковымъ „по помѣстьямъ и по вотчинамъ ихъ и по деревнямъ и по станамъ порознь съ подлин-

---

ныхъ и въ помѣщиковыхъ и въ вотчинниковыхъ въ селѣхъ и въ деревняхъ помѣщиковы и вотчинниковы и крестьянскіе и бобыльскіе и задворныхъ людей дворы и въ нихъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей и крестьянъ и бобылей и задворныхъ людей мужска и женска полу противъ переписи 186 году осмотрѣть и переписать людей по имянамъ съ лѣтами самою сущею правдою.

А прежде осмотру и переписи у помѣщиковъ и у старостъ и у выборныхъ крестьянъ имать сказки съ подтвержденіемъ, коликое число по переписнымъ книгамъ 186 году въ тѣхъ станѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ дворовъ и въ нихъ людей обоихъ половъ и что послѣ переписныхъ книгъ прибыло или убыло и что нынѣ на лицо по именамъ мужска и женска полу и въ каковы лѣта.

И буде по прежней или по ихъ ландратской перепискѣ гдѣ явится дворовая крестьянская пустота, и тое пустоту велѣно свидѣтельствовать и осматривать и сыскивать, отчего та пустота и тѣхъ пустыхъ дворовъ кто имянно жители были и тѣ жители куда бѣжали-ль или выморочные или въ солдаты отданы или въ иные уѣзды переведены; а которые крестьяне сведены изъ своихъ домовъ въ другіе крестьянскіе дворы, и о той утайкѣ и о коварномъ вымыслѣ чинить розыскъ и писать о томъ въ губернскую канцелярію.

А буде гдѣ явится самая сущая пустота, опричь переведенныхъ, и тѣхъ пустыхъ дворовъ пашню и сѣнные покосы и огородовъ и гуменниковъ досматривать и сыскивать, тѣми землями оставшіе крестьяне или помѣщики ихъ владѣютъ-ли; а которые вымерли или выбѣжали, и тѣ ихъ вотчинники и прикащики и старосты и другіе вѣдомцы знаютъ-ли, гдѣ тѣ бѣглецы живутъ и въ которыхъ годѣхъ бѣжали или померли, и про то того приходу священниками и сторонними людьми сыскивать накрѣпко и допрашивать помѣщиковъ и прикащиковъ ихъ и крестьянъ, и въ томъ крестьянскомъ побѣгѣ есть ли у нихъ гдѣ явочное челобитье.

А буде по свидѣтельству и по сказкамъ и по розыску явится 100 дворовъ или людей утаено, и за то виннымъ указъ чинить, а утаенные дворы отписать на В. Г—ря и писать въ губернскую канцелярію.

А съ переписи свидѣтельства пустоты дворовъ учинить переписныя книги порознь живущему и пустотѣ съ подлинной очисткой постатейно, что сверхъ переписныхъ книгъ прибыло и откуда или убыло куда и пустота отчего, росписавъ съ обою полу людей" (*А. М. Ю., ландратская книга, Москва,* 1715 г., книга безъ номера, л. 1—2).

ною противъ переписныхъ 186 г. книгъ очисткою"; а дворцовымъ и раздаточнымъ посельно и по деревнямъ порознь; перечнемъ не очищено, по словамъ ландратской книги Савелова, „за неприсылкой съ переп. 186 г. книгъ списковъ" [1]).

О томъ какъ велись въ этихъ книгахъ перепись дворовъ, счетъ и сравненіе итоговъ, покажу на примѣрѣ. Описывается Куневская волость, по селамъ и деревнямъ, перечисляются дворы, въ которыхъ приводится населеніе мужского и женскаго пола, съ показаньемъ лѣтъ, затѣмъ подводится итогъ. „Всего въ Куневской волости нынѣ на лицо 5 погостовъ, 35 деревень, въ нихъ дворы и во дворѣхъ людей муж. и жен. пола въ лѣта". Дальше приводятся цыфры дворовъ и людей въ видѣ таблицы, цыфры дворовъ которой я приведу.

Дворовъ церковничьихъ 19, крестьянскихъ 465, бобыльскихъ 1, крестьянскихъ особыхъ избъ 8, особыхъ солдатскихъ дворовъ 5, нищенскихъ 29 дв. да особыхъ избъ 7, итого 519 дв. да 15 избъ.

„А по переписнымъ 186 г. книгамъ написано 272 дв. крестьянскихъ, 9 дв. вдовьихъ, 4 бобыльскихъ", всего значитъ 285 дв.; при такихъ цыфрахъ прибыль слѣдовало бы исчислить въ 234 дв. да 15 избъ.

Но въ ландратской книгѣ итогъ прибыли дается иной. „Пробыло, сообщается въ ней, изъ вышеописанныхъ же переписныхъ дворовъ отъ семій отдѣльныхъ крестьянскихъ 193 дв., солдатскихъ 5 дв., нищенскихъ 29 дв., да убыло 9 дв. вдовьихъ, 3 дв. бобыльскихъ" (избы въ расчетъ не приняты); сложивъ прибылые дворы за вычетомъ убылыхъ получимъ (227—12) 215 дв.

Изъ этого примѣра видно, что при сравненіи итоговъ переписи ландратской съ переписью 186 г. для показанія прибыли и убыли принимались въ расчетъ только цыфры

[1]) *А. М. Ю., ландратская книга* 1715 г. *по г. Москвѣ,* № 18500. Въ книгѣ въ концѣ были итоги переписи, но листы тѣ истлѣли, такъ что прочесть нельзя, а потому здѣсь общихъ итоговъ переписи Савелова не дается. Въ другой книгѣ (№ 18498) о Куневской волости сообщается: въ ней оказалось на лицо 519 дв. 15 избъ, по переписи 186 г. было 285 дв., прибыло въ общемъ 234 дв. да 15 избъ (л. 400).

дворовъ тѣхъ категорій, которыя имѣлись и въ той и другой (а также и тѣхъ, которыя по своему происхожденью какъ, напр., солдатскіе восходятъ къ тѣмъ же крестьянскимъ и бобыльскимъ), дворы же иныхъ категорій, какъ здѣсь церковниковъ, которыхъ въ книгахъ 186 г. не было, въ прибылые не ставились.

Въ переписной книгѣ Савелова иногда дворы наличные сравниваются съ цыфровыми данными не одной только переписи 186 года. Такъ, для села Измайлова съ 4 приселками и 3 деревнями, въ которыхъ оказалось 451 дв., приводятся переписныя книги 1701 г. путнаго ключника Григорья Чернцова, по которымъ крестьянъ и бобылей числилось 245 дв., прибыло изъ вышеписанныхъ же переписныхъ дворовъ отъ семій отдѣльныхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и нищецкихъ 141 дв., въ томъ числѣ крестьянъ и бобылей 106 дв. Чтобы понять то, что прибыль исчисляется въ 141 дв., а не въ 206, какъ можно было ожидать изъ абсолютныхъ цыфръ (451—245), слѣдуетъ имѣть въ виду, что перепись Савелова насчитала въ Измайловѣ съ приселками и деревнями церковныхъ дв. 20, крестьянскихъ 340, бобыльскихъ 4 дв. да особыхъ избъ 4, отставныхъ солдатъ и матросовъ 7, итого 351 дв., что и составляетъ прибылыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 106; сюда еще присоединены нищецкіе 35 дв. да 3 избы (въ окончательный итогъ не вошедшихъ), что и даетъ 141 дв. прибылыхъ. Остальные же дворы, занесенные перепищикомъ въ книги: 20 дв. церковничьихъ, подьячій 1, истопника 1, садовничій 1, столяровъ и плотниковъ 8, стадныхъ конюховъ 11, учениковъ стекляннаго заводу 7, мельниковъ 1, пришлый крестьянскій 1, скотниковыхъ 3, всего 54 дв. въ расчетъ при сравненіи съ переписью 1701 г. не были приняты [1]).

---

[1]) *А. М. Ю., ландр. книга* 1717 г. *по г. Москвѣ*, № 18498, *л.* 315, 400.

Ландратскія книги по гор. Москвѣ, составленныя ландратомъ Савеловымъ, въ числѣ двухъ переписныхъ и одной перечневой, представленныя въ канцелярію сенатскаго правленія въ Москвѣ, 1 марта 1718 г. были посланы съ подьячимъ Василіемъ Грѣшищевымъ въ канцелярію сената въ С.-Петербургъ, гдѣ 28 марта велѣно было ихъ „принять и выписать“ (*А. М. Ю.*, № 522, л. 25 и сл.).

Ландратскую долю Московскаго уѣзда, въ которую входили станы и волости: Васильцовъ, Капотенскій, Островецкій, Пехорскій, Каменскій, Обарничь, Почерневъ, Рогожской, Замосковное Раменье, Гуслицкая, Селинская, Радонежь и Бѣль, Доблинскій, Вохонская, Кошелевъ, Шеренскій-Отъѣзжій, переписывалъ въ 1715 и 1716 г.г. ландратъ Алексѣй Шетневъ, переписывалъ, согласно съ даннымъ ему наказомъ, поповъ и монаховъ, крестьянъ и дворовыхъ и даже наемныхъ работниковъ.

По переписной книгѣ Шетнева, начало которой посвящено переписи Троице-Сергіева монастыря, въ томъ монастырѣ оказалось монаховъ 487 чел., въ подмонастырныхъ слободахъ у 6 церквей поповыхъ, дьяконовыхъ и церковныхъ причетниковъ 30 дв.; въ подмонастырныхъ же слободахъ и въ с. Клементьевѣ служнихъ и разночинцовыхъ 1222 дв., крестьянскихъ 59 дв., нищецкихъ 48 дв., бобыльскихъ 138 дв., а всего 1497. По переписи 186 г. числилось 1101 дв. (служнихъ и разночинцовыхъ 938, крестьянскихъ 55, бобыльскихъ 101, за попами на церковной землѣ 7), въ общемъ итогѣ по переписи 1715 г. прибыло 396 дв. [1]).

Городъ Коломну и половину Коломенскаго уѣзда переписывалъ въ 1715 г. ландратъ кн. Андрей Мещерскій, а съ нимъ былъ подьячій Максимъ Андреяновъ, которые оба въ 1715 г. умерли, не закончивъ переписи; ее приводилъ къ окончанію и закрѣпилъ часть книгъ своей подписью комисаръ Иванъ Андреевъ да подьячій Ѳедотъ Ивановъ. Послѣдній въ 1718 г. былъ высланъ съ переписными книгами въ С.-Петербургъ, гдѣ и подалъ ихъ къ пріему при доношеніи 16 авг. Приговоромъ сената 12 сент. велѣно, принявъ книги, отпустить подьячаго Иванова на Коломну [2]).

Вторую половину Коломенскаго уѣзда переписывалъ ландратъ Иванъ Родіоновъ Чириковъ.

Тульскую долю, въ которую входили города Тула, Венева, Епифань съ уѣздами, переписывалъ ландратъ Семенъ

---

[1]) *А. М. Ю., ландрат. книга 1715 г., Москва, л.* 14 и сл.

[2]) *А. М. Ю.*, № 126, *л.* 914—917.

Хрущовъ. При той переписи отъ начала до конца были при немъ данные ему изъ московской губернской канцеляріи подьячіе: старые Петръ Наумовъ, Гаврила Журавлевъ, да молодые Григорій Шарыгинъ съ товарищами. Окончивъ перепись, Хрущовъ еще въ 1716 г. подалъ въ губернскую канцелярію подлинныя книги и табель, а у себя оставилъ копіи съ тѣхъ книгъ. Тѣмъ временемъ подьячіе у Хрущова были взяты, вернулись въ Москву въ свои дома, а онъ тяжко заболѣлъ. Когда въ декабрѣ 1717 г. къ нему прибылъ указъ о явкѣ въ Москву съ переписными книгами, то онъ, хотя и явился въ февралѣ 1718 г., но ѣхать въ С.-Петербургъ „за болѣзнью" не могъ. Въ губернской канцеляріи указомъ было велѣно одной половинѣ ландратовъ явиться въ С.-Петербургѣ въ маѣ, а второй—въ іюнѣ, Хрущову же разрѣшено было оставаться въ долѣ, а вмѣсто себя съ переписнымъ дѣломъ послать комисара или подьячихъ, которые у того дѣла были. Подьячихъ Хрущовъ сыскать не могъ, а потому онъ выслалъ въ С.-Петербургъ переписныя книги съ комисаромъ своей доли Михаиломъ Ляпуновымъ, который явился въ сенатѣ августа 30-го 1718 г., представя вѣдомости о сборахъ и переписныя книги съ табелями.

По тѣмъ книгамъ оказывалось дворовъ на лицо: помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ: въ Тулѣ 3117 дв.; по пер. кн. 186 г. было 3141 дв., убыло 24; въ Веневѣ 1295 дв.; по книгамъ 186 г. 1295 дв. (то же число); въ Епифани 1704 дв.; по книгамъ 186 г. 1570 дв., прибыло 134; итого по всей долѣ 6116 дв., по книгамъ 186 г. 6006 дв., прибыло 110.

Сколько прибыло или убыло людей, того въ сенатской выпискѣ не показано [1]).

Пронскую долю, въ которую входили городъ Пронскъ съ уѣздомъ и Печерники, переписывалъ въ 1715 году ландратъ Михаилъ Норовъ. Книги своей доли онъ привезъ въ С.-Петербургъ въ іюлѣ 1718 г., представивъ ихъ въ канцелярію

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 920—922, 932.

сената при доношеніи 18 іюля; все оказалось въ исправности, и книги тогда же были приняты.

По его переписк҃ѣ „всего всякихъ чиновъ людей“ оказалось на лицо 3399 дв., людей м. п. 19.479, ж. п. 17.784, всего 37.263 человѣка.

По переписи 1710 г. архіерейскихъ и монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ было 2590 дв., людей м. п. 14.894, ж. 12.148, итого 27.042 человѣка.

А по переписи 186 г. тѣхъ же 4.699 дв., людей м. п. 21.118; противъ переписи 186 г. убыло 1.300 дв., людей м. п. 1.639; противъ переписи 1710 г. прибыло 809 дв., людей м. п. 4.585, ж. 5.636.

Въ сенатской выпискѣ [1]) кромѣ общаго итога переписи 1715 г. даются слѣдующія цыфры дворовъ разныхъ категорій: поповыхъ, дьяконовыхъ и церковныхъ причетниковъ 105 дв., людей м. п. 288, ж. 376 (здѣсь сосчитаны только „церковники и свойственники“, кромѣ нихъ показаны попы—64 чел., дьяконы—4, но они потомъ въ общій итогъ не вошли);

солдатскихъ	253	дв.,	людей	м.	п.	782	ж.	796
стрѣлецкихъ	114	„	„	„	„	349	„	354
казачьихъ	186	„	„	„	„	645	„	636
пушкарскихъ	6	„	„	„	„	9	„	11
затиньщиковыхъ . . .	11	„	„	„	„	29	„	33
плотничьихъ	8	„	„	„	„	32	„	35
подьяческихъ	8	„	„	„	„	23	„	18
помѣщиковыхъ и друг. чиновъ дворовыхъ людей	—	„	„	„	„	3001	„	2097

Въ Алексинской долѣ въ 1715 и 1716 г.г. переписывали дворы ландратъ Григорій Комынинъ и комиссаръ Матвѣй Ивашкинъ, который, по указу московской губернской канцеляріи, 31 іюля 1718 г. явился въ сенатъ для подачи переписныхъ книгъ, тогда же у него и принятыхъ.

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, *л.* 820—828; въ августѣ 1718 г., по принятіи книгъ въ канцеляріи сената, Норовъ былъ отпущенъ въ свою долю (*л.* 331).

По переписи Комынина и Ивашкина въ Алексинѣ и уѣздѣ всякихъ чиновъ оказалось 3405 дв., людей м. п. 24.779, ж. 21.595; а по переписнымъ книгамъ 186 г. было 3.345 дв., людей м. 15.754 (въ томъ числѣ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ 282 дв., м. 1193 чел., крестьянскихъ и бобыльскихъ 3063 дв., м. 14.661); въ общемъ итогѣ прибыло 60 дв., людей м. п. 9.025.

Цыфра разительная, на 60 дворовъ прибыль населенія превосходитъ 9.000 человѣкъ мужскаго населенія, на самомъ дѣлѣ, какъ показано будетъ ниже, число дворовъ не увеличилось, даже уменьшилось, а населеніе значительно увеличилось. Какъ бы то ни было, перепись зарегестрировала важный фактъ: населеніе возросло чуть не вдвое, а число дворовъ почти не измѣнилось.

Приведу цыфры переписи 1715 и 1716 г.г., показывающіе дворы разныхъ категорій:

поповыхъ, дьяконовыхъ и причетниковыхъ .	163	дв.
подьяческихъ.	8	„
гостинной сотни (1 дв.) и посадскихъ. . .	30	„
казенныхъ кузнецовъ.	10	„
дворцовой рыбной слободы.	31	„
солдатскихъ	56	„
помѣщиковыхъ, и вотчинниковыхъ и скотныхъ людей въ нихъ м. п. 5180,	485	„
архіерейскихъ и монастырскихъ и за помѣщики и за вотчинники крестьянскихъ и бобыльскихъ	2.622	„
людей въ нихъ м. п. 18.509,		
а съ разночинцовыми	3.405	„
людей всего м. п. 24.779, ж. 21.595;		

Всего обоихъ половъ 46.374 человѣка.

Сравнивая результаты этой переписи съ итогами переписи 186 г., сенатская выписка, слѣдуя, очевидно, табелю переписныхъ книгъ, отмѣчаетъ прибыль и убыль только въ дворахъ тѣхъ категорій, которыя имѣются и въ той и дру-

гой переписи, благодаря чему получается слѣдующее: „сверхъ переписи 186 г. прибыло помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ 283 дв., людей м. п. 3987 чел.; крестьянскихъ и бобыльскихъ убыло 428 дв., а людей прибыло м. п. 3.848." [1]).

Чтобы привести въ согласіе съ ранѣе приведенными цыфрами, надо предположить, что здѣсь дано лишь наибольшое число прибыли и убыли, а не конечные результаты; если же принять, что изъ 282 помѣщичьихъ дворовъ убавилось 80, а прибавилось 283, то тогда получится наличная цыфра— 485; а изъ крестьянскихъ 3.063 вычтемъ убыль 428, то получимъ 2635, цыфру близкую къ 2622 крестьянскимъ дворамъ, къ которымъ слѣдуетъ присоединить 13 дв. изъ разночинцовыхъ, напр., изъ солдатскихъ, которые могли образоваться изъ крестьянскихъ.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ 1715 и 1716 г.г. переписывалъ дворы ландратъ той доли Михаилъ Арцыбашевъ, при чемъ часть уѣзда въ количествѣ 4-хъ становъ поручилъ комисару Максиму Прокофьеву. Въ 1716 г. Арцыбашевъ, по случаю назначенія его въ Кроншлотъ къ гаванному строенію, отдалъ переписныя книги, изготовленныя имъ, въ московскую губернскую канцелярію для составленія перечней и табелей, а также ихъ копій. Въ 1718 г. книги его переписи, согласно съ приговоромъ сената 20 авг. о высылкѣ книгъ съ подьячими, бывшими у переписи вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, были посланы въ С.-Петербургъ въ канцелярію сената съ дмитровскимъ подьячимъ Семеномъ Груздевымъ. Въ виду того, что перечневыя книги и табель не были закрѣплены рукой бывшаго ландрата Арцыбашева, который въ то время по дѣламъ службы находился въ С.-Петербургѣ, сенатъ въ ноябрѣ 1718 г. постановилъ, чтобы Арцыбашевъ тѣ книги своей переписи закрѣпилъ и подалъ въ канцелярію сената

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 68, л. 22—27. „По пер. книгамъ 186 г. въ Алексинскомъ у. написано помѣщиковъ и вотчин. 2?2 дв., въ нихъ людей м. п. 1.193 чел., архіер. и монастыр., помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьян. и бобыльскихъ 3.063 дв., людей м. п. 14661 чел.".

немедленно, о чемъ ему сказать Е. В. Г. указъ „съ запиской и съ приложенiемъ руки“ [1]).

Комисаръ Прокофьевъ занимался переписью до мая 1716 г., когда онъ былъ командированъ изъ Дмитрова въ С.-Петербургъ съ ильмовымъ деревомъ, а на его мѣсто былъ назначенъ дмитровскiй подьячiй Прокофiй Воробьевъ, но затѣмъ ему, Прокофьеву, велѣно было въ iюлѣ 1717 г. быть снова въ Дмитровѣ комисаромъ и заниматься окончанiемъ переписнаго дѣла, чѣмъ онъ и занимался съ августа 1717 г. по февраль 1718, одинъ безъ помощи новаго ландрата Ивана Сабурова, который вѣдалъ денежные сборы. Въ августѣ того же 1718 г. Прокофьевъ привезъ книги своей только переписи въ С.-Петербургъ и представилъ ихъ въ канцелярiю сената при доношенiи (11-го авг.); по прiемѣ ихъ, онъ по приговору сената 20 авг. былъ „отпущенъ въ Московскую губернiю по прежнему“.

Въ тѣхъ книгахъ, обнимавшихъ собой станы: Бортный, Кузьмодемьянскiй, Троицкiй и Лутосенскiй Дмитровскаго уѣзда, явилось на лицо всякаго чина 1677 дв., людей м. п. 7.963, ж. 6922; а по переписи 186 г. монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ было 1505 дв., людей м. п. 5802; значитъ прибыло 172 дв., м. п. 2.161, но во дворахъ одноименныхъ категорiй на самомъ дѣлѣ дворовъ по новой переписи, какъ показано въ сенатской выпискѣ, сравнительно съ прежней убыло 169 (прибылыхъ по выпискѣ числилось 121 дв., людей м. п. 1506, убылыхъ 290 дв.).

Въ частности по перепискѣ комисара Прокофьева двороваго числа оказалось:

поповыхъ и дьяковыхъ съ причетниками . . .	68 дв.
патрiаршихъ и архiерейскихъ, помѣщиковыхъ, конюшенныхъ и скотныхъ . .	175 „

[1]) *А. М. Ю.*, № 122, л. 223. М. Арцыбашевъ въ доношенiи сенату (5 дек. 1718 г.) сообщилъ, что онъ въ опредѣленныхъ ему станахъ „всякихъ чиновъ дворы и въ нихъ людей обоихъ половъ до сущаго младенца“ переписалъ, по указу сената „перечневыя книги и табель, свидѣтельствовавъ съ подлинными книгами, закрѣпилъ“; 12 дек. того же года книги велѣно было принять (№ 126, л. 970).

крестьянскихъ и бобыльскихъ		1302	дв.
монастырскихъ оброчныхъ служекъ		12	„
нищенскихъ	8 избъ да	66	„
солдатскихъ женъ	3 избы „	47	„
иноземцевъ курлянъ (3), ямщиковъ (4)		7	„
Итого		1677	дв.

да 11 избъ, которыя въ итогъ выписки не положены; а сколько людей въ дворахъ разныхъ категорій, въ выпискѣ не показано [1]).

Городъ Кострому и пригородъ Нерехту съ уѣздомъ вѣдалъ ландратъ Семенъ Бредихинъ, который и переписалъ въ нихъ дворы въ 1715 и 1716 г.г.; въ слѣдующемъ году подлинныя книги онъ подалъ въ губернской канцеляріи, а въ своей долѣ оставилъ съ нихъ копіи; съ этими копіями онъ и былъ высланъ мая 13-го 1719 г. изъ Костромы въ С.-Петербургъ по указу московской гебернской канцеляріи, которымъ было велѣно явиться ему въ камеръ-коллегіи; переписныя книги Бредихинъ объявилъ въ сенатѣ при доношеніи 17 іюля, гдѣ онѣ и были у него приняты, а Бредихинъ былъ отправленъ къ смотру [2]).

Въ Костромской провинціи въ долѣ ландрата Саввы Тимирязева, въ которую входили Костромского уѣзда станы: Плесскій, Емецкій, Хоругановъ и Вожевальскій да Шухомашская волость, перепись велась самимъ Тимирязевымъ въ 1715 и 1716 г.г., а подьячимъ у переписнаго дѣла былъ Никита Глазовъ. Въ 1718 г. по указу изъ губернской канцеляріи Тимирязевъ былъ высланъ въ С.-Петербургъ съ переписными книгами и 23 окт. при доношеніи подалъ книги; по приговору 27-го окт. его велѣно отпустить въ Московскую губернію по прежнему.

По его переписи оказалось на лицо 3604 дв., по книгамъ 186 г. было 6289 дв., въ общемъ убыло 2685 дв., (по сенатской же выпискѣ убыли показано 2674 дв.), а прибыло

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 856—862.
[2]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 1014; ср. л. 746.

136 дв., значитъ убыль должна была выразиться (2674—136) въ числѣ 2538 дв.

Перепись 1715 г., произведенная Тимирязевымъ, дала въ частности слѣдующія цырфы дворовъ: за помѣщиками 2858 дв. дворцовыхъ: пашенныхъ крестьянъ (235), непашенныхъ (27), рыбныхъ ловцовъ (38), конюшенныхъ сторожей (14)—314 дв., въ Плесѣ: посадскихъ (41), рыбныхъ ловцовъ (72), за монастыри (319)—432 дв.

Относительно убылыхъ дворовъ (2674) въ выпискѣ сказано: „взяты въ солдаты, бѣжали и померли"; въ числѣ убылыхъ было: посадскихъ 2 дв., рыбныхъ ловцовъ 15, дворцовыхъ 110, помѣщиковыхъ 2.003, монастырскихъ 544. Прибылые же (136) оказались въ числѣ помѣщичьихъ, образовались они путемъ отдѣленія отъ семействъ.

Когда же Тимирязева у выписки въ сенатѣ спросили, отчего „не очищено" противъ переписныхъ книгъ 1710 г., онъ отвѣчалъ, что такихъ книгъ къ переписному дѣлу ему изъ губернской канцеляріи не было прислано, а въ его долѣ ихъ не имѣлось, сборы же всякіе онъ собиралъ „съ наличныхъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 186 года" [1]).

Въ той же Костромской провинціи и уѣздѣ въ 7 станахъ: въ Чижовѣ, Андрониковѣ, Логиновѣ, Дуплеховѣ, Минскомъ, Козурскомъ и Плоскининѣ, переписывалъ дворы Василій Кругликовъ, назначенный ландратомъ въ ту долю въ послѣднихъ числахъ 1715 г. Перепись продолжалась весь 1716 г., а въ 1717 Кругликовъ подалъ переписныя книги въ московской губернской канцеляріи вице-губернатору Василію Ершову. Когда же указомъ сената велѣно было явиться съ переписнымъ дѣломъ въ С.-Петербургъ, то онъ, „учиня другія таковы же переписныя книги и табель и перечневую выписку", прибылъ въ С.-Петербургъ и представилъ ихъ при доношеніи 17 февр. 1719 г. въ канцелярію сената, откуда при указѣ 27 февр. былъ отосланъ въ юстицъ-коллегію, которой было велѣно указъ учинить „о пріемѣ у него (Кругликова) тѣхъ книгъ и вѣдомостей и о свободѣ его". Вѣроятно,

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, *л.* 774—777.

въ юстицъ-коллегіи онъ долженъ былъ дать отвѣтъ за несвоевременную доставку книгъ.

Въ книгахъ переписи Кругликова въ 7 станахъ Костромскаго уѣзда оказалось на лицо дворовъ и людей: крестьянскихъ и бобыльскихъ 3.264 дв., людей м. п. 10.057; всего всякихъ чиновъ людей 3601 дв., м. п. 11.002; по перепискѣ 186 г. было 6185 дв., м. 11.208 (люди показаны „опричь патріаршихъ и монастырскихъ"); судя по итогамъ, убыло 2584 дв., людей м. п. 206, но въ выпискѣ показано убылыхъ 2921 дв., м. 6360 человѣкъ („опричь патріаршихъ и монастырскихъ" [1]).

Костромской же провинціи пригородовъ Судиславля и Буя дворы переписывалъ въ 1715 и 1716 г.г. ландратъ той доли Василій Полтевъ; въ 1717 г. составленныя имъ книги онъ представилъ въ губернскую канцелярію, а копіи съ нихъ оставилъ въ своей долѣ; въ 1719 г. въ маѣ мѣсяцѣ былъ высланъ съ тѣми копіями книгъ, по указу московской губернской канцеляріи въ С.-Петербургъ, гдѣ іюля 7 подалъ доношеніе въ сенатъ о пріемѣ тѣхъ книгъ; онѣ тогда же и были приняты. По переписнымъ книгамъ 186 г. въ Судиславской осадѣ и Буегородской числилось 5744 дв.; сколько оказалось на лицо въ 1717 г., въ выпискѣ не показано.

Г. Любимъ той же провинціи съ частью Судиславской осады, именно съ приписной вотчиной боярина Алексѣя Петровича Салтыкова, въ которыхъ насчитывалось по переписнымъ книгамъ 186 г. 4810 дв., переписывалъ сначала ландратъ Иванъ Рославлевъ, но въ 1717 г. онъ былъ смѣненъ, его долю велѣно было вѣдать сосѣднему судиславскому ландрату В. Полтеву, которому поручено было „дописать" дворы, оставшіеся непереписанными; это порученіе онъ исполнилъ въ томъ же 1717 году, а въ 1719 г. вмѣстѣ съ книгами своей доли онъ привезъ и книги Любимской доли, имъ дописанной [2]).

Наконецъ г. Кадый и Кадыевскую осаду той же Костромской провинціи съ 1715 г. переписывалъ ландратъ Дмитрій

---

[1]) *Тамъ же*, л. 996—1002.
[2]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 804, 867—870.

Степановичъ Кузьминъ-Короваевъ, который по указу и по пунктамъ московской губернской канцеляріи „градскихъ всякихъ чиновъ жителей", а въ Кадыевской осадѣ „крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ нихъ людей" переписалъ; книги той доли объявилъ въ сенатѣ 19 апрѣля 1719 года [1]).

Калужскую долю, въ которую входили города Калуга, Медынь, Боровскъ и Верея съ уѣздами, переписывалъ ландратъ Дмитрій Потемкинъ съ помощью комисара Никифора Слѣпушкина, который въ 1718 г. и былъ посланъ съ переписными книгами въ С.-Петербургъ, такъ какъ ландратъ Потемкинъ, по указу изъ канцеляріи подрядныхъ дѣлъ, былъ взятъ изъ Калуги и находился въ Клину, а потому самъ отправить переписныя книги не могъ. Слѣпушкинъ 21 авг. представилъ книги въ канцелярію сената, а приговоромъ 12 сент. того же 1718 г. велѣно его и подьячихъ, которые пріѣхали съ нимъ, „отпустить въ Калугу по прежнему".

По ландратской переписи въ той долѣ оказалось на лицо дворовъ и людей: 11.595 дв., м. 56.145, ж. 53.411; по переписнымъ книгамъ 186 г. было 7348 дв., м. 20.737 (сколько людей было въ 267 дв. разночинцевъ, въ выпискѣ не указано); въ общемъ итогѣ прибыло 4.247 дв., муж. 35.408 чел.

Здѣсь замѣчательно то обстоятельство, что въ то время какъ число дворовъ увеличилось въ полтора раза съ небольшимъ, населеніе почти утроилось; оно даже удваиваясь, оставалось жить въ прежнихъ дворахъ, что ясно видно изъ свѣдѣній той же сенатской выпискѣ, въ которой показано, что послѣ переписныхъ книгъ прибыло на посадахъ 944 дв., въ уѣздахъ 3303 дв., а всего прибыло 4247 дв., въ нихъ м. 15.432; значитъ въ остальныхъ 7.348 дв. жило м. п. 40.713 чел., т. е. почти вдвое больше того, что жило въ томъ же количествѣ дворовъ при переписи 1678 года.

Перепись Потемкина показала слѣдующее количество дворовъ разныхъ категорій:

---

[1]) *Тамъ же*, л. 1006 и сл. По окладу и сбору провіанта можно высчитать, что въ долѣ К.-Короваева по кн. 186 г. было 3468 дв., въ 1718 г. числилось жилыхъ—1251, пустыхъ 2217 дв.

поповыхъ, дьяковыхъ и причетниковыхъ . . .	412 дв.
патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и служнихъ	112 „
ямщичьихъ (111), подьяческихъ (25)	136 „
гостинной сотни (7), посадскихъ (1.824) . .	1.831 „
кирпичниковыхъ и черепичниковыхъ	83 „
дворцовыхъ, монастырскихъ и церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ	7.602 „
солдатскихъ	1.419 „
Всего	11.595 дв.

въ нихъ людей м. п. 56.145, ж. п. 53.411, обоихъ половъ 109.556 человѣкъ [1]).

Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и въ уѣздѣ перепись производилъ по указу ландратъ Андрей Чаплинъ; въ августѣ мѣсяцѣ 1718 г. онъ привезъ книги своей переписи въ канцелярію сената, гдѣ онѣ и были по осмотру приняты.

Сколько дворовъ насчитано было Чаплинымъ, свѣдѣній о томъ нѣтъ, но въ вѣдѣніи 16 августа 1718 г., поданномъ тѣмъ же ландратомъ въ канцелярію сената, сообщается, что въ его долѣ въ Переяславльскомъ уѣздѣ Залѣсскаго за помѣщиками и вотчинниками крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ „наличныхъ“ имѣется . . . . 2.785 дв.; по переписнымъ книгамъ 186 г. тѣхъ же было . 3.282 дв.; „по переписи его явилось пустоты“ . . . . . . 497 дв., но какъ измѣнилось число людей въ тѣхъ дворахъ, въ вѣдѣніи Чаплина не показано [2]).

Другую долю Переяславля Залѣсскаго переписывалъ съ 1715 года ландратъ Михаилъ Толубеевъ, представившій книги своей переписи въ канцелярію сената 29 августа 1719 года [3]).

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 896—909. По пер. кн. 186 г. числилось въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ крестьянъ: въ Калуж. и Медын. уѣздахъ—173 дв., въ Боров. 636, Верейскомъ 448; помѣщ. и вотчин. крестьянъ: въ Калуж. и Медын. 2328, Боров. 1618, Верейск. 641, всего крестьянъ 5844 дв. (л. 901).

[2]) А. М. Ю., № 126, л. 846—848.

[3]) *Тамъ же*, л. 1024.

Ландратъ г. Суздаля Миронъ Башковскій, переписавъ дворы и людей по указу, 1718 г. августа 11 дня явился въ канцелярію сената, прося принять у него книги и табель его переписи, на что, судя по помѣтѣ, послѣдовало распоряженіе: „книги и табели принять, осмотря, и выписать, все-ль по указу учинено“.

Въ другомъ вѣдѣніи Башковскаго кратко сообщается, что въ Суздальскомъ уѣздѣ въ опредѣленной его долѣ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ дворовъ наличныхъ по его переписи оказалось въ количествѣ . . . . 1.986 дв.; по книгамъ 186 г. было . . . . 3.473 дв., по переписи его явилось пустоты . . . . 1.487 дв.; другихъ свѣдѣній о дворахъ и людяхъ въ его вѣдѣніи нѣтъ [1]).

Въ другой Суздальской долѣ „переписное дѣло слѣдовалъ“ по указу ландратъ Григорій Огаревъ съ 1715 г.; въ слѣдующемъ году онъ умеръ, а потому съ переписными книгами поѣхалъ въ С.-Петербургъ комисаръ той доли Ѳедоръ Толстовъ, который и подалъ ихъ въ канцеляріи сената при доношеніи (16 окт. 1718 г.). Книги были приняты, и Толстовъ по приговору 22 окт. былъ отпущенъ „въ Московскую губернію по прежнему“.

По переписи 1715 г. оказалось на лицо дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ 4.341 дв., м. п. 19.879, ж. 20.670; по переписи 186 г. было (кромѣ дворцовыхъ) 5.420 дв., м. п. 18.370; значитъ, дворовъ убыло,—1.079, людей прибыло м. п. 1.509; по переписи 1710 г. 2.489 дв., м. п. 8.941, ж. 7.693; въ общемъ по переписи 1715 г. прибыло 1.852 дв., м. п. 10.938, ж. 12.977, хотя въ сенатской выпискѣ цыфры прибыли „противъ переписи 1710 г.“ совсѣмъ иныя, а именно 875 дв., м. п. 7.083, ж. 8.811, что можетъ быть объяснено тѣмъ, что сверхъ прибыли 875 дв. перепись 1715 года занесено до 1000 дв. такого рода, которыхъ раньше въ переписныхъ книгахъ не было [2]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 850—854.
[2]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 964—967.

Суздальскаго же уѣзду долю, которая состояла изъ слѣдующихъ становъ: Матницкаго, Горенова, Некодома, Островскаго, Демина, Талицкаго, Ермолина и Клокова, переписалъ въ 1715 году ландратъ Иванъ Полонскій, явившійся въ канцелярію сената съ тѣми книгами 26 сент. 1719 года; по осмотру книги у него тогда же и были приняты [1]).

Того же Суздальскаго уѣзда долю, опредѣленную ландрату Артемью Каратѣеву, переписывалъ въ 1715 году онъ, Каратѣевъ, и книги своей переписки представилъ лично при доношеніи 25 іюля 1719 г. [2]).

Суздальскаго же уѣзда Стародубскій станъ и другіе, составлявшіе долю ландрата кн. Ивана Ивановича Гундорова, были имъ переписаны по указу изъ московской губернской канцеляріи, а книги переписныя представлены въ сенатъ въ 1720 году [3]).

Въ Ростовскомъ уѣздѣ „полторы доли", находившихся въ вѣдѣніи одного ландрата, переписывалъ въ 1715 и 1716 г.г. ростовскій ландратъ Богданъ Суровцевъ вмѣстѣ съ подьячими: со старымъ Борисомъ Андроновымъ и молодымъ Ильей Никитинымъ. Въ 1717 г. въ августѣ мѣсяцѣ Суровцевъ былъ посланъ по указу на Котлинъ островъ къ гаванному строенью, гдѣ находился и въ слѣдующемъ году, а въ его долю былъ опредѣленъ ландратомъ московской губернской канцеляріей Сергѣй Водорацкій. Но когда потребовалось выслать въ С.-Петербургъ переписныя книги, то указомъ губернской канцеляріи тѣ книги съ подьячими, бывшими у переписи, были присланы къ Суровцеву, хотя онъ къ ростовской долѣ никакого отношенія уже не имѣлъ; а Суровцевъ подьячихъ съ книгами отослалъ въ сенатъ при доношеніи отъ 15-го іюля 1718 года; изъ сената они были отпущены по приговору 23 августа [4]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 1026.

[2]) *Тамъ же*, л. 1016.

[3]) *Тамъ же*, л. 1042. По вѣдѣнію Гундорова въ 1715 г. въ его долѣ пустыхъ дворовъ было 844, въ 1716—888, въ 1717 г.—908 дв. (л. 1090).

[4]) Цыфръ переписи 1715 и 1716 гг. въ сенатской выпискѣ нѣтъ (*А. М. Ю.*, № 126, л. 806—812)

Въ другой долѣ Ростовскаго уѣзда, въ которую входили станы: Сотемскій, Холмецкій, Лахоцкій, Пегловскій, Введенскій, и Пурскій, переписывалъ дворы въ 1715 и 1716 г.г. ландратъ Андрей Вешняковъ [1]), который книги представилъ въ сенатъ 19 января 1719 года.

По тѣмъ книгамъ всякихъ чиновъ

людей явилось на лицо	8.368	дв.,	м.	п.	28.482
по книгамъ 186 г. было	8.171	„	„	„	27.774
въ общемъ прибыло	197	„	„	„	708

Но во дворахъ одноименныхъ категорій въ дѣйствительности обнаружена убыль, такъ какъ посадскихъ по переписи

186 г. было	491	дв.,	м.	п.	1.422
по переписи ландратской	259	„	„	„	718
по послѣдней переписи убыло . .	232	„	„	„	704
крестьянск. и боб. по кн. 186 г. .	7.680	„	„	„	26.352
по переписи ландратской	5.777	„	„	„	23.095
убыло противъ книгъ 186 г. . .	1.903	„	„	„	3.257

Итого посадскихъ и крестьян.

убыло	2.135	дв.,	м.	п.	3.961

Отсюда можно видѣть, что за видимой прибылью дворовъ и населенія въ дѣйствительности для дворовъ одноименныхъ категорій иногда скрывалась убыль, при томъ довольно значительная [2]); но убыль въ количествѣ населенія не соотвѣтствовала убыли дворовъ.

Юрьевъ Польскій съ уѣздомъ въ 1715 и 1716 г.г. переписывалъ ландратъ Михаилъ Трусовъ; книги своей переписи онъ представилъ въ сенатъ 18-го августа 1718 г.

По переписи оказалось 4.525 дв., м. п. 21.039, ж. п. 20.439, противъ переписныхъ книгъ 186 г. выбыло посадскихъ (15 дв.), патріаршихъ, монастырскихъ, церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ (859 дв.)—874 дв.

---

[1]) О переписи дворовъ въ 1715 г. и объ осмотрѣ земли (ландратомъ А. Вешняковымъ) въ с. Вощажниковѣ см. Архивъ села Вощажникова, вып. I, 133—139.

[2]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 972—979.

Въ частности въ книгахъ М. Трусова оказалось:

поповыхъ, дьяконовыхъ и причетниковыхъ	254	дв.
монастырскихъ служнихъ и конюховыхъ	29	„
приставскихъ, солдатскихъ и драгунскихъ	89	„
посадскихъ	119	„
подьяческихъ (10), кузнецк. (11), каменщик. (2) . .	23	„

Итого „разночинцовыхъ“ 501 дв., м. п. 1.477, ж. п. 1.569;

патріаршихъ и монастырскихъ, церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ явилось на лицо 4.024 дв., м. п. 19.562, ж. п. 18.870.

А сколько было по переписи 1710 г., того въ тѣхъ книгахъ не написано, по словамъ ландрата Трусова потому, что тѣхъ книгъ въ Юрьевѣ нѣтъ, да и въ пунктахъ губернатора о томъ не сообщалось [1]).

Владимірской провинціи г. Владиміръ съ частью уѣзда переписалъ, начиная съ 1715 г., ландратъ Артемій Ухтомскій; въ августѣ 1718 г. книги своей переписи онъ представилъ въ канцелярію сената, гдѣ онѣ по осмотру тогда-же и были приняты [2]).

Другую долю Владимірскаго уѣзда, въ которую входили Боголюбовскаго стана Палешская и Ярополческая волости и, можетъ быть, какіе либо другіе станы и волости, переписывалъ въ 1715 и слѣдующемъ году ландратъ кн. Ѳедоръ Барятинскій, подавшій составленныя имъ книги августа 5-го 1718 года [3]).

Ландратскую долю того же Владимірскаго уѣзда, заключавшую въ себѣ станы Ильмехоцкій и Опольскій да волости

---

[1]) *Тамъ же*, л. 882—888.

[2]) *Тамъ же*, л. 894. Можно предположительно высчитать по сбору провіантскихъ денегъ, что въ долѣ Ухтомскаго по кн. 186 г. было 3.709 дв., въ 1718 г. числилось пустыхъ 778 дв., значитъ имѣлось на лицо 2931 дв. (л. 910).

[3]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 844. Тамъ же сохранились „книги переписныя опредѣленной доли ландрата кн. Ѳедора Ивановича Барятинскаго Володимирскаго уѣзда Боголюбовскаго стана Палешской и Ярополческой волости переписи 1715 г., что по осмотру и по сказкамъ явилось въ патріаршихъ и въ монастырскихъ и въ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ вотчинахъ изъ дачь пустоты дворового числа, а тѣхъ дворовъ крестьяне куда дѣвались“ (*книга ландратская* 1715 г., *по г. Вологдѣ* (?!), № 17.299).

Санницкую и Карачаровскую, переписывалъ въ 1715 и 1716 году ландратъ кн. Михаилъ Волконскій.

По его книгамъ въ Ильмехоцкомъ станѣ и Санницкой волости явилось на лицо	409	дв.
по книгамъ 186 г. было крестьян. и бобыльскихъ.	460	„
убыло (по итогу ландр. книги крестьян. 113½ дв) .	51	„
въ Опольскомъ станѣ на лицо	1.785	„
по книгамъ 186 г. крестьянск. и бобыльск. . . .	2.251	„
убыло (по итогу ланд. книги 565 дв.) крестьян. .	566	„

Итого оказалось на лицо 2.194 дв., убыло—619 дв.

Въ тѣхъ книгахъ показано наличными: въ Ильмехоцкомъ станѣ и Санницкой волости помѣщичьихъ и вотчинничьихъ 52 дв., крестьянскихъ и солдатскихъ (3) 357, въ Опольскомъ станѣ патріарш. и монастырскихъ, служнихъ и служебниковыхъ 51, крестьян., солдатскихъ (15), нищецкихъ (46)—1.734 дв. [1]).

Въ томъ же Владимірскомъ уѣздѣ въ своей долѣ, въ которую входили станы: Клековскій, Лиственскій, Колпскій, Судогодскій, Медушскій, да волости Гусская и Тумская, перепись производилъ по указу и по пунктамъ, даннымъ изъ московской губернской канцеляріи въ 1715 г., ландратъ Петръ Ивановичъ Квашнинъ; онъ при переписи дворы и людей по сказкамъ уѣздныхъ людей „свидѣтельствовалъ“, а тамъ, гдѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ явилась пустота, „сторонними людьми розыскивалъ“, переписалъ села и деревни, церкви, а при нихъ дворы поповъ и причетниковъ, въ помѣщиковыхъ дворахъ „самихъ помѣщиковъ и дворовыхъ людей“, дворы крестьянскіе, а въ нихъ людей обоихъ половъ.

Книги своей переписи Квашнинъ привезъ въ С.-Петербургъ въ августѣ (3-го числа) 1719 г., будучи высланъ изъ

---

[1]) *А. М. Ю., ландратскія книги по г. Владиміру*, № 17.301; 17.302, *л.* 102, 111—112.

своей доли указомъ губернской канцеляріи, по осмотрѣ онѣ и были приняты въ канцеляріи сената [1]).

Владимірскаго же уѣзда въ долѣ ландрата Григорья Зиновьева перепись, начатая имъ въ 1715 году, была закончена въ 1716 году, тогда же и посланы были Зиновьевымъ двои переписныя книги въ московскую губернскую канцелярію. Но представлены въ сенатъ онѣ были лишь въ январѣ 1720 года, такъ какъ Зиновьевъ, хотя и получилъ въ 1719 г. 21 мая указъ изъ губернской канцеляріи, чтобы ѣхать ему съ переписнымъ дѣломъ въ С.-Петербургъ, однако выполнить его не могъ, ѣхать ему было „несвободно", „понеже, пояснялъ въ своемъ доношеніи сенату Зиновьевъ, указомъ Царскаго Величества изъ Москвы одержанъ я былъ во Владимірѣ отъ присланнаго ген.-м. Ивана Юшкова въ отвѣтствованіи всякихъ государевыхъ дѣлъ и другихъ интересовъ". Но затѣмъ 30 дек. 1719 г. изъ губернской канцеляріи былъ присланъ въ долю капитанъ Козьма Вихневъ, который взялъ Зиновьева съ собой и привезъ въ Москву. Здѣсь Зиновьевъ, получивъ обратно изъ губернской канцеляріи книги своей переписи, отправилъ ихъ въ канцелярію сената съ подьячимъ Петромъ Нестеровымъ при доношеніи отъ 29 янв. 1720 г., въ которомъ онъ объяснялъ, что самъ не поѣхалъ въ С.-Петербургъ, будучи задержанъ въ Москвѣ отъ губернской канцеляріи „во всякихъ отвѣтствованіяхъ по указамъ Ц. В. и въ другихъ интересахъ" [2]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 1.018. Въ дѣлѣ Квашнина (Владимірскій у.) по пер. кн. 186 г. было патріаршихъ, архіер. и монаст. 8 дв., помѣщичьихъ и вотчинн. 129, крестьянъ церковнаго вѣдомства 1677 дв., людей въ нихъ м. п. 5.055, помѣщ. и вотчин. крестьянъ 3.023 дв., м. п. 12.371, всего 4.837 дв., м. п. 17679. По переписи 1715 г. оказалось на лицо патр., арх. и монастыр. 7 дв., земскихъ дьячковъ 2, крестьянъ, бобыл. и солдатскихъ церковнаго вѣдомства 1232 дв., въ тѣхъ дворахъ 195 избъ да особыхъ избъ 47, помѣщик. и вотчинниковыхъ 139 дв., крестьянъ и задворныхъ людей (помѣщиковыхъ) 1873, нищецкихъ 47, солдатскихъ 16 дв., итого 1936 дв., въ тѣхъ дворахъ 213 избъ да особыхъ избъ 23. Всего по пер. 1715 г. 3316 дв. и 70 особыхъ избъ, да въ тѣхъ же дворахъ 408 избъ; людей въ нихъ 12.960 чел. м. п. (въ дв. церковн. вѣдомства 4.690, въ помѣщиковыхъ и крестьянскихъ 8.270 чел., въ числѣ которыхъ 680 чел. дворовыхъ).

Въ общемъ итогѣ убыло 1521 дв. (если не принимать въ расчетъ избъ), людей м. п. 4.719 чел. (*А. М. Ю., кн. ландратская по Вологдѣ* (?!), № 17298, л. 201 и сл.).

[2]) *А. М. Ю.,* № 126, л. 1030—1031.

Кромѣ данныхъ, сообщенныхъ выше, имѣются краткія свѣдѣнія и о другихъ ландратствахъ. Такъ въ Коломнѣ и Коломенскомъ уѣздѣ „переписное дѣло слѣдовали“ ландратъ кн. Андрей Мещерскій, а при немъ подьячій Максимъ Андреяновъ, которые оба въ 1716 году умерли, и съ переписными книгами въ сенатъ былъ высланъ коломенскій подьячій Ѳедотъ Ивановъ, который подалъ ихъ при доношеніи 16 авг. 1718 года [1]).

На Коширѣ и въ уѣздѣ переписывалъ дворы и людей съ 1715 года ландратъ той доли Алексѣй Давыдовъ, который составленныя имъ книги подалъ въ канцелярію сената 18 авг. 1718 г. [2])

Долю, состоявшую изъ городовъ Шуи и Луха съ уѣздами, сначала въ 1715 г. переписывалъ ландратъ Артамонъ Татищевъ, но онъ умеръ, успѣвъ переписать лишь г. Шую съ уѣздомъ; перепись продолжалъ въ 1717 г. новый ландратъ Яковъ Сытинъ, который переписалъ г. Лухъ съ уѣздомъ, а, сверхъ того, „слѣдовалъ“ по книгамъ Татищева, которыя оказались имъ незакрѣпленными. Ноября 14-го 1718 г. Сытинъ подалъ книги и того и другого города въ канцелярію сената, гдѣ онѣ по осмотру были приняты [3]).

Переписныя книги ландратовъ Московскаго уѣзда Михаила Щербачева, Никиты Коковинскаго и Александра Шетнева, ландратовъ Рязанскаго уѣзда Прокопія Левашова и Сидора Есипова, которые, по ходатайству Московской губерніи и по приговору сената, съ марта мѣсяца 1718 г. находились „безотлучно“ у отправленія губернскихъ нужнѣйшихъ дѣлъ, были посланы янв. 29-го 1719 г. въ канцелярію сената съ подьячимъ Василіемъ Копыловымъ. Онъ 17-го февраля явился въ сенатъ съ переписными книгами, по осмотру онѣ оказались неисправными, приговоромъ сената 27 февраля велѣно Копылова со всѣмъ переписнымъ дѣломъ отослать въ юстицъ-коллегію, и о пріемѣ у него тѣхъ книгъ

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, *л.* 878.
[2]) *Тамъ же*, *л.* 880.
[3]) *Тамъ же*, *л.* 962.

и табелей и объ отпускѣ его въ Москву указъ учинить въ той коллегіи [1]).

Книги городовъ Зарайска и Михайлова съ уѣздами, которые переписывалъ ландратъ Сергѣй Ждановъ въ 1715 и 1716 годахъ, привезены были имъ въ С.-Петербургъ и объявлены въ сенатѣ 4 августа 1719 года [2]).

Переписныя книги г. Серпухова, Тарусы и Оболенска переписи ландрата кн. Прохора Вяземскаго, произведенной имъ въ 1715 году, сначала были поданы въ Москвѣ въ губернской канцеляріи, а потомъ были имъ взяты оттуда и привезены въ С.-Петербургъ и представлены въ канцелярію сената при доношеніи 18 іюня 1719 года [3]).

Города Волокъ-Ламскій, Рузу переписывалъ въ 1715 г. ландратъ Дмитрій Камынинъ, а г. Клинъ, относившійся къ той же Волоколамской долѣ, переписывалъ комисаръ Ѳедоръ Озеровъ, но „свидѣтельствовалъ“ ту перепись въ 1717 г. по присланному указу изъ московской губернской канцеляріи новый ландратъ той доли Иванъ Хрипуновъ, къ которому 7 мая 1719 г. былъ присланъ въ долю изъ Москвы драгунъ Афанасій Федоровъ съ приказомъ выѣхать въ С.-Петербургъ „для принятія инструкціи“ и для поданія въ камеръ-коллегію переписныхъ книгъ. 15 іюля того же года Хрипуновъ явился въ сенатъ, прося принять книги; по осмотру онѣ и были приняты [4]).

Переписныя книги Можайской доли, въ которую входили Можайскъ, Звенигородъ, Борисовъ городокъ и Ярославецъ Малый, представилъ въ сенатъ при доношеніи 18 февраля 1720 г. перепищикъ той доли ландратъ Даніилъ Дохтуровъ [5]).

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 986—992.

[2]) *Тамъ же*, л. 1120.

[3]) *А. М. Ю*, № 126, л. 1010.

[4]) *Тамъ же*, л. 1012.

[5]) *Тамъ же*, л. 1032. Ландратъ Дохтуровъ о ходѣ своей переписи сообщалъ сенату (въ мартѣ 1718 г.) слѣдующее. Онъ перепись чинилъ по наказу, а при производствѣ ея „бѣглыхъ сыскивалъ и по свидѣтельству съ пер. книгами (186 г.) и розысками въ той долѣ своей сыскалъ бѣглыхъ крестьянъ 494 дв., да бѣглыхъ же въ настоящихъ переписныхъ дворѣхъ явилось 183 семьи, а въ тѣхъ дворѣхъ и семьяхъ тѣхъ бѣглыхъ м. п. 2.448, ж. п. 2.405, а обоихъ половъ 4.853 чел., отъ которыхъ за побѣгомъ ихъ чинится пустота, а за пустотою е. г-ревымъ

Крапивна и Дѣдиловъ находились въ вѣдѣніи ландрата Григорія Комынина, но онъ переписи, по словамъ его сына, производить не могъ, такъ какъ во все то время, по указу губернатора, „былъ при отправленіи губернскихъ дѣлъ въ Москвѣ безпеременно", а въ долѣ перепись велъ комисаръ Матвѣй Ивашкинъ съ подьячими, затѣмъ съ 1716 года Комынинъ былъ всецѣло оторванъ отъ дѣлъ своей доли, будучи опредѣленъ отъ Московской губ. къ строенію Кроншлотской гавани, а потому перепись всецѣло была поручена Ивашкину [1]).

Смоленской, позднѣе Рижской губ. нѣкоторые города и уѣзды въ 1716 г. переписывали слѣдующія лица: полковникъ и ландратъ Иванъ Потемкинъ, который переписывалъ Дорогобужскую провинцію, полк. Григорій Рыдванскій, который былъ посланъ для переписи дворовъ, вмѣсто умершаго ландрата Льва Микулина, а въ Смоленскомъ уѣздѣ сначала переписывалъ ландрихтеръ Павелъ Тимирязевъ, а потомъ оставшіеся станы стольникъ Никита Арсеньевъ. Въ апрѣлѣ 1718 года, по сообщенію рижскаго губернатора кн. Петра Голицына, переписныя книги и табели у нихъ были въ готовности, и онъ ихъ отправилъ въ С.-Петербургъ

всякимъ податямъ великій недоборъ, для того что тѣ бѣглые крестьяне, за кѣмъ бѣгая живутъ, его государевыхъ податей не платятъ".

Но высылка бѣглецовъ на прежнія мѣста и переписное дѣло внезапно остановились, такъ какъ Дохтуровъ въ апрѣлѣ 1717 г., по распоряженію вице-губернатора Ершова, былъ взятъ къ Москвѣ и держанъ „за карауломъ безвинно" двѣ недѣли, а затѣмъ, жаловался Дохтуровъ, „безъ указа государева и безъ вашего сенатскаго повелѣнья онъ, вице-губернаторъ, въ ту мою долю послалъ Дмитрія Комынина", а „мнѣ велѣлъ отправлять вышеописанныя Можайскія и Звенигородскія переписныя книги въ Москвѣ въ моемъ дворѣ".

По объясненію московской губернской канцеляріи Дохтуровъ былъ „отлученъ" отъ своей доли за неподачу переписныхъ книгъ и вѣдомостей своей доли и неприсылку отвѣтовъ на указы канцеляріи. Сенатъ 17 марта 1718 г. постановило: Дохтурову въ Можайской долѣ быть по прежнему и всякія дѣла отправлять (*Тамъ же*, № 125, л. 210—212; ср. 214—224).

О ландратѣ Дохтуровѣ было докладываемо Государю (въ докладѣ 15 февр. 1718 г.), что вице-губ. Ершовъ, „посягая на него, изъ той доли безвинно и безъ суда, какъ Е. В. Г. указъ повелѣваетъ, взявъ его къ Москвѣ, держалъ за карауломъ многое время и для переписи помянутыхъ книгъ подьячихъ ему не далъ и въ ту долю безъ указу изъ сената послалъ иного", „чтобъ вице-губернатора въ томъ допросить въ неправдѣ и въ ругательствѣ указъ учинить". На этотъ пунктъ доклада резолюціи Государя не послѣдовало (*Сен. Арх.*, № 7, л. 479 об.).

[1]) Изъ доношенія 28 апр. 1720 г. капитана Афанасья Григорьевича Комынина (*А. М. Ю.*, № 126, л. 1037 и сл.).

для представленія книгъ въ канцелярію сената. Здѣсь книги были поданы Потемкинымъ 28 апрѣля, Рыдванскимъ 2 іюня, Арсеньевымъ 4 іюня.

Тѣмъ временемъ, въ 1718-же году прибылъ въ С.-Петербургъ смоленскій шляхтичъ Василій Коломнитинъ и подалъ челобитную въ сенатъ, что въ Смоленскомъ уѣздѣ имѣется многая „пустота“, которая видна по переписнымъ книгамъ 1716 г., составленнымъ перепищиками Тимирязевымъ, Рыдванскимъ и Арсеньевымъ; они, по словамъ челобитчика, ѣздили по всему Смоленскому уѣзду, „розыскивали“ пустоту и брали сказки „за свидѣтелевыми руками“, такъ что изъ тѣхъ переписныхъ книгъ можно точно „выписать пустоту“, о чемъ смоленскіе шляхтичи и просили, чтобы, установивъ пустоту, платить имъ подати по тѣмъ переписнымъ книгамъ 1716 г.

Въ сенатѣ было сдѣлано распоряженье „выписать“ пустоту, но оказалось, что переписныхъ книгъ Тимирязевъ не подавалъ; тогда челобитчикъ просилъ послать указъ въ Рижскую губернію о высылкѣ того ландрихтера съ переписными книгами, такъ какъ онъ дожидается здѣсь въ С.-Петербургѣ рѣшенія своего дѣла четвертый мѣсяцъ, „пить, ѣсть ему нечего и помираетъ онъ голодной смертью“. 25 сентября 1718 г., по распоряженью Тихона Стрешнева, велѣно было о высылкѣ перепищика Тимирязева послать въ Рижскую губ. указъ; указъ, для доставки его въ ту губернію, 29 сентября взялъ съ собой челобитчикъ В. Коломнитинъ [1].

Городъ Лихвинъ съ уѣздомъ переписывалъ ландратъ Михаилъ Васильевъ Желябужскій въ 1716 г. По его переписи оказалось на лицо 1914 дв., по книгамъ же 1710 г. было 1268, а съ цереведенными 1275 дв. (по переписи 186 г.— 1420 дв., съ переведенными изъ другихъ уѣздовъ 1461), значитъ противъ книгъ 1710 г. прибыло 635 дв. [2]).

Перепись въ Казанской губерніи началась въ 1716 г., когда къ ландратамъ и управителямъ были разосланы указы

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 644, л. 796—807, 724—729.

[2]) *Тамъ же, кн. ландр. по г. Лухову* (?!), 1715 г.—№ 18481, л. 1, 645—659; въ итогѣ книги прибыли показано 437 дв.

о переписи. Въ наказахъ, данныхъ по поводу этой переписи, было написано, чтобы ландраты переписали не только крестьянъ и бобылей, но также и „нехристіанскихъ народовъ, служащихъ и неслужащихъ татаръ, чувашу, черемису, мордву и прочихъ и крестьянъ ихъ дворы и во дворѣхъ ихъ людей“[1]).

Въ Казанской губ. отъ того порядка, чтобы дворы переписывали ландраты, сдѣлано отступленье, такъ какъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Саратовѣ, Самарѣ ландратовъ не было, затѣмъ въ нѣкоторые другіе города и уѣзды ландраты еще не были назначены. Такъ, изъ Нижегородской губерніи, отъ 11 апрѣля 1716 г., вице-губернаторъ кн. Путятинъ писалъ въ сенатъ, что въ Нижегородскую губернію изъ числа 12 доль назначено было ландратовъ только въ 8, при чемъ одна изъ восьми осталась вакантной за смертью ландрата Ивана Молоствова; въ дополненіе къ этому числу, сама губернская канцелярія еще въ 3 доли назначила царедворцевъ, а остальныя двѣ остались незамѣщенными, и просилъ опредѣлить, можно ли поручить перепись лицамъ, назначеннымъ губернской канцеляріей, а также кому переписывать дворы въ двухъ оставшихся доляхъ.

Сенатъ 18 іюня 1716 г. постановилъ: „Которые царедворцы въ Нижегородской губ. опредѣлены для переписки вмѣсто ландратовъ, Степанъ Кирѣевъ, Петръ Вердеревскій, Степанъ Карцовъ, и тѣмъ у той переписки быть по прежнему, а въ которыя доли не опредѣлено, и въ тѣ для той переписки вмѣсто ландратовъ послать изъ царедворцевъ Григорія Левашева, Герасима Есина“ [2]).

Эти лица, хотя и назначены были „для переписки“, но они, конечно, въ опредѣленныхъ имъ доляхъ отправляли всѣ дѣла ландратскаго вѣдомства. Но въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ практиковался и другой порядокъ, когда назначались лица съ спеціальной цѣлью переписать населеніе въ извѣстной мѣстности. Такъ, по Алацкой дорогѣ ѣздилъ

---

[1]) *А. М. Ю., ландратская книга по Казанскому у.*, № 17.766, л. 1.

[2]) Докл. и приг., VI, кн. I, 532—533; ср. 249; V, кн. II, 832, 936. П. С. З., V, № 3027.

въ 1716 г. по деревнямъ и селамъ перепищикъ Даніилъ Косяговскій да съ нимъ подьячій Осипъ Голдобинъ. Въ Саратовъ въ 1717 г. для переписки пріѣзжалъ по указу изъ Казанской губерніи Григорій Беклемишевъ [1]), который вскорѣ ту перепись и окончилъ, такъ какъ, по словамъ саратовскаго „командира“ Дмитрія Бахметева, „къ городу Саратову уѣзда, селъ и деревень, крестьянскихъ и бобыльскихъ двороваго числа ничего нѣтъ“. Въ г. Самару и Самарскій уѣздъ для переписи „дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и ясашниковъ“ пріѣзжалъ въ 1716 г. присланный изъ Казанской губерніи капитанъ Василій Беклемишевъ, который, окончивъ перепись, двои переписныя книги, „обывательскія сказки“ и табель отослалъ въ Казань въ февралѣ 1718 г. въ губернскую канцелярію для представленья въ С.-Петербургъ [2]).

Хотя перепись и въ Саратовѣ и въ Самарѣ кончилась въ 1718 г. и книги были отосланы въ губернскую канцелярію, но онѣ въ канцелярію сената не были представлены до января 1720 г., благодаря чему въ Астраханскую губ., къ которой, по росписанью 1719 г., отошли города Саратовъ и Самара, бывшіе до того въ вѣдомствѣ Казанской губ., были посланы указы о безотлагательной высылкѣ переписныхъ книгъ. Когда же изъ Астрахани мая 18-го 1720 г. Иванъ Кикинъ донесъ сенату, что, по справкѣ въ губернской канцеляріи, о томъ, кто въ Саратовѣ и Самарѣ дворы переписывалъ, невѣдомо, даже неизвѣстно, была ли тамъ перепись, неизвѣстно потому, что тѣ города находились въ то время подъ вѣдѣніемъ Казанской губ., то сенатъ въ августѣ 1720 г. послалъ указъ казанскому губернатору А. П. Салтыкову о высылкѣ переписныхъ книгъ „безъ вся-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 93, л. 173. Результатомъ переписи Косяговскаго была переп. книга Алацкой дороги (*Тамъ же*, № 17766 по Казани).

[2]) Взято изъ доношенія (4-го іюня 1720 г.) сенату отъ командира г. Самары Тихона Волкова (*А. М. Ю.*, № 93, л. 177 и *сл.*). О высылкѣ перепищиковъ изъ Саратова и Самары былъ посланъ указъ въ Астрахань, откуда 18 мая 1720 г. изъ губернской канцеляріи сообщали, что о переписи тѣхъ городовъ, кто были перепищики и была ли она въ тѣхъ годѣхъ, о томъ въ Астрахани невѣдомо, какъ тѣ города были подъ вѣдѣніемъ Казанской губ. (л. 325).

каго мотчанія“, при чемъ въ указѣ оговаривалось: если окажется, что книги въ С.-Петербургъ уже высланы, то слѣдуетъ подлинно написать, въ которомъ году и съ кѣмъ [1]).

Кромѣ того о переписи въ Казанской губерніи имѣются слѣдующія краткія свѣдѣнія. Въ Арзамасской долѣ перепись производилъ ландратъ Яковъ Чертковъ, по болѣзни самъ ѣхать съ книгами не могъ, а послалъ ихъ съ подьячимъ Иваномъ Исаевымъ (въ сентябрѣ 1818 г. [2]). Въ своей долѣ дворы переписалъ ландратъ Василій Чертковъ; онъ тоже „за болѣзнью“ книги своей переписи выслалъ въ С.-Петербургъ (2 дек. 1718 г.) съ подьячимъ Яковомъ Зуевомъ [3]) Въ Уржумскомъ и Яранскомъ уѣздахъ, вмѣсто ландрата Ждана Кудрявцева, который былъ отправленъ въ Астрахань „для укрѣпленія судовъ г. кап. кн. Черкасскому“, губернской канцеляріей велѣно было дворы переписать поручику Θедору Змѣеву, который переписныя книги представилъ въ канцелярію сената при доношеніи 11-го окт. 1718 г. [4]).

Григорій Левашевъ книги своей переписи представилъ въ сенатъ 3 окт. 1718 г. [5]). Книги изъ доли ландрата Θедора Нармоцкаго привезъ въ сенатъ (7 ноября 1718 г.). подьячій Григорій Тольскій. Также за болѣзнью муромскаго коменданта Петра Вердеревскаго книги его переписи были присланы въ С.-Петербургъ съ подьячимъ [6]). Изъ доли ландрата Льва Аристова [7]) книги были привезены комисаромъ Никифоромъ Аристовымъ въ ноябрѣ 1718 г.

Въ Пензенской долѣ (Пенза и Мокшанскъ) переписывалъ дворы и людей Θедоръ Змѣевъ; книги доставилъ въ канце-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 93, л. 180, 313, 325—326.

[2]) *А. М. Ю.*, № 106, л. 51.

[3]) По приговору сената велѣно было книги принять, а болѣзнь его, Черткова, осмотрѣть казанскому губернатору (*Тамъ же*, л. 20—22).

[4]) *Тамъ же*, л. 24.

[5]) *А. М. Ю.*, № 106, л. 23; 4 ноября по приговору сената велѣно книги Г. Левашева и Θ. Змѣева принять, а перепищиковъ отпустить въ Казанскую губ. по прежнему (л. 31).

[6]) *Тамъ же*, л. 35—37.

[7]) О немъ въ доношеніи было сказано: „боленъ ногами, цынготною болѣзнью, и отъ той болѣзни и отъ головной ломоты многіе зубы выпадали и ходить невозможно и лежитъ при смерти“ (л. 75).

лярію сената 19 апрѣля 1719 г. Онъ былъ 15-мъ лицомъ, явившимся съ переписнымъ дѣломъ въ С.-Петербургъ изъ Казанской губерніи [1]).

Въ Кіевской губерніи ландратская перепись, начавшись въ 1716 году, подвигалась впередъ медленно. По объясненію (25 февр. 1718 г.) кіевскаго губернатора Д. Голицына, замедленіе произошло оттого, что „ландраты и переписщики многіе по присылкамъ изъ Курска отъ полк. Головкина, также и комисары и бурмистры съ подьячими забраны въ Курскъ, и за такимъ случаемъ въ переписномъ дѣлѣ“ произошла „остановка“ [2]).

---

[1]) *Тамъ же*, л. 128—135, 140. Изъ Свіяжска пріѣзжалъ переписщикъ Петръ Левинъ; изъ Арзамаса ландратъ Степанъ Кирѣевъ; изъ Алатыря вмѣсто ландрата Іоны Новосильцева книги были присланы съ подьячимъ (л. 88, 139, 148).

Въ янв. 1719 г. на запросъ изъ сената о ландратской переписи казанскій губернаторъ Петръ Салтыковъ отвѣчалъ, что по указамъ въ той губерніи „въ городѣхъ кунецкіе люди переписаны и тѣ переписныя книги въ Казань присланы, и оныя книги посылаются при семъ въ канцелярію сената“ по приложенному реестру.

„Реестръ же переписнымъ книгамъ“ слѣдующій. „Казань: переписи комисара Афанасья Кроткова, который переписывалъ въ деревянномъ городѣ, изъ той книги перечневая выписка и табель; переписи комисара Өедора Есипова, который переписывалъ за деревяннымъ городомъ, изъ той книги учиненная табель. Казанскихъ пригородовъ: Тетюшъ, Лаишева, переписи комисара Ивана Куроѣдова.

Изъ доль ландратскихъ: города Чебоксаръ переписи Андрея Палелогова, изъ той книги перечневая выписка и табель; г. Кузьмодемьянска переписи съ приписью подьячаго Егора Воробьева, изъ книги учиненная табель; г. Цывильска переписи той доли комисара Василья Перепечина, изъ нея учиненная табель; изъ Уржумской доли: городовъ Царевококшайска, Уржума, Яренска, Царевосанчурска, переписи Ивана Аникіева; Симбирска переписи кн. Ивана Болховскаго, изъ нея перечневая выписка и табель половины г. Симбирска.

Изъ городовъ: изъ Астрахани переписи капитана Аники Арсентьева, изъ нея учиненная табель; Саратова переписи дворянина Якова Хаврина, тѣ-же книги за закрѣпою по листамъ стольника Дмитрія Бахметева; Самары переписи Василья Могутова, изъ книгъ учиненная табель; Сызрани и Кашира переписи Никиты Чирикова; съ Уфы переписи оберъ-коменданта Ивана Бахметева, изъ нихъ учиненная табель.

А изъ прочихъ мѣстъ, а именно: изъ Симбирска и Свіяжска, изъ Саранска, съ Пензы ландраты и другіе управители отвѣтствовали, что тѣ переписныя книги посланы отъ нихъ въ канцелярію прав. сената, и у другихъ приняты, и въ томъ присланы въ Казанскую губ. указы“ (*Тамъ же*, л. 163—165).

[2]) *А. М. Ю.*, № 111, л. 97. Въ болѣе позднемъ (отъ 26 марта 1718 г.) доношеніи изъ Кіевской губ. сверхъ того было прибавлено, что Орловской провинціи ландратъ Высоцкій „удержанъ былъ въ Курскѣ у г. полк. Головкина и взятъ въ Москву и въ Орловскую провинцію и понынѣ не бывалъ и переписного дѣла оканчивать не починалъ“ (№ 523. л. 136).

Лишь въ 1720 году ландраты и перепищики стали высылаться съ книгами въ канцелярію сената. Въ Бѣлгородской провинціи города: Бѣлгородъ, Болоховецъ, Карповъ, Хотмышскъ, Полатовъ, Алешню съ уѣздами переписывалъ ландратъ той провинціи Никита Вепрейскій, книги своей переписи отправилъ въ С.-Петербургъ съ подьячими [1]).

Въ Карачевской провинціи перепись производилъ ландратъ Егоръ Неплюевъ, книги его переписи по Карачеву и Кромамъ представилъ въ сенатъ 11 марта 1720 г. комисаръ Василій Рагозинъ [2]).

Въ Старооскольской провинціи переписывалъ въ 1718 г. дворы, а въ нихъ „церковнаго и приказнаго чина людей, однодворцевъ и помѣщиковъ и крестьянъ и въ помѣщиковыхъ дворѣхъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей, шведовъ и поляковъ, старыхъ и вновь поселенныхъ черкасъ и наемныхъ работниковъ“ ландратъ Илья Чириковъ и книги Стараго Оскола, Корочи, Салтова и Нижегольска привезъ въ сенатъ въ маѣ 1720 г. [3]).

Въ Брянской провинціи, въ г. Брянскѣ и Трубчевскѣ переписывалъ дворы и людей съ октября 1717 г. по 1720 годъ ландратъ Андрей Юшковъ. Въ 1719 году книги переписныя были забраны въ его отсутствіе посланнымъ изъ Кіева изъ губернской канцеляріи офицеромъ Алексѣемъ Кленовымъ; лишь въ февралѣ 1720 г. книги тѣ были обратно присланы къ Юшкову; съ ними онъ и явился въ іюнѣ того же года въ канцелярію сената [4]).

Книги Сѣвска и Рыльска въ октябрѣ 1720 г. были посланы съ рыльскимъ помѣщикомъ Герасимомъ Артюшковымъ

---

[1]) *Тамъ же*, № 111, л. 102 (въ 1718 г. Вепрейскій былъ опредѣленъ въ ту провинцію ландратомъ кіевскимъ губернаторомъ).

[2]) *А. М. Ю.*, № 114, л. 479.

[3]) Чириковъ въ канцеляріи сената сообщилъ: назначенъ онъ въ ту провинцію ландратомъ въ 1716 г., и „велѣно ему, принявъ у перепищиковъ въ Старомъ Осколѣ у В. Давыдова, въ Нижегольску и въ Салтовѣ у Е. Неплюева, въ Корочѣ у Ивана Юрасова переписныя ихъ книги“, по нимъ пустоту и наличныхъ людей „освидѣтельствовать и переписать въ истину“, что онъ и произвелъ (№ 114, л. 491—497).

[4]) *А. М. Ю.*, № 114, л. 507—516. Итоги его переписи въ книгахъ были сравнены съ цыфрами переп. книгъ 186, 710 и 714 годовъ.

да съ подьячими, которые по дорогѣ заболѣли. Самъ Артюшковъ тоже заболѣлъ по прибытіи въ Москву, такъ что пришлось книги тѣ взять комисару Кіевской губ. Мансурову и отправить ихъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ съ солдатомъ Григоріемъ Иваковымъ.

Въ Обоянской провинціи перепись производили ландратъ Василій Кафтыревъ да комисаръ Григорій Спешневъ; но въ 1720 г. они были въ Кіевѣ и о высылкѣ ихъ съ книгами въ С.-Петербургъ шла переписка; позднѣе (въ 1721 г) книги ихъ были высланы съ подьячими [1]).

Въ Ливенской провинціи, по сообщенію изъ Кіевской губернской канцеляріи, велѣно было переписное дѣло закончить царедворцу Василію Давыдову, въ Курской же комисару Бахметеву, но какъ они исполнили это порученье—неизвѣстно [2]).

Въ Азовской губерніи ландратская перепись началась въ 1716 г.; 25 іюля того же года вице-губернаторъ С. Колычевъ доносилъ сенату, что указы о переписи по городамъ разосланы, на что вскорѣ „ландраты и отвѣтствовали, что переписываютъ“ [3]). По другимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что перепись дворовъ, начавшись въ 1716 г., продолжалась въ 1717 и въ 1718 гг.; присылка же книгъ въ канцелярію сената падаетъ на 1718, 1719 и 1720 гг.

Перепись производили: въ Козловѣ съ уѣздомъ и съ пригородками: Бѣльскимъ и Челнавскимъ ландратъ полк. Өедоръ Скобельцынъ, представившій книги своей переписи въ С.-Петербургъ въ январѣ 1718 г.; въ Добромъ, Сокольскѣ, Романовѣ и Бѣлоколодкѣ ландратъ Иванъ Москотиньевъ, пославшій въ февралѣ книги съ комисаромъ Осипомъ Засѣцкимъ; въ Воронежѣ, Усмани, Демшанскѣ и Орловѣ ландратъ Никита Полтевъ, явившійся въ сенатъ 15 сент. 1718 года; въ Скопинѣ, Данковѣ и Лебедяни ландратъ Өедоръ Ляпуновъ, представившій съ комисаромъ Иваномъ

---

[1]) *Тамъ же*, л. 517, 520, 527.
[2]) *А. М. Ю.*, № 523, л. 136; № 111, л. 97.
[3]) *Тамъ же*, № 63, л. 951.

Домогацкимъ книги въ сентябрѣ же мѣсяцѣ; въ Тамбовѣ ландратъ Сытинъ и комисары Василій Крюковъ да Савва Ознобишинъ, книги были привезены послѣднимъ въ сенатъ 20-го сентября 1718 г.; въ Ельцѣ, Ефремовѣ и Талецкомъ— ландратъ Григорій Наумовъ, представившій книги 5 декабря того же года; въ Темниковѣ, Кадомѣ и Касимовѣ—ландратъ Матвѣй Колычевъ и комисаръ Иванъ Антоновъ, а книги были присланы съ ландратомъ Степаномъ Крюковымъ въ мартѣ 1719 г.; въ Ряжскѣ и Сапожкѣ—ландратъ Тимофей Кутузовъ, представившій книги въ 1719 г.; въ Керенскѣ, Красной Слободѣ, Норовчатѣ и Троицкомъ Острогѣ—ландратъ подполк. Андрей Чихачевъ, представившій книги въ маѣ 1720 г.; въ Шацкомъ уѣздѣ сначала Иванъ Мякининъ, а позднѣе новый ландратъ Иванъ Нестеровъ; въ Усердѣ и Верхососенскѣ и другихъ городахъ Валуйской доли ландратъ той доли, пославшій книги въ сенатъ съ подьячими въ томъ же 1720 г.; въ Урывѣ, Ольшанскѣ и Костенскѣ [1]) комисаръ Григорій Батуринъ, пославшій книги въ 1721 г., и наконецъ въ Нижнемъ и Верхнемъ Ломовахъ и въ Инсарѣ ландратъ Кириллъ Хрущовъ, комисаръ Андрей Катковъ, а позднѣе полк. и ландратъ Михаилъ Богдановъ, книгъ до 1720 г. не представившій въ виду того, что былъ въ октябрѣ 1719 г. опредѣленъ къ дѣламъ губернской канцеляріи на Воронежѣ [2]).

Каковы были результаты ландратской переписи въ Азовской губ., объ этомъ имѣются лишь краткія свѣдѣнія, а именно: въ Козловѣ съ уѣздомъ по переписи Ѳ. Скобельцына оказалось въ 1716 г. на лицо служилыхъ и всякихъ чиновъ жителей 3.375 дв., посадскихъ 104, крестьянскихъ 18, всего 3.497, въ нихъ людей было м. п. 10.800, ж. п. 11.965, тогда какъ по переписи 1710 г. было 7033 дв.

---

[1]) Въ доношеніи Степана Колычева сообщалось: въ Урывѣ, Ольшанскѣ и Костенскѣ „посаду, крестьянъ и бобылей, кромѣ служилаго чина людей, ни по единому двору нѣтъ, а служилаго чина 716 г. переписныя книги посылать или нѣтъ, того въ указахъ Е. Ц. В. не написано, и для того оныхъ городовъ переп. книги въ С.-Петербургъ и не посланы“ (*А. М. Ю.*, № 68, л. 99).

[2]) *Тамъ же*, л. 28—101.

да 66 избенокъ (въ томъ числѣ 143 дв. посадскихъ и 18 крестьянскихъ), съ населеніемъ м. п. 31.337, ж. п. 32.872 чел.; значитъ убыль была громадна, она составляла 3.536 дв., м. п. 20.537, ж. п. 20.907 чел. Убыль объяснялась такимъ путемъ: „померло, бѣжало и взяты въ солдаты и постриглись и въ полонъ взяты" [1]).

Обнаружена была значительная убыль также и въ долѣ ландрата Ивана Москотиньева, по переписи котораго насчитано было 2.447 дв., тогда какъ въ 1710 г. было 4.406 дв., значитъ убыло 1959 дв., изъ которыхъ обитатели бѣжали, померли, сошли въ другія мѣста, взяты въ солдаты и на работы, захвачены въ полонъ.

На Ельцѣ въ городѣ и въ уѣздѣ всякихъ чиновъ людей по перепискѣ 1716 г. оказалось 4.119, въ нихъ людей м. п. 11.938 чел., въ томъ числѣ посадскихъ 326 дв., м. п. 1.049, крестьянъ 1.192 дв., м. п. 4.045. Въ Ефремовѣ — 911 дв., въ нихъ людей м. п. 2270. Въ Талецкомъ—55 дв., въ нихъ людей м. п. 93 чел. Сколько было въ 1710 г. — въ выпискѣ сенатской не показано [2]).

О томъ, какъ происходила перепись въ Сибирской губерніи, свѣдѣній нѣтъ. Не смотря на то, что указы о производствѣ переписи въ ту губернію аккуратно посылались и неоднократно предписывалось ландратовъ [3]) высылать съ пере-

---

[1]) Убыль нѣсколько ослаблялась тѣмъ, что указана была сверхъ того прибыль: посадскихъ 3 дв. и 3 избенки, да „родились послѣ переписи 710 г. разныхъ чиновъ у людей дѣтей м. п. 517, ж. 520, итого обоихъ половъ 1037 чел.". Затѣмъ занесена въ перепись Ранибургская вотчина свѣтлѣйшаго князя (Меншикова), въ которой въ 1710 г. переписи не было; въ ней оказалось на лицо 405 дв., людей м. п. 709, ж. п. 820 чел. (*А. М. Ю.*, № 68, л. 33—39).

[2]) Можно было бы знать число дворовъ и по г. Лебедяни, такъ какъ по этому городу сохранилась переп. книга 1716 г. переписи ландрата Ѳедора Ляпунова. По этому поводу слѣдуетъ указать, что въ „Описаніи" М. А. М. Ю., въ кн. I, II и V среди переписныхъ книгъ указаны слѣдующія книги ландратскія: по гор. Алешнѣ—№ 2976, г. Бѣлому—№ 3484, Бѣжецку—№ 3483, Костромѣ—№ 1129—1132, Лебедяни—№ 3165, Сольвычегодску—3380, 3381, Хлынову—№ 3427—3429. Ср. указанія на переписныя книги 1720—1723 гг.: по Ахтыркѣ—№ 3482, по Доброму—№ 3486, по Новому Осколу—№ 3494—3496, по Слободскому (пригороду Вятки)—№ 3344, 3499, по Хлынову—№ 3430, по Яренску—№ 3505.

[3]) Въ сенатской выпискѣ по вѣдомости комисара Мисюрина (отъ 15 сент.

писными книгами въ С.-Петербургъ „безъ всякаго отлагательства съ поспѣшеніемъ“, изъ Сибирской губерніи обычно на указы не отвѣчали и ландратовъ не высылали. Лишь иногда до сената доходили отрывочныя и случайныя свѣдѣнія о переписи. Такъ вятскій воевода Чаадаевъ (8 іюня 1720 г.) писалъ: „По прибытіи моемъ на Вятку ландратовъ, которые были при переписи въ той провинціи не явилось, а были переписщики-ландраты: на Вяткѣ кн. Яковъ Вяземской, Иванъ Кологривовъ, въ Кунгурѣ ландратъ Борисъ Еварлаковъ, комендантъ Ларіонъ Синявинъ; а куда они съ переписными книгами изъ провинціи Вятской съѣхали, про то на Вяткѣ въ канцеляріи невѣдомо. А въ Кай-Городкѣ переписщиковъ съ 710 г. не бывало“ [1]).

Чтобы яснѣе представить результаты переписи ландратской, сведу цыфровыя данныя въ таблицы по тѣмъ губерніямъ, по которымъ такихъ данныхъ болѣе или менѣе значительное число. Начну съ Архангелогородской губерніи.

1718 г.) показано, что въ Сибирской губ. ландратами состояли слѣдующія лица: Петръ Васильевъ Коноплинъ, Микула Петровъ Грековъ, Иванъ Васильевъ Ракитинъ, Михайла Юрьевъ Телепневъ, Иванъ Мироновъ Кологривовъ, Степанъ Ѳедоровъ Загряжской, Данила Андреевъ Кутузовъ; въ другой выпискѣ (отъ февраля 1717 г.) сверхъ того названы: Митрофанъ Ивановъ Воронцовъ-Вельяминовъ, Борисъ Васильевъ Еверлаковъ (*А. М. Ю.*, № 155, л. 1135, 345).

[1]) *Тамъ же*, л. 1156. Ср. сообщеніе о томъ, что въ Сибирской губ. у отправленія переписныхъ дѣлъ былъ дьякъ Лукьянъ Волковъ, а нынѣ (1716 г.) умре, на его мѣсто другой надобенъ (Докл. и приг., VI, кн. I, 483).

По поводу доношенія Чаадаева въ сенатской выпискѣ сообщается, что указы о производствѣ переписи въ Сибирскую губ. своевременно были посланы, а также отправленъ былъ указъ 25 сент. 1717 г. о высылкѣ ландратовъ съ переписными книгами, „да въ подтвержденіе (его) 4 указа посланы-жъ“. „И по тѣмъ указамъ, сообщается дальше, изъ Тобольска и изъ прочихъ сибирскихъ городовъ ландраты съ переп. книгами и съ перечневыми выписками и съ табельми генв. по 11 число нынѣшняго 720 г. не явились“. Хотя въ янв. 1720 г. былъ посланъ указъ о высылкѣ „ландратовъ скованныхъ“, но до іюля мѣсяца „изо всей Сибирской губ. и изъ провинціи Соликамской ландраты съ переп. книгами въ сенатъ не были высланы“. Въ декабрѣ 1720 г. снова было отдано распоряженіе: ландратовъ Сибирской губ. „выслать въ С.-Петербургъ немедленно“, но и оно никакого результата не имѣло“ (*А. М. Ю.*, № 155, л. 1157—1160).

Архангелогородская губернія.	1715		1710	
	дворовъ.	людей.	дворовъ.	людей.
Важская доля	4.883	16.218	5.539	14.256
Вологодская 1-ая	7.232	23.828	6.331	24.958
Вологодская 2-ая	7.059	21.941	6.492	24.984
Галицкая	5.944	17.577	6.144	16.972
Двинская:				
1—Двинской уѣздъ	3.623	—	3.487	—
2—Кеврольскій уѣздъ	1.196	—	1.216	—
3—Мезенскій уѣздъ	967	—	966	—
Унженская	3.566	9.417	4.651	13.869
Устюжская	5.603	22.036	6.454	25.255
Итого	40.613	111.017	41.280	120.294

С.-Петербургская губернія.	1715		1710	
	дворовъ.	людей.	дворовъ.	людей.
Гдовскій уѣздъ	369	3.102	249	1.803
Кобыльскій уѣздъ	137	1.194	85	762
Ржевскій уѣздъ	4.349	—	3.905	—
Романовскій уѣздъ	3.432	12.426	3.436	13.471
Тверской уѣздъ	5.807	24.844	4.933	18.304
Углицкій „	4.827	32.567	4.164	19.089
Итого	18.921	74.133	16.772	53.429

Московская губернія.	1715		1678	
	дворовъ.	людей.	дворовъ.	людей.
Алексинскій уѣздъ	3.405	24.779	3.345	15.754
Владимірскій уѣздъ:				
1—доля Ухтомскаго	2.931	—	3.709	—
2— „ Волконскаго	2.194	—	2.813	—
3— „ Квашнина	3.316	12.960	4.837	17.679
Дмитровскій уѣздъ	1.677	7.963	1.505	5.802
Калужская доля	11.595	56.145	7.348	20.737
Костромской уѣздъ:				
1—доля Тимирязева	3.604	—	6.289	—
2— „ Кругликова	3.601	11.002	6.185	11.208
Московскій уѣздъ:				
1—Куневская волость	519	—	285	—
2—доля Шетнева	1.497	—	1.101	—
Переяславль-Залѣсскій уѣздъ	2.785	—	3.282	—
Пронская доля	3.399	19.479	4.699	21.118
Ростовскій уѣздъ	8.368	28.482	8.171	27.774
Суздаль:				
1—доля Башковскаго	1.986	—	3.473	—
2— „ Огарева	4.341	19.879	5.420	18.370
Тульская доля:				
1—Тула	3.117	—	3.141	—
2—Венева	1.295	—	1.295	—
3—Епифань	1.704	—	1.570	—
Юрьева-Польскаго уѣзда	4.525	—	5.399	—
Итого	65.859	180.689	73.867	138.442

Итакъ, судя по вышеприведеннымъ даннымъ, въ Архангелогородской губерніи населеніе продолжаетъ убывать и со времени переписи 1710 года, но зато въ С.-Петербургской губ., вопреки жалобамъ и неоднократнымъ доношеніямъ въ сенатъ мѣстной администраціи той губерніи, число дворовъ увеличивается, а населеніе растетъ еще въ большей пропорціи, чѣмъ дворы, такъ что прибыль С.-Петербургской губерніи съ избыткомъ покрываетъ убыль губерніи Архангелогородской. То же самое замѣчается и въ губерніи Московской: убыль въ дворахъ сравнительно съ переписью 186 г. составляетъ, правда, почти 11%, но зато населеніе тамъ, гдѣ можно прослѣдить его судьбу, не только не убываетъ, но еще значительно возрастаетъ (примѣрно на 31%), такъ что въ общемъ по 3 названнымъ губерніямъ перепись ландратская показала сравнительно съ переписью 1710 года прибыль, небольшую въ числѣ дворовъ, болѣе значительную въ количествѣ населенія.

Благодаря этому сообщенія мѣстныхъ властей и частныхъ лицъ о томъ, что „пустота", открытая переписными книгами 1710 года, въ ближайшіе годы увеличивалась (составивъ [1]) къ 1715—1716 гг. болѣе 10% количества дворовъ, насчитанныхъ этой переписью), надо признать фактически невѣрными; „пустоту" преувеличивали: она была мѣстной, къ тому же часто фиктивной. Въ этомъ случаѣ ближе къ истинѣ былъ Петръ, который, имѣя, очевидно, въ виду все населеніе Россіи, заявлялъ, что „пустоты нѣтъ" [2]).

Затѣмъ слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что ландратскія книги вскрыли одну характерную черту, связанную съ подворнымъ обложеніемъ: во многихъ уѣздахъ число дворовъ увеличивалось въ меньшей степени, чѣмъ количество населенія (напр., въ Алексинскомъ у., Калужскомъ); случа-

---

[1]) См. объ этомъ выше стр. 83. Слѣдуетъ отмѣтить, что прибыль, обнаруженная ландратской переписью, должна быть отнесена частью на новыя группы населенія, захваченныя переписью.

[2]) Губернаторъ Нарышкинъ въ 1719 году писалъ: „Требуютъ отъ насъ подлиннаго извѣстія, гдѣ именно и чья пустота и зачѣмъ доимка не выбрана, о чемъ отъ Его Царскаго Величества о вышеписанной пустотѣ и о доимкѣ изустно я слышалъ, что пустоты нѣтъ, и о той пустотѣ и о доимкѣ взять бы ясные отвѣты" (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 41, л. 579).

лось даже, что число дворовъ уменьшалось, а число людей возрастало, какъ напр., въ Суздальской провинціи въ долѣ ландрата Огарева. Замѣчательно также, что подобные случаи стали извѣстны отъ ландратовъ, являвшихся въ сенатъ въ 1718 году.

Правительство, получая свѣдѣнія о результатахъ ландратской переписи, могло приходить къ двумъ слѣдующимъ выводамъ: во первыхъ, къ тому, что новая перепись, предпринятая въ цѣляхъ исправленія неблагопріятныхъ результатовъ переписи 1710 года, какого либо значительнаго увеличенія окладныхъ единицъ съ собою не несла, а иногда, наоборотъ, показывала въ своихъ итогахъ дальнѣйшее уменьшеніе дворовъ, а потому она была такъ же непріемлема, какъ и перепись 1710 года; во вторыхъ: разъ населеніе, увеличиваясь, тѣмъ не менѣе оставалось жить въ прежнемъ числѣ дворовъ, то значитъ слѣдуетъ произвести какую-то реформу въ обложеніи, чтобы ближе встать къ плательщику и не давать возможности тяглому человѣку скрываться отъ несенія податной повинности или облегчать ее разными способами. Отсюда естественно долженъ быть поставленъ вопросъ о коренной реформѣ всей системы обложенія. Къ этому вопросу и нужно перейти.

Но чтобы закончить разсмотрѣніе ландратской переписи, остановлюсь еще на слѣдующемъ: имѣла ли какое-либо практическое значеніе эта перепись. Однимъ изъ первыхъ упоминаніемъ о ландратской переписи въ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся сборовъ, было указаніе на „нынѣшнюю переписку“ въ приговорѣ сената 31 декабря 1716 г. Здѣсь сенатъ по поводу сбора полтинныхъ денегъ требовалъ отъ губернской администраціи составленія списковъ, въ которыхъ должны быть свѣдѣнія о томъ, „что по нынѣшней перепискѣ за ними (помѣщиками) на лицо и съ тѣхъ ихъ крестьянскихъ дворовъ положеннаго полтиннаго сбору 713 г. что тѣхъ денегъ во взятьи и затѣмъ, что на комъ донять и та доимка отчего запущена“ [1]). Сенатъ, ви-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 37, л. 1009.

димо, предполагалъ, что полтинный сборъ, наложенный по переписнымъ книгамъ 186 г., взимался „по нынѣшней переписке“ тамъ, гдѣ она закончилась.

Что переписныя ландратскія книги на мѣстахъ тотчасъ же послѣ ихъ составленія служили основаніемъ для сборовъ, на это есть нѣсколько отдѣльныхъ указаній. Такъ въ доношеніи костромского ландрата Саввы Тимирязева (22 марта 1718 г.) сообщается, что онъ собиралъ провіантскія деньги „по переписной книгѣ“, повидимому, имъ самимъ составленной въ 1716 году [1]). Вятскій комисаръ Иванъ Тряпицынъ при разспросѣ въ канцеляріи сената (въ 1720 г.) „сказалъ: вышеписанныя де деньги на канальное дѣло сбираны по перепискѣ 717 года“ [2]). О значеніи ландратскихъ книгъ при обложеніи говоритъ слѣдующее доношеніе сенату изъ камеръ-коллегіи (30 марта 1721): „Въ камеръ-коллегіи надлежитъ быть вѣдомости, что по переписнымъ книгамъ, которыя присланы изъ губерній и изъ провинцій въ сенатъ за кѣмъ написано въ которыхъ уѣздахъ крестьянскихъ дворовъ и въ нихъ людей, понеже въ камеръ-коллегіи многіе просятъ и объявляютъ пустоту, а безъ оныхъ вѣдомостей, что противъ прежнихъ переписныхъ книгъ у кого явилось пустоты и прибылыхъ дворовъ, знать невозможно. Того рода камеръ-коллегія проситъ, дабы повелѣно было оныя переписныя книги изъ сената прислать въ камеръ-коллегію, а по учиненіи изъ оныхъ перечневыхъ выписокъ отосланы будутъ въ сенатъ по прежнему“ [3]).

Если же припомнить, что и переписныя книги 1710 года до опредѣленія генеральнаго были введены въ дѣйствіе мѣст-

---

[1]) *А. М. Ю.*, № 126, л. 746.

[2]) *Тамъ же*, № 155, л. 1139.

[3]) *А. М. Ю.*, № 660, л. 420; переписныя книги при указѣ 21 іюня 1721 г. были отосланы изъ сената въ камеръ-коллегію.

Справки нужны были и для юстицъ-коллегіи, которая доношеніемъ 19 сент. 1720 г. просила сенатъ въ виду спора о крестьянахъ „справиться съ переписными книгами 715 г., которыя въ канцеляріи прав. сената, въ Кашинскомъ, въ Бѣжецкомъ и въ Углицкомъ уѣздахъ крестьяне написаны за Устиньею-ль Васильевой женою Кашинцевой или за мужемъ ея Васильемъ Кашинцевымъ“ (*Тамъ же*, № 191, л, 242). См. выше стр. 410.

ными властями, то можно придти къ выводу, что вѣроятнѣе всего и ландратскія книги при сборахъ съ населенія и отправленіи повинностей играли послѣ ихъ составленія ту же роль, что и переписныя книги за время съ 1710 по 1716 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обзоръ проектовъ податной реформы.

Еще въ концѣ XVII вѣка, если вѣрить сообщенію Невилля, явилась мысль о реформѣ податнаго обложенія. По словамъ этого иностранца, у виднѣйшаго сановника времени правленья царевны Софьи, В. В. Голицына было предположеніе о томъ, чтобы вмѣсто военной службы „обложить населеніе умѣренной подушной податью“ [1]. Предположеніе Голицына, какъ извѣстно, никакого практическаго результата не имѣло.

Мысль о томъ, чтобы измѣнить единицу обложенія и перенести сборы государственные съ числа дворовъ на число населенія, ясно просвѣчивала при производствѣ переписи 1710 года, которая требовала регистраціи не только лицъ мужского пола, но и женскаго, съ показаніемъ при томъ возраста каждаго лица, что могло пригодиться при распредѣленіи населенія на двѣ или больше группъ по степени ихъ работоспособности.

Что при переписи было обращено серьезное вниманіе на количество населенія, это видно изъ приведеннаго во второй главѣ настоящей книги письма Ѳ. М. Апраксина къ П. Кикину, въ которомъ Апраксинъ настаивалъ, чтобы въ перепись заносили „имянно, что мужска и женска полу и въ ка-

[1]) Невилль, Записки о Московіи 1689 года (Рус. Старина, XI, 265 и 276). Это предположеніе, по Невиллю, находилось у В. В. Голицына въ связи съ реформой военнаго дѣла: «Великій Голицынъ, читаемъ въ запискахъ о Московіи, задался цѣлью учредить порядочное войско, вмѣсто полчищъ изъ крестьянъ, которые, будучи призываемы на войну, оставляютъ свои поля безъ обрабатыванія; вмѣсто этой безполезной для государства службы онъ предполагалъ обложить населеніе умѣренной подушной податью».

ковы лѣта“, придавая „имянной перепискѣ“ особое значеніе и не обращая большого вниманія на то, если „дворового числа хотя кто и утаитъ“. И въ другомъ письмѣ (къ оберъ-коменданту С. Колычеву) Апраксинъ настоятельно требовалъ распорядиться, чтобы перепищики „переписывали вѣрно и того смотрѣли накрѣпко, чтобы не только мужеска полу и женска, но ни единъ младенецъ въ перепискѣ пропущенъ не былъ“ [1]).

Мыслъ о возможности перенести сборы съ дворовъ на населеніе вскорѣ послѣ окончанія переписи 1710 года нашла себѣ частичное практическое примѣненіе въ Азовской губерніи, гдѣ „для лучшей всенародной выгоды“ велѣно было всякіе сборы взимать „съ числа людей, а не съ двороваго числа, а именно: которые по переписи 710 года написаны отъ 10 до 60 лѣтъ и съ числа обоихъ половъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго по 4, итого по 8 человѣкъ, а семьями по 4 семьи во дворъ“ [2]). Въ этомъ случаѣ видно измѣненіе прежней единицы обложенія, дворъ пріобрѣтаетъ фиктивный характеръ, въ него входитъ опредѣленное количество работоспособныхъ лицъ мужского и женскаго пола. Достойно вниманія и то обстоятельство, что къ тяглу привлекаются лица женскаго пола.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ 1710 года, когда правительство начинаетъ задумываться надъ реформой податного обло-

---

[1]) См. объ этомъ выше стр. 32 и 34.

[2]) Приведу мотивированный приговоръ С. Колычева съ ландратами, состоявшійся въ губернской канцеляріи въ сентябрѣ 1715 г. по поводу введенія новой окладной единицы. «По переписи 714 г. тѣхъ означенныхъ сборовъ денежныхъ, сообщалось въ приговорѣ, какъ съ двороваго числа, такъ и съ числа людей сбирать не велѣть, для того что оная перепись учинена для ректутской доимки и по оной денежные доходы сбирать невозможно»: «по оной переписи во дворѣхъ число людей писано неравнымъ образомъ, въ одномъ дворѣ семьи по 3, по 4 и больше, а въ иныхъ дворѣхъ и по одной семьѣ; и ежели съ тѣхъ малолюдныхъ дворовъ всякія подати имать противъ многолюдныхъ равно, и оттого въ которыхъ написано малолюдство, въ платежѣ означенныхъ податей въ народѣ будетъ немалая тягость и разоренье, а паче въ денежныхъ сборѣхъ многая доимка; того ради по исчисленію обоихъ половъ по 4 семьи во дворъ вышеозначенные сборы по раскладкѣ для лучшей всенародной пользы и собрать положены» (*А. М. Ю.*, № 221, л. 764—768).

О введеніи подушнаго сбора см. также въ запискѣ Татищева (Н. Поповъ, Татищевъ и его время, 722).

женья, возникаютъ разнаго рода проекты и предложенія, которые критиковали прежнюю финансовую систему и предлагали произвести въ ней измѣненія. Главнѣйшее измѣненіе касалось единицы обложенія. Съ этой стороны всѣ проекты могутъ быть разбиты на двѣ группы: одни, сохраняя прежнюю единицу обложенья—дворъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагали превратить его въ фиктивную единицу, равную извѣстному количеству семій или лицъ, другіе, упраздняя дворъ, предлагали ввести подушное обложенье, „поголовщину", при которой подати взимались-бы съ количества душъ, занесенныхъ въ перепись.

Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести, напр., доношенія Ивана Филиппова и полковника Юрлова. Филипповъ (его доношеніе относится къ 1715—1718 г.г.) вначалѣ критикуетъ прежній порядокъ. „Переписщики, доносилъ онъ, въ уѣздахъ описываютъ крестьянскіе дворы неравно: у однихъ пишутъ во дворъ крестьянскій человѣкъ по 20 и болѣ, а въ дворцовыхъ и въ патріаршихъ и у другихъ пишутъ во дворъ крестьянскій человѣкъ по 10 и менѣ и числятъ въ переписку дворы, а не людей. И то, видимо, неравная переписка чинится не безъ взятковъ, и оттого происходитъ народу конечное разореніе, потому что уже втретьи переписываютъ, и одни отъ неразумія своего за неправую, лукавую, многолюдную во дворъ переписку передавали многія деньги, а другіе, по написанію малолюдной во дворъ переписки, передъ вышеписанными многолюдными отягчены и разбродятся врознь, понеже и 10 дворовъ малолюдныхъ одного люднаго не стоятъ". „И отъ правежа доимокъ и отъ разныхъ комендантскихъ и приказныхъ людей налогъ изо многихъ селъ и деревень крестьянство разбрелось врознь, и тѣ села и деревни опустѣли и пришли въ сущее разореніе и умножилось разбоевъ и татьбы".

А затѣмъ Филипповъ предлагаетъ способъ, которымъ можно было бы предохранить населеніе отъ тягости и разоренія. „Такая вышеписанная злая и безпорядочная причина, продолжаетъ онъ, весьма можетъ престати потому, ежели отъ Вашего Царскаго Величества повелѣно будетъ дворами не

писать, а написать крестьянство въ крестьянскіе дворы счисленіемъ мужеска и женска пола людей, по скольку семій во дворъ, кромѣ малолѣтнихъ и старыхъ; и оттого никому обиды и тягости излишней не будетъ, а будетъ всѣмъ равность" [1]).

Сравнивая этотъ проектъ съ порядкомъ, утвердившимся въ Азовской губ. послѣ 1710 г., можно видѣть, что Филипповъ по существу ничего новаго не предлагалъ, онъ лишь рекомендовалъ принять въ качествѣ общей единицы обложенія ту, которая была введена въ Азовской губерніи [2]).

Такого же рода проектъ полковника Юрлова, относящійся къ 1718 году [3]). Юрловъ объявилъ свои мнѣнія, клонившіяся „къ прибытку государственному", въ 9 пунктахъ, изъ которыхъ пунктъ первый гласилъ: „О переписке дворовъ крестьянскихъ, ибо переписываютъ въ губерніяхъ дворы неравно, въ большихъ вотчинахъ и у могущихъ людей пишутъ число семій во дворъ переписной больше для боязни и для прислуженія, чтобъ отъ оныхъ получить милость; у тѣхъ же, которые не имѣютъ свободнаго голоса и подарковъ, чѣмъ услужить перепищику, пишутъ число семій малое, и оттого оные подданные бѣгаютъ того ради, что государевыхъ податей противу могущихъ подданныхъ снесть не могутъ, и от-

---

[1]) *Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 95, л. 737—749. Напечатано въ книгѣ Павлова-Сильванскаго (приложенія, № IV, 61—67). О Филипповѣ—у Милюкова, Государ. хозяйство, 416—418.

[2]) Возможно впрочемъ, что И. Филипповъ дошелъ до своего проекта самостоятельно, но и это существа дѣла не мѣняетъ.

[3]) Пункты полк. Юрлова Н. П. Павловъ-Сильванскій (Проекты реформъ, 99), основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ ихъ съ закономъ 1711 г. о комиссаріатѣ и на упоминаніи о производящейся подворной переписи („по всей вѣроятности переписи 1710 г.", какъ предположилъ онъ), отнесъ къ 1710—1711 г.г.

Но ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ ихъ не даетъ къ тому основаній. Указаніе 3-го пункта на „своей губерніи ландрата" уже опредѣляетъ, что время написанія ихъ—не раньше 1714 г., когда фактически введены были ландраты въ губерніяхъ; значитъ сообщеніе о производящейся переписи нужно понять, какъ указаніе на перепись не 1710, а 1715—1719 г.г., когда происходила перепись ландратская. Кромѣ того въ той же самой книгѣ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 39), откуда извлечены эти пункты, имѣется ихъ краткій реестръ съ указаніемъ на содержаніе (л. 229), и на оборотѣ слѣдующаго пустого листа, на половинѣ котораго написанъ реестръ пунктовъ, сдѣлана помѣта: „въ доношеніи 1718 г." А потому всего вѣроятнѣе то, что проектъ Юрлова относится къ 1718 году.

того есть немалое государственное разореніе и убытокъ въ податяхъ государственныхъ".

Противъ такого разоренья и убытка Юрловъ предлагаетъ слѣдующую мѣру. „Если, продолжаетъ онъ, соизволитъ Ваше Царское Всемилостивѣйшее Величество взять вѣдомости за подписаніемъ рукъ владѣющихъ [1]) подъ присягою онымъ подданнымъ семьями или душами, сколько кто имѣетъ, а безъ того правда быть не можетъ, ибо присяга есть побужденіе къ правдѣ немалое и въ страхъ приводитъ нечувственныхъ, не толико имѣющихъ знаніе; ежели объявленіе будетъ подданнымъ подлинное, то можетъ быть равно всѣмъ, какъ могущимъ, такъ и неимѣющимъ помощи, и оттого можетъ быть сумма государственная въ полности. А что послѣ оныхъ вѣдомостей убудетъ или прибудетъ, о томъ владѣющимъ рапортовать въ губерніи, а изъ губерній погодно рапортовать гдѣ надлежитъ, и оттого можетъ быть прибытокъ государственный" [2]).

Въ приведенныхъ словахъ не совсѣмъ ясно, предлагаетъ ли авторъ пунктовъ отвергнуть совершенно дворъ, какъ единицу обложенія, или сохранить его, положивъ въ него извѣстное число семей или душъ, чтобы тѣмъ достигнуть равномѣрности обложенья. Но если принять во вниманіе то, что въ слѣдующихъ пунктахъ говорится о „пустыхъ дворахъ", о „дворѣ переписномъ", сколько въ годъ съ него возмется, можно придти къ выводу, что Юрловъ еще не отрѣшился окончательно отъ мысли о подворномъ обложеніи и предлагалъ, повидимому, въ дворахъ исчислять населеніе „семьями или душами", придавая двору фиктивный характеръ.

Къ проектамъ второй группы, говорившимъ о подушномъ обложеніи, относится прежде всего предложеніе (1713 г.)

---

[1]) Эта мысль о необходимости подачи вѣдомостей и сказокъ со стороны самихъ владѣльцевъ высказывалась и раньше. Такъ среди дѣлъ о Московской губерніи отъ 1712 г. встрѣчается пунктъ „о перепискѣ крестьянъ", въ которомъ говорится: „Сказки и именныя росписи и о дворовомъ числѣ подавать самимъ господамъ за своими руками, подъ потеряніемъ всей деревни хотя за одного утаеннаго человѣка, въ чемъ доносители приходить свободны" (*Г. А., Каб. П.*, № 15, л. 1035).

[2]) *Г. А., Каб. П.*, II, № 39, л. 68 и сл.

Өедора Салтыкова, который въ своихъ „Пропозиціяхъ“ предлагалъ ввести подушную подать для посадскихъ людей: „посадскимъ всѣмъ, писалъ онъ, поголовную дань платить по ½ рубля“ [1]).

Но Салтыковъ лишь мимоходомъ указалъ на желательность введенія „поголовной дани“. Гораздо обстоятельнѣе мысль о подушномъ обложеніи развилъ фискалъ Алексѣй Нестеровъ въ доношеніи [2]) „объ уравнительномъ платежѣ“, которое было представлено Государю въ концѣ 1714 года.

По словамъ А. Нестерова, при переписяхъ и при сборахъ „видное неуравненіе и понаровка есть“: „въ иныхъ губерніяхъ нынѣ явно во дворѣхъ мужеска и женска полу есть душъ по 20 и по 30 и больше, а въ другихъ губерніяхъ во дворѣхъ только по 10 и по 6, и противъ 30-ти онымъ малымъ како можно всякія ваши государевы подати управлять? Ей, Государь, нарядно небоязливые какъ разные дворы сносятъ въ одинъ, такъ и людей многихъ сводятъ въ одинъ дворъ, и тѣхъ при другихъ разныхъ платежей отбываютъ, а богобоязливые и страшливые указовъ В. В-ва остаются съ малыми душами во дворѣхъ и тянутъ и платятъ то же, что многосемейные“. Неуравненіе происходитъ оттого, что многіе помѣщики часто допускаютъ при переписи утайку и разныя неправости.

Но чтобы неуравненіе пресѣчь, по Нестерову, слѣдуетъ, помимо прежнихъ и „нынѣшнихъ неправыхъ переписей“, взять у всѣхъ сказки, сколько за кѣмъ „дворовъ и въ нихъ мужеска и женска полу людей безъ утайки“ („сдѣлать сказками о душахъ“, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ доношенія). „И собравъ изо всѣхъ губерній оное все въ одно мѣсто, оныхъ наличныхъ людей всѣхъ же губерній, выложа изъ нихъ особо таможенные и кабацкіе и другіе оброчные, всегда кромѣ народа надежные, сборы, токмо остаточный, положенный по табелямъ, окладъ расписать, по чему изъ того окладу достанется по расположенію, во всякой губерніи,

---

[1]) Салтыковъ также разработалъ проектъ о подоходномъ налогѣ (объ этомъ см. у Павлова-Сильванскаго, Проекты реформъ, 32).

[2]) Напечатано въ книгѣ Павлова-Сильванскаго, 58—60.

на всякаго человѣка числомъ онаго платежу. И когда, сверхъ онаго табельнаго, понадобятся взять въ службу и въ работу люди и деньги и прочая, что позовется, брать по уравнительному расположенію".

Проектъ А. Нестерова важенъ въ томъ отношеніи, что онъ еще въ 1714 году совершенно опредѣленно говоритъ о новой окладной единицѣ, „душѣ" и затѣмъ также ясно намѣчаетъ путь реформы, которая должна состоять изъ подсчета количества населенія, выясненія суммы сборовъ съ населенія, а частное отъ дѣленія послѣдней на количество душъ опредѣлитъ, сколько слѣдуетъ взимать платежу со всякаго человѣка.

Впрочемъ и въ этомъ проектѣ понятіе „душа" не было точно установлено: подъ душой слѣдовало ли разумѣть всякаго человѣка безотносительно или человѣка работоспособнаго, этотъ вопросъ А. Нестеровымъ разрѣшенъ не былъ.

Менѣе опредѣленъ проектъ какого-то Фурнье (Fournier), относящійся, повидимому, ко времени до введенія подушной подати. Въ предложеніи его говорилось: „Увѣдомясь, что Е. Ц. В-во желаетъ во своихъ владѣніяхъ произвести новое поведеніе (une forme) и славу своего государства въ наилучшіе вѣки распространить, того для я чаялъ, что изъ всѣхъ практикующихъ способовъ налогъ императорскій (le cens imperial), ежели оный за благо и весьма допущенъ усмотрится, то и способнѣе будетъ для исполненія сего хвальнаго и славнаго намѣренія наипаче, что когда оный оснуется, Е. Ц. В-во превратитъ Великую Россію во вторую Францію".

Сущность же проекта сводилась къ слѣдующему. „Дань ежегодная, равная, непреступимая, правая, подъ титломъ налога императорскаго, наложенная и платимая отъ всякаго партикулярнаго подданнаго, всѣ другіе правы низвержа, есть первое подвиженіе сего великаго воспріятія" [1]). Что это за

[1]) Этотъ краткій проектъ подъ заглавіемъ: «Sistème intitulée le cens imperial» имѣется въ русскомъ переводѣ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 90, л. 936—937), по которому мной проектъ и излагается. Въ концѣ его такое замѣчаніе: „Способы сему великому дѣлу остаются, которые г. Фурніеръ (Fournier), ауторъ сего проекта, не хочетъ изъяснить, докамѣстъ Е. Ц. В-во его пропозиціею доволенъ не будетъ и ему не прикажетъ мнѣ оные сообщить".

„налогъ императорскій“, въ предложеніи разъясненія нѣтъ, но указаніе о платежѣ той дани „отъ всякаго партикулярнаго человѣка“ наводитъ на мысль, что здѣсь имѣется въ виду дань личная, сборъ подушный.

Можно еще указать на „предложеніе“ неизвѣстнаго автора, относящееся, всего вѣроятнѣе, къ началу 1719 года [1]). Въ

Этотъ проектъ, по моему предположенію, относится ко времени разработки вопроса о подушной подати. Впрочемъ возможно, что онъ появился позднѣе, тогда, разумѣется, онъ никакого вліянія на возникновеніе подушной подати имѣть не могъ.

Въ такомъ именно родѣ „новый проектъ“, которымъ предлагалось, „ради умноженія приходовъ государственныхъ“, 1) „описать всѣхъ жителей, кромѣ новозавоеванныхъ, не утая ниже единыя души и не обходя никого“, „каждаго своимъ рангомъ, своимъ окладомъ жалованья, своими приходами, промыслами, ремесломъ и художествомъ“; 2) „раздѣлить подлый народъ отъ шляхетства, гражданства, духовнаго чина и прочихъ“, при чемъ „съ народу доведется брать поголовишну“, а „съ прочихъ поголовишну не брать“, а „брать съ чистыхъ приходовъ десятую долю на государя“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 93, л. 167—170).

П. Н. Милюковъ новый проектъ считаетъ „основнымъ источникомъ новыхъ идей о предстоящей податной реформѣ“ (Государ. хозяйство, 416); рядомъ соображеній и сопоставленій онъ приходитъ къ выводу, что „проектъ написанъ въ 1717 г.“ и былъ поданъ Петру вмѣстѣ съ „извѣстіемъ о доходахъ королевства французскаго“ во время пребыванія царя во Франціи (въ 1717 г.).

Что „новый проектъ“ основныя черты предлагаемыхъ мѣръ беретъ изъ „краткаго извѣстія о доходахъ королевства французскаго“ (*Г. А.*, *Каб. П.*, II, № 93, л. 261—266) - это вѣрно, но что упомянутые документы относятся къ 1717 г.—это не совсѣмъ такъ. Въ концѣ извѣстія читаемъ: „Всякая ливра французская числилась прежде сего русскими деньгами въ 30 коп., и то было во время умершаго короля, а 1719 и 20 году пропалъ кредитъ, за многими банкротіерами и непорядками пришла ливра французская въ 12 и даже до 8 коп. Сего жъ 1722 году въ 20 коп. числится“ (л. 266).

Значитъ „краткое извѣстіе“ и „новый проектъ“ нужно отнести не къ 1717, а къ 1722 году. А потому, очевидно, „новый проектъ“ никоимъ образомъ не могъ быть „основнымъ источникомъ новыхъ идей о предстоящей податной реформѣ“.

[1]) Въ Государственномъ Архивѣ имѣются 3 списка «предложенія»: 1) полный (*Каб. П.*, II, № 45, л. 33—43), 2) съ нѣкоторыми сокращеніями (л. 44—50) и 3) еще болѣе краткій (№ 90, л. 932—934). П. Н. Милюковъ, относя «предложеніе» ко времени до подушной переписи, дѣлаетъ указанія на всѣ три списка, но пользуется послѣднимъ (Государ. хозяйство, 418), изъ котораго выброшены всѣ обращенія автора къ Государю и «предложенію» приданъ безличный характеръ. Первый же списокъ имѣетъ форму всеподданнѣйшаго доношенія и начинается такъ: «Милостивый царь, Государь, припадая къ ногамъ вашимъ, послѣдній рабъ вашъ»... Очевидно, этотъ списокъ долженъ ближе другихъ подходить къ оригиналу. Содержаніе этого списка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что «рабское изъявленіе» было подано Государю въ концѣ 1718 г. или началѣ 1719, такъ какъ авторъ его уже знаетъ о начавшейся подушной переписи. Чтобы это ясно видно было, приведу точно начало предложенія и то мѣсто, гдѣ говорится о подушномъ сборѣ.

немъ доноситель предлагалъ: „собравъ всѣ поборы въ одну сумму, положить со всякой персоны отъ рожденья даже и до старости, напримѣръ, по 25 алтынъ и потому всякій работникъ и за такихъ съ себя полтора рубля заплатить въ годъ можетъ". Въ этомъ предложеніи достойно вниманія то, что рекомендуется установить сборъ со всякой души мужескаго пола безъ различія въ лѣтахъ.

Изъ краткаго обзора проектовъ видно, что составители ихъ, стремясь съ одной стороны къ прибытку государственному, къ увеличенію государевой казны или по меньшей мѣрѣ къ тому, чтобы сборы взимались бездоимочно, съ другой, желая равномѣрно разложить на населеніе податныя тягости, предлагали измѣнить окладную единицу, настойчивѣе всего указывая на необходимость введенія подушной подати. Доносителями были подсказаны слѣдующія черты,

---

«Милостивый царь, Государь, припадая къ ногамъ вашимъ, послѣдній рабъ вашъ, предъявляя сіе наше рабское изъявленіе предъ высокое лице ваше, которое можетъ учинить царственный прибытокъ и всенародную охранительную правду, отчего можетъ по сему извѣстію, кромѣ милости къ народу и отлученія въ воровствѣ и бѣгствѣ, сбираться на годъ новоположенныхъ денегъ не мало, також и всякая подать всегда безъ доимки сбираться будетъ, о чемъ мы нынѣ милостивѣйшимъ указомъ, Государь, вашимъ нѣчто слышимъ (и къ тому еще милости просимъ), что повелѣно всѣмъ помѣщикамъ писать крестьянъ своихъ всѣхъ на лицо, а не подворно и въ томъ сравненіе всенародное явно покажетъ.

Токмо нужно отлучить, премилостивѣйшій царь, Государь, междоусобныя при томъ обиды, что многіе межъ себя чужихъ держатъ, и ежели повелишь при сихъ переписяхъ во оныхъ сказкахъ и о чужихъ подтвержденіе положить, какъ объ утайкѣ людей, и тѣмъ можетъ престать въ народѣ у многихъ обида...

Такожъ и о податяхъ, всемилостивѣйшій царь, Государь, предъявляю симъ рабскимъ письмомъ нашимъ, что сбираютъ нынѣ съ двороваго числа, въ коихъ людьми много несравнено бываетъ. А ежели и съ персонъ положишь, коимъ должно быть въ работахъ, и то тому-жъ подобно будетъ, для того, что отъ невѣдѣнія много въ лѣтахъ въ невѣрность и противность придутъ. И въ томъ какъ мы сами своихъ подданныхъ отъ всѣхъ лѣтъ половину изъ нихъ работниковъ себѣ видимъ, въ чемъ тебѣ, премилостивому Государю, впредь о томъ будетъ явно. И ежели, всемилостивый царь, Государь, повелишь положить, собравъ всѣ поборы въ одну сумму»... Далѣе предлагается особый порядокъ сбора подушныхъ денегъ.

Отсюда ясно, что этотъ проектъ могъ повліять не на возникновеніе самого указа о производствѣ подушной переписи, а лишь на установленіе способа исчисленія окладныхъ единицъ и порядка сбора, Милюковъ же, пользуясь 3-мъ спискомъ «предложенія» и разсматривая его среди проектовъ, повліявшихъ на введеніе подушнаго обложенія, неправильно относитъ его ко времени, предшествующему подушной переписи.

которыя позднѣе были присущи Петровской „ревизіи“: 1) подсчетъ всего наличнаго населенія муж. пола безъ различія возраста; 2) подсчетъ требуемой суммы дохода государственнаго, помимо сборовъ кабацкихъ, таможенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ; 3) опредѣленіе количества сборовъ съ каждаго человѣка путемъ дѣленія суммы доходовъ на число душъ.

Необходимо отмѣтить, что доносители, предлагая крупнѣйшую реформу, вмѣстѣ съ тѣмъ твердо стояли на исторической почвѣ: вводя новую единицу обложенья, они, какъ Нестеровъ, напр., сумму сборовъ оставляли прежней, предлагая ее раздѣлить на новое число окладныхъ единицъ. Въ этомъ случаѣ Нестеровъ выходилъ не изъ соображеній о необходимыхъ расходахъ, что можетъ быть и произвольнымъ, а изъ суммы получаемыхъ доходовъ, что представляется болѣе надежнымъ.

Нельзя доказать, чтобы какимъ либо изъ приведенныхъ выше проектовъ воспользовался Петръ при проведеніи податной реформы. Но можно удостовѣрить, что эти проекты были хорошо ему извѣстны. Такъ на доношеніи полк. Юрлова имѣются отмѣтки крестомъ, которыя обычно дѣлалъ Петръ при чтеніи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливалось его вниманіе. Проектъ неизвѣстнаго автора имѣется въ Кабинетскихъ дѣлахъ въ 3-хъ спискахъ, оригиналъ долженъ быть по меньшей мѣрѣ четвертый; это указываетъ на популярность проекта. Во всякомъ случаѣ обиліе проектовъ, поданныхъ Петру, указываетъ на то, что они отвѣчали назрѣвшей потребности и что мысль о замѣнѣ подворнаго обложенія подушнымъ занимала многіе умы того времени и казалась наиболѣе соотвѣтствующей и пользѣ государственной и частнымъ интересамъ.

Насколько распространено было ожиданіе близкой реформы обложенія въ административныхъ кругахъ, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Въ наказѣ, данномъ въ 1716 году перепищикомъ изъ архангелогородской губернской канцеляріи, говорилось: „перепищикамъ учинить перечни, росписавъ обоего пола людей“ по возрасту „того ради: ежели повелѣно будетъ наложить всякія подати съ головъ обоихъ половъ или

посемейно по опредѣленнымъ лѣтамъ, чтобы къ расположенію обоихъ половъ люди по лѣтамъ тѣми перечнями въ тѣхъ книгахъ были явны".

Итакъ, нужда въ деньгахъ, вызванная войной и возросшими государственными потребностями, заставила правительство изыскивать новые источники дохода и видоизмѣнять прежнюю податную систему. Необходимость реформы настоятельно почувствовалась послѣ переписи 1710 г. Эта перепись обнаружила „пустоту", которая не могла быть исправлена ни частичнымъ, ни общимъ освидѣтельствованіемъ итоговъ переписи. Слѣдовавшая же за ней ландратская перепись уже въ самой организаціи своей таила зародыши неудачи. Къ тому же она на рядѣ яркихъ примѣровъ показала, что населеніе научилось защищаться отъ податныхъ тягостей, укрываясь при своемъ увеличеніи въ прежнихъ дворахъ. Возникаетъ рядъ проектовъ, которые предлагали сбирать подати не по дворамъ, а по душамъ. Въ согласіи съ ними Петръ въ концѣ 1718 года рѣшается окончательно произвести подушную перепись и на ней обосновать государственные сборы.

